ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

[illegible]щенный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ [illegible]росовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по срав[illegible]льному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

[illegible] одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундамен[illegible] библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комите[illegible] Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управле[illegible] Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. [illegible] Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при [illegible]нодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. [illegible] Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году [illegible]у-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный [illegible] за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

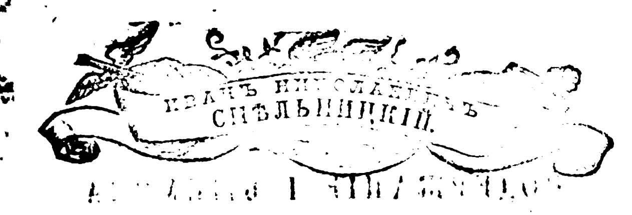
ГОДЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЫПУСКЪ I.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ I ВЫПУСКА.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЫПУСКЪ I.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ I ВЫПУСКА.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"

44-й годъ изд. — въ 1904 году — 44-й годъ изд.

ЖУРНАЛА,

ПОСВЯЩЕННАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННАГО ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Издается безъ предварительной цензуры.

«Филологическія Записки» одобрены и рекомендованы къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній всѣми Вѣдомствами, въ которыя были представлены Редакціей журнала, а именно: 1) Ученымъ Комит. Минист. Народнаго Просвѣщ. для библ. среднихъ и низшихъ учебн. завед., 2) Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед. для библ. кадетскихъ корпусовъ, 3) Совѣтомъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдомства Императрицы Маріи для библ. учебн. завед. сего Вѣдом., 4) Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ для библ. духовныхъ семинарій и училищъ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ для библ. коммерческихъ училищъ. На первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

Журналъ: «Филол. Зап.,» вступая въ 44-й годъ своего существованія и 6-й годъ изданія подъ новой редакціей, будетъ вѣренъ своимъ задачамъ, преслѣдуя цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ,—быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботящимся объ усовершенствованіи методовъ преподаванія русскаго языка и другихъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Страницы журнала: «Филол. Зап.», открыты для каждаго, желающаго высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія родного языка и другихъ предметовъ. Обмѣнъ мыслей между преподавателями въ спеціальномъ печатномъ органѣ по назрѣвшимъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ—великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

Въ 1904 году, по просьбѣ нѣкоторыхъ педагоговъ, будутъ помѣщаться открытые вопросы и отвѣты на нихъ.

Журналъ: «Филол. Зап.», носящій, повидимому, такое спеціальное названіе, по волѣ основателя его,—вполнѣ доступенъ, безусловно полезенъ [illegible] интересенъ по своему содержанію каждому желающему получить нужныя для него научныя свѣдѣнія.

Основанный исключительно съ благою цѣлью—быть полезнымъ органомъ для преподавателей, онъ имѣетъ полное право на сочувствіе и поддержку съ ихъ стороны какъ содѣйствіемъ болѣе широкаго распространенія изданія, такъ и вкладомъ своего труда.

Вѣрная гарантія журнала—*одобреніе и рекомендація* къ пріобрѣтенію «Фил.» З[illegible]п.» въ библ. учебн. зав. высшими учеными учрежденіями разныхъ вѣдомствъ (см. 10 стр.).

Журналъ: «Филол. Зап.», выходитъ **безсрочными выпусками шесть** разъ въ годъ, отъ 8 до 9 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, отъ 16 до 18 листовъ.

ЦѢНА годовому изданію **6** р. безъ пересылки, **7** р. съ перес.,—за границу **8** р. съ пер. Для г.г. преподавателей и преподавательницъ **6** р. съ пер.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и лишней переписки, контора «Фил. Зап.» покорнѣйше проситъ своихъ уважаемыхъ подписчиковъ 1) заявлять о подпискѣ на журналъ возможно раньше, 2) по возможности обращаться съ подпискою прямо въ контору, 3) высылать подписную годовую платѣ полностію—7 р.

Въ конторѣ редакціи имѣются въ продажѣ—

1) «Филол. Записки» за прежніе годы (до 1899 г.),—за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901, 1902, 1903 г.г. 7 р. съ пер. за шесть вып. Желающимъ пріобрѣсти «Фил. Зап.» сразу за нѣсколько лѣтъ дѣлается значительная уступка,—

2) оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ (Каталогъ этихъ брошюръ высылается безплатно);

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ—30 к. съ пер., «Указатель» за слѣдующія 13 лѣтъ 25 к. съ пер., за оба «Указателя» вмѣстѣ 40 к. съ пер.

Условія для книгопродавцевъ: «Филол. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто **9** р. **50** к. за **6** р. **20** к.

съ пер., — за 1899, 1900 и 1901, 1902, 1903 года вмѣсто 7 р. — 6 р. 65 к. съ пер., за границу вмѣсто 8 р. — 7 р. 60 к. съ перес.; за соединенные 2 выпуска 2 р. 20 к. съ пер., брошюры со скидкою 10%.

ПОДПИСКА принимается въ Воронежѣ, въ конторѣ журнала: «Филологическ. Зап.», Старо-Московск. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20-й.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ «Фил. Зап.», слѣдующая: въ концѣ текста за страницу — 10 р., $^1/_2$ стран. — 5 р., $^1/_4$ стран. — 3 р., $^1/_8$ стран. — 2 р. Въ началѣ текста цѣна по соглашенію. За разсылку объявленія въ журн., вѣсомъ не болѣе лота: за одинъ разъ 15 р., за два — 25 р., за три 35 р.

Редакторы*) { С. Н. Прядкинъ, Б. О. Гаазе.

Издательницы-наслѣдницы А. А. Хованскаго.

---

*) Адресы редакторовъ { Сергѣя Никаноровича Прядкина — Халютинская ул., д. № 2/11; Бертрама Оскаровича Гаазе — Верхне-Стрѣлецкая ул., № 18, домъ Рыбиной.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЪ
„Филологическихъ Записокъ".

Вслѣдствіе не разъ возникавшихъ недоразумѣній по поводу заявленій нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ и подписчиковъ, обращающихся непосредственно къ редакторамъ журнала: «Ф. З.», относительно, напр., задержки вып. журнала или оттисковъ авторскихъ статей и пр., мы честь имѣемъ заявить, что вся матеріальная часть по веденію дѣла изданія «Ф. З.» всецѣло принадлежитъ намъ, издательницамъ-наслѣдницамъ основателя «Ф. З.» А. А. Хованскаго.

Всѣ расходы по изданію, какъ-то: уплата за бумагу, печатаніе выпусковъ журнала и оттисковъ статей, брошюровка и почтовый расходъ, пріемъ подписки, разсылка журнала и оттисковъ, условія съ книжными магазинами и редакціями изданій, веденіе редакціонныхъ книгъ, корректура, корреспонденція по изданію журнала и пр.,—все это находится въ вѣдѣніи нашемъ, почему покорнѣйше просимъ съ запросами, требованіями и заявленіями обращаться или въ контору редакціи, или лично къ намъ, издательницамъ, а не къ редакторамъ, отвѣтственнымъ только за содержаніе журнала, его программу и направленіе.

Издательницы-наслѣдницы
А. А. Хованскаго.

Политическая роль античнаго театра.

(Посвящается Ѳ. Ф. Зѣлинскому).

Въ настоящее время можно считать вполнѣ доказаннымъ, что театръ служитъ не только удовлетвореніемъ чисто эстетическихъ требованій его посѣтителей, но также является и весьма надежнымъ средствомъ политической агитаціи въ прямомъ или косвенномъ значеніи этого слова [1]).

Въ первомъ случаѣ пьеса спеціально пишется и ставится на театральные подмостки съ исключительною цѣлью, чтобы съ ихъ высоты провести въ сознаніе театральной публики, а чрезъ ея посредство и всего общества ту или иную политическую доктрину.

Во второмъ случаѣ авторъ можетъ и не задаваться такою нарочитою цѣлью, а, будучи самъ сильно увлеченъ тѣмъ или инымъ политическимъ настроеніемъ, онъ невольно выражаетъ его въ своей пьесѣ, и это настроеніе, въ зависимости отъ большей или меньшей талантливости автора и степени его умѣнія внушать публикѣ свои идеи, можетъ такъ или иначе быть передано публикѣ, и тогда пьеса можетъ стать орудіемъ политической пропаганды даже и помимо опредѣленнаго желанія ея автора.

---

[1]) См. книгу И. И. Иванова, «Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII вѣка». Чрезвычайно важны замѣчанія проф. Н. П. Дашкевича въ разборѣ этой работы, помѣщенномъ въ отчетѣ о III присужденіи премій митрополита Макарія въ 1897 г. (стр. 101—233).

I.

Такая политическая роль театра вовсе не является исключительной особенностью театра новой Европы, унаслѣдовавшаго ее на самомъ дѣлѣ отъ театра античнаго, при чемъ особенно ярко это явленіе обнаружилось въ Римѣ, но и тамъ оно было заимствовано изъ Греціи. Здѣсь умѣстно привести хотя бы слѣдующія слова Геродота [2]): Ἀθηναῖοι μὲν γὰρ δῆλον ἐποίησαν ὑπεραχθεσθέντες τῇ Μιλήτου ἁλώσι τῇ τε ἄλλῃ πολλαχῇ καὶ δὴ καὶ ποιήσαντι Φρυνίχῳ δρᾶμα Μιλήτου ἅλωσιν καὶ διδάξαντι ἐς δάκρυά τε ἔπεσε τὸ θέητρον καὶ ἐζημίωσάν μιν ὡς ἀναμνήσαντα οἰκήια κακὰ χιλίῃσι δραχμῇσι, καὶ ἐπέταξαν μηκέτι μηδένα χρᾶσθαι τούτῳ τῷ δράματι. По поводу этихъ словъ Геродота новѣйшій историкъ греческой литературы W. Christ пишетъ [3]): «es verschwand so allmählich die Politik aus der Tragoedie um später in der Komoedie wieder aufzutauchen». Несмотря на это и въ произведеніяхъ трехъ великихъ трагиковъ есть не мало мѣстъ, которыя обусловливаются не столько поэтическимъ замысломъ поэта, сколько политическимъ настрое-

---

[2]) VI. § 21. «Чрезвычайную скорбь свою по поводу паденія Милета аѳиняне выразили различными способами; между прочимъ, весь театръ залился слезами во время представленія пьесы, составленной Фринихомъ, «Паденіе Милета»; на поэта они наложили пеню въ 1000 драхмъ за напоминаніе о близкихъ имъ несчастіяхъ и запретили кому бы то ни было ставить эту пьесу на сцену» (Мищенко).

[3]) Geschichte d. griech. Litt.[2] p. 209. Anm. 5. «Такимъ образомъ постепенно исчезала политика въ трагедіи съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи снова появиться въ комедіи».

ніемъ гражданина [4]). Сюда, между прочимъ, относится знаменитое предсказаніе тѣни Дарія въ «Персахъ» —Эсхила [5]), желавшаго подчеркнуть заслуги въ битвѣ при Платеяхъ и Пситталеѣ Аристида, который по самому складу своего характера и образу мыслей долженъ былъ быть ему чрезвычайно симпатиченъ [6]).

Ради этого Эсхилъ въ данномъ случаѣ и отступилъ отъ плана своего предшественника Фриниха, въ «Финикіянкахъ» котораго восхваленію подвиговъ Аристида не могло быть мѣста хотя бы потому, что эта пьеса была поставлена на сцену въ 476 г. Өемистокломъ, политическимъ соперникомъ Аристида [7]).

Несомнѣнно политическую окраску имѣетъ и заявленіе старцевъ относительно Аөинъ (Pers. v. 242): «οὔτινος δοῦλοι κέκληνται φωτὸς οὐδ' ὑπήκοοι (ничьими рабами, ничьими подданными они не называются)». Эти слова получаютъ особенный смыслъ, если мы примемъ

---

[4]) В. Бузескулъ. «Введеніе въ исторію Греціи». Харьковъ, 1903 г. Стр. 30.

[5]) v. v. 800 sq.

[6]) См. W. S. Teuffel во введеніи къ изданію: Aeschylos «Perser». 1875. Стр. 29.

[7]) Plut. Themist. 5: «ἐνίκησε δὲ καὶ χορηγῶν τραγῳδοῖς, μεγάλην ἤδη τότε σπουδὴν καὶ φιλοτιμίαν τοῦ ἀγῶνος ἔχοντος, καὶ πίνακα τῆς νίκης ἀνέθηκε τοιαύτην ἐπιγραφὴν ἔχοντα. «Θεμιστοκλῆς Φρεάρριος ἐχορήγει, Φρύνιχος ἐδίδασκεν, Ἀδείμαντος ἦρχεν»». «Одержалъ онъ (Өем.) также побѣду постановкой трагическаго хора, при чемъ уже тогда въ сценическихъ состязаніяхъ проявлялось много усердія и честолюбія, и выставилъ доску съ такою надписью: «Өемистоклъ Фреарріецъ ставилъ хоръ, Фринихъ разучивалъ драму, Адимантъ былъ архонтомъ». (Пер. этого мѣста и друг., безъ обознач. переводч., слѣд. ред. Б. О. Гаазе).

догадку Эмихена [8]) объ отношеніи именно къ «Персамъ» надписи C. I. A. II. 971. Тогда оказывается, что «Персы» были поставлены какъ разъ въ 472 г., при освященіи вновь отстроеннаго театра Діониса, и что ставилъ ихъ на сцену не кто иной, какъ Периклъ, звѣзда котораго тогда только что загоралась на политическомъ небосклонѣ Аѳинъ.

Въ «Эвменидахъ»—Эсхила есть стихи, въ которыхъ можно видѣть опредѣленные намеки и указанія на политическія событія того времени, напримѣръ, на союзъ Аѳинъ съ Аргосомъ, борьбу изъ-за реформы Ареопага [9]).

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что несвободны отъ политическихъ намековъ и трагедіи Софокла, принимавшаго дѣятельное участіе въ общественной жизни своего родного города и входившаго въ составъ комиссіи 10 пробуловъ, какъ это доказалъ P. Foucart [10]), на основаніи одного мѣста «Риторики»—Аристотеля [11]). Здѣсь можно отмѣтить тѣ мѣста трагедіи «Аякса», гдѣ указывается на основаніе Саламина [12]), на дружественныя отношенія къ острову Делосу [13]) и на враждебное отношеніе къ Спартѣ [14]), и слова Тев-

---

[8]) Sitzb. d. b. Akad. 1889. II, 142.

[9]) В. Бузескулъ. «Введеніе», стр. 30. «Aeschylos' Eumeniden» griech. u. deutsch. K. O. Müller. Götting. 1833 Oncken. «Athen und Hellas». Leip. I. 1865.

[10]) Le poète Sophocle et l' oligarchie des quatre cents. Revue de philologie 1893. XVII pp. 1—10.

[11]) Rhet. III, 18.

[12]) Aias. 1019 cp. Vel. Pater. I. 1.

[13]) v. v. 703—705.

[14]) v. 1102.

кра: «Σπάρτης ἀνάσσων ἦλθες, οὐχ ἡμῶν κρατῶν» [15]), обращенныя къ Менелаю, были для аѳинянъ, по справедливому замѣчанію W. Christ'a [16]), «Sirenenmusik» (чарующей музыкой сиренъ). Изъ другихъ пьесъ Софокла можно указать на «Эдипа въ Колонѣ», гдѣ неоднократно [17]) встрѣчаются указанія на побѣду аѳинянъ у гроба Эдипа. На ряду съ этимъ Эдипъ, а, стало быть, и самъ Софоклъ его устами, не пропускаетъ случая подчеркнуть, что Аѳины отличаются отъ всѣхъ другихъ городовъ преимущественнымъ благочестіемъ [18]), что это городъ, «δίκαια ἀσκοῦσα κἄνευ νόμου κραίνουσα οὐδέν» [19]). Вполнѣ естественно поэтому, что уже древніе обратили вниманіе на политическій характеръ этой пьесы. Схоліастъ по поводу стиха 457 писалъ: «χρησμὸς ἦν, ὡς, εἰ Ἀθηναῖοι τοῦ τάφου αὐτοῦ ἐγκρατεῖς γένωνται, ἔσοιτο αὐτοῖς ποτε σωτὴρ πολιορκουμένοις ὑπὸ τῶν Θηβαίων εἴτε κατὰ Πελοποννησιακὸν πόλεμον εἴτε καθ᾽ἕτερον. ταῦτα δὲ εἰκὸς ποιητικώτερον ὑπὸ τοῦ Σοφοκλέους πεπλάσθαι ἐπὶ θεραπείᾳ τῶν Ἀθηναίων. πολλαχοῦ δὲ οἱ τραγικοὶ χαρίζονται ταῖς πατρίσιν ἔνια» [20]). И мы знаемъ, что въ сознаніи аѳинянъ

---

[15]) «Царемъ Спарты прибылъ ты, а не нашимъ властелиномъ».

[16]) l. c. p. 239.

[17]) v. v. 92, 93; 411; 604—606; 621—623.

[18]) 260; 1125—1127.

[19]) v. v. 913, 914, «городъ, руководствующійся справедливостью и не дѣлающій ничего беззаконнаго».

[20]) «Было пророчество, что, если аѳиняне завладѣютъ могилою его (Эдипа), то онъ нѣкогда будетъ имъ спасителемъ, когда ихъ будутъ осаждать ѳиванцы во время Пелопоннесской ли войны или другой; это Софоклъ, повидимому, прикрасилъ поэтически, чтобы польстить аѳинянамъ: нерѣдко трагики говорятъ кое-что пріятное своему родному городу».

побѣда надъ ѳиванцами ставилась въ тѣснѣйшую связь съ могилою Эдипа; поэтому Аристидъ въ одной изъ своихъ рѣчей (Ὑπὲρ τῶν τεττάρων p. 172) и могъ сказать: «θαρρούντως ἂν ἔχοις λέγειν ὑποχθονίους τινὰς φύλακας καὶ σωτῆρας τῶν Ἑλλήνων ἀλεξικάκους καὶ πάντα ἀγαθοὺς καὶ ῥύεσθαί γε τὴν χώραν οὐ χεῖρον ἢ τὸν ἐν Κολωνῷ κείμενον Οἰδίπουν ἢ εἴ τις ἄλλοθί που τῆς χώρας ἐν καιρῷ τοῖς ζῶσι κεῖσθαι πεπίστευται» [21]). Эта вѣра въ спасительное для аѳинянъ дѣйствіе Эдипа заставила Софокла вложить въ уста Эдипа пророчество post eventum обращенное къ Тесею въ родѣ: «χοὔτως ἀδῇον τήνδ' ἐνοικήσεις πόλιν σπαρτῶν ἀπ' ἀνδρῶν» [22]), между тѣмъ какъ слова Тесея: «καὶ ταῦτα μ' ἔφη πράσσοντα καλῶς χώραν ἕξειν αἰὲν ἄλυπον» [23]) являются, по существу дѣла, приглашеніемъ аѳинянъ со стороны Софокла окружать почестями могилу Эдипа.

Пьеса полна намеками на отдѣльные эпизоды изъ исторіи Аѳинъ. Такъ весьма заманчиво сопоставле-

---

[21]) «Смѣло можно было бы сказать, что у грековъ есть какіе-то подземные хранители и спасители, которые отвращаютъ зло, вообще благодатны и оберегаютъ ужъ страну не хуже, чѣмъ Эдипъ, покоящійся въ Колонѣ, или всякій другой, кто, покоясь въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ страны, служитъ, согласно установившейся вѣрѣ, ко благу живыхъ».

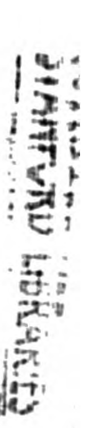
[22]) 1533, 1533. «И такимъ образомъ ты будешь жить въ этомъ городѣ, котораго не разрушить людямъ «посѣяннымъ» (выросшимъ изъ зубовъ дракона, посѣянныхъ Кадмомъ)».

[23]) 1764, 1765. «И если я это буду исполнять», сказалъ онъ (Эдипъ): «то буду все время править страной благополучно и безпечально».

ніе [24]) словъ (ст. 702) (ἐλαίαν) τις οὔτε νεαρὸς οὔτε γήρᾳ σημαίνων ἁλιώσει χερὶ πέρσας» съ извѣстнымъ разсказомъ Геродота (VIII, 55) о чудѣ со священной масличой на акрополѣ, уничтоженной огнемъ во время пожара въ кремлѣ при взятіи Аѳинъ Ксерксомъ. Неоднократно сопоставлялись также отдѣльныя части этой пѣсни хора съ событіями Архидамова похода [25]). Поэтому совершенно правъ былъ, повидимому, Лахманнъ, когда назвалъ эту пьесу «durch und durch politisch» [26]) (сплошь политическою) и этотъ взглядъ на пьесу, какъ на произведеніе преимущественно политическаго характера послужило для Шелля даже исходной точкой для критики текста [27]).

Быть-можетъ, Софоклу удалось такъ сильно разжечь пламя вѣры въ благотворное для аѳинянъ дѣйствіе могилы Эдипа, что явилось необходимымъ прибавить къ концу «Финикіянокъ» —Эврипида то мѣсто, гдѣ Эдипъ заявляетъ, что ему было предречено умереть въ «ἱερὸς κολωνός, δώμαθ' ἱππίου θεοῦ» [28]).

Внѣшнимъ побужденіемъ, вызвавшимъ у Софокла желаніе воскресить въ сознаніи современниковъ легенду о благодѣтельной могилѣ Эдипа для того, чтобы вокругъ нея возстановился культъ этого героя, могли быть событія 407 г., когда, по свидѣтельству Діодора (XIII,

[24]) Wolf—Bellermann ad locum. Текстъ искаженъ. Смыслъ даннаго мѣста: ея (т.-е. маслины) не уничтожитъ, не истребитъ своей рукой ни молодой, ни старикъ.

[25]) Схол. къ ст. 699.

[26]) Rhein. Mus. 1827.

[27]) Ad. Schöll. Philol. XXVI. 385 sqq.

[28]) «въ священномъ Колонѣ, обители бога-конеборца» Phoen. 1707. См. Al. Mayr, Comment philol. Monacenses, 1891 p. 172.

72), аѳинская конница одержала блестящую побѣду надъ ѳиванской, чѣмъ и устанавливается годъ написанія этой пьесы [29]).

Едвали нужно особенно долго останавливаться на вопросѣ о томъ, насколько сильнымъ религіознымъ настроеніемъ отличался Софоклъ, жрецъ бога Алкона [30]), основавшій часовню въ честь Ἡρακλῆς μηνυτής [31]). Исключительнымъ благочестіемъ Софокла вызванъ тотъ его поступокъ, память о которомъ сохранена въ одной изъ эпиграммъ Anthologia Palatina (VI № 145):

«Βωμοὺς τούςδε θεοῖς Σοφοκλῆς ἱδρύσατο πρῶτος,
ὃς πλεῖστον Μούσης εἷλε κλέος τραγικῆς» [32]).

Благодаря своему благочестію Софоклъ находился въ тѣснѣйшей связи съ аѳинскимъ Асклепіейономъ [33]). Поэтому заслуживаетъ полнаго вниманія предположеніе L. v. Sybel'я, будто Софоклъ перенесъ въ Аѳины Эпидаврійскій культъ Асклепія, о проникновеніи котораго въ Аѳины нѣтъ свидѣтельствъ древнѣе 420 г. [34]).

---

[29]) Christ. p. 249. Alb. Mayr. «Ueber Tendenz und Abfassungszeit des Sophokleischen Oedipus auf Kolonos» въ «Comment. philol. Monacenses» 1891 p. 160 sqq.

[30]) См. Ѳ. Ф. Зѣлинскій: «О Софоклѣ врачѣ» Ж. М. Нар. Просв. 1896, отд. клас. филол. Апрѣль. Стр. 28 сл. W. Christ. Geschichte d. griech. Litt². p. 229.

[31]) Cic. de div. I. 54.

[32]) «Жертвенники эти богамъ соорудилъ впервые Софоклъ, который стяжалъ себѣ величайшую славу трагической музы (въ трагич. поэзіи)».

[33]) Marini Vita Procli 29: «τὸ ἀπὸ Σοφοκλέους, ἐπιφανὲς Ἀσκληπιεῖον» т.-е. «со времени Софокла прославившееся святилище Асклепія».

[34]) См. L. v. Sybel. «Asklepios und Alkon». Athenische Mitteilungen. X, 1885, p. 99. Н. Александровскій. «Эпидаврій-

Не надо также упускать изъ виду, что Эдипъ былъ не только персонажемъ широко распространенной легенды, но и предметомъ религіознаго поклоненія. Такъ, потомки Ойолика основали въ его честь святилище въ Спартѣ и на островѣ Ѳерѣ, какъ объ этомъ разсказываетъ Геродотъ [35]).

Но что важнѣе всего, Павсаній среди памятниковъ, находившихся въ Κολωνὸς ἵππιος отмѣчаетъ ἡρῷον [δὲ] Πειρίθου καὶ Θησέως Οἰδίποδός τε καὶ Ἀδράστου [36]) Höfer въ своемъ обстоятельномъ изслѣдованіи объ Эдипѣ [37]) собралъ достаточно матеріала для того, чтобы мы смѣло могли отнести Эдипа къ числу хѳоническихъ божествъ наравнѣ съ Мелампомъ [38]). Все это, вмѣстѣ взятое, позволяетъ думать, что Софоклъ своей трагедіей старался пробудить или только усилить поклоненіе герою Эдипу, связанное по мѣсту съ тѣмъ святилищемъ, о которомъ говоритъ Павсаній. Это вполнѣ соотвѣт-

---

ское святилище Асклепія». «Журн. Мин. Нар. Просв.». 1890, апрѣль. 91.

[35]) IV. 149: «Οἰολύκου δὲ γίνεται Αἰγεύς ἀπ' οὗ Αἰγεῖδαι καλέονται φυλὴ μεγάλη ἐν Σπάρτῃ τοῖσι δὲ ἐν τῇ φυλῇ ταύτῃ ἀνδράσι οὐ γὰρ ὑπέμειναν τὰ τέκνα, ἱδρύσαντο ἐκ θεοπροπίου Ἐρινύων τῶν Λαΐου τε καὶ Οἰδιπόδεω ἱρόν». «У Ойолика родился Эгей, по имени котораго названо большое колѣно въ Спартѣ, Эгеиды; такъ какъ у членовъ этого колѣна дѣти умирали въ раннемъ возрастѣ, то они, по повелѣнію оракула, основали святилище Эринніямъ Лаія и Эдипа» (По переводу Мищенка).

[36]) I. 30. § 4, т.-е. «святилище Пириѳа, Ѳезея, Эдипа и Адраста».

[37]) W. Roscher'a «Ausführliches Lexikon» 41 te Lieferung, sp. 700—746.

[38]) l. c. Sp. 742.

ствовало бы характеру дѣятельности Софокла, а сама трагедія являлась бы однимъ изъ орудій той политико-религіозной пропаганды, которой былъ не чуждъ Софоклъ.

Ясно выраженная связь съ событіями современности находится въ «Эдипѣ-Царѣ», о которомъ Софоклъ вспомнилъ послѣ паденія Перикла во время чумы, описываемой Софокломъ въ этой же самой пьесѣ [39]).

По мнѣнію O. Ribbeck'a это описаніе только что пережитой чумы было нарушеніемъ того самаго требованія, которое уже раньше нарушилъ Фринихъ своимъ «Взятіемъ Милета», и въ этомъ кроется причина, почему за эту образцовую пьесу аѳиняне наградили Софокла только 2-мъ призомъ [40]).

Что касается до тѣхъ отзвуковъ политическихъ событій, которыя разсѣяны въ трагедіяхъ Эврипида, то этому весьма важному вопросу даже въ нашей небогатой спеціальными работами литературѣ посвящена обстоятельная монографія покойнаго профессор. Д. Ѳ. Бѣляева, выяснившаго взгляды Эврипида на сословныя отношенія Аѳинъ, ихъ внутреннюю и внѣшнюю политику [41]). Для того, чтобы выяснить, какое видное мѣсто занимаютъ у Эврипида эти чисто политическіе вопросы, приведу два-три замѣчанія новѣй-

---

[39]) См. Ѳ. Ф. Зѣлинскій «Софоклъ. Царь Эдипъ». С.-Петербургъ. 1896. Часть II, стр. 18.

[40]) O. Ribbeck. «Sophocles und seine Tragoedien». Berlin. 1873. 2-te Aufl. p. 26. Cp. Griechische Tragoedien ürbersetzt von U. Wilamowitz. I B. 2 Aufl. p. 16.

[41]) «Жур. Мин. Нар. Просв.» 1882. №№ 9 и 10 и за 1885 (стр. 459—492) отд. клас. фил.; тамъ же собрана и вся предшествующая литература.

шаго изслѣдователя этого вопроса: Fer. Mosimann'а [42]). По мнѣнію этого ученаго, «Euripides hat «Andromache» beim Beginn des Krieges, wie eine Rede, wie ein politisches Selbstbekenntniss in's Volk hineingeworfen [43]). Уже давно было замѣчено, какъ много мѣстъ «Просительницъ» носятъ опредѣленную политическую окраску, почему еще проф. Д. Ѳ. Бѣляевъ назвалъ эту трагедію болѣе политической [44]), чѣмъ поэтической [45]) Fer. Mosimann совершенно основательно замѣтилъ, что въ этой трагедіи экскурсъ относительно монархическаго и демократическаго образа правленія [46]) можетъ быть разсматриваемъ, какъ самостоятельное цѣлое, нѣсколько искусственно введенное въ рамки общаго хода дѣйствія. Далѣе Fer. Mosimann отмѣчаетъ [47]) тѣ трудности, которыя пришлось преодолѣть Эврипиду для того, чтобы дать возможность въ концѣ пьесы появиться Аѳинѣ, которая была нужна Эврипиду главнымъ образомъ для того, чтобы придать особую силу ея вѣщимъ словамъ, дорогимъ для сердца каждаго аѳинянина:

«ὁ δ' ὅρκος ἔσται, μήποτ' Ἀργείους χθόνα

---

[42]) «In wie weit hat Euripides in den «Hiketiden», der «Andromache» und den «Troerinnen» auf Politische Konstellationen seiner Zeit angespielt. Bern. 1897».

[43]) l. c. p. 28. «Андромаху» Эврипидъ въ началѣ войны пустилъ въ народъ, какъ рѣчь, какъ собственную политическую исповѣдь».

[44]) Недаромъ и авторъ ὑπόθεσις пишетъ «τὸ δὲ δρᾶμα—ἐγκώμιον Ἀθηνῶν» (т.-е. эта драма—хвалебная пѣснь Аѳинамъ). См. А. Н. Шварцъ (Συγοφάντος) Ἀθην. πολιτεία. Стр. 60.

[45]) «Ж. М. Нар. Пр.» 1885. Стр 472.

[46]) Слова Тесея v. 403 sq.

[47]) l. c. p. 37.

εἰς τήνδ' ἐποίσειν πολέμιον πανтευχίαν
ἄλλων τ' ἰόντων ἐμποδὼν θήσειν δόρυ [48]).

Несомнѣнно, что въ устахъ именно Аѳины эти слова должны были звучать особенно убѣдительно. Очень сочувственно относится [49]) Mommsen къ возможности ставить «Троянокъ» въ связь съ событіями, слѣдовавшими за сицилійской экспедиціей, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ сценахъ трагедіи онъ видитъ явное отраженіе нашумѣвшаго процесса Гермокопидовъ

Такимъ образомъ у Эврипида, какъ это и слѣдовало ожидать при отзывчивости его натуры, можно найти не мало стиховъ, продиктованныхъ его политическими настроеніями, слѣдов., онъ переноситъ иногда на сцену обсужденіе тѣхъ вопросовъ, которые волновали въ ту минуту умы его согражданъ. Проф. Д. Ѳ. Бѣляевъ по поводу упомянутаго уже выше спора между Тесеемъ и ѳиванскимъ посломъ о преимуществахъ монархическаго и демократическаго образа правленія замѣчаетъ, что «весь этотъ споръ, совершенно ненужный для развитія дѣйствія, представляетъ, очевидно, образчикъ тѣхъ пререканій, которыя происходили тогда во всей Элладѣ между защитниками демократіи, съ одной стороны, и ихъ противниками, съ другой [50]).

Едва ли нужно долго останавливаться на древне-

[48]) v. v. 1191 sq. т.-е. «клятва же будетъ (состоитъ въ томъ), что никогда аргивяне не произведутъ съ оружіемъ въ рукахъ враждебнаго вторженія въ эту сторону и, въ случаѣ нашествія другихъ, будутъ противодѣйствовать имъ оружіемъ).

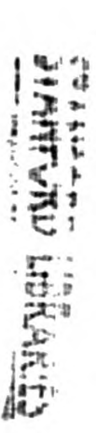
[49]) l. c. p. 72 sq

[50]) «Ж. М. Нар. Пр.» 1882. № 10, 404.

-греческой комедіи [51]): настолько общеизвѣстна сила ея политическаго значенія.

Проф. Θ. Ф. Зѣлинскій доказалъ, что родоначальникомъ этого вида аттической комедіи явился Кратинъ. Подражая Архилоху, онъ создалъ тенденціозную комедію въ противоположность къ существовавшей уже въ Аттикѣ сказочной комедіи [52]).

Правда, содержаніе этой тенденціозной вѣтви іонійской комедіи гораздо шире замкнутаго круга чисто политическихъ интересовъ. Она чуть ли не въ одинаковой степени являлась орудіемъ какъ политической сатиры, такъ и литературной пародіи и критики. Но такія пьесы, какъ «Νόμοι» и «Χείρωνες»—Кратина, «Πρυτάνεις», «'Αψευδεῖς»—Телеклида, «'Αρτοπώλιδες», «Μοῖραι», «Φορμοφόροι»—Эрмиппа, «Κόθορνοι»—Филонида, «'Αστράτευτοι ἢ 'Ανδρογύναι», «Αὐτόλυκος», «Βάπται», «Δῆμοι», «Κόλακες», «Μαρικᾶς»—Эвполида, «Βαβυλώνιοι», «Γεωργοί», «Ὁλκάδες», «Τριφάλης»—Аристофана, «Κλεοφῶν», «Πείσανδρος», «Ὑπέρβολος», «Λάκωνες»—Платона, «Ῥίνων»—Лизиппа, «Φρατέρες»—Девкона, «Μακεδόνες ἢ Παυσανίας»—Страттида, «Δημοτυνδάρεως»—Полидзела, «Σικελία», Деметрія [53]), могутъ служить достаточно яркими образцами чисто политической комедіи. Но и другая отрасль іонійской комедіи, сказочная, не вполнѣ чужда политической тенденціозности. Дѣло въ томъ, что поэтъ весьма часто

[51]) О томъ, какъ осторожно надо пользоваться этимъ матеріаломъ, см. В. П. Бузескула.—«Периклъ». Харьковъ. 1889. Стр. 62—65.

[52]) Θ. Ф. Зѣлинскій. «О дорійскомъ и іонійскомъ стиляхъ въ древней аттической комедіи». «Ж. М. Нар. Просв.» 1885. Отд. клас. фил. стр. 212.

[53]) См. таблицу у проф. Θ. Ф. Зѣлинскаго ibidem, стр. 214—221.

пользовался сказочнымъ мотивомъ только для того, чтобы придать бóльшую прелесть дѣйствію чисто тенденціозной комедіи. Единственная уцѣлѣвшая сказочная комедія: «Птицы», не лишена въ значительной степени тенденціозной окраски, и нерѣдко въ ней Аристофанъ говоритъ колкости своимъ недругамъ, изъ которыхъ иные даже самолично выводятся на сцену [54]).

Именно послѣднее явленіе еще раньше приняло такіе грандіозные размѣры, что заставило Антимаха еще въ 440 г. при архонтѣ Морихидѣ предложить законъ, запрещавшій открыто высмѣивать опредѣленныхъ политическихъ дѣятелей. Впрочемъ, вскорѣ, въ 437 г., при архонтѣ Эвтименѣ законъ этотъ былъ отмѣненъ, неизвѣстно, по чьей инициативѣ [55]).

По мнѣнію А. Шмидта [56]), Морихидъ дѣйствовалъ по внушенію жреческой партіи, которой тоже доставалось отъ комиковъ, и которая для проведенія подобной мѣры воспользовалась отсутствіемъ Перикла, находившагося тогда у Самоса. Вернувшись въ Аѳины, Периклъ поспѣшилъ возстановить полную свободу комедіи.

По поводу этихъ законодательныхъ мѣръ въ псевдоксенофонтовской «Ἀθηναίων πολιτεία» (II, 18) чи-

---

[54]) Ѳ. Ф. Зѣлинскій. Ibid. стр. 213. Политическое значеніе комедіи: «Птицы», подчеркнуто въ очень любопытной статьѣ А. Н. Шварца. «Тріумфъ Пейѳетера въ «Птицахъ» Аристофана». «Фил. Обозр.» XX (1901) стр. 1, 16. Не знаю, надо ли еще указывать на такую извѣстную работу, какъ книга Müller—Strübing. «Aristophanes und die historische Kritik». Leips. 1873.

[55]) Th. Zielinski. «De lege Antimachea scaenica». «Ж. М. Нар. Пр.» 1884, № 3.

[56]) «Das Perikleische Zeitalter». Iena 1877. 1 B. 109 sq. В. Бузескулъ. «Периклъ». Стр. 334.

таетъ: «κωμῳδεῖν δ' αὖ καὶ κακῶς λέγειν τὸν μὲν δῆμον οὐκ ἐῶσιν, ἵνα μὴ αὐτοὶ ἀκούωσι κακῶς, ἰδίᾳ δὲ κελεύουσιν, εἴ τίς τινα βούλεται, εὖ εἰδότες, ὅτι οὐχὶ τοῦ δήμου ἐστὶν οὐδὲ τοῦ πλήθους ὁ κωμῳδούμενος ὡς ἐπὶ τὸ πολύ, ἀλλ' ἢ πλούσιος ἢ γενναῖος ἢ δυνάμενος ὀλίγοι δέ τινες τῶν πενήτων καὶ τῶν δημοτικῶν κωμῳδοῦνται, καὶ οὐδ' οὗτοι ἐὰν μὴ διὰ πολυπραγμοσύνην καὶ διὰ τὸ ζητεῖν πλέον τι ἔχειν τοῦ δήμου ὥστε οὐδὲ τοὺς τοιούτους ἄχθονται κωμῳδουμένους [57])». Эти слова на А. Н. Шварца производятъ впечатлѣніе реминисценціи какого-либо мѣста древне-аттической комедіи [58]): Тотъ же самый ученый достаточно убѣдительно показалъ, какъ мало эти слова соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей [59]).

[57]) «Осмѣивать народъ или дурно выражаться о немъ въ комедіяхъ они (аѳиняне) не дозволяютъ, чтобы не слышать дурныхъ отзывовъ о самихъ себѣ, но относительно частныхъ лицъ это не запрещается, такъ какъ они хорошо знаютъ, что осмѣиваемый будетъ, по большей части, не изъ народа и не изъ черни, а человѣкъ богатый или знатный, или вліятельный. Осмѣиваются, впрочемъ, и нѣкоторые люди изъ неимущаго и низкаго класса, но и они за—безцѣльную только суетливость и за стремленіе имѣть больше значеніе, чѣмъ народъ, поэтому и ихъ осмѣяніе не вызываетъ неудовольствія». (По Янчев.).

[58]) (Ξενοφῶντος) Ἀθηναίων πολιτεία. Москва 1891. Стр. 34.

[59]) Въ рецензіи на эту книгу («Филол. Обозр.» т. II, стр. 31). Ѳ. Ф. Зѣлинскій призналъ свои первоначальныя воззрѣнія на lex Antimachaea не вполнѣ убѣдительными, считая этотъ законъ такимъ же crux, какъ и римскій законъ ut plebiscita populum tenerent. Но мнѣніе А. Н. Шварца, будто законъ Сиракосія былъ мертворожденнымъ, Ѳ. Ф. Зѣлинскій ограничиваетъ, допуская, что законъ Сиракосія не мѣшалъ поэтамъ бранить по своему усмотрѣнію ἰδιώτας ἀνθρωπίσκους (частныхъ людишекъ) въ родѣ Ликея, Телея и др.

Th. Kock[60]) краснорѣчиво подчеркнулъ, какъ силенъ политическій элементъ въ комедіяхъ Аристофана, весьма часто принимающихъ чисто дидактическій характеръ, при чемъ Аристофанъ всегда оставался убѣжденнымъ сторонникомъ интересовъ аристократической партіи, и у насъ нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы заподозривать неподкупную искренность его сужденій. Сопоставленіе сужденій комиковъ о политическихъ дѣятеляхъ и событіяхъ съ тѣмъ, что по тѣмъ же самымъ вопросамъ мы находимъ у другихъ писателей, показываетъ, что сужденія комиковъ не звучали одиноко въ аѳинскомъ обществѣ, а раздѣлялись весьма многими изъ современниками, если только нельзя предполагать, что послѣдующіе писатели прямо брали готовые отзывы у авторовъ комедій, являясь такимъ образомъ ихъ подражателями. Въ этомъ отношеніи особенно поучительны многочисленныя параллели, представляемыя къ комедіямъ Аристофана нѣкоторыми мѣстами «Ἀθηναίων πολιτεία» — Аристотеля[61]), гдѣ весьма многіе политическіе вопросы и дѣятели находятъ ту же самую оцѣнку, которую ранѣе они уже встрѣтили со стороны Аристофана и другихъ комиковъ. Такимъ образомъ это направленіе въ области греческой драмы является однимъ изъ проявленій общаго движенія, охватившаго въ V вѣкѣ всю греческую литературу и придавшаго ей въ значительной степени тенденціозную окраску политическаго памфлета[62]). Вѣкъ, къ которому относится дѣятель-

[60]) «Aristophanes als Dichter u Politiker». Rh. Mus 39, (1884) p.p. 116—140.

[61]) Ἀθ. π. 24—Arist Vesp. 601—662. Ἀθ. π. 34.—Arist. Ranae. 678—679, 1532. В. Бузескулъ. «Периклъ». Стр. 206—208.

[62]) См. А. Н. Шварцъ, о. с. стр. 59—60.

ность великихъ трагиковъ, отличался особеннымъ подъемомъ въ аѳинскомъ обществѣ интереса къ вопросамъ политики, а со времени Пелопоннесской войны вопросы о формахъ правленія, о наилучшемъ государственномъ устройствѣ, внутренней и внѣшней политикѣ начинаютъ привлекать къ себѣ особенное вниманіе. Въ бесѣдахъ софистовъ, въ различныхъ политическихъ трактатахъ, памфлетахъ и рѣчахъ вопросы эти дебатировались съ особеннымъ жаромъ; описывалась или критиковалась существующая форма правленія, вспоминался прежній строй πάτριος πολιτεία, выставлялись идеалы совершеннѣйшаго государства, обсуждалась проблема объ отношеніи человѣка къ государству и обществу [63]). Къ этому времени относится и появленіе спеціальной политической литературы, при чемъ исторіографія зачастую получаетъ тенденціозную окраску въ духѣ политическаго памфлета. Таковы т. н. Ксенофонтовская «Аѳинская политія» [64]) и многочисленныя «политіи» Критія. Этотъ же самый духъ тенденціозной публицистики проникъ и въ ораторское искусство, выразившись особенно ярко въ рѣчахъ Исократа [65]). Вполнѣ естественно, что тѣ же самыя идеи волновали умы и великихъ трагиковъ, которые и пользовались своими драмами отчасти и для того, чтобы высказаться по поводу занимавшихъ все общество вопросовъ.

Б. Варнеке.

Окончаніе будетъ.

---

[63]) В. Бузескулъ. «Введеніе». Стр. 151.

[64]) А. Н. Шварцъ (Ξενοφῶντος) Ἀθηναίων πολιτεία. Москва. 1891, стр. 59—62.

[65]) Oncken «Isocrates und Athen. Beitrag zur Geschichte der Einheits und Freiheits—Bewegung in Hellas». Heidelberg. 1862.

Максимъ Горькій—литературная характеристика.

Различна бываетъ судьба писателей: нѣкоторые изъ нихъ создаютъ свою славу постепенно, съ каждымъ годомъ своей литературной дѣятельности все больше привлекая къ себѣ интересъ публики и вниманіе литературной критики; иногда бываетъ наоборотъ: писатель вдругъ, сразу поражаетъ воображеніе читателей,—легко, повидимому, безъ труда, пожинаетъ литературные лавры, привлекая къ себѣ общіе взоры, какъ ярко вспыхнувшій метеоръ. Такимъ метеоромъ, продолжающимъ ярко пылать въ нашей литературѣ, является молодой и талантливый писатель Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ, пишущій подъ псевдонимомъ—Максимъ Горькій. Его успѣхъ въ нашей литературѣ, даже европейской, небывалый. Литературная слава Горькаго началась очень недавно: пять лѣтъ тому назадъ (съ 1898 г.), послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ двухъ томовъ его сочиненій. И публика, и критика сразу были поражены яркостью таланта, яснаго для всѣхъ, и новизною типовъ, не затронутыхъ въ нашей литературѣ раньше. Раздались дифирамбы и посыпались порицанія по адресу Горькаго,—явный знакъ того, что появилось нѣчто исключительное. И дѣйствительно, все здѣсь было необычно.

Предъ жаднымъ взоромъ читателя проходили новые для него люди—оборванные, въ опоркахъ и лохмотьяхъ, съ лицами, почти озвѣрѣлыми, и во всякомъ

случаѣ весьма подозрительными; отъ нихъ пахло алкоголемъ, махоркой и другими пряными запахами, нисколько не похожими на одеколонъ. Длинной вереницей проходили вōры, контрабандисты, люди того ремесла, о которомъ не принято вслухъ говорить въ обществѣ; дѣйствіе разсказовъ перенесено на большія дороги, въ степь—на черноморское побережье, въ разные подозрительные, часто гнусные притоны. И все это нарисовано съ удивительною силою, изобразительною силою таланта. Литература обогатилась новымъ словомъ «босякъ» и многими другими словами, которыя раньше имѣли широкое примѣненіе только на базарныхъ площадяхъ въ торговые дни и питейныхъ заведеніяхъ стараго типа. И удивительнѣе всего, что эти удручающія сцены пересыпались описаніями столь высокаго лиризма и такой художественности, что они врядъ ли что потеряютъ отъ сопоставленія ихъ съ описаніями Гоголя и Тургенева, этихъ двухъ величайшихъ виртуозовъ родного слова и крупныхъ европейскихъ писателей. Сама жизнь во всей своей наготѣ глядѣла со страницъ сочиненій Горькаго. Читатель проникался безпокойствомъ, какимъ-то неяснымъ протестомъ противъ чего-то; его начинали волновать вопросы: «Въ чемъ же настоящая жизнь? ужели эти босяки Горькаго настоящіе люди?» И, признавая за босяками многія достоинства, читатель не могъ согласиться со взглядомъ на нихъ самого автора. Для читателя ясно было, что авторъ одностороненъ. Да, прибавимъ мы отъ себя: Горькій пишетъ кровью своего сердца, но онъ не безпристрастенъ.

Оставивъ пока въ сторонѣ дифирамбы восторженныхъ почитателей Горькаго и протесты правовѣрныхъ любителей литературныхъ приличій, постараемся сдѣлать безпристрастную оцѣнку литературной дѣятельно-

сти Горькаго. Спѣшу оговориться: судить о Горькомъ безпристрастно дѣло очень не легкое. Горькій—изъ тѣхъ писателей, которые дѣйствуютъ по преимуществу на сердца и значительно меньше на мозгъ; а потому, возбуждая симпатію или антипатію, смотря по темпераменту, возрасту и прочей суммѣ склонностей читателя и критика, такіе авторы невольно подкупаютъ или предубѣждаютъ противъ себя. Постараемся же быть безпристрастными.

Прежде всего я коснусь самой общей стороны таланта Горькаго, въ чемъ кажется никто не сомнѣвается. Горькій пишетъ ярко, картинно, жизненно. Языкъ его живой, óбразный, чисто народный; хотя, должно сказать, онъ иногда влагаетъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ рѣчи, которыя они по своему образованію не могутъ говорить. Таковы, напр., разсужденія босяка Коновалова о Рѣшетниковѣ, авторѣ «Подлиповцевъ». Но такіе случаи не часты. У Горькаго чрезвычайно сильно чувство природы, и онъ охотно изображаетъ степь, Черное море, вечеръ, закатъ солнца, бурю. Что бы не быть голословнымъ, я приведу два описанія. Вотъ описаніе вечера. «Вечерѣло. Вдали надъ моремъ разлился мракъ и плылъ надъ нимъ, покрывая легкимъ голубоватымъ флёромъ легкую з бь. Въ той же дали, казалось, со дна моря поднялась гряда желтолиловыхъ облаковъ, окаймленныхъ розовымъ золотомъ, и, еще болѣе сгущая мракъ, плыла на степь. А въ степи, тамъ, далеко, далеко, на краю ея, раскинулся громадный пурпуровый вѣеръ изъ лучей заката и красилъ землю и небо такъ мягко и нѣжно. Волны все бились о берегъ, и море тутъ розоватое, тамъ темно-синее—было дивно красиво и мощно». (Емельянъ Пиляй, I, 32).

А вотъ описаніе бури. Я опускаю начало... «Вотъ стало темно, и шелестъ травы зазвучалъ хоть и громче, но какъ-то испуганно. Грянулъ громъ, и тучи дрогнули, охваченныя синимъ огнемъ. Потомъ стало темно. и серебристая цѣпь горъ пропала во тьмѣ. Крупный дождь полился ручьями, и одинъ за другимъ удары грома начали грозно и непрерывно рокотать въ пустынной степи. Трава, сгибаемая ударами вѣтра и дождя, ложилась на землю и шуршала блѣднымъ звукомъ. И все дрожало, волновалось.

Молніи, слѣпя глаза, рвали тучи. Въ голубомъ блескѣ ихъ вдали вставала горная цѣпь, сверкая синими огнями, серебряная и холодная, а, когда молніи гасли, она исчезала, какъ бы проваливаясь въ темную пропасть. Все гремѣло, вздрагивало, отталкивало звуки и родило ихъ.

Точно небо, мутное и гнѣвное, огнемъ очищало себя отъ пыли и всякой мерзости, поднявшейся до него съ земли, и земля, казалось, дрожитъ въ страхѣ предъ гнѣвомъ его...

Мнѣ было весело, и я какъ-то приподнялся надъ обыкновеннымъ, наблюдая эту могучую мрачную картину степной грозы. Дивный хаосъ увлекалъ и настраивалъ на героическій ладъ, охватывая душу грозной и дивной гармоніей... И мнѣ хотѣлось принять участіе въ ней, выразить чѣмъ-нибудь переполнившее меня чувство восхищенія.

Голубое пламя, охватывавшее небо, казалось, горѣло и въ моей груди; и чѣмъ мнѣ было выразить мое великое волненіе и мой восторгъ—предъ грандіозной картиной природы?

Я запѣлъ—громко, во всю силу. Ревѣлъ громъ, блистали молніи, шуршала трава, а я пѣлъ и чувство-

валъ себя въ полномъ родствѣ со всѣми звуками. Я безумствовалъ; это простительно, ибо не вредило никому, кромѣ меня. Я былъ полонъ желанія, какъ можно, больше схватить и впитать въ себя живой и могучей красоты и силы, бушевавшей въ степи, и стать ближе къ ней... Буря на морѣ и гроза въ степи!—я не знаю болѣе грандіозныхъ явленій въ природѣ!!»

Я избралъ не самыя лучшія описанія, но наиболѣе краткія. Но и въ приведенныхъ примѣрахъ видна сила изобразительнаго таланта Горькаго. Вообще, о талантливости Горькаго не спорятъ, спорятъ о качествахъ литературной его дѣятельности, къ оцѣнкѣ которой мы и переходимъ.

Начало литературной извѣстности Горькаго относится къ 1898 году, когда вышли въ свѣтъ первые два томика его «Очерковъ и разсказовъ». Принято утверждать, что литературный талантъ Горькаго сложился и вылился сразу, какъ вооруженная Минерва изъ головы Юпитера,—сравненіе весьма красивое, но совершенно не вѣрное. Горькій, при всей своей талантливости, не сразу далъ свои лучшіе разсказы: нѣтъ, какъ большинство писателей, онъ принужденъ былъ ощупью, наугадъ итти проселкомъ и тропинками, чтобы выйти на свою настоящую дорогу. Правда, эти окольные пути были непродолжительны: у Горькаго былъ отличный проводникъ: огромный его художественный инстинктъ. Какъ ни странно, а Горькій заплатилъ дань давно пережитымъ литературнымъ теченіямъ: сентиментализму и романтизму. Въ первомъ томѣ «Очерковъ» Горькаго мы видимъ сильную наклонность къ преувеличеніямъ, вообще свойственную Горькому; много крикливости, излишне рѣзкихъ красокъ, что, впрочемъ, значительно скрашивается страстной субъективностью автора. Возьмемъ

разсказъ: «Дѣдъ Архипъ и Ленька». Больной дѣдъ Архипъ и его десятилѣтній внукъ бродятъ по Кубани, изъ станицы въ станицу, питаясь Христовымъ именемъ. Дѣда угнетаетъ мысль о близкой смерти и о томъ, что станетъ безъ него съ безпріютнымъ Ленькой. Въ заботахъ о судьбѣ внука, дѣдъ рѣшается на кражу. Ленька страшно возмущенъ поступкомъ дѣда. Сцена объясненія сама по себѣ полна трагизма, но Горькому угодно надъ головами бѣдняковъ разразить бурю, съ молніей и раскатами грома. И нашъ авторъ предаетъ смерти несчастнаго старика и идеально-нравственнаго десятилѣтняго Леньку... а изумленный читатель закрываетъ книгу съ улыбкой сомнѣнія.—Много страннаго въ разсказѣ: «Старуха Изергиль». Но верхъ романтическихъ дикостей разсказъ: «Макаръ Чудра», правда первый разсказъ перваго тома. На первой же страницѣ изображается, какъ на берегу моря лежалъ цыганъ Макаръ Чудра, методически потягивая изъ своей громадной трубки и выпуская изо рта и носа густые клубы дыма. И все это, какъ и дальнѣйшее, говорится въ серьезномъ, строгомъ, а никакъ не юмористическомъ тонѣ Макаръ разсказываетъ поучительную съ его точки зрѣнія повѣсть о степныхъ герояхъ—красавцѣ Лойкѣ и красавицѣ Раддѣ. Оба они надѣлены въ величайшей степени всевозможными качествами: красотой, смѣлостью, жаждой свободы и проч., и проч.

Радда и Лойко полюбили другъ друга, но почему-то только враждовали другъ съ другомъ, кажется потому, что ихъ великая любовь другъ къ другу была все же меньше ихъ любви къ свободѣ, а, можетъ-быть, и по другой причинѣ. Гордая красавица хотѣла унизить Лойка и предложила ему странное условіе: прежде чѣмъ взять ее въ жены, Лойко долженъ былъ публично по-

клониться ей въ ноги. Въ отвѣтъ на это Лойко вонзилъ Раддѣ въ сердце свой кривой ножъ, а она, зажавъ рану прядью своихъ черныхъ волосъ, сказала громко и внятно: «Прощай, богатырь Лойко Зобаръ! Я знала, что ты такъ сдѣлаешь», да и умерла.

«Эхъ! да и поклонюсь же я тебѣ въ ноги, королева гордая!»—на всю степь гаркнулъ Лойко да, бросившись наземь, прильнулъ устами къ ногамъ мертвой Радды и замеръ. «Присутствовавшіе сняли шапки, а отецъ Радды сунулъ ножъ въ спину Лойко, какъ разъ противъ сердца» (т. I. 14).

Отъ этихъ лубочныхъ красотъ дешеваго романтизма вѣетъ добрыми временами Марлинскаго, Полевого и Нестора Кукольника съ братіей. Но, какъ ни слаба эта повѣсть, все же справедливость требуетъ признать въ ней, кромѣ талантливости изложенія, какую-то напряженность, исканіе настоящаго пути и въ общемъ искренній, хотя неумѣлый паѳосъ автора.

Въ другихъ произведеніяхъ уже яснѣе и ярче сказывается намѣченный авторомъ путь.

Дѣйствующими лицами выведены не полуфантастическіе цыганы, а настоящіе люди. Въ общемъ эти люди не заурядные. Горькій любитъ силу и борьбу только за то, что это—сила, способная на борьбу. Слабость онъ презираетъ и всегда отдаетъ предпочтеніе рѣзкой, хотя и изломанной индивидуальности предъ рефлективной расшатанностью и слабосиліемъ. Таковы разсказы: «На плотахъ» и «Варенька Олесова». Послѣдній разсказъ интересенъ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ босяковъ, но тенденція автора самая босяцкая. Главное дѣйствующее лицо, привать доцентъ Полкановъ, пріѣзжаетъ лѣтомъ въ имѣніе своей сестры; по сосѣдству проживаетъ помѣщикъ подагрикъ, полковникъ въ отставкѣ, Олесовъ.

у котораго дочь Варенька; она и является настоящей героиней разсказа. Съ перваго же своего появленія она поразила и взволновала приватъ-доцента своею блестящею красотою. Но по мѣрѣ знакомства съ нею Полкановъ убѣждается въ ея неразвитости, невѣжествѣ: взгляды у нея допотопные, въ узко помѣщичьемъ духѣ. Варенька иногда собственноручно расправлялась съ провинившимися мужиками. Романы она предпочитала французскіе, на томъ основаніи, что у французовъ герои настоящіе: они и говорятъ не такъ, какъ всѣ люди, и поступаютъ иначе: они всегда храбры, влюблены, веселы. А въ русскихъ романахъ герои—простые люди, безъ смѣлости и безъ пылкихъ чувствъ, какіе-то глупые, мѣшковатые. . . . .

Повидимому, Варенька только ограничена и невѣжественна. На самомъ же дѣлѣ это натура непосредственная, богато одаренная, безъ всякаго систематическаго воспитанія, но зато и не изломанная искусственной дрессировкой. Физически сильная и здоровая, она безукоризненна въ нравственномъ отношеніи и дѣвственна до наивности. Полкановъ сталъ ухаживать за Варенькой, но безуспѣшно. Онъ былъ худъ и слабосиленъ, а идеаломъ Вареньки былъ мужчина высокій, сильный: «пожелалъ и сдѣлалъ—вотъ мужчина. Сила, вотъ что привлекательно», говорила она: «теперешніе мужчины родятся съ ревматизмомъ, съ кашлемъ, съ разными болѣзнями—это хорошо?» Ухаживанье окончилось очень позорно для молодого профессора: Варенька сильно побила его. Итакъ, всѣ симпатіи Горькаго на сторонѣ непосредственной Вареньки, а представитель культуры, профессоръ Полкановъ, обреченъ жестокимъ авторомъ на позорную роль. Наша русская публика нѣсколько иного мнѣнія относительно изображаемой Горькимъ колли-

зіи, и разсказъ: «Варенька Олесова», не пользуется особымъ расположеніемъ читателей, что вполнѣ справедливо: не здѣсь сказался огромный талантъ Горькаго. Изображеніе культурныхъ классовъ общества не дѣло Горькаго: объ интеллигенціи онъ судитъ или по слуху, или же въ качествѣ наблюдателя съ боку, со стороны. Такой источникъ свѣдѣній невысокаго качества, такъ какъ всегда одностороненъ.

Зато Горькій не имѣетъ себѣ соперниковъ въ изображеніи подонковъ общества. Бродяга, то злобный и ожесточенный, потерпѣвшій рядъ крушеній и отчаявшійся, то безпокойный и нервный искатель справедливости, привлекаетъ все вниманіе Горькаго, занимаетъ главное мѣсто въ его разсказахъ. Вотъ передъ нами Челкашъ, герой разсказа того же имени. Это «старый травленый волкъ, хорошо знакомый гаваньскому люду, какъ заядлый пьяница и ловкій, смѣлый воръ». Но это одна сторона его души и жизни. Есть въ немъ еще многое другое, что создаетъ ему нѣкоторый поэтическій ореолъ и высоко поднимаетъ его надъ уровнемъ не только обыкновенныхъ пьяницъ и воровъ, но и многихъ честныхъ и трезвыхъ людей. Челкашъ—натура поэтическая: онъ любитъ море: «его кипучая, нервная натура, жадная на впечатлѣнія, никогда не пресыщалась созерцаніемъ этой темной широты, безкрайной и мощной», говоритъ Горькій о Челкашѣ Изъ этого видно, что Челкашъ думаетъ не объ одномъ только хлѣбѣ, и идеалъ его не одна только водка. И дѣйствительно, Челкашъ смѣлъ, великодушенъ, исполненъ чувства собственнаго достоинства и гордости. Всѣ эти качества развертываются предъ читателемъ въ одномъ эпизодѣ. Челкашъ вознамѣрился украсть и контрабандой продать дорогой товаръ. Одному съ этимъ дѣломъ не управить-

ся, а у Челкаша нѣтъ сподручнаго товарища, и вотъ онъ беретъ себѣ въ помощники случайно встрѣченнаго прохожаго, молодого мужика Гаврилу. Парень шелъ домой въ свою деревню; заработки были плохи, и Гаврила, не понимая, чѣмъ онъ рискуетъ, согласился на предложеніе. Кража блистательно удалась, при чемъ Горькій показываетъ смѣлость, находчивость и удаль Челкаша и трусливую мѣшковатость Гаврилы. Украденный товаръ былъ проданъ грекамъ-контрабандистамъ за 540 руб., изъ которыхъ Челкашъ 40 руб. отдалъ Гаврилѣ. При видѣ радужныхъ бумажекъ Гаврилу обуяла жадность, и онъ раболѣпно сталъ просить денегъ. «Голубчикъ», молилъ Гаврила: «дай ты мнѣ эти деньги: дай, Христа ради! Что онѣ тебѣ? Вѣдь въ одну ночь... только въ ночь... А мнѣ годы нужны... Дай... молиться за тебя буду! Вѣдь ты ихъ на вѣтеръ... а я бы въ землю... Эхъ, дай мнѣ ихъ! Вѣдь что въ нихъ тебѣ? Али тебѣ дорого? одна ночь... и богатъ! Сдѣлай доброе дѣло! Пропащій вѣдь ты... Нѣтъ тебѣ пути... А я бы... охъ, дай ты ихъ мнѣ»—«На, собака! Жри»... крикнулъ Челкашъ, дрожа отъ возбужденія, острой жалости и ненависти къ этому жадному рабу. И, бросивъ деньги, онъ почувствовалъ себя героемъ. Удальство свѣтилось въ его глазахъ, во всей фигурѣ»... «Эхъ войлокъ! нищій!» презрительно говорилъ Челкашъ: «Развѣ изъ-за денегъ можно такъ... истязать себя? Дуракъ! Жадные черти... Себя не помнятъ... За пятакъ себя-то продаетъ!.. а?» Слушая безсвязный лепетъ Гаврилы, благодарившаго его, Челкашъ чувствовалъ, что онъ—воръ, гуляка, оторванный отъ всего родного—никогда не будетъ такимъ жаднымъ, низкимъ, не помнящимъ себя. Никогда не станетъ такимъ!... И эта мысль и ощущеніе наполняли его сознаніемъ своей свободы и удали. Изливая свою благо-

дарность, Гаврила сознался, что ему приходило въ голову убить Челкаша. Озлобленный Челкашъ отнялъ деньги и побилъ простоватаго парня. Гаврила пустилъ вслѣдъ ему камень, и, пораженный въ затылокъ, Челкашъ упалъ безъ сознанія. Обезумѣвъ отъ страха, Гаврила пустился бѣжать, но потомъ возвратился и сталъ приводить въ чувство Челкаша. Придя въ себя, Челкашъ заставилъ Гаврилу взять деньги: «Бери, бери», говорилъ онъ: «Не даромъ работалъ, чай. Бери, не бойсь! Не стыдись, что человѣка чуть не убилъ! За такихъ людей, какъ я, никто не взыщетъ. На, бери! Никто ничего не узнаетъ о твоемъ дѣлѣ».

Таковъ босякъ Гришка Челкашъ. Въ сравненіи съ добродушнымъ, работящимъ и глуповатымъ мужикомъ Гаврилой—онъ, воръ и пьяница, настоящій герой и рыцарь чести.

Этотъ босякъ смотритъ на мужика сверху внизъ. Вообще всѣ герои Горькаго—босяки съ презрѣніемъ относятся къ деревнѣ: она имъ представляется ямой, гдѣ темно и сыро. И это вполнѣ понятно: деревня требуетъ постояннаго, упорнаго труда. Гулящему человѣку тамъ нѣчего дѣлать, и, какъ мы знаемъ, большинство босяковъ—это люди, не вынесшіе труда и тѣсноты деревни. Но какъ относится босяя команда къ другимъ сословіямъ? Отвѣтъ на это даетъ намъ разсказъ: «Бывшіе люди», пожалуй, лучшее произведеніе Горькаго. На самомъ концѣ города, въ полуразрушенномъ зданіи, ютится «ночлежка», ночлежный пріютъ, содержимый «бывшимъ человѣкомъ» ротмистромъ Аристидомъ Кувалдой. Философъ-циникъ и большой оптимистъ въ то же самое время, онъ играетъ среди своихъ кліентовъ роль признаннаго вождя, главы и руководителя. Подъ грубой оболочкой ротмистра бездна добродушія и чисто

человѣческихъ отношеній ко всѣмъ потерпѣвшимъ въ жизни крушеніе. Кувалда отрицательно относится къ культурному классу общества и ко всѣмъ сословіямъ, но истинною ненавистью ненавидитъ онъ только купца Петунникова котораго неизмѣнно называетъ Іудой, видя въ немъ воплощеніе насилія и грубаго эксплоататора капиталиста. Самымъ виднымъ членомъ ночлежки, послѣ Кувалды, является бывшій учитель, нѣкогда преподававшій въ учительскомъ институтѣ, тоже спившійся и глубоко несчастный человѣкъ, яснѣе другихъ понимающій ту бездну, въ которой ему приходится кончать свое существованіе. Перебиваясь репортерствомъ и мелкимъ хожденіемъ по дѣламъ, не рѣдко кляузнаго характера, онъ могъ бы выйти изъ этой колеи, если бы не общая надломленность, отсутствіе воли и вѣры въ себя. Учитель глубокій пессимистъ, потерявшій вѣру въ общество, въ людей, въ возможность перемѣны. Онъ любитъ только дѣтей, а въ водкѣ видитъ цѣлительницу отъ всѣхъ своихъ душевныхъ недуговъ. Около этихъ двухъ центральныхъ фигуръ группируются остальные члены союза «бывшихъ людей», — люди погибшіе, опустившіеся до такой степени, когда человѣкъ уже перестаетъ различать добро отъ зла и становится равнодушнымъ ко всему окружающему. Для нихъ нѣтъ смысла и цѣли въ жизни, что и выражаетъ философъ-ротмистръ въ афоризмѣ: «мы всѣ живемъ безъ достаточнаго къ тому основанія».

Однако это люди не глупые и съ явными признаками образованія. Любопытны разговоры, которые ведутъ «бывшіе люди» во время чтенія газеты, приносимой обыкновенно по вечерамъ учителемъ-репортеромъ. Кувалда злобствуетъ больше всего противъ «купца», который придавилъ и дворянина, и мужика.

Если въ криминальныхъ отдѣлахъ газеты дѣйствующимъ и страдающимъ лицомъ является купецъ, Аристидъ Кувалда ликуетъ Оборвали купца—прекрасно! только жаль, что мало. Лошади его разбили—пріятно слышать, но прискорбно, что онъ остался живъ. Искъ проигралъ купецъ—великолѣпно, но печально, что судебныя издержки не возложены на него въ удвоенномъ количествѣ.

— «Это было бы незаконно», замѣчаетъ учитель.

— Незаконно? Но законенъ ли самъ купецъ?—горячо спрашиваетъ Кувалда. Что есть купецъ? Разсмотримъ это грубое и нелѣпое явленіе: прежде всего каждый купецъ—мужикъ. Онъ является изъ деревни и, по истеченіи нѣкотораго времени, дѣлается купцомъ. Для того, чтобы сдѣлаться купцомъ, нужно имѣть деньги. Какъ извѣстно, онѣ не являются отъ трудовъ праведныхъ. Значитъ, мужикъ такъ или иначе мошенничалъ. Значитъ, купецъ-мошенникъ-мужикъ ....«Я повторяю», говоритъ Кувалда нѣсколько ниже: «Я вижу жизнь въ рукахъ враговъ, не враговъ только дворянина, но враговъ всего благороднаго, алчныхъ, неспособныхъ украсить жизнь чѣмъ-нибудь.

— Однако, братъ, говоритъ учитель: купцы создали Геную, Венецію, Голландію,—это купцы; купцы Англіи завоевали съ своей стороны Индію, купцы Строгановы...

— Какое мнѣ дѣло до этихъ купцовъ? горячится Кувалда: я имѣю въ виду Іуду Петунникова и иже съ нимъ.

— А до этихъ тебѣ какое дѣло? тихо спрашиваетъ учитель.

— А развѣ я не живу? возражаетъ Кувалда.

Ага! живу, значитъ долженъ негодовать при видѣ

того, какъ жизнь портятъ дикіе люди, поглотившіе ее».

Нѣсколько ниже Кувалда ораторствуетъ такъ: «Какъ бывшій человѣкъ, я долженъ смарать въ себѣ всѣ чувства и мысли, когда-то мои. Это, пожалуй, вѣрно... Но чѣмъ же я и всѣ вы—чѣмъ же вооружимся мы, если отбросимъ эти чувства? Намъ нужно что-то другое, другія воззрѣнія на жизнь, другія чувства... Намъ нужно что-то такое новое... ибо и мы въ жизни новость...

— И какая мы новость? гольтепа всегда была, говоритъ Объѣдокъ (прозвище одного изъ членовъ ночлежки).

— И она создала Римъ, говорилъ учитель.

— «Да, конечно», ликуетъ ротмистръ.

Ромулъ и Ремъ—развѣ они не золоторотцы? И мы—придетъ нашъ часъ—создадимъ.

— Нарушеніе общественной тишины и спокойствія, перебиваетъ Объѣдокъ.

«Странно было видѣть такъ разсуждающими этихъ людей, изгнанныхъ изъ жизни, рваныхъ, пропитанныхъ водкой и злобой, ироніей и грязью», замѣчаетъ авторъ. Итакъ, босякъ относится отрицательно и къ мужику, какъ представителю земли и деревни, и къ купцу, какъ представителю капитала. Какъ ни странны эти разсужденія, они понятны, если принять во вниманіе психологію этихъ потерянныхъ людей. Имъ, дѣйствительно, ничего не осталось въ жизни, кромѣ мечтаній о возможности чего-то новаго, что должно воскресить ихъ, дать смыслъ и цѣль ихъ существованію. Конечно, ротмистръ Кувалда положительно заблуждается, полагая, что «гольтепа» можетъ сама создать это новое. Пролетаріатъ никогда самъ по себѣ ничего не создавалъ, если не становился орудіемъ историческаго движенія. Относясь

отрицательно къ деревнѣ и купцу, босяки въ сущности протестуютъ противъ крестьянскаго тягла и капитала. Противъ другихъ сословій и классовъ общества босяки Горькаго, кажется, ничего не имѣютъ, такъ какъ не соприкасаются съ ними. Но трудъ и капиталъ—основные факторы цивилизаціи и прогресса, замѣтимъ мы.

Итакъ, каковы же принципы этой «золотой роты»? Что это за явленіе?

Можетъ-быть, эта «гольтепа»—просто опасный элементъ для общества? Эти люди, выбитые изъ житейской колеи, можетъ-быть, и на самомъ дѣлѣ потеряли всякія человѣческія чувства и озвѣрѣли? Есть ли для нихъ что святое?

Во многихъ своихъ разсказахъ Горькій показываетъ намъ, что его босяки не только не утратили представленія о добрѣ, а способны на дѣтски наивное доброе дѣло и очень часто и героическій подвигъ.

Въ разсказѣ: «Дѣло съ застежками», повѣствуется, какъ трое босяковъ работали у старухи-барыни и заинтересовались книгой съ серебряными застежками, которую читала барыня,—это была библія. Барыня предложила имъ почитать книгу, и во время чтенія одинъ босякъ оторвалъ серебряныя застежки. Босяки покончили работу, получили расчетъ и ушли. Одинъ изъ босяковъ, Мишка, выкупилъ у товарища застежки и принесъ ихъ барынѣ, которая и не замѣтила покражи. Сдѣлалъ онъ это по чистому влеченію сердца; но барыня стала его донимать разговорами. «И пошла жилы изъ меня тянуть... Ажъ взопрѣлъ отъ разговору... право...», разсказывалъ Сережка. Барыня предложила ему почитать святую книгу, но голодный босякъ отказался и ушелъ въ трактиръ ѣсть.

«Нераскаянныя души... Звѣриныя сердца», шипѣла

вслѣдъ ему барыня, не понимая голода и наивно-благороднаго поступка необразованнаго человѣка.

Другой босякъ, Орловъ, работаетъ съ самоотверженіемъ въ холерномъ баракѣ. Босякъ Емельянъ Пиляй, отправившись въ первый разъ въ жизни на разбой, кончилъ тѣмъ, что спасъ дѣвушку, пришедшую топиться, и даже не взялъ предлагаемыхъ ему денегъ.

Можно не мало привести примѣровъ великодушія и героизма босяковъ Горькаго. Это люди, сильные умомъ и нетрусливые духомъ.

Почему же имъ нѣтъ мѣста «въ жизни», какъ они выражаются, т.-е. почему они являются лишними людьми въ обществѣ и обречены на чисто пассивную роль?

И гдѣ же причины, вытолкнувшія ихъ изъ общественныхъ рамокъ и сдѣлавшія ихъ «бывшими людьми»? Отвѣтъ на эти вопросы даютъ сами же бывшіе люди. Челкашу нечего дѣлать въ деревнѣ съ его широкою натурою, а въ городѣ его удаль примѣнима только къ совершенію опасныхъ и дерзкихъ кражъ. Другой босякъ, Коноваловъ, болѣе вдумчивый и мягкій, чѣмъ ожесточенный Челкашъ, самъ сокрушается очевидною для него самого собственною ненужностью, неумѣньемъ найти свою «точку», которая указала бы ему «порядокъ» жизни. Онъ живетъ больше чувствомъ, которое не мирится съ окружающею его неправдой, но не можетъ вывести его на дорогу болѣе правильной жизни,—и пьетъ запоемъ,—«отъ тоски», какъ поясняетъ онъ. «Что я такое? спрашиваетъ онъ: «босякъ, галахъ... пьяница и тронутый человѣкъ.

Жизнь у меня безъ всякаго оправданія. Зачѣмъ я живу на землѣ и кому на ней нуженъ, ежели посмотрѣть? Ни угла своего, ни жены, ни дѣтей... и ни до чего до этого даже охоты нѣтъ... Живу и тоскую...

про что,—не извѣстно. Въ родѣ того со мной, какъ бы меня мать на свѣтъ родила безъ чего-то такого, что у всѣхъ прочихъ людей есть, и что человѣку прежде всего нужно. Внутренняго пути у меня нѣтъ.

Понимаешь? Какъ бы это сказать? Этакой искорки въ душѣ нѣтъ... силы, что ли? Ну, нѣтъ во мнѣ одной штуки, и всѣ тутъ.

Вотъ я и живу и эту штуку ищу, и тоскую по ней, а что она такое есть? это мнѣ неизвѣстно» . . Коноваловъ безпощаденъ къ себѣ.

«Каждый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ, и никто въ томъ не виновенъ, ежели я подлецъ есть», говоритъ онъ... «Я самъ виноватъ въ моей долѣ! Не нашелъ я точки моей... Ищу, тоскую и не нахожу» (II, 24). И этотъ силачъ, душа-человѣкъ, не зналъ, что ему дѣлать въ жизни, и кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Другой босякъ, Орловъ, озлобленный мизантропъ, не знаетъ покоя отъ собственнаго настроенія. «Я родился съ безпокойствомъ въ сердцѣ»... говоритъ онъ: «и судьба моя—быть босякомъ! Самое лучшее въ свѣтѣ—свободно и тѣсно все-таки. Ходилъ я и ѣздилъ въ разныя стороны... никакого утѣшенія. Пью?... Конечно, а какъ же? Все-таки водка—она гаситъ сердце... А горитъ сердце большимъ огнемъ... Противно все: города, деревни, люди разныхъ калибровъ... Тьфу! Неужто же лучше этого и выдумать ничего нельзя?» (II, 151).

Я не исчерпалъ всѣхъ босяцкихъ типовъ Горькаго, но коснулся главнѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ представителей босой роты. Разберемся въ фактахъ, приведенныхъ Горькимъ. Сочиненія Горькаго считаются новымъ словомъ въ литературѣ. И дѣйствительно, до него только Левитовъ затрогивалъ жгучій вопросъ о босой командѣ. Но въ настоящее время Левитовъ за-

быть, и сочиненія его, пропитанныя узкимъ субъективизмомъ и расплывчатымъ лиризмомъ, далеко не имѣютъ широты и размаха, свойственнаго таланту Горькаго. И потому для большинства читателей образы Горькаго были совершенно новизною. И, такъ какъ у насъ большинство людей смотритъ на жизнь глазами литературы, то для многихъ и самое босяцкое царство, изображенное Горькимъ, оказалось явленіемъ новымъ, во всякомъ случаѣ открытымъ неожиданно. На самомъ же дѣлѣ явленіе это старое и достаточно обоснованное жизнью. На базарѣ, у трактировъ нашихъ городовъ въ изобиліи трутся безъ дѣла отрепанные, иногда жалкаго, иногда гнуснаго вида субъекты, при видѣ которыхъ интеллигентный человѣкъ брезгливо отворачивается, инстинктивно оберегая кошелекъ въ карманѣ и почему-то ощущая нѣкоторую стыдливость за свою сытость и благообразіе. Лица этихъ субъектовъ обыкновенно нахальны и часто умны Частыя голодовки, именуемыя деликатно недородами, выгоняютъ изъ деревень тысячи крестьянъ на заработки, и не малый процентъ изъ нихъ навсегда остается въ городѣ, вступая въ ряды золотой роты. Заворовавшійся приказчикъ, запьянствовавшійся мелкій чиновникъ, купеческій сынокъ, забулдыга дьячокъ —пополняютъ ту же компанію. Въ Москвѣ, у Иверской часовни, мнѣ показывали даже графа, настоящаго графа, который, будучи типичнымъ золоторотцемъ, за двугривенный и косушку могъ написать, что угодно и на кого угодно. Конечно, большинство изъ нихъ — люди безъ воли; безъ посторонней помощи имъ трудно стать на ноги: это наслѣдственные алкоголики или же пріобрѣтшіе запой личнымъ упражненіемъ. Но есть въ этой печальной ротѣ люди и сильные духомъ, которые, вслѣдствіе крупныхъ индивидуальныхъ способностей, не

подходятъ подъ обычную мѣрку. Несомнѣнно, цивилизація имѣетъ величайшую заслугу въ исторіи человѣчества: дисциплинируя и облагораживая человѣчество, она въ концѣ концовъ дала европейца и выходца изъ Европы американца. Но зато таже самая цивилизація суживаетъ индивидуальность человѣка. Кто не умѣетъ приспособиться къ современнымъ формамъ жизни, тотъ обязательно будетъ измятъ и стоптанъ, хотя эта неприспособляемость можетъ зависѣть не отъ недостатка способностей, а отъ избытка. Горькій отмѣчаетъ это обстоятельство, но, къ сожалѣнію, не комментируетъ его достаточно, и намъ иногда кажется, что авторъ ставитъ своихъ босяковъ въ примѣръ благовоспитанному читателю, что весьма обижаетъ многихъ. А между тѣмъ самая поверхностная историческая справка удостовѣритъ насъ, что эти нагои, люди, не уложившіеся въ общественныя рамки, играли въ исторіи не малую роль. Мы не будемъ рѣшать вопроса, въ какой степени Ромулъ и Ремъ были золоторотцами. Вспомнимъ только нашего былиннаго Ваську Буслаева, который озорничалъ на улицахъ Великаго Новгорода, оттуда затѣмъ ходилъ въ Палестину или вообще на югъ и востокъ и погибъ отъ своего же озорства, такъ какъ сталъ прыгать чрезъ что-то такое, чрезъ что прыгать совсѣмъ не слѣдовало. Вспомнимъ каликъ перехожихъ, ушкуйниковъ, пріобрѣтшихъ Россіи поволожье. Бродяги засѣляли нашъ сѣверъ, бродяги населили Донъ и Уралъ; безпокойная вольница завоевала Сибирь и кланялась ею московскому государю. Южно-Русская Сѣчь, населенная тоже свободолюбивой вольницей, была оплотомъ православной вѣры и русской народности. Вспомнимъ Стеньку Разина и Пугачова—людей тоже босой команды. Конечно, различны историческіе факторы, породившіе эти исто-

рическія явленія; но несомнѣнно, не одна только нужда вела Ермака въ Сибирь: очевидно, тамъ были и какія-то чисто психическія побужденія. Горькій часто смотритъ снизу вверхъ на своихъ босяковъ, и дѣйствительно многіе изъ нихъ, живи они на нѣсколько вѣковъ раньше, могли бы стать историческими дѣятелями. Къ сожалѣнію, теперь Римъ построенъ—уже очень давно, поволжье стало чисто русскимъ, Сибирь завоевана, и даже чрезъ нее проведена желѣзная дорога, и босякамъ нѣтъ дѣла въ нашемъ обществѣ. Но фактъ остается фактомъ: золотая рота процвѣтаетъ, и многіе члены ея обладаютъ недюжинными способностями, съ успѣхомъ занимаясь журналистикой и адвокатурой. Въ этомъ правъ Горькій. Рѣшаемся нѣсколько расширить рамки общественной жизни и скажемъ нѣсколько больше того, что говоритъ нашъ талантливый авторъ.

Горькій главнымъ образомъ изображаетъ босяковъ, поставляемыхъ низшими классами общества. Капитанъ Кувалда—у него единственный дворянинъ. Но вспомнимъ, что даже въ интеллигентныхъ кругахъ общества издавна лелѣялся беллетристикою идеалъ бездомнаго шатуна. Въ самомъ дѣлѣ, что такое наши герои времени—Евгеній Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ, какъ не интеллигентные бродяги? Несомнѣнно, у русскаго человѣка есть жилка бродяги, можетъ-быть, пережитокъ кочевого образа жизни. У насъ есть странники, богомольцы; есть даже особая раскольничья секта бѣгуновъ. Вспомнимъ некрасивый типъ гулящаго по Европѣ русскаго барича до-реформенной Руси, и безцѣльнаго любителя заграничныхъ путешествій нашихъ дней. Вѣдь это тоже развѣ не бродяги? И въ этомъ отношеніи любой босякъ Горькаго съ полнымъ основаніемъ можетъ подать руку желудочно-половому космополиту-баричу, блуждающему

по заграницамъ, котораго такъ безпощадно изобразилъ сатирикъ Салтыковъ. Извѣстный публицистъ Меньшиковъ проводитъ далѣе параллель и въ каждой интеллигентной личности современнаго общества усматриваетъ не малую дозу босячества. «Въ самомъ дѣлѣ, что такое босяки? спрашиваетъ Меньшиковъ: «Они—оторванный отъ народа классъ, но и мы—оторванный; мы сверху, они—снизу. Они потеряли связь съ землей и живутъ случайными отхожими промыслами, и мы также. Они не хозяева и всегда наемники, и мы тоже. Они бродятъ по всей странѣ изъ конца въ конецъ, отъ Либавы до Самарканда, и мы также: наша чиновничья интеллигенція съ безпрерывными переводами, перемѣщеніями бродитъ не менѣе золоторотцевъ, хотя и получаетъ за это прогоны. Даже въ тѣхъ случаяхъ, если мы сидимъ прочно на мѣстѣ, насъ, какъ босяковъ, начинаетъ мучить тоска, невыносимая скука, и мы должны бѣжать куда-нибудь хоть на время—за границу, на Кавказъ, въ Крымъ (куда бѣгутъ и босяки). Бродяги постоянно мѣняютъ свои квартиры—мы тоже. У многихъ ли у насъ есть дома? Огромная разница, скажете вы: мы сыты, босяки голодны. Однако всѣ ли мы сыты и всегда ли? И всѣ ли босяки голодны? Питаясь въ студенческіе годы по кухмистерскимъ, а въ поздніе—обремененные семьей, много ли лучше босяковъ мы питаемся, по крайней мѣрѣ, въ значительной массѣ? Съ внутренней стороны параллель между интеллигенціей и босяками, пожалуй, еще рѣзче. Босяки не такъ начитаны, какъ мы, но почти всѣ они интеллигентны—всѣ мыслятъ, всѣ имѣютъ свою философію и буквально ту, какъ двойникъ ея наверху. Всѣ они не довольны порядкомъ вещей и держатся за этотъ порядокъ, кормятся отъ него. Всѣ они скептики и матеріалисты, свободные мыслители, от-

рицающіе культурные предразсудки»...—Я не стану продолжать остроумную паралель Меньшикова. Несомнѣнно, что въ этомъ парадоксѣ много печальной правды.

Извѣстно, что Горькій создалъ себѣ литературную извѣстность своими босяцкими типами, и обыкновенно думаютъ, что Горькій идеализируетъ, ставитъ на пьедесталъ своихъ босяковъ, въ укоръ интеллигенціи награждая своихъ босяковъ многими качествами. И это на самомъ дѣлѣ такъ, но все же здѣсь необходима оговорка. Горькій обыкновенно идеализируетъ своихъ босяковъ; но безъ этихъ идеаловъ,—любви къ свободѣ и независимости, пожалуй, и совсѣмъ бы не было босяковъ, покрайней мѣрѣ процентъ ихъ значительно сократился бы.

Н. Гальковскій.

Окончаніе будетъ.

Человѣкъ-педагогъ.

Изъ жизни и дѣятельности бывшаго учителя и инспектора гимназій.

Настоятельная потребность въ фактическомъ изображеніи положительнаго типа современнаго педагога.—Одинъ изъ видныхъ представителей этого типа.—Его дѣтство.—Школьные его годы.—Первый опытъ педагогической службы въ уѣздномъ городѣ.—Жизнь и служба въ городѣ губернскомъ.—Дѣятельность въ Москвѣ.—Кончина его, скорбь сослуживцевъ и учениковъ и ученицъ.—Общность его чертъ характера лучшихъ дѣятелей нашего учительскаго сословія.

I.

Преобладаніе въ современной печати изображеній чертъ и типовъ отрицательныхъ въ учительской средѣ.—Несоотвѣтствіе ихъ дѣйствительности, въ ея цѣльномъ составѣ, и важность изображеній представителей положительнаго типа.—Выдающійся, по широтѣ и цѣльности, представитель этого типа.

За послѣднее время необычно много приходилось слышать и читать о педагогахъ. Заявленная необходимость широкой учебной реформы, сверху донизу, слухи о ней, обсужденія мѣропріятій относительно школъ, введеніе нѣкоторыхъ измѣненій усиленно вызывали печать и общество на эти сообщенія и обсужденія. Чаще всего рѣчь велась о педагогахъ въ среднихъ школахъ и несравненно менѣе о преподающихъ въ школахъ высшихъ и низшихъ. Замѣчательно при этомъ, что рисовались обыкновенно все темныя черты, широко выставлялись типы отрицательные. Быть можетъ, на то были особые мотивы, въ цѣляхъ доказательства необходимости самой широкой и радикальной реформы...

Однако, если бъ педагогическій персоналъ у насъ былъ все дѣйствительно таковъ, какимъ объявили его

въ текущей печати, положеніе школьнаго дѣла должно бы признать прямо безотраднымъ. Надо бы удивляться, какъ только еще держатся наши среднія школы при такихъ преподавателяхъ и администраторахъ въ нихъ! Школьное дѣло слѣдовало бы признать непоправимымъ и въ будущемъ, по крайней мѣрѣ ближайшемъ, потому что набрать, и притомъ въ требующемся количествѣ, какихъ-то «новыхъ» людей вѣдь неоткуда, помимо того же персонала и изъ прошедшихъ тѣ же школы.

Педагогическій персоналъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ далеко не таковъ въ своей совокупности, какимъ хотѣли бы или старались представить его; въ употребленіи тѣневыхъ красокъ не соблюли мѣры. Предъ нами книги, гдѣ собраны дѣйствительные факты жизни и дѣятельности недавно скончавшагося педагога, а по связи съ тѣмъ и иныхъ, внесены искреннія, неподдѣльныя свидѣтельства и воспоминанія о немъ. Педагогъ этотъ не занималъ какого-либо виднаго административнаго поста, онъ былъ, можно сказать, рядовымъ въ нашей преподавательской средѣ; свидѣтельства и воспоминанія о немъ чужды всего искусственнаго, вылились они отъ чистаго сердца лицъ, близко знавшихъ его, жившихъ и служившихъ съ нимъ или учившихся у него. Въ чертахъ, собранныхъ здѣсь, видны облики и многихъ, многихъ другихъ преподавателей, — видно, какъ складывались и складываются они, и среди какихъ условій и обстоятельствъ идетъ жизнь и работа этихъ дѣятелей. Въ данномъ, отдѣльно изображенномъ, образѣ лишь съ наибольшею рельефностію и полнотой нашелъ себѣ воплощеніе тотъ положительный типъ нашего педагога, которымъ поддерживается, живетъ наша средняя школа, при нелегкости условій ея существованія. И, если важно знать черты всеотри-

цательныя, то еще поучительнѣе знать дѣйствительность въ ея цѣлости, типы положительные.

Педагогъ, для жизнеописанія и характеристики котораго заботливо собраны въ сборникѣ [1]) необыкновенно цѣнныя и интересныя данныя,—Ѳедоръ Владиміровичъ Цвѣтаевъ, скончавшійся 12 февраля 1901 года инспекторомъ и преподавателемъ 2-й Московской женской гимназіи, незадолго предъ тѣмъ бывшій также преподавателемъ VI-й Московской классической гимназ., а ранѣе—преподавателемъ реальнаго училища и Военной гимназіи въ Орлѣ и классической прогимназіи въ Шуѣ. Начавшись въ уѣздномъ городѣ, педагогическая служба и дѣятельность его продолжалась въ городѣ губернскомъ и закончилась въ Москвѣ.

II.

Дѣтскіе годы Ѳедора Владиміровича Цвѣтаева.—Игры и занятія.—Вліяніе отца и окружающей сельской природы и быта.

Ѳедоръ Владиміровичъ Цвѣтаевъ былъ сынъ сельскаго священника владимірской губ. шуйскаго уѣзда, родился въ 1849 г. Дѣтство его прошло въ обстановкѣ сельской природы и простого русскаго быта; игры и забавы причетническихъ и крестьянскихъ дѣтей были и его играми. Первыми уроками въ грамотѣ и воспитаніи онъ обязанъ былъ своему отцу, человѣку необык-

---

[1]) М. Анненковъ: «Ѳедоръ Владиміровичъ Цвѣтаевъ въ воспоминаніяхъ его товарищей и учениковъ». Москва, 1902. Изданная не для продажи, книга въ продажѣ не имѣется. Въ Редакцію нашу доставлена лицомъ, близкимъ къ почившему. Пользуясь ею и дѣлая изъ нея извлеченія, присоединяемъ съ своей стороны и нѣсколько новыхъ данныхъ.

новенно доброму, серіёзному, погруженному въ исполненіе своихъ дѣлъ по церкви, приходу и хозяйству и пользовавшемуся любовію прихожанъ и уваженіемъ въ округѣ, избравшемъ его себѣ духовникомъ и благочиннымъ. Ставя для дѣтей своихъ прямою цѣлью хорошее книжное ученье, о. Владиміръ (такъ всѣ звали его въ его округѣ) однако не только не отстранялъ ихъ отъ сельскихъ работъ, но, работая самъ, заставлялъ и дѣтей помогать ему и помочанамъ; и впослѣдствіи, когда они, состоя уже на службѣ, навѣщали его во время лѣтнихъ каникулъ, любилъ онъ показывать имъ свое хозяйство, школу, ходилъ съ ними любоваться своимъ небольшимъ, но хорошо воздѣланнымъ полемъ.

Впечатлѣнія сельской природы и быта, получавшіяся не изъ книгъ и не по книжному, черты характера отца и семейственность глубоко потомъ отразились въ личномъ складѣ ума и характера Өедора Владиміровича. Съ народной пѣснью, съ радостями и печалями крестьянскаго люда, съ трудомъ и поэзіей уборки полей и луговъ онъ непосредственно ознакомился съ своего ранняго дѣтства, что потомъ очень пригодилось будущему учителю русской словесности.

III.

Періодъ школьнаго ученья.—Ученье въ шуйскомъ и владимірскомъ духовныхъ училищахъ и владимірской духовной семинаріи.—Характерныя черты въ бытѣ и строѣ духовныхъ школъ того времени, вліяніе ихъ на Өедора Владиміровича и уроки, вынесенные оттуда имъ для жизни.—Обученіе въ С.-Петербургскомъ университ.—Трудность студенческихъ занятій.—Товарищество.—Вліяніе профессоровъ.—Гуманность во взглядахъ и отношеніяхъ.

Когда Өедору Владиміровичу исполнилось 9 лѣтъ, онъ былъ помѣщенъ въ шуйское духовное училище, гдѣ учились его старшіе братья.

Велика была бѣдность жизни юношей духовныхъ школъ въ ту до-реформенную пору. По 8—10 человѣкъ ютились они въ заднихъ избахъ или кухняхъ бѣдныхъ жителей уѣздныхъ городовъ, не зная кроватей, и ходили въ жесткихъ пестряныхъ рубашкахъ. Посѣщали они школу до 15 лѣтъ въ лѣтнюю пору босикомъ, а зимой оставались все время классовъ въ овчинныхъ домашняго приготовленія тулупахъ и валенкахъ. Въ одномъ классѣ училось до 60—70 человѣкъ, во владимірскомъ духовномъ училищѣ, куда потомъ, по переходѣ старшихъ братьевъ во владимірскую духовную семинарію, былъ переведенъ Ѳед. Влад., число учениковъ въ классѣ заходило за 100; въ каждомъ классѣ всѣ сидѣли по два года. Многолюдство классовъ крайне затрудняло возможность учителямъ распознавать своихъ учениковъ и слѣдить за индивидуальными особенностями дарованій и характеровъ ихъ, а воспитанниковъ лишало случая вполнѣ обнаружить свой внутренній строй и пользоваться надлежащимъ уходомъ своихъ наставниковъ. Къ этому присоединялось механическое сокращеніе числа учащихся чрезъ пріемный экзаменъ въ семинарію, которая, будучи одной на нѣсколько училищъ, не могла вмѣстить всѣхъ оканчивающихъ курсъ тамъ. Реформа духовн. учебныхъ заведеній, постепенно произведенная во второй половинѣ 70-хъ годовъ, исправила многія изъ неудобствъ, а главное, она превратила училища и семинаріи изъ трехклассныхъ въ четырехъ—и шестиклассныя, съ годичнымъ курсомъ. Уменьшеніе числа учениковъ въ каждомъ классѣ на цѣлую половину и нѣкоторое обновленіе въ методахъ преподованія и въ штатѣ учителей благотельно отозвались на многихъ изъ учившихся, также и на Ѳед. Вл—чѣ. Поступивъ во многолюдный классъ, онъ долго не былъ виденъ въ массѣ, вынесъ неудачу

на пріемномъ экзаменѣ въ семинарію, но чрезъ годъ—два послѣ реформы его трудно было уже узнать: обнаружились въ немъ—внутренній огонь, любознательность и настойчивое стремленіе къ высшему образованію. Изъ 4-го класса семинаріи онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ.

Бѣдность школьной жизни, въ несоотвѣтственныхъ помѣщеніяхъ, съ аскетически скуднымъ и простымъ питаніемъ и хожденіемъ домой пѣшкомъ на лѣтнія каникулы за много верстъ со всѣмъ имуществомъ за плечами, вселила однако въ душу будущаго учителя и инспектора твердое пониманіе горечи чужой нужды. Собственный тяжелый опытъ изъ первыхъ лѣтъ школьнаго ученія наградилъ его убѣжденіемъ и въ крайнемъ вредѣ многочисленныхъ классовъ, въ желательности параллельныхъ отдѣленій для школъ и основаніи школъ новыхъ, и жизненнымъ правиломъ не спѣшить оцѣнкою умственныхъ способностей и нравственнаго строя учениковъ, особенно, такъ называемыхъ, слабыхъ. И на себѣ, и на другихъ онъ видѣлъ примѣры болѣе поздняго, болѣе медленнаго развитія, которое оказывалось впослѣдствіи болѣе прочнымъ и болѣе надежнымъ сравнительно съ блестательными проявленіями даровитости при началѣ ученія. Оттого-то онъ такъ былъ потомъ участливъ къ матеріальнымъ нуждамъ учащихся, такъ усиленно берегъ своихъ питомцевъ отъ дурныхъ послѣдствій неудовлетворительныхъ отмѣтокъ всякаго рода—въ первые годы ихъ пребыванія въ школѣ; оттого-то для него казались особенно несимпатичными скороспѣлыя сужденія и приговоры формально самоувѣренныхъ педагоговъ, и добиться отъ него тяжелой и крутой мѣры относительно «неисправимыхъ» малышей было прямо нельзя.

Въ С.-Петербургскій университетъ Ѳедоръ Влади-

міровичъ поступилъ въ 1870 году, на историко филологическій факультетъ. Къ той порѣ въ духовныхъ семинаріяхъ случился уже упадокъ «латыни», которою они славились въ прежнія эпохи; усилилось изученіе болѣе фактическихъ предметовъ: историческихъ, историко-словесныхъ, историко-философскихъ, историко богословскихъ, вообще болѣе прямо гуманитарныхъ. Питомцамъ семинарій, легко справлявшимся съ дѣломъ на юридическомъ и отчасти медицинскомъ факультетахъ, приходилось первые годы на историко-филологическомъ факультетѣ особенно много работать по древнимъ языкамъ, начиная было почти съ начала; жизненная обстановка не давала имъ предъ тѣмъ и практическаго изученія новыхъ языковъ. Привыкши къ устойчивости въ умственномъ трудѣ, способные къ матеріальнымъ самоограниченіямъ, внутренно чуткіе и развитые, они обыкновенно поборали препятствія, были особенно отзывчивы къ профессорамъ-словесникамъ и историкамъ, но успѣшно справлялись и съ другими задачами и условіями, на старшихъ курсахъ оказывались вполнѣ надежными, прекрасными студентами. Въ нѣкоторой мѣрѣ замѣчается это и доселѣ въ тѣхъ университетахъ и факультетахъ, которые открыты для воспитанниковъ семинарій.

Трудную университетскую школу первоначальныхъ классическихъ штудій прошелъ вмѣстѣ съ товарищами и Ѳед. Вл—чъ, на первыхъ двухъ курсахъ работавшій и чрезвычайно много, и съ крайнимъ напряженіемъ силъ, стоившимъ ему, на первомъ году, тяжелой болѣзни. Поборовши это затрудненіе, онъ съ третьяго курса избралъ для себя спеціальностью русскій языкъ и русскую словесность, изученіе и преподаваніе которыхъ и стало потомъ для него дѣломъ цѣлой жизни.

Замѣчательное благодушіе, прямота, живая спо-

собность быстро и глубоко неподдѣльно проникаться чужимъ горемъ создали ему видное положеніе между сверстниками [2]), которые бывало густою толпой любили собираться въ его студенческой квартирѣ.

Ѳ. Вл—чъ окончилъ курсъ со степенью кандидата, испытавъ на себѣ благотворное вліяніе лекцій и руководства профессоровъ И. И. Срезневскаго, О. Ѳ. Миллера и М. И. Сухомлинова, которому имъ представлено было большое и дѣльное кандидатское сочиненіе: «О языкѣ» «Поученія» Владиміра Мономаха». Профессора обыкновенно еще не отстранялись тогда отъ внѣслужебнаго общенія состудентами, и Ѳ. Вл. бывалъ принятъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ и въ домѣ и пользовался ихъ добрыми совѣтами и указаніями. Въ этомъ отношеніи онъ съ благодарностію всегда вспоминалъ и профессоровъ филологовъ: Благовѣщенскаго, Дестуниса и Помяловскаго. На студентовъ съ особою обаятельною силой дѣйствовалъ профессоръ Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ какъ своимъ научнымъ энтузіазмомъ, такъ и складомъ своей нравственной личности. Идеальная доброта этого ученаго и профессора несомнѣнно заронила не одно плодотворное сѣмя на воспріимчивое сердце Ѳед Вл—ча, ставшаго въ своей дѣятельности человѣколюбцемъ по преимуществу, отличавшимся рѣдкою деликатностью въ обхожденіи съ другими и высокимъ уваженіемъ правъ человѣческихъ во всякомъ, будь это мальчикъ, дѣвочка или старикъ, знатный или бѣднякъ, человѣкъ ему совсѣмъ сторонній или въ какомъ-нибудь отношеніи отъ него зависѣвшій, какъ единодушно свидѣтельствуютъ объ этомъ всѣ его знавшіе потомъ.

Окончаніе будетъ.

---

[2]) Въ числѣ однокурсниковъ былъ бывшій минист. народ. просвѣщенія Г. Эд. Зенгеръ и др.

Къ вопросу о реформѣ средней школы.

Прошло уже нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ открыто былъ поднятъ вопросъ о ненормальной постановкѣ нашей средней школы, требующей серьезнаго реформированія; русское общество до сихъ поръ съ живымъ интересомъ слѣдитъ за всѣмъ, касающимся реформы средней школы и доходящимъ до его слуха путемъ циркуляровъ, газетныхъ и журнальныхъ сообщеній, а иногда и простыхъ предположеній и догадокъ; литература интересующаго общество вопроса выросла неимовѣрно, и трудно указать какое-либо изъ періодическихъ изданій, не говоря уже о спеціально педагогическихъ, которое бы такъ или иначе не высказалось по этому поводу. Все указанное живо свидѣтельствуетъ о томъ, насколько назрѣлъ вопросъ о средней школѣ, насколько велика потребность въ его разрѣшеніи.

Въ лѣтніе мѣсяцы прошлаго года появился, какъ извѣстно, министерскій циркуляръ [1]), поставившій рядъ вопросовъ, требовавшихъ серьезнаго и всесторонняго разсмотрѣнія, при чемъ въ самомъ циркулярѣ высказалась увѣренность, что педагогическіе совѣты не отнесутся формально къ высказаннымъ въ циркулярѣ соображеніямъ, и что послѣднія не обратятся по заслушаніи въ мертвую букву. Однако, несмотря на дѣйствительно животрепещущій характеръ поставленныхъ вопросовъ, можно почти съ увѣренностью сказать, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ и лишь за очень

[1]) 28 іюня 1903 г.

немногими исключеніями вопросы и соображенія были выслушаны въ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ, приняты къ свѣдѣнію и именно обратились въ ту мертвую букву, о которой была рѣчь Да, впрочемъ, въ этомъ и нѣтъ ничего мудренаго. Педагогическій міръ въ силу своего воспитанія и закваски больше привыкъ къ выполненію предписаній, чѣмъ къ проявленію иниціативы, какъ засвидѣтельствовали объ этомъ и литература, и пресса, и сама жизнь; онъ настолько привыкъ опасаться, не довѣрять, онъ до сихъ поръ такъ заваленъ работой, такъ обремененъ уроками при дороговизнѣ жизни и скудости содержанія, такъ переутомленъ и физически обезсиленъ благодаря переполненности классовъ и негигіеничности школьныхъ зданій, наконецъ, такъ изнервничался вслѣдствіе нескрываемаго за послѣднее время антагонизма между семьей и школой, что много усилій, много сам й горячей и беззавѣтной энергіи понадобится при реформированіи школы, чтобы вызвать педагогическій міръ въ его цѣломъ, а не въ отдѣльныхъ представителяхъ, къ живой и дружной работѣ на нивѣ сѣянія добраго, разумнаго, вѣчнаго. Сомнѣваться въ томъ, что наше юношество пойдетъ при измѣнившихся къ лучшему условіяхъ навстрѣчу обновленному педагогическому міру, не приходится. Въ самомъ дѣлѣ, можно съ увѣренностью сказать, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ юношество средней школы, независимо даже отъ его національныхъ и вѣроисповѣдныхъ различій [2]), обнаруживаетъ въ началѣ своего обученія столько безкорыстнаго (а не изъ-за отмѣтки и боязни наказанія) интереса

[2]) Исходимъ изъ наблюденій надъ учениками младшихъ классовъ Варшавскаго и отчасти Кавказскаго учебныхъ округовъ.

къ преподаваемому, столько довѣрія къ личности учителя и готовности повѣрять ему не только мелкія, но и серьезныя, съ дѣтской точки зрѣнія, тайны, что при достаточной подготовленности учителя, при вѣрѣ въ свое дѣло и при любви къ дѣтямъ, въ его рукахъ находится самый благодарный матеріалъ [3]). Обратитесь къ учителямъ и учительницамъ младшихъ классовъ, и вы, въ большинствѣ случаевъ, найдете, что и нервы у нихъ меньше развинчены, и своей дѣятельностью они больше удовлетворены, чѣмъ руководители старшихъ классовъ. Но войдите въ средній или старшій классъ, если вы не вели его раньше и не сдружились съ нимъ, и вы встрѣтите либо полу-насмѣшливые, полу-презрительные и во всякомъ случаѣ — недовѣрчивые взгляды, либо выраженіе заискиванія и безмолвной готовности исполнять ваши распоряженія; начнутся затѣмъ испытыванія вашихъ знаній путемъ задаванія неожиданныхъ или казуистическихъ вопросовъ, испытываніе вашего терпѣнія путемъ шопота, шума во время уроковъ, списыванія во время письменныхъ работъ, подсказовъ во время отвѣта и т. д.; дальше начнутъ испытывать, какъ-то вы поступите, встрѣтивъ ученика съ папироской на улицѣ или безъ отпускного билета въ театрѣ, какъ будете относиться къ разговорной рѣчи (въ гимназіяхъ съ нерусскимъ элементомъ) и т. д., и т. д., и надо откровенно сказать, необходимо, во 1), много серьезныхъ и разностороннихъ знаній въ области какъ научной вообще

[3]) Не говорю, разумѣется, о тѣхъ сравнительно немногихъ исключеніяхъ, когда дѣти поступаютъ въ школу изъ фанатически и нетерпимо настроенныхъ семей или исковерканы неправильнымъ домашнимъ воспитаніемъ (забитость, лживость, своеволіе и т. д.).

такъ психологіи и педагогической науки въ частности, во 2), много такта, воспитанности, силы воли и хладнокровія, наконецъ, въ 3), самой горячей любви къ юношеству, чтобы выйти побѣдителемъ изъ указанннго искуса. Спрашивается, почему же тѣ самыя дѣти, которыя въ младшихъ классахъ такъ внимательно слѣдятъ за вашими словами, сдерживая свою дѣтскую подвижность, окружаютъ васъ въ корридорахъ, провожаютъ по улицѣ, бѣгутъ къ вамъ на домъ съ своими радостями и горестями, читаютъ, по вашему указанію, книжки и засыпаютъ васъ вопросами [4]), почему эти самыя дѣти, дойдя до старшихъ классовъ, встрѣчаютъ крайне недовѣрчиво и почти враждебно новаго учителя?

Отвѣтъ можно между прочимъ найти въ одномъ изъ пунктовъ упомянутаго циркуляра г. Министра, гдѣ говорится о тѣхъ гибельныхъ послѣдствіяхъ, которыя влекутъ за собою «первая испытанная въ школѣ несправедливость и оскорбленіе созрѣвающаго въ юношѣ чувства человѣческаго достоинства». Эти оскорбленія чувства человѣческаго достоинства, насмѣшки, окрики, недовѣріе къ ученику, формальное и сухое отношеніе къ своему живому педагогическому дѣлу со стороны худшихъ элементовъ педагогическаго персонала парализуютъ сплошь и рядомъ усилія лучшихъ педагогическихъ силъ и создаютъ ту нравственную пропасть, которая раздѣляетъ учениковъ и учителей, и которую такъ трудно бываетъ уничтожить. А сколько, въ самомъ дѣлѣ, встрѣтитъ ученикъ самыхъ разнообразныхъ педагогическихъ типовъ,

---

[4]) Основываемся на наблюденіи въ гимназіяхъ Варшавскаго Уч. Окр., гдѣ, казалось бы, различіе національности преподавателя и учениковъ могло служить тормазомъ ихъ сближенію.

пока дойдетъ напр. хотя бы до 5—6 классовъ, и сколько среди его педагоговъ найдется лицъ, избравшихъ свою дѣятельность по призванію? «Призваніе учителя, сказалъ нашъ знаменитый писатель [5]) есть призваніе высокое и благородное, но не тотъ учитель, кто получаетъ воспитаніе и образованіе учителя, а тотъ, у кого есть внутренняя увѣренность въ томъ, что онъ есть, долженъ быть и не можетъ быть инымъ». Такихъ же убѣжденныхъ, вѣрящихъ въ свое дѣло, «учителей по призванію» приходится у насъ считать при упомянутыхъ выше неблагопріятныхъ условіяхъ школы чуть ли не по пальцамъ, а потому и не мудрено, что изъ наличнаго педагогическаго персонала значительное большинство приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы съ педагогической точки зрѣнія и готовитъ для университетовъ либо юношей, ничѣмъ серьезно не интересующихся, не отличающихся ни бойкостью ума, ни здравомысліемъ, ни высокими стремленіями, или же людей съ достаточнымъ развитіемъ, съ достаточнымъ запасомъ энергіи и силы воли, но либо озлобленныхъ, либо вообще не чувствующихъ признательности школѣ, которая въ минуты неизбѣжныхъ юношескихъ увлеченій, колебаній и шатаній, въ минуты мучительной работы надъ выработкой міросозерцанія не протягивала имъ дружеской руки [6]), не шла навстрѣчу путемъ сердечныхъ совѣтовъ, откровенныхъ

---

[5]) Гр. Л. Н. Толстой.

[6]) Нашу мысль подтверждаетъ и слѣдующее мѣсто циркуляра: «Задача и тутъ сводится къ тому, чтобы не оставаться для воспитанника совершенно чужимъ человѣкомъ, отъ котораго, кромѣ оффиціальныхъ словъ, никогда ничего не ожидаешь и о которыхъ даже не вспомнишь, когда переживаешь сомнѣніе и душевную борьбу.

бесѣдъ педагоговъ съ учащимися, путемъ указанія книгъ живыхъ, дѣльныхъ и особенно пригодныхъ въ тотъ или иной моментъ жизни и душевнаго состоянія ученика, наконецъ, путемъ выясненія но выясненія серьезнаго, строго обоснованнаго научно или этически, а не опирающагося исключительно на авторитетъ и на девизъ: «sic volo, sic jubeo» тѣхъ ошибокъ, тѣхъ заблужденій, въ оковы которыхъ попадала не окрѣпшая еще мысль. Въ данномъ случаѣ то руководительство чтеніемъ учащихся, тотъ способъ веденія сочиненій, которые теперь разрѣшаются министерскимъ циркуляромъ и которые изъ терпимыхъ, но не особенно поощряемыя въ прежнее время теперь являются одобряемыми и рекомендуемыми, должны, по нашему глубокому убѣжденію, сослужить великую службу дѣлу просвѣщенія и воспитанія русскаго юношества, если только, разумѣется, это дѣло, это руководительство будетъ въ рукахъ убѣжденныхъ, благородныхъ по взглядамъ и характеру, вооруженныхъ научнымъ знаніемъ и не лишенныхъ огня Божественнаго вдохновенія педагоговъ; дабавимъ къ тому же педагоговъ, какъ цѣлой, дружно дѣйствующей коллегіи, а не однихъ обремененныхъ непосильной, а потому и непроизводительной работой учителей русскаго языка и словесности [7]), какъ было до сихъ поръ. Теперь неизбѣжно является одинъ вопросъ. Послѣ того какъ въ русской школѣ станетъ легче дышать преподаватель, послѣ того какъ люди съ

[7]) По вопросу о количествѣ исправляемыхъ преподавателями русскаго яз. работъ въ теченіе года у насъ собрано не мало статистическаго матеріала (въ предѣлахъ Варш. Уч. Окр.), и приходится положительно поражаться колоссальностью цыфръ, превышающихъ иногда 2000 при переполненныхъ классахъ.

призваніемъ мало-помалу освободятся отъ тисковъ, формализма, отъ недовѣрія къ честности и благонадежности самихъ руководителей образованія и воспитанія— учителей, послѣ того, наконецъ, когда путемъ совѣщаній, живого обмѣна мыслей по животрепещущимъ педагогическимъ вопросамъ педагогическаго персонала въ родной семьѣ учащихся [8]) русская школа поднимется на должную высоту и будетъ въ состояніи выполнять свои высокія задачи, послѣ всего этого, т. сказать, освѣщенія и оздоровленія воздуха русской школы будетъ ли все-таки достаточнымъ количество стоящихъ на высотѣ своего дѣла служителей образованія и воспитанія юношества? Считая роль преподавателя, какъ человѣка и какъ ученаго [9]), несравненно болѣе важной для успѣховъ просвѣщенія и воспитанія, чѣмъ тѣ или иныя программы, тѣ или иныя системы обученія, объясняя даже всѣмъ извѣстную расшатанность школьной и внѣшкольной дисциплины въ значительной степени отчужденностью учащихъ отъ учащихся и недостаточностью нравственнаго авторитета первыхъ у вторыхъ, мы должны поставить указанный вопросъ въ числѣ первыхъ и осо

---

[8]) О цѣлесообразности и благотворности подобныхъ совѣщаній семьи и школы можно судить хотя бы по помѣщенному въ № 5 Цирк. по Кавказск. Уч. Окр. 1903 г. протоколу совѣщанія педагог. совѣта Тифлисской 1-й ж. гимназіи съ родителями ученицъ VI класса.

[9]) Связь преподавателя съ наукой, постоянное движеніе впередъ и расширеніе своего умственнаго кругозора, внимательное отношеніе къ русскимъ педагогическимъ и научнымъ журналамъ являются, несомнѣнно, необходимымъ условіемъ, если преподаватель не хочетъ утратить своего интеллектуальнаго вліянія на учениковъ, не хочетъ опуститься самъ и упасть въ мнѣніи образованнаго общества.

бенно важныхъ. Ручательствомъ того, что съ обновле нiемъ школы, съ большей, т. сказать, идейностью служенія въ ней, начнется мало-помалу притокъ въ ней свѣжихъ и лучшихъ силъ, людей призванія и вдохновенія, является примѣръ хотя бы германскаго, швейцарскаго, англійскаго и т. д. школьнаго дѣла, гдѣ при возвышенномъ взглядѣ на педагогическую миссію и со стороны общества, и со стороны самихъ педагоговъ, гдѣ при сравнительной широтѣ и свободѣ дѣйствій педагогическая профессія избирается людьми дѣйствительно убѣжденными, желающими принести серьезную пользу родинѣ путемъ вліянія на подрастающее поколѣніе и увѣренными, что они достигнутъ своей цѣли. Оглянемся же на то, что было въ недавнее еще время въ нашемъ педагогическомъ мірѣ, и мы увидимъ, что лишь за немногими исключеніями, когда педагогъ, вѣрящій въ педагогическое дѣло, попадалъ въ особенно благопріятныя условія въ громадномъ большинствѣ случаевъ педагоги идейные, попадая куда-либо въ глушь и будучи вообще далеки отъ непосредственнаго наблюденія высшаго начальства, дѣлались извѣстны послѣднему лишь по доносамъ своихъ обскурантныхъ товарищей, по нелестнымъ отзывамъ своего ближайшаго начальства, обвиняющаго ихъ за «какія-то идеи», сводящіяся на самомъ дѣлѣ къ тому, что учитель не ограничивался узкимъ выполненіемъ програмы, а старался развить, облагородить учениковъ путемъ руководства ихъ чтеніемъ, бесѣды съ ними, широкой постановкой сочиненій и вообще всѣми мѣрами, которыя рекомендуются циркуляромъ 28 іюня; въ результатѣ получалось то, что лучшія педагогическія силы теряли вѣру въ возможность плодотворной работы, въ средней школѣ болѣе даровитые и не порывавшіе связи съ наукой, стремились въ высшую школу, другіе покидали

вѣдомство Мин. Нар. Просв. и бѣжали въ акцизъ, контроль и т. д., коверкая т. обр. свою жизнь, разбивая мечты объ идейномъ служеніи родинѣ и юношеству, измѣняя своему призванію, но считая эту измѣну все-таки болѣе честною, чѣмъ то формальное, сухое отношеніе къ молодежи, къ ея духовной жизни, къ ея запросамъ, которыя въ достаточной степени заклеймлены отразительницей жизни—нашей литературой отъ Гоголя до Чехова Меньшинство людей идеи, не принадлежавшихъ къ числу первыхъ отмѣченныхъ нами счастливцевъ и вторыхъ оставившихъ педагогическое дѣло, либо маялось, терпѣло всякія несправедливости, сходило даже, надорвавши силы, въ раннюю могилу, либо примѣнялось къ средѣ съ ея хожденіемъ на службу, толками о «проступкахъ» учениковъ, сведеніемъ преподавательскаго воспитательнаго дѣла къ отмѣткамъ, педагогическихъ совѣтовъ—къ выставленію цифръ и чисто формальному чтенію предложеній и запросовъ высшаго начальства, - воспитательнаго дѣла къ возможнымъ способамъ ловли учениковъ на тѣхъ или иныхъ неблаговидныхъ поступкахъ не съ цѣлью исправленія, убѣжденія, вразумленія дѣтей и юношей, но въ интересахъ каранія, а сплошь и рядомъ изгнанія изъ школы, причемъ опять-таки не такого изгнанія, о которомъ идетъ рѣчь въ не разъ упомянутомъ нами циркулярѣ г. Министра, и которое является неизбѣжнымъ лишь по испытаніи всѣхъ способовъ исправленія, ведетъ къ обезопасенію другихъ учениковъ отъ вреднаго вліянія, и которое, несомнѣнно, не требуетъ выслѣживаній, а является неизбѣжнымъ результатомъ прямо очевидныхъ и вопіющихъ проступковъ, свидѣтельствующихъ, что педагогическій совѣтъ имѣетъ дѣло съ «сознательною враждебностью и съ явнымъ ожесточеніемъ». Что касается педагоговъ, избравшихъ свое дѣло не по призванію, не по глубокому

нравственному убѣжденію, а лишь для того, чтобы такъ или иначе просуществовать, то они, естественно, являлись ремесленниками своего дѣла, порой ремесленниками добросовѣстными, исполнительными, порой плохими, но во всякомъ случаѣ мало полезными для развитія общества, для воспитанія юношества, для прогресса родины. Надо однакоже признать, что недостаточно однихъ идеальныхъ стремленій, одного желанія принести пользу подрастающимъ поколѣніямъ, а необходима и твердая почва подъ ногами въ видѣ достаточно широкаго и глубокаго научнаго образованія педагога, въ видѣ—его этическаго и гражданскаго воспитанія. Безпочвенные мечтатели, которымъ суждены благіе порывы, но свершить ничего не дано, могутъ не меньше повредить дѣлу воспитанія, чѣмъ педагоги въ родѣ Чичиковскаго учителя, Чеховскаго «человѣка въ футлярѣ», типовъ Яблоновскаго и т. п. Гдѣ же будущіе педагоги обновленной школы будутъ получать укрѣпленіе и правильное направленіе своихъ идеальныхъ стремленій, гдѣ будутъ усваивать правильный взглядъ на педагогическое дѣло, на исторію его развитія, на тѣ ошибки и завоеванія, какія совершены человѣчествомъ въ этой области; гдѣ найдутъ будущіе педагоги чтеніе курсовъ, захватывающихъ молодежь и увлекающихъ къ постоянной научной работѣ и за стѣнами высшей школы; гдѣ они, наконецъ, почерпнутъ практическую подготовку къ дѣлу обученія юношества и изученія природы ребенка? Легче всего, конечно, отвѣтить на вопросъ о научномъ развитіи будущихъ педагоговъ; университеты, особенно столичные, всегда стояли въ данномъ случаѣ на должной высотѣ, и лучшіе профессора создавали школы послѣдователей, которые разносили впослѣдствіи далеко по свѣту зароненныя учителями въ сердца учениковъ сѣмена научной

истины [10]). Что же касается всѣхъ остальныхъ поставленныхъ нами вопросныхъ пунктовъ, то, оставаясь на почвѣ дѣйствительности, слѣдуетъ признать значительное преимущество передъ университетами историко-филологическихъ институтовъ. Будучи знакомъ съ обоими нашими институтами, С.-ПБургскимъ и Нѣжинскимъ кн. Безбородка и зная университеты С.-ПБургскій, Московскій, Кіевскій и Варшавскій, пишущій эти строки признаетъ, что для дѣла гимназическаго преподаванія институты, особенно Нѣжинскій, даютъ гораздо лучшую подготовку, чѣмъ университеты [11]). Прежде всего существующія при институтахъ общежитія, при всѣхъ отрицательныхъ сторонахъ любого общежитія, имѣютъ однако ту положи-

---

[10]) Такъ, напр., каждый словесникъ, вѣроятно, помнитъ и въ средней, и въ высшей школѣ Буслаевскихъ, Тихонравовскихъ, О. Миллеровскихъ учениковъ, учениковъ Пыпина, Жданова, Веселовскаго и др., въ міровоззрѣніи, пріемахъ и интересахъ которыхъ сказывалось вліяніе учителей.

[11]) По нашимъ наблюденіямъ въ цѣломъ рядѣ учебныхъ округовъ и по разговорамъ съ начальствующими лицами намъ приходилось встрѣчать подтвержденіе нашего положенія и убѣждаться, что въ большинствѣ случаевъ изъ институтцевъ выходятъ болѣе подготовленные преподаватели, чѣмъ изъ университетскихъ студентовъ; что же касается подготовки къ продолженію научной дѣятельности, къ магистерству и т. д., то отъ институтца въ данномъ случаѣ требуется гораздо больше усилій, чѣмъ отъ кандидата университета *).

*) Позволяемъ себѣ не согласиться съ почтеннымъ авторомъ по вопросу о томъ, что «въ большинствѣ случаевъ изъ институтцевъ выходятъ болѣе подготовленные преподаватели»: намъ пришлось слышать изъ устъ близко стоявшаго къ одному изъ институтовъ лица признаніе, что хорошо

тельную сторону, что будущіе дѣятели на педагогическомъ поприщѣ лучше узнаютъ другъ друга, легче могутъ обмѣниваться мыслями, легче могутъ сближаться другъ съ другомъ; въ Нѣжинскомъ институтѣ при наличности умѣвшихъ вліять на студенчество, заинторесовывать его

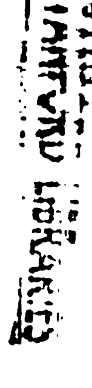
учившіеся въ инстит. выходятъ плохими преподавателями, и педагогами, а мало дѣлавшіе—хорошими, выдающимися. Послѣднихъ, слѣд., по подготовкѣ къ педагогической дѣятельности можно приравнять къ окончивш. курсъ въ университ., преслѣдовавшимъ «посторонніе цѣли». Но нельзя же забывать, что у университанта кругозоръ шире, чѣмъ у окончившаго курсъ въ институтѣ. Намъ невольно напрашивается другое сравненіе педагоговъ: по отзыву земскихъ дѣятелей, дирекцій и инспекцій народныхъ училищъ на первыхъ порахъ (годъ, два) питомцы учительскихъ семинарій лучше ведутъ дѣло въ земскихъ школахъ, чѣмъ окончившіе курсъ въ среднихъ школахъ (дук. сем., гимназіяхъ мужской и женской, въ реал. учил.), а затѣмъ послѣдніе, вдумавшись, вчитавшись въ руководства веденія школьнаго дѣла, далеко позади оставляютъ первыхъ, т.-е. питомцевъ учительскихъ семинарій. Значитъ, въ дѣлѣ педагогическомъ важнѣе, чтобы преподаватель молодой былъ съ хорошимъ развитіемъ, а остальное при развитіи его дается ему практикой. Если бы преподаватели средней школы были хорошо обезпечены, вступающимъ на педагогическое поприще не слѣдовало бы первые годы набирать болѣе 12—15 уроковъ, и это, несомнѣнно, оказывало бы благопріятное вліяніе на выработку педагогическихъ пріемовъ, на школу, привлекало бы въ неё людей по призванію, и тогда послѣдніе оказывали бы больше вліянія на школьниковъ, чѣмъ лица съ спеціальною педагогическою подготовкою... Нужны для школы средней не узкіе спеціалисты, а люди сердечные и развитые, съ широкимъ кругозоромъ.

С. Прядкинъ.

и близкихъ къ нему профессоровъ намъ приходилось видѣть, какъ цѣлыя группы студентовъ съ первыхъ же курсовъ серьезно заботились о расширеніи своего умственнаго кругозора, о своемъ нравственномъ самоусовершенствованіи, чтобы во всеоружіи явиться на то поприще, на которое установился у нихъ возвышенный взглядъ; разумѣется, кружки самообразованія, даже съ болѣе широкой постановкой дѣла, есть и при всѣхъ университетахъ, но, во 1), въ университетскіе кружки часто привносятся постороннія цѣли, ничего общаго съ будущей педагогической дѣятельностью не имѣющія, а, въ 2), практически сближеніе живущихъ вмѣстѣ студентовъ и знающихъ лично каждаго студента профессоровъ гораздо осуществимѣе въ институтахъ, чѣмъ въ университетахъ [12]).

Такимъ образомъ взаимное поддержаніе благороднаго идеализма, совмѣстная работа надъ умственнымъ и нравственнымъ усовершенствованіемъ при помощи близко стоящихъ къ студенчеству и пользующихся его довѣріемъ профессоровъ, наконецъ, сближеніе сходныхъ по взглядамъ и характерамъ будущихъ дѣятелей на одномъ и томъ же полѣ—вотъ тѣ свѣтлыя стороны, которыя приходилось намъ наблюдать въ жизни одного изъ институтовъ.

Что касается спеціальнаго знакомства съ истори-

[12]) Замѣтимъ, что такое сближеніе осуществимѣе въ высшей школѣ, находящейся не въ крупномъ центрѣ, т. к. въ послѣднемъ шумная жизнь отвлекаетъ учащуюся молодежь отъ сближенія между собой и съ профессорами на интеллектуальной почвѣ, а дороговизна жизни отвлекаетъ къ усиленному изысканію средствъ существованія и профессоровъ, и студентовъ.

ческимъ развитіемъ педагогическихъ идей, съ теоріей педагогики, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ педагогъ, если онъ не желаетъ итти ощупью и производить опасные педагогическіе эксперименты надъ живыми людьми, повторяя тѣ ошибки, которыя давно заклеймены исторіей педагогики и тѣсно соприкасающейся съ педагогикой психо-физіологіей, то и съ этой точки зрѣнія опять слѣдуетъ замѣтить, что, какъ намъ извѣстно, изъ всѣхъ свѣтскихъ учебныхъ высшихъ заведеній Россіи лишь въ Нѣжинскомъ институтѣ кн. Безбородка да на С.-ПБ. высшихъ женскихъ курсахъ [13]) существуютъ каѳедры исторіи и теоріи педагогики; много, конечно, несовершенствъ въ постановкѣ этихъ наукъ и въ указанныхъ заведеніяхъ, но вѣдь у насъ не существуетъ пока ни спеціальныхъ профессоровъ педагогики, н научныхъ командировокъ для изученія педагогики и психо- физіологіи; институтецъ или курсистка, познакомивши путемъ самостоятельнаго чтенія, толчкомъ къ которому даютъ все-таки лекціи профессора, хотя и не специа- листа, съ важнѣйшими педагогическими русскими иностранными трудами, ясно сознаетъ, отъ сколькихъ бы ошибокъ избавило, сколько бы возбудило новыхъ мыслей и какую живую струю внесло бы въ педагогическое дѣло учрежденіе каѳедръ педагогики и при университетахъ; припомнимъ, какъ горячо ратовалъ за это нашъ великій Ушинскій, и будемъ надѣяться, что при обновленіи школы его завѣты будутъ приведены въ исполненіе.

Переходя, наконецъ, къ вопросу о практической подготовкѣ педагоговъ, опять не можемъ не признать, что лишь оба Истор.-Филологическихъ института да женскі

---

[13]) Теперь слѣдуетъ прибавить и С.-Петербургскій женскій педагогическій институтъ (1903 г.).

педагогическіе курсы даютъ хоть что-либо въ этомъ отношеніи, тогда какъ университетскій кандидатъ филологіи входитъ въ классъ, не обладая никакой практической сноровкой, пріобрѣтаемой институтцами и курсистками во время посѣщенія уроковъ въ гимназіи, во время даванія пробныхъ уроковъ, совмѣстнаго обсужденія ихъ и т. д. [14]).

При исправленіи недостатковъ, при введеніи улучшеній въ дѣло подготовки будущихъ преподавателей обновленной школы, при томъ не только филологовъ, о которыхъ была до сихъ поръ рѣчь, но и математиковъ, естественниковъ, учителей новыхъ языковъ, несомнѣнно, появятся въ гораздо большемъ, чѣмъ теперь, количествѣ, педагоги, высоко и достойно несущіе свое святое знамя. Привлеченіе къ педагогической дѣятельности людей призванія, что возможно будетъ только при оздоровленіи духа школы, при довѣріи къ преподавателю и при большей свободѣ личной иниціативы каждаго педагога, предоставленіе людямъ призванія достаточно серьезной и всесторонней подготовки къ ихъ будущей педагогической дѣятельности, что достигнется необходимыми реформами въ институтахъ и добавленіями научно-педагогическаго характера къ университетскимъ программамъ (для желающихъ) — вотъ, на нашъ взглядъ, два пункта, являющихся краеугольными камнями реформированной русской школы. Врядъ ли слѣдуетъ затѣмъ

---

[14]) Необходимо добавить, что постановка практическихъ занятій и въ указанныхъ заведеніяхъ нуждается въ детальной переработкѣ, и что въ наставники-руководители надо приглашать свѣтилъ педагогическаго міра или же необходимо давать окончившимъ курсъ командировки для занятій подъ руководствомъ выдающихся русскихъ или заграничныхъ педагоговъ-практиковъ.

говорить, что, привлекши хорошія и достаточно подготовленныя силы къ педагогическому дѣлу, необходимо удержать ихъ, для чего, помимо хорошей нравственной атмосферы будущей школы, необходимо и то лучшее матеріальное обезпеченіе педагоговъ, о которомъ было въ свое время объявлено Высочайшимъ рескриптомъ; никто не сомнѣвается, что, будучи принужденъ изъ-за куска хлѣба набирать себѣ много уроковъ, репетицій и др. занятій, преподаватель при всѣхъ его идеальныхъ стремленіяхъ и отличной педагогической подготовкѣ или надорветъ силы и сойдетъ въ преждевременную могилу, или сдѣлаетъ вообще гораздо меньше для своего дѣла, чѣмъ могъ бы сдѣлать при иныхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Не можемъ не отмѣтить здѣсь, пользуясь случаемъ, одного печальнаго и ненормальнаго явленія, которое, какъ помнится, не отмѣчалось нигдѣ во всей обширной литературѣ, вызванной реформой средней школы: мы имѣемъ въ виду положеніе педагоговъ нашей женской школы [15]).

Врядъ ли слѣдуетъ говорить о томъ важномъ значеніи, какое имѣетъ образованіе женщинъ для здороваго роста семьи, общества и государства; врядъ ли слѣ

---

[15]) Занимаясь во время прикомандированія къ Варшавскому университету въ одной изъ Варш. женскихъ гимназій, выдающейся, надо сказать, по отличному составу учащихся и сослуживцевъ, по готовности начальства поддержать преподавателей, мы однако пришли въ концѣ концовъ и по личному опыту къ выводу о печальномъ положеніи учителя жен. гимназіи по сравненію съ положеніемъ учителя мужской гимназіи; что же тогда говорить о положеніи преподавателей жен. гимназій, находящихся въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ указанныя.

дуетъ упоминать о той великой роли, которую сыграли образованныя, широко развитыя, эстетически воспитанныя и идеально настроенныя матери и жены въ жизни нашихъ великихъ поэтовъ, художниковъ, ученыхъ, государственныхъ дѣятелей, и сколько, напротивъ, вреда и бѣдъ причиняли родинѣ невѣжество, фанатизмъ, неразвитость женщинъ. Роль женскаго средняго образованія по своему значенію для государства не только не ниже, но, пожалуй, и выше роли мужского средняго образованія, такъ какъ мужчина въ громадномъ большинствѣ случаевъ можетъ пополнить недочеты средней школы въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, женщина же, за немногими исключеніями, вступаетъ въ жизнь съ тѣмъ умственнымъ и нравственнымъ багажомъ, который вынесла изъ средней школы. Между тѣмъ, мы замѣчаемъ, что, тогда какъ положеніе профессоровъ, руководителей высшаго какъ мужского, такъ и женскаго образованія, одинаково, положеніе преподавателей мужской и женской гимназіи совершенно различно. Прежде всего на дѣло учителя женской гимназіи существуетъ и во многихъ учебныхъ округахъ, и въ обществѣ взглядъ, какъ на дѣло второстепенное [16]); далѣе, переходъ изъ женской школы на такое же мѣсто въ мужскую считается повышеніемъ, обратно—пониженіемъ; количество штатныхъ уроковъ для учителей мужской и женской гимназій въ нѣкоторыхъ округахъ неодинаково [17]); вознагражденіе за совершенно одинаковый при честномъ отно-

---

[16]) Подробнѣе на этомъ вопросѣ мы останавливались въ своемъ докладѣ въ Обществѣ Исторіи, Филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ (см. Записки общ., от. III).

[17]) Такъ въ Варшавскомъ Учебн. Окр. штатное число уроковъ въ мужской гимназіи—15, въ женской—18.

шеніи къ дѣлу трудъ совершенно неодинаково [18]). Въ результатѣ всѣхъ упомянутыхъ условій являлось то, что преподаватели женскихъ гимназій или были люди, занимающіеся въ средней школѣ лишь между прочимъ, какъ напр.: магистранты, лаборанты, доценты университетовъ, или были люди, признанные негодными для мужской школы и какъ бы сосланные въ женскую, или, наконецъ, были люди, смотрѣвшіе на уроки въ женской школѣ, какъ на добавочную статью доходовъ, какъ напр., преподаватели мужскихъ гимназій, имѣвшіе по нѣскольку уроковъ и въ женской гимназіи.

Убѣжденныхъ же сторонниковъ женскаго образованія, готовыхъ во имя идеи мириться со всѣми указанными неблагопріятными условіями службы въ женской школѣ, было, разумѣется, еще меньше, чѣмъ въ дореформенной мужской средней школѣ, гдѣ по крайней мѣрѣ матеріальная сторона службы была сноснѣе, чѣмъ въ женской.

Улучшеніе матеріальнаго обезпеченія педагоговъ и уравненіе положенія учащихъ въ мужской и женской средней школѣ — вотъ тѣ новые пункты, которые, какъ можно судить на основаніи доступной обществу литературы по реформѣ школы, или предусмотрѣны, или по крайней мѣрѣ не противорѣчатъ духу Высочайшихъ рескриптовъ и министерскихъ циркуляровъ.

---

[18]) Напр., за исправленіе письменныхъ работъ въ женскихъ гимназіяхъ не полагается никакого вознагражденія, тогда какъ количество письмен. работъ по русск. яз. въ женскихъ гимназіяхъ не меньше, чѣмъ въ мужскихъ, а если принять во вниманіе готовность барышень при интересѣ къ дѣлу не щадить своихъ силъ и времени на писаніе сочиненій, то въ жен. гимназіи учитель прочитываетъ гораздо больше количество листовъ, чѣмъ въ мужской.

Увѣренный въ возможности осуществленія своихъ благихъ намѣреній и въ результатности своей работы, являющійся во всеоружіи знанія и нравственной выдержки на свое поприще и матеріально обезпеченный преподаватель обновленной школы, несомнѣнно, не замедлить поднять на должную высоту престижъ педагога въ глазахъ и общества, и учащихся; въ зависимости же отъ этого быстро должна подняться и та разсшатанная дисциплина, которая за послѣднее время положительно является злобой дня.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый, прошедшій среднюю и высшую школу и занимавшійся педагогическою дѣятельностью, знаетъ, какое важное значеніе въ жизни школы имѣетъ пользующійся авторитетомъ педагогъ. У нашей молодежи нельзя отнять чуткости; истинное знаніе своего предмета и своего дѣла, истинное благородство и сила характера всегда найдутъ достойную оцѣнку не только среди лучшихъ элементовъ школы, но и среди посредственныхъ [19]). Ученики всегда различно отнесутся къ промаху или ошибкѣ при объясненіи учителя, пользующагося уваженіемъ за его широкія и глубокія знанія, и учителя, знакомство котораго съ своимъ предметомъ является сомнительнымъ. Массу примѣровъ можно привести и того, какъ пользующійся уваженіемъ за благородство своего характера и воззрѣній начальникъ учебнаго заведенія или преподаватель могъ сдерживать въ границахъ, успокаивать, доводить до раскаянія силою своего нравственнаго вліянія не только отдѣльныхъ учениковъ, но и цѣлые классы, курсы въ университетахъ и даже учебныя заведенія, находившіяся въ

---

[19]) О худшихъ, разумѣется, не говоримъ.

состоянии возбужденія и раздраженія [20]). Хорошо знающій своихъ питомцевъ и пользующійся довѣріемъ и уваженіемъ послѣднихъ педагогъ не побоится своихъ учениковъ: онъ пойдетъ къ нимъ даже въ моментъ, когда другой менѣе авторитетный педагогъ предпочтетъ удалиться отъ нихъ; онъ выберетъ вѣрный путь для вліянія на ихъ умъ и сердце и въ большинствѣ случаевъ достигнетъ своего. Намъ не разъ приходилось наблюдать, какое различное дѣйствіе производитъ на одного и того же ученика замѣчанія за одинъ и тотъ же поступокъ со стороны разныхъ преподавателей, и далеко нельзя сказать, чтобы болѣе высокое положеніе дѣлающаго замѣчаніе или боязнь болѣе строгаго наказанія играли въ данномъ случаѣ рѣшающую роль. Различно, какъ извѣстно, относятся учащіеся и къ запрещенію того или иного преподавателя читать неподходящія для нихъ книги, требованію говорить въ стѣнахъ школы на государственномъ языкѣ и т. д., и т. д. Вообще пользующійся уваженіемъ и вліяніемъ преподаватель или начальникъ можетъ сдѣлать даже одинъ очень много для поддержанія дисциплины; если же подобныя авторитетныя личности будутъ не единичнымъ явленіемъ, то оздоровленіе школы и въ дисциплинарномъ отношеніи пойдетъ впередъ, при чемъ худшіе, неисправимые элементы должны быть въ интересахъ товарищей и общаго блага безъ особой сентиментальности удаляемы или еще лучше, какъ думаетъ одинъ изъ корреспондентовъ «Русскихъ Вѣдомостей» [21]), переводимы въ особо устроенныя

---

[20]) Бываютъ, разумѣется, въ данномъ случаѣ и исключенія, когда стадное чувство заставляетъ забыть уваженіе къ извѣстному лицу, но это, именно, — исключеніе.

[21]) «Русск. Вѣд.» 1903, № 194.

и организованныя по примѣру Запада «школы для нравственно-испорченныхъ, требующихъ особенно внимательнаго и умѣлаго нравственнаго на нихъ воздѣйствія дѣтей». При условіи же поднятія дисциплины въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ путемъ главнымъ образомъ нравственнаго воздѣйствія педагоговъ и отчасти удаленія худшихъ элементовъ возможно будетъ, несомнѣнно, устраненіе и того наблюдаемаго теперь попустительства, которое имѣетъ мѣсто при встрѣчѣ педагога съ явнымъ нарушеніемъ дисциплины со стороны ученика чужого учебнаго заведенія. Въ самомъ дѣлѣ, приходится признать. что часто совсѣмъ не испорченныя дѣти и юноши склонны въ силу легкомыслія нарушать за предѣлами надзора своихъ ближайшихъ руководителей тѣ требованія дисциплины, которыя въ своемъ городѣ или даже въ своемъ округѣ они выполняютъ.

Каково же теперь положеніе преподавателя другого округа или другого учебнаго заведенія, когда онъ натыкается на подобное нарушеніе дисциплины? Индивидуальныхъ особенностей даннаго ученика онъ не узнаетъ и всегда можетъ разсчитывать на грубую выходку юноши, котораго, при теперешнемъ отсутствіи престижа педагога въ глазахъ общества, послѣднее въ большинствѣ случаевъ не осудитъ, а еще поддержитъ при столкновеніи съ «не въ мѣру усерднымъ» педагогомъ; полагаться на свой авторитетъ въ глазахъ ученика незнакомый послѣднему педагогъ тоже, разумѣется, не можетъ; въ крайнемъ случаѣ педагогу придется прибѣгать къ содѣйствію полиціи, которая, надо сказать, тоже не всегда можетъ быть налицо на мѣстѣ столкновенія; наконецъ, можетъ быть и еще два затрудненія: 1) если дѣло зашло такъ далеко, что понадобилось вмѣшательство полиціи, то судьба юноши, несомнѣнно, долж-

на быть печальной, а педагогъ можетъ сознавать, что данный хотя бы и дерзкій, и недостойный поступокъ юноши можетъ быть исключительно плодомъ легкомыслія, болѣзненнаго самолюбія, можетъ быть просто порожденіемъ существующаго печальнаго антагонизма семьи и школы, когда семья позволяетъ то, что преслѣдуетъ школа, страдать же и, быть-можетъ, жестоко за грѣхъ общества будетъ отдѣльное лицо, при томъ еще не совершеннолѣтнее, 2) сплошь и рядомъ бываетъ, что нарушающій дисциплину юноша окажется въ концѣ концовъ не снявшимъ формы изгнанникомъ какого-либо учебнаго заведенія, и тогда возмездіе за этотъ проступокъ со стороны полиціи далеко можетъ не соотвѣтствовать тому оскорбленію и тѣмъ насмѣшкамъ, которыя выпадутъ на долю педагога, исполнявшаго свой долгъ [22].

Такимъ образомъ, уничтоженіе попустительствъ и поднятіе на должную высоту дисциплины явится, на нашъ взглядъ, сами собой при общемъ обновленіи духа школы и при установленіи болѣе нормальныхъ отношеній между семьей и школой.

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что и вопросъ о дисциплинѣ долженъ бы быть пересмотрѣнъ школой въ соглашеніи съ родителями и нѣкоторыя либо отжившія свое время запрещенія, либо слишкомъ маловажныя должны бы были быть устранены, какъ напр., сдѣлано это теперь съ имѣвшимъ мѣсто въ недавнее еще время запрещеніемъ носить учебныя пособія иначе, чѣмъ въ ранцахъ на плечахъ и т. п.

---

[22]) Мы лично, впрочемъ, высказались бы за то, чтобы съ педагоговъ была снята обязанность внѣкласснаго надзора, а чтобы обязанность эта лежала на спеціально назначенныхъ для этого лицахъ, такъ напр., самихъ буфетчиковъ, торговцевъ винныхъ лавокъ, полицейскихъ и т. д.

Заканчивая нашу слишкомъ разросшуюся статью, отмѣтимъ слѣдующее. При извѣстной исторически сложившейся чертѣ русскаго человѣка, нашедшей широкое отраженіе и въ русской литературѣ, именно при слабости личной иниціативы, при наклонности къ покою, неподвижности пройдетъ еще много, много времени, пока совершенно обновится и освѣжится духъ русской средней школы; русская исторія, какъ извѣстно, даетъ много подтвержденій того положенія, что наше общество давно стало отвыкать жить своимъ умомъ, своею мыслью, самостоятельно вырабатывать взгляды и принципы, въ тѣ моменты нашей исторической жизни, когда правительство было либерально, либерально было и общество; въ періоды реакцій всѣ вдругъ дѣлались обскурантами [23]).

Новая школа путемъ широкаго нравственнаго вліянія, путемъ пробужденія разума, развитія самодѣятельности, укрѣпленія и добраго направленія воли будетъ, несомнѣнно, мало-помалу освобождать русское общество отъ нашего историческаго недуга. Воспитатель будетъ видѣть въ ребенкѣ, какъ желалъ нѣкогда Даль, живое существо, созданное по образу и подобію Творца, съ разумомъ и свободной волей. Задача воспитателя состоитъ не въ томъ, чтобы принести всѣ порывы своеволія, предоставляя имъ скрыто мужать подъ обманчивой наружностью и вспыхнуть со временемъ на свободѣ и просторѣ, нѣтъ! задача эта вотъ какая: примѣромъ, на дѣлѣ и убѣжденіями, текущими прямо отъ души, заставить ребенка понять высокое призваніе свое, какъ человѣка, какъ подданнаго, какъ гражданина,—заставить страстно полюбить (какъ любитъ самъ воспитатель)

---

[23]) См. Водовозова: «Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста», СПБ. 1891, стр. 21.

Бога и человѣка, а, стало быть, и жить въ любви этой не столько для себя, сколько для другихъ.

При воспитаніи дѣтей въ обновленной школѣ педагогъ, несомнѣнно, будетъ внимательно относиться къ индивидуальнымъ особенностямъ вопитанникн, не подавлять ихъ, а вызывать къ развитію, давать больше простора для дѣтской самостоятельности и мышленія, помня, что «внѣшними усиліями можно передѣлать одну только наружность; топоромъ можно оболванить, какъ угодно, полѣно, можно даже выстрогать его, подкрасить, покрыть лакомъ, но древесина отъ этого не измѣнится: полѣно въ сущности останется полѣномъ» (Даль).

Много, разумѣется, потребуется отъ нашихъ «сѣятелей добраго, разумнаго, вѣчнаго» упорнаго труда надъ собой, надъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ разви[illegible] тіемъ; будетъ отъ нихъ требоваться и много строгост[illegible] къ себѣ при благожелательномъ отношеніи къ другимъ [illegible] много христіанскаго терпѣнія, кротости, а порой, б.-м [illegible] и самоотверженія, но сознаніе той великой миссіи, к[illegible] кую принимаютъ они на себя передъ родиной, вѣра в[illegible] то, что брошенныя ими сѣмена дадутъ пышные всходы [illegible] что въ тяжелыя минуты они встрѣтятъ, гдѣ слѣдуетъ [illegible] поддержку, наконецъ, вѣра въ великое будущее свое[illegible] отчизны, въ сокровищницу которой они внесутъ сво[illegible] немаловажную лепту,—все это воодушевитъ ихъ въ пред[illegible] стоящей работѣ, заставитъ смѣло двинуться впередъ [illegible] помнить бодрящее 3-стишіе русскаго поэта:

«Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ? Лишь было бъ терпѣнье
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье».

Варшава. П. Заболотскій.

Организація учебныхъ занятій на краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ для учащихъ въ начальныхъ школахъ и условія успѣшности этихъ занятій

(Рѣчь, произнесенная при открытіи краткосрочныхъ курсовъ въ г. Самарѣ).

Г-да учителя и г-жи учительницы!

Мнѣ приходится трудиться на здѣшнихъ (самарскихъ) курсахъ уже второй разъ. Не знаю, принесъ ли я въ первый разъ хотя крупицу пользы г-дамъ учителямъ и г-жамъ учительницамъ; но самъ я вынесъ тогда изъ занятій на курсахъ самое отрадное, самое пріятное впечатлѣніе. Подъ этимъ впечатлѣніемъ я съ особенной радостью встрѣтилъ сдѣланное мнѣ предложеніе потрудиться съ вами на настоящихъ нашихъ педагогическихъ курсахъ.

Несомнѣнно, всѣ мы проникнуты искреннимъ и теплымъ желаніемъ, чтобы трудъ нашъ на курсахъ былъ возможно успѣшнымъ и производительнымъ. Для успѣшности же всякаго труда необходимо, во 1-хъ, ясно сознавать цѣль своего труда, во 2-хъ, подобрать подходящія средства къ достиженію цѣли и умѣло пользоваться ими, примѣнять ихъ и, въ 3-хъ, создать условія, способствующія успѣшности труда.

Ближайшая цѣль предстоящаго намъ труда на курсахъ—подняться въ своемъ духовномъ вообще и педагогическомъ въ частности самоусовершенствованіи необ-

ходимомъ для успѣшнаго веденія обученія и воспитанія поручаемыхъ намъ дѣтей. Учитель — душа школы: каковъ учитель, таковы и ученики. Учитель — свѣточъ для учениковъ, а сельскій учитель и для того общества, среди котораго онъ живетъ. Чѣмъ выше учитель стоитъ въ своемъ духовномъ развитіи, тѣмъ благотворнѣе его вліяніе на учащихся, и, чѣмъ основательнѣе его педагогическое образованіе, тѣмъ успѣшнѣе онъ ведетъ обученіе и воспитаніе дѣтей.

Чтобы успѣшно вести учебно-воспитательное дѣло въ школѣ, нужно знать, какъ вести его, и умѣть вести его. Отсюда является необходимость и въ теоретическихъ, и въ практическихъ учебныхъ занятіяхъ на курсахъ. Первыя направлены къ пріобрѣтенію, расширенію и уясненію необходимыхъ педагогическихъ знаній, а вторыя — къ выработкѣ необходимыхъ умѣній. Само собою разумѣется, что между теоретическими и практическими занятіями должна быть внутренняя связь, ибо какъ тѣ, такъ и другія направлены къ достиженію одной и той же цѣли — вашему педагогическому усовершенствованію.

Къ теоретическимъ занятіямъ относятся дидактическія и методическія бесѣды и сообщенія, которыя будутъ ведены на нашихъ курсахъ. Путемъ этихъ бесѣдъ и сообщеній передъ вами раскроются основныя дидактическія положенія и способы веденія обученія грамотѣ, сознательному чтенію, письменному изложенію мыслей, начальной граматикѣ и счету. Кромѣ того указаны будутъ средства, которыми располагаетъ школа для воспитательнаго вліянія на учениковъ и основныя требованія, касающіяся организаціи школы.

Для расширенія и углубленія въ вашемъ сознаніи методическихъ и дидактическихъ свѣдѣній, нѣкоторыми

изъ васъ будутъ подготовляемы и излагаемы во время вечернихъ занятій соотвѣтственныя статьи. Послѣ каждаго такого изложенія будутъ предлагаемы и рѣшаемы вопросы, возникшіе въ вашемъ сознаніи по поводу прослушаннаго.

Для той же цѣли нѣкоторые, а, можетъ-быть, и многіе изъ васъ составятъ письменныя изложенія на методическія или дидактическія темы, и такія изложенія будутъ прочитываемы на курсахъ, что тоже будетъ способствовать расширенію и углубленію вашихъ педагогическихъ познаній.

Проработка каждаго отдѣла изъ методики будетъ закончена изложеніемъ вами, г-да учителя и г-жи учительницы, программы урока, примѣнительно къ выработаннымъ методическимъ положеніямъ. Такъ, послѣ проработки методики обученія грамотѣ, каждый изъ васъ изложитъ программу урока по ознакомленію дѣтей со звукомъ и буквой: послѣ проработки методики объяснительнаго чтенія, каждый изъ васъ изложитъ программу урока по объяснительному чтенію и т. п. Нѣкоторыя изъ составленныхъ вами программъ будутъ прочитаны на курсахъ, что́ тоже будетъ способствовать расширенію и углубленію вашего педагогическаго образованія.

Послѣ проработки того или другого отдѣла изъ методики, мною указаны будутъ пособія для болѣе основательнаго изученія этого отдѣла, что окажетъ значительную пользу въ вашемъ дальнѣйшемъ педагогическомъ самоусовершенствованіи.

Кто желаетъ безостановочно итти впередъ, тотъ время отъ времени оглядывается на пройденный уже путь и даетъ себѣ отчетъ въ немъ. И мы, хотя разъ въ недѣлю, будемъ давать себѣ отчетъ въ томъ, что выработано и усвоено нами въ теченіе недѣли. Отчетъ этотъ

будетъ состоять въ томъ, что вы, г-да учителя и г-жи учительницы, руководясь заранѣе составленнымъ планомъ или програмой, устно воспроизведете въ системѣ все проработанное въ теченіе недѣли. Такое воспроизведеніе, будучи повтореніемъ усвоенныхъ свѣдѣній (а повтореніе есть мать ученія), укажетъ намъ, [illegible] мы сдѣлали въ минувшую недѣлю.

Ознакомленіе съ требованіями, которымъ должны удовлетворять руководства, предназначенныя для обученія дѣтей, а равно и знакомство съ наиболѣе употребительными изъ такихъ руководствъ несомнѣнно входитъ въ составъ педагогическаго образованія учителей и учительницъ. Для такого ознакомленія вы, г-да курсисты и г-жи курсистки, распредѣлите между собою наиболѣе употребительныя въ начальныхъ школахъ учебныя руководства—для внимательнаго разсмотрѣнія ихъ и составленія о нихъ отзыва. Если данъ будетъ отзывъ напр., о десяти учебникахъ, то всѣ вы и познакомитесь съ этими десятью учебниками, что́ составитъ значительный вкладъ въ ваше педагогическое образованіе.

Само собою разумѣется, что предварительно мною будетъ въ вашемъ присутствіи разсмотрѣно одно изъ такихъ руководствъ, чѣмъ и показано будетъ, какъ приступить къ выполненію предложенной работы. Кромѣ того, мною предложена будетъ вамъ программа для разсмотрѣнія руководствъ, которая въ значительной мѣрѣ и облегчитъ вамъ трудъ по разсмотрѣнію ихъ.

По выслушаніи всѣхъ отзывовъ о руководствахъ мною будетъ сдѣлано обобщеніе, при чемъ изложены будутъ требованія, которымъ должно удовлетворять каждое руководство, предназначенное для начальнаго обученія.

Практическія ваши занятія будутъ состоять въ при-

сутствованіи на наблюдательныхъ урокахъ, даваемыхъ въ начальной школѣ. Слѣдя за ходомъ наблюдательнаго урока и замѣчая, какое вліяніе оказываетъ тотъ или другой пріемъ учителя на умственную дѣятельность учениковъ, вы, конечно, будете записывать въ свои тетради все, что найдете полезнымъ записать для памяти. Записи эти окажутъ вамъ извѣстную услугу впослѣдствіи. Наблюдательные уроки предназначены служить иллюстраціей тѣхъ методическихъ и дидактическихъ положеній, которыя будутъ вырабатываемы на нашихъ теоретическихъ занятіяхъ. Послѣ каждаго наблюдательнаго урока, лицо, давшее его, сдѣлаетъ надлежащія поясненія къ своему уроку, что, при вашихъ собственныхъ наблюденіяхъ, въ значительной мѣрѣ усилитъ пользу отъ наблюдательнаго урока.

Кромѣ присутствованія на наблюдательныхъ урокахъ, вы сами будете давать, по установленной очереди, практическіе уроки. Матеріалъ для каждаго такого урока будетъ назначать учитель школы. Готовясь къ уроку, вы будете составлять программу его, при чемъ, конечно, не преминете воспользоваться совѣтами и указаніями моими или учителя школы. Дающій урокъ вступитъ во всѣ права настоящаго учителя. Присутствуя на практическомъ урокѣ, вы будете слѣдить за ходомъ его и замѣчать, какіе изъ пріемовъ на урокѣ были удачны и какіе невполнѣ удачны, какимъ слѣдуетъ подражать и отъ какихъ удерживаться.

По поводу вашихъ практическихъ уроковъ будутъ ведены соотвѣтственныя педагогическія бесѣды. Задачей этихъ бесѣдъ служитъ выясненіе дидактическаго значенія тѣхъ или другихъ пріемовъ, примѣненныхъ на урокѣ, а отнюдь не оцѣнка педагогическихъ достоинствъ лица, давшаго урокъ. Такая оцѣнка не можетъ и не

должна входить въ задачи педагогическихъ курсовъ, имѣющихъ своею прямою и единственною цѣлью содѣйствовать педагогическому усовершенствованію всѣхъ курсистовъ и курсистокъ, для чего и служитъ однимъ изъ средствъ даваніе практическихъ уроковъ и бесѣды по поводу ихъ. Каждый практическій урокъ будетъ рассматриваемъ самъ по себѣ, безъ всякаго отношенія къ личности учителя, давшаго его. Желательно, чтобы самъ учитель, давшій урокъ, относился къ сужденіямъ, высказываемымъ по поводу его урока, такъ же объективно, какъ относятся къ нимъ и другіе члены курсовъ; желательно, чтобы, относясь объективно къ своему уроку, учитель первый высказалъ его положительныя и отрицательныя стороны, а также тѣ мысли, которыя возникли въ немъ по поводу даннаго имъ урока.

Бесѣды по поводу практическихъ уроковъ будутъ ведены въ особые часы, во время вечернихъ занятій. Въ эти же часы будутъ ведены бесѣды и по поводу другихъ вашихъ практическихъ работъ. Относительно этихъ послѣднихъ бесѣдъ нахожу нужнымъ заявить, что и онѣ будутъ имѣть своею цѣлью единственно ваше педагогическое усовершенствованіе, а не что-нибудь иное, чуждое прямой задачѣ курсовъ.

Подчеркивая указанную цѣль бесѣдъ по поводу вашихъ уроковъ и другихъ практическихъ работъ, я этимъ желалъ бы установить вѣрный взглядъ на задачи нашихъ курсовъ и устранить нежелательное отношеніе къ работамъ, выполняемымъ г-дами курсистами и г-жами курсистками.

Чтобы оставался слѣдъ нашихъ занятій на курсахъ, вы, г-да учителя и г-жи учительницы, будете составлять, по установленной очереди, журналы утреннихъ и вечернихъ занятій на курсахъ. Въ эти журналы вы

будете вносить, какія занятія велись въ тотъ или другой часъ, какъ велись эти занятія, и какія методическія положенія выработаны во время занятій. Каждый журналъ представитъ собою небольшое педагогическое сочиненіе, матеріаломъ для котораго послужатъ работы, веденныя на курсахъ. Журналы будутъ прочитываемы во время вечернихъ занятій, что будетъ служить, съ одной стороны, напоминаніемъ для насъ всего того, что выработано во время занятій, а, съ другой—отчетомъ въ минувшемъ рабочемъ днѣ. Послѣ прочтенія, журналы будутъ сдаваемы въ портфель курсовъ.

Вотъ перечень занятій, направленныхъ къ достиженію той цѣли, ради которой мы собрались сюда. Но занятія эти могутъ привести къ достиженію нашей общей цѣли лишь при наличности благопріятныхъ для того условій.

Для успѣшнаго веденія всякаго дѣла необходимо раздѣленіе труда, и, чѣмъ послѣднее точнѣе проведено, тѣмъ болѣе бываетъ обезпеченъ успѣхъ дѣла. И для веденія нашихъ курсовъ, какъ вамъ извѣстно, понадобилось привлеченіе нѣсколькихъ лицъ, при чемъ на каждаго изъ нихъ возложена особая обязанность. На васъ же, г-да учителя и г-жи учительницы, лежитъ самая важная, самая существенная обязанность—принимать дѣятельное участіе во всѣхъ занятіяхъ, какія будутъ ведены на курсахъ. Вашъ трудъ явится тою силой, которая одухотворитъ наши курсы и двинетъ ихъ впередъ. На насъ, руководителяхъ, будетъ лежать обязанность лишь давать должное направленіе курсамъ, а движущей силой явитесь все таки Вы.

При раздѣленіи труда успѣшность дѣла зависитъ отъ безостановочнаго и возможно правильнаго выполненія каждымъ работникомъ выпавшаго на его долю тру-

да. Остановка въ трудѣ или неправильное выпол
его однимъ работникомъ вредно отзывается на ре
татахъ труда другихъ работниковъ. Такая зависи
успѣшности общаго дѣла отъ качества труда ка
работника налагаетъ на каждаго изъ насъ нравстве
обязанность возможно совершеннѣе выполнять свою
труда и тѣмъ содѣйствовать труду другихъ лиц
успѣшному ходу всего нашего дѣла.

При участіи въ общемъ дѣлѣ многихъ лицъ с
комъ важно для успѣшнаго хода дѣла единодушіе
ботниковъ. Безъ единодушія дѣло не спорится. Сплот
ся же въ одну дружную, согласную педагогическую се
для предстоящаго намъ дорогого для насъ дѣла и
держимъ такое единодушіе до конца нашихъ заня
Будемъ помогать другъ другу въ общемъ намъ дѣ
Каждый для всѣхъ и всѣ для каждаго. Постараем
чтобы ни въ комъ изъ насъ не возникло такое чувст
которое можетъ повести къ разъединенію. Между чле
ми доброй семьи (а таковой и должны быть наши ку
сы) нѣтъ ни соперничества, ни заносчивости, ни недо
рожелательства. Не допустимъ же и тѣни этихъ не
рошихъ проявленій на нашихъ курсахъ. Не забудем
что наши курсы служатъ не ареной для борьбы и
соперничества, не мѣстомъ для оцѣнки педагогичес
способности учителей и учительницъ, а единствен
лишь мѣстомъ дружнаго, единодушнаго труда, съ цѣл
педагогическаго самоусовершенствованія всѣхъ.

Намъ тѣмъ болѣе необходимо сплотиться въ дру
ную педагогическую семью, что весь трудъ нашъ, н
правленный къ нашему самоусовершенствованію, будетъ
носить характеръ взаимнаго обученія. Кто болѣе учился
или болѣе опытенъ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ,
тотъ подѣлится своими познаніями и результатами своего

опыта съ тѣми, кто менѣе учился или не обладаетъ значительнымъ педагогическимъ опытомъ. Намъ всѣмъ необходимо, сознавая, что мы собрались для общаго намъ дѣла, глубоко проникнуться мыслью, что каждый изъ васъ долженъ работать на курсахъ не только для себя, не только для собственнаго педагогическаго усовершенствованія, но также и для усовершенствованія другихъ членовъ курсовъ. При такомъ воззрѣніи каждый изъ васъ станетъ помогать другимъ въ исполненіи работъ, и каждая удачная работа, содѣйствуя педагогическому усовершенствованію всѣхъ членовъ курсовъ, будетъ радовать и дѣлать счастливыми всѣхъ же.

Но для духовнаго объединенія намъ необходимо съ довѣріемъ отнестись другъ къ другу. Вѣрьте, г-да учителя и г-жи учительницы, что мы, руководители и преподаватели, проникнуты искреннимъ желаніемъ послужить вамъ и принести вамъ посильную пользу. Просимъ и васъ съ довѣріемъ отнестись къ этому нашему желанію, откликнуться на наше стремленіе примкнуть къ вашей педагогической семьѣ.

Порядокъ составляетъ существенное условіе всякаго дѣла, особенно такого, какъ учебное. Это вамъ очень хорошо извѣстно изъ вашей учительской дѣятельности. Безъ надлежащаго порядка, безъ должной тишины не могутъ итти успѣшно учебныя занятія, особенно такія серьезныя, какія предстоятъ намъ. Повидимому, незначительный шумъ или тихій разговоръ уже отвлекаетъ вниманіе отъ предмета учебныхъ занятій. А разъ отвлечено вниманіе—теряется связь мыслей въ излагаемомъ, и самое изложеніе кажется уже недостаточно послѣдовательнымъ, логичнымъ, а потому и понятнымъ. Точно также несвоевременный выходъ кого-нибудь изъ помѣщенія курсовъ или входъ въ него, хотя бы совершенъ

былъ и тихо, можетъ также отвлечь вниманіе слушателей отъ предмета бесѣды или сообщенія, послѣ чего слѣдить за излагаемымъ уже не такъ легко. Все это, повторяю, намъ всѣмъ очень хорошо извѣстно, а потому съ полной увѣренностью всѣ мы и можемъ утверждать, что на нашихъ курсахъ самъ собою установится и будетъ поддерживаемъ такой порядокъ, какой необходимъ для спокойнаго серьезнаго труда. И это утверждать мы можемъ тѣмъ болѣе, что въ силу своей учительской профессіи мы привыкли къ самообладанію и самоограниченію, во имя высшихъ интересовъ, во имя общей пользы.

Даже такія незначительныя, повидимому, обстоятельства, какъ, напр., недостаточное вентилированіе класснаго помѣщенія, несвоевременное начало и окончаніе учебныхъ занятій, отсутствіе подъ руками необходимыхъ учебныхъ принадлежностей,—могутъ помѣшать стройному и плавному ходу занятій. И эти обстоятельства, несомнѣнно, будутъ устраняемы вами самими. Вы, г-да учителя и г-жи учительницы, не откажетесь принять на себя нести поочереди обязанность дежурныхъ и, выполняя эту обязанность, устранять все, что можетъ мѣшать безостановочному ходу курсовыхъ занятій.

Вамъ извѣстно также, что строй и домашней нашей жизни неминуемо вліяетъ на наше настроеніе, на наше отношеніе къ дѣлу. Внѣ помѣщенія курсовъ намъ придется проводить большую часть нашихъ сутокъ и исполнять значительную часть работъ. Значитъ, каждому изъ насъ слѣдуетъ позаботиться объ устраненіи и въ домашней своей жизни всего того, что можетъ отвлекать мысли отъ серьезнаго умственнаго труда, связаннаго съ курсовыми занятіями.

Наконецъ, успѣшность нашихъ занятій будетъ за-

висѣть отъ охоты, съ которой мы отнесемся къ труду. Вы знаете, что одно и то же дѣло можетъ явиться намъ то пріятнымъ и посильнымъ, если мы охотно его выполняемъ, то непріятнымъ, тяжелымъ бременемъ, если мы выполняемъ его безъ охоты, лишь по принужденію. Отнесемся же съ полной охотой къ предстоящему намъ труду. А есть для чего съ охотой потрудиться. Духовное самоусовершенствованіе есть высшее благо: оно окрыляетъ насъ для болѣе высокой духовной жизни и приближаетъ насъ къ Вѣчному Источнику духовнаго свѣта. Оно даетъ намъ возможность сохранить «душу живу», высшій идеализмъ среди многихъ неприглядныхъ явленій житейской прозы. Оно же, открывая намъ высшія цѣли жизни, миритъ насъ съ жизненными невзгодами и даже матеріальными лишеніями. Педагогическое самоусовершенствованіе неминуемо возбудитъ въ насъ особый интересъ къ педагогической дѣятельности, и въ этой дѣятельности мы будемъ находить высокое духовное наслажденіе. Поднявшись выше въ педагогическомъ отношеніи, мы успѣшнѣе поведемъ воспитаніе и обученіе поручаемыхъ намъ дѣтей, чѣмъ и выполнимъ свой нравственный долгъ на землѣ. Научить дѣтей, будущихъ гражданъ, честной, разумной христіанской жизни, открыть имъ путь къ самоусовершенствованію—великая заслуга передъ Богомъ, Царемъ и Отечествомъ...

Г-да учителя и г-жи учительницы! Наука безконечна, время же быстротечно. Немного удѣлено времени для нашихъ занятій. Постараемся же, чтобы ни одинъ день, даже ни одинъ часъ не прошелъ мало-производительно для нашего усовершенствованія.

К. В. Ельницкій.

Цѣли объяснительнаго чтенія словесныхъ произведеній и общія требованія относительно веденія его.

Не всѣ читатели выносятъ изъ прочитаннаго ими одинаково ясныя и полныя понятія и идеи. Это зависитъ отъ различія душевнаго развитія и степени вдумчивости ихъ при чтеніи. Еще Жуковскій сказалъ, что «одни изъ читателей, закрывая прочтенную ими книгу, остаются съ темнымъ и весьма безпорядочнымъ о ней понятіемъ, что̀ происходитъ отъ непривычки ихъ мыслить при чтеніи, отъ непривычки слѣдовать своимъ вниманіемъ за мыслями автора; другіе же читаютъ, мыслятъ, чувствуютъ, замѣчаютъ—и въ головѣ ихъ останется порядочное, полное понятіе о томъ, что они читали». Въ жизни дѣйствительной мы замѣчаемъ, что одни люди путемъ чтенія обогащаютъ себя познаніями и въ значительной мѣрѣ поднимаются въ своемъ духовномъ развитіи, другіе же, хотя читаютъ и очень много, но не становятся умнѣе, развитѣе, а лишь развиваютъ въ себѣ мечтательность и чувствительность. И это происходитъ отъ того, что первые вникаютъ въ читаемое, внимательно слѣдятъ за ходомъ мыслей и чувствъ автора и вообще читаютъ вдумчиво; вторые же бѣгло скользятъ надъ содержаніемъ читаемаго, и чтеніе не оставляетъ въ нихъ замѣтнаго слѣда.

Очевидно, что школа обязана пріучить своихъ учениковъ читать вдумчиво, сознательно и тѣмъ раскрыть имъ въ чтеніи книгъ средство къ духовному самоусовершенствованію.

Конечно, такая цѣль преслѣдуется не только на урокахъ русскаго языка, но также, въ возможной мѣрѣ, и на урокахъ по другимъ учебнымъ предметамъ, на которыхъ приходится имѣть дѣло съ книгой.

Но пріученіе учениковъ къ сознательному, вдумчивому чтенію литературныхъ произведеній составляетъ существенную, спеціальную задачу русскаго учителя, который, пріучая учениковъ къ сознательному, вдумчивому чтенію, какъ увидимъ, достигаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другихъ важныхъ образовательныхъ и воспитательныхъ цѣлей.

Здѣсь я буду говорить о веденіи чтенія на урокахъ русскаго языка, именно чтенія литературныхъ произведеній. Пріемы и средства, къ которымъ прибѣгаетъ учитель русскаго языка для пріученія учениковъ къ сознательному, вдумчивому чтенію литературныхъ произведеній составляютъ такъ называемое объяснительное чтеніе.

Правильно веденное объяснительное чтеніе, пріучая учениковъ къ сознательному чтенію, содѣйствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ развитію ихъ духовныхъ силъ. При веденіи объяснительнаго чтенія ученикамъ приходится сосредоточивать свое вниманіе на читаемомъ, что пріучаетъ ихъ къ внимательности. Имъ приходится составлять выводы изъ читаемыхъ статей и стихотвореній, сравнивать эти статьи или стихотворенія, выдѣлять планъ ихъ, что и способствуетъ развитію ихъ мышленія. Обогащая воображеніе учениковъ живыми образами, связанными единствомъ идеи, объяснительное чтеніе воспитательно дѣйствуетъ на ихъ воображеніе. Поэтическія произведенія, будучи выраженіемъ не только высокихъ мыслей, но и благородныхъ чувствъ поэта, оказываютъ облагораживающее вліяніе на чувствованія учениковъ. Худо-

жественное изображеніе дѣйствительности не можетъ не облагораживать взгляда учениковъ на эту дѣйствительность, а художественные образы и возвышенныя идеи, выраженныя въ изящной формѣ, не могутъ не вліять на развитіе эстетическаго чувства и вкуса ихъ. Вслѣдствіе зависимости дѣятельности воли человѣка отъ его чувствованій и мыслей, словесныя произведенія, вліяя на чувствованія и мышленіе учениковъ, неминуемо оказываютъ вліяніе и на волю, и на желанія ихъ. Кромѣ того, объяснительное чтеніе ведетъ къ обогащенію учениковъ цѣнными для ихъ духовнаго образованія мыслями, понятіями, образами. Каждое стихотвореніе или каждая статья представляетъ собою выраженіе извѣстной мысли, извѣстнаго образа. Путемъ объяснительнаго чтенія ученики усваиваютъ эту мысль или этотъ образъ. И совокупность такихъ мыслей и образовъ, заложенныхъ въ душѣ учениковъ, неминуемо оказываетъ благотворное вліяніе на ихъ душевное образованіе. Міровоззрѣніе ихъ становится глубже и шире. Духъ ихъ, обогащенный прекрасными мыслями и прекрасными образами, такъ сказать, окрыляется для болѣе широкой душевной дѣятельности. Кромѣ того, мысли и образы, воспринятые учениками изъ словесныхъ произведеній, впослѣдствіи окажутъ вліяніе на ихъ практическую жизнь и дѣятельность. Извѣстно, какое значеніе въ практической жизни и дѣятельности человѣка имѣютъ, напр., пословицы или выводы изъ крыловскихъ басенъ, усвоенные имъ и сдѣлавшіеся руководящими началами въ его жизни и дѣятельности.

Такимъ образомъ, объяснительное чтеніе словесныхъ произведеній оказываетъ развивающее и воспитывающее вліяніе на всѣ стороны душевной дѣятельности учениковъ: оно обогащаетъ ихъ высшими идеями и дѣлаетъ

ихъ болѣе чуткими ко всему прекрасному и доброму. Кромѣ указанныхъ общихъ цѣлей, объяснительное чтеніе ведетъ къ достиженію и спеціальныхъ цѣлей обученія отечественному языку. Такъ, оно способствуетъ развитію языка, рѣчи учениковъ. Языкъ, рѣчь развивается путемъ подражанія. Образцомъ для подражанія служитъ не только устная рѣчь окружающихъ, но также и языкъ читаемыхъ литературныхъ произведеній.

Слово представляетъ двѣ стороны: внутреннюю, т. е. понятіе или представленіе, выражаемое имъ, и внѣшнюю, звуковую, т.-е. сочетаніе звуковъ, выражающихъ данное понятіе или представленіе.

Обѣ эти стороны органически слиты въ словѣ, такъ что ихъ можно различать, а не раздѣлять. Сообразно съ этимъ и цѣлое словесное произведеніе представляетъ собою двѣ стороны: внутреннюю, т.-е. мысли, образы, чувства, выражаемыя въ произведеніи, и внѣшнюю, т. е. словесную форму, посредствомъ которой выражаются мысли, образы и чувства автора. И обѣ эти стороны слиты въ словесномъ произведеніи. Уразумѣвая при объяснительномъ чтеніи мысли, образы, и чувства, раскрываемые въ словесномъ произведеніи, ученики вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомляются и съ формой его, при чемъ и собственная рѣчь ихъ по подражанію обогащается словами и словесными формами. Вслѣдствіе связи письменной рѣчи съ устной, объяснительное чтеніе, обогащая и развивая устную рѣчь учениковъ, содѣйствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ развитію и письменной рѣчи ихъ. При объяснительномъ чтеніи ученики на образцахъ пріучаются къ подбору подходящихъ словъ и выраженій для передачи ихъ мыслей, пріучаются группировать признаки изображаемыхъ предметовъ и планировать свои мысли. Вотъ почему полезно иногда связывать письмен-

ныя упражненія учениковъ съ читаемыми и изучаемыми ими словесными произведеніями. Такое связываніе тѣмъ болѣе умѣстно, что содержаніе изучаемыхъ статей и стихотвореній представляетъ хорошій матеріалъ для письменныхъ работъ учениковъ.

Насколько сознательное чтеніе и изученіе словесныхъ произведеній вліяетъ на устную и письменную рѣчь, видно изъ того, что устная и письменная рѣчь лицъ, усвоившихъ значительное количество литературныхъ произведеній, всегда при одинаковыхъ другихъ условіяхъ богаче, правильнѣе и даже изящнѣе, чѣмъ рѣчь лицъ, не изучавшихъ такихъ произведеній. Это каждый учитель русскаго языка могъ наблюдать въ рѣчи своихъ учениковъ.

Усвоеніе грамматики отечественнаго языка возможно только путемъ наблюденія надъ литературною рѣчью. Объяснительное чтеніе имѣетъ своею задачею обратить вниманіе учениковъ на словесное произведеніе. Такимъ образомъ между объяснительнымъ чтеніемъ и изученіемъ грамматики существуетъ извѣстная связь и даже зависимость. Объяснительное чтеніе служитъ для успѣшнаго изученія грамматики литературнаго языка.

Изученіе словесныхъ произведеній служитъ также существеннымъ условіемъ къ разумному усвоенію свѣдѣній изъ теоріи словесности, такъ какъ для такого усвоенія этихъ свѣдѣній необходимо вывести ихъ путемъ наблюденія надъ литературными произведеніями.

Изъ всего сказаннаго видно, какое важное воспитательное и образовательное значеніе имѣетъ объяснительное чтеніе словесныхъ произведеній. Важное значеніе такого чтенія становится еще болѣе яснымъ, если приемъ во вниманіе, что сочиненіе, какъ бы оно ни было художественно, не можетъ произвести надлежащаго впе-

чатлѣнія на учащихся, когда они не достаточно понимаютъ его, и что оно оказываетъ свое образовательное и воспитательное вліяніе только въ томъ случаѣ, если они понимаютъ его отчетливо, что и достигается объяснительнымъ чтеніемъ.

Въ виду такого важнаго значенія объяснительнаго чтенія, учителю необходимо съ полнымъ вниманіемъ относиться къ занятію имъ.

Невозможно установить такую общую программу или такую форму, по которой слѣдуетъ вести объяснительное чтеніе каждаго литературнаго произведенія. Характеръ, содержаніе и форма объяснительнаго чтенія зависятъ и отъ развитія учениковъ, и отъ содержанія произведенія, подлежащаго объясненію, и отъ тѣхъ устныхъ или письменныхъ упражненій, которыя учитель намѣренъ связать съ изучаемымъ произведеніемъ, и отъ тѣхъ теоретическихъ (по грамматикѣ или теоріи словесности) выводовъ, которые онъ намѣренъ сдѣлать съ учениками изъ взятыхъ произведеній. Предложить ученикамъ младшаго класса, малоразвитымъ, такое объясненіе произведенія, какое умѣстно для учениковъ старшаго класса, достаточно развитыхъ и пріобрѣтшихъ достаточный навыкъ къ сознательному чтенію, значило бы сдѣлать самое объясненіе малопонятнымъ и не выяснить имъ произведенія. Съ другой стороны, вести объясненіе произведенія съ учениками старшаго класса, достаточно развитыми, такъ, какъ слѣдуетъ вести его съ учениками младшаго класса, значило бы непроизводительно терять съ ними время. Точно также было бы неосновательно останавливаться на объясненіи совершенно понятной ученикамъ статьи настолько же, насколько слѣдуетъ остановиться для объясненія произведенія, пред-

ставляющаго извѣстныя затрудненія для пониманія его учениками.

Самое различіе въ подбираемомъ матеріалѣ для чтенія въ младшихъ и старшихъ классахъ, а равно и различіе въ цѣляхъ, преслѣдуемыхъ при чтеніи въ тѣхъ или другихъ классахъ, вліяетъ на различіе веденія объяснительнаго чтенія въ этихъ классахъ.

Значитъ, здѣсь могутъ быть изложены лишь общія требованія относительно веденія объяснительнаго чтенія Изложимъ эти требованія.

1) Объяснительное чтеніе можетъ быть ведено успѣшно и производительно лишь въ томъ случаѣ, если матеріалъ, подбираемый для такого чтенія, посиленъ для учениковъ. Матеріалъ посиленъ для учениковъ, если при надлежащей внимательности къ читаемому и при извѣстномъ руководствѣ учителя, они въ состояніи уразумѣть содержаніе и форму читаемаго. Но неосновательно было бы полагать, что для чтенія слѣдуетъ подбирать только то, что само по себѣ совершенно понятно ученикамъ, и усвоеніе чего не требуетъ отъ нихъ никакого умственнаго напряженія. При такомъ подборѣ матеріала, чтеніе не подвигало бы учениковъ въ развитіи и образованіи. Подбираемыя для чтенія произведенія должны быть хотя и посильны для учениковъ, однако такія, которыя вызывали бы дѣятельность ихъ умственныхъ силъ. По мѣрѣ упражненія въ сознательномъ чтеніи, ученики мало-помалу пріобрѣтаютъ способность къ пониманію болѣе трудныхъ по содержанію и формѣ литературныхъ произведеній. Отсюда вытекаетъ необходимость послѣдовательно по трудности располагать матеріалъ для чтенія.

При посильности матеріалъ, подбираемый для объяснительнаго чтенія, долженъ быть достоинъ и по содер-

жанію и по формѣ сдѣлаться достояніемъ учениковъ. Только при такомъ матеріалѣ объяснительное чтеніе дѣйствительно способствуетъ достиженію образовательныхъ и воспитательныхъ цѣлей. «Могучая, животворная сила присуща слову тогда, когда оно изучается, какъ выраженіе идейнаго смысла въ связи съ содержаніемъ произведеній, главнымъ образомъ художественныхъ. Только въ этомъ случаѣ, служа оболочкой высокихъ настроеній, слово всецѣло проявляетъ свою благородную природу, свою способность будить глубокую мысль, выражать эстетическое и нравственное чувство» (Педагог. Сборн. 1903 г. № 8).

Въ тѣхъ классахъ учебнаго заведенія, въ которыхъ ученики ознакамливаются, на основаніи литературныхъ произведеній, со свѣдѣніями изъ теоріи словесности, матеріалъ для чтенія можетъ быть подбираемъ примѣнительно выводу этихъ свѣдѣній. Впрочемъ, для этой цѣли учитель можетъ пользоватся и произведеніями, разученными учениками ранѣе, въ предшествующихъ классахъ.

2) Навыкъ къ сознательному, вдумчивому чтенію вырабатывается путемъ упражненія въ такомъ чтеніи. И при веденіи объяснительнаго чтенія ученики упражняются въ такомъ чтеніи. Учитель возбуждаетъ и поддерживаетъ самодѣятельность учениковъ, направленную къ уразумѣнію читаемаго. Онъ то предлагаетъ имъ вопросы, отвѣтить на которые они могутъ, лишь вникнувъ въ читаемое произведеніе; то предлагаетъ имъ пересказать прочитанное, то заставляетъ ихъ выполнять, на основаніи читаемаго, ту или другую умственную работу и т. п. Въ привлеченіи учениковъ вникнуть въ читаемое и такимъ образомъ уразумѣть его и состоитъ главная дѣятельность учителя. Давать ученикамъ готовое объ-

ясненіе читаемаго, не возбуждая ихъ самодѣятельности, было бы не цѣлесообразно, такъ какъ такое веденіе дѣла не пріучало бы учащихся къ вдумчивому, сознательному чтенію и, кромѣ того, развивая въ нихъ пассивность, ослабляло бы мышленіе ихъ.

3) При веденіи объяснительнаго чтенія учитель стремится къ тому, чтобы ученики извлекли изъ читаемаго произведенія лишь то, что они въ состояніи извлечь, если вдумчиво къ нему отнесутся. Но одно и то же произведеніе вызываетъ далеко не одинаковый кругъ представленій и понятій у человѣка мало развитого и у человѣка съ глубокимъ душевнымъ развитіемъ. Каждый понимаетъ произведеніе въ мѣру своего душевнаго развитія. И учитель при веденіи объяснительнаго чтенія сообразуется со степенью развитія своихъ учениковъ. При чтеніи произведенія съ учениками старшаго класса, онъ обращаетъ вниманіе ихъ на такія его стороны (психологическую, логическую, стилистическую и т. п.), на какія неумѣстно было бы обращать вниманіе учениковъ младшаго класса. Относительно веденія объяснительнаго чтенія съ учениками младшаго класса слѣдуетъ замѣтить, что учитель поступилъ бы неосновательно, если бы при веденіи съ ними такого чтенія сталъ сообщать имъ мысли, уразумѣть которыя они не въ состояніи по степени своего духовнаго развитія. Такія мысли не только не освѣщали бы для нихъ произведенія, но даже затемняли бы его, служа какъ бы покрываломъ, заслоняющимъ прямой и непосредственный смыслъ произведенія. Точно также онъ поступилъ бы неосновательно, если бы вмѣсто разъясненія самого произведенія, сообщалъ ученикамъ различныя критическія сужденія о данномъ произведеніи. «Изучая произведеніе на урокѣ русскаго языка, ученикъ долженъ изучать самое произведеніе, а не

толковать, какъ думаетъ о немъ такой или иной критикъ. На основаніи непосредственнаго чувства ученикъ оцѣниваетъ въ своемъ сознаніи изученное произведеніе, а не на основаніи навязанной извнѣ критики, убивающей иногда чутье къ красотамъ произведенія». Неумѣстно также было бы навязывать ученикамъ, по поводу объясняемаго произведенія, такія чувства, до которыхъ они еще не доросли. Если произведеніе усвоено учениками, если они уразумѣли основную мысль его и выраженіе ея, а равно сознали настроеніе, подъ вліяніемъ котораго оно создано авторомъ, то оно и вызоветъ въ нихъ соотвѣтственное чувство. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что учителю нужно относиться безучастно къ читаемому съ учениками произведенію или что ему нужно скрывать тѣ чувства, которыя оно въ немъ вызываетъ. Напротивъ, чувство учителя можетъ сказываться въ выразительномъ чтеніи, въ живости и оживленности рѣчи: это можетъ возбудить въ ученикахъ нужное чувство, но не слѣдуетъ словами навязывать ученикамъ такія чувства, до которыхъ они еще не доросли.

4) Такъ какъ словесное произведеніе, какъ и отдѣльное слово, представляетъ двѣ стороны: внутреннюю (представленія, понятія, мысли и чувства) и внѣшнюю (форму, въ которой выражаются эти представленія, понятія, мысли и чувства), то и при объяснительномъ чтеніи слѣдуетъ обращать вниманіе учениковъ какъ на ту, такъ и на другую сторону, при чемъ, вслѣдствіе органической, неразрывной связи означенныхъ сторонъ, нужно попутно объяснять ихъ. Форма словеснаго произведенія зависитъ отъ его внутренней стороны и при выясненіи формы произведенія нужно исходить изъ содержанія его. Обыкновенно при выясненіи мыслей, чувствованій и образовъ произведенія сама собою выясняет-

ся и форма его. Учитель останавливается на выясненіи формы произведенія лишь настолько, насколько это представляется нужнымъ на данной ступени обученія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда главною задачей объяснительнаго чтенія служитъ выясненіе ученикамъ такой или иной формы языка или рѣчи, учитель, выяснивши ученикамъ содержаніе произведенія, обращаетъ особенное вниманіе ихъ на нужную форму и такимъ образомъ ознакамливаетъ ихъ съ нею.

5) Понимать произведеніе—значитъ уразумѣть основную мысль его, усвоить его содержаніе какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ его частяхъ, объединенныхъ основною мыслью или единствомъ предмета, а равно понимать и отдѣльныя мысли и слова, служащія для выраженія ихъ. Отсюда видно, къ чему нужно стремиться и что выяснять при веденіи объяснительнаго чтенія. Непониманіе значенія нѣкоторыхъ словъ, конечно, мѣшаетъ пониманію отдѣльныхъ мыслей и всего произведенія. Необходимо знакомить учениковъ съ значеніемъ такихъ словъ. Извѣстно, что одно и то же слово можетъ быть употребляемо въ разнообразныхъ значеніяхъ. Познакомивши учениковъ съ основнымъ значеніемъ слова, необходимо обратить вниманіе ихъ главнымъ образомъ на то значеніе, которое оно имѣетъ въ читаемомъ произведеніи. Но, подводя учениковъ къ пониманію незнакомыхъ имъ словъ, находящихся въ читаемомъ произведеніи, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что прямою задачей объяснительнаго чтенія служитъ выясненіе самого произведенія, объясненіе же словъ является лишь средствомъ къ пониманію его. Слѣдовательно, вести длинную бесѣду по поводу того или другого непонятнаго слова было бы неосновательно. Непонятныя слова объ-

ясняются, такъ сказать, попутно, въ связи съ объясненіемъ всего произведенія.

6) При объяснительномъ чтеніи учитель или выясняетъ произведеніе по частямъ и, по мѣрѣ выясненія частей, связываетъ ихъ между собою и такимъ образомъ подводитъ учениковъ къ усвоенію всего произведенія, или же онъ сначала знакомитъ учениковъ въ общихъ чертахъ съ содержаніемъ всего произведенія и затѣмъ уже раскрываетъ передъ ними детали или отдѣльныя стороны его и такимъ образомъ доводитъ ихъ до надлежащаго пониманія произведенія.

Примѣненіе того или другого изъ этихъ способовъ обусловливается степенью развитія учениковъ и объемомъ и характеромъ произведенія, подлежащаго объясненію. Если ученики еще не привыкли слѣдить при чтеніи за связью мыслей произведенія и улавливать сразу основную мысль его, равно какъ и въ томъ случаѣ, если статья или стихотвореніе по своему объему или содержанію представляетъ значительныя затрудненія для пониманія учениковъ, учитель раскрываетъ его передъ ними по частямъ и такимъ образомъ подводитъ ихъ къ усвоенію всего произведенія.

Если же ученики уже пріобрѣли нѣкоторый навыкъ слѣдить за ходомъ мыслей читаемаго, и если произведеніе, взятое для объяснительнаго чтенія, можетъ быть воспринято ими въ цѣломъ, то учитель сначала знакомитъ ихъ въ общихъ чертахъ со всѣмъ произведеніемъ, а затѣмъ уже раскрываетъ передъ ними ускользнувшія отъ ихъ вниманія стороны или отдѣльныя мысли его.

По мѣрѣ подъема умственнаго развитія учениковъ чтеніе и объясненіе статей и стихотвореній по частямъ постепенно уступаетъ мѣсто чтенію и объясненію ихъ въ цѣломъ. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже

въ младшихъ классахъ ихъ, если предметомъ для чтенія служитъ небольшое стихотвореніе или басня,—обыкновенно сразу идетъ чтеніе всего произведенія. а затѣмъ и объясненіе его.

7) Въ связи съ сказаннымъ сейчасъ и въ зависимости также отъ развитія учениковъ и характера произведенія, учитель, при объяснительномъ чтеніи, или ставитъ частные вопросы, т.-е. вопросы, относящіеся къ отдѣльнымъ мыслямъ или небольшимъ частямъ произведенія, или же ставитъ нѣсколько общихъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ ученики должны вникнуть въ содержаніе всего произведенія или крупной части его. Постановка общихъ вопросовъ болѣе умѣстна при чтеніи въ старшихъ классахъ. При этомъ можетъ быть примѣняемъ слѣдующій пріемъ: послѣ чтенія учитель записываетъ на доскѣ нѣсколько общихъ вопросовъ (темъ). Ученики, вдумываясь въ прочитанное произведеніе, рѣшаютъ эти вопросы и такимъ образомъ выясняютъ себѣ самое произведеніе. Въ младшихъ классахъ практикуется преимущественно постановка частныхъ вопросовъ. Но очень важно при постановкѣ такихъ вопросовъ не отклонять вниманія учениковъ въ сторону отъ основной мысли произведенія и содержанія его. Не нужно забывать, что цѣлью объяснительнаго чтенія служитъ пониманіе всего произведенія, его основной мысли и содержанія, а не веденіе бесѣды по поводу какой-нибудь частной мысли. При постановкѣ частныхъ вопросовъ не слѣдуетъ также останавливаться болѣе, чѣмъ это нужно, на неважномъ въ произведеніи, на мелочахъ. Если учитель при объясненіи произведенія станетъ останавливаться на каждой мысли, на каждомъ стихѣ, понятномъ и безъ объясненія, то такое веденіе дѣла наскучитъ ученикамъ и убьетъ въ нихъ интересъ къ читаемому. При веденіи объяснитель-

наго чтенія, какъ и вездѣ, учителю необходимо знать и соблюдать мѣру. Чрезмѣрное обиліе вопросовъ, предлагаемыхъ учителемъ при объяснительномъ чтеніи, бываетъ причиной, что самое объяснительное чтеніе теряетъ кредитъ у нѣкоторыхъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу обученія отечественному языку.

8) Случается, что для возбужденія въ ученикахъ интереса къ произведенію, предназначенному для чтенія, а равно и для облегченія имъ пониманія этого произведенія, учитель передъ чтеніемъ вызываетъ въ сознаніи ихъ тѣ представленія или мысли, которыя входятъ въ содержаніе произведенія. Такъ, напр., передъ чтеніемъ стихотворенія: «Святочныя гаданія», учитель выспрашиваетъ учениковъ, какъ гадаютъ на святкахъ; передъ чтеніемъ стихотворенія: «Метель», онъ наводитъ ихъ на воспоминаніе явленій во время метели. Случается, что учитель самъ сообщаетъ ученикамъ фактъ, послужившій содержаніемъ для стихотворенія. Такъ, сообщивши ученикамъ преданіе о смерти Олега, учитель привлекаетъ ихъ къ чтенію стихотворенія Пушкина: «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ».

На предварительное возбужденіе въ сознаніи учениковъ представленій или мыслей, вошедшихъ въ содержаніе произведенія, нужно смотрѣть лишь какъ на одно изъ средствъ, облегчающихъ имъ пониманіе произведенія и вызывающихъ въ нихъ интересъ къ произведенію. Но этимъ средствомъ слѣдуетъ пользоваться осмотрительно. Не нужно забывать, что задачей объяснительнаго чтенія служитъ пріученіе учениковъ извлекать мысли изъ читаемаго, уразумѣвать читаемое, а не читать только то, что уже прослушано ими.

9) Каждое произведеніе, какъ бы объемисто оно ни было, представляетъ раскрытіе одной основной мысли.

Уразумѣніе этой мысли, какъ сказано, составляетъ существенный признакъ пониманія самаго произведенія. И необходимо подводить учениковъ къ уразумѣнію основной мысли произведенія. Иногда ученики, руководясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нихъ прочитаннымъ произведеніемъ, сразу улавливаютъ основную мысль его. Но большею частью они могутъ быть доведены до уразумѣнія основной мысли произведенія лишь путемъ сопоставленія частей его. Такъ напр., они уразумѣваютъ основную мысль стихотворенія: «Что ты спишь, мужечокъ?» Кольцова послѣ сопоставленія слѣдующихъ частей его: 1) Мужикъ лѣнится, ничего не дѣлаетъ, когда нужно трудиться. 2) Онъ вслѣдствіе своей лѣни обѣднѣлъ и терпитъ нужду: у него ничего нѣтъ ни на гумнѣ, ни въ закромахъ, ни на дворѣ, ни въ клѣти. 3) Прежде этотъ же мужикъ былъ трудолюбивъ и 4) онъ пользовался полнымъ матеріальнымъ достаткомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и почетомъ. Сопоставляя эти части, ученики выводятъ мысль, что матеріальное довольство и душевное благосостояніе крестьянина находятся въ зависимости отъ его трудолюбія. Распространяя эту мысль на всѣхъ людей, они выводятъ общую мысль: трудъ составляетъ главное условіе матеріальнаго и душевнаго благосостоянія человѣка.

Послѣ вывода основной мысли произведенія слѣдуетъ привлечь учениковъ прослѣдить по нему, какъ она выражена въ немъ.

10) Во многихъ произведеніяхъ мысль поэта выражена въ аллегорической, часто фантастической формѣ. Къ такимъ произведеніямъ, кромѣ басенъ и такихъ статей, какъ «Чудный домикъ» («Дѣтскій міръ»—Ушинскаго), относятся многія лирическія и эпическія произведенія, какъ, напр., стихотворенія: «Воздушный корабль»,

«Ангелъ», «Сосна»—Лермонтова, «Туча»—Пушкина и друг. Понять такія произведенія можно лишь разоблачивши аллегорическую форму ихъ. И нужно мало-помалу пріучать учениковъ къ разоблаченію аллегорической формы произведеній. Безъ такого разоблаченія многія произведенія покажутся наборомъ фантастическихъ образовъ, лишенныхъ всякаго значенія. Послѣ же разоблаченія аллегорической формы произведенія не только выясняется мысль его, но и становится ясной прелесть формы его. Нужно замѣтить, впрочемъ, что нѣкоторыя произведенія, заключающія подъ занимательной и доступной ученикамъ формой такія чувства и мысли, уразумѣть которыя они не въ состояніи еще, могутъ быть объясняемы лишь съ этой внѣшней стороны. Такъ, напр., стихотвореніе: «Туча»—Пушкина, аллегорически изображающее такое душевное настроеніе, какое ученикамъ младшаго возраста еще не понятно, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ изображеніемъ картинъ природы, знакомыхъ имъ. На этой внѣшней сторонѣ, на этихъ картинахъ природы учитель и останавливается при объяснительномъ чтеніи стихотворенія.

11) Нѣкоторыя произведенія имѣютъ автобіографическое значеніе или изображаютъ бытовыя черты народа, или событія изъ исторической жизни его. Для яснаго и полнаго пониманія учениками такихъ произведеній учитель, при объяснительномъ чтеніи, сообщаетъ имъ нужныя біографическія, этнографическія или историческія свѣдѣнія. Такія свѣдѣнія не только освѣщаютъ пониманіе произведеній, но и, ассоціируясь съ ними, сами пріобрѣтаютъ особенную занимательность и прочно сохраняются въ памяти учениковъ.

12) Каждое произведеніе, при единствѣ основной мысли, представляетъ нѣсколько частей, внутренно свя-

занныхъ между собою. Каждая изъ такихъ частей въ свою очередь раздѣляется на второстепенныя части. И при объяснительномъ чтеніи произведенія полезно подвести учениковъ, чтобы они, сознавая единство основной мысли произведенія, различали части его — главныя и второстепенныя. Можно озаглавить части произведенія и обозначить ихъ цыфрами или буквами, что и составитъ графическое изображеніе плана произведенія

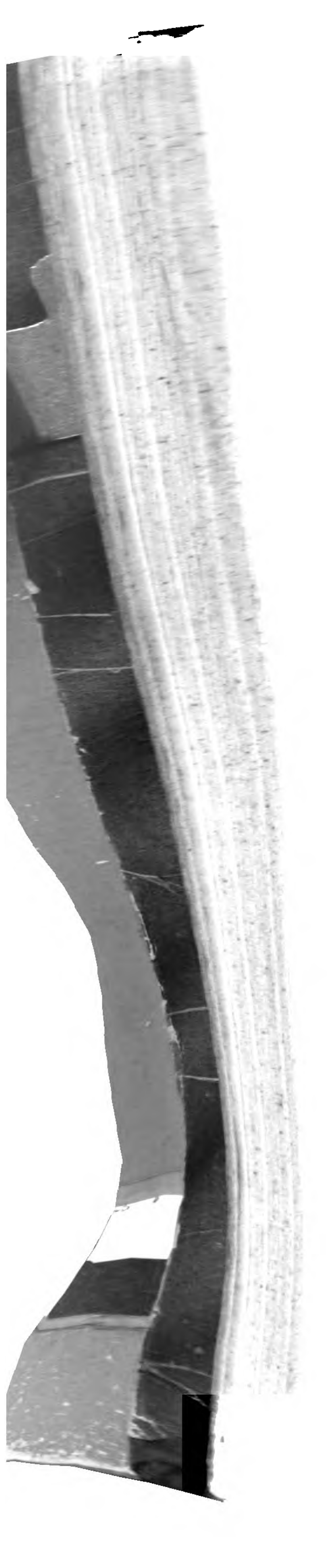
Для болѣе успѣшнаго составленія плана произведенія предварительно составляется оглавленіе его. Однородныя части оглавленія обобщаются, и такимъ образомъ получается планъ произведенія. Составленіе плана произведеній не только указываетъ ученикамъ построеніе ихъ, но и пріучаетъ ихъ самихъ планировать свои мысли, пріучаетъ ихъ къ послѣдовательности въ изложеніи мыслей.

13) Послѣ выясненія произведенія, по какому бы пріему выясненіе его ни велось, учитель привлекаетъ учениковъ пересказать содержаніе произведенія. Ученики разсказываютъ по тому же плану, по которому составлено произведеніе, или по измѣненному плану. Въ послѣднемъ случаѣ учитель даетъ ученикамъ планъ, котораго слѣдуетъ держаться при пересказѣ содержанія произведенія. Точно также ученики излагаютъ содержаніе произведенія то полно, т.-е. передаютъ не только главныя, но и второстепенныя мысли его, то сокращенно, при чемъ излагаютъ только главныя мысли, а второстепенныя пропускаютъ. Пересказъ по измѣненному плану, равно какъ и пересказъ въ сокращеніи, требуетъ отъ учениковъ большаго напряженія умственныхъ силъ, чѣмъ пересказъ безъ измѣненія плана или безъ сокращенія.

Пересказъ содержанія произведеній способствуетъ

развитію рѣчи и умственныхъ силъ учениковъ. Мало того, пересказывая содержаніе произведенія, ученики глубже уясняютъ его себѣ. Выслушивая пересказъ учениковъ, учитель имѣетъ возможность узнать, какія стороны произведенія ускользнули отъ ихъ вниманія, и какія мысли не вполнѣ вѣрно поняты ими. Пользуясь этимъ знаніемъ, онъ своими вопросами или указаніями пополняетъ пробѣлы въ пониманіи учениками произведенія.

14) Немаловажнымъ средствомъ къ пріученію учениковъ вдумчиво относиться къ читаемому произведенію, а равно и къ развитію ихъ умственныхъ силъ служитъ также предложеніе имъ выполнить, на основаніи прочитаннаго произведенія, такую или иную умственную работу. Такъ, можетъ быть предложено ученикамъ сравнить предметы или явленія, изображенные въ статьѣ или стихотвореніи, съ однородными предметами или явленіями, воспринятыми изъ дѣйствительности. Послѣ чтенія, напр., статьи «Классная комната»—Толстого ученики сравниваютъ описанный въ этой статьѣ классъ съ тѣмъ классомъ, въ которомъ они сами сидятъ. Можетъ быть также предложено ученикамъ сравнивать два произведенія, имѣющія однородное содержаніе. Такъ, они сравниваютъ описаніе Кавказа въ стихотвореніи: «Кавказъ»—Пушкина и въ отрывкѣ изъ поэмы: «Кавказскій плѣнникъ»—его же. Можетъ быть также предложено ученикамъ измѣнить форму изложенія произведенія, напр., содержаніе произведенія, изложенное въ діалогической формѣ, передать въ монологической формѣ. Полезной работой можетъ быть выдѣленіе изъ статьи или стихотворенія какого-нибудь одного предмета и составленіе описанія его или выдѣленіе одного какого-нибудь лица и составленіе характеристики его. Такъ по стихотворенію: «Шоссе и проселочная дорога», уче-

ники описываютъ проселочную дорогу; по стихотворенію: «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», они характеризуютъ древне-русскаго кудесника.

15) Очень полезной умственной работой служитъ обобщеніе нѣсколькихъ произведеній, сходныхъ по основной идеѣ или представляющихъ изображеніе одного и того же предмета, и составленіе на основаніи ихъ общаго вывода или изображенія даннаго предмета. Ученики изучили нѣсколько произведеній, изображающихъ трудъ и его значеніе для человѣка, и составляютъ на основаніи ихъ связное изложеніе о трудѣ и значеніи его для человѣка; они изучили нѣсколько басенъ, предметомъ которыхъ служитъ изображеніе невѣжества, и составляютъ на основаніи этихъ басенъ цѣльный разсказъ о разнообразныхъ проявленіяхъ невѣжества. Ученики изучили нѣсколько произведеній, относящихся къ изображенію Петра Великаго, и составляютъ на основаніи этихъ произведеній характеристику этого императора. При этого рода работѣ въ сильной степени проявляется дѣятельность мышленія, памяти и воображенія учениковъ; а дѣятельность душевныхъ силъ ведетъ къ развитію ихъ. Кромѣ того, эта работа пріучаетъ учениковъ пользоваться находящимся въ ихъ душѣ матеріаломъ для дальнѣйшихъ умственныхъ построеній, что тоже очень важно для душевнаго развитія ихъ. Затѣмъ, пользуясь для составленія требуемаго изложенія ранѣе изученными произведеніями, ученики глубже вдумываются въ нихъ и основательнѣе ихъ уразумѣваютъ, и, проводя эти произведенія въ извѣстную связь между собою, они тверже запоминаютъ ихъ.

Само собою разумѣется, что обобщеніе произведеній и составленіе, на основаніи ихъ, изложенія на данную тему можетъ быть выполняемо лишь учениками,

достаточно умственно зрѣлыми и подготовленными къ выполненію такой работы.

16) Извѣстно, что литературныя произведенія того или другого писателя, особенно первоклассснаго, носятъ особый отпечатокъ въ характерѣ, слогѣ и языкѣ. Такъ, мы отличаемъ и по характеру, и языку произведенія Лермонтова отъ произведеній Пушкина, а произведенія того и другого отъ произведеній Гоголя.

Послѣ изученія достаточнаго количества произведеній того или другого писателя, ученики, подъ руководствомъ учителя, выдѣляютъ выдающіяся особенности въ характерѣ (направленіи), слогѣ и языкѣ произведеній этого писателя.

И этого рода работа можетъ быть выполняема лишь учениками старшаго класса, достаточно развитыми и обогащенными значительнымъ количествомъ литературныхъ произведеній.

17) Выше сказано было, что объяснительное чтеніе является существеннымъ условіемъ успѣшнаго изученія грамматики отечественнаго языка. Грамматическія формы и законы—не въ учебникѣ, а въ рѣчи—письменной и устной. Нужно только извлечь ихъ изъ нея, чтобы усвоить ихъ. Ученики усваиваютъ содержаніе литературныхъ образцовъ и тутъ же, подъ руководствомъ учителя, замѣчаютъ, въ какой грамматической формѣ выражена та или другая мысль, и такимъ образомъ ознакамливаются съ этой формой.

Конечно, грамматическія свѣдѣнія усваиваются учениками въ извѣстной (дидактической) системѣ. Порядокъ обогащенія учениковъ грамматическими свѣдѣніями, равно какъ и подборъ образцовъ (примѣровъ), изъ которыхъ можетъ быть выведена та или другая грам-

матическая форма—есть дѣло умѣнія и дидактическаго такта учителя.

18) Точно также и для ознакомленія со стилистикой и ученіемъ о родахъ и видахъ словесныхъ произведеній исходнымъ началомъ должно служить чтеніе словесныхъ произведеній. Ученики при объяснительномъ чтеніи уразумѣваютъ мысль или чувство произведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаютъ, какъ выражена эта мысль или это чувство, т.-е. знакомятся со стилистикой. Прочитавши нѣсколько произведеній, относящихся къ одному и тому же виду словесныхъ произведеній, они, подъ руководствомъ учителя, составляютъ понятіе объ этомъ видѣ произведеній.

Конечно, пріобрѣтеніе учениками свѣдѣній изъ теоріи словесности не должно быть случайнымъ, безъ всякой системы. Напротивъ, эти свѣдѣнія должны укладываться въ сознаніи учениковъ въ извѣстной системѣ. Установить систему въ усвоеніи учениками свѣдѣній изъ теоріи словесности есть тоже дѣло умѣнія и дидактическаго такта учителя. Во всякомъ случаѣ, въ основу изученія теоріи словесности должны быть положены литературныя произведенія, а не учебникъ теоріи словесности. Послѣдній можетъ служить лишь для болѣе удачной, точной формулировки тѣхъ теоретическихъ свѣдѣній, которыя выведены учениками изъ наблюденія надъ литературными произведеніями.

19) Говоря о средствахъ, направленныхъ къ сознательности чтенія, слѣдуетъ сказать и о выразительномъ чтеніи, какъ одномъ изъ могущественныхъ къ тому средствъ. Выразительное чтеніе произведенія иногда сразу подводитъ учениковъ къ пониманію его: имъ выясняется основная мысль его и содержаніе его, и настроеніе поэта, отразившееся въ немъ, и особенность

его формы. При выразительномъ чтеніи ученики улавливаютъ такія красоты произведенія, какія не въ состояніи были бы уловить при однихъ только наводящихъ вопросахъ учителя. При такомъ значеніи выразительнаго чтенія необходимо пользоваться имъ. Учитель и самъ выразительно прочитываетъ произведеніе, и привлекаетъ учениковъ къ такому же чтенію его. Ученики, упражняясь въ выразительномъ чтеніи и слушая такое же чтеніе учителя, приходятъ къ сознанію, что «выразительно читать это не значитъ только избѣгать недостатковъ произношенія, дѣлать принятыя ударенія, не запинаться и не рубить слова, а значитъ показать, что чувствуешь всѣ оттѣнки читаемаго, дать жизнь и смыслъ каждому слову, придать ему надлежащую окраску и сумѣть выставить живость слога; это значитъ умно слѣдить за движеніемъ фразы, чтобы рельефно оттѣнить выраженную мысль; это значитъ искусно передать тѣ чувства, которыя хотя непосредственно и не выражены въ произведеніи, но скользятъ или читаются между строкъ и составляютъ главный элементъ его; это значитъ не довольствоваться только знаками препинанія, поставленными авторомъ, а создать самому, смотря по личному чувству и вкусу, систему знаковъ препинанія, не напечатанную, обличающую художественное чувство и литературное сужденіе; это значитъ тонко подчеркивать красоту риѳмъ, избѣгая рѣзкаго ударенія, показывающаго, что стихъ конченъ,—выдвинуть гармонію и ритмъ, придать рельефность доказательствамъ и имѣющимъ значеніе словамъ, придать выраженіе артистическому строенію періода—однимъ словомъ, это значитъ при посредствѣ голосовыхъ средствъ заставить ухо работать наравнѣ съ умомъ».

По тому, **какъ** ученики читаютъ, нерѣдко можно

вѣрно судить, насколько они понимаютъ читаемое, и что производитъ на нихъ особенно сильное впечатлѣніе, что ихъ особенно интересуетъ.

Многія произведенія, какъ, напр., басни и такія стихотворенія, какъ «Кто онъ»? Майкова,—имѣютъ діалогическую форму. Очень полезно привлекать учениковъ къ чтенію такихъ произведеній—въ лицахъ. Для этого выбираются ученики, которые въ состояніи выразительно прочитывать слова данныхъ лицъ. Чтеніе въ лицахъ нравится ученикамъ и въ значительной мѣрѣ способствуетъ усвоенію ими содержанія и формы читаемаго.

20) Очень полезно предлагать ученикамъ заучивать хотя бы только нѣкоторыя изъ объясненныхъ и выразительно прочитанныхъ произведеній. Ученики охотно заучиваютъ то, что имъ понравилось и что соотвѣтствуетъ ихъ душевному развитію. Конечно, для заучиванія подбирается такой матеріалъ, который достоинъ сдѣлаться собственностью учениковъ, иногда на всю ихъ жизнь. Заучиваніе стихотворной рѣчи легче, чѣмъ заучиваніе рѣчи немѣрной, но и послѣдняя можетъ быть предметомъ заучиванія. Вообще, чѣмъ больше произведеній заучено учениками, тѣмъ полезнѣе для духовнаго развитія ихъ и развитія ихъ рѣчи.

Ранѣе заученныя произведенія слѣдуетъ время отъ времени повторять, дабы не забывалось то, что было ранѣе заучено. Заученныя наизусть произведенія ученики произносятъ съ надлежащею выразительностью.

21) Принимая во вниманіе всѣ виды занятій, входящихъ въ составъ объяснительнаго чтенія, а равно и образовательное и воспитательное значеніе этихъ занятій, можемъ сказать, что чтеніе это является однимъ изъ основныхъ занятій на урокахъ отечественнаго языка.

Но для производительнаго веденія объяснительнаго чтенія учителю необходимо готовиться къ нему, помня, что достоинство такого чтенія зависитъ не отъ количества вопросовъ, предлагаемыхъ ученикамъ, а отъ качества ихъ и отъ той душевной дѣятельности, которую проявляютъ ученики при чтеніи. Всякій разъ передъ объяснительнымъ чтеніемъ произведенія учитель обдумываетъ, какъ вести чтеніе, какихъ результатовъ слѣдуетъ достигнуть посредствомъ его, какъ можно связать данное произведеніе съ разученными ранѣе произведеніями, и какіе выводы можно сдѣлать изъ чтенія произведенія.

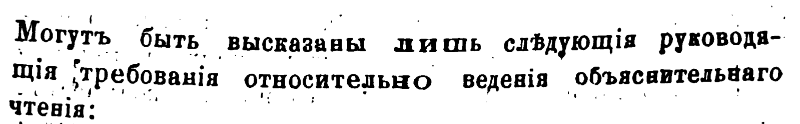
Тезисы.

I. Существенная задача учителя русскаго языка— пріучить учениковъ къ сознательному, вдумчивому чтенію, что достигается, между прочимъ, объяснительнымъ чтеніемъ словесныхъ произведеній, оказывающимъ, кромѣ того, благотворное вліяніе на всѣ стороны душевной дѣятельности учащихся.

II. Изученіе словесныхъ произведеній, путемъ объяснительнаго чтенія, способствуетъ развитію устной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и письменной рѣчи учащихся.

III. Усвоеніе грамматики и теоріи словесности, являющееся результатомъ наблюденія надъ литературною рѣчью, находится въ связи съ объяснительнымъ чтеніемъ.

IV. Характеръ, содержаніе и форма объяснительнаго чтенія зависятъ отъ многихъ обстоятельствъ, почему не представляется возможнымъ и даже цѣлесообразнымъ установить общую программу для такого чтенія.

Могутъ быть высказаны лишь слѣдующія руководящія требованія относительно веденія объяснительнаго чтенія:

1) подбираемый для чтенія матеріалъ долженъ быть посиленъ для учениковъ и достоинъ изученія ими;

2) ученики путемъ самодѣятельности, возбуждаемой и поддерживаемой учителемъ, ознакамливаются съ произведеніями;

3) ученики извлекаютъ изъ читаемаго произведенія лишь то, что, по своему развитію, они въ состояніи извлечь изъ него;

5) при выясненіи внутренней стороны произведенія (содержанія) попутно выясняется и внѣшняя сторона его (форма);

5) существеннымъ признакомъ пониманія произведенія служитъ пониманіе основной его мысли, усвоеніе содержанія его какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ и пониманіе словъ; объясненіе непонятныхъ словъ дается въ связи съ выясненіемъ содержанія произведенія;

6) объяснительное чтеніе ведется или отъ частей къ цѣлому, или отъ цѣлаго къ выясненію частностей; по мѣрѣ развитія учениковъ первый путь уступаетъ второму;

7) при объяснительномъ чтеніи ставятся или частные вопросы, или нѣсколько общихъ вопросовъ;

8) учитель въ дидактическихъ цѣляхъ иногда передъ чтеніемъ произведенія вызываетъ въ сознаніи учениковъ соотвѣтственныя представленія и мысли;

9) основная мысль произведенія или непосредственно постигается учениками, или выводится ими путемъ сопоставленія частей его;

10) произведенія съ аллегорической формой объясняются путемъ раскрытія этой формы;

11) при объяснительномъ чтеніи учитель сообщаетъ ученикамъ нужныя для пониманія произведенія біографическія, бытовыя и историческія свѣдѣнія;

12) ученики ознакамливаются при объяснительномъ чтеніи съ планомъ произведенія;

13) они пересказываютъ содержаніе выясненнаго произведенія по тому же или по измѣненному плану, то полно, то сокращенно;

14) они выполняютъ подходящую умственную работу (сравниваютъ два произведенія, имѣющія однородное содержаніе, составляютъ характеристику лицъ и т. п.);

15) обобщаютъ произведенія, сходныя по основной идеѣ или изображающія одинъ и тотъ же предметъ;

16) выясняютъ выдающіяся особенности характера (направленія), слога и языка произведеній даннаго писателя;

17) изъ выясненныхъ произведеній (образцовъ) выводятъ (въ дидактической системѣ) нужныя грамматическія формы и законы;

18) изъ такихъ же произведеній выводятъ въ системѣ нужныя свѣдѣнія изъ теоріи словесности;

19) выразительное чтеніе произведеній составляетъ существенное средство къ выясненію ихъ; необходимо пріучать учениковъ къ выразительному чтенію;

20) слѣдуетъ привлекать учениковъ къ заучиванію наизусть объясненныхъ произведеній и требовать выразительнаго произношенія заученнаго;

21) объяснительное чтеніе, будучи важнымъ факторомъ образованія и воспитанія учащихся, является однимъ изъ основныхъ занятій на урокахъ отечественнаго языка и требуетъ внимательной подготовки со стороны учителя.

К. Ельницкій.

„Жизнь двѣнадцати Цезарей“ Светонія въ новомъ переводѣ Алексѣева.

Имя В. А. Алексѣева, какъ современнаго переводчика древнихъ классиковъ, пользуется въ нашей литературѣ вполнѣ заслуженною извѣстностью [1]). Его переводъ „Превращеній“ Овидія (С.-ПБ. 1885) былъ встрѣченъ ученой критикой въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ [2]). Вообще, переводы Алексѣева довольно близки къ подлиннику и хороши по языку; однако всѣ его предыдущіе переводы какъ съ латинскаго, такъ и съ греческаго языка не представляютъ собою, на нашъ взглядъ, такого крупнаго явленія, какъ давно ожидаемый и недавно вышедшій въ свѣтъ переводъ главнѣйшаго сочиненія Светонія [3]).

Въ настоящее время мы можемъ ознакомиться съ жизнью двѣнадцати Цезарей изъ достовѣрнаго источника, какимъ является забытый у насъ Светоній. Болѣе вѣка прошло съ того времени, когда появились впервые въ нашей литературѣ „Жизни двѣнадцати первыхъ Цесарей Римскихъ“— сочиненіе историка—анекдотиста, знавшаго хорошо домашній бытъ первыхъ римскихъ императоровъ.

---

[1]) См. Венгеровъ, «Словарь русс. писателей», т. I, стр. 382 и 939.

[2]) Ср. рец. проф. Помяловскаго въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1885, № 8, стр. 255—264.

[3]) Г. Светоній Транквиллъ. «Жизнь двѣнадцати цезарей»—съ латинскаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Спб. изд. А. С. Суворина, 1904 г. 8° стр. L+466.

Первый русскій переводъ Светонія сдѣланъ Мих. Ив. Ильинскимъ, Троицкой семинаріи префектомъ и библіотекаремъ. Изъ этого перевода, изданнаго въ 1776 году въ С.-ПБ. при Императорской Академіи Наукъ, были сдѣланы, по всей вѣроятности, тѣмъ же Ильинскимъ, какъ могутъ убѣдить въ этомъ сравненія обоихъ переводовъ,—два извлеченія—оба въ 1794 г. въ Москвѣ. Одно изъ этихъ извлеченій вышло въ форматѣ листа изъ типографіи Зеленникова, другое in quarto выпущено типографіей М. Пономарева Означенныя извлеченія иллюстрированы прекрасно исполненными конными изображеніями двѣнадцати описываемыхъ Светоніемъ императоровъ [4]).

Переводъ Ильинскаго исполненъ очень добросовѣстно, въ немъ опущены лишь 49 гл. и часть гл. 52-ой въ біографіи Цезаря, опущена значительная часть перевода гл. 68-й въ біографіи Августа, да въ біографіи Тиберія не переведены глл. 43 и 44 „для неблагопристойнаго оныхъ содержанія". Однако въ переводѣ Ильинскаго нѣтъ ни введенія, ни указателя, и количество примѣчаній очень ограничено,—словомъ, переводъ безъ надлежащаго научнаго аппарата, столь необходимаго въ наше время, особенно для такого писателя, какимъ является Светоній.

Переводъ Алексѣева вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію. Обстоятельное введеніе, къ сожалѣнію, безъ оглавленій заключаетъ въ себѣ на L-ти стр. слѣдующее: характеристика императорскаго Рима (гл. I). Личность Светонія и отношенія къ нему Плинія и Гадріана (гл. II): Литературная дѣятельность Светонія (гл. III). Характеристика Светонія, какъ автора сочиненія: „Жизнь двѣнадцати цезарей"

---

[4]) «Жизни и дѣянія двенадцати первыхъ Цесарей Римскихъ, со изображеніями ихъ лицъ передъ описаніемъ каждаго». М. 1794 г.

(гл. IV). „Жизнь двѣнадцати цезарей“, какъ литературный памятникъ (гл. V—VI). Исторія текста этого памятника: рукописи, изданія. (Гл. VII). Подражатели и послѣдователи Светонія (гл. VIII).

Указывая на стр. XLVII сл. русскую литературу по Светонію, г. Алексѣевъ, хорошо знакомый съ библіографіей по исторіи римской литературы въ Россіи [5]), почему-то обошелъ молчаніемъ и старый переводъ Светонія, сдѣланный Ильинскимъ, и цѣлый рядъ русскихъ трудовъ, посвященныхъ спеціально Светонію. Вотъ эти труды: Маловъ Н. Жизнь Тиберія, перев. съ лат. Тамбовъ 1866; Ернштедтъ В. Критическія замѣтки на Светонія, Ж. М. Н. Пр. 1876, X. стр. 57—78; Nauck A. Mélanges gréco-romains de l'acad. de St. Pet. t. III, p. 165—175; Вѣховъ С. Объ отношеніи Светонія въ біографіи Г. Юлія Цезаря къ сочиненіямъ предшественниковъ, сохранившихся до насъ. Варш. Унив. Изв. 1891, № 2 стр. 1—16; № 3, стр. 17—46; Его же—Объ изслѣдованіи источниковъ древнихъ историческихъ произведеній вообще и біографій XII Цезарей въ частности (рѣчь), Варш. Унив. Изв. 1888, № 3, стр. 1—12; Дроздовъ. М. Литературно-историческое значеніе сочиненія Светонія о поэтахъ, грамматикахъ и риторахъ. „Гимназія“ 1893, № 10 стр. 397—428; № 11—12 стр. 479—500; Зенгеръ Г. Замѣтки къ латинскимъ текстамъ—Suet. Vitell. 2. Варш. Унив. Изв. 1893 т. I—V стр. 1—34, Тимошенко И. Къ Suet. Claud. 25 и Dio Cass. XLVII, 2, 3. Фил. Обозр. 1896, т. X, кн. 2 стр. 200—201.

---

[5]) Въ доказательство довольно назвать рецензію г. Алексѣева (Воронежъ 1890) на книгу «Основы библіографіи по исторіи римской литературы», изд. проф. Д. И. Нагуевскимъ (Казань 1889).

Намъ казалось бы также необходимымъ снабдить переводъ снимками съ бюстовъ римскихъ императоровъ, что въ настоящее время, при современныхъ успѣхахъ граверного искусства, сдѣлать было бы нетрудно, разъ это оказалось выполнимымъ 110 лѣтъ тому назадъ въ московскихъ изданіяхъ извлеченій изъ Светонія.

Переходимъ къ самому тексту перевода, который постараемся разсмотрѣть со стороны языка и слога, отмѣтивъ нѣкоторыя мѣста, останавливающія на себѣ вниманіе читателя.

Iul. cap. 13[6]) (стр. 7): «Дѣйствительно, ему (Цезарю) удалось одержать побѣду надъ двумя чрезвычайно сильными противниками, много старше его и игравшими большую роль, въ однѣхъ только ихъ трибахъ онъ собралъ больше избирательныхъ голосовъ, чѣмъ оба они во всѣхъ ихъ». Для ясности рѣчи и во избѣжаніе скопленія личныхъ мѣстоименій слѣдуетъ въ концѣ сказать во всѣхъ трибахъ.—У Светонія читаемъ: ut plura ipse in eorum tribubus suffragia quam uterque in omnibus tulerit—такимъ образомъ въ оригиналѣ нѣтъ однѣхъ только; выраженіе оба они передано однимъ uterque, и во всей фразѣ сдѣлана особенная разстановка словъ. Подобное скопленіе личныхъ мѣстоименій также бросается въ глаза на стр. 68 (Aug. c. 24).

Iul. cap. 26 (стр. 15): „Всѣхъ извѣстныхъ гладіаторовъ, сражавшихся по требованію публики на жизнь или на смерть, онъ поручалъ отбирать силой и беречь для себя".—Въ оригиналѣ сказано сильнѣе:... vi rapiendos reservandosque mandabat—приказывалъ хватать насильно и приберегать для него.

Aug. cap. 25 (стр. 69): „наградилъ лазуревымъ знаменемъ"—caeruleo vexillo donavit—лучше было бы сказать: „синимъ, синяго или голубого цвѣта". Caeruleus—обычный

---

6) Въ переводѣ Алексѣева нѣтъ раздѣленій на главы.

эпитетъ неба, моря, рѣкъ и относящихся къ нимъ предметовъ.

Aug. c. 27 (стр. 72): „Одинаково на всю жизнь онъ принялъ на себя и надзоръ за нравами и исполненіемъ законовъ“ — Recepit et morum legumque regimen aeque perpetuum. Вмѣсто одинаково умѣстнѣе было бы сказать: точно также.

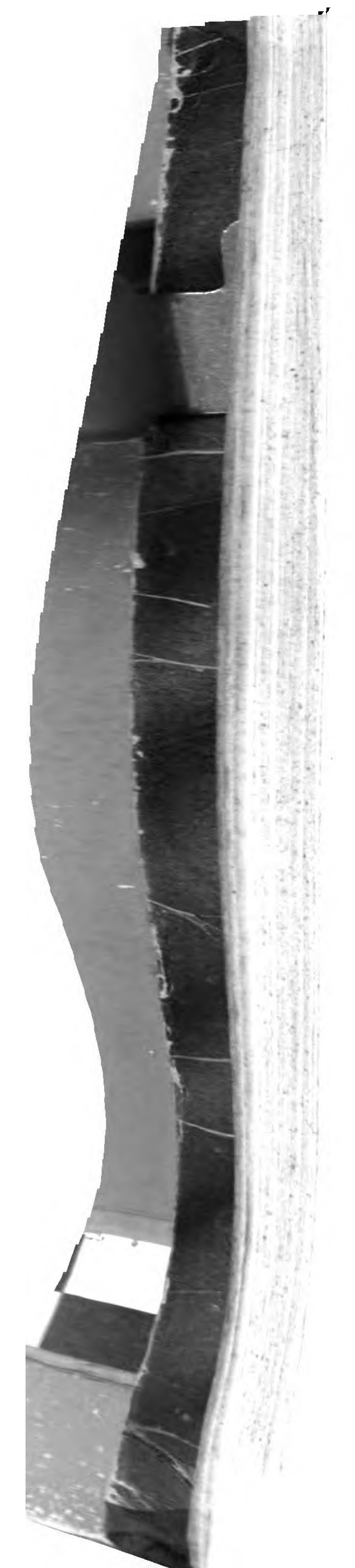
Aug. c. 52 (стр. 91): „Онъ зналъ, что храмы посвящаются нерѣдко даже проконсуламъ, однакожъ ни въ одной провинціи не позволялъ дѣлать для себя ничего подобнаго, если только храмы не посвящали его имени и имени богини Ромы“. — Templa, quamvis sciret etiam proconsulibus decerni solere, in nulla tamen provincia nisi communi suo Romaeque nomine recepit.. Здѣсь осталось не переведеннымъ слово communi, почему получилось представленіе о двухъ видахъ храмовъ. Надо было сказать: „если только храмы не посвящались его имени и въ то же время имени (или: вмѣстѣ съ именемъ) богини Ромы“; ср. Tib. cap. 20, стр. 141.

Aug. cap. 54 (стр. 93): „такимъ образомъ никому не вредило ни независимое поведеніе, ни неподатливость — Nec ideo libertas aut contumacia fraudi cuiquam fuit. Неблагозвучіе можно бы избѣгнуть при такомъ переводѣ: „свободомысліе и настойчивость никому не приносили вреда.

Aug. cap. 84 (стр. 111): „онъ поручалъ произносить свои рѣчи народу — глашатаю“ — praeconis voce ad populum concionatus est — въ переводѣ неудачна разстановка словъ.

Aug. cap. 94 (стр. 117): Та же Атія, незадолго до своего разрѣшенія, видѣла во снѣ .. prius quam pareret — передъ родами.

Tib. cap. 3 (стр. 130): „хотя старался примирить свою политику съ обстоятельствами“ — multa varie molien-

tem — нѣсколько далекій переводъ, напоминающій пересказъ.

Tib. cap. 8 (стр. 133): „хозяевъ этихъ домовъ (смирительныхъ) подозрѣвали въ томъ, что они заманивали въ притоны подобнаго рода не только прохожихъ, но и людей, бѣжавшихъ отъ военной службы“.... quorum domini in invidiam venerant quasi exceptos supprimerent, non solum viatores sed et quos sacramenti metus ad eius modi latebras compulisset (ср. Aug. c. 32, стр. 77) лучше было бы перевести такъ: „къ владѣльцамъ подобныхъ помѣщеній относились съ ненавистью, потому что они будто бы укрывали у себя не только проходимцевъ, но и людей, которые изъ страха предъ военной службой принуждены были искать себѣ здѣсь убѣжища“.

Tib. cap. 9 (стр. 134) „Магистратуры онъ получалъ не только раньше срока, но и почти одну за другой“— въ текстѣ сказано iunctim, т.-е. одну почти непосредственно вслѣдъ за другой [7])—въ противномъ случаѣ не было бы ничего необыкновеннаго.

Tib. cap. 17, (стр. 140): „Тріумфъ Тиберій отложилъ на время, по случаю траура, который надѣло государство послѣ пораженія Вара—Triumphum ipse distulit, maesta civitate clade Variana—т.-е. такъ какъ государство было опечалено пораженіемъ Вара.

Tib. cap. 75 (стр. 175): „многіе требовали, чтобы тѣло отправили лучше въ Ателлу и здѣсь сожгли, но на половину, въ амфитеатрѣ“—conclamantibus plerisque Atellam potius deferendum et in amphitheatro semiustilandum — при выше приведенной разстановкѣ словъ въ переводѣ получается нѣкоторая недомолвка, которая не устраняется даже и примѣчаніемъ къ этому мѣсту.

Claud. cap. 11 (стр. 228). „Итакъ, онъ объявилъ

[7]) Ср. у Ильинскаго стр. 243 въ I-ой части.

полное прощеніе всѣмъ одѣланнымъ въ то время поступкамъ и словамъ“ въ текстѣ сказано сильнѣе: omnium itaque factorum dictorumque in eo veniam et oblivionem in perpetuum sanxit ac praestitit, т.-е. итакъ, онъ оказалъ полное снисхожденіе ко всѣмъ совершеннымъ въ то время поступкамъ и навсегда забылъ о томъ, что тогда говорилось.

Nero cap. 22 (стр. 270): „Неронъ ходилъ изъ-за города на всѣ скачки, хотя бы на самыя пустыя, сперва тайкомъ, а потомъ открыто, такъ что всѣ знали, что въ тотъ день онъ будетъ въ столицѣ—ad omnis etiam minimos circenses e secessu commeabat, primo clam, deinde propalam; ut nemini dubium esset, eo die utique affuturum—словъ прямо соотвѣтствующихъ подчеркнутымъ въ переводѣ, нѣтъ въ латин. текстѣ.

Nero cap. 31 (стр. 278): „Безумно расходуя деньги, онъ разсчитывалъ, что его будутъ ослушаться, какъ императора, но, кромѣ того, у него неожиданно явилась надежда найти огромный зарытый въ землѣ кладъ“.—Эта часть перевода, соотвѣтствующая слѣдующимъ словамъ оригинала: Ad hunc impendiorum furorem, super fiduciam imperii, etiam spe quadam repentina immensarum et reconditarum opum impulsus est... изложена нѣсколько свободно.

Nero cap. 44 (стр. 292): „вооружить по-амазонски топорами и небольшими щитами“—peltis Amazonicis—въ текстѣ, т.-е. „щитами, какъ у амазонокъ, амазонскими щитами“, очевидно, имѣвшими нѣкоторое отличіе отъ обыкновенныхъ щитовъ. (Ср. Paus. I. 41).

Galba cap. 9 (стр. 307): „Гальба принялъ его условія, частью изъ чувства страха, частью изъ чувства (?) надежды — conditionem partim metu partim spe recepit—насколько понятно чувство страха, на столько не ясно

чувство надежды; не проще ли было сказать: „вслѣдствіе страха .. надежды“...

Vesp. cap. 6 (стр. 348): „Кромѣ того, сторону Веспасіана приняли изъ провинціальныхъ префектовъ Лициній Муціанъ, а изъ царей — царь пареянскій, Вологезъ. Первый изъ нихъ, отказавшись отъ недоброжелательства къ Веспасіану, которое открыто выражалъ раньше, изъ зависти, обѣщалъ предоставить въ его распоряженіе войска, стоявшія въ Сиріи, послѣдній — сорокъ тысячъ стрѣлковъ“. - Praeterea ex praesidibus provinciarum Licinius Mucianus et e regibus Vologaesus Parthus, ille deposita simultate, quam in id tempus ex aemulatione non obscure gerebat, Syriacum promisit exercitum, hic quadraginta milia sagittariorum. — При сличеніи второй половины приведеннаго русскаго текста съ латинскимъ оригиналомъ нельзя не замѣтить въ переводѣ искусственной разстановки словъ, затемняющей смыслъ.

Vesp. cap. 8 (стр. 350): Одинъ молодой человѣкъ явился къ нему (Веспасіану) раздушеннымъ благодарить за полученную имъ должность префекта. Императоръ состроилъ презрительную гримасу и въ заключеніе сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ. — „Я предпочелъ бы, чтобъ отъ тебя пахло чеснокомъ!“ сказалъ онъ и приказалъ отобрать патентъ на чинъ. — Въ оригиналѣ: — litteras revocavit, что было бы правильнѣе передать: „указъ о назначеніи вытребовалъ обратно“.

Изъ неудачныхъ выраженій отмѣтимъ слѣдующія: Aug. cap. 77 (стр. 107) — стволъ салата — lactuculae thyrsus; Cal. cap. 3 (стр. 179) занелюбилъ (succensere); Cal. cap. 13 (стр. 185) sidus лучше было бы перевести не „солнышкомъ“, а „свѣтикомъ“ (ср. у Никитина „Жена ямщика“ — Какъ живешь, мой свѣтъ?); стр. 205 изъ-за

невозможности, ср. стр. 246 изъ-за стыда и стр. 201 изъ-за тѣсноты.

Въ Ner. cap. 33 (стр. 280) читаемъ: „Между прочимъ, онъ шутилъ, что тотъ пересталъ медлить на этомъ свѣтѣ, при чемъ первый слогъ этого слова произносилъ, какъ долгій". — Въ данномъ мѣстѣ перевода слѣдовало бы заключить въ скобки выраженіе „медлить", а латинскій глаголъ morari оставить въ самомъ текстѣ перевода, такъ какъ на этомъ словѣ вся сила Нероновой остроты.

На стр. 287 и 373 нѣсколько необыкновенныя выраженія „на греческомъ и на латинскомъ" лучше бы замѣнить обычными — „по-гречески и по-латыни".

Переходя къ другихъ частностямъ перевода, не можемъ не замѣтить прежде всего рѣзко бросающагося въ глаза стремленія въ переводчикѣ къ употребленію иностранныхъ словъ, запасъ которыхъ, привлеченный переводчикомъ къ своему труду, очень интересенъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ: баллотировка (стр. 305), барьеръ (стр. 85, 189, 265), вексель (стр. 26), виртуозъ (стр. 268), волтижеръ (= наѣздникъ, стр. 23 (Iul. cap. 39), депутація (стр. 211, 312) воспаленіе діафрагмы (praecordiorum inflatio — стр. 109, Aug. cap. 81), драпировка (стр. 227), идеальный (Telegenius стр. 251, Claud. cap. 40), инженеръ (mechanicus стр. 355, Vesp. cap. 18), интересный (стр 257), колоссальный (стр. 105), командиръ (стр. 266), давать концерты (cantare, Ner. cap. 21, стр. 269), курьеръ (стр. 208), маневръ (стр. 305), массажъ (harundines стр. 109, Aug. cap. 80), механизмъ (стр. 290), мода (стр. 223) оффиціальный (publicum instrumentum стр. 82, Cal cap. 8). парфюмерный магазинъ (unguentaria taberna стр. 55), пенсія (commoda стр. 279), прелюдія (270), призъ (стр. 229, 270), проформа (стр. 227), ревизовать (стр. 231), революція (стр. 346),

резиденція (secessus Cal. cap. 8, стр. 182), репутація (стр. 264), сессія (стр. 34, Iul. cap. 56), сгруппировать (in unum conferre Ner. cap. 19, стр. 268), сформировать (стр. 241), стенографъ (стр. 33, Iul. cap. 55), талисманъ (стр. 114, Aug. cap. 90), фигурировать (inire — Ner. cap. 12, стр. 264), фуфайка (thorax laneus—стр. 109. Aug. cap. 82), шифръ (стр. 35. Iul. cap. 56), эскадронъ (стр. 307, 308, 345), ярмарка (стр. 229).

Безъ сомнѣнія, многія изъ этихъ и имъ подобныхъ выраженій употреблены очень кстати и доказываютъ смѣтливость переводчика, но попадаются и такія между ними, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ понятіямъ того времени, въ которое жилъ Светоній, такъ, напр., портфель (стр. 294, Ner. cap. 47),—по нашимъ понятіямъ картонная или кожаная сумка, ничего не имѣетъ общаго съ латинскимъ scrinium—цилиндрическимъ ящикомъ для храненія бумагъ.

Въ иныхъ случаяхъ переводчикъ разнообразитъ эти иностранныя слова безъ всякой очевидной надобности, такимъ образомъ на стр. 241 вмѣсто сверхкомплектный (Claud. cap. 25 supra numerum) лучше было бы сказать сверхштатный (ср. Ner. cap. 15, стр. 266, гдѣ такое же выраженіе и рѣчь также идетъ о службѣ).

На ряду съ иностранными словами встрѣчаются и чисто-русскія понятія и выраженія, какъ-то: духовная (стр. 18. 204. 371), крестьянинъ (arator стр. 84, Aug. cap. 42), помѣщикъ (possessor стр. 77, Aug. cap. 32), дать вольную (стр. 139, 202), рыть ямы (insidias struere стр. 371, Dom. cap. 2), вошло въ плоть и кровь (стр. 76, Aug. cap. 32: ex consuetudine.... duraverant).

Многіе чисто-латинскіе термины оставлены безъ перевода, таковы: віаторъ (стр. 135), гимназій (стр. 289, Ner. cap. 40), Данубій (стр. 140, Tib. 16), декуріи (стр. 221. 231), истмъ (Iul. cap. 44, стр. 27, однако въ Cal. cap.

21, стр. 191: перешеекъ), ланиста (стр. 84), мирмилонъ (стр. 277, 294, 378) модіи (стр. 23), номенклаторъ (стр. 207), нуммъ (стр. 23, 82, 101), примипилары (стр. 191, 262), прокураторъ (стр. 229, 307), проскрипты (стр. 25, 103), проскрипція (стр. 71), рекуператоры (стр. 343, 375), турма (стр. 80, 81, 132) эрарные трибуны (стр. 25).

Конечно, обойтись безъ нѣкоторыхъ изъ этихъ терминовъ было невозможно, однако нѣкоторые изъ нихъ всеже поддаются переводу и, во всякомъ случаѣ, нуждаются въ объясненіяхъ, особенно при назначеніи разбираемой книги для такъ называемой большой публики.

Располагая такимъ обиліемъ иностранныхъ словъ, чисто русскихъ выраженій и техническихъ терминовъ, переводчикъ не преминулъ употребить и славянизмы, въ родѣ яко бы при переводѣ латинскихъ союзовъ Velut и quasi (стр. 144, 162, 254, 281, 372, и ad fraudem Galb. cap. 10, стр. 308, ср. стр. 358). Очень можетъ быть, что этотъ чисто-славянскій союзъ употребленъ переводчикомъ подъ впечатлѣніемъ знакомства со стариннымъ переводомъ Ильинскаго (ср. напр. Tib. cap. 23 стр. 144 и Tib. cap. 54, стр. 162 и у Ильинскаго стр. 261 и 292 въ 1-й части).

Между прочимъ, у переводчика есть и свои излюбленныя слова и выраженія. Къ такимъ именно словамъ относится нето, которымъ переводчикъ даже злоупотребляетъ, вставляя его иногда не безъ ущерба для гладкости слога. Означенное словечко встрѣчается въ переводѣ 11 разъ (стр. 47, 100, 102, 106, 107, 114, 164, 196, 197, 245 275).

Въ слѣдующихъ фразахъ нельзя не видѣть слѣдовъ латинизма: стр. 39: „Что до солдатъ, всѣ они служили даромъ"; стр. 214 „Что до его (Калигулы) научныхъ знаній, онъ былъ образованъ очень поверхностно"; стр 352. „Что до обычнаго обыска являвшихся на аудіенціи, онъ отмѣнилъ

его еще во время междоусобной войны“; стр 372). „Что касается управленія имперіей, онъ (Домиціанъ) нѣсколько времени не давалъ составить понятія о себѣ“, стр 342 (Vesp. cap. 1): „если итти въ Сполецій“ (вм. по дорогѣ въ С.).

Примѣчаніямъ въ переводѣ Алексѣева отведено въ концѣ книги около 70 стр. (393—461) петита и общее число ихъ простирается до 500, не считая подстрочныхъ, тогда какъ въ переводѣ Ильинскаго ихъ насчитывается лишь около 50.

Несмотря на такое обиліе примѣчаній, всеже нѣкоторыя мѣста остались необъясненными, такъ на стр. 55 турійскій, на стр. 119 слѣдовало бы пояснить слово крона, соотвѣтствующее латинскому matrix (Aug. cap. 94), которое въ такомъ именно значеніи читается только въ данномъ мѣстѣ Светонія.

Далѣе не объяснены: на стр. 133: Архелай, тралльцы, лаодикійцы, театирцы; на стр. 141: винделики, паннонцы, ретійцы, бревки, далматинцы (но объяснены бруктеры), на стр. 189 (Cal. cap. 18): гелотіанская ложа, на стр. 239 не объясненъ юридическій терминъ „юрисдикціи по дѣламъ фидеикомиссій“; на стр. 257: аллоброги, арверны; на стр. 276 не объясненъ праздникъ Сигилларій; на стр. 311 декуріи судей; на стр. 328 эквикулы; на стр 346 богъ Кармелъ.

Что нѣкоторыя выраженія перевода безусловно нуждаются въ поясненіяхъ, это доказываетъ, напр., такое мѣсто, какъ Iul. cap. 39 (стр. 24), гдѣ читаемъ: „Въ морскомъ сраженіи, происходившемъ въ озерѣ, которое было вырыто на маломъ хвощовомъ полѣ, принимали участіе биремы“....—въ текстѣ сказано: in minore Codeta defosso lacu. Фестъ даетъ намъ такое объясненіе къ наименованію Codeta: „ager trans Tiberin, quod in eo virgulta nas-

cuntur ad caudarum equinarum similitudinem (ср. Index I nominum propriorum въ vol. III изд. Светонія Baumgarten-Crusius Lipsiae 1818 s. v. и Fest. ed. Dacierius, Amstelodami 1699 p. 85).

Нѣкоторыя изъ примѣчаній носятъ тенденціозный характеръ (пр. 176, 200, 240 и др.); комментаторъ нерѣдко прибѣгаетъ къ поученіямъ и сравненіямъ, заимствуя примѣры для этого изъ исторіи новаго времени (пр. 50, 116 и др.); многія изъ примѣчаній (напр. 73, 94, 195, 223 и др.) страдаютъ неполнотой указаній.

Въ орѳографіи у переводчика замѣчается неустойчивость: такъ, онъ пишетъ: нумеръ (стр. 269, 288) и номеръ (стр. 273), реціаріи (стр. 199 дважды и 430 трижды), и ретіаріи (стр. 247), мирмилонъ (стр. 277, 294) и мирмиллонъ (стр. 378 и 459). Съ прописной буквы напечатаны: „Большой Циркъ“ (стр. 275), Новый Годъ (стр. 266, но „Новый годъ“ на стр. 312), Государственное Казначейство (стр. 267, однако „Государственное казначейство“ на стр. 354), Сенатъ (стр. 47, 162, 166, 173, 211, 290, 312 и др.), однако съ малой буквы „эквикулы“ (стр. 428).

Невыдержанность наблюдается въ томъ, что греческія слова и фразы переводятся рѣдко въ выноскахъ (ср. стр. 49, 224—225, 250—251), а обыкновенно въ примѣчаніяхъ, между тѣмъ какъ для читателя подобной книги весьма важно извѣстную остроту, высказанную по-гречески, прочесть тутъ же въ выноскѣ подъ текстомъ, не тратя долго времени на поиски въ примѣчаніяхъ. Такимъ образомъ, непремѣнно въ текстѣ слѣдовало привести греческій стихъ на стр. 220, заключающій въ себѣ сарказмъ (ср. стр. 232 и 286).

На стр. 224, гдѣ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ переведены греческія фразы, одна фраза осталась не переведенной; а въ примѣчаніи 251 къ стр. 286 (Ner. cap. 38) читателю самому приходится догадываться, что слова „при

моей жизни" есть переводъ греческой фразы ἐμοῦ ζῶντος. На стр. 116 (Aug. cap. 92) читаемъ: „Его боязнь въ данномъ случаѣ объяснялась, какъ онъ пишетъ Тиберію, исключительно δυσφημία этого слова"—но что значитъ слово δυσφημία—для читателя осталось неизвѣстнымъ.

Также неустойчивы у переводчика означенія опредѣленныхъ терминовъ, которые передаются не вездѣ одинаково, такъ, напр., Acta значатъ, то „Ежедневныя Извѣстія" (стр. 181), то „Правительственныя Извѣстія" (стр. 203). Послѣднее наименованіе съ измѣненной орѳографіей переводчикъ придаетъ и слову Diurna (стр. 252). Извѣстное выраженіе Juppiter optimus maximus переводится то „Юпитеръ Податель благъ и Владыка" (Aug. cap. 94, стр. 118), то „Юпитеръ Творецъ и Владыка" (Vit. cap. 15, стр. 338 и Vesp. cap. 5, стр. 347). На ряду съ биремами (стр. 24, 186) и триремами (стр. 24, 210) встрѣчаемъ пятивесельныя суда (стр. 278) вмѣсто квинкверемъ; на ряду съ эпилептическими припадками (Iul. cap. 45, стр. 27) переводчикъ употребляетъ выраженіе „припадки падучей" (Ner. cap. 33 стр. 281) [8]). Вмѣсто Тарквиній Прискъ переводчикъ пишетъ Тарквиній Старый (стр. 54).

Изъ опечатокъ главнѣйшія суть слѣдующія: Реномъ вмѣсто Рейномъ (стр. 14), справа вмѣсто сперва (стр. 132), рыбы вмѣсто рабы (стр. 264).

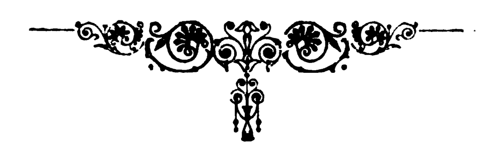
[8]) Здѣсь кстати отмѣтить разнообразные способы перевода словъ taberna и popina, изъ которыхъ первое передается словами трактиръ (Ner. cap. 26 и 37 стр. 274, 285), гостиница (Ner. c. 27 стр. 275) или шинокъ Claud. cap. 40, стр. 251), второе—словами кабакъ Claud. cap. 38 стр. 250) или трактиръ (Ner. c. 16 стр. 267 и cap. 26; стр. 274); такимъ образомъ переводчикомъ игнорируются чисто русскія слова питейный и харчевня, до нѣкоторой степени соотвѣтствующія латинскому popina.

Таковы, въ общемъ, недочеты новаго перевода Светоніева сочиненія: „Жизнь двѣнадцати Цезарей“. Недочеты эти вовсе не составляютъ крупныхъ недостатковъ труда г. Алексѣева, исполненнаго съ знаніемъ и любовью къ дѣлу. Нѣкоторыя страницы въ переводѣ переданы очень живо, увлекательно: ихъ читаешь съ истиннымъ удовольствіемъ и, забывая, что это переводъ, невольно думаешь, что имѣешь въ рукахъ оригинальное произведеніе. Такое впечатлѣніе производятъ, напр., страницы 132 сл, 144 сл., 170, 191 сл., 293, 314 и другія.

Неудивительно поэтому, что переводъ г. Алексѣева быстро разошелся, и въ настоящее время печатается второе изданіе этой интересной книги, успѣхъ которой, такимъ образомъ, обезпеченъ уже заранѣе. Хорошо бы видѣть это второе изданіе снабженнымъ указателемъ собственныхъ именъ и снимками съ бюстовъ описываемыхъ императоровъ, какъ объ этомъ упомянуто нами выше.

Пв. Черняевъ.

Г. Казань, 1903 г.
ноября 6-го дня.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

Отъ редакціи.

Въ предпослѣдней книгѣ «Ф. З.» за 1903 г. указано въ замѣткѣ: «Къ 35-лѣтней педаг. дѣятел. К. В. Ельницкаго», на то, что положеніе преподавателя рус. языка въ средней школѣ тяжелое въ силу разныхъ причинъ и, между прочимъ,—одной важнѣйшей: малообезпеченности, особенно въ глухихъ городахъ и городкахъ, гдѣ трудно добыть книжку, въ которой бываетъ часто вопіющая нужда. Русское правописаніе, несомнѣнно, во многихъ случаяхъ—непроходимое «раменье», дебри. Преподавателю приходится часто наводить справки, а справочныя книги или рѣдки, или дороги, и вотъ тутъ и учи «россійской» грамотности! А учитель городского училища, земской, церковно-приходской школы? Вѣдь его положеніе въ данномъ случаѣ совсѣмъ безвыходное Имѣя въ виду притти на помощь преподавателямъ какъ рус, яз. и словесности, такъ и другихъ предметовъ—по возможности рѣшать тотъ или другой вопросъ, редакція, по просьбѣ нѣкоторыхъ г.г. преподавателей, рѣшила открыть страницы «Филолог. Зап.» для вопросовъ и отвѣтовъ и не сомнѣвается, что товарищи по учебному дѣлу, особенно много уже поработавшіе для школы, откликнутся на призывъ нуждающихся въ помощи и такимъ образомъ помогутъ редакціи своевременно давать отвѣты на тѣ или другіе вопросы.

ВОПРОСЫ.

1) Я много забочусь объ ихъ будущности. Какъ писать: объ ея, объ ихъ или же—о ея, о ихъ? Почему такъ или иначе?

2) Какого рода слова «ребятишки» и какъ согласовать: «деревенскіе ребятишки» или же «деревенскія ребятишки»?

3) «Отъ потрясеннаго кремля до стѣнъ недвижнаго Китая»... (изъ ст. Пушкина: «Клеветникамъ Россіи»). Въ «Изборникѣ статей для теорет. изученія образцовъ русск. литературы Баталина выраженіе «потрясеннаго кремля» объяснено такъ: «Въ 1812 г. нѣкоторыя части Московскаго кремля были разрушены французами». Я съ такимъ объясненіемъ согласенъ. Но вотъ какъ объяснить учащимся: «до стѣнъ недвижнаго Китая»: какія разумѣются тутъ «стѣны» и въ какомъ смыслѣ, и почему Китай названъ «недвижнымъ»?

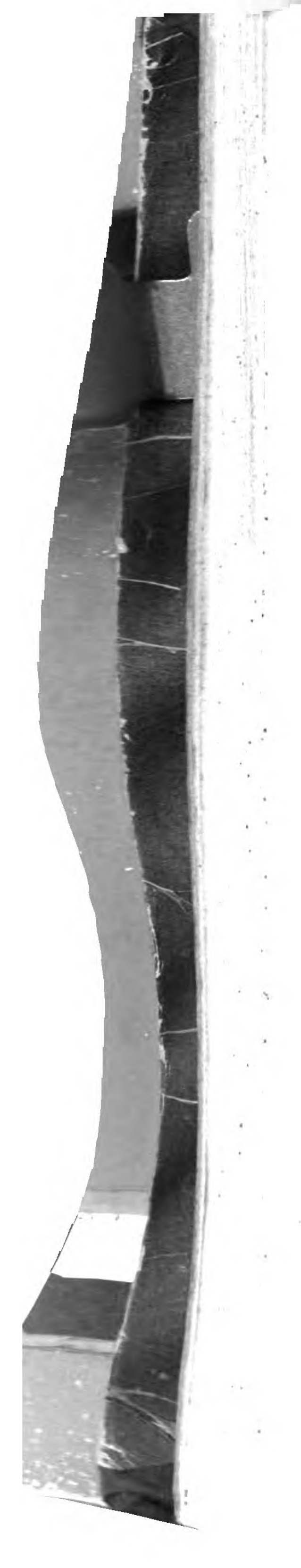
4) «Иль старый богатырь, покойный на постелѣ, не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?» (оттуда же). Г. Невзоровъ въ своемъ «Сборникѣ статей изъ образц. произведеній рус. словесности» подъ старымъ багатыремъ разумѣетъ Кутузова, а г. Филоновъ въ своей «Рус. хрестоматіи» (II-я часть) въ объясненіе выписанныхъ мною словъ говоритъ: «Измаилъ—крѣпость Турецкая на берегахъ Дуная. Она взята была штурмомъ Суворовымъ 1789 г. при Импер. Екатеринѣ II.» Отсюда, кажется, можно сдѣлать то заключеніе, что почтенный составитель хрестоматіи подъ старымъ багатыремъ разумѣетъ Суворова. Но вѣдь Кутузовъ и Суворовъ въ то время, когда появилось это стихотвореніе, были уже мертвыми. 1) Кого же тутъ нужно разумѣть подъ «старымъ багатыремъ, покойнымъ на по-

стели?» 2) какъ понимать слова съ опредѣленьями «покойный на постелѣ», «измаильскій штыкъ», и вообще 3) какъ истолковать учащимся всѣ выписанныя мною слова?

5) «Благодаря ему я живу хорошо». 1) Какая часть рѣчи въ подобныхъ этому случаяхъ слово «благодаря»: глаголъ ли въ формѣ дѣепричастія, или же предлогъ? 2) Слѣдуетъ ли послѣ слова «ему» ставить запятую или же нѣтъ? Если это глаголъ, то вѣдь «благодарить» сочиняется съ винит. падежомъ, а не дательнымъ; а здѣсь «ему» дательный падежъ.

6) «Я видѣлъ два учебн*ыхъ* заведенія» или же два учебн*ыя* заведенія?

Одинъ изъ учителей.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СЛОВАРЯ

Пушкинскаго прозаическаго языка *)

4. Хозяинъ-дворянинъ въ отношеніи къ своему слугѣ.

Владиміръ потупилъ голову; люди его окружили несчастнаго своего господина.

— Отецъ ты нашъ, кричали они, цѣлуя ему руки: не хотимъ другого барина, кромѣ тебя. Умремъ, а тебя не выдадимъ. Прикажи, государь, съ судомъ мы управимся. *Дубр.*, *V*. — Что это мой Иванъ Кузьмичъ сегодня такъ заучился! сказала комендантша: Палашка, позови барина обѣдать. Да гдѣ-же Маша? *Кап. д.*, *Ш*. Альманашникъ: Когда же вашъ баринъ сочиняетъ? Слуга: Не могу знать.

Альманашникъ: Экое несчастіе! Доложи своему барину, что приходилъ рекомендоваться .. Да скажи, не знаешь ли ты какого-нибудь сочинителя? .. *Альман.*, *VI*. См. еще: *Ист. с. Гор.*; *Бар.—Кр.*; *Станц. см.*; *Дубр.*, *I*, *Ш*, *IV*, *VI*, *XVII*, *XIX*; *Кап. д.*, *I*, *П*, *Ш*, *V*, *IX*, *XIII*; *Альманашн.*, *IV*. Маленькій баринъ. *Дубр. XVII*.

— Изъ Прилучина; я дочь Василья-кузнеца, иду по грибы (Лиза несла кузовокъ на веревочкѣ). А ты, баринъ? Тугиловскій, что-ли? — Такъ точно, отвѣчалъ Алексѣй: я камердинеръ молодого барина. — Алексѣю хотѣлось уравнять ихъ отношенія. Но Лиза поглядѣла на него и засмѣялась.

— А лжешь, сказала она: не на дуру напалъ. Вижу, что ты самъ баринъ. *Бар.—кр.* Молодой баринъ. *Дубр.*, *Ш*, *IV*, *V*.

Баричъ, а, м.

Словомъ, онъ (Сорванцовъ) истинно русскій баричъ прошлаго вѣка, каковымъ образовала его природа и полупросвѣщеніе. *О разг. у кн. Халдин.*

---

*) Продолженіе. См. в.в. IV—V и VI 1901 г., II—III, IV, V и VI 1902 г., I, IV—V 1903 г.

Ба́рка, и. ж.

Жители торговали (не знаю, какъ это сказать: ils faisaient le commerce des grains) крупами, что ли? и привозили на баркахъ, не помню куда. Вотъ этотъ Ветошкинъ былъ приказчикомъ на этихъ баркахъ. *Ист. анекд., IX.* Волга протекала передъ окнами; по ней шли нагруженныя барки подъ натянутыми парусами и мелькали рыбачьи лодки, столь выразительно прозванныя душегубками. *Дубр., XIV.* См. еще *Ист. пуг. б., VIII.* Нагруженныя барки. *Мысли на д., IX.*

Барони́сса, ы, ж.

— Когда друзья мои женятся, имъ смѣхъ, а мнѣ горе; но такъ и быть: апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій, что лучше взять себѣ жену, чѣмъ идти въ геенну и во огнь вѣчный—обнимаю и поздравляю тебя—рекомендуй меня баронессѣ Дельвигъ. *Пис. Дельв. 26 г.* Здравствуйте; поклоненіе мое Аннѣ Петровнѣ, дружеское рукопожатіе баронессѣ etc. *Пис. Вульфу 29 г.* См. еще *Пис. Дельв. 28 г., Плетн. февр. 31 г.*

Баро́новъ

Какъ я былъ радъ баронову (Дельвига) пріѣзду. Онъ очень милъ! *Пис. брату іюля 25 г.*

Баро́нскій, ая, ое.

Деньги! Потому что деньги достались ему не дешево, такъ онъ и думаетъ, что въ деньгахъ вся сила. Какъ не такъ! Если онъ такъ силенъ, попробуй отецъ ввести меня въ баронскій замокъ? *Сц. изъ рыц. вр., II.*

Баро́нъ, а, м.

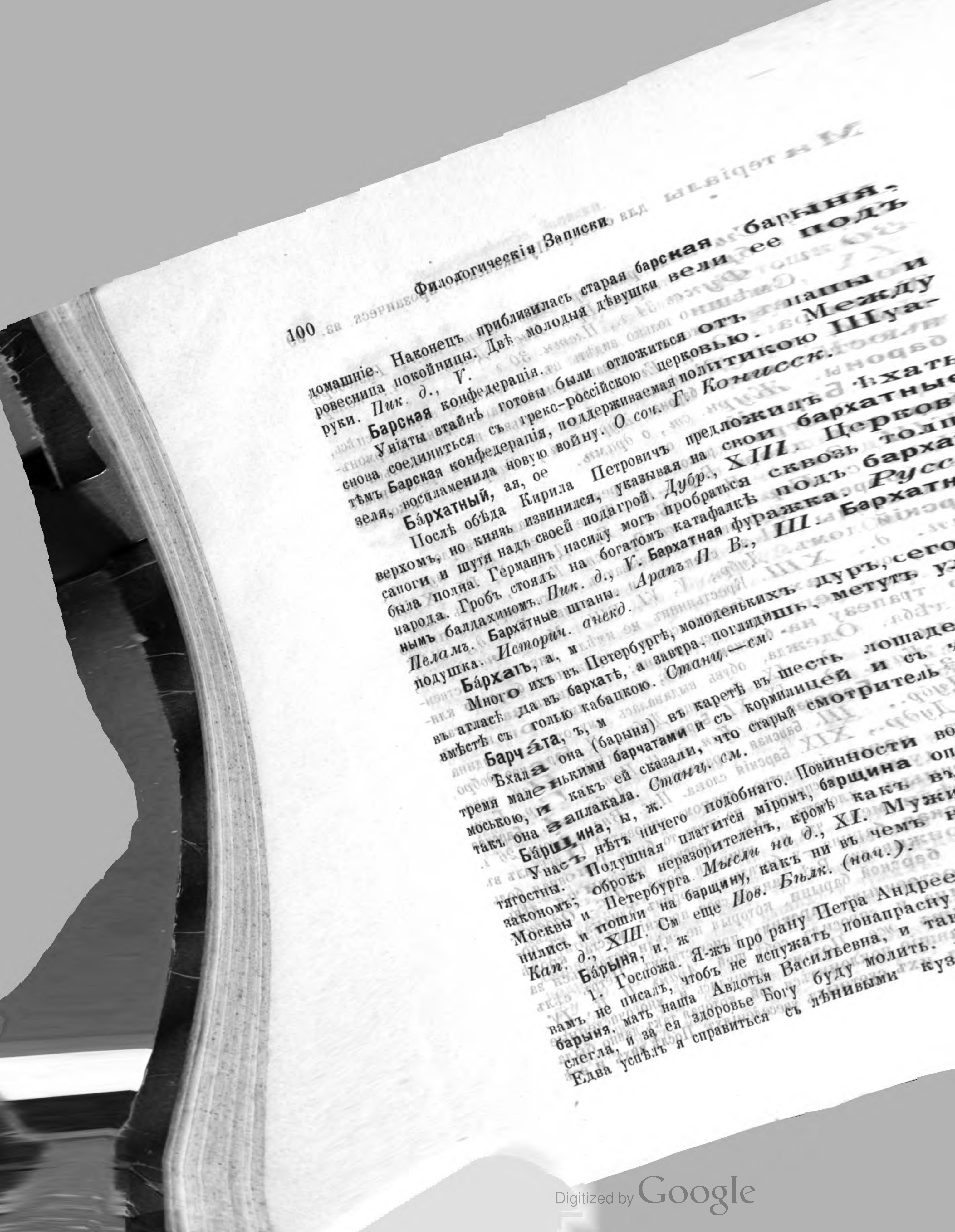
Пойду лучше въ минстрели. Однако, что это сказалъ Бертольдъ? Турниръ въ... и туда ѣдетъ баронъ... ахъ, Боже мой! тамъ будетъ и Клотильда. *Сц. изъ рыц. вр., II.* Какъ жаль, любезный Ловласъ Николаевичъ, что мы здѣсь не встрѣтились! То-то побѣсили-бъ мы бароновъ и простыхъ дворянъ! По крайней мѣрѣ, честь имѣю представить вамъ подробный отчетъ о дѣлахъ нашихъ и чужихъ. *Пис. Вульфу 29.* Мартынъ: Прощай. Бертольдъ: Пойду къ барону Раулю: авось, дастъ онъ мнѣ денегъ. *Сц. изъ рыц. вр., I.* См. еще: *Зам. объ Иліадѣ; О рекз. Мерзляк.; Объ Ист. русск. нар., 3; Отг. Ег. н., 2; Ист. анекд.,*

XV; Сц. изъ рыц. вр.; Изъ «Лит. газ.», Разговоръ; Зап. бриг. моро-де Вр.; Пис.: Дельв. 26 г., ноябрь 30 г., Фуксъ 34 г., Плетн. 30 г.

Смѣшно только видѣть въ ничтожныхъ внукахъ спѣсь, точно въ потомкахъ перваго христіанскаго барона Клермонъ-Тоннера. *Отр. Ег. н., II*... нельзя не согласиться въ томъ, что Манфредъ и Лара напоминаютъ уединеннаго ньюстидскаго барона. *Журн. ст., Байронъ.* Гасконскіе бароны. *Журн. ст., о драмѣ.*

Ба́рскій, ая. ое.

Заигралъ рожокъ, и деревенское стадо потянулось мимо барскаго двора. *Бар.—Кр.* Тоже см. еще: *Ист. пуг. 6., VIII Зап. Нащ.; Бар.—Кр.: Дубр., V, VI. XVII; Ист. с. Гор.; тамъ же, Вр. ист. Кап. д., II.* Въ одномъ изъ барскихъ флигелей показываютъ собственноручное письмо Екатерины II за стекломъ и въ рамкѣ. *Кап. д., XIV.* Барскій домъ. *Дубр., V, VI. VIII: Мысли на д., II; Кап. д., XIII.* Крестьянинъ не имѣлъ никакой собственности; онъ пахалъ барскою сохою, запряженной барскою клячею; скотъ его былъ весь проданъ; онъ садился за спартанскую трапезу на барскомъ дворѣ; дома не имѣлъ онъ ни щей, ни хлѣба. Одежда, обувь выдавалась ему отъ господина. *Мысли на д., IX.* См. еще *Дубр., II.* Барское *добро, дитя Кап. д., IX; XI.* Барское невѣдѣніе. *Нач. повѣсти 31 г.* Барская воля. *Кап. д., II; Ист. с. Гор., Басн. вр.; Дубр., III.* Барская праздность. *Дубр., I.* Барская шутка. *Дудр., XIX.* Барскія слова. *Пис. Вяз., іюнь 26 г.* Виноватъ, ваше сіятельство, кругомъ виноватъ! Пріѣхалъ въ деревню, думалъ распишусь, не тутъ-то было. Головная боль хозяйственныя хлопоты, лѣнь—барская, помѣщичья лѣнь, такъ одолѣли меня, что не приведи Боже. *Пис. Одоевск. 33 г.* Барская барыня—у богатыхъ дворянъ близкая къ помѣщицѣ приживалка. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, которыя не смѣли оставаться за столомъ, удостоенным царскимъ присутствіемъ. Петръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ щей. *Арапъ П. В., IV.* См. еще *тутъ же.* Потомъ двинулись и многочисленные гости, пріѣхавшіе поклониться той, которая такъ давно была участницею въ ихъ суетныхъ увеселеніяхъ. Послѣ нихъ и всѣ

домашніе. Наконецъ приблизилась старая барская барыня, ровесница покойницы. Двѣ молодыя дѣвушки вели ее подъ руки. *Пик. д.*, V.

Барская конфедерація.

Уніаты втайнѣ готовы были отложиться отъ папы и снова соединиться съ греко-россійскою церковью. Между тѣмъ **Барская** конфедерація, поддерживаемая политикою Шуа-зеля, воспламенила новую войну. *О соч. Г. Конисск.*

Бáрхатный, ая, ое

Послѣ обѣда Кирила Петровичъ предложилъ ѣхать верхомъ, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя надъ своей подагрой. *Дубр.*, XIII. Церков
была полна. Германнъ насилу могъ пробраться сквозь толп
народа. Гробъ стоялъ на богатомъ катафалкѣ подъ барха
нымъ балдахиномъ. *Пик. д.*, V. **Бархатная** фуражка. *Русс*
Пеламъ. Историч. анекд. *Арапъ П. В.*, III. **Бархатн**
подушка.

Бáрхатъ, а, м

Много ихъ въ Петербургѣ, молоденькихъ дуръ, сего
въ атласѣ да въ бархатѣ, а завтра, поглядишь, метутъ у-
вмѣстѣ съ голью кабацкою. *Станц.*—см.

Барчáта, ъ, м

Ѣхала она (барыня) въ каретѣ въ шесть лошаде
тремя маленькими **барчатами** и съ кормилицей и съ
моською, и какъ ей сказали, что старый смотритель
такъ она заплакала. *Станц.* см.

Бáрщина, ы, ж.

У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Повинности во
тягостны. Подушная платится міромъ, **барщина** оп
закономъ; оброкъ неразорителенъ, кромѣ какъ въ
Москвы и Петербурга. *Мысли на д.*, XI. Мужи
нились и пошли на барщину, какъ ни въ чемъ н
Кап. д., XIII. См еще *Пов. Бѣлк.* (*нач.*).

Бáрыня, и, ж

1. Госпожа. Я-жъ про рану Петра Андрее
вамъ не писалъ, чтобъ не испужать понапрасну
барыня, мать наша Авдотья Васильевна, и так
слегла, и за ея здоровье Богу буду молить.
Едва успѣлъ я справиться съ лѣнивыми куз

явился ко мнѣ старичекъ, отставной русскій солдатъ и отъ имени барыни позвалъ меня откушать чаю. Я согласился охотно и отправился на господскій дворъ. *Отр. неок. пов.*, *V*. См. еще *Станц. см.*; *Арап. П. В.*, *IV*, *IX*. Прекрасная славная барыня. *Станц. см. (конецъ)*. Барыни пожилыя *Арапъ П. В.*, *Ш*. Старая барыня. *Отр. неок. пов.*, *V*. Отчего происходитъ это мѣщанское, отвратительное жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи, пришедшей въ гости къ петербургской барынѣ,—засѣдательницы въ гостяхъ у пріѣзжей горожанки? *Крит. зам* Старушки отъ меня въ восхищеніи, барыни ко мнѣ такъ и льнутъ... *Отр. изъ ром въ пис.*, *8*. Съ ироніи. Объ этой барынѣ (Сталь) должно было говорить вѣжливымъ языкомъ образованнаго человѣка. Эту барыню удостоилъ Наполеонъ гоненія, монархи—довѣренности, Европа—своего уваженія, а г-нъ А. Мухановъ журнальной статейки, не весьма острой и весьма неприличной. *О г-жѣ Сталь* Въ образн. выраж. Братъ Левъ и братъ Плетневъ! Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я выстиралъ черное бѣлье наскоро, а новое сшилъ на живую нитку. Но съ вашею помощью надѣюсь, что барыня публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ непотребную прачку. *Пис. Брату марта 25 г.* См. барскій.

Бáрышня, и, ж.

Учитель между всѣми отличался; всѣ барышни выбирали его и находили, что съ нимъ очень ловко вальсировать. Нѣсколько разъ кружился онъ съ Марьей Кириловною, и барышни насмѣшливо за ними примѣчали. *Дубр.*, *Х*. За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же вѣтрена, какъ и ея барышня. *Бар.—кр* Какъ я былъ радъ барону пріѣзду. Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюбились—а онъ равнодушенъ, какъ колода. *Пис. брату 25 г.* См. еще: *Арапъ П. В VI; Пик. д., II; Кап. д., XШ, XП; Метель; Дубр., IX XVШ; Бар.—Кр.; Отр изъ ром. въ пис.. VI; Отр. нек. пов., V; Пис. женѣ авг. 33 г.* Тѣ изъ моихъ читателей, которые не живали въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни! Воспитанныя на чистомъ воздухѣ, въ тѣни своихъ садовыхъ яблонь, онѣ знаніе свѣта и жизни

почерпаютъ изъ книжекъ. *Бар.-кр.* Тоже см. *Отр. изъ Ром. въ пис.*, 5. Ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московской барышнею, все, что не свыше il faut, все, что vulgar... Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой милый, простой, аристократическій тонъ измѣнился, разведусь, вотъ-те Христосъ. *Пис. женѣ окт. 33 г.* Тамошнія барышни. *Метель.* Благовоспитанная барышня. *Бар.-кр.* Осудилъ онъ (Федоровъ, разбирая Онѣг.) также слово „корова" и выговорилъ мнѣ за то, что я барышень благородныхъ и, вѣроятно, чиновныхъ, назвалъ дѣвчонками... *Крит. зам.* Бѣленькія барышни. *Бар.-кр.* Чувствительная барышня. *Метель.* Блестящая барышня. *Бар.-кр.* Семнадцатилѣтняя барышня. *Бар.-кр.*

Барышъ, á, м.

Бѣдная ярмарка! Она бѣжала, разбросавъ на половину свои товары, не успѣвъ пересчитать свои барыши. *Изъ зап. кн., О холерѣ.* Москва полна еще пребываніемъ двора, въ восхищеніи отъ царя и еще не отдохнула отъ баловъ. Цыхлеръ сдѣлалъ въ одинъ мѣсяцъ 80 тысячъ чистаго барыша. А. Корсакова выходитъ за К. Вяземскаго. Вотъ тебѣ всѣ наши новости. *Пис. женѣ 31 г.* Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 р., а тамъ хоть трава не рости. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первый разъ поступившіе по-европейски, обдернутся и останутся въ накладѣ — да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ. *Пис. брату 24 г.* Вотъ тебѣ „Отвѣтъ Готовцовой", чортъ её побери! Какъ ты находишь ces petits vers froids et coulants? Что-то написалъ ей мой Вяземскій, а отъ меня ей мало барыша. *Пис. Дельв. 28 г.* (Ср. Положимъ, все та же шутка каждый разъ имъ и удается. Но какая имъ отъ того прибыль? *Крит. зам.*) См. еще: *Ег. н. 2; Сц. изъ рыц. вр. 1.*

Баснописецъ, сца, м.

Согласенъ, что Крыловъ превзошелъ всѣхъ намъ извѣстныхъ баснописцевъ, исключая, можетъ быть, того же самаго Лафонтена. *Мелочи.* Извѣстный баснописецъ, желая объяснить одно изъ самыхъ жалкихъ чувствъ человѣческаго сердца, обыкновенно скрывающееся подъ какою-нибудь ли-

чаною, написалъ слѣдующую басню... *О неблаг. напад. на двор.*

Баснослóвный, ая, ое.

Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно, миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ. *Пис. Дельв. 24 г.*

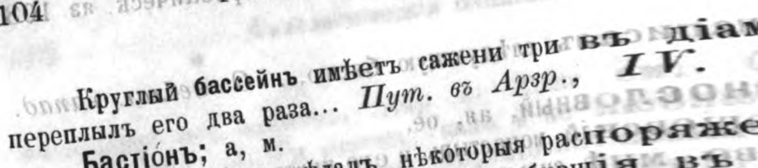
Баснь, и, ж.

Стихотвореніе можетъ являть всѣ эти признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны относиться тѣ стихотворенія, коихъ формы извѣстны были грекамъ и римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Слѣдственно, сюда принадлежатъ: эпопея, поэма дидактическая, трагедія, комедія, ода, сатира, посланіе, ироида, эклога, элегія, эпиграмма и баснь. *О русск. лит.*

Бáсня, и ж.

Любители нашей словесности были обрадованы предпріятіемъ графа Орлова, хотя и догадывались, что способъ перевода, столь блестящій и столь недостаточный, нанесетъ нѣсколько вреда баснямъ неподражаемаго нашего поэта. *О пред. Лем. къ переводу басенъ Крыл.* И что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры одного изъ твоихъ посланій, а все прочее — перваго стихотворенія Жуковскаго. *Пис. Вяз. 24 г.* ... Вотъ вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будутъ. Къ чему тебѣ принимать мужчинъ, которые за тобою ухаживаютъ? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ. Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѳома не далъ; Кузьма и прибилъ Ѳому, какъ каналью. *Пис. женѣ окт. 33 г.* См. еще: *О неблаг. напад на двор.; Мысли на д., VIII; Крит. зам.; Пис.: Рылѣеву 25 г., Вяз. 25 г. осенью; ему же 10 авг. 25 г.* Я закаялся и написалъ на дняхъ подражаніе баснѣ умѣреннаго демократа: (Изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя) Свободы сѣятель пустынный... *Пис. А. Тург. 23 г.*

Бассéйнъ, а, м.

Круглый бассейнъ имѣетъ сажени три въ діам
переплылъ его два раза... *Пут. въ Арзр.*, IV.

Бастіо́нъ; а, м.

Заевъ наскоро сдѣлалъ нѣкоторыя распоряже
ставилъ по тремъ бастіонамъ три пушки, бывшія въ
дѣ (на четвертый недостало); также учредилъ ка
разъѣзды и сталъ ожидать непріятеля. *Ист. пуг*
Мятежники разбили ядрами деревянные бастіонъ.
Грозные бастіоны. *Тамъ же, 3.*

Басурма́нъ, а, м. 1.

— Какъ! воскликнулъ старый князь, у кото
совсѣмъ прошелъ: Наташу, внучку мою, выдать
наго арапа?

— Онъ роду не простого, сказалъ Гаврила
вичъ: онъ сынъ арапскаго султана. Басурмане вз
плѣнъ и продали въ Цареградѣ, а нашъ послан
чилъ и подарилъ его царю. *Арапъ П. В.*, V.

2 Иновѣрецъ.

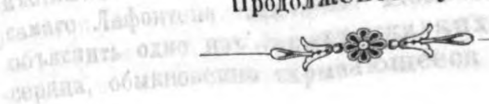
Самъ „пошелъ"..., проклятый басурманъ. *Бор*
Дефоржъ не понялъ его восклицанія и пожела
рой ночи. Проклятый басурманъ! проворчалъ
кутываясь въ одѣяло: нужно ему было свѣчку
же хуже. Я спать не могу безъ огня. — *Д*
еще тамъ же, XI. А кто всему виноват
мусье... И нужно было нанимать въ дядьки ба
д. I. См. еще: *Граб.. Арапъ П. В:*, V.

Басъ, а, м. Генералъ басъ.

N. N., вышедшій изъ пѣвчихъ въ
статскіе совѣтники, былъ недоволенъ обхож
Потемкина. „Развѣ не знаетъ князь, говорилъ
нарѣчіи: что я такой-же генералъ? („Хиба
того, що я такій еднoралъ, якъ винъ самъ»
зали Потемкину, который сказалъ ему при
„что ты врешь? какой ты генералъ? ты
Ист. анекд., VIII.

В. А. Во

Продолженіе будетъ

Оттиски изъ „Филологическихъ Записокъ" за послѣдніе годы.

Барсовъ А. В. „Живое Слово" для изученія родного языка. Практич. курсъ 4-го класса. 1899 г. Ц. съ пер. 60 к.

Бородинъ С. „Вѣдомости" 1703 г. 1903 г. Ц. съ пер. 10 к.

Брандтъ Р. Ѳ. Профес. О лженаучности нашего правописанія. 1901 г. Цѣна съ перес. 30 к.

Брандтъ Р. Ѳ. Проф. Освобожденіе. Болгарская народная пѣсня о послѣдней русско-турецкой войнѣ. 1903 г. Цѣна съ пер. 20 к.

Брюхановъ В. П. А. Н. Майковъ, какъ поэтъ. 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

Брюхановъ В. П. Объяснительное чтеніе. 1904 г. Ц. съ пер. 10 к.

Будде Е. Ѳ. профес. Я. П. Полонскій, какъ поэтъ. 1899 г. Ц. 25 к. съ пересылкой.

Бунаковъ Н. Ѳ. Сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина. 1899 г. Ц. 15 к., съ перес.

Бунаковъ Н. Ѳ. Грамматика и письменныя упражненія въ начальной школѣ. 1901—1902 г.г. Ц. съ пер. 20 к.

Быстровъ М. Ѳ. Педагогическіе взгляды В. Г. Бѣлинскаго. 1898 г. Ц. съ пер. 10 к.

Б. Къ вопросу о правописаніи. 1898 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Библіографія. Новая Школа. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. 1898 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Вакуловскій Н. Н. Ученые труды Н. П. Кондакова. 1899 г. Ц. 15 к. съ пер.

Вакуловскій Н. Н. Критико-библіографическія статьи и замѣтки. 1898 и 1899 г.г. Ц. съ пер. 10 к.

Вакуловскій Н. Н. Замѣтки и наброски. 1) Воспоминаніе о Жуковскомъ, 1) Памяти А. Ѳ. Гильфердинга. 1902 г. Ц. съ пер. 5 к.

Вакуловскій Н. Н. и Прядкинъ С. Н. Памяти П. В. Шейна; Памяти И. М. Желтова. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Варшавскій профессоръ. Московскій Музей изящныхъ искусствъ. 1903 г. Ц. съ пер. 15 к.

Виноградовъ П. А. Объ эвритмическомъ, логическомъ, грамматич. и риторическомъ изученіи періодовъ отъ Аристотеля донынѣ. 1903 г. Ц. съ пер. 60 к.

Водарскій В. А. Разныя замѣтки и матеріалъ для изученія родного языка и словесности. 1903 г. Ц. съ пер. 15 к.

Въ помощь учащимся—сборникъ статей, посвященныхъ памяти Гоголя и Жуковскаго. 1902 г. 13 печ. лист. Цѣна съ пер. 70 к.

Гальковскій Н. М. Миѳологическій элементъ въ сербской народной поэзіи. 1901 г. Цѣна съ пер. 20.

Гальковскій Н. М. Очерки сербской народной литературы. 1902 г. Ц. съ пер. 15 к.

Гальковскій Н. М. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. 1903 г. Ц. съ пер. 20 к.

Герасимовъ А. Г. Правописаніе, какъ научно обоснованный образъ праворѣчія. 1903 г. Ц. 15 к. съ пер.

Горбунковъ Л. П. Проектъ организаціи ученич. библіотекъ при средн. учебн. заведеніяхъ на новыхъ началахъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Гордѣевъ К. Ѳ. Поэтъ мести и печали Н. А. Некрасовъ. 1903 г. Ц. съ пер. 25 к.

Горницкій П. К. Темы испытаній зрѣлости по рус. языку предложенныя въ учебныхъ Округахъ М. Н. Пр. въ 1894 по 1897 годъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Гуссовъ В. М. Къ вопросу о положеніи преподавателя русскаго языка въ гимназіяхъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Гуссовъ В. М.: I. Нѣсколько соображеній по поводу новаго учебнаго плана для средн. школы по рус. яз. и словесности. II. Главнѣйшіе факторы выработки устной и письменной рѣчи. III. Вѣнокъ на могилу Гоголя въ 50-лѣтн. годовщину его смерти. 1901 г. 1902 г. Цѣна съ пер. 35 к.

Гуссовъ В. М. По пути къ разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ школьнаго образованія. 1901 г. Цѣна съ перес. 7 к.

Гуссовъ В. М. Вѣнокъ на могилу Гоголя. 1902 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Гороховъ А. Е. Пора изгнать букву „Ѣ" изъ рус. алфавита. 1899 г. Ц. 5 к. съ пер. 10 к.

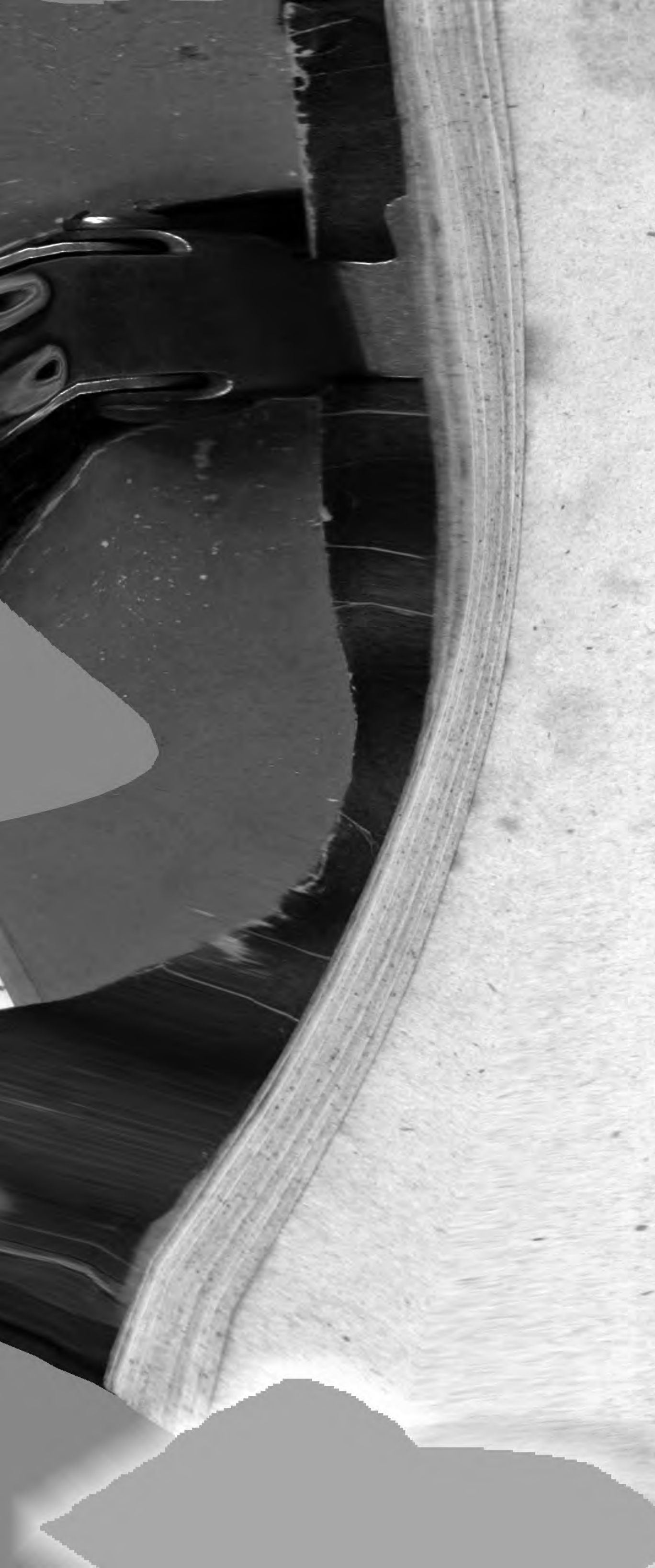
Даниилевичъ А. Нѣсколько словъ о положеніи русск. языка въ русской школѣ. 1902 г. Ц. съ пер. 15 к.

Державинъ Н. С. Одинъ изъ перловъ Пушкинской юбилейной литературы. 1902 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Добровскій В. М. О взаимодѣйствіи плавныхъ фонемъ и дифтонговъ въ созначащихъ корняхъ (новое наблюденіе въ славянскомъ звукословіи. 1899 г. Ц. 20 к. съ пер. 30 к.

Дроздовъ М. А. Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина. 1899 г. Ц. съ пер. 25 к.

Дроздовъ М. А. Памяти Д. В. Григоровича. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Дроздовъ М. А. Къ вопросу о желательной поста
подаванія русской словесности въ духовны
ріяхъ. 1902 г. Ц. съ пер. 15 к.

Ельницкій К. В. Объяснительное чтеніе стихотв.
1898 г. Ц. съ пер. 10 к.

Ельницкій К. В. Послѣдніе дни жизни и смер
Гоголя. 1902 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Ельницкій К. В. Объяснительное чтеніе басенъ
реній. 1902 г. Ц. съ пер. 20 к.

Ельницкій К. В. Баронъ Николай Александров
(Къ 20-лѣтію со дня смерти). 1903 г. Ц. 1

Заболотскій П. А. О вліяніяхъ подъ которым
личность и творчество Н. В. Гоголя. 19
съ пер. 15 к.

Замотинъ И. И. Преданіе о Вадимѣ Новгородск
ской литературѣ. 1900 г. Цѣна съ

Зеленинъ Д. К. Этимологическія замѣтки. 190
пер. 20 к.

Зоргенфрей Г. Г. Реальное и гуманитарное
1903 г. Ц. съ пер. 10 к.

Зоргенфрей Г. Г. Обзоръ новыхъ книгъ по
классной филологіи. 1902 г. Ц. съ пе

Зоргенфрей Г. Г. О классномъ чтеніи Горац
Ц. съ пер. 10 к.

Зоргенфрей Г. Г. Памяти Константина Василье
1903 г. Ц. 5 к. съ пер.

І. М. Три политическихъ направленія въ древне
„Иліадѣ"—Гомера). 1902 г. Ц. съ пе

Ивановскій В. И. 1) Народный учитель сто
2) Методы и предметы ученія при Им
II-й. 1899 г. Ц. съ пер. 20 к.

Ивановскій В. И. Народныя присловья о городахъ и племенахъ Олонецкаго края. 1901 г. Цѣна съ пер. 8 к.

Ивк. С. О чемъ сказано въ книгѣ К. В. Ельницкаго: «Мысли и чувства, выраженныя въ художественныхъ произведеніяхъ»? 1903 г. Ц. 10 к. съ пер.

Кашинъ Н. П. Наши новѣйшія руководства для юношества. 1901 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Крыловъ И. С. Языкъ и слогъ произведеній Кольцова 1902 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Козловскій П. С. 1) нѣсколько словъ о Бѣлинскомъ 2) о націон. значеніи литер. дѣятел. А. С. Пушкина. 3) древне и ново-цер.-слав. языкъ, какъ предметъ преподаванія. 1899 г. ц. 20 к. съ перес. 25 к.

Корольковъ А. Н. Лордъ Байронъ. 1901 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Корольковъ А. Н. Недопѣтая пѣсня (по поводу 60-лѣтія со дня кончины М. Ю. Лермонтова) 1902 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Крутовскій А. В. О постановкѣ внѣкласснаго чтенія въ реальныхъ училищахъ. 1901 г. Ц. съ пер. 15 к.

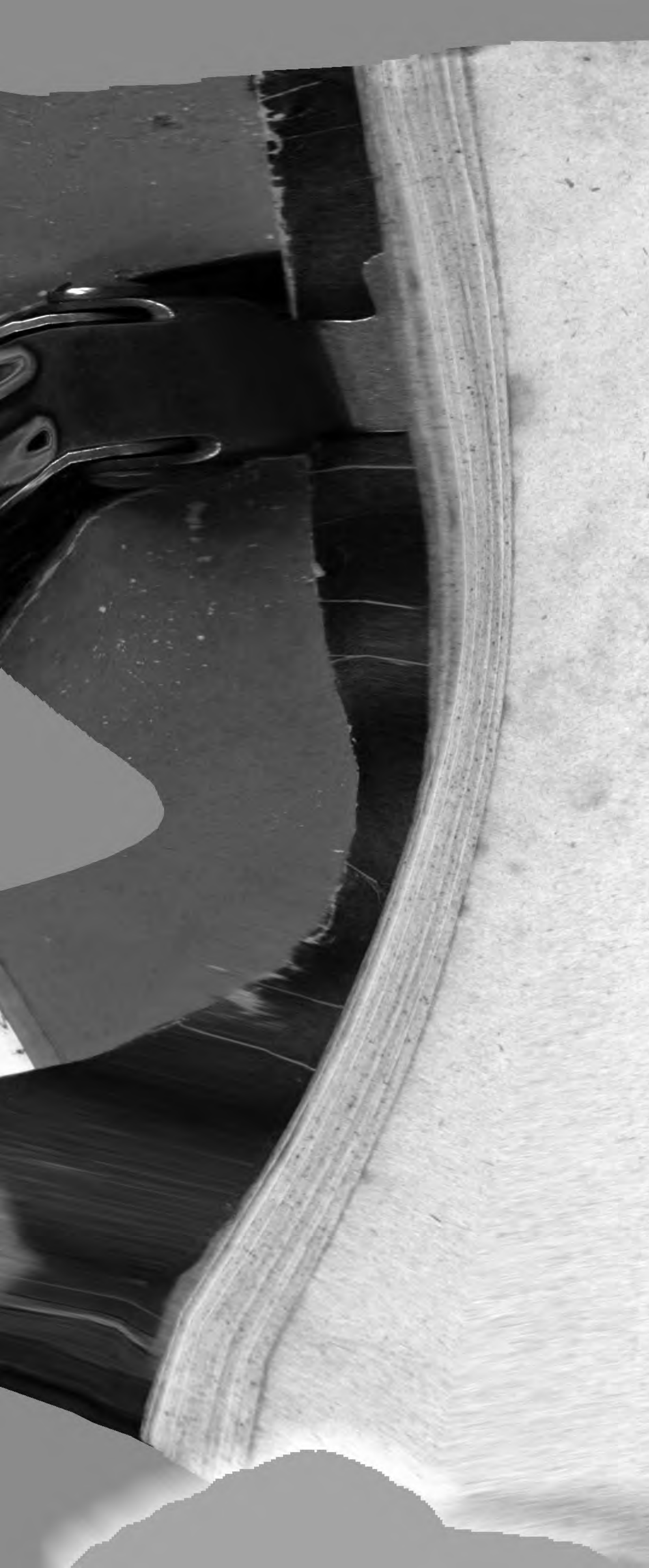
Ласкоронскій В. П. О юморѣ Гоголя. 1902 г. Цѣна съ пер. 7 к.

Ласкоронскій В. П. Очерки Яблоновскаго: «Изъ гимназической жизни», какъ отраженіе общественныхъ настроеній. 1903 г. Ц. 10 к. съ пер.

Матеріалы для біографіи *И. С. Никитина* (письма его). 1902 г. Цѣна съ перес. 15 к.

Мочульскій В. Н. Проф. „Авторская исповѣдь“ Н. А. Гоголя 1903 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Мыщецкій С. В. „Критонъ“ или „объ обязанностяхъ гражданина„—этическій діалогъ Платона. Переводъ. 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

Никольскій Д. А. О происхожденіи и смыслѣ со... именъ нѣкоторыхъ животныхъ. 1900 г. ... перес. 10 к.

Опоковъ. З. З. По поводу нѣкоторыхъ неустанови... чаевъ русскаго правописанія. 1900 г. ... перес. 10 к.

Опоковъ З. З. По поводу нѣкоторыхъ неустанови... чаевъ русскаго правописанія. 1902 г. ... ресылкой 25 к.

Опоковъ З. З. По поводу нѣкоторыхъ неустанови... чаевъ русскаго правоп. 1903 г. Ц. ...

Опоковъ З. З. Нѣсколько словъ объ „орѳографи... варяхъ г.г. Алексѣева и Сеславина. 1... съ пер. 15 к.

Первовъ П. Д. Эпитеты въ русскихъ былина... Цѣна съ перес. 30 к.

Первовъ П. Д. Международная фонетическа... 1903 г. Ц. 5 к. съ пер.

Подаринъ Н. А. Новые варіанты былинъ. 18... перес. 10 к.

Прохоровъ Г. В. Литературно-идейная сторо... ніяхъ М. Горькаго. 1903 г. съ пер...

П. С. Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи книгъ ... лѣ. 1902 г. Ц. съ пер. 8 к.

Прядкинъ С. Н. Памяти А. А. Хованскаго: ... ды жизни, болѣзнь и смерть его, П... гилу его. Ворон. 1899 г. Цѣна бро... томъ 50 к. съ пер.

Того же автора:

„Двѣ преждевременныхъ жертвы смерти (... скій и Н. Я. Гротъ)". 1899 г. Цѣна съ пере...

„Памяти А. С. Пушкина". 1899 г. Цѣна съ пер. 20 к.

„Памяти Ивана Саввича Никитина". 1899 г. Ц. съ перес. 30 к.

„Критико-библіографическія статьи и замѣтки" (разборъ изслѣдованій о Некрасовѣ, Никитинѣ и др.). 1899 г. Ц. съ пер. 25 к.

„Критико-библіографич. статьи и замѣтки" (Замѣтки объ учебникахъ г.г. Смирновскаго и Бородина" и др.). 1899 г. Ц. съ пер. 25 к.

„Къ вопросу о дѣленіи глаголовъ на два спряженія и о правописаніи глагольныхъ формъ". 1899 г. Ц. съ пер. 10 к.

† М. А. Дикаревъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Нѣсколько словъ о положеніи преподавателя русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Библіографія. 1902 г. Ц. съ пер. 5 к.

Къ празднованію тридцатипятилѣней педагогической дѣятельности К. В. Ельницкаго. 1903 г. Ц. съ пер. 5 к.

П. А. По поводу постановки преподаванія русскаго языка и словесности въ будущей новой средней школѣ. 1902 г. Ц. съ пер. 10 к.

Ранзевичъ Н. К. „Энциклопедическій Словарь" издателя Ф. Павленкова. 1901 г. Цѣна съ пер. 5. к.

Ранзевичъ Н. И. Изъ лексикона о бѣлорусской розгѣ (по поводу 40-лѣтія отмѣны тѣлесныхъ наказаній). 1903 г. Ц. 5 к. съ пер.

Рогозинъ С. С. Звуки рѣчи, какъ результатъ раборъ органовъ. 1901 г. Ц. съ пер 20 к.

Романовскій В. Е. Объ отношеніи географіи и исторіи въ преподаваніи словесности. 1895 г. Ц. съ пер 25 к.

Рыбинскій В. С. О „Фаустѣ" Гете. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Рѣвановъ В. И. Памяти Л. Н. Майкова. 190
пер. 15 к.

Соболевскій А. И. Академикъ. Изъ введенія въ
церковно-славянскаго языка. 1902 г. Ц
15 к.

Солоникіо А. И. Введеніе въ миѳологію Рима.
50 к. съ перес.

Солоникіо А. И. Кризисъ въ дух. жизни древ
конца V в. до Р. Хр. этико-историче
1900 г. Ц. съ пер. 40 к.

Солоникіо А. И. Очерки римской миѳологіи. 1
перес. 60 к.

Стефановскій И. Н. Языкъ произведеній Пуш
монтова. 1899 г. Ц. 10 к. съ пер. 15

Соловьевъ А. В. Ученическіе годы В. А.
1902 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Соловьевъ А. В. Жизнь Грибоѣдова въ СПБ.
пер. 30 к.

Смѣльницкій И. Н. Основныя черты духовнаго об
голя и роль его произведеній въ истор
сознанія. 1902 г. Цѣна съ пер. 20 к

Смѣльницкій И. Н. Пушкинъ, какъ воспит
общества. 1899 г. Ц. 25 к. съ пер.

Смѣльницкій И. Н. Къ вопросу объ эпосѣ се
гарскомъ. Гайдуцкій эпосъ: значеніе его
дучества и время возникновенія его. І
сербскимъ и болгарскимъ пѣснямъ. 189
съ пер. 50 к.

Смѣльницкій И. Н. В. А. Жуковскій, харак
поэзіи въ исторіи рус. литературы. 1
пер. 20 к.

Суровцевъ А. Г. Кто придумалъ слово „временщикъ“. 1901 г. Цѣна съ пер. 7 к.

Тимофеевъ Н. Частицы *не, ни* и *нѣ* въ рус. яз. ихъ значеніе и правописаніе. 1902 г. Ц. съ пер. 35 к.

Тренко Ѳ. И. Разборъ элегіи Пушкина. 1901 г. Ц. съ пер. 10 к.

Хованскій А. А. Живое слово и живые факты. 1899 г. Ц. 10 к. съ перес.

Харламовъ М. А. Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи учащихся. 1900 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Цвѣтаевъ Д. В. проф. Варшавское Общество любителей наукъ. 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

Чебышёвъ А. А. Очерки изъ исторіи европейской драмы. 1900 г. Цѣна съ перес. 70 к.

Четыркинъ И. Д. Нѣсколько словъ о педагогическихъ съѣздахъ. 1898 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Четыркинъ И. Д. Памяти А. А. Хованскаго. 1900 г. съ пер. 10 к.

Четыркинъ И. Д. Начальныя свѣдѣнія изъ русской грамматики съ приложеніемъ церк.—славян. азбуки и коренныхъ словъ съ бук. Ѣ. Третье исправл. изд. *одобрен. Учен. Комит. Мин. Нар. Пр.* въ качествѣ руководства для приготов. клас. средн. учебн. завед. Мин. Нар. Пр. 1900 г. Цѣна съ перес. 30 к.

Черняевъ П. Н. Какъ цѣнили переводъ „Одиссеи“ Жуковскаго современ. и послѣд. критики. 1902 г. Цѣна съ пер. 25 к.

Шамраевъ В. Н. О жизни и твореніяхъ Гоголя. 1902 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Шеметова Н. В. Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ. 1900—1902 г. Ц. съ пер. 70 к.

Шеметова Н. В. По прочтеніи «На Днѣ» — Горькаг
Ц. 5 к. съ пер.

Шишмаревъ В. Ѳ. О научныхъ задачахъ исторіи
ры. Ц. 20 к. съ перес.

Щукинъ П. Н. I. Д. В. Григоровичъ, какъ народ
тель. II. Значеніе И. А. Гончарова въ и
литературы. 1901 г. 1902 г. Цѣна съ пе

Щукинъ П. Н. Григоровичъ, какъ народный писате
Цѣна съ пер. 35 к.

Ѳоминъ Д. Н. Значеніе поэтической дѣятельности
1899 г. Ц. съ пер. 20 к.

Ѳоминъ Д. Н. Буква Ѣ въ началѣ словъ (сборник
буквою Ѣ въ коренныхъ словахъ — для
1900 г. Ц. съ пер. 30 к.

Ѳоминъ Д. Н. Два перла классической литера
Ахиллеса и Энея. 1901 г. Цѣна съ пер

Ѳоминъ Д. Н. и Прядкинъ С. Н. Въ защиту
1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

Ѳоминъ Д. Н. О нѣкоторыхъ практическихъ раб
языку. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Ѳоминъ Д. Н. Уроки объяснительнаго чтенія. 19
пер. 25 к.

Ѳоминъ Д. Н. Затруднительные случаи русска
нія. 1901 г. Цѣна съ перес. 25 к.

Ѳоминъ Д. Н. Гекторъ и Андромаха. 1904 г. Ц.

Флёровъ А. П. Библіографія. Житецкій. „Тео
1901 г. Ц. съ пер. 10 к.

„Указатель" статей напечатанныхъ въ „Фило
13 лѣтъ: 1887—1899 г.г. Ц. съ пер.

„Указатель" за 25 лѣтъ: 1860—1886 г.г. Ц.
Оба „Указателя" вмѣстѣ — 40 к. съ п

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1904 г. на журналъ

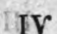
„НОВЫЙ МІРЪ"

VI годъ изд.

Иллюстрированный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, исскусства и прикладныхъ знаній, съ преміями и приложеніями.

Изданіе Товарищества *М. О. Вольфъ*.—Общая редакція *П. М. Ольхина*.

Въ теченіи года каждый подписчикъ „*новаго міра*" получаетъ съ доставкой и пересылкой слѣдующія изданія и преміи къ нимъ: НОВЫЙ МІРЪ богато иллюстрированный литературно-художественный журналъ, въ формѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій, заключающій въ себѣ беллетристику, поэзію, исторію, критику и статьи по всѣмъ отраслямъ знаній. Всего въ годъ 24 №№ ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ иллюстрированный вѣстникъ отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной общественной и экономической жизни Россіи. Въ годъ 24 №№ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУРЬЕРЪ обзоръ событій и явленій въ русскомъ и иностранномъ литературномъ мірѣ, составляющій, вмѣстѣ со „Всемірной Лѣтописью", составную часть „Новаго Міра",—24 №№ ВСЕМІРНАЯ ЛѢТОПИСЬ иллюстрированный обзоръ текущей жизни—политической, общественной и художественной—24 №№ ВРЕМЕННИКЪ Живописной Россіи обзоръ текущей русской жизни, представляющій собою газету-лѣтопись,—24 №№ МОЗАИКА иллюстрированный журналъ прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣтеній, съ хроникой самообразованія и справочнымъ отдѣломъ,—24 №№ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА въколич. 24 книж., въ составъ которыхъ войдутъ **20 романовъ въ 24 томахъ**

7) *Смѣсь.*

8) *Разсказы, стихотворенія и анекдоты.*

9) Свѣдѣнія билiографическаго характера о вновь выходящихъ книгахъ, преимущественно же—касающихся Сибири и Азіатской Россіи вообще и объ ежемѣс. журналахъ.

10) Иностранное обозрѣніе (обзоръ событій въ иностранныхъ государствахъ).

11) Замѣтки наблюдателя (свѣдѣнія о жизни въ Европейской Россіи).

12) Сибирскіе отголоски (свѣдѣнія о жизни въ Сибири)

13) Отвѣты редакціи подписчикамъ.

14) Объявленія.

Редакція съ своей стороны приложитъ всѣ старанія, чтобы изданіе удовлетворяло своему назначенію и давало для лицъ, желающихъ ознакомиться съ Сибирью и Азіатской Россіей, всѣ необходимыя свѣдѣнія въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, а также литературный матеріалъ для чтенія. Въ трудахъ редакціи примутъ участіе многіе сотрудники мѣстныхъ газетъ и др. лица: В. И. Анучинъ, М. Р. Бейлинъ, М. Боголѣповъ, В. П. Булыгинъ, А. Бахаревъ, Р. Л. Вейсманъ, Г. Вяткинъ, З. Д. Вольскій, И. Г. Георгіевскій, А. К. Голодниковъ, И. К. Голубевъ, Ю. А. Горбатовскій. Н. А. Гурьевъ. В. А. Долгоруковъ, К. П. Дубровскій (псевдонимъ). А. А Ершовъ, М. П. Захарченко, П. Ивановъ, М. Кл-нъ (псевдонимъ), Д. Н. Корнатовскій, А. М. Красовскій Е Ф. Кудрявцевъ, С. А. Коваленко, (псевдонимъ). А. А. Колычевъ, П. Н. Копыловъ, И. П. Кузнецовъ. Красноярскій, Е. А. Кругликина, Е. В. Кузнецовъ-Тобольскій С. К. Кузнецовъ, А. В. Клюге, И. Коловратовъ, (псевдонимъ), Р. В. Лоренфонъ, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, Н. Н. Новиковъ, Е. Н. Никитинъ. А. Ордынскій П. В. Оленинъ, А. Рославлевъ, И. О Родіоновъ, А. М. Серебрениковъ, М. М. Самохваловъ, П. В. Скорняковъ, Е. Сергѣевъ, Е. Я. Снѣгурская. А. А. Скороходовъ, Э. Станиславская, М. Тумановъ (псевдонимъ), С. Г. Хрѣнкова, М. И. Цейнеръ, Ф. Ф. Филимоновъ, „Severus“ (псевдонимъ), Н. Г. Чмелевъ, П. Чистяковъ и друг.

Цѣна: въ годъ **4 руб. 50 коп.** съ
За пересылку заграницу добавл

Всѣ подписчики на 1904 годъ
въ видѣ преміи третій выпускъ „А.
довъ", состоящаго изъ художествен
типогравюръ, на хорошей бумагѣ.

Лица, желающія имѣть отзывы
изданіяхъ, благоволятъ доставлять въ

Цѣна объявленій: *1* страница *15*
$^1/_4$ стран. *6*

Подписка и объявленія приним
въ г. Томскѣ, Дворянская ул. N
книжномъ магазинѣ П. И. Макуш
Голубева, Покровка 52 домъ цер
у Д. Н. Корнатовскаго, Моховая,
д. Бекендорфъ; въ Барнаулѣ у час
въ книжн. маг. Н. П. Карбаснико
въ Красноярскѣ въ книжн. маг. А.
дакціи газеты „Енисей", въ Бійскѣ
въ Тюмени у Г. П. Кгаевскаго. О
маются въ Москвѣ въ Центральной
„Л. и Э. Метцль и К°", Мясницая,
рѣ объявленій и подписки І. В. Ба
бянка, № 20.

Редакторъ-Издатель *В*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на

„Церковный В

и

„ХРИСТІАНСКОЕ

съ приложен

Полнаго собранія твореній св

издаваемые при С.-Петербургской

I.

Еженедѣльный журналъ „*Церковный Вѣстникъ*", вступаетъ въ 1904 году въ *тридцатый* годъ изданія.

1) Въ передовыхъ статьяхъ „Церковный Вѣстникъ" даетъ разрѣшеніе волнующихъ общество вопросовъ церковной и общественной жизни, выдвигаемыхъ современностью.

2) Въ статьяхъ церковно-общественнаго характера подвергаются обсужденію съ церковной точки зрѣнія, современныя явленія русской и иностранной жизни.

3) Въ отдѣлѣ „Мнѣнія и отзывы" „Церковный Вѣстникъ" знакомитъ съ выдающимися сужденіями печати, имѣющими живой интересъ для духовнаго читателя.

4) По настойчивому желанію подписчиковъ, „Церковный Вѣстникъ" давно уже на своихъ страницахъ даетъ мѣсто ихъ вопросамъ изъ области церковно-приходской практики.

5) Далѣе печатаются: Корреспонденціи изъ провинціи и изъ-за границы.

6) Библіографическія замѣтки о новинкахъ въ области духовной и свѣтской литературы.

7) Постановленія и распоряженія духовнаго и свѣтскаго правительства.

8) Лѣтопись церковной и общественной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границей, особенно въ родственныхъ намъ по вѣрѣ странахъ.

9) Извѣстія и замѣтки, не нашедшія себѣ мѣста въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ, и 10 объявленія.

II.

Ежемѣсячный журналъ „*Христіанское Чтеніе*", старѣйшій изъ всѣхъ русскихъ духовныхъ журналовъ, вступая въ 1904 году въ восемьдесятъ четвертый годъ изданія, по прежнему будетъ давать:

1) статьи богословскія, философскія и историческія, принадлежащія преимущественно профессорамъ академіи, общезанимательныя по предметамъ, научныя по разработкѣ и доступныя по изложенію.

2) критическіе отзывы о новыхъ болѣе крупныхъ произведеніяхъ богословско-философской и исторической лите-

ратуры, русской и иностранной, а также—обзоръ русскихъ духовныхъ (и отчасти свѣтскихъ) журналовъ.

Выходя въ количествѣ 12-ти книжекъ, каждая отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ, "Христіанское Чтеніе" даетъ въ годъ до 132 печатныхъ листовъ (болѣе 2000 стр.), составляющихъ два тома (по двѣ части въ каждомъ) научно-богословскихъ статей и очерковъ и одинъ томъ журналовъ академическаго совѣта.

III

Съ 1895 года редакція издаетъ «полное собраніе твореній св. Іоанна Златоуста» въ русскомъ переводѣ на слѣдующихъ основаніяхъ:

Въ 1904 году будетъ изданъ *десятый томъ* въ двухъ книгахъ. Въ него войдутъ Бесѣды Св. Іоанна Златоуста на 1 и 2 посланіе Св. Апостола Павла къ Коринѳянамъ и толкованіе на посланіе къ Галатамъ

Тѣ изъ гг. подписчиковъ, которые при подпискѣ или въ теченіе 1904 года пожелали бы получить и первые девять томовъ всѣ вмѣстѣ или порознь, уплачиваютъ за каждый томъ по *два* руб. (имѣсто *трехъ*), въ переплетѣ по *два* руб. *50* коп. съ пересылкой.

Примѣчаніе. По этой льготной цѣнѣ каждый подписчикъ имѣетъ право получить только по одному экземпляру первыхъ девяти томовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ а) за оба журнала 8 (восемь) руб., съ приложеніемъ 10-го тома Твореній Св. Іоанна Златоуста 9 (девять) руб. въ изящномъ переплетѣ—9 руб. 50 коп.

б) отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ" 5 (пять) руб. съ приложеніемъ 10-го тома Твореній Св. Іоанна Златоуста—6 руб. 50 коп. въ изящномъ переплетѣ—7 руб. (на полугодіе 3 руб., съ приложеніемъ 10 го тома Твореній св. Іоанна Златоуста—5 руб., въ переплетѣ—5 руб. 50 коп.); за Христіанское Чтеніе" 5 (пять) руб., съ приложеніемъ 10-го тома Твореній Св. Іоанна Златоуста—6 руб. 50 коп., въ изящномъ переплетѣ—7 руб.

Адресы: «Церковнаго Вѣстника» и «Христіан. Чтенія въ С.-Петербургѣ.

Редакторъ «Церковнаго Вѣстн. проф. свящ. А. Рождественскій.

Редакторъ «Христ. Чтенія» проф. П. Смирновъ.

Плата за объявленія: 20 руб.
10 руб. за половину и 5 руб. за четв
Въ редакціи продаются книжки „Ми
1902—3 г. (первый годъ изданія) по
за годовой экземпля

Редакторъ проф

Открыта подписка на празднующу
десятилѣтній юби

ВСЕОБЩУЮ МАЛЕНЬК

„С.-ПЕТЕРБ

Газета безцензурная.—Изданія

Содержаніе газеты: придворн
ныя, политическія и общественны
дящія къ нимъ статьи; хроника про
ныхъ дѣлъ, новости научныя, истори
о воспитаніи, о загадочныхъ явлені
стихи, замѣтки о спортѣ, театрах
и пр.

Въ теченіе 1904 г. будутъ пом
современ. русской жизни «Три това
чанова и переводъ лучшаго изъ н
романовъ подъ заглавіемъ «Насущн
Въ теченіи года болѣе сотни порт
дѣятелей и рисунковъ текущ

Подписная цѣна съ доставкой
2 р. за полгода 1 р. за 3 мѣс. 50
дороже. Газета выходитъ три раза

Адресъ Типографіи, Редакці
тербургъ, Невскій, 139.

Редакторъ-Изд

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый ежемѣсяч

литературный, историчес

ЖУРНАЛЪ

„ВСЕМІРНЫЙ ВѢС

Направленіе журнала обществен дакція будетъ слѣдить за ходомъ лите турной жизни заграницей и, по мѣрѣ трудовъ въ этой области, а также со мить съ ними своихъ читателей.

Съ первой же (январьской) кни немъ: 1) Неизданныя въ Россіи стихо 2) Посмертные труды А. М. Бобриш споминанія Ф. П. Фонтона (статья эта вышедшаго заграницей (Лейпцигъ, 18 споминанія Н. И. Панаева о холерном поселеніяхъ въ 1831 г. 5) В. П. Б Герценъ, его друзья и знакомые“—мате наго движенія въ Россіи въ XIX стол „Трагедія человѣка“, пер. съ венгерск вича. 7) Функъ Брентано: „Бастилія, ды“,—историческая монографія. 8) Н И. И. Мечникова.

Въ приложеніи начнется печат прив.-доцента *В. В. Святловскаго:* общественныхъ ученій XIX вѣка, кур бургскаго университета 1903—4 г.г изложеніе ученій: Адама Смита, Маль риха Листа, Бастіа, Прудона, Луи Бла саля, Карла Маркса, Луйо Брентано Ммоллера и др.).

Въ журналѣ постоянные отдѣлы жизни, журналовъ, театра, лѣтопись, Въ каждой книжкѣ не менѣе двухъ ной нумераціей страницъ. Журналъ мѣсячно, книжками, около 15 листовъ страціями.

ОТРЫВНОЙ КАЛЕ

на 1904 годъ.

Изданіе Комитета Россійскаго

КРАСНАГО КРЕСТ

по подачѣ первой помощи въ несчастных
мощи пострадавшимъ отъ общественн

———

Три части: I. Отрывной по днямъ,
сячный и III. Годовой календарь-карточ

Соединена программа подробныхъ
ныхъ календарей: I. **Общія свѣдѣнія**: С
службы и чтенія св. Евангелія и Апосто
ственные и неприсутственные дни; орд
посты. Восходъ и заходъ солнца и луны
и Москвы. Выдающіяся событія дня.

Медицинскіе совѣты по подачѣ перв
счастныхъ случаяхъ. Совѣты по домоводств
магъ. Ярмарки и различныя другія свѣд
отдѣлъ: Праздники войсковыхъ частей с
исторіи ихъ. Сроки линейнаго производств
божденіе въ войскахъ иновѣрцевъ отъ за
нымъ парадовъ. Форма одежды.

Размѣръ: Папка 16×10 дюйм.; отр
дюйм.; цифры 4 дюйм. Красивый и внѣш
папки—портикъ въ стилѣ ампиръ въ кра

Цѣна 1 руб.; пересылка по дѣй
сти. Доставка на домъ въ Петербургѣ б

Поступають въ продажу въ большіе книжные и писчебумажные магазины. Складъ изданія и пріемъ требованій:— С.-Петербургъ, Преображенская, 35 (противъ Саперпаго переулка) квартира Завѣдующаго изданіемъ С. П. Лебедева, телефонъ 2143.

Продажа календаря: въ Главномъ Управленіи Краснаго Креста (Инженерная, 9); въ Комитетѣ Краснаго Креста первой помощи (Свѣчной, 9, телефонъ 2636); въ магазинахъ: „Новаго Времени", Главнаго Штаба, Карбасникова, Кудрявцева, Башкова и другихъ.

Сочиненія Н. Н. Вакуловскаго.

1) Значеніе растеній для здоровья вообще и въ городскихъ поселеніяхъ въ особенности. Чтенія въ Обществѣ Садоводства въ С.-Петербургѣ. Цѣна 50 коп.

2) Слова и ноты студенческой пѣсни. Gaudeamus igitur. Ц. 35 коп., 10 экз. 3 руб.

Адресъ: Портъ Императора Александра III (въ г. Либавѣ), у автора.

ОТКРИВА СЕ ПОДПИС

за II-та година на

„РОДОПСКИ НАПРѢ

мѣсечно илюстровано списание за наука, об
и народни умотворения.

«Родопски Напрѣдъкъ» и прѣзъ II-та
ари, 1904 г., ще излиза всѣки мѣсецъ, о
густъ, по сжщата програма и размѣръ от
списанието се печататъ научно-популярни
фията, историята живота, езика, флората
и пр. на разнитѣ Родопски покрайнини съвм
тѣ имъ страни и Бѣломорскитѣ крайбрѣж
сти изъ миналото и сегашното на Родоп
тѣхното социално-икономично положение
изтурчването на помацитѣ, животописни
лѣжити Родопчани и народни умотворения
суевѣрия, нрави обичаи и пр. и пр.), необ

Въ всѣка книжка ще се помѣстват
отъ по двѣ илюстрации отъ фотографичн
ставляющи живописни пейсажи, народни
типове и други такива изъ бита на Родоп

Всичко що се отнася до списанието
статии и пр.) се отправя до Ст. Н. Шиш
на мжжкото III-то кл. училище въ г. Стан

Всѣки, който запише и събере петь
право да задържи 10% отъ сумата, а от
повече—15%.

П. П. Въ I-та годишнина на «Родоп
между другото сж помѣстени и статиитѣ: Р
отъ обществено-икономично гледище; Овцев
нитѣ Родопи; Градиво по географията на
въ Родопитѣ; Изъ южнитѣ склонове на
бѣлѣжки); Изъ кражкитѣ явления въ Ро
и народни умотворения, необнародвани до

Поржчки безъ прѣдплати не се изп

Годишенъ абонамент

За България 4 лева.
А за чужбина 6 лева.

От Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

Воронежской губ. на 1904 годъ, изданная Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ подъ редакціей Секретаря Комитета **Д. Г. Тюменева.**

Содержаніе: Воронежскій календарь. Мѣстные праздники и крестные ходы въ Воронежской губ. и Православный мѣсяцесловъ.

Отдѣлъ I-й Справочный. Россійскій Императорскій Домъ. Главное Управленіе Россіи. Распоряженія Правительства: 1) Объ отмѣнѣ круговой поруки крестьянъ по уплатѣ окладныхъ сборовъ. 2) Правила объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей. 3) Объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей положенія о взаимномъ страхованіи отъ огня. 4) Объ учрежденіи въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи полицейской стражи. 5) О ветеринарно-полицейскихъ мѣрахъ по предупрежденію и прекращенію заразныхъ и повальныхъ болѣзней на животныхъ и по обезвреживанію сырыхъ животныхъ продуктовъ. Уставъ Воронежской Городской торговой школы. Уставъ Воронежской кассы взаимнаго вспоможенія на случай смерти. Уставъ общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Воронежской губ.

Правила о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли въ области Сыръ-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую.

Списокъ Воронежскихъ архипастырей, губернато-

ровъ, губернскихъ предводителей дв
скихъ головъ г. Воронежа.

Дѣленіе Воронежской губерніи
номъ и другихъ отношеніяхъ.

Отдѣлъ II й статистическій.

Отдѣлъ III-й научно-литера
жизни о дѣятельности святителя М
епископа Воронежскаго. Къ двухсот
ны Святителя. (23 ноября 1703—190
ликарповъ. Евгеній Львовичъ Марко
В. В. Литвиновъ. Договорныя гр
князей XV в., какъ источникъ для
скаго края. *С. Введенскій* Слабый
родовъ Воронежской губ. и незначит
экономическаго вліянія. *В. П. Менж*
ные уроженцы г. Воронежа и Вороне
Литвиновъ.

Производство крестьянскаго сук
слы среди женскаго населенія Нов
В. В. Литвиновъ. Васька Желтовск
исторіи раскола въ Воронежскомъ кра
фанъ,—по архивнымъ документамъ).

Воспоминанія о Т. И. Рубашев
скаго.

Отдѣлъ IV-й Адресъ-Календар
по г. Воронежу и по Воронежской
Адресъ-Календарю служащихъ по г.
нежской губ. *Объявленія.*

Цѣна книжки 1 р. 50 к. Прода
Губернскаго Статистическаго Комит
скаго Правленія) и въ книжныхъ м

Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки — *семь* руб.; съ доставкою — *7* руб. *50* коп.; для иногородныхъ съ пересылкою — *восемь* руб.; за границу — *девять* руб. въ годъ.

Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за *шесть* руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока.

Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Жур. Мин. Нар. Просв., за апрѣль 1902 года).

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

Принимается подписка на 1904 г. на журналъ

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ"

издаваемый при Главномъ Управленіи военн-учебн. заведен.

Выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 5 до 7—8 печатныхъ листовъ.

Условія подписки:

Безъ доставки 4 р., 50 коп., съ доставкой и пересылкой 5 р., за границу 6 р., 50 коп.

Подписка принимается въ книжномъ складѣ коммиссіонера военно-учебн. заведеній В. А. Березовскаго С.-ПБ Колокольная, 14. Для иногородныхъ адресъ въ редакцію: С.-Петербургъ, Саперный переулокъ, д. № 6, квар. 2.

Редакторъ *А. Н. Острогорскій.*

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЫПУСКЪ II.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ II ВЫПУСКА.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЫПУСКЪ II.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ II ВЫПУСКА.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“

44-й годъ изд. ВЪ 1904 ГОДУ — **44-й годъ изд.**

ЖУРНАЛА,

посвященнаго изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

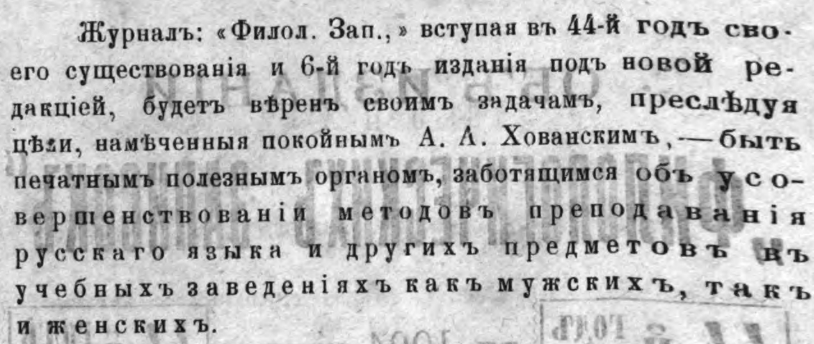
ОСНОВАННАГО ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Издается безъ предварительной цензуры.

«Филологическія Записки» одобрены и рекомендованы къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній всѣми Вѣдомствами, въ которыя были представлены Редакціей журнала, а именно: 1) Ученымъ Комит. Минист. Народнаго Просвѣщ. для библ. среднихъ и низшихъ учебн. завед., 2) Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед. для библ. кадетскихъ корпусовъ, 3) Совѣтомъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдомства Императрицы Маріи для библ. учебн. завед. сего Вѣдом., 4) Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ для библ. духовныхъ семинарій и училищъ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ для библ. коммерческихъ училищъ. На первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

Журналъ: «Филол. Зап.,» вступая въ 44-й годъ своего существованія и 6-й годъ изданія подъ новой редакціей, будетъ вѣренъ своимъ задачамъ, преслѣдуя цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ, — быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботящимся объ усовершенствованіи методовъ преподаванія русскаго языка и другихъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Страницы журнала: «Филол. Зап.», открыты для каждаго, желающаго высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія родного языка и другихъ предметовъ. Обмѣнъ мыслей между преподавателями въ спеціальномъ печатномъ органѣ по назрѣвшимъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ — великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

Въ 1904 году, по просьбѣ нѣкоторыхъ педагоговъ, будутъ помѣщаться открытые вопросы и отвѣты на нихъ.

Журналъ: «Филол. Зап.», носящій, повидимому, такое спеціальное названіе, по волѣ основателя его, — вполнѣ доступенъ, безусловно полезенъ и интересенъ по своему содержанію каждому желающему получит[ь] нужныя для него научныя свѣдѣнія.

Основанный исключительно съ благою цѣлью — быт[ь] полезнымъ органомъ для преподавателей, онъ имѣет[ъ] полное право на сочувствіе и поддержку съ ихъ сторо[-] ны какъ содѣйствіемъ болѣе широкаго распространені[я] изданія, такъ и вкладомъ своего труда.

Вѣрная гарантія журнала — *одобреніе и рекомен[-] дація* къ пріобрѣтенію «Фил.» Зап.» въ библ. учебн. зав. высшими учеными учреждені[я]ми разныхъ вѣдомствъ (см. 1 стр.).

Журналъ «Филол. Зап.», выходитъ безсрочными выпусками шесть разъ въ годъ, отъ 8 до 9 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, отъ 16 до 18 листовъ.

ЦѢНА годовому изданію 6 р. безъ пересылки, 7 р. съ перес.,—за границу 8 р. съ пер. Для г.г. преподавателей и преподавательницъ 6 р. съ пер.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и лишней переписки, контора «Фил. Зап.» покорнѣйше проситъ своихъ уважаемыхъ подписчиковъ 1) заявлять о подпискѣ на журналъ возможно раньше, 2) по возможности обращаться съ подпиской прямо въ контору, 3) высылать подписную годовую плату полностію—7 р.

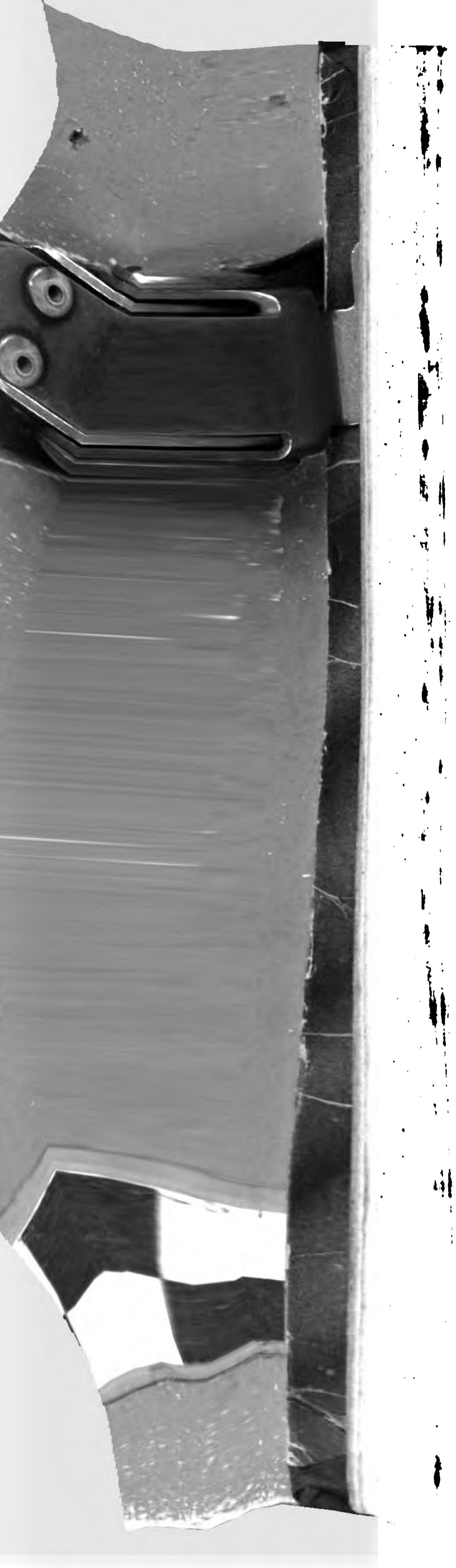
Въ конторѣ редакціи имѣются въ продажѣ—

1) «Филол. Записки» за прежніе годы (до 1899 г.),—за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901, 1902, 1903 г.г. 7 р. съ пер. за шесть вып. Желающимъ пріобрѣсти «Фил. Зап.» сразу за нѣсколько лѣтъ дѣлается значительная уступка,—

2) оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ (Каталогъ этихъ брошюръ высылается безплатно);

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ—30 к. съ пер., «Указатель» за слѣдующія 13 лѣтъ 25 к. съ пер., за оба «Указателя» вмѣстѣ 40 к. съ пер.

Условія для книгопродавцевъ: «Филол. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто 6 р. 50 к. за 6 р 20 к.

съ пер.—за 1899, 1900 и 1901, 1902, 1903 года вмѣсто 7 р.—6 р. 65 к. съ пер., за границу вмѣсто 8 р.—7 р. 60 к. съ перес.; за соединенные 2 выпуска 2 р. 20 к. съ пер., брошюры со скидкою 10%.

ПОДПИСКА принимается въ Воронежѣ, въ конторѣ журнала: «Филологическ. Зап.», Старо-Московск. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20-й.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ «Фил. Зап.», слѣдующая: въ концѣ текста за страницу—10 р., 1/2 стран.—5 р., 1/4 стран.—3 р., 1/8 стран.—2 р. Въ началѣ текста цѣна по соглашенію. За разсылку объявленія въ журн., вѣсомъ не болѣе лота: за одинъ разъ 15 р., за два—25 р., за три 35 р.

Редакторы*) { С. Н. Прядкинъ, Б. О. Гаазе.

Издательницы-наслѣдницы А. А. Хованскаго.

*) Адресы редакторовъ { Сергѣя Никаноровича Прядкина—Халютинская ул., д. № 2/21; Бертрама Оскаровича Гаазе—Садовая ул., домъ Шерферъ, № 17.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЪ „Филологическихъ Записокъ".

Вслѣдствіе не разъ возникавшихъ недоразумѣній по поводу заявленій нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ и подписчиковъ, обращающихся непосредственно къ редакторамъ журнала: «Ф. З.», относительно, напр., задержки вып. журнала или оттисковъ авторскихъ статей и пр., мы честь имѣемъ заявить, что вся матеріальная часть по веденію дѣла изданія «Ф. З.» всецѣло принадлежитъ намъ, издательницамъ-наслѣдницамъ основателя «Ф. З.» А. А. Хованскаго.

Всѣ расходы по изданію, какъ-то: уплата за бумагу, печатаніе выпусковъ журнала и оттисковъ статей, брошюровка и почтовый расходъ, пріемъ подписки, разсылка журнала и оттисковъ, условія съ книжными магазинами и редакціями изданій, веденіе редакціонныхъ книгъ, корректура, корреспонденція по изданію журнала и пр.,—все это находится въ вѣдѣніи нашемъ, почему покорнѣйше просимъ съ запросами, требованіями и заявленіями обращаться или въ контору редакціи, или лично къ намъ, издательницамъ, а не къ редакторамъ, отвѣтственнымъ только за содержаніе журнала, его программу и направленіе.

Издательницы-наслѣдницы

А. А. Хованскаго.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЪ

„Филологическихъ Записокъ".

Вслѣдствіе не разъ возникавшихъ недоразумѣній по поводу заявленій нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ и подписчиковъ, обращающихся непосредственно къ редакторамъ журнала «Ф. З.», относительно, напр., задержки выхода журнала или оттисковъ авторскихъ статей и пр., мы честь имѣемъ заявить, что вся матеріальная часть по веденію дѣла изданія «Ф. З.» всецѣло принадлежитъ намъ, издательницамъ-наслѣдницамъ основателя «Ф. З.» А. А. Хованскаго.

Всѣ расходы по изданію, какъ-то: уплата за бумагу, печатаніе выпусковъ журнала и оттисковъ статей, брошюровка и почтовый расходъ, пріемъ подписки, разсылка журнала и оттисковъ, условія съ книжными магазинами и редакціями изданій, веденіе редакціонныхъ книгъ, корректура, корреспонденція по изданію журнала и пр.,—все это находится въ вѣдѣніи нашемъ, почему покорнѣйше просимъ съ запросами, требованіями и заявленіями обращаться или въ контору редакціи, или лично къ намъ, издательницамъ, а не къ редакторамъ, отвѣтственнымъ только за содержаніе журнала, его программу и направленіе.

Издательницы-наслѣдницы

А. А. Хованскаго.

Политическая роль античнаго театра *).

(Посвящается Ѳ. Ф. Зѣлинскому).

II.

Цицеронъ въ своей рѣчи: «Pro Sestio» (50, § 106), говоритъ: «tribus locis significari maxime de re publica populi Romani iudicium ac voluntas potest: contione, comitiis, ludorum gladiatorumque consessu» [66]). Драмы одного изъ первыхъ драматурговъ Рима подтверждаютъ заявленіе Цицерона, что театръ, между прочимъ, служилъ мѣстомъ выраженія общественнаго мнѣнія. О Невіи [67]) Авлъ Геллій сообщаетъ [68]): «De

*) Окончаніе. См. I в. 1904 г.

[66]) (Текстъ приведенъ по Baiter'у). «Въ трехъ мѣстахъ больше всего можетъ обнаруживаться сужденіе и образъ мыслей римскаго народа въ дѣлахъ государственныхъ: на сходкѣ, въ народныхъ собраніяхъ, въ публикѣ на сценическихъ и гладіаторскихъ играхъ».

[67]) O. Ribbeck. „Geschichte d. röm. Dichtung" I, 2 p. 22.

[68]) „Noctes Attic." III, 3, 15. «Относительно Невія намъ извѣстно, что онъ въ тюрьмѣ написалъ двѣ драмы: «Гаріола» и «Леонта», когда за постоянное злословіе и порицанія, которыя онъ, по обычаю греческихъ поэтовъ, произносилъ по адресу первыхъ лицъ государства, тріумвиры (тюремная власть) въ Римѣ бросили его въ темницу. Оттуда онъ впослѣдствіи, благодаря стараніямъ народныхъ трибуновъ, былъ выпущенъ, такъ какъ въ тѣхъ, выше названныхъ, драмахъ загладилъ свои проступки и дерзкія рѣчи, которыми онъ раньше многихъ задѣлъ».

Naevio accepimus, fabulas eum in carcere duas scripsisse «Hariolum» et «Leontem», cum ob assiduam maledicentiam et probra in principes civitatis de Graecorum poëtarum more dicta in vincula Romae a triumviris coniectus esset. Unde post a tribunis plebis exemptus est, cum in his, quas supra dixi, fabulis delicta sua et petulantias dictorum, quibus multos ante laeserat, diluisset». Въ другомъ мѣстѣ [69]) тотъ же авторъ пишетъ слѣдующее: «Scipionem istum, verone an falso incertum, fama tamen, cum esset adulescens, haud sincera fuisse et propemodum constitisse, hosce versus a Cn. Naevio poëta in eum scriptos esse:

Etiám qui res mágnas manu saepe géssit glorióse,
Cuius fácta viva núnc vigent, qui apud géntes solus praéstat,
Eum suús pater cum pállio unod ab amica abdúxit.

His ego versibus credo adductum Valerium Antiatem adversus ceteros omnis scriptores de Scipionis

[69]) VII, 8. 5. «Неизвѣстно, справедливо ли, или нѣтъ, но только Сципіонъ въ молодости не пользовался безупречной репутаціей, и почти установилось мнѣніе, что вотъ какіе стихи написалъ на него поэтъ Кн. Нэвій: «Даже того, кто не разъ славно оканчивалъ важныя предпріятія; чьи дѣянія теперь живы и являются въ полномъ блескѣ; кто одинъ выше всѣхъ въ глазахъ свѣта, даже того отецъ увелъ отъ подружки въ одной рубашкѣ» (O. Ribbeck. Com. Rom. frag.² p. 28 vv. 108—110). Я думаю, что Валерій Антіатъ подъ вліяніемъ этихъ стиховъ составилъ себѣ о Сципіонѣ мнѣніе, идущее въ разрѣзъ съ мнѣніемъ прочихъ писателей, и пишетъ, несогласно съ высказаннымъ нами выше, что той плѣнной дѣвушки Сципіонъ не возвращалъ отцу, а удерживалъ ее при себѣ и пользовался ею для любовныхъ наслажденій».

moribus sensisse et eam puellam captivam non redditam patri scripsisse contra quam nos supra diximus, sed retentam a Scipione atque in deliciis amoribusque ab eo usurpatam».

Съ первымъ изъ этихъ свидѣтельствъ Геллія уже давно ставятъ въ связь то мѣсто «Miles Gloriosus» Плавта, гдѣ Периплекоменъ восклицаетъ:

«Apage, non placét profecto mihi illaec aedificátio,
nam ós columnatúm poëtae esse ínaudivi bárbaro,
quoí bini custódes semper tótis horis óccubant» [70]).

Кромѣ этихъ случаевъ, политическій характеръ которыхъ несомнѣненъ, среди фрагментовъ драматическихъ произведеній Нэвія можно отыскать не мало такихъ, относительно которыхъ легко допустима ихъ связь съ современностью. Сюда я отнесъ бы слѣдующіе два отрывка чуть ли не изъ самой лучшей его комедіи: «Тарентиллы»:

«Quae ego in theatro hic meis probavi plausibus,
ea nunc audere quemquam regem rumpere?
quanto libertatem hanc hic superat servitus» [71]).

Эти слова, сказанныя устами какого-нибудь изъ персо-

---

[70]) Pl. „Mil. Gl." 210—212 «Къ черту! Не нравится мнѣ, право, такое положеніе: я слышалъ, что лицо подперто рукой у иностранца-поэта, подлѣ котораго постоянно, всечасно лежатъ два караульныхъ».

[71]) O. Ribbeck. Com. Rom. fr. [3] p. 22, № 1. Nunc—конъектура Л. Мюллера. (Bothe) Ж. М. Нар. Пр. 1885, отд. клас. фил., стр. 290. Л. Мюллеръ полагалъ, что подъ regem надо разумѣть aedilem vel alium magistratum. «Неужели то, что я одобрилъ здѣсь, въ театрѣ, своимъ рукоплесканіемъ, дерзаетъ теперь уничтожить какой-нибудь деспотъ? Какъ здѣсь (въ театрѣ) рабство преобладаетъ надъ нашей (общей) свободой!»

нашей пьесы, а вѣрнѣе всего пролога, очень подходятъ къ задорному, самоувѣренному тону Невія.

Точно также въ виду начинавшей къ тому времени все сильнѣе сказываться эллиноманіи злободневный характеръ могли носить и слѣдующіе стихи изъ той же пьесы:

«Primum ad virtutem ut redeatis, abeatis ab ignavia,
Domi patres patriam ut colatis potius quam peregri probra [72]».

Вполнѣ примѣнимо къ событіямъ, имѣвшимъ въ Римѣ мѣсто послѣ битвы при Тразименскомъ озерѣ, слѣдующее двустишіе, сохраненное Цицерономъ въ трактатѣ: «Cato maior» (6, § 20):

«Cedo, qui vostram rem publicam tantam amisistis tam cito»? на что слѣдовалъ отвѣтъ: «Proveniebant oratores novi, stulti adulescentuli» [73]). Правда, O. Ribbeck этотъ отрывокъ относилъ [74]) къ претекстѣ «Lupus», но для этого нѣтъ никакого серьезнаго основанія, какъ это доказалъ Л. Мюллеръ [75]), указав-

---

[72]) Ibid. p. 25, № 12. «Первымъ долгомъ, чтобы вернуться къ мужеству, отрѣшитесь отъ вялости, чтобы вамъ лучше, какъ отцамъ, дома заниматься отечествомъ, чѣмъ за границей пороками».

[73]) O. Ribbeck. Trag. Rom. frag. [2] p. 322. «Скажи, пожалуйста, какъ это вы такъ скоро потеряли свое столь великое государство?» «Стали выступать новые ораторы, глупые молокососы».

[74]) „Die Römische Tragoedie“ p. p. 63—66.

[75]) „Q. Ennius“. S. Petersburg 1884, p. 85, и Ж. М. Нар. Пр. 1885, отд. клас. фил. стр. 294, и ibid. 1889, май 53.

шій на то, что этотъ стихъ уже потому не могъ быть заимствованъ изъ римской исторической пьесы, что у Цицерона ему предшествуютъ слѣдующія слова: «Quodsi legere aut audire voletis externa, maximas res publicas ab adulescentibus labefactatas, a senibus sustentatas et restitutas reperietis» [76]). Эти слова Цицерона достаточно ясно показываютъ, что это двустишіе можно быть извлечено только изъ палліаты, которыя были далеко не свободны отъ обличительныхъ намековъ на римскую дѣйствительность, какъ это показываютъ хотя бы комедіи Плавта. Такимъ образомъ у насъ нѣтъ никакой настоятельной нужды вносить въ текстъ Цицерона конъектуры и отвергать возможность существованія у Невія палліаты подъ заглавіемъ: «Ludus».

Комедіи Плавта, Теренція и другихъ авторовъ палліаты должны быть совершенно выдѣлены изъ общаго теченія политической драмы, какъ настоящій отпрыскъ ново-аттической комедіи. Кромѣ того, эти произведенія переводной литературы не могли служить откликомъ на какія-либо событія римской жизни, въ виду той относительной точности, съ какою римскіе переводчики придерживались оригинала, созданнаго въ далекой Аттикѣ за много десятковъ лѣтъ раньше. Но, чѣмъ слабѣе была ихъ тенденціозная окраска, тѣмъ больше они имѣли цѣны, какъ плоды чисто эстетическаго направленія въ области искусства. Это съ особенной ясностью обнаруживается въ пьесахъ Теренція, который держится на гораздо большемъ разстояніи отъ своихъ зрителей, чѣмъ

[76]) «И если вы захотите почитать или послушать исторію иноземныхъ краевъ, то найдете, что молодежь расшатывала величайшія государства, а старики поддерживали и возстановляли».

Плавтъ. Нервный, страстный темпераментъ Плавта какъ бы толкаетъ его вступать въ непосредственныя сношенія съ своими зрителями, заставляя актеровъ отъ поры до времени перекинуться двумя-тремя фразами съ публикой, которая должна выйти на время изъ пассивной роли стороннихъ наблюдателей и стать свидѣтелемъ, а иной разъ и судьею въ томъ спорѣ, который происходитъ передъ ней на сценѣ [77]).

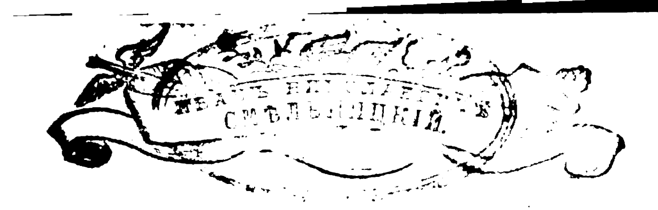
Эти случаи заговариванія съ публикой, неизвѣстные въ античной трагедіи и совершенно отсутствующіе въ пьесахъ Теренція, что чрезвычайно важно при сравненіи особенностей его авторской физіономіи съ Плавтомъ, придаютъ особенную живость тѣмъ сценамъ, гдѣ они имѣютъ мѣсто, заставляя зрителя даже противъ его воли перестать быть безучастнымъ наблюдателемъ того, что происходитъ на сценѣ, и съ бóльшимъ вниманіемъ прислушиваться къ словамъ актера. Понятно, что художественная цѣна этого сценическаго эффекта такъ не

---

[77]) См. Bacc. 1072; Aul. 716; Cist 678; Most. 280, 709; Rud. 1418; Truc. 109, 482. Совсѣмъ иной характеръ носитъ заключительная часть Casina (v. v. 1011—1018), начинающаяся словами: „spectatores, quod futurumst, id memorabimus" („зрители, мы скажемъ о томъ, что будетъ"), напоминающая конецъ Теренціевой „Andria", гдѣ Давъ говоритъ:

„ne éxpectetis dum éxeant huc: íntus despondébitur;
intus transigétur, si quid ést quod restat„. (v. v. 980 sq).

„Не ждите, пока они выйдутъ сюда: помолвка произойдетъ въ домѣ; въ домѣ же завершится все, что еще остается». Эти обѣ сцены имѣютъ много сходства съ „prologus narraticius", вмѣстѣ съ которымъ онѣ въ этихъ пьесахъ, какъ рамка, охватываютъ самую комедію, являющуюся въ такомъ случаѣ развитіемъ въ драматической формѣ одной изъ частей эпическаго цѣлаго.

высока, что онъ имѣлъ и имѣетъ мѣсто только въ пьесахъ, написанныхъ въ разсчетѣ на неособенно тонкую, мало развитую публику, вниманіе которой можетъ быть поддерживаемо только такими экстро-ординарными средствами. Но и въ этихъ случаяхъ непосредственнаго вовлеченія публики въ общій ходъ представленія Плавтъ никогда не выходитъ за тѣ границы, которыя строго были установлены творцами ново-аттической комедіи, и держится вдали отъ намековъ на политическіе интересы своихъ зрителей. Если же въ его пьесѣ: «Cistellaria», богиня Помощи (Auxilium) оканчиваетъ свою бесѣду съ зрителями совѣтомъ: «parite laudem et lauream, ut vobis victi Poeni poenas sufferant» [78]), то надо имѣть въ виду, что на пространствѣ всѣхъ комедій Плавта не найти болѣе остраго намека на тѣ событія, которыя въ ту пору не могли не волновать всякаго римлянина, и понятно, что болѣе пріятнаго въ то время для римской публики пожеланія богиня Помощи не могла выбрать. Также по сердцу должны были прійтись этой публикѣ и насмѣшки надъ кареагенянином [79]) и его спутниками [80]) въ комедіи: «Poenulus». Но эти насмѣшки,

[78]) v. v. 201—202 „заслужите хвалу и лавровый вѣнокъ, чтобы побѣжденные пуніицы пеню вамъ уплатили".

[79]) Poenul", v. 975: quae illaec avis est, quae huc cum tunicis advenit? 1121 Novistin tu illunc tunicatum hominem, qui siet. 1313 Sane genus hoc mulierosumst tunicis demissiciis. „Что это за птица идетъ сюда въ (одной) рубашкѣ"? „Знаешь ли ты, кто этотъ человѣкъ тамъ, одѣтый въ (одну) рубашку?" „Конечно, это обабившійся родъ людей въ длинныхъ рубахахъ".

[80]) Opinor digitos in manibus non habent, quia incedunt cum anulatis auribus. v. 980, 981. „Я думаю, у нихъ нѣтъ пальцевъ на рукахъ, потому что они расхаживаютъ съ ушами, украшенными кольцами".

въ сущности направленныя по адресу не самихъ карѳагенянъ, а ихъ невиданнаго и, стало быть, потѣшнаго костюма, могутъ быть нами правильно оцѣнены только въ томъ случаѣ, если мы вспомнимъ хотя бы тѣ эпитеты, какими награждаются нѣкоторые чужестранцы въ комедіяхъ Аристофана [81]). И ужъ конечно, Агорастоклъ и Мильфіонъ [82]) такъ скупы на насмѣшки не отъ недостатка въ остроуміи, а потому что Плавтъ связанъ по рукамъ и по ногамъ литературнымъ преданіемъ ново-аттической комедіи. Правда, въ концѣ пьесы Антерастилида набрасывается на потѣшнаго карѳагенянина съ градомъ такихъ эпитетовъ:

«Tune hic amator audes esse, hallex viri,
aut contrectare, quod mares homines amant,
deglupta mena, sarrapis sementium,
manstruca, halagorasama tum autem plenior
alli ulpicique, quam Romani remiges». [83]) Но

стоитъ только сравнить эту сцену хотя бы съ тѣми ругательствами, какими осыпаетъ у Теренція Пиѳія фальсифицированнаго Евнуха [84]), и станетъ яснымъ, что и Антерастилида охвачена тоже не шовинизмомъ, когда такъ отчитываетъ Ганнона.

Отрицательныя черты для изображенія карѳагенянъ настолько обычны въ римской литературѣ, что долго останавливаться на этомъ едва ли стоитъ. Приведу для

81) Acharnes. 95 sq. Lysistr. 982 sq.

82) Въ выше названной комедіи „Poenulus".

83) Poen. V. s. „Ты это, мальчикъ-съ-пальчикъ, дерзаешь являться здѣсь любовникомъ и трогать то, что любятъ мужчины? Ахъ ты облупленная селедка!.... да ты еще больше пропитанъ чеснокомъ и лукомъ, чѣмъ римскіе гребцы!"

84) Ter. Eun. 643 sq.

образца два-три примѣра изъ — «Bellum Punicum» Силія Италика. Въ первой книгѣ его поэмы Муррь обращается къ Ардану съ злораднымъ восклицаніемъ (I 384): «fallax Poene, iaces!» [85]) Въ VI-й книгѣ Силій называетъ кароагенянъ infidi [86]), а въ XI-й онъ говоритъ о «palmis rumpenti foedera Poeno» (XI, 5) [87]). Взглядъ именно Силія Италика для насъ тѣмъ болѣе интересенъ, что за нимъ скрывается писатель гораздо болѣе древній, а именно Энній, 8-я и 9-я книги «Анналъ» котораго не могли не оказать своего вліянія на «Punica» — Италика при подражательномъ характерѣ его [88]) дарованія. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что самъ Силій указываетъ на Эннія, какъ на одного изъ своихъ предшественниковъ [89]). Съ особенной болью должны были бы отозваться въ сердцахъ римской публики слова Агорастокла относительно его познаній въ пунійскомъ языкѣ: «qui scire potui, dic mihi, qui illinc sexennis perierim Carthagine» [90]). Мнѣ кажется, что издатели этой комедіи лишаютъ всей силы и всякаго значенія слѣдую-

---

85) „Лукавый пуніецъ, ты лежишь!"

86) VI 64: „infidis servasse fidem memorabere Poenis". „Скажуть, что ты по отношенію къ пунійцамъ вѣроломнымъ вѣрность соблюдалъ".

87) „О пунійцѣ, открыто нарушающемъ договоры".

88) См. Wezel. „De Sil. Italici cum fontibus tum exemplis". Lipsiae 1873. Heynacher. Ueber die Stellung des Silius Italicus unter den Quellen zum zweiten Punischen Kriege". Berlin 1877. L. Müller. „Q. Ennius". S. Petersburg, 1884 p. 172. А. И. Быковъ. „Силій Италикъ" „Жур. Мин. Нар. Просв." 1886, апрѣль. Стр. 69—73. отд. отт.

89) Sil. Ital. Punica XII 393.

90) Plaut. Poenul. v. v. 986—987.

щее восклицаніе: «Pro di immortalis, plurumei ad illum modum perieri pueri liberi Carthagine» [91]), оставляя его въ устахъ Ганнона, тогда какъ въ устахъ хотя бы Мильфіона они получили бы особую силу и окраску, являясь невольно прорвавшимся жалобнымъ стономъ о погибшихъ въ кареагенскомъ плѣну соотечественникахъ автора.

Послѣ этихъ очень невинныхъ по существу отголосковъ политическихъ страстей уже совсѣмъ беззубыми являются тѣ немногія схожія мѣста, которыя можно найти въ остальныхъ комедіяхъ Плавта, при чемъ постоянно нужно бояться, какъ бы не допустить натяжки и придать словамъ Плавта такой злободневный характеръ, котораго они въ дѣйствительности вовсе не имѣютъ.

Можетъ быть, напримѣръ, слѣдующія слова Меркурія, произносящаго прологъ въ «Amphitruo»:

«Virtúte dixit vós victores vivere,
non ámbitione néque perfidia» [92]),

надо сопоставлять съ вошедшей въ поговорку perfidia кареагенянъ.

Въ словахъ пролога къ—«Casina»: «nunc novae quae prodeunt comediae multo sunt nequiores quam nummi novi» [93]), нельзя не видѣть связи съ однимъ эпи-

---

[91]) „О безсмертные боги! Очень много свободныхъ юношей погибло такимъ образомъ въ Кареагенѣ".

[92]) Plaut. Amphitr. v. v. 75 sq. „Благодаря доблести" сказалъ онъ (Юпитеръ): „живете вы побѣдителями, а не чрезъ заискиванье и вѣроломство".

[93]) V. v. 9—10. „Теперь вновь появляющіяся (на сценѣ) комедіи много хуже новыхъ монетъ.

зодомъ изъ исторіи римской финансовой политики. Пуническія войны такъ сильно отразились на состояніи римской государственной казны [94]), что римлянамъ, послѣ отказа изъ національной гордости отъ матеріальной поддержки со стороны союзниковъ [95]), оставалось только одно средство для выхода изъ затруднительнаго положенія, а именно выпускъ плакированной монеты, что и случилось послѣ битвы при Тразименскомъ озерѣ, если вѣрить свидѣтельству Зонары [96]). Кромѣ выпуска этихъ субэратовъ, къ которому пріурочиваетъ слова пролога къ «Casina» и проф. Шерцль [97]), они могли быть вызваны также и той редукціей [98]), серебряной монеты, начало которой Плиній относитъ какъ разъ ко времени Пуническихъ войнъ [99]).

Уже выше былъ отмѣченъ намекъ Плавта («Miles». 211—212) на судьбу поэта Нэвія, при чемъ необходимо подчеркнуть осторожность Плавта, воздержавшагося отъ

---

[94]) Ср. Liv. XXIII. 21. 6. XXIV 18, 10.

[95]) Liv XXII. 32. 4—9; 36, 9.

[96]) Ann. VIII, Ἱέρωνος πολλὰ πεπομφότος, σῖτον καὶ Νίκης ἄγαλμα οἱ Ῥωμαῖοι μόνα ἔλαβον, καίπερ ἐν ἀχρηματίᾳ ὄντες, ὥστε ἀργυροῦν νόμισμα, ἀμιγὲς καὶ καθαρὸν γινόμενον πρότερον, χαλκῷ προσμῖξαι. См. Р. Шерцль. „Римское монетное дѣло". Харьковъ. 1893. Стр. 73. „Когда Гіеронъ прислалъ (римлянамъ) много пожертвованій, римляне приняли только хлѣбъ и изображеніе „Побѣды", несмотря на то, что у нихъ замѣчалось такое безденежье, что въ серебряной монетѣ, бывшей раньше безъ примѣси (постор. металла) и чистой, они стали допускать примѣсь мѣди".

[97]) Op. cit. стр. 184.

[98]) Ibid. 180, 169.

[99]) Plin. N. H. XXXIII. 44.

всякой оцѣнки этого событія и не показавшаго явно врителямъ, на чьей сторонѣ находится его личная симпатія.

Комедіи Теренція, еще болѣе удаленныя отъ текущихъ интересовъ римской жизни, по этому самому не могли имѣть никакого политическаго значенія. Единственный разъ только Теренцій нарушилъ свой обычай и заставилъ пролониста въ «Adelphoe» произнести такія слова, которыя имѣли прямое отношеніе къ однимъ изъ самыхъ крупныхъ представителей римскаго политическаго міра. Докучливые намеки Лусція Ланувина и его приспѣшниковъ, старавшихся посѣять подозрѣніе, будто Теренцій значительную долю своихъ авторскихъ правъ долженъ уступить Сципіону и Лелію, помогавшимъ ему и въ писаніи комедій, встрѣтили съ его стороны такую шутливую отповѣдь:

«Quod illi maledictum vehemens esse existumant,
eam laudem hic ducit, máxumam, quom illis placet,
qui vóbis universis et populó placent,
quorum ópera in bello, in ótio, in negótio
suo quísque tempore úsust sine supérbia» [100]).

Можно держаться разнаго мнѣнія насчетъ тѣхъ причинъ [101]), какія заставили Теренція такъ деликатно обойти этотъ очень щекотливый вопросъ, вовсе его не

[100]) Ter. Adel. 17—21. «Что тѣ (завистники поэта) считаютъ сильной хулой, то онъ (поэтъ) признаетъ величайшей похвалой для себя, разъ онъ нравится тѣмъ лицамъ, которыя нравятся всѣмъ вамъ и народу, и услугами которыхъ каждый въ свое время не гнушаясь пользовался на войнѣ, въ мирѣ, въ занятіяхъ своихъ».

[101]) R. Büttner. Porcius Licinus und der litterarische Kreis des Q. Lutatius Catulus. Lpz. 1893 p. 45 sq.

разрѣшая, но во всякомъ случаѣ эти 5 стиховъ не могутъ служить опроверженіемъ того положенія, что комедіи Теренція лишены всякой политической окраски, служа удовлетворенію чисто художественныхъ интересовъ.

Впечатлѣніе, получаемое нами при изученіи Плавта и Теренція должно остаться для насъ руководящимъ и тогда, когда мы отъ нихъ переходимъ къ фрагментамъ остальныхъ авторовъ палліаты. Въ другомъ мѣстѣ я имѣлъ уже случай указать на всю опасность, представляющуюся при оперированіи надъ фрагментами съ какими-либо цѣлями, помимо чисто лингвистическихъ [102]). Высказанныя тамъ соображенія заставляютъ меня и въ данномъ случаѣ воздерживаться отъ пріурочиванія къ какимъ-либо опредѣленнымъ политическимъ событіямъ или лицамъ тѣхъ намековъ, которые при особомъ желаніи можно усмотрѣть въ нѣкоторыхъ изъ этихъ фрагментовъ. Исключеніе должны составлять тѣ случаи, гдѣ такое пріурочиваніе уже сдѣлано самими древними, имѣвшими передъ нами то существенное, въ данномъ случаѣ, преимущество, что у нихъ были подъ руками не фрагменты, а цѣлыя пьесы. Такое указаніе сдѣлано, напримѣръ, Авломъ Гелліемъ [103]) относительно приведеннаго выше отрывка изъ Невія, въ которомъ поэтъ высмѣивалъ любовныя авантюры Сципіона.

Вѣроятно, намѣреваясь сдѣлать одинъ изъ такихъ же намековъ, Невій возглашаетъ въ другомъ отрывкѣ: «libera lingua loquemur ludis Liberalibus» [104]), но не

[102]) „Очерки изъ исторіи древнеримскаго театра". СПБ. 1903. Стр. 8 сл.

[103]) Noct. Att. VI. 8. 5.

[104]) O. Ribbeck. C. R. F. [3] p. 29. v. 112. „Развязнымъ языкомъ мы будемъ говорить на праздникѣ Вакха".

стаивать на такомъ именно назначеніи этого отрывка, конечно, нельзя въ виду того, что оно не подкрѣплено никакимъ древнимъ авторитетомъ. Изъ остальныхъ фрагментовъ палліаты ни одинъ не можетъ быть съ увѣренностью разсматриваемъ, какъ орудіе политической борьбы, а предварительное разсмотрѣніе комедій Плавта и Теренція успокаиваетъ насъ, что это зависитъ не отъ случайной пропажи именно такихъ тенденціозныхъ мѣстъ римской палліаты, а, наоборотъ, объясняется общимъ характеромъ этой отросли римской драмы.

Также мало слѣдовъ политической роли римскаго театра оставила намъ по себѣ и fabula *togata*, въ которой можно было бы надѣяться встрѣтить больше подходящаго матеріала, въ виду того, что она въ отличіе отъ palliata должна была быть отраженіемъ мѣстной жизни. Но приходится думать, что и ея сюжеты вращались въ томъ же кругѣ чисто личныхъ, такъ сказать, семейныхъ интересовъ, которымъ была посвящена и palliata.

Переходя отъ комедіи къ трагедіи, мы прежде всего должны остановиться на т. н. fabula praetexta, сюжетъ которой черпался изъ римской исторіи. По весьма правдоподобному предположенію G. Boissier [105]), исходившаго изъ словъ Азинія Полліона о fabula praetexta въ письмѣ къ Цицерону [106]), эти пьесы отличались отъ остальныхъ римскихъ трагедій прежде всего тѣмъ, что относились къ разряду т. н. pièces de circonstance и составлялись для частныхъ празднествъ, по большей части въ годовщину какого-нибудь крупнаго событія. На

[105]) „Les fabulae praetextae“. Revue de philologie XVII. (1893). pp. 100—108.

[106]) Ad. fam. X, 32, 3.

примѣръ, вся обстановка тріумфальныхъ торжествъ могла подать мысль къ сочиненію такихъ пьесъ. У Шекспира Клеопатра, узнавъ, что войска Октавія побѣдили, въ ужасѣ представляетъ себѣ всѣ тѣ униженія, которыя придется ей теперь испытать:

«Комедіанты ловкіе мгновенно
Насъ выведутъ на сцену, представляя
Пиры Александрійскіе. Антоній
Въ нихъ будетъ пьяный вынесенъ на сцену.
А я увижу, какъ писклывый мальчикъ
Придастъ мнѣ видъ и голосъ потаскухи
И надъ моимъ величьемъ посмѣется» [107]).

То, что мы знаемъ о римскихъ претекстахъ, заставляетъ насъ признать, что предположенія Клеопатры очень легко могли осуществиться. Извѣстно, что въ процессія тріумфатора носили изображенія покоренныхъ странъ и взятыхъ городовъ, а иногда и картины, на которыхъ были изображены самыя побѣды и битвы. Вполнѣ естественно, что могла возникнуть мысль представить эти самыя битвы и побѣды на сценѣ театра, что должно было произвести гораздо болѣе сильное впечатлѣніе на народъ. Такъ fabula praetexta Пакувія «Paulus» могла быть написана имъ или для тріумфа Эмилія Павла, или же для тѣхъ игръ, которыя были устроены по случаю его похоронъ [108]). При такомъ положеніи вещей весьма возможно, что эти пьесы, написанныя на сюжеть чуть ли не современныхъ событій,

---

[107]) „Антоній и Клеопатра". Актъ V, сцена I. Пер. П. Минскаго.

[108]) См. Boissier. Op. c. p. 103. По мнѣнію Л. А. Мюллера (De Pacuvii fabulis. „Ж. М. Пр." 1889. Май. Стр. 54), сюжетъ для этой пьесы дала битва при Каннахъ.

представляли авторамъ полную возможность для политической агитаціи съ театральныхъ подмостковъ, но утверждать этого нельзя, такъ какъ единственная дошедшая до насъ цѣликомъ fabula praetexta «Octavia» [109]) принадлежитъ ко времени имперіи.

Къ числу такихъ же претэкстъ, несомнѣнно, относятся и тѣ двѣ пьесы, которыя написалъ Куріацій Матернъ [110]): «Катонъ» и «Домицій» [111]). Представители крайнихъ республиканскихъ мнѣній Катонъ Утическій и Л. Домицій Агенобарбъ [112]), сложившій свою голову при Фарсалѣ, являлись героями этихъ пьесъ. Поэтому весьма заманчиво предположеніе Мейзера [113]), *что ихъ авторомъ былъ тотъ самый Матернъ*, который при Домиціанѣ долженъ былъ заплатить жизнью за черезчуръ ярко выраженную свободу мысли [114]).

Что касается остальныхъ римскихъ трагедій, то къ нимъ цѣликомъ примѣнимо все то, что выше было сказано по поводу римскихъ комедій. Зависитъ это, именно, отъ того, что авторы римскихъ трагедій въ сущности были только переводчиками греческихъ авторовъ. Но бывали и во дни представленія трагедій въ римскомъ

---

[109]) Ferd. Ladek. „De Octavia praetexta“ (tertium dissertationum Vindobonensium volumen an. 1891). G. Nordmeyer „De Octavia fabula“. Fleck. Jahrbüch. 19 Supplementband. (1893) P. p. 257—317. L. Müller. „De Pacuvii fabulis“. „Ж. М. Нр. Пр.“ 1889. Май. Стр. 54. K. Meiser. „Ueber historische Dramen der Römer. München. 1887 p. 6 sq.

[110]) Tacit. „Dial. de orat.“ 2.

[111]) Ibid. 3.

[112]) Характерно, что Домиція прославлялъ и другой другъ республики Луканъ въ своей „Phars“. VII 599—616.

[113]) „Ueber die historischen Dramen“ p. 7.

[114]) Dio. 67, 12.

театрѣ такіе случаи, когда публика находила въ тѣхъ словахъ, которыя слышала со сцены, связь съ наиболѣе жгучими интересами своей современной жизни. Такъ, нѣкоторыя мѣста изъ трагедіи Мамерка Скавра: «Атрей», дали возможность доносчику Макрону выставить ихъ передъ Тиберіемъ какъ направленные противъ него намеки, почему Скавру и пришлось самоубійствомъ предупредить проявленіе гнѣва императора [115].

Вѣроятно, къ трагедіи принадлежали тѣ стихи, которыми воспользовался трагическій актеръ Дифилъ для того, чтобы выразить всеобщее негодованіе противъ Помпея. Изъ письма Цицерона къ Аттику [116]) мы узнаемъ, что во время ludi Apollinares 59 года Дифилъ обратился къ Помпею со словами: «nostra miseria tu es Magnus» [117]). Это такъ понравилось публикѣ, что, по словамъ Цицерона, она заставили актера тысячу разъ повторить эти слова. Также понравился публикѣ и стихъ: «eandem virtutem istam veniet tempus cum graviter gemes» [118]). Эти стихи, замѣчаетъ Цицеронъ, пришлись такъ кстати, что можно было думать, будто ихъ нарочно сочинилъ какой нибудь врагъ Помпея. Громадный успѣхъ имѣло также и восклицаніе: «Si neque leges neque mores cogunt» [119]). Цицеронъ прямо говоритъ, что нападъ въ данномъ случаѣ на Помпея tragoedus Diphilus, а дѣленіе актеровъ по спеціально-

---

[115]) См. Tac. Ann. VI. 29.

[116]) Cic Ad. Att. II. 19. 3.

[117]) „Нашимъ несчастіемъ ты великъ“.

[118]) Cic. l. l. „Настанетъ время, когда ты сильно пожалѣешь о той же самой доблести своей.

[119]) Cic. l. l. „Если не стѣсняютъ ни законы, ни обычаи“.

стямъ, на трагическихъ, и комическихъ, соблюдалось такъ строго [120]), что у насъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что на этотъ разъ трагическій актеръ выступилъ въ качествѣ исполнителя какого-либо другого вида драмы. Не понятно поэтому, что заставило Риббека безъ всякихъ оговорокъ пропустить эти тексты въ своемъ собраніи фрагментовъ трагиковъ.

Слова Цицерона, которыми онъ начинаетъ свой разсказъ: «populi sensus maxime theatro et spectaculis perspectus est» [121]), вполнѣ примѣнимы и къ возобновленію трагедіи Акція: «Эврисакъ», когда актеръ Эзопъ, питавшій большую любовь къ Цицерону [122]), сумѣлъ своею игрою достичь того, что публика въ стихахъ:

«qui rem publicam certo animo adiuverit
statuerit, steterit cum Achivis», а также «re dubia
haud dubitarit vitam offerre nec capiti pepercerit» [123]), усмотрѣла намекъ на Цицерона и приняла на свой счетъ упрекъ: «O ingratifici Argivi, inmemores Grai, inmemores benefici, exulare sinitis, sistis pelli, pulsum patimini» [124]). Къ словамъ Акція Эзопъ отъ себя прибавилъ стихъ, передѣланный изъ «Андромахи»: «Sum-

---

[120]) См. мои „Очерки". Стр. 119 сл.

[121]) Cic. l. c. „Настроеніе народа особенно было видно въ театрѣ и на зрѣлищахъ".

[122]) См. „Очерки". Стр. 117.

[123]) Cic. Pro Sest. 56. 120. „кто твердымъ духомъ поддержалъ государство, упрочилъ его положеніе, стоялъ вмѣстѣ съ ахивянами"; „въ смутное время не смущаясь подвергъ опасности жизнь и не пощадилъ живота своего".

[124]) Cic. Pro Sest. 57. 122. O. Ribbeck. Trag. Rom. frag.³ p. 210 sq. v. 357—365. См. L. Müller. „De Accii fabulis" „Ж. М. Нр. Пр." 1890. № 1, стр. 37. „Неблагодарные арги-

mum amicum, summum in bello, summo ingenio praeditum»[125]) для того, чтобы еще больше связать[126]) эту сцену трагедіи съ судьбою Цицерона, объ изгнаніи котораго онъ такъ скорбѣлъ, что слезы мѣшали произносить эти стихи[127]). Такимъ образомъ спектакль этотъ, помимо воли автора трагедіи, получилъ характеръ политической демонстраціи[128]). Весьма возможно, что пьеса эта потому именно и была возобновлена для этого спектакля, что она представляла наибольшую возможность Эзопу высказаться въ пользу возвращенія Цицерона, такъ какъ болѣе открытая агитація съ театральныхъ подмостокъ была невозможна.

Подобно тому, какъ пришлось воспользоваться старой пьесой Акція для того, чтобы отозваться со сцены на печальную судьбу изгнанника Цицерона, такъ и впослѣдствіи неоднократно лишенные сами по себѣ всякой

вание, непризнательные греки, непомнящіе благодѣянія, вы позволяете ему жить въ изгнаніи, позволили сослать его, равнодушно относитесь къ его ссылкѣ!"

[125]) Cic. Pro Sest. 56, 121. „Превосходнаго друга, превосходнаго въ войнѣ, превосходными способностями одареннаго".

[126]) O. Ribbeck. „Die römische Tragoedie im Zeitalter d. Republik". p. 423.

[127]) Cic. Ibid. 58, 123.

[128]) См. Schol. Bobiensia ad Cicer. Pro Sest. 56. „Aesopus egisse videtur Accii fabulam, quae scribitur „Eurysaces", ita ut per omnem actionis cursum tempora reipublicae significarentur et quidem Ciceronis fortuna deploraretur". „Трагедію Акція, озаглавленную—„Эврізакъ" Эзопъ исполнялъ, повидимому, такъ, что во всей игрѣ его видны были намеки на обстоятельства государственной жизни, а именно горькія сѣтованія на участь Цицерона".

политической окраски сцены другихъ пьесъ служили орудіемъ для выраженія общественнаго мнѣнія. Такъ, если судить объ ателланѣ по фрагментамъ только Помпонія и Новія, то и ателлана окажется столь же свободной отъ всякой связи съ текущей дѣйствительностью, какъ и остальные виды римской драмы, за исключеніемъ fabula praetexta, но намъ извѣстны случаи, когда и за эти безобидныя сами по себѣ мѣста ателланъ ухватилось общественное недовольство, лишенное болѣе открытыхъ формъ для выраженія своего мнѣнія, и поставило популярную пѣсенку изъ ателланы: «venit Dorsennus a villa» [129]), въ связь съ возвращеніемъ *Гальбы* [130]) и увидало въ словахъ «hircus *vetulus* capreis (Capreis) naturam ligurrit» [131]) намекъ на Тиберія [132]).

Такую же пикантность придала при Неронѣ игра актера Дата такимъ словамъ ателланы, которыя были написаны, вѣроятно, безъ всякаго умысла. Светоній разсказываетъ [133]) про актера Дата, что онъ «in cantico quodam «Ὑγίαινε πάτερ, ὑγίαινε μῆτερ»! ita demonstraverat, ut bibentem natantemque faceret, exitum scilicet Claudi Agrippinaeque significans, et in novissima clausula: «Orcus vobis ducit pedes» senatum gestu notarat» [134]). Неизвѣстно точно, изъ какого вида

---

[129]) O. Ribbeck. o. l p. 333 v. 2: „пріѣхалъ Дорсенъ съ дачи».

[130]) Sueton. Galba. 13.

[131]) Ribbeck. v. 3. Двусмысленность: „старенькій козелъ лижетъ козулямъ половыя части“ или: „стар. коз. наслаждается природой въ Капреяхъ (нын. Capri).

[132]) Sueton. Tiber. 45.

[133]) Nero 39.

[134]) Ribbeck. v. 5 p. 334. „при пѣніи одного соло, онъ слова: „Будь здоровъ, отецъ! Будь здорова, мать!“ сопровож-

драмы взятъ былъ стихъ: «Videsne, ut cinaedus orbem digito temperat», въ которомъ, по словамъ Светонія [135]), публика усмотрѣла намекъ на самого Августа, пользовавшагося въ юности не совсѣмъ безупречной репутаціей.

Мимъ уже въ Греціи сдѣлался орудіемъ политической борьбы, при чемъ къ его помощи обращались и правители. Такъ, про Ксенарха, сына Софрона, преданіе разсказывало, что, по настоянію Діонисія, онъ высмѣивалъ регинцевъ [136]).

Въ Римѣ политическій характеръ мима обнаружился въ пьесахъ Лаберія, избравшаго мишенью для своихъ нападокъ не кого другого, какъ самого Цезаря, который поэтому и отдавалъ явное предпочтеніе его сопернику Публилію Сиру [137]). Для того, чтобы ослабить степень вліянія Лаберія на общество, Цезарь заставилъ его принять личное участіе въ состязаніи съ Публиліемъ, что дало поводъ Лаберію выступить съ знамени-

---

далъ такими жестами, что вызывалъ въ зрителяхъ представленіе о человѣкѣ пьющемъ и плавающемъ, желая сдѣлать такимъ образомъ, разумѣется, намекъ на кончину Клавдія и Агриппины, а при самыхъ заключительныхъ словахъ: „Оркъ (смерть) къ вамъ направляетъ свои стопы“—жестомъ указалъ на сенаторовъ“.

[135]) Suet. Div. Aug. 68. „Видишь ли, какъ распутный власуй пальцемъ правитъ міромъ?“

[136]) См. G. Kaibel Com. Graec. frag. vol. I p. 182.

[137]) Gell. Noct. Att. XVII, 14. 2. „C. Caesarem ita Laberii maledicentia et adrogontia offendebat, ut acceptiores sibi esse Publili quam Laberii mimos praedicaret“. „Злословіе и заносчивость Лаберія такъ оскорбляли К. Цезаря, что онъ открыто говорилъ, что мимы Публилія ему больше нравятся, чѣмъ мимы Лаберія“.

тымъ прологомъ, въ которомъ онъ горько жаловался на судьбу, лишившую его на старости лѣтъ общественнаго уваженія. Но Лаберій [138]) сумѣлъ отплатить своему притѣснителю и вставилъ во время состязанія въ свою роль такія рипликі, которыя должны были не особенно понравиться Цезарю. Своими восклицаніями: «Porro, Quirites! libertatem perdimus» и: «Necesse est multos timeat, quem multi timent», онъ достигъ того, что, по словамъ Макробія, «universitas populi ad solum Caesarem oculos et ora convertit, notantes impotentiam eius hac dicacitate lapidatam» [140]). Не знаю, нужно ли соглашаться съ E. Hoffmann'омъ [141]) и *видѣть въ разсказѣ* Макробія *ὕστερον πρότερον*. E. *Hoffmann* почему-то увѣренъ, что эти восклицанія являются единственными проявленіями той adrogantia Лаберія, которая заставила Цезаря отдать свои симпатіи Публилію и принудить Лаберія покрыть себя позоромъ публичнаго появленія на сценѣ. Если принять это мнѣніе, то останется неяснымъ, что́ заставило Цезаря раскаяться въ своей строгости и вернуть Лаберію его прежнее званіе чрезъ подарокъ золотого кольца [142]). Также мало нару-

---

[138]) См. Macrob. Saturn. II. 7. § 3. O. Ribbeck. Com. frag.[3] p. 359 sq.

[139]) „Впередъ, квириты! Мы теряемъ свободу“. „Необходимо многихъ бояться тому, кого многіе боятся“.

[140]) Macrob. ibid. § 5. „Вся безъ исключенія публика взоры и лица обратила на одного Цезаря, давая понять, что этими язвительными выраженіями Лаберія наказанъ деспотизмъ Цезаря».

[141]) Rhein. Mus. XXXIX (1884) „Der Wettstreit des Laberius und Syrus“. p. p. 471—476.

[142]) См. Suet. Divus Julius. 39.

шится политическій характеръ всего этого состязанія, если принять мнѣніе того же Hoffmann'a [143]), что состязаніе состояло главнымъ образомъ въ импровизаціи пьесъ, а не въ ихъ исполненіи, хотя къ принятію этого мнѣнія насъ рѣшительно ничто не обязываетъ.

Въ періодъ имперіи мимъ становится въ рукахъ недовольныхъ орудіемъ, которымъ они стараются изъ-за угла уколоть правителя, если только къ этому представлялся хоть малѣйшій поводъ. Такъ, извѣстно, что Маркъ Антонинъ возвысилъ Тертулла, несмотря на то, что самъ же былъ очевидцемъ особой нѣжности къ нему своей супруги. И вотъ Юлій Капитолинъ по этому поводу пишетъ [144]): de quo mimus in scaena praesente Antonino dixit: cum stupidus nomen adulteri uxoris a servo quaereret et ille diceret ter T u l l u s et adhuc stupidus quaereret, respondit ille: iam tibi dixi t e r T u l l u s dicitur».

Неизвѣстно, конечно, всегда ли попадали эти стрѣ-

---

[143]) Ibid. 473.

[144]) Vita M. Antonini. 29 „Вся суть приведенной остроты заключается въ остроумномъ употребленіи слова ter; оно значитъ „трижды", „трираза". Въ выраженіи: „iam tibi dixi ter tullus dicitur„ t e r можно слышать относящимся къ dixit, что значитъ „сказалъ три раза" или къ Tullus, и тогда получается имя Tertullus. Съ натяжкой можно было бы передать данное мѣсто на русскій языкъ, замѣнивъ имя „Tertullus" фамиліей „Трипольскій". О немъ (Антон.) мимъ (актеръ) на сценѣ сказалъ въ присутствіи Антонина: „когда онъ, ошеломленный, спрашивалъ раба объ имени любовника своей жены, тотъ сказалъ три раза: „Польскій"; когда же онъ, все еще озадаченный, продолжалъ спрашивать, рабъ отвѣтилъ: „уже сказалъ я тебѣ не разъ,—три (,) Польскимъ онъ называется". *Прим. ред.*

лы въ цѣль. Такъ, про другого императора извѣстно, что онъ не понялъ истиннаго смысла еще болѣе ядовитаго намека, и его удалось убѣдить, что нѣтъ никакого яда въ томъ, чтó въ его присутствіи сказалъ по-гречески одинъ изъ исполнителей мима. Актеръ сказалъ: «Qui ab uno non potest occidi, a multis occiditur. Elephans grandis est et occiditur, leo fortis est et occiditur, tigris fortis est et occiditur, cave multos si singulos non times[145]). Надо однако думать, что падкая на все пикантное публика поняла намекъ, точно такъ же, какъ она жадно ухватилась за парадоксъ изъ другого мима, будто in uno anulo bonos *principes posse* perscribi atque depingi[146]). Для того, чтобы подобные намеки достигли своей цѣли и произвели должное впечатлѣніе на публику, надо, чтобы въ настроеніи послѣдней было явное предрасположеніе къ усматриванію намека на слишкомъ наболѣвшія злобы дня и, можетъ быть, при болѣе покойномъ настроеніи публики и менѣе обостренныхъ отношеніяхъ ея къ правительству, осталось бы совершенно незамѣченнымъ то, что тогда вызвало цѣлые скандалы, которые приходилось прекращать путемъ карательныхъ мѣръ по отношенію къ актерамъ, которымъ и безъ того жилось не особенно сладко. Зная настроеніе римской оппозиціи во время имперіи, мы должны думать, что деликатность этихъ наме-

---

[145]) O. Ribbeck. Comicorum fr. [3] p. 379. № 13. „Кто не можетъ пасть отъ руки одного, падаетъ отъ руки многихъ. Слонъ громаденъ, и его (все-таки) убиваютъ, левъ силенъ, и его убиваютъ, тигръ силенъ, и его убиваютъ, остерегайся многихъ, если не боишься отдѣльныхъ людей“.

[146]) Ibid. Стр. 378. № 10. „На одномъ кольцѣ можно изобразить имена и портреты (всѣхъ) хорошихъ государей“.

ковъ и сравнительное безсилiе ихъ зависитъ вовсе не отъ незлобивости тогдашнихъ памфлетистовъ, которые могли смѣло разсчитывать на тѣмъ больший успѣхъ, чѣмъ сильнѣе задѣвали они и безъ того уже натянутые нервы тогдашней публики. Мимы не только задѣвали живыхъ, но не щадили и мертвыхъ. Такъ, Светонiй про похороны Веспасiана разсказываетъ [147]), «Favor archimimus personam eius ferens imitansque, ut est mos, facta ac dicta vivi, interrogatis palam procuratoribus, quanti funus et pompa constaret, ut audit, sestertio centiens, exclamavit, centum sibi sestertia darent, ac se vel in Tiberim proicerent».

По поводу этихъ многочисленныхъ политическихъ намековъ, заключающихся въ памятникахъ римскихъ мимовъ, извѣстный изслѣдователь мима J. Reich въ своей очень трудолюбивой книгѣ [148]) заявляетъ, что они служатъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ высоко цѣнило римское правительство священную неприкосновенность мима, получившаго благодаря этому чуть ли не аристофановскую свободу. Черезъ нѣсколько страницъ тотъ же ученый пишетъ [149]): «въ мимѣ было что-то особенное, что снискивало ему особенное благоволе-

---

[147]) Suet. Vespas. 19. „Первый актеръ Фаворъ, изображавшiй Веспасiана (во время его похоронъ) и подражавшiй, согласно существующему обычаю, поступкамъ и словамъ императора при его жизни, спросивъ при всѣхъ у завѣдующихъ государственными финансами, сколько стоитъ устройство торжественной похоронной процессiи, и услышавъ „десять миллiоновъ сестерцiевъ", воскликнулъ: „дайте мнѣ сто тысячъ и бросьте меня хоть въ Тибръ".

[148]) „Der Mimus". I. 1. Стр. 190.

[149]) Стр. 203.

ніе всѣхъ «великихъ міра сего», начиная съ тиранна Діонисія и Филиппа македонскаго вплоть до императора Юстиніана, Іоанна Палеолога и Баязета, султана османовъ». Неговоря уже о томъ, какъ мало данныхъ у насъ для того, чтобы подписаться подъ отдѣльными частностями этого восторженнаго восклицанія [150]), общая картина благожелательнаго отношенія римскихъ властей къ мимамъ, какъ ее рисуетъ Рейхъ, едва ли соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей. Его взглядъ становится еще болѣе страннымъ оттого, что онъ прекрасно помнитъ хотя бы то, что Светоній разсказываетъ про Домиціана, который «occidit et Helvidium filium, quasi scaenico exodio sub persona Paridis et Oenones divortium suum cum uxore taxasset [151]), а какъ извѣстно всякому, кто читалъ хотя бы только Светонія, этотъ случай является далеко не единичнымъ. Но, если даже глядѣть на всѣ эти случаи кровавой расправы съ актерами, рискнувшими задѣть за живое сильнаго человѣка, какъ на нѣчто исключительное, то неужели для Рейха доказательствомъ терпимости римскаго правительства по отношенію къ мимамъ могутъ служить также и тѣ многочисленные законодательные акты, которыми представители этой власти старались «coërcere licentiam» (обуздывать вольность) сцены [152]). Эти акты

[150]) Надѣюсь, что недоразумѣніе, напримѣръ, по которому Юстиніана заносили въ ряды принципіальныхъ поклонниковъ мима, какъ литературнаго жанра, разсѣяно мною въ „Очеркахъ изъ исторіи древнеримскаго театра“ (С.-ПБ. 1903. Стр. 162 сл.), гдѣ я старался подчеркнуть тѣ личные мотивы, которые руководили Юстиніаномъ при изданіи законовъ, которыми нѣсколько расширялись права мимовъ.

[151]) Sueton. Domit. c. 10. „Казнилъ онъ также Гельвидія — сына за то, что онъ въ заключительной театральной

меня заставляютъ рѣшительно протестовать противъ утвержденія, будто римскій мимъ пользовался такою же священной свободой, какъ и комедіи Аристофана. Если бы это было такъ, тогда, навѣрно, римскіе актеры не пользовались бы такъ рѣдко [153]) возможностью со сцены показывать въ настоящемъ освѣщеніи правителей Рима, которые такъ усердно своими поступками давали пищу сатирическому остроумію, да и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда актеры рѣшались на это, они не старались такъ тщательно прикрывать истинный смыслъ своихъ остротъ, и разница между свободой Аристофановскихъ шутокъ и боязливой осторожностью римскаго театра происходитъ, главнымъ образомъ, отъ различныхъ политическихъ условій, при которыхъ жилъ Аристофанъ и авторы римскаго мима.

Доводы Рейха мало выигрываютъ въ убѣдительности отъ того, что для доказательства той любви, которою пользовались исполнители мимовъ у императоровъ, онъ называетъ Латина, котораго, конечно, не даромъ такъ прославляетъ Марціалъ [154]). Дѣло въ томъ, что едва ли возможно опредѣлить, за что больше любилъ Домиціанъ

пьесѣ поглумился будто-бы надъ разводомъ его (Дом.) съ женой въ лицѣ Париса и Эноны". Reich. l. I. p. 190 ср. Suet. Calig. 27: Atellanae poëtam ob ambigui ioci versiculum media amphitheatri harena igni cremavit. „Поэта-автора ателланы онъ сжегъ на кострѣ посреди арены амфитеатра за стишокъ, заключавшій въ себѣ двусмысленную шутку.

[152]) О нихъ см. мои „Очерки", стр. 145.

[153]) Случаи эти сопоставлены у G. Körting „Geschichte des Theaters". Paderborn. 1897. I, стр. 343.

[154]) См. Mart. IX, 29.

Латина: за игру или же за то, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ надежныхъ доносчиковъ [155]).

Если бы Рейху удалось доказать покровительственное отношеніе римской власти къ миму, то получилось бы нѣчто чрезвычайно странное: римское правительство покровительствовало бы какъ разъ тому виду поэзіи, который былъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ орудій оппозиціи [156]): гораздо понятнѣе та борьба противъ мима, которую римское правительство на самомъ дѣлѣ и вело, и слѣдами которой являются тѣ самые неоднократно изданные римскимъ правительствомъ противъ исполнителей мимовъ законы, которые совершенно опровергаютъ мнѣніе Рейха.

Необходимо эти съ трудомъ собранные случаи вмѣшательства римскаго театра въ политическую жизнь сопоставить съ той видной ролью, которую игралъ театръ въ общественной жизни Греціи, гдѣ хотя бы только тѣ комедіи Аристофана, которыя дошли до нашего времени, даютъ возможность [157]) всесторонне представить себѣ политическую программу той партіи, представителемъ которой являлся Аристофанъ. Нѣтъ нужды особенно подчеркивать, какую громадную роль сыгралъ въ XVIII вѣкѣ французскій театръ для торжества про-

[155]) См. схоліи къ Ювеналу IV 53 и I 35, гдѣ Латинъ отнесенъ къ числу nequissimi delatores (негоднѣйшихъ доносчиковъ).

[156]) См. Г. Буассье. „Оппозиція при Цезарѣ". Рус. перев., стр. 62.

[157]) См. Th. Kock. „Aristophanes als Dichter und Politiker" Rhein. Mus. 39 (1884) p. 134 sq.

свѣтительныхъ идей [158]). Любая «прохладная» комедія Петровской Руси вводитъ насъ въ самый разгаръ политическихъ страстей [159]). И сравнивая съ этими проявленіями ожесточенной и совершенно открытой борьбы театра только что названныхъ странъ съ тѣмъ, что происходило въ этомъ направленіи на сценѣ римскаго театра, нельзя не признать, что, если иногда негодованіе прерывало и его едва ли добровольное молчаніе, то борьба эта принимала характеръ не правильно организованной войны, а отдѣльныхъ вылазокъ волонтеровъ, принужденныхъ дѣйствовать изъ-за угла и обреченныхъ почти всегда на суровую расплату за свои набѣги въ неуказанную область. Это въ свою очередь опредѣляетъ для насъ ту мѣрку, съ которой мы должны приступать къ римскимъ пьесамъ для опредѣленія степени ихъ политической тенденціозности. Мы заранѣе должны знать, что пьесы въ родѣ «Ульриха фонъ Гуттенъ» Лассаля или «Ткачей» Гауптмана, римскій репертуаръ дать намъ не можетъ, но въ то же самое время мы должны постоянно зорко смотрѣть за тѣмъ, чтобы среди сотни, другой совершенно «нейтральныхъ стиховъ» не просмотрѣть ловко замаскированный намекъ, полный самой жгучей связи съ дѣйствительностью.

Б. Варнеке.

[158]) См. Ив. Ив. Ивановъ. „Сатирическая комедія во Франціи". Артистъ № 35. „Реформа общественныхъ отношеній во французской драмѣ XVIII в.". „Русская Мысль". 1894. №№ 4 и 5.

[159]) Н. С. Тихонравовъ. „Русскія драматическія сочиненія", т. I, стр. XXXI.

свѣтительныхъ идей [158]). Любая «прохладная» комедія Петровской Руси вводитъ насъ въ самый разгаръ политическихъ страстей [159]). И сравнивая съ этими проявленіями ожесточенной и совершенно открытой борьбы театра только что названныхъ странъ съ тѣмъ, что происходило въ этомъ направленіи на сценѣ римскаго театра, нельзя не признать, что, если иногда негодованіе прорывалось и его едва ли добровольное молчаніе, то борьба эта принимала характеръ не правильно организованной войны, а отдѣльныхъ вылазокъ волонтеровъ, принужденныхъ дѣйствовать изъ-за угла и обреченныхъ почти всегда на суровую расплату за свои набѣги въ неуказанную область. Это въ свою очередь опредѣляетъ для насъ ту мѣрку, съ которой мы должны приступать къ римскимъ пьесамъ для опредѣленія степени ихъ политической тенденціозности. Мы заранѣе должны знать, что пьесы въ родѣ «Ульриха фонъ Гуттена» Лассаля или «Ткачей» Гауптмана, римскій репертуаръ дать намъ не можетъ, но въ то же самое время мы должны постоянно зорко смотрѣть за тѣмъ, чтобы среди сотни, другой совершенно «нейтральныхъ стиховъ» не просмотрѣть ловко замаскированный намекъ, полный самой жгучей связи съ дѣйствительностью.

Б. Варнеке.

[158]) См. Ив. Ив. Ивановъ, „Сатирическая комедія во Франціи". Артистъ № 35. „Реформа общественныхъ отношеній во французской драмѣ XVIII в.". „Русская Мысль", 1894, №№ 4 и 5.

[159]) Н. С. Тихонравовъ, „Русскія драматическія сочиненія", т. I, стр. XXXI.

Мнѣнія о русскомъ правописаніи Игн. Викент. Ягича, Ѳед. Евг. Корша, Ант. Сем. Будиловича и Алдр. Ив. Томсона [1]).

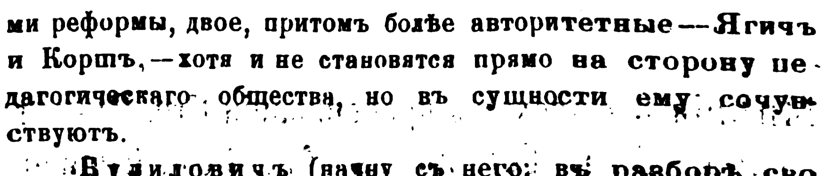
Мысль объ упрощенія русской орѳографіи, снова возникшая въ московскомъ педагогическомъ обществѣ по поводу моей лекціи о лженаучности нашего правописанія [2]) и поведшая къ ходатайству въ такомъ смыслѣ передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, правда, отклоненному за неблаговременностью, вызвала въ печати цѣлый рядъ отзывовъ, изъ коихъ наиболѣе выдаются, отчасти по обстоятельности, отчасти по именамъ своихъ авторовъ, отзывы академиковъ И. В. Ягича и Ѳ. Е. Корша, бывшаго профессора, теперь члена совѣта министерства народнаго просвѣщенія. А. С. Будиловича и одесскаго профессора А. И. Томсона.

Изъ четырехъ названныхъ ученыхъ двое—Будиловичъ и Томсонъ—являются рѣшительными противника-

---

[1]) Мнѣнія эти пріобрѣтаютъ теперь новый интересъ вслѣдствіе образованья при Императорской Академія Наукъ, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго ея Президента, комиссія по вопросу о русскомъ правописаніи, къ участью въ которой удостоился приглашенія и авторъ настоящей статьи.

[2]) Р. Ѳ. Брандтъ. О лженаучности нашего правописанія (Публичная лекція). Оттискъ изъ I—II вып. «Филол. Зап.». Воронежъ, 1901.

ми реформы, двое, притомъ болѣе авторитетные—Ягичъ и Корпгъ,—хотя и не становятся прямо на сторону педагогическаго общества, но въ сущности ему сочувствуютъ.

Будиловичъ (начну съ него: въ разборѣ своемъ я не буду итти повременнымъ, а другимъ, болѣе удобнымъ, порядкомъ) прямо выступаетъ противъ педагогическаго общества и озаглавилъ свою брошюру (29 страницъ) «О Московскомъ проектѣ упрощенія русскаго правописанія» (Юрьевъ 1902—изъ Сборника Учено-литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ, томъ V).

Оппозиція Б—ча нисколько не является неожиданностью: говоря въ своей лекціи (стр. 48) о «раздающихся нерѣдко въ пользу ороографическаго обычая голосахъ серьезныхъ и почтенныхъ филологовъ», я думалъ прежде всего именно объ Антонѣ Семеновичѣ. Вслѣдствіе этого я уже въ самой лекціи, а затѣмъ въ отвѣтѣ Алексѣю Серг. Бѣлкину (Ж. М. Н. П., 1902, августъ, стр. 50) вкратцѣ указалъ и опровергъ, что могъ бы, по моимъ предположеніямъ, возразить Б—чъ.

Б—чъ, думается мнѣ, опасенъ для реформы своимъ именемъ, на которое иные будутъ ссылаться, не входя въ оцѣнку представленныхъ имъ доводовъ; особенно же у него опасно было бы обвиненіе (если бы таковому повѣрили власти), что мы, хотя и безсознательно, плодимъ сепаратизмъ и сѣемъ смуту (стр. 24—25). Едва ли однако Б—чъ можетъ сдѣлаться вождемъ сознательной и многочисленной оппозиціи, т. к. конечно лишь весьма немногіе примкнутъ къ его программѣ полнаго застоя въ ороографіи—даже А. С. Бѣлкинъ (Вопросъ объ упрощеніи русской ороографіи въ Московскомъ Педагогическомъ Обществѣ Ж. М. Н. П.,

1902, январь) кое-что уступаетъ: безусловно жертвуетъ ижицей и ѳитой, готовъ устранить ъ, не особенно распинается и за ѣ.

Мотивировка же у В—ча крайне слабая: онъ возражаетъ не столько какъ языковѣдъ, сколько какъ археологъ, публицистъ и славянофилъ.

Прежде всего Б—чъ упрекаетъ составителей проекта въ томъ, что разсужденія ихъ въ «Докладѣ о правописаніи»—содержаніе каковаго доклада онъ излагаетъ,—разсужденія, легшія въ основаніе предлагаемой реформы, не являются новостью (стр. 9). Упрекъ едва-ли умѣстный у какого то ни было критика, тѣмъ менѣе у критика-охранителя. Именно, если бы реформаторы измыслили что-нибудь совершенно новое, они бы оторвались отъ потребностей дѣйствительной жизни, и приготовили бы своему дѣлу неизбѣжный провалъ. Съ другой стороны, его самого съ полнымъ правомъ можно упрекнуть, что онъ безъ надобности твердитъ зады, которыхъ реформаторы якобы не знали или не взвѣсили (стр. 28). Странно также винить насъ, что мы въ краткомъ докладѣ изложили вопросъ не столь подробно, какъ Гротъ въ цѣлой книгѣ; притомъ же суть дѣла представлена достаточно обстоятельно и ясно. Тамъ, гдѣ возражатель усмотрѣлъ неясности, онъ просто придирается.

Такъ, онъ напрасно видитъ неопредѣленность въ положеніи, что со звуковой стороны «правописаніе не должно отражать особенностей какого-нибудь діалектическаго произношенія», и спрашиваетъ (стр. 10), разумѣется ли здѣсь подъ діалектомъ какой-нибудь областной литературной языкъ, или мѣстное нарѣчіе, либо жаргонъ. Очевидно, что мы разумѣли и то, и другое, и третье, и считались только съ литературнымъ произ-

ношеніемъ. Достаточно ясенъ (конечно, не безусловно точенъ: вѣдь филологія не математика) также нашъ принципъ сохраненія этимологическаго начала, поскольку оно проявляется въ современномъ литературномъ языкѣ, и нечего спрашивать: что́ здѣсь означаетъ «проявляется»? Чувствуется? Сознается? Выясняется путемъ научнымъ? И кому проявляется: безграмотному школьнику, человѣку образованному, ученому спеціалисту? (10 же). Очевидно же наша реформа имѣла въ виду не книжниковъ, а тѣмъ менѣе языковѣдовъ, и рѣчь идетъ о тѣхъ проявленіяхъ первоначальнаго звука, которыя легко могутъ быть замѣчены даже дѣтьми и простолюдинами, и на какія постоянно ссылаются учителя при обученіи грамотѣ, напр. присутствіе въ мужескомъ родѣ «ло́въкъ» звуковъ **о** и **в**, измѣнившихся въ женскомъ родѣ «лафка́» въ **а** и въ **ф**. Б—чъ, видно, не достаточно вдумался въ наше, хорошо взвѣшенное выраженіе, которое именно точнѣе предпочитаемаго имъ гротовскаго и ломоносовскаго: «слѣдовъ происхожденія и сложенія рѣченій», о коихъ говоритъ Ломоносовъ, если только таковые дѣйствительно сохранились въ живой рѣчи, и чисто-звуковая орѳографія не закроетъ—такъ, въ нашемъ примѣрѣ и при ней совершенно ясно, что древнѣйшій видъ корня есть л-о-в.

Упрекъ намъ въ томъ, что, если даже признать, въ виду постепеннаго измѣненія языка, необходимость періодическаго пересмотра орѳографіи, мы выступаемъ съ таковымъ слишкомъ скоро послѣ гротовскаго (стр. 11), опять-таки неоснователенъ, потому что Гротъ, хотя въ своихъ «Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія» настоящую реформу, свелъ таковую въ «Русскомъ правописаніи», что̀ называется, на нѣтъ.

Чтобы уронить научное достоинство Доклада, Б—чъ,

умолчавъ объ участіи въ дѣлѣ академика Фил. Ѳ. Фортунатова и отведши меня (лекція котораго будто-бы мало пригодилась реформаторамъ, т. к. я—замѣтьте, въ теоріи!—стою за писаніе «по звонамъ», какъ Тредьяковскій), подчеркиваетъ нѣсколько неточное выраженіе Доклада о несовсѣмъ выясненномъ явленіи: о степени мягкости звуковъ ч и щ (у В—ча, стр. 12, прим., по опечаткѣ—весьма зловредной опечаткѣ!—ч и ш). Онъ, конечно, правъ, что, цитуя по этому случаю Вѣлкина, указываетъ на желательность рѣшить вопросъ объ оттѣнкахъ слоговъ ча чо ща що и т. д. экспериментнымъ путемъ; однако забылъ, что намъ нечего думать о введеніи въ письмо тѣхъ тонкостей, которыя здѣсь обнаружатся, а тѣмъ менѣе ему.

Насчетъ нашихъ пробныхъ диктовокъ В—чъ говоритъ, будто въ нихъ ошибки считались неправильно (стр. 16); между тѣмъ естественно было считать ошибки по Гроту, по коему испытуемые обучались. Тутъ же дѣлается намъ упрекъ въ нелогичности: будто мы утверждаемъ, что въ основаніи неполной грамотности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ лежитъ «мнимый» формализмъ и культъ буквы (стр. 17) О формализмѣ и буквоѣдствѣ говорится у насъ совсѣмъ въ иной связи, а именно какъ о тормазѣ при изученіи болѣе существенныхъ сторонъ родной словесности.

Возраженіе, что мы въ своемъ полуэтимологическомъ правописаніи даемъ слишкомъ большой перевѣсъ фонетикѣ, неосновательно (срав. мой отвѣтъ Вѣлкину, стр. 34, прим. 2), и находится въ связи съ непониманіемъ нашего принципа не считаться ни съ прежними вѣками, ни съ областною рѣчью. Поэтому мы (наперекоръ В—чу, стр. 21) вполнѣ естественно предлагаемъ писать «добраго» черезъ о-в-о—какъ въ сущности уже и въ своей

лекціи, стр. 41; вѣдь на г въ обыкновенной рѣчи ничто не указываетъ, а о слышится то на первомъ мѣстѣ— зло́го, то на второмъ—того́ Да и насчетъ полнаго отсутствія этого окончанія въ народныхъ говорахъ (тамъ же) я могу сдѣлать поправку: произношеніе до́брово, си́нёво отмѣчено какъ бронницкое, какъ бѣлозерское, какъ ка́дниковское и какъ то́темское (въ То́тьмѣ—рядомъ съ -ова) [3]).

Совершенно неубѣдителенъ Б—чевъ доводъ въ пользу ѣ (опровергнутый уже въ дополнительномъ экскурсѣ о буквѣ ѣ при моей лекціи, стр. 52—53), будто ѣ проявляется донынѣ въ явленіяхъ «динамическаго» или подъемнаго движенія корневыхъ гласныхъ (стр. 18): живая рѣчь представляетъ мѣну коренныхъ гласныхъ лишь какъ пережитокъ—между видѣть и вѣдать, даже между липкій и слѣпокъ, ближайшей связи не чувствуется. Звуковая же разница между «мёд» и «дѣд» и у насъ можетъ быть выражена достаточно ясно. Въ этомъ случаѣ впрочемъ общее собраніе Педагогическаго общества нѣсколько исказило проектъ комиссіи, предположивши писать ё не всегда, а, по крайне неопредѣленному правилу, только «въ необходимыхъ случаяхъ».

Въ пользу ъ Б—чъ (стр. 19), среди другихъ, давно опровергнутыхъ, доводовъ, ссылается (кажется, это ново) на то́, что только его присутствіемъ объясняется цѣлость звонкихъ согласныхъ въ исходѣ словъ у малороссовъ: «Бог, дід, гриб». Не настаивая здѣсь на своей догадкѣ, что конечные звонкіе д. б. вовсе не уцѣлѣли,

[3]) Насчетъ -ово срв. мой отвѣтъ Бѣлкину, стр. 24—25. Укажу еще на слова «севóднишней», «третёводнишней», гдѣ теперь г приходится читать за в даже внутри слова.

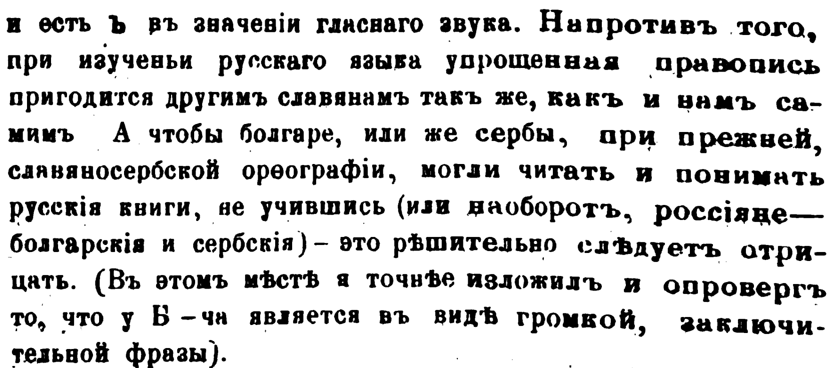
а возстановлены взамѣнъ глухихъ изъ другихъ падежей [4]), отмѣчу, что указанное обстоятельство говоритъ, пожалуй, въ пользу сохраненія ъ у малороссовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—за устраненіе его у великороссовъ; а т. к. малороссы прекрасно обходятся безъ ъ, то великороссы могутъ это и подавно [5]). Ссылка же на параллелизмъ между употребленіемъ ъ и ь (стр. 20) обращается лишь къ нашей зрительной привычкѣ и пристрастію къ чисто внѣшней стройности: развѣ поляки затрудняются отсутствіемъ твердаго знака въ какомъ-нибудь словѣ sen, хотя и ставятъ мягкій (акутъ) надъ словомъ dzień? Да и параллелизмъ у насъ уже нарушенъ, т. к. мы пишемъ напр. полька, горько и Санька съ ь, а полка, горка и санки—безъ ъ.

Болѣе внушительные доводы Б—ча взяты не изъ области науки, а изъ области славянофильскихъ и патріотическихъ воспоминаній и вожделѣній. Для него наше теперешнее письмо есть то же древнее, святокирилловское, и будто бы одно способно служить объединяющимъ звеномъ для славянскихъ письменностей. Естественно, конечно, желать, да и можно надѣяться, что русскій языкъ станетъ междуславянскимъ; но, чтобы для этого имѣло значенье современное правописаніе—невѣрно. Одно лишь болгарское письмо сходно съ нашимъ; да и то тамъ нѣтъ ы, нѣтъ і, а съ другой стороны есть ѫ,

---

[4]) Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка, вып. I. фонетика, Москва 1892, стр. 126.

[5]) Оговорю еще, что, если сохраненье звонкихъ исходовъ можетъ быть обращено въ пользу конечнаго ъ, то другая особенность малорусскаго выговора: віл вм. волъ, лїд вм. ледъ, находящаяся въ связи съ онѣмѣніемъ глухого и возникновеньемъ замкнутыхъ слоговъ, говоритъ противъ него.

и есть ъ въ значеніи гласнаго звука. Напротивъ того, при изученьи русскаго языка упрощенная правопись пригодится другимъ славянамъ такъ же, какъ и намъ самимъ А чтобы болгаре, или же сербы, при прежней, славяносербской орѳографіи, могли читать и понимать русскія книги, не учившись (или наоборотъ, россіяне— болгарскія и сербскія) - это рѣшительно слѣдуетъ отрицать. (Въ этомъ мѣстѣ я точнѣе изложилъ и опровергъ то, что у Б-ча является въ видѣ громкой, заключительной фразы).

На той же 29 ой страницѣ, Б—чъ насъ пугаетъ опасностью возбужденія въ настоящую «роковую годину... споровъ между писателями и читателями, педагогами и учениками». Какъ будто нельзя расходиться въ правописномъ вопросѣ и дѣйствовать весьма дружно въ другихъ областяхъ! Взять хоть для примѣра самого Антона Семеновича и меня. Чтобы возникъ раздоръ «изъ-за той или другой кирилловской буквы», дѣйствительно было бы неразумно; но кто же взываетъ къ оружію, если не самъ нашъ негодующій противникъ? Вѣдь педагогическое общество имѣло въ виду постепенную и мирную реформу, безъ малѣйшаго притѣсненія кого бы то ни было.

Утверждая, что малорусская кулишовка обособила западныхъ малороссовъ отъ великороссовъ (стр. 23—24), Б—чъ превращаетъ слѣдствіе въ причину. Отдѣленные отъ Россіи галичане не такъ легко могутъ научиться литературной русской рѣчи; государственное же отдѣленіе ихъ (съ присоединеніемъ къ Польшѣ) произошло еще въ XIV вѣкѣ, когда не было не только кулишовки, но даже петровской гражданицы. Суть дѣла и здѣсь не во внѣшнемъ сходствѣ на бумагѣ, а въ томъ, чтобы малороссы знали общерусскую рѣчь и въ широкихъ

размѣрахъ ею пользовались.—Впрочемъ, по части внѣшности, наша реформа (устраненіемъ ъ и ѣ) посодѣйствовала бы сближенію гражданицы съ кулишовкой.

Въ перемѣнѣ орѳографіи Б—чъ видитъ опасность для семьи (произойдетъ де раздоръ отцовъ и дѣтей), отреченіе отъ завѣтовъ предковъ и чуть ли не ересь (стр. 23). Онъ знать не хочетъ, что упрощенье орѳографіи, удаленіе ея отъ латинской, не повлекло за собой у итальянцевъ и испанцевъ отпаденья отъ католичества, что введенье въ сербскую азбуку нѣмецко латинскаго j не совратило сербовъ въ латинство.

Б—чъ, положимъ, въ «стародавнемъ» (не очень, и не во всѣхъ отношеніяхъ!) «графическомъ обликѣ литературнаго языка» видитъ «нравственную цѣнность» (стр. 26). Эта нравственная сторона вопроса, конечно, состоитъ не въ томъ, чтобы писаніе лишнихъ буквъ дѣлало людей добрѣй или честнѣе, а въ томъ, что здѣсь проявляется вѣрность роднымъ обычаямъ, уваженіе къ предкамъ Однако такая вѣрность похожа на вѣрность лѣниваго раба, зарывшаго довѣренный ему талантъ въ землю (Матѳ. XXV, 25—27); да и объ уваженіи къ предкамъ лучше не заговаривать. Вѣдь ъ и ѣ люди обыкновенно выводятъ чисто машинально—даже самъ Б—чъ, конечно, лишь изрѣдка надъ ними задумывается и умиляется; большинство же людей, если задумается надъ этими знаками, то признáетъ ихъ излишество, и ужъ никакъ не почувствуетъ благоговѣнія ко введшимъ ихъ въ употребленіе предкамъ.

Нѣкоторый расколъ, правда, можетъ произойти при нашей реформѣ—а именно въ области самой орѳографіи Но кто же будетъ раскольниками? Самъ Б—чъ и его единомышленники. Мы же, если наше дѣло восторжествуетъ, сразу провозгласимъ примирительное начало—

правописное единовѣріе. Однако и не желая никого преслѣдовать за орѳографическую вѣру, все-таки нельзя не напомнить нашимъ старовѣрамъ слова апостола: «писмя оубиваетъ, а духъ животворитъ» (II Коринѳ. 3, 7).

Еще болѣе странное впечатлѣніе, чѣмъ брошюра А. С. Б—ча, производитъ разсужденіе А. И. Томсона. Б—чъ ослѣпленъ славянофильскою и лжепатріотскою тенденціей, а Т., видимо, разсуждаетъ спокойно; но столь же далекъ и отъ истинно-научнаго, и отъ разумно-житейскаго взгляда.

Томсонъ посвятилъ вопросу цѣлую книгу (168 страницъ), подъ заглавіемъ: «Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его въ связи съ проектированнымъ упрощеніемъ русскаго правописанія» Одесса 1903. Впрочемъ сочиненіе это отчасти потому довольно объемисто, что изложено нѣсколько мудрено и многословно, и съ постоянными повтореніями.

По части обученія Т. высказалъ кое-что дѣльное (насколько однако новое?). Онъ, конечно, правъ — я лично считаю это аксьёмой, — что правописанью не слѣдуетъ обучать посредствомъ диктовки, т. к. сдѣланныя, а затѣмъ исправленныя учителемъ ошибки обыкновенно оставляютъ по себѣ лишь смутное представленіе о двухъ написаніяхъ, изъ которыхъ одно, но неизвѣстно, которое, ошибочно. Дѣйствительно, диктовка хороша лишь какъ повѣрка; учиться же надо преимущественно путемъ списыванья [6]). Однако, когда Т—нъ напираетъ на важность этого чисто механическаго пріема, и подчер-

---

[6]) Отмѣчу еще, какъ удачную мысль Т—на, желаніе упростить шрифтъ (стр. 143). Но эта мысль не нова: упрощенье азбуки, между прочимъ, путемъ уравненія большихъ и малыхъ буквъ, предлагали уже г.г. Езерскій (Международ-

живаетъ, что не слѣдуетъ преподавать орѳографію ввидѣ правилъ, а также, что высшее знаніе по этой части состоитъ въ машинальной правильности письма, то не произноситъ ли онъ безсознательно самый рѣзкій приговоръ надъ отстаиваемой имъ орѳографіей? Можно ли признать разумною такую вещь, которой нельзя разумно истолковать, и которую приходится усваивать чисто-внѣшнимъ образомъ?—И противъ пробныхъ диктовокъ нашего педагогическаго общества Т—нъ, подобно Будиловичу и Бѣлкину, возражаетъ; но возраженія его столь же несущественны.

Разсужденье о правописаніи, составляющее первую часть томсоновой книги, начинается съ указанія, что цѣли, которыя должны преслѣдовать разумное правописаніе, надо установить экспериментальнымъ путемъ, посредствомъ психологическихъ изслѣдованій (стр. 4—5); причемъ авторъ скромно оговаривается, что самъ не рѣшаетъ вопроса окончательно (стр. 7). Эта, небезынтересная, но для дѣла совсѣмъ ненужная психологія является у Т—на главнымъ образомъ ввидѣ самонаблюденія (стр. 15, 16, 17),—но полагаю, что буквенная практика интеллигента, особенно же филолога, весьма плохая мѣрка для изслѣдованія психологіи малолѣтнихъ школьниковъ. Впрочемъ Т—нъ съ высоты своей каѳедры и не желаетъ особенно смотрѣть на потребности школы, и совсѣмъ не стремится къ облегченію учениковъ (стр. 123, 119. 126).

Въ правописномъ дѣлѣ Т—нъ оказывается такимъ же рѣшительнымъ консерваторомъ, какъ и Б—чъ. Воз-

---

ная азбука, С.-ПБ. 1883), Колтановскій (Реформа русской азбуки, Винница 1900) и Герасимовъ (Подарокъ неизгнаннаго небе, «рожокъ-самъ-гудокъ», или новыя пѣсни, новыя рѣчи, новая грамота. Москва 1901).

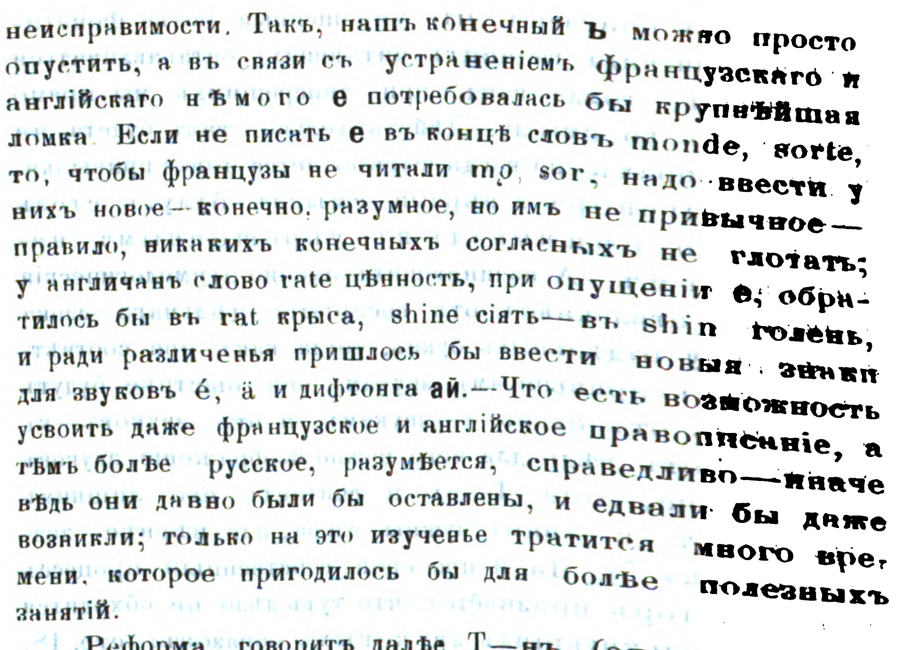
ражая реформаторамъ (намъ, московскимъ, и своимъ одесскимъ, проектъ которыхъ будто бы «во многомъ» — дѣйствительно лишь кое въ чемъ — расходится съ нашимъ, стр. 104—105), онъ утверждаетъ, что реформаторы смотрѣли на вопросъ односторонне. Односторонность эта состоитъ въ томъ, что мы думали только о потребностяхъ школы. А «новая» точка зрѣнія Т—на, утверждающаго между прочимъ, что лженаучное, съ одной точки зрѣнія, съ другой—можетъ оказаться научнымъ (стр. 3), это—всѣмъ намъ хорошо знакомое сознаніе грамотея, коему всякое отступленіе отъ привычныхъ начертаній представляется страннымъ (стр. 24, 26, 42 46, 49, 63, 69, 72, 73, 76); онъ, значитъ, собственно не сталъ на свою точку зрѣнія, а не сумѣлъ съ нея сойти. Для вполнѣ грамотнаго человѣка въ самомъ дѣлѣ не можетъ быть болѣе удобнаго письма, чѣмъ ходячее, въ совершенствѣ имъ усвоенное. Написать напр. глагольную форму «ѣшь» съ буквою е и безъ мягкаго знака для насъ конечно труднѣе, чѣмъ написать ее потенерешвему; но совсѣмъ не то для начинающаго. Для насъ ходячія написанія (опять-таки Т—нъ правъ) въ нѣкоторомъ смыслѣ даже фонетичнѣе самыхъ фонетическихъ, т. е. мы соединяемъ напр. съ тѣмъ же начертаніемъ ѣ-ш-ь представленіе о звукахъ j е и ш въ извѣстныхъ оттѣнкахъ; но собственно то̀, что̀ у насъ передъ глазами, вовсе этихъ оттѣнковъ не выражаетъ. Точно также французъ, видя напр. написаніе p-o-i-n-t читаетъ именно какъ надо, pwę; но всежъ вѣдь у него написано пойнт, или по крайней мѣрѣ, т. к. oi по-французски обыкновенно обозначаетъ оа,—pwą. И англичанина буквенное сочетаніе l-i-g-h-t наводитъ на вѣрное и точное чтеніе лайт, но все-таки жъ это должно бы читаться лихт.

Т—въ опасается, что упрощенныя, болѣе фонетическія написанія заставятъ читающихъ останавливаться на буквахъ, тогда какъ при теперешнихъ мы прямо переходимъ ко смыслу. Дѣйствительно, такъ будетъ на первыхъ порахъ; но когда выработается новая привычка, точный выговоръ и вѣрный смыслъ будутъ столь же тѣсно примыкать къ упрощеннымъ начертаніямъ. А начинающихъ именно этимологическія написанія отвлекаютъ отъ воспріятія цѣльнаго слова въ сторону отдѣльныхъ буквъ, тогда какъ при соотвѣтствіи буквъ привычнымъ звукамъ они быстрѣе будутъ переходить отъ буквъ ко звукамъ, а отъ звуковъ—къ смыслу. Вотъ вѣдь для чего важно изображеніе звуковъ нашей рѣчи, хотя Т—нъ и считаетъ его лишнимъ (стр. 10), т. к. «намъ нужны слова, или вѣрнѣе—значеніе словъ» [7]). Да и про свой собственный процессъ писанія авторъ признаётся, что тутъ дѣло не обходится безъ «промелькнувшихъ звуковыхъ образовъ» (стр. 18, срв. 35 и 43). Отчего еще, спрашивается, Т. не вспомнилъ, что чисто-звуковое письмо итальянцевъ, испанцевъ и сербовъ столь же хорошо вяжется съ соотвѣтственнымъ смысломъ, какъ мудреное «историческое» письмо французовъ и англичанъ? . . . .

То́, что французы и англичане не пришли къ упрощенію своихъ орѳографій (о чемъ не разъ заговаривали у нихъ), объясняется—какъ уже и указано у меня въ Лекціи, стр. 46—47,—не тѣмъ, что ихъ орѳографія очень удобны, а тѣмъ, что онѣ плохи почти до

---

[7]) Уже въ своей лекціи (стр. 41, внизу) я, ссылаясь на тотъ же смыслъ, едвали неосновательно, утверждаю, что этимологическія ухищренія именно отвлекаютъ насъ отъ смысла.

неисправимости. Такъ, нашъ конечный ъ можно просто опустить, а въ связи съ устраненіемъ французскаго и англійскаго *нѣмого* e потребовалась бы крупнѣйшая ломка. Если не писать e въ концѣ словъ monde, sorte, то, чтобы французы не читали mo, sor, надо ввести у нихъ новое—конечно, разумное, но имъ не привычное—правило, никакихъ конечныхъ согласныхъ не глотать; у англичанъ слово rate цѣнность, при опущеніи e, обратилось бы въ rat крыса, shine сіять—въ shin голень, и ради различенья пришлось бы ввести новые знаки для звуковъ é, ä и дифтонга ай.—Что есть возможность усвоить даже французское и англійское правописаніе, а тѣмъ болѣе русское, разумѣется, справедливо—иначе вѣдь они давно были бы оставлены, и едвали бы даже возникли; только на это изученье тратится много времени, которое пригодилось бы для болѣе полезныхъ занятій.

Реформа, говоритъ далѣе Т—нъ (опять-таки это старо, какъ и всѣ его возраженія) угрожаетъ необходимому *единству* письма. Дà, единство, конечно, нужно; только въ какихъ размѣрахъ?! Развѣ есть теперь, да и было ли когда-нибудь, на Руси совершенное единство? Развѣ не существовало и не существуетъ въ иныхъ случаяхъ двоякихъ написаній, вовсе не мѣшающихъ взаимному пониманію? Очевидно, нѣкоторое разногласіе вполнѣ допустимо, а стремиться къ полному единству орѳографіи, хотя бы цѣной узаконенія цѣлаго ряда условностей, это—буквоѣдскій педантизмъ. Вдобавокъ при упрощенномъ письмѣ меньше будетъ поводовъ къ схоластическимъ спорамъ, и легче будетъ усвоить себѣ обычныя начертанія, т.-е. единство только выиграетъ.

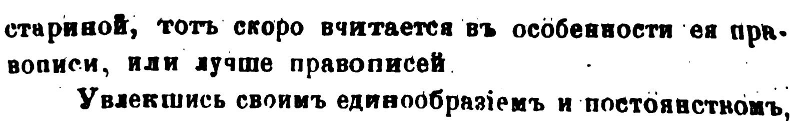
Несомнѣнное удобство представляла бы также близость единой орѳографіи къ объединительному литера-

турному языку, имѣющему и свое произношеніе; удобство же для этой цѣли «историческаго» правописанія (стр. 68 и 69), ничто иное, какъ россійскій предразсудокъ: у итальянцевъ вполнѣ звуковое правописаніе отлично объединяетъ ихъ разнообразные говоры. Самъ Т—нъ (стр. 134) признаётся, что звуковое письмо по лондонскому произношенію повело бы у англичанъ къ большему единству произношенія; хотя выше (стр. 126) и утверждалъ (со значительнымъ преувеличеньемъ), что «по письму никто живому выговору не научится».

Кромѣ единства Т—нъ требуетъ и постоянства (стр. 78, 80, 81), т.-е. онъ идетъ на то́, чтобы со временемъ русское письмо, неизмѣнное при измѣненіи выговора, стало съ нимъ въ такое же противорѣчіе, какъ теперь англійское — трудность котораго впрочемъ по Т—ну (стр. 88) «въ значительной степени мнимая» [8]). Правда, по непослѣдовательности, онъ допускаетъ реформу въ отдаленномъ будущемъ, говоря, что буква ѣ впослѣдствіи могла бы пригодиться въ смыслѣ ѐ, при е=é, если бы слова вѣсъ и вѣсь смѣшали свои окончанія, твердое и мягкое, въ одномъ среднемъ; здѣсь онъ забываетъ, что по его взгляду традицьённые ъ и ь, хотя бы и утратили всякій смыслъ, должны быть сохранены на вѣчныя времена.—И къ чему такъ нужно томсоновское постоянство?! Люди по большей части читаютъ сегодняшнюю газету, новѣйшіе номера́ журналовъ, свѣжіе романы, а, если берутъ въ руки прежнихъ авторовъ, такъ въ новыхъ изданіяхъ; ходячіе учебники постоянно перепечатываются. Кто же имѣетъ дѣло со

---

[8]) Мнимость состоитъ въ томъ, что все-таки имѣются правила. Конечно, имѣются; но сложныя, и съ массой исключеній!

стариной, тотъ скоро вчитается въ особенности ея правописи, или лучше правописей.

Увлекшись своимъ единообразіемъ и постоянствомъ, Т -нъ договаривается до положенія (стр. 75), что «всякія новшества, какъ бы они ни были цѣлесообразны, крайне нежелательны и допустимы, съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, лишь въ томъ случаѣ, если старое безусловно негодно, а новое выдерживаетъ всякую критику». Значитъ, пиши пропало: потому что (приведу слова кн. Вяземскаго [9]) «всякая человѣческая истина, всякое здравое мнѣніе имѣетъ, какъ Ахиллесъ, свою незастрахованную пятку, въ которую уязвить ихъ можно»; или, какъ еще сильнѣе выразился одинъ нѣмецъ, «для всякой глупости можно подобрать отговорку, ко всякой мудрости придирку» [10]).

Вѣскимъ доводомъ въ пользу существующаго правописанія Т -ну представляется то, что оно является составной частью культурной исторіи народа (стр. 126). Этого, понятно, никто не станетъ отрицать, но такою же частью будетъ и новое, упрощенное, болѣе русское, если наперекоръ Т—ну восторжествуетъ; да и недовольство ходячимъ правописаньемъ и попытки къ его упрощенію тоже культурные факты.

Говоря о частностяхъ нашихъ проектовъ, критикъ замѣчаетъ, что буква «связана многими узами съ другими явленіями души, правильное функціонированіе которыхъ нарушалось бы внѣшнимъ устраненіемъ такой буквы» (стр. 83). Эту псевдонаучную фразу, которая

---

[9]) Письмо къ Плетневу отъ 19 ноября 1852 года. Гротъ. Сочин. Державина, т. IX, стр. 251.

[10]) Es giebt keine Dummheit, für die man nicht eine Ausrede, keine Weisheit, gegen die man nicht eine Einrede hätte.

въ переводѣ на простой языкъ значитъ, что непривычныя написанія будутъ насъ смущать и затруднять (срв. мою лекцію, стр. 22—23), Т—нъ самъ сводитъ къ абсурду, когда говоритъ (стр. 73), что «мѣлъ», написанный черезъ е, покажется ему не бѣлымъ, а сѣрымъ.

Въ пользу ѣ Т—нъ ссылается также (не первый) на потребность различить «свѣдѣніе и сведеніе, синее и синѣе, въ полѣ предложный падежъ и въ поле винительный». Первыя двѣ пары гораздо проще и яснѣе могутъ быть различены посредствомъ того, чѣмъ разнятся въ живой рѣчи, т.-е. посредствомъ ударенія. Третья (къ которой можно прибавить еще тѣ же падежи у словъ море и горе), правда, представляетъ дѣйствительное неудобство; но неужели сохранять ѣ изъ-за нѣсколькихъ словъ, гдѣ проводится полезное, но книжно-искусственное различеніе? (Искусственное, т. к. въ непринужденномъ произношеніи имѣется иное различіе, и слышится «вытти в поля»—у окальщиковъ: «в полё»,—рядомъ съ «находиться в поле» или же «находиться в поли»).

Тѣмъ, что ѣ нами употребляется далеко не правильно, критикъ нашъ не смущается—онъ хочетъ сохранить его, не считаясь ни съ фонетикой, ни съ этимологіей, и несмотря на то́, что (какъ самъ признаётъ) «на ѣ тратится много труда и времени въ школѣ» (стр. 97), и что зубреніе ятеваго списка—отчасти неизбѣжное—является «педагогической оргіей» (стр. 158).

Т—нъ стоитъ также за конечный ъ, «какъ знакъ грамматическихъ категорій» (стр. 95—96), т.-е. онъ пренебрегаетъ научнымъ фактомъ, что конечный ъ онѣмѣлъ, и что обозначавшіеся имъ падежи теперь обозначаются отсутствіемъ окончанія. Еще молъ ъ могъ бы приго-

диться впослѣдствіи, для выраженья глухого гласнаго (стр. 90). Опять-таки не Т—ну бы это говорить, когда по его теоріи нечего считаться съ выговоромъ и не слѣдуетъ мѣнять традицьённаго письма; но, если и придать этому доводу другой видъ (говоря о передачѣ областной рѣчи, какъ Будиловичъ, стр. 20), то естественно возразить, что нашъ нѣмой ъ, особенно въ концѣ словъ, долженъ считаться весьма неудобнымъ знакомъ для гласнаго звука, пригоднымъ только для языковѣдовъ, пропитанныхъ духомъ староцерковнаго языка.

Однимъ изъ нашихъ и Т—нъ готовъ поступиться (стр. 94—95), хотя онъ нѣсколько дорожитъ различеніемъ двухъ «міровъ» и повторяетъ, что правило объ і очень просто (что оно нелѣпо—этого онъ въ расчетъ не принимаетъ). И опять-таки онъ припасаетъ і для будущихъ временъ, когда могло бы понадобиться отличить на письмѣ і въ какомъ-нибудь словѣ «сірый» отъ и въ словѣ «шире». Что бу ва и во второмъ словѣ обозначаетъ ы, Т—нъ не признаётъ, и въ связи съ этимъ считаетъ «недопустимыми» написанія ш-ы, ж-ы и постоянное ц-ы (стр. 98). Овъ увѣряетъ, будто на этотъ счетъ съ москвичами расходятся петербуржцы, произносящіе здѣсь и. Не знаю, отъ какихъ петербуржскихъ книжниковъ ему приходилось слышать выговоръ «ши, жи»[11])—я съ дѣтства произношу «жить» почти такъ же, какъ «быть», и совсѣмъ не такъ, какъ «лить»[12]).

[11]) Насчетъ «ци» срв. мою лекцію, стр. 38.

[12]) Звукъ, о которомъ здѣсь говорится, смахивающій на и, но болѣе близкій къ ы, я въ своей фонетикѣ называю «узкими ерами». Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Выпускъ I. Фонетика. Москва 1892. Стр. 14. Существованье такого звука, а именно его болѣе широкаго оттѣнка передъ твердыми согласными, допускаетъ и Т—нъ (стр. 98).

Не прочь Т—нъ отказаться и отъ ѳ (стр. 94); но боится обидѣть Ѳедоровыхъ, а особенно еще болѣе многочисленныхъ Ѳедоровъ и Ѳедоровичей, навязавъ имъ всѣмъ, инымъ изъ нихъ непривычную, букву ф.

Въ концѣ концовъ изъ намѣченныхъ нами жертвъ намъ предоставляется одна ижица (стр. 94). Да и къ той Т—нъ, со своей точки зрѣнія, напрасно отнесся столь сурово, ибо произвольное правило ея употребленія чрезвычайно просто, а отличеніе слова «мνро» въ косвенныхъ падежахъ отъ словъ миръ-покой и міръ-вселенная, если, какъ онъ, дорожитъ такими различеніями должно быть признано полезнымъ.

Къ возраженью противъ сокращенія азбуки критикъ прибавляетъ (стр. 92) требованіе, чтобы устранители «лишнихъ» буквъ добавили также недостающія: значитъ, ё и знакъ для г проточнаго (благо). Это, конечно, правильно въ теоріи, да и было сдѣлано Московской орѳографической комиссіей; однако для практики необязательно.

Возражаетъ Т—нъ также противъ введенія въ русскую азбуку буквы j (стр. 101). Возраженье не особенно нужное, т. к. мы ввести j прямо не предлагали; а съ ученой стороны—не дѣльное [13]); хотя съ практической можно согласиться съ Т—номъ, что буквы я и ю имѣютъ свои удобства, что̀ оговорилъ еще Бётлингъ. (Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ: «Ученыя записки Императорской Академіи Наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ». Т. I, стр. 60).

Что̀ касается собственно-орѳографическихъ упрощеній, то Т—нъ не очень стоитъ за различеніе падежей и родовъ у формъ «её» и «добрые»; но все-таки считаетъ его небезполезнымъ (стр. 87).

---

[13]) Срв. ниже, стр. 28—29.

Переносы критикъ согласенъ упростить (стр. 103), но обязательно съ установленьемъ полнаго единообразія, безо всякой двоякости—какія бы тутъ могли быть упрощенныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ точныя правила, мнѣ несовсѣмъ ясно.

Итакъ, Т—нъ уступаетъ лишь въ двухъ-трехъ мелочахъ, въ общемъ же онъ видитъ въ обоихъ докладахъ «насилія, противъ каковыхъ выступаетъ и наука, и все грамотное общество» (стр. 105); хотя самъ отмѣчаетъ—правда, не безъ оговорки относительно какихъ-то «психологическихъ и физіологическихъ причинъ», т.-е. той же привычки,—что это простая косность. Даже для школы, кромѣ устраненія ѣ, установленья постояннаго з въ приставкахъ «воз, из, низ, раз», да еще упрощенія переноса, проектъ будто бы серьёзнаго значенія не имѣетъ (стр. 118). Пусть та́къ (срв. однако мой отвѣтъ Бѣлкину, стр. 35); но вѣдь уже устраненье одного ѣ есть громадное облегченіе. Еще надо принять во вниманіе, что, устраняя нѣкоторыя правила, трудныя и произвольныя, мы косвенно облегчаемъ усвоеніе другихъ, болѣе разумныхъ, коренящихся въ самомъ языкѣ: выигравъ время, на нихъ можно будетъ продѣлать большее число упражненій, притомъ упражненій не лишенныхъ назидательности [14]). Впрочемъ помоему все-таки желательно сократить занятія по орѳографіи, хотя Т—нъ на это ни за что́ не хочетъ согласиться: лучше-де, если ужъ нужно облегченіе, произвести его насчетъ алгебры, тригонометріи, исторіи и чего угодно! (стр. 123).

При всемъ этомъ Т—нъ признаётъ «труд-

---

[14]) Таково сопоставленье родственныхъ словъ, напр. «тяжкій—тяжесть—тягость—тяготиться». Оговорю однако, что про тѣ же связи и тѣ же звуковые переходы можно бы толковать и при чисто-звуковыхъ написаніяхъ.

ность усвоенія историческаго письма, которое справедливо приравниваютъ къ изученію отдѣльнаго языка» (стр. 12, срв. 59, 61, 124), и приводитъ указаніе, что Вольтеръ и Руссо не выдержали бы элементарнаго испытанія по ороографіи (стр. 48). Съ другой стороны, онъ признаётъ легкость фонетическаго письма (стр. 22, срв. 70); отмѣчаетъ (стр. 93), что наше письмо все-же въ основаніи звуковое, что при чтеніи вслухъ и писаніи подъ диктовку, а также при чтеніи и писаніи всѣхъ не вполнѣ грамотныхъ, звуковая сторона является существенной составною частью, и что правописаніе тѣмъ легче усваивается, «чѣмъ легче опредѣлить букву, которою изображается каждый звукъ даннаго слова». Правда, въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что въ фонетическомъ письмѣ (онъ видно примѣшалъ фонетическую транскрипцію) было бы труднѣе разобраться, и что «правописаніе культурнаго народа можетъ быть только историческимъ» (стр. 23, срв. 45—46). Въ этомъ случаѣ Т—въ крайне требователенъ относительно культурности, и, какъ фонетиковъ, записалъ въ дикари сербовъ, испанцевъ, итальянцевъ, древнихъ грековъ и индусовъ. Зато онъ очень нетребователенъ насчетъ историчности, и для практическаго правописанія считаетъ историческимъ все то̀, что̀ непосредственно унаслѣдовано каждымъ пишущимъ изъ общеупотребительнаго въ данное время правописанія, напр. «цвѣлъ» черезъ ѣ и «мелкій» черезъ е, каковыя начертанія —невѣрныя какъ фонетически, такъ и исторически [15]) —у него получили громкую кличку «традиціон-

---

[15]) Исторически, т. е. по исторіи русскаго языка, что̀ впрочемъ въ сущности совпадаетъ съ этимологіей его словъ, а часто и съ ихъ фонетикой. Срв. лекцію, стр. 2—3.

ныхъ» или «традиціонно-историческихъ» (стр. 54). Готовъ онъ одобрить въ правописаніи все существующее, т. к. всякое историческое правописаніе складывается при естественномъ взаимодѣйствіи тѣхъ факторовъ, съ которыми вообще нужно считаться при письмѣ (стр. 79 прим.). Въ противоположность этому крайнему оптимизму, продолжаю думать, что главные факторы въ развитіи нашего правописанія и подобныхъ ему, это подчеркиваемыя у меня при моей лекціи, въ 4-мъ положеніи, недостаточная приспособленность пришлой азбуки, механическое сохраненье устарѣвшихъ написаній и мудрствованіе малосвѣдущихъ грамматистовъ.

Отстаиваемое имъ ходячее письмо у Т—на, для пущей важности, получаетъ новое, громкое названіе «морфологическаго» (стр. 36), каковое наименованіе впрочемъ столь же примѣнимо и къ нашему упрощенному письму, да и къ чисто звуковому, при коемъ ясно выступаетъ дѣйствительная морфологія живой рѣчи.

Пуская для научной доказательности въ ходъ свою психологію, Т—нъ говоритъ, что психическій процессъ писанія другой, чѣмъ говоренія, процессъ чтенія другой, чѣмъ слушанія, и что поэтому къ письменному языку нельзя прилагать мѣрку устнаго языка (стр. 60). Несомнѣнно это процессы не совсѣмъ сходные; но они тѣсно связаны другъ съ другомъ (т. к. писанье—замѣна устной рѣчи, чтенье—слушанія) и лишь насильственно разрываются тѣмъ же искусственнымъ правописаніемъ, которому поклоняется нашъ оппонентъ [16].

---

[16]) Иные противъ возможности писать, какъ говорятъ, ссылаются на важность въ живой рѣчи интонаціи и жестовъ, а также на возможность переспросить собесѣдника. Насчетъ

Пространное разсужденіе Т—на, такъ же, какъ и Будиловичево, можетъ оказаться чрезвычайно вреднымъ для дѣла, если иные люди, которые собственно должны бы прямо признаться, что пишутъ и будутъ писать, какъ привыкли, станутъ говорить, что они пишутъ, и что всѣ должны писать, не по невѣжественнымъ проектамъ педагогическихъ обществъ, а по «лингвистической теоріи» профессора Т—на.

Значительно инымъ образомъ разсуждаютъ о задуманной реформѣ академики Ягичъ и Коршъ.

Ягичъ, въ XXIII томѣ своего «Архива для славянской филологіи», стр. 576—579, въ 1901 году, помѣстилъ отзывъ о моей лекціи. Здѣсь онъ высказывается противъ рѣшительно-фонетической реформы, но допускаетъ умѣренную и выражаетъ желаніе болѣе свободнаго движенія въ орѳографической области.

Сомнѣвается онъ однако въ своевременности моего замысла, т. к. рѣдко выдаются удобные моменты для реформъ, каковой былъ въ Сербіи при Вукѣ Караджичѣ, въ Хорватіи въ пору иллиризма (литературнаго объединенья съ сербами), въ Россіи—при Петрѣ Великомъ. Возможность въ указанные періоды реформъ, конечно, явствуетъ изъ того, что онѣ дѣйствительно были произведены, но невозможность реформъ въ настоящее время ничѣмъ не доказана; да вѣдь и тогда реформы проходили отнюдь не съ общаго согласья.

интонація срв. отвѣтъ Бѣлкину, стр. 31; насчетъ жестовъ скажу, что на нихъ обыкновенно не смотритъ, иные же изъ нихъ могутъ быть выражены словами. Что жъ до переспроса, то собесѣдника не всегда можно переспросить, оратора же и лектора почти никогда; а съ другой стороны писаное можно перечитать много разъ, да я, пишущій уже перечитывалъ свои выраженія и въ случаѣ неясности исправилъ.

Въ частности Я—чъ говоритъ въ своей замѣткѣ, что ѳ и ѵ легко могли бы быть устранены, и что къ отсутствію ъ привыкнутъ сами собой, если только почаще опускать его въ печати [17]). Вопросъ о двоякомъ і онъ считаетъ не особенно важнымъ. За ѣ однако Я—чъ заступается, потому что онъ имѣетъ этимологическій смыслъ.

Въ XXIV томѣ Архива, стр. 314—320 (въ 1902 г.), Я—чъ напечаталъ нѣмецкій переводъ моего, вызваннаго этою замѣткой письма, содержащаго изложеніе и краткую защиту предполагаемой реформы. Въ примѣчаньи къ моему письму (здѣсь, ниже, перепечатанному) Я—чъ признаётъ возможность удалить также ѣ (хотя и не находитъ употребленье этой буквы особенно труднымъ и желалъ бы его только лучше урегулировать) и настаиваетъ лишь на томъ, что устраненіе ѣ-та не столь настоятельно (nicht so naheliegend), какъ устраненіе ѵ, ѳ, і и ъ.

Въ *теоріи* же Я—чъ *всякое упрощенье правописи и начальнаго обученія считаетъ допустимымъ*. Рѣшительно онъ высказывается лишь противъ нашего обращенія въ министерство, т. к. по его взгляду правительство въ такихъ дѣлахъ непремѣнно должно быть консервативнымъ (Положенье, повторяемое Томсономъ, стр. 139—140). Однако этотъ взглядъ не достаточно считается съ условіями русской жизни. У насъ Правительство, слава Богу, не разъ становилось во главѣ разумныхъ движеній и производило настоящіе, смѣлые и благодѣтельные перевороты.

---

17) Противъ употребленья конечнаго ъ, какъ противъ безцѣльной траты времени и денегъ, онъ очень рѣшительно высказался уже въ 1877 году (Archiv für slavische Philologie, II, 682).

Ѳ. Е. Коршъ по общему направленію весьма близокъ къ Я—чу, на дѣлѣ же гораздо радикальнѣе—уже тѣмъ, что выступаетъ съ собственнымъ реформеннымъ проектомъ. Статья его «О русскомъ правописаніи» (56 страницъ) напечатана въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, томъ VII (1902 г.).

Коршъ, правда, здѣсь въ одномъ мѣстѣ выразился совсѣмъ постаровѣрски, что «тó, что̀ еще уцѣлѣло отъ старины, правописаніе обязано свято сохранить» (стр. 66); но онъ соглашается со мною, что наше письмо шаткое, лженаучное (стр. 69), и далѣе утверждаетъ, что только одинъ человѣкъ, Алдр. Аѳ. Потебня, писалъ у насъ грамотно, причемъ письмо его менѣе ученымъ людямъ не по плечу (стр. 70). Онъ, одобряя статью Павла Никит. Сакулина (Курьеръ, 1 іюня 1901 года), признаётъ «законность попытокъ къ созданію новой орѳографической системы, значительно упрощенной» (стр. 39—40), а потомъ даже очень рѣзко говоритъ (стр. 63—64) о необходимости «на-чисто отказаться отъ разныхъ ухищреній и ото всего того, что хоть было, да быльемъ поросло», и выставляетъ (стр. 72) положеніе, что правописаніе «тѣмъ легче, чѣмъ меньше въ немъ условнаго».

Отмѣтивъ, что у меня хорошо обоснована лженаучность теперешняго письма, К. однако отрицаетъ для русскаго языка возможность чисто звукового письма. Я же со своей стороны, несмотря на его возраженія, остаюсь убѣжденнымъ, что существуетъ, при незначительныхъ колебаніяхъ, общерусскій литературный выговоръ, который благодаря звуковому письму установился бы еще точнѣе [18]), и что отлично можно бы

[18]) Лекція, стр. 7. Срв. у самого Корша (стр. 54): «вслѣдствіе вліянія орѳографія на выговоръ все болѣе и

(если бъ не сила привычки да пристрастіе къ областнымъ говорамъ) воспроизводить на бумагѣ звуки образованной рѣчи, не справляясь ни съ какой этимологіей и морфологіей, причемъ дѣйствительная грамматика живого русскаго языка обнаруживалась бы сама собой. Совсѣмъ ужъ не могу признать довода (стр. 41), что звуковое письмо существуетъ только у народовъ съ весьма цѣлостнымъ, или же, напротивъ того, съ весьма раздробленнымъ діалектически языкомъ, а при среднемъ состояніи, каковое замѣчается въ русскомъ языкѣ, невозможно. Оставляя въ сторонѣ языки, почти лишенные мѣстныхъ особенностей (да есть ли такіе?) скажу, что если орѳографія по литературному выговору можетъ объединять далеко разошедшіяся нарѣчія, то тѣмъ болѣе на ней могутъ помириться близкія другъ къ другу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ нарѣчію литературному.

Это впрочемъ частный, даже чисто-теоретическій споръ между мною и Ѳедоромъ Евгеньевичемъ [19]); но вотъ возраженіе, при которомъ я надѣюсь на широкое сочувствіе. Коршъ (стр. 39), осуждая ярыхъ консерваторовъ, осуждаетъ и тѣхъ, кто радъ всякой реформѣ всякому упрощенію. Съ ученой точки зрѣнія, конечно, послѣдовательность чрезвычайно важна; однако на практикѣ всякое упрощеніе слѣдуетъ привѣтствовать. Такъ напр. буква ѣ (это говоритъ Ягичъ, да и я самъ въ своей лекціи, стр. 32) имѣетъ больше историческаго права пребывать въ русской азбукѣ, чѣмъ і рядомъ съ и и ѳ рядомъ съ ф; но, если бы учебное начальство пошло на реформу, усвоивъ притомъ томсоновское мнѣніе, что ее

болѣе будетъ вырабатываться общелитературное произношеніе».

[19]) Этому спору ниже посвященъ особый экскурсъ.

можно производить лишь пунктъ за пунктомъ (Къ теоріи правописанія, стр. 137), я не задумался бы попросить «для малыхъ сихъ» прежде всего объ устраненіи ѣ.

Какъ принципъ своей орѳографіи, Коршъ выставляетъ изображенье идеально объединенной великорусской рѣчи, которая (въ вѣрности такой хронологіи я сомнѣваюсь, да не вижу въ ней и надобности) приблизительно соотвѣтствуетъ языку XV столѣтія.

Я, со своей стороны, полагаю, что облюбовавшій XV столѣтіе долженъ бы скорѣе примкнуть къ его орѳографіи, чѣмъ къ не долетающимъ до насъ звукамъ,—полагаю еще, что языкъ XX столѣтія имѣлъ бы больше правъ на вниманіе, и что, разъ считаться съ областною рѣчью, то надо посчитаться и съ тѣмъ, что общерусская рѣчь должна служить также малороссамъ и бѣлоруссамъ. Сомнѣваюсь притомъ, чтобы въ XV столѣтіи дѣйствительно было все то, что К. вводитъ въ орѳографію. Вообще остаюсь при убѣжденіи, что принципъ Московскаго педагогическаго общества, т.-е. принципъ этимологіи живого литературнаго языка, куда опредѣленнѣе и основательнѣе (А еще опредѣленнѣе—хотя тоже не математически точенъ—мой принципъ литературной фонетики).

Эти теоретическія возраженія впрочемъ не особенно важны, т. к. на дѣлѣ коршевская орѳографія близко подходитъ, если не всегда къ проекту московскихъ педагоговъ, то ко взглядамъ нашей орѳографической комиссіи.

Коршъ, какъ и педагогическое общество, исключаетъ изъ азбуки буквы ѵ, ѳ, і и ъ. Какъ оно, онъ устраняетъ ь послѣ шипящихъ, напр., въ словѣ «полночь». Какъ оно, ставитъ послѣ ж и ш вм. и—ы: «жыр, шыло»

(однако послѣ двойного ж, которое мягко,—и: вожжи)· Какъ оно, пишетъ -ово, -ево: «тово, сево, доброво». Согласно съ русскимъ отдѣленіемъ общества, онъ пишетъ -ой вм. -ый: «доброй». Различья родовъ во множ. ч. прилагательныхъ онъ тоже не признаётъ, только, что обобщаетъ не -ыи, -ии (какъ отдѣленіе и общество), или -ые, -ие (какъ комиссія), а -ыја, -ија. Несомнѣнно онъ не признаётъ также (это вѣдь выдумки) двоякаго написанія формы «её» и различенье по родамъ формъ «они, одни» и «онѣ, однѣ».

Главное отличіе коршевскаго письма въ томъ, что вводятся двѣ латинскія буквы: h и j.

Буква h является въ такихъ словахъ, какъ «блаho, тоhда», т.-е. въ томъ значеніи, въ какомъ орѳографическая комиссія предлагала писать (что было отклонено русскимъ отдѣленіемъ) г' [20]).

О іотѣ также думала комиссія, но не рѣшилась прямо ввести его, опасаясь господствующаго предразсудка противъ латинскихъ буквъ. Введши j, Коршъ, какъ Караджичъ, изгналъ буквы я и ю; онъ, значитъ, напишетъ «j-а-м-а, j-у-г». Вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется э, такъ что русская «јель» напишется съ j, а англійское пиво «ель» получитъ обыкновенное е [21]). Для обо-

---

[20]) Здѣсь возникаетъ затрудненіе, отмѣчаемое самимъ К—шемъ (стр. 87): совпаденье прописного h съ нашимъ Н. (Срв. однако стр. 10, прим., и урѣзанное К на 56).

[21]) К. сохраняетъ однако й: «зимней, тройка», что помоему хорошо, ибо й значительно разнится отъ того звука, который слышится въ началѣ реченій: «јель, јаблоко, југ, јомкой». Срв. мою статью «Мнѣніе г. Тулова» (и по его поводу—мое) «о русскомъ правописаніи». «Рус. Филол. Вѣст.», т. V, 1881 г., стр. 361. Но я не сталъ бы писать

значенья мягкихъ согласныхъ у К—ша (какъ давно предлагалъ Сумароковъ, срв. мою лекцію, стр. 37, прим.) и передъ гласными пишется ь: «огньа, вьорсты; льубил» [22]).

Ѣ у К—ша опредѣленъ на службу фонетикѣ: онъ обозначаетъ широкое е (французское è, нѣмецкое ä въ словѣ Aehre), противуполагаемое узкому е (é, нѣмецкому е въ Ehre). Такимъ образомъ слова вродѣ «задѣл, клѣтка, лѣс» сохраняютъ букву ѣ, но, «задеть. клеть, чернолесьјо»—ее теряютъ; зато «надмѣнной, жѣнской лѣв, студѣнт, камергѣр и т. п.» получаютъ ее вновь. Это-крупная ломка, на которую врядъ ли согласятся другіе (срв. мой отвѣтъ Бѣлкину, стр. 40—42); но должно признать, что она не создала бы особенныхъ затрудненій: для неразличающихъ слухомъ широкаго и узкаго е можно дать простое и почти исчерпывающее правило, что передъ твердыми согласными пишется ѣ, а передъ мягкими—е; а для того, кто слышитъ эту разницу, не потребуется никакого правила.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ у К—ша нѣсколько част-

ј и между гласными: «волнистыја, попадајутса», т. к. въ такомъ положеніи слышится звукъ, если, пожалуй, не тождественный съ й, то болѣе близкій къ нему, чѣмъ къ ј. Или же я, ради простоты и ради сближенья съ сербскимъ письмомъ и со славянскою латиницей, устранилъ бы ужъ также й.

[22]) При такомъ письмѣ самъ собой отпадаетъ рядъ усложнительныхъ фикцій нашей школьной грамматики: будто напр. формы «короля, -лю, -лемъ, -лямъ, -лями, -ляхъ, швея, -ю, -ей, расходятся съ формами «стола, -лу, -ломъ, -ламъ, -лами, -лахъ, жена, -ну, -ной. Срв. у Грота, «Филологическія разысканія», изд. 2, т. I, стр. 273—274.

ныхъ измѣненій, о коихъ и я заговаривалъ въ нашей комиссіи; но которыя, какъ менѣе существенныя, или принадлежащія не столько къ правописанію, какъ къ праворѣчію, не были разсматриваемы и рѣшаемы. Такъ, онъ хочетъ писать «скушно» черезъ ш; «ходьут, топьут, просьут» черезъ у; -са и просто -с вм. -ся и -сь: гнатса, гналса, гналас». Онъ рекомендуетъ, согласно обыкновенному выговору и аналогично написаніямъ «дѣлО, желѣзО», писать черезъ о «морьо, польо, добројо дитьа и сильнејо» (Но попрежнему «лучше, хуже», т. к. тамъ дѣйствительно слышится е [23]).

Такова коршевская орѳографія, которая настолько упрощаетъ грамоту, настолько соотвѣтствуетъ основной цѣли начинаній московскаго педагогическаго общества и даже настолько сходится съ его предположеньями, что оно, не препираясь о принципахъ и несущественныхъ подробностяхъ, могло бы принять ее цѣликомъ [24]). Жаль

[23]) Не было у меня только постояннаго, при безударности, въ положеніи послѣ гласныхъ, глагольнаго окончанія -вт: «плепьавт, рисуит», отъ коего К. не прочь (стр. 86 и 75, пр. 2). На такое письмо я лично, какъ убѣжденный фонетикъ, конечно, вполнѣ готовъ; однако считаю его несогласнымъ съ пріемами не только ходячаго, но и коршевскаго письма—особенно употребленье и въ формахъ «ку́ит, клыу́вт», при «кујо́т, клујо́т», этимологически недопустимо.

[24]) Впрочемъ я бы рѣшительно опротестовалъ одну мелочь: желанье обогатить русскую азбуку, ради иностранныхъ словъ, буквами, обозначающими ü и ö, для чего предлагаются ү и ѡ (стр. 84). Срв. мою рѣчь: «Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ», стр. 20. Извѣстія Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко, т. VIII. Срв. также у Грота: «Спорные вопросы русскаго

однако, что самъ авторъ не освѣдомился объ этихъ предположеніяхъ и не подчеркнулъ своей съ ними, въ общихъ чертахъ, солидарности; жаль также, что онъ полемизуетъ противъ моего фонетическаго идеала, а не отмѣчаетъ, что мои дѣйствительныя предложенія почти совпадаютъ съ евоными.

Итакъ, въ лицѣ К—ша и Я—ча реформаторы могутъ привѣтствовать сильныхъ союзниковъ. Практики же педагоги, повидимому, въ огромномъ большинствѣ сочувствуютъ болѣе-менѣе значительной реформѣ.

Нечего, значитъ, смущаться проповѣдью лицъ, пренебрегающихъ интересами юношества и возводящихъ въ идеалъ свою привычку или примѣшивающихъ къ чисто житейскому вопросу политику и религію. Нѣтъ, можно надѣяться, что и въ этомъ дѣлѣ скажется здравый смыслъ русскаго народа, и оправдаются ободрительныя слова Тургенева (Хорь и Калинычъ): «русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя; онъ мало занимается своимъ прошлымъ и смѣло глядитъ впередъ».

правописанія», стр. 134 (Филологическія разысканія. 2 изд., т. II. Спб. 1876). Очевидно педагогическія общества одесское и казанское, а также педагогическое отдѣленіе Русскаго литературнаго кружка въ Ригѣ, мало расходящіяся съ вашимъ московскимъ обществомъ, также могли бы примкнуть къ Коршу (Указанье на взглядъ рижскаго кружка, а кромѣ того на сочувствіе реформѣ Неофилологическаго общества при петербургскомъ университетѣ заимствую у Будиловича, стр. 22, прим. Также авторъ цитуемой Б—чемъ замѣтки, г. Лимбекъ, видимо сочувствуетъ упрощенію).

Два приложенія.

I. Нѣсколько словъ въ защиту звукового письма.

Остаюсь при убѣжденіи, что у меня въ лекціи доказана не только лженаучность теперешней орѳографіи, но также возможность чисто-звукового письма. Повторю здѣсь вкратцѣ и отчасти дополню свои доводы (уже нѣсколько дополненные въ отвѣтѣ Алексѣю Серг. Бѣлкину [25]).

Если мы безъ ущерба для пониманія затемняемъ коренные звуки к и с въ нарѣчіяхъ «гдѣ, здѣсь, вездѣ» (Лекція, стр. 9—10), то очевидно и «прозьба» черезъ з нисколько не опасна [26]); если мы отлично понимаемъ, что р-а-з, р-а-с, р-о-з и р-о-с (стр. 21; прибавлю теперь еще р-а-з-о и р-о-з-о, хотя въ нихъ можно говорить и о вставкѣ), разновидности одного и того же предлога, и сознаёмъ связь между формами «распить, роспилъ, разопьемъ, разлить, розлилъ, разорвать и (чтобъ те) ро̀зорвало», то неужели у насъ не хватитъ сообразительности узнать, теперь намъ на письмѣ непривычныя, разновидности предлога «объ»: «облить, аблить, абалью, апхот»? Если можно соблюдать гротов-

---

[25]) Также въ письмѣ Игн. Викент. Ягичу (Срв. ниже стр 44—45).

[26]) Въ лекціи приведенныя нарѣчія сравниваются съ глаголомъ «здѣлать»; но лучше было бы взять другой примѣръ—если не теперешній, то хоть бы «здуть» или «збить»: въ первомъ глаголѣ предлогъ имѣетъ особое право писаться по слуху, ибо не означаетъ ни спуска, ни соединенія, а превратился въ безцвѣтную видову́ю приставку—знакъ завершённости.

скую орѳографію рАсти—рОсъ», то неужели такъ затруднительно написаніе «нАсить—нОсишь»? Если въ живой рѣчи, вовсе не думая о буквахъ, всякій легко справляется съ чередованіями о-а и г-к-ж-ш: «пирагй, пирóк, пиражóк, пирашкй», то можно ли считать неудобнымъ соотвѣтственное чередованіе буквъ?—Нѣтъ, «зрительныя загадки» (Коршъ, стр. 61) существуютъ здѣсь только для людей, привыкшихъ въ такихъ случаяхъ не ко сходству рѣчей устной и писанной, а къ различью [27]). Притомъ на привычку есть отвычка; а у будущихъ поколѣній—если бы ввести звуковое письмо—и привычка была бы на его сторонѣ. Вспомнимъ, что никто не огорчается звуковыми написаньями вродѣ итальянскаго grazia черезъ z, несмотря на прикладокъ grato, или латинскими scripsi и scriptus (поитальянски еще рѣзче—scrissi и scritto), при scribere (поитальянски scrivere), ни даже греческими θρίξ—τριχός или τρέφω—θρέψω—θρεπτός, и не считаетъ необходимымъ возстановить въ чистомъ видѣ корни grat, scrib, θριχ и θρεφ. Да и у насъ никто не тужитъ, что мы не проводимъ въ послѣднемъ русскомъ примѣрѣ букву г и не пишемъ «пирогёкъ, пирогьки» [28]).

Коршево разсужденье насчетъ буквеннаго аканья (стр. 43) нахожу совсѣмъ неправильнымъ. Онъ ссылается 1) на неточность орѳографіи, при которой начальный

---

[27]) Да и тѣмъ только стоитъ отвлечься отъ буквъ и мысленно произнести написанное, чтобы получились хорошо знакомые звуки.

[28]) Съ высшей точки зрѣнія колебанья въ корняхъ и въ наставкахъ, конечно, нежелательны (мы не стали бы вводить ихъ въ какой-нибудь нарочно сочиняемый волапюкъ), оттого они д. б. такъ и поражаютъ насъ на письмѣ.

слогъ реченія «собака» писался бы съ тѣмъ же а, какъ конечный. См. Лекцію, стр. 8, или срв. просто слова «капуста» и «копыто», гдѣ между первымъ и третьимъ гласнымъ та же разница, какъ у слова «собака»; изъ чего слѣдуетъ, что безъ вреда для звуковой точности можно бы—съ большимъ упрощеніемъ—провести повсюду при безударности букву а. [29]) 2) Коршъ напираетъ на сѣвернорусское оканье; которое однако литературному языку не указъ, а, если пожалуй заслуживаетъ подражанія, такъ не только на бумагѣ, но и въ рѣчи (Срв. мой отвѣтъ Бѣлкину, стр. 37, прим. къ 36) Вспомнимъ, что мы иногда, безо всякаго ущерба для смысла, допускаемъ акальскія написанія, напр. «канатъ стаканъ, казакъ, касатка», отчасти отмѣчаемыя самимъ К—мъ (стр. 44); вспомнимъ также, что, обратясь за справками къ сѣверу, мы рискуемъ встрѣтить тамъ с одной стороны «лОкея» и «кОрету», а съ другой— «сАлдата» и «парАходъ» [30]). Считаетъ онъ далѣе (какъ и вс привыкли считать), что имѣется «осязательная» и «практическая» причина не писать а вм. древняго о: это— связь между родственными формами. Но, при всей свое осязательности, эта причина не вѣская. Если можн сказать, что ввиду выговора «бóроды, борóдъ» должн (да къ тому же нетрудно) писать съ двумя о борода» то можно сказать и наоборотъ: т. к. выговоръ «бóроды борóдъ» ясно указываетъ на происхожденье коренных

---

[29]) Что нѣкоторыя тонкости при этомъ останутся не выраженными (стр. 59 – 60), я самъ вполнѣ сознаю. Лекці тамъ же, и стр. 40. Вдобавокъ, т. к. оттѣнки безударных гласныхъ зависятъ отъ мѣста ихъ относительно ударенія то стоитъ обозначить послѣднее, и мы достаточно ясно ука жемъ даже на эти оттѣнки.

[30]) Салдат произноситъ и малороссы!

гласныхъ въ словѣ «борода», то нѣтъ никакой надобности указывать на него посредствомъ ороографіи. Точно также писать д, а не т, въ род. пад. «бородъ» и въ производномъ словѣ «бородка» не особенно трудно, но вовсе не нужно. Помоему этимологическое письмо, если отрѣшиться отъ привычки (правда, глубоко въ насъ засѣвшей!), представляется прямо комичнымъ, когда оно съ важнымъ видомъ растолковываетъ намъ то́, что̀ чувствуется всякимъ ребенкомъ. А соблюденье болѣе отдаленныхъ связей—т. е. связей, въ живой рѣчи уже не существующихъ—К. и самъ сочтетъ неумѣстнымъ [31]).

Требованія риѳмы, на которыя К. (подобно мнѣ, Лекція, стр. 4) тоже ссылается, еще рѣшительнѣе говорятъ за чистую фонетику. К. же, правда, отмѣчаетъ, что теперешнее письмо ставитъ иногда въ ложный свѣтъ риѳму: оно то прикрашиваетъ ее, напр. «Боже—что же?» (частица «же» звучитъ «жа), то клевещетъ на нее, напр. «поля пустыя—лѣса густые» (разница окончаній существуетъ лишь на бумагѣ); но затѣмъ онъ высказываетъ опасенье, что риѳма «молодъ—молотъ», написанная фонетически, т. е. въ обѣихъ частяхъ черезъ т, могла бы затемнять смыслъ (стр. 94). Не напирая на то́, что такихъ жалкихъ виршей, гдѣ было бы неясно, что̀ говорится о молодости и что̀ о молотѣ, и понимать-то не стоитъ; не подчеркивая, что въ рукопись и въ печать, по чьей-либо малограмотности, разсѣянности или недо-

[31]) Къ тому же мы неразъ затруднимся разграничить чутье и знаніе: такъ я думаю (наперекоръ К—шу, стр. 43), что слово «городъ» теперь вовсе не сродни слову «загородка» (Второе о этого слова однако все-таки можетъ быть услышано: въ производныхъ «подгоро́дный» и «иногоро́дній»).

гадливости, могутъ попасть начертанія **имен**но противорѣчащія намѣреньямъ автора [32]),—отмѣчу только, что созвучіе «молодъ—молотъ» состоитъ въ **полн**омъ тождествѣ, а при употребленіи разныхъ буквъ **изо**бражается невѣрно, такъ что богатѣйшая риөма на **письм**ѣ кажется нечистой [33]). Вообще чтобы больше выдвигалась звучность риөмъ (да не однѣхъ риөмъ. **но цѣ**лыхъ стиховъ, и даже прозы) опять-таки весьма **жела**тельно чисто-звуковое письмо.

Опасаться, будто т а к о е п и с ь м о **п**овлечетъ за собой «истребленіе этимологическаго **чутья**» (стр. 61) совсѣмъ не приходится—напротивъ того, **оно** вѣрнѣе изобразитъ явленія разговорной рѣчи, я р ч е о с в ѣ т и т з а к о н ы ж и в о й г р а м м а т и к и. Т**еперешн**яя орөографія заставляетъ насъ напр. говорить въ словахъ «сводъ» и «рѣжь» объ окончаніяхъ -ъ и -ь (изъ коихъ второго, въ видѣ настоящаго гласнаго **звук**а, никогда даже не существовало—этимологически **было** бы лучше

[32]) Это случилось напр. у Тютчева:

И любо мнѣ, и сладко мнѣ,
И міръ въ моей груди. Сочиненія, изд. 2, Спб. 1900 г., стр. 214.

[33]) Кстати приведу еще, какъ особенно **яркій** примѣръ прекрасную—точную и насколько не избитую—риөму, которая на бумагѣ и не похожа на риөму: «плавать—заводь».— А вотъ примѣръ, гдѣ желательно бы (т. к. сходство между сосѣдними риөмами есть недостатокъ) подчеркнуть скрадываемое обычнымъ **пи**сьмомъ различіе:

Онъ бѣш**е**нъ, на лицѣ написана досада,
Но онъ **со**перникъ мой... и я—я очень рада.
Хмѣльницкій. Говорунъ, сц. 3.

ви. -жь писать -жй [34]); корпшевскія и комисьёныя начертанія, положимъ, значительно исправляютъ дѣло, опуская ъ и ь, и заставляя насъ говорить о безсуффиксности,—но одни чисто-звуковыя написанія, кончающіяся на т и на ш, укажутъ намъ, что падежъ и наклоненье здѣсь все-таки характеризуются, а именно превращеніемъ согласныхъ д и ж въ т и ш. Поучительно въ томъ же смыслѣ и слово «фляжка». К. несомнѣнно правъ, что нельзя—по обычаямъ нынѣшняго письма—писать «фляшка» через ш, несмотря на нѣмецкое Flasche, т. к. имѣются «фляжечка» и «фляга» (стр 63); но напрасно онъ упускаетъ изъ виду, что всежъ довольно дико употреблять букву ж тамъ, гдѣ нѣтъ и никогда не было соотвѣтственнаго звука. На мой взглядъ въ данномъ примѣрѣ наше этимологическое письмо не выясняетъ, а затемняетъ этимологію. Выговоръ «фляжечка» и «фляга» вѣдь только потому и могъ возникнуть, что такія слова, какъ «ношка», «дарошка», имѣвшія при себѣ разновидности «ножечка», «дарожечка» и «нага», «дарога», наравнѣ со словомъ «фляшка» содержали ш. Это и побудило меня (исключительно для выясненія дѣла, а не съ цѣлью какой-либо пропаганды) написать сравниваемыя здѣсь слова́ фонетически, какъ теперь, такъ и въ своемъ разборѣ «Этимологическаго словаря» Миклошича, подъ словомъ «Плосква», стр. 132 (Р. Ф. В., т. XXIII, стр. 300).

Что звуковое письмо (да не оно одно, а всякое письмо, менѣе мудреное, чѣмъ теперешнее) можетъ по-

---

[34]) Еще я любителямъ производственности посовѣтовалъ бы писать й въ инфинитивахъ: «дѣлатй, судитй», также въ словахъ «матй» и «исполатй». Велительное «гладй» при этомъ пріемѣ было бы отличено отъ предметницы «гладь».

казаться инымъ интеллигентамъ столь же невѣжественнымъ, какъ письмо нашихъ дворниковъ и кухарокъ, и что это обстоятельство можетъ повредить всякой, даже самой умѣренной реформѣ (стр. 61), конечно, справедливо—срв. отзывъ одного «учителя» о проектѣ нашего педагогическаго общества въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1901 года, № 266 (27 сентября), стр. 3,—но тѣмъ неумѣстнѣе ученому подчеркивать ту неловкость, которую мы всѣ чувствуемъ при звуковыхъ написаніяхъ, а слѣдуетъ напирать на то̀, что мы ее чувствуемъ только съ непривычки, не какъ ученые, не какъ живые люди, а какъ грамотеи. Незачѣмъ напр. говорить, что написаніе «патхот», съ а и съ двумя т, такое же безграмотное, какъ «аддаеццa», съ а дд и цц (стр. 58)—долгъ ученаго признать (что̀ К. относительно перваго слова и дѣлаетъ, стр. 59), что эти начертанія—второе, если исправить въ немъ е на ё—отлично воспроизводятъ русскіе звуки, причемъ предлогъ ад- вмѣсто от- нисколько не сбивчивѣе теперешняго предлога раз- рядомъ съ рос- (напр. «раздать роспись»), окончанье же -цца нисколько не страннѣе малорусскаго -цца: «віддаéцця», или предлагаемаго самимъ К—мъ т с-а: «пробирајетса» (стр. 76) [35].

Относительно литературнаго произношенія я въ своей лекціи счелъ себя въ правѣ сказать, что оно «достаточно установилось» (стр. 3—4), и не вижу основаній отказываться отъ своихъ словъ.

Положимъ, иные образованные люди окаютъ, и произносятъ напр. слово «окно» такъ, какъ оно пишется; иные гакаютъ, т. е. надѣляютъ всѣ слова такимъ г, какое слышится въ словахъ «Господь, благо»,—но не

---

[35]) Срв. отвѣтъ Бѣлкину, стр. 38, прим. къ 37.

подлежитъ сомнѣнію, что эти лица не обладаютъ настоящимъ литературнымъ произношеніемъ. Спорными являются лишь нѣкоторые частные случаи, въ коихъ мы съ Өедоромъ Евгеньевичемъ могли бы разрѣшить двоякое написаніе (Лекція, стр. 4; Коршъ стр. 65 и 72).

Къ тому же обыкновенно намъ можно бы и столковаться. Возьму для примѣра два слова, о которыхъ большинству реформаторовъ нечего и говорить, но которыя возбуждаютъ сомнѣніе при коршевскомъ различеніи буквы е, какъ узкаго, и ѣ, какъ широкаго е. Разумѣю слова̀ «скрежетъ» и «дѣвка», послѣднее въ падежахъ мягкаго окончанія: «дѣвкѣ, дѣвки». Первое реченье по моему выговору должно бы сохранить букву е, а по коршевскому—писаться на первомъ мѣстѣ черезъ ѣ, какъ чистая риөма на глагольную форму «рѣжетъ» (Пушкинъ, Полтава, п. III. Коршъ стр. 73, прим. [36]). «Дѣвки» же, при моемъ выговорѣ и при коршевскомъ письмѣ, также остаются при своемъ, а покоршевски мѣняютъ ѣ на е. Въ обоихъ случаяхъ мнѣ естественно не воспользоваться предлагаемою мнѣ (стр. 72) льготою, а уступить. Слово «скрежетъ» очевидно мною (или другимъ, у кого я его перенялъ) было прочтено добросовѣстно, съ узкимъ звукомъ въ конечномъ слогѣ, что̀ вызвало мягкость звука ж, а вмѣстѣ съ тѣмъ узость перваго е,—каковому чтенію могли благопріятствовать тождесуффиксныя слова̀ «лепетъ» и «трепетъ». Живой выговоръ для этого—правда, не очень живого—реченія

---

[36]) Впрочемъ, пожалуй, все-таки несовсѣмъ чистая, ибо есть, кажется, нѣкоторая разница въ конечномъ слогѣ: глаголъ представляетъ тамъ ы, а имя—совсѣмъ глухой звукъ.

есть, конечно, коршевская фонема «сврѣжътъ». [37]). Во второмъ словѣ, при мягкости звука к, предшествующій ф не могъ сохранить слѣда давно исчезнувшаго ъ, а долженъ былъ умягчиться и сузить предшествующее ему е—мои «дѣфъки», очевидно, взяли твердость и широкость у другихъ падежей [38]).

Напротивъ того, относительно сочетаній е-ш и е-ж передъ мягкостью, напр. «вешьний, прежьний, вежьливый», мой выговоръ заслуживаетъ предпочтенія. Тутъ звуки, нѣкогда несомнѣнно мягкіе, имѣли за собою оставлявшій по себѣ мягкость ь и по отмѣньи послѣдняго очутились передъ мягкостью—откуда же тутъ могла возникнуть коршевская твердость: «вѣшъний, прѣжъний, вѣжъливый»? Очевидно, уста, вообще отвыкшія (вслѣдствіе отвердѣнія слоговъ «жя, шя, же. ше, жи, ж-ь, ш-ь») произносить мягкіе шипящіе, внесли твердыя ж и ш также туда, гдѣ при звуковомъ развитіи должны были сохраниться мягкія. Также и губнымъ при подобныхъ условіяхъ, напр. «хлебьник, древьний, гребля» (въ послѣднемъ словѣ б издавна соприкасалось съ мягкимъ л) не было основанія твердѣть [39]).

---

[37]) Подобнымъ же образомъ (съ мягкостью и съ узостью) я произношу слова «посмѣшище» и «убѣжище». Срв. «пристанище», «пожарище», а также польское nasi—s равно мягкому ш—вм. стариннаго naszy, по образцу сі—ти, oni. Произношу я еще и «медвéжьй»; но здѣсь, кромѣ сходныхъ образованій «олевій, лисій», могло вліять и созвучіе жj (у меня—мягкое), въ другихъ родахъ и падежахъ: «медвѣжья, -ье, -ьяго» и т. д.

[38]) Это я призналъ уже въ своихъ Лекціяхъ по исторической грамматикѣ русск. языка. Москва 1862, стр. 132.

[39]) Мимоходомъ замѣчу еще, что коршевскія «дефьки» плохо ладятъ съ его «хлѣбъникомъ».

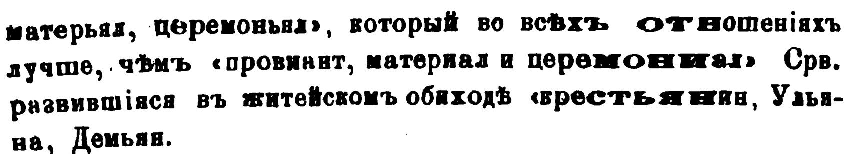
Относительно моихъ «провинцьялизмовъ» [40]), при коршевскихъ «провинцыализмахъ» (стр. 53), судить нѣсколько труднѣе. Я здѣсь не прочь отъ двоякости, хотя вѣсы все-таки какъ будто склоняются въ мою сторону. Коршево указанье, что выговоръ съ «цj» — нѣмецкій, свидѣтельствуетъ не противъ такого выговора, а въ его пользу: думаю, что едвали не всѣ спорныя слова заимствованы именно у нѣмцевъ, съ готовымъ j [41]), и что «ыа» есть только добросовѣстное чтеніе, вродѣ моего узко-мягкаго «скрéжета», каковому чтенію въ данномъ случаѣ могло благопріятствовать заимствованное отдѣльно «провинцыя». Сочетанья «цj» дѣйствительно нѣтъ ни въ одномъ чисто-русскомъ словѣ (нѣтъ его также ни въ одномъ чисто-нѣмецкомъ), но оно настолько похоже на обычныя «чj, сj, тj» — «птичья, лисья, сватья», — что не можетъ считаться страннымъ, тогда какъ «ыа» довольно-таки уродливо. (На эту группу я у Даля нашелъ лишь совсѣмъ необычные примѣры: «ыалѣть, ыалюсить, ыахать, ыапихать, ыорать и ыострять»). А ужъ сокращенье при моемъ выговорѣ длинноватыхъ «провинцыализмовъ, специальностей и апелляцыонныхъ инстанцый» положительно въ духѣ русскаго языка [42]). Притомъ «провинцьял» аналогично выговору «провьянт,

---

[40]) Звукъ ц у меня, кажется, въ такихъ словахъ не мягкій, а средній; букву же ь, а не ъ, я употребляю въ нихъ по обычнымъ пріемамъ русской графики (срв. «шью», «ружье»).

[41]) Срв. отмѣчаемый самимъ К—мъ (стр. 79) нѣмецкій или шведскій выговоръ слова «генералъ» (съ j), о коемъ говорится и въ моихъ Левціяхъ (Фонетикѣ), стр. 115.

[42]) Затронутыя здѣсь судьбы латинской наставки -tion представляютъ яркій примѣръ того, какъ языкамъ иногда трудно приходится съ пришлыми словами. Въ данномъ случаѣ особенно колебался польскій языкъ, гдѣ те-

материял, церемонья», который во всѣхъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ «провиант, материал и церемониал» Срв. развившіяся въ житейскомъ обиходѣ «крестьянин, Ульяна, Демьян.

Положительно К. преувеличиваетъ разногласье изслѣдователей относительно русскаго произношенія, говоря, что онъ самъ, Вас. Алексѣев. Богородицкій и я — «всѣ трое разно» писали объ этомъ предметѣ (стр. 72). Въ дѣйствительности у насъ гораздо больше сходства, чѣмъ различія, да и различіе почти исключительно касается такихъ тонкостей, которыхъ никто не предлагаетъ выражать на письмѣ.

Итакъ, я продолжаю утверждать, что есть возможность установить достаточно точное и во всякомъ случаѣ, для умѣющихъ правильно произносить, чрезвычайно простое фонетическое письмо. Къ тому же я полагаю, что подучиваться на звуковыхъ написаніяхъ дѣйствительнымъ свойствамъ литературной рѣчи [43]) было бы куда полезнѣе, чѣмъ изучать «звуковую сторону всего великорусскаго языка, идеально сведеннаго къ единству» (стр. 72, внизу), т. е. какую-то, хотя и остроумную, фикцію.

перь преобладаетъ упоминаемое К—мъ cj, но рядомъ съ prowincja употребляется также prowincyja, prowincya, а въ старину да въ народѣ еще и съ польскимъ удареніемъ prowincýa, prowincýja. Срв. мое Начертаніе славянской акцентологіи, стр. 176 и 178, прим. 4. Мимоходомъ замѣчу, что я несогласенъ съ К—мъ насчетъ обычности у образованныхъ россіянъ произношенія poèt, yakobinets, süjèt, büro (стр. 84)—на мой слухъ это произношеніе манерное.

[43]) Срв. указанье самого К—ша (стр. 52), что «какіе звуки отмѣчены правописаніемъ, только тѣ и существуютъ въ сознаніи большинства грамотныхъ».

2. Открытое письмо академику Игнатію Викентьевичу Ягичу [44]).

Москва [17]/[29] декабря 1901 года.

Глубокоуважаемый Игнатій Викентьевичъ!

Вслѣдствіе Вашего отзыва въ «Архивѣ» о моей публичной лекціи позволю себѣ обратиться къ Вамъ съ настоящимъ письмомъ.

Мнѣ очень отрадно, что Вы также высказываетесь за упрощеніе орѳографіи (за устраненіе ера Вы говорили уже ранѣе). Вамъ, вѣроятно, вскорѣ придется судить объ этомъ вопросѣ въ качествѣ академика, т. к. по случаю моей лекціи, повторенной затѣмъ въ видѣ реферата въ состоящемъ при университетѣ Педагогическомъ обществѣ, въ Русскомъ его отдѣленіи,—послѣднее вспомнило о подобныхъ же мысляхъ заслуженнаго, теперь уже покойнаго преподавателя Влад. Петр. Шереметевскаго, и образовало подъ моимъ предсѣдательствомъ орѳографическую комиссію, въ которую вошли преподаватели Павелъ Никитичъ Сакулинъ, Иванъ Павловичъ Казанскій и Сергѣй Григ. Смирновъ, и куда нами былъ приглашенъ, въ качествѣ консультанта, также академикъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ. Надъ этимъ же вопросомъ въ то же время работало и другое отдѣленіе

---

[44]) Письмо это сдѣлалъ открытымъ самъ почтенный адресатъ, любезно напечатавъ его, въ нѣмецкомъ переводѣ, въ своемъ «Архивѣ» (Archiv für slavische Philologie, XXIV, 314—319). Считаю не лишнимъ напечатать и русскій подлинникъ.

общества—отдѣленіе начальнаго образованія, гдѣ главнымъ дѣятелемъ былъ Мих. Сем. Семеновъ. Предположенія этого отдѣленія и наши, которыя по большей части совпадали, разсматривались затѣмъ въ засѣданіяхъ отдѣленія русскаго языка и въ соединенныхъ засѣданіяхъ обоихъ отдѣленій, а наконецъ въ общихъ засѣданіяхъ общества. Теперь проектъ, принятый съ небольшими измѣненіями, пошелъ на разсмотрѣніе Министерства, которое мы просимъ, запросивши мнѣнія компетентныхъ лицъ (особенно Академіи Наукъ), образовать для выработки упрощенной орѳографіи особую комиссію. Проектъ (къ коему приложенъ рядъ дополнительныхъ личныхъ мнѣній, по большей части моихъ) значительно умѣреннѣе того, что я предлагаю въ лекціи.

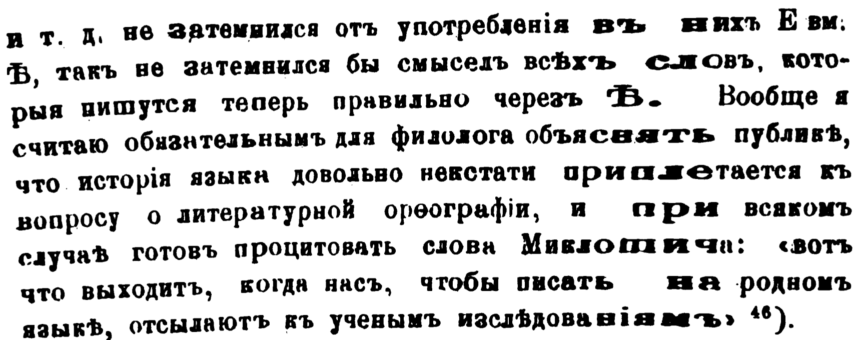
Впрочемъ уже и въ лекціи я, выставивши фонетическій, караджичевскій идеалъ, выступаю однако лишь съ довольно умѣренными предложеніями. Вѣдь я допускаю, какъ уступку обычаю и колокольному патріотизму, оканье (тѣмъ болѣе различеніе, несовсѣмъ совпавшихъ, безударныхъ е и и), допускаю нефонетическія написанія вродѣ с-д, в-к (сдать, ловко). Но все-таки я полагаю, что людямъ науки не слѣдуетъ особенно напирать на силу обычая: о ней безъ насъ всѣ твердятъ, наше же дѣло отвѣтить на вопросъ, не будетъ ли упрощеніе орѳографіи (трудности которой никто почти не отрицаетъ) нарушеніемъ свойствъ русскаго языка и обидою наукѣ. А на это, конечно, отвѣтъ, что напр. свойства сербскаго языка отъ караджичевой реформы не только не исказились, а напротивъ того выступили яснѣе.

Относительно пользы этимологическаго письма для науки надо подчеркнуть, что мы все равно не можемъ

руководствоваться его (далеко не надёжными) показаніями, а относительно практической цѣны слѣдуетъ указать на то̀, что тамъ, гдѣ имѣется живая связь, она отлично сознаётся всѣми, даже неграмотными: всякому понятно, что звуковое сочетаніе в-о-с означаетъ тотъ же предметъ, какъ в-а-з-а̀, только въ другомъ количествѣ, что л-о̀-в-ъ-к и л-а-ф-к-а̀ одно и то же, только что первое относится къ мущинѣ, второе къ женщинѣ; такія дѣйствительныя связи при обученіи чтенію и письму порываютъ, пріучая учениковъ къ начертаніямъ вродѣ в-о-з-ъ, и замѣняютъ новыми, искусственными связями. Противъ этой пошлой схоластики, которая чрезвычайно гордится тѣмъ, что заслоняетъ дѣйствительныя свойства живой рѣчи, я и возстаю, да и Вы, навѣрное, ей вовсе не сочувствуете, хотя это и могли бы, пожалуй, вывести изъ Вашей статьи ревностные апологеты священной привычки. Указываемые у меня промахи нашей грамоты не единичные случаи (каковые можно указать и у Караджича), а типичные примѣры повсемѣстной борьбы двухъ противуположныхъ принциповъ, изъ коихъ этимологическій принципъ есть начало искусственное, ложное; почему обязательно провозгласить (по крайней мѣрѣ въ теоріи—а мы вѣдь люди теоріи), если ужъ не вполнѣ звуковое письмо, по литературному (когда пишутъ на мѣстномъ нарѣчіи—по мѣстному) выговору, то преобладаніе фонетики во всѣхъ сколько-нибудь сомнительныхъ случаяхъ. Также существованіе уже въ настоящее время нѣкоторыхъ, несогласныхъ съ общею системою, звуковыхъ написаній имѣетъ принципьяльное значеніе: оно доказываетъ возможность писать всегда фонетически [45])—какъ смыселъ реченій «мель, семья»

---

[45]) Иной м. б. возразитъ мнѣ, что я дѣлаю здѣсь не-

и т. д. не затемнился отъ употребленія въ нихъ Е вм. Ѣ, такъ не затемнился бы смыселъ всѣхъ словъ, которыя пишутся теперь правильно черезъ Ѣ. Вообще я считаю обязательнымъ для филолога объяснять публикѣ, что исторія языка довольно некстати приплетается къ вопросу о литературной орѳографіи, и при всякомъ случаѣ готовъ процитовать слова Миклошича: «вотъ что выходитъ, когда насъ, чтобы писать на родномъ языкѣ, отсылаютъ къ ученымъ изслѣдованіямъ» [46]).

Что̀ касается постепеннаго пріученія публики къ новымъ начертаніямъ, то эту задачу могла бы себѣ поставить развѣ Академія или какое-нибудь вліятельное изданіе, или знаменитый писатель. Сами Вы притомъ нѣсколько опасаетесь возможности цензурныхъ затрудненій. И дѣйствительно, недавно нѣкто Казàриновъ хотѣлъ напечатать въ Москвѣ книгу безъ ъ, безъ ь (вмѣсто него апострофъ) и безъ ѣ, но цензура затруднилась этимъ.

Въ виду такого положенія дѣла, надо считать желательнымъ выхлопотать свыше разрѣшеніе на реформу, хотя бы весьма умѣренную, какая и предлагается нашимъ педагогическимъ обществомъ.

Вотъ предположенія общества (довольно близкія къ моему фонетико-этимологическому письму и почти, но не совсѣмъ, тождественныя съ проектомъ орѳогра-

---

позволительное заключенье отъ частнаго къ общему. Дѣйствительно, въ такую ошибку впалъ бы какой-нибудь иностранецъ, который вывелъ бы изъ этихъ написаній, что русское письмо вполнѣ звуковое; но заключать отъ нихъ къ возможности такого письма вполнѣ правильно. (Корректурная приписка).

[46]) Das kommt heraus, wenn man um seine Muttersprache zu schreiben an gelehrte Forschung gewiesen wird.

фической комиссія): 1) исключаются ѣ, ъ, ѵ, і и ѳ. 2) ь пишется только тамъ, гдѣ нуженъ для произношенія: гнать, няньва, весьма, крестьянин; но гнатся, увлечся, ноч, мощ, леч. Съ устраненіемъ ъ, въ раздѣлительномъ значеніи употребляется вездѣ ь: обьём, сьесть. 3) Послѣ ж и ш пишется не и, а ы: жыр, жыть, сушыть, и послѣ нихъ не пишется ь: рож, тиш. 4) Послѣ ц всюду проводятся ы: не только цыганъ, цыновка и т. п., но и цыкорий, цытадель, станцыя, лекцыя. 5) Послѣ шипящихъ и ц ударяемое о постоянно изображается на письмѣ: жорнов, шол, течот, прельщон. 6) Приставки воз, из, низ, раз, подобно безъ, чрезъ (черезъ) и другимъ префиксамъ, никогда не мѣняютъ з на с (Пунктъ комиссіей опротестованный). 7) Вмѣсто окончаній -ого, -аго и -его вводятся -ово и -ево: злово, доброво, синево, тово, ево. (Передъ этимъ пунктомъ стоялъ отклоненный Обществомъ пунктъ объ окончаніяхъ -ой и -ей вм. -ый и -ій: доброй, синей, великой, пегой, тихой; или же -кый, -гый, -хый вм. -кій, -гій, -хій: великый, пегый, тихый). 8) -ыи и -ии для всѣхъ родовъ вм. различаемыхъ по родамъ -ые и -ыя, -іе и -ія (Члены комиссіи здѣсь, въ случаѣ установленія одного окончанія, склонны были предпочесть уже употребительное на письмѣ е). 9) Мѣстоименіе её писать такимъ образомъ, а не черезъ я, и въ качествѣ род. пад. 10) Всегда писать они и одни (Комиссія считала окончаніе -е (-ѣ) допустимымъ, но безъ закрѣпленія его за женскимъ родомъ). 11) Въ мѣстномъ падежѣ словъ на -ій, -ія, -іе и въ дат. пад. словъ на -ія допускается по общему правилу е (ѣ): о Василии, на линии, к линии, в этом здании или о Василие, на линие, к линие, в

этомъ зданіе. 12) Признается, что правила переноса не могутъ имѣть никакой научной обязательности, и рекомендуется только переносить слова по слогамъ, съ соблюденіемъ правила причислять согласную въ слѣдующей гласной, при стеченіи же согласныхъ или всѣ относить къ послѣдующей гласной или нѣкоторыя оставлять при предыдущей.

Эти предположенія педагогическаго общества, при всей своей умѣренности, все-таки посягаютъ на палладій русской грамоты—на букву ѣ: притомъ въ педагогическомъ обществѣ даже не раздалось ни одного голоса въ ея пользу. Неужели Вы будете въ самомъ дѣлѣ за нее стоять? Мнѣ думается, что Вы чувствуете къ ней не болѣе, какъ ту же нѣжность, въ которой я и самъ признаюсь въ своей лекціи (стр. 48, внизу),—но вѣдь это не значитъ быть убѣжденнымъ въ ея полезности. Въ употребленіи ѣ-я дѣйствительно сказывается уваженіе къ преданію, но уваженіе, соединенное съ непониманіемъ исторіи: писать въ XX столѣтіи букву, которая была умѣстна развѣ въ XII—это грубый анахронизмъ. Къ тому же ороографія не есть уцѣлѣвшее до нашихъ временъ старинное зданіе. Если бы было такъ, я первый поспѣшилъ бы поднять на ноги Археологическое общество и не побрезгалъ бы даже содѣйствіемъ полиціи, чтобы спасти интересный памятникъ отъ варварскихъ рукъ усердныхъ не по разуму подновителей. Нѣтъ, ороографія это—планъ, по коему всѣ пишущіе обязаны воздвигать новыя зданія, а такой планъ, если устарѣлъ, несомнѣнно долженъ быть передѣланъ и примѣненъ къ современнымъ потребностямъ. Мы, филологи, м. б. и вознаграждаемся въ полной мѣрѣ за трудъ изученія ѣ-я, когда онъ въ какой-нибудь формѣ «женѣ» напоминаетъ намъ о цѣлой цѣпи звуковыхъ переходовъ;

но достаточно ли вознагражденія, выплачиваемаго горсткѣ ученыхъ, за труды мильёновъ другихъ людей? Притомъ, если устранить ѣ, у будущихъ филологовъ тѣ же историко-сравнительныя воспоминанія прекрасно будутъ вязаться съ буквою е. А ужъ разработка сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, конечно, нисколько не пострадаетъ отъ удаленія новорусскаго ѣ. Но, можетъ быть, ѣ полезенъ для студентовъ-филологовъ? Вовсе не полезенъ, а вреденъ. Сколько разъ мнѣ приходилось читать въ студенческихъ рефератахъ взводимую на почтенныхъ черноризцевъ напраслину, будто они не умѣли употреблять букву ѣ, т. к. писали къде черезъ е, а обитѣль—черезъ ѣ. Вотъ плоды полузнанія, которое хуже невѣдѣнія! Тѣмъ менѣе ѣ полезенъ для обыкновенныхъ людей. Они выносятъ изъ школы такое понятіе о ѣ, что «есть, молъ, въ русской азбукѣ буква ѣ, которую чрезвычайно трудно отличать отъ е, каковую науку я наконецъ превзошелъ (или: никакъ не могъ усвоить)». Какое прекрасное свѣдѣніе! Между тѣмъ сколько драгоцѣннаго времени уходитъ на его пріобрѣтеніе. Мнѣ сдается въ добавокъ, что даже господствующимъ въ обществѣ предразсудкомъ противъ нашей бѣдной филологіи, непризнаваньемъ изслѣдованія живой человѣческой рѣчи живымъ дѣломъ, мы преимущественно обязаны тому обстоятельству, что школьная грамматика является прежде всего наукою о буквѣ ѣ и другихъ схоластическихъ ухищреніяхъ.

Что касается вопроса о своевременности ороографическаго похода, то вѣдь я и самъ нѣсколько сомнѣваюсь въ подготовленности русскаго общества (Лекція, стр. 29). Но мнѣ ждать дольше, кажется, не приходилось: сомнительно, чтобы я достигъ болѣе авторитетнаго положенія, чѣмъ имѣю теперь, а жизнь м. б. клонится

къ концу. Положимъ, именно въ 1899 году (печат
въ 1901) я выступилъ случайно: хотѣлось мнѣ соб
нѣкоторую лепту для сербовъ-лужичанъ, въ пользу
Будышинскаго народнаго дома, и когда затрудни
разрѣшить мнѣ публичную лекцію о Мицкевичѣ,
стилъ въ ходъ накопленный за много лѣтъ матер
по правописанію.

А выступилъ я, пожалуй, какъ разъ въ удо
моментъ, когда производится реформа средней школ
измѣненьемъ и расширеніемъ курса, на которое
тельно выгадать время. Да и научное пониманіе
скаго языка теперь (по крайней мѣрѣ среди препо
телей) уже значительно повысилось—не даромъ въ
слѣднія десятилѣтія съ университетскихъ каѳедръ
гались студентамъ дѣйствительныя свойства и со
шенія славянскихъ языковъ. Уже успѣхъ мой въ на
педагогическомъ обществѣ, на каковой я самъ не
считывалъ, свидѣтельствуетъ о движеніи впередъ
60-хъ годахъ, въ Петербургѣ, орѳографическія
щанья педагоговъ не вызвали такого ходатайства
ходатайству этому вдобавокъ предполагаетъ прим
(вѣроятно, съ нѣкоторыми отступленіями въ подр
стяхъ) нѣсколько иногороднихъ педагогическихъ обще

Въ Академіи мы, кромѣ Филиппа Ѳедоровича
тунатова, съ увѣренностью можемъ расчитыват
Ѳедора Евгеньевича Корша и на Алексѣя Алекса
вича Шахматова; полагаю, что и Алексѣй Иван
Соболевскій, мнѣнія котораго мнѣ не приходилось
шать, едвали можетъ отнестись къ нашему пр
отрицательно. Вы же, надѣюсь, замолвивъ (какъ
логъ передъ филологами) словцо за букву Ѣ въ т
случаѣ, гдѣ она пишется и по этимологіи, и по
(т. к. произносится ä), не будете настаивать на н

димости употреблять эту букву въ житейскомъ обиходѣ по теперешнему способу вкривь и вкось, а тѣмъ менѣе на другихъ, уже совершенно произвольныхъ, правилахъ.

Еще одна частность. «Курьёзнымъ» по Вашему мнѣнію признаніемъ, что мнѣ самому легче писать обыкновеннымъ правописаньемъ, чѣмъ своимъ упрощеннымъ (Лекція, стр. 48, прим.), я предупреждаю указаніе на это со стороны противниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишній разъ подчеркиваю, что легкость нынѣшняго письма существуетъ для насъ, уже прошедшихъ школьныя мытарства, тогда какъ для учащихся имѣются большія трудности [47]).

Затѣмъ, въ надеждѣ, что Вы поможете намъ облегчить тяготу, по словамъ Шереметевскаго, «малыхъ сихъ», прошу Васъ принять увѣренье въ моемъ искреннемъ почтеніи. Прилагаю образчики новыхъ ороографій.

Вашъ *Р. Брандтъ.*

---

[47]) Въ связи съ ороографіей находится Ваше толкованіе инфинитива «идти» (Архивъ, т. XXIII, стр. 586). Я продолжаю держаться буслаевскаго объясненія, что д (конечно, не какъ таковое, и лишь ввидѣ усиленія звука т) внесено въ инфинитивъ изъ настоящаго—Лекція, стр. 49, прим 53, Сравнит. морфологія, стр. 462, прим. 2. «Ить» вѣдь нигдѣ не встрѣчается—старопольское іć тутъ, понятно, ни при чемъ,—да оно бы и уцѣлѣло, какъ «пить, вить, жать»; старинное «и-т-ь-т-и», полагаю, представляетъ ь, какъ знакъ мягкости, и вмѣстѣ съ тѣмъ потому, что сдваиванье согласныхъ старинному письму чуждо.

Образцы моихъ ороографій.

I. Звуковое письмо латинскими буквами.

Blaqadatȷ Qospada Boqa da budit sa fsemi v
Bednyi (-yĭe, -yĭa) deti zgareli sa styda. Qde zdesȷ
laſnaĭa lafka? U Very xoltyi (-yĭe, -yĭa) glaza. Ka
beçtviĭa! Universitet suſcestvuit i dle studentaf,
prafesarof. Etat prafesar uxe ne citait lekçiĭ (или:
Uxe?! Cort, gavarȷat, corin. Oci jeĭo cerneĭa no
lisiç jestȷ nory, u ptiç—gnȷozda. Na etaĭ jeli mnog
ſak. Xyna da baitça muxa svaĭevo. Detki zabylis
deçkim snom. ſcastȷja nam izmenila. Daĭ mne br
paçaluĭ. Raskrylas açkaĭa bezna. Ceĭ eta pegaĭ xy
nacik? Deduſka fsȷo cital vethaĭ zavet. Ja pȷu
xytkaĭ caĭ. ſto ty s nim zdelaiſ? Teperȷ zame
opſciĭ padjom duha. Jim nuxyn oddyh. Boh na
moſnik i zaſcitnik. Prijatnava sna! Sjest nacnȷo
pȷatȷ cesof. Kak jevo nexut! A com menȷa prosȷu
etava neskaxyt.

Такое письмо, съ нѣкоторыми дополненьями,
лось бы и для другихъ славянъ. Напр. посербохорва
konȷ, konȷa; kralȷ, kralȷiça. Ruĭna vina caſe pune
xahu se od junākā. A vaĭ, dugē nocji!

Именно мечта объ общеславянской (даже общее
ской, опять-таки съ приспособленьемъ къ мѣст
потребностямъ) латиницѣ заставляетъ меня нѣск
дорожить своимъ проектомъ русско-латинской а
Говорю «свой проектъ»; но конечно здѣсь, какъ
обще въ моихъ правописныхъ затѣяхъ, очень
своего.

Преимущество этого письма передъ діакри
скимъ (чешскимъ) заключается въ томъ, что ов

отпугиваетъ непривычнаго глаза массою своеобразныхъ знаковъ, и что для него не надо вырѣзать новыхъ буквъ: ç есть во французской азбукѣ, Ĭ— въ латинской; послѣднее пришлось бы только отлить въ большемъ количествѣ. Побольше понадобилось бы также j, причемъ съ нѣкоторыхъ спилили бы точки,—этотъ же безточный ȷ, перевернутый, служилъ бы длиннымъ ſ, т. е. ш.—Подобную утилизацію литнихъ латинскихъ буквъ предлагалъ уже въ 1874 году (Вамъ вѣроятно извѣстный) Рожковскій—Écriture omnislave. Mémoire présentée à l'Académie d'Agram. Venise; однако его q въ значеніи ч и w въ значеніи ш ужъ слишкомъ условны. Рожковскій думалъ и объ упоминаемыхъ Вами удобствахъ телеграфнаго дѣла [48]).

2. Фонетическая гражданица.

Благ̦адать Г̦оспада Бог̦а да будит са фсеми вами. Бѣдныи (-ыйѣ, -ыйа) дети згарели са стыда. Г̦дѣ здесь мелашнайа лафка? У Вѣры жолтыи (-ыйѣ, -ыйа) глаза. Какойа бецьтвийа! Университѣт существуит и дле çтудѣнтаф, и дле прафесароф. Ѣтат прафѣсар уже не чітаит лѣкцый (лекьций). Ужѣ?! Чорт, гаварьат, чорив. Очі јейо чернейа ночі. У лисиц јесть нӧры, у птиц—гньозда. На ѣтай јели многа шышак. Жына да баитца мужа свайево. Дѣтки забылись недѣцким сном. Щастьја нам изменила. Дай мнѣ брацкай пацалуй. Раскрылас

[48]) Неизвѣстны мнѣ подробности русской латиницы, предлагаемой Международнымъ фонетическимъ союзомъ. Повидимому, это письмо удобно лишь какъ научная транскрипція или какъ учебная передача для иностранцевъ, но не для славянскаго обихода. Пав. Дм. Первовъ. Международная фонетическая ассоціація. Филолог. Зап., 1903 г., вып. IV—V.

ацкайа бѣзна. Чей ѣта пѣгай жыребьоначік? Дѣдушка фсьо чітал вѣтхай завѣт. Ја пју очінь жыткай чай. Што ты с ним здѣлаиш? Теперь замечаица опщій падјом духа. Јим нужын оддых. Бох наш намошник і защітник. Пријатнава сна! Сјѣст начньотца ф пьать чесоф. Как јево нѣжут! А чом менья просьут? Он ѣтава нескажыт.

3. Мое полуэтимологическое письмо [49])

Благодать Господа Бога да будет со всеми вами. Бедныи (-ые, ыя) дети сгорели со стыда. Где здесь мелошная лавка? У Веры жолтыи (-ые, -ыя) глаза. Какойо бедьствийо! Университет существует и дле студентов, и дле професоров. (Или же -оф, черезъ ф? [50]). Етот професор уже не читает лекцый (или лекций). Уже?! Чорт, говорят, чорен. Очи јейо чернея ночи. У лисиц јесть норы, у птиц—гньозда. На етой јели много шышок. Жона да боитса мужа своево. Щастьјо нам изменило. Дай мне братской поцалуй (Или -це-? т. к. «цел». Срв. Лекцію, стр. 53). Роскрылас адская безна. Чей ето пегой жеребьоночок? Дедушка всьо читал ветхой

---

[49]) Здѣсь вмѣсто ьо, йо, јо можно подставить ё и сочетаніе ьё вмѣсто је—просто е и ье, а вмѣсто е въ началѣ словъ—э.

[50]) Опять краснорѣчивый примѣръ суетности этимологическаго принципа. Фонетически вполнѣ ясно, что надо писать ф; а этимологически? Съ одной стороны, конечно, русскій звукъ ф всегда есть древнее в (и то за исключеніемъ нѣкоторыхъ пришлыхъ, но совершенно обрусѣвшихъ словъ, вродѣ «фитиль, лафа, кафтанъ, кофта»), однако, съ другой стороны, въ живой рѣчи здѣсь в никогда не обнаруживается.

завет. Я пью очинь жыдкой чай. Што ты с ним сделаеш? Теперь замечнется общой подјом духа. Јим нужон отдых. Бог, наш помошник и защитник. Прајатново сна! Сјезд начньотса в пять часов. Как јево нежут! О чом меня просют? Он етово нескажот. [51]).

4. Письмо московской орѳографической комиссіи (Съ оговорками насчетъ измѣненій Педагогическаго общества).

Благодать Господа Бога да будет со всеми вами (Буква г̓ Обществомъ отвергнута). Бедные (Общество: -ыи) дети сгорели со стыда. Где здесь мелочная лавка? У Веры жолтые (Общество: -ыи) глаза. Какое бедствие! Университет существует и для студентов, и для професоров (Вопроса объ удвоеньи согласныхъ Общество не разсматривало). Этот професор уже не читает лекцый. Уже?! Чорт, говорят, чорен. Очи её чернее ночи. У лисиц есть норы, у птиц — гнёзда. На этой ели много шышек. Жена да боится мужа своево. Детки забылись не детским сном. Счастье нам изменило. Дай мне братскый (Общ.: -кий) поцелуй. Роскрылась адская бездна (Общ.: Р-а-з-). Чей это пегый (Общ.: -гий) жеребёночек? (Общ.: -бе-, т. к. тутъ не грозитъ никакого смѣшенія). Дедушка всё читал ветхый (Общ.: -хий) завет. Я пъю (Общ.

---

[51]) Относительно ј и «мягкихъ буквъ» въ этомъ письмѣ оговорю слѣдующее. Роль іота могла бы быть передана буквѣ і, и безъ того играющей эту роль въ нѣкоторыхъ пришлыхъ словахъ: «іодъ, іезуитъ». — Несоотвѣтствіе между сочетаньями ьо, йо и јо (іо) съ одной стороны, и буквами я, ю — съ другой, — не бѣда; напротивъ того, написанія л-ь-о-д, и-о-й-о-т, л-ь-ј-о-т облегчили бы истолкованье уже въ начальной грамматикѣ истиннаго значенія буквъ я и ю, какъ равныхъ ьа, йа, ја; ьу, йу, ју.

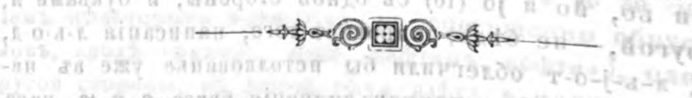
съ ь) очень жыдкый (Общ.: -кий) чай. Что т
сделаеш? Теперь замечается общий подъём (Об
духа. Им нужен отдых. Бог' (Общ.: Бог) в
мощник и защитник. Приятново сна! Съезд (О
резъ ь) начнётся (Общ: -е-) в пять часов.
нежат! О чом меня просят? Он этово не скаже

5. Коршевское письмо [52]).

Блаһодать Һоспода Боһа да будет со всем
Бѣдныја дети сгорели со стыда. Гдѣ здесь ме
лавка? У Вѣры жолтыја глаза. Какојо бедстви
верситѣт существуит и дльа студѣнтов и дльа
соров. Ѣтот профѣсор уже не читаит лѣкцый.
Чорт, говорьат, чорен. Очи јејо чернејо ночи.
јесть норы, у птиц—гньозда. На ѣтой јели мн
шок. Жена да боитса мужа својево. Дѣтки заб
дѣтским сном. Щастјо нам изменило. Дай м
ской поцелуй. Роскрылас адскаја бѣздна. Чей
гой жеребьоночек? Дѣдушка всьо читал вѣтхо
Ја пју очень жыдкой чай. Што ты с ним с
Теперь замечаитса общей подјом духа. Јим нуже
Боһ наш помошник и защитник. Пријатново сн
начньотса в пьать часов. Как јево нѣжут! О ч
просьут? Он ѣтово не скажыт.

Вотъ образчики предлагаемыхъ ороограф
коихъ ни одна, конечно, не достигаетъ недост
идеала; но любая, помоему, лучше нынѣшней.

Романъ Бранд

[52]) Прибавлено послѣ, для печати.

Человѣкъ-педагогъ *).

Изъ жизни и дѣятельности бывшаго учителя и инспектора гимназій.

IV.

Поступленіе Өедора Владиміровича Цвѣтаева на службу въ шуйскую классическую прогимназію.—Особенность такой школы въ ту пору.—Симпатіи къ Ө—ру Вл—чу учениковъ и ихъ родителей.—Столкновеніе по службѣ.—Вынужденный переходъ на службу въ Орелъ.

По окончаніи Өедоромъ Владиміровичемъ Цвѣтаевымъ университетскаго курса (1874 г.), тотчасъ начинается педагогическая его служба, длившаяся свыше 25-ти лѣтъ, до самой его смерти.

Преподавательское мѣсто ему выпало въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ еще въ студенчествѣ занимался въ одномъ изъ частныхъ учебныхъ заведеній; но онъ поступилъ учителемъ русскаго языка въ Шуйскую мужскую прогимназію, желая тѣмъ посвятить свои молодыя силы просвѣщенію своего родного города, близкаго ему по воспоминаніямъ дѣтскихъ лѣтъ. Мечта, достойная и молодого возраста, и особо-добраго сердца начинающаго педагога. Съ горячимъ увлеченіемъ принялся онъ за новое дѣло.

Это были годы усиленнаго насажденія у насъ «толстовскаго классицизма». Въ Шуѣ, уѣздномъ городѣ,

---

*) Окончаніе. См. вып. I, 1904 г.

стоящемъ въ округѣ русской заводской промышле
сти, населенномъ торгово-промышленнымъ и крес
скимъ людомъ, не имѣвшимъ у себя никакой
школы, кромѣ низшей городской, учреждена была к
сическая прогимназія, которая затѣмъ должна
превратиться въ классическую гимназію. Всѣмъ пам
какіе были учебники, учебныя пособія, методы и
собы, которыми тогда внѣдряли тотъ своеобразный
сицизмъ. Горькими оказались для шуйскихъ мальч
«латынь», «греческій» и вводимые школьные пор
вмѣстѣ съ дѣтьми немало горькаго переиспытали
родители...

Молодой и добрый учитель русскаго языка,
жившій и увлекавшій учениковъ сроднымъ и понят
имъ предметомъ, скоро завоевалъ себѣ живыя сим
какъ учениковъ и ихъ родителей, такъ и молодыхъ то
щей по службѣ. Но прямота и добрая участливост
характера, эти драгоцѣнныя его свойства, свято
сенныя имъ чрезъ всю его жизнь, дурно были п
начальникомъ заведенія, человѣкомъ раздражител
до болѣзненности, придирчивымъ и близорукимъ,
рый началъ подозрѣвать прибывшаго къ нему
петербургскаго кандидата чуть не въ нигилизмѣ
Московскомъ учебномъ округѣ не въ мѣру давало
въ школахъ чувствовать свою тяжелую руку служ
въ окружномъ управленіи лицо «австрійской ш
за подписью котораго Ѳедоръ Владиміровичъ и пол
оффиціальную бумагу, съ увѣдомленіемъ, что въ
округѣ ему нѣтъ мѣста... Къ счастію, вдумчиво
шее въ дѣло другое административное лицо упра
сумѣло разобраться въ немъ, и Ѳедору Вл—чу
предоставлено учительское мѣсто въ другомъ город
же округа, много лучшее, въ Орлѣ.

V.

Служба и жизнь Ѳ. В. Цвѣтаева въ Орлѣ. Занятія въ реальномъ училищѣ и военной гимназіи.—Прочная установка служебнаго положенія.—Пріѣздъ на службу въ военную гимназію родного брата и совмѣстная съ нимъ жизнь.—Преподавательскій кружокъ и его интересы и время—препровожденіе.—Отношенія Ѳ—ра Вл—ча семейныя, товарищескія, служебныя и къ ученикамъ.—Характеръ преподаванія своихъ предметовъ.—Выдающіеся успѣхи учениковъ.—Переводъ на службу въ Москву.

Въ городѣ, имѣющемъ въ себѣ нѣсколько среднихъ учебныхъ заведеній, дѣятельность молодого педагога быстро расширяется *).

Директоромъ орловскаго реальнаго училища, куда былъ переведенъ Ѳедоръ Владиміровичъ, состоялъ въ ту пору А. И. Дружининъ; опытный въ пониманіи лицъ педагогическаго персонала, талантливый и доброжелательный, онъ хорошо оцѣнилъ своего новаго сослуживца. Въ непродолжительномъ времени онъ поручилъ ему секретарство въ педагогическомъ совѣтѣ училища, и потомъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще привлекалъ его къ составленію годичныхъ отчетовъ и разныхъ бумагъ оффиціальнаго характера. Съ неизмѣннымъ довѣріемъ и уваженіемъ этотъ почтенный начальникъ относился къ Ѳ—ру Вл—чу до самой своей кончины. Слѣдующіе затѣмъ директоры находили въ его лицѣ уже не только преподавателя съ прочнымъ положеніемъ въ училищѣ,

*) Соотвѣтственно съ этимъ, въ указанномъ выше сборникѣ воспоминаній и другихъ матеріаловъ, изданія г. Анненкова, служащемъ для настоящей нашей статьи, о жизни и дѣятельности Ѳ. В. Цвѣтаева въ Орлѣ и о бытѣ тамошнихъ педагоговъ содержатся уже подробныя данныя.

но и опытнаго себѣ помощника въ сферѣ административной.

Прочно установившаяся въ городѣ преподавательская репутація Ѳ. В—ча повела къ тому, что онъ былъ приглашенъ учить русскому языку и словесности также въ военную гимназію, гдѣ и преподавалъ до пріѣзда туда на педагогическую службу его младшаго брата (потомъ служившаго въ Москвѣ, нынѣ профессора въ Варшавѣ).

Оба брата поселились вмѣстѣ. Учительское содержаніе, получаемое двоими и шедшее у нихъ въ одну общую кассу, дѣлало ихъ достаточно обезпеченными, и потому частныхъ уроковъ они почти не давали. Завели они свое маленькое хозяйство: большое количество разной домашней птицы и лошадь съ экипажемъ—эту роскошь, обыкновенно совсѣмъ недоступную лицамъ педагогическаго сословія. Квартиру они имѣли въ лучшей части города, просторную, красивую, удобную, съ конюшней, сараями, садомъ. Заботы по хозяйству лежали исключительно на Ѳ. В—чѣ, болѣе любившемъ это дѣло и болѣе склонномъ къ нему.

Обезпеченные, дѣятельные, гостепріимные, они оба сдѣлались живымъ центромъ для большей части молодого слоя орловскаго преподавательскаго міра, уже и во второй половинѣ 70-хъ годовъ обширнаго и разнообразнаго. Въ ихъ гостепріимномъ домѣ сходились учителя классической гимназіи, реальнаго училища, женскаго института и женской гимназіи. Здѣсь собирались, кромѣ молодежи, и педагоги старшаго поколѣнія, и начальники орловскихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и ректоръ духовной семинаріи о. протоіерей А. В. Богдановъ, впослѣдствіи епископъ тамбовскій Александръ.

Карточной игры, этого обычнаго развлеченія провинціальнаго общества, здѣсь совсѣмъ не было, да пре-

подавательская молодежь не для того и собиралась сюда. Заходили и сходились здѣсь просто за тѣмъ, чтобы отдохнуть и, какъ говорится, отвести душу.

Жизненныя дрязги, взаимные счеты и недоразумѣнія обыкновенно тутъ были далеко отъ собравшихся. Реальные факты текущей жизни нерѣдко заносили мысль собесѣдниковъ въ область общихъ вопросовъ педагогики, дидактики, литературы, той или иной науки и проч. Упоминаніе о какомъ-либо профессорѣ воскрешало воспоминанія объ университетской средѣ. Случится въ той или иной отечественной школѣ какой-либо изъ ряда выходящій казусъ, и онъ вызывалъ на этихъ товарищескихъ собраніяхъ живой обмѣнъ мыслей о формахъ, видахъ и средствахъ воспитанія, обученія, о типахъ школъ, при чемъ наглядныя иллюстраціи доставляла извѣстная практика орловскихъ учебныхъ заведеній. Заѣздъ въ Орелъ виднаго пѣвца, музыканта, актера возбуждалъ здѣсь нерѣдко рѣчи объ искусствахъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ соучастниковъ бесѣдъ хорошо пѣли русскія пѣсни, большинство понимало въ нихъ толкъ, а другіе играли на роялѣ или на скрипкѣ.

Въ Москвѣ ставился памятникъ Пушкину, на открытіе котораго весною 1880 г. Дмитрій Влад. Цвѣтаевъ ѣздилъ отъ военной гимназіи депутатомъ, а Ѳедоръ Владиміровичъ относился къ Пушкину открыто съ благоговѣніемъ и зналъ чрезвычайно многое изъ него наизусть, и потому неоднократно на тѣхъ памятныхъ вечеринкахъ поднимались живыя рѣчи о свойствахъ и заслугахъ поэзіи Пушкина, въ сравненіи ея съ поэзіей другихъ писателей, при чемъ математики изрядно-таки, какъ тогда водилось, подзадоривали своими сужденіями словесниковъ. Дм. В—чъ тогда писалъ и началъ печа-

тать свои разъясненія баллад Шиллера [1]) въ связи съ его классными занятіями въ военной гимназіи, и Шиллеръ дебатировался и русскими преподавателями, и нѣмцами.

Къ концу 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ грустное эхо Берлинскаго конгресса звучало не переставая по всей Россіи, и потому вопросы объ отношеніяхъ Россіи къ Германіи и Англіи и такъ называемый «нѣмецко-русскій» вопросъ занимали собиравшихся.

Трудно, конечно, перечислить теперь даже главныя темы ихъ тогдашнихъ бесѣдъ; можно только сказать: думалось и говорилось ими здѣсь о многомъ, что̀ протекало въ доступной ихъ наблюденію и интересамъ тогдашней жизни. Обладая душой простой, теплой и отзывчивой, Ѳед. Вл—чъ служилъ, быть-можетъ, самъ того не замѣчая, живымъ связующимъ звеномъ кружка орловскихъ педагоговъ второй половины 70-хъ и начала 80-хъ годовъ.

Нѣкоторые изъ членовъ кружка имѣли уже семьи, и въ такомъ случаѣ характеръ бесѣдъ въ значительной степени зависѣлъ отъ хозяйки дома. Двѣ-три изъ нихъ владѣли небольшими имѣніями, и рѣчь тогда сводилась на сельское хозяйство. Рѣдко кто бывало умѣлъ говорить съ ними о сельской жизни и хозяйствѣ такъ толково, дѣловито и авторитетно, какъ Ѳед. Вл., любившій

---

[1]) Въ нашихъ «Филологическихъ Запискахъ» 1881—1882 гг., подъ заглавіемъ: «Баллады Шиллера. Опытъ объясненія ихъ». Отдѣльное изданіе ихъ одобрено, какъ «отличное пособіе» при изученіи русской и нѣмецкой словесности. Отзывы критики о книгѣ, необыкновенно сочувственные, собраны покойнымъ А. А. Хованскимъ въ «Филологическ. Запискахъ» 1883 г., вып. II.

деревню какою-то особенно горячей любовью. Одинъ изъ его учениковъ разсказываетъ, что Θ. Вл. какъ-то особенно интересно умѣлъ объяснять имъ стихотворенія Кольцова: «Урожай», «Пѣсня пахаря» и т. п. Это и понятно. Сынъ села, онъ зналъ сельскую природу не по книжкамъ и не по дачному кругозору, живо понималъ и непосредственно чувствовалъ эстетическую красоту и въ ней самой, и въ сельской работѣ, что такъ и помогало ему при изученіи и преподаваніи отечественной литературы, которую онъ зналъ и толковалъ отлично; это и отражалось на его урокахъ, благодѣтельно дѣйствуя на воспріимчивую душу учениковъ.

Любя сельскую природу, онъ, при первой возможности, въ свободный день, одинъ, съ братомъ или въ компаніи съ другими, отправлялся за городъ. Всѣ орловскія окрестности, и близкія, и болѣе отдаленныя, ему были хорошо извѣстны. Частыя встрѣчи съ жителями деревень и помѣщичьихъ усадебъ, съ ихъ тяжелыми трудами, заботами, нуждой и радостями, поддерживали въ немъ то знаніе сельскаго быта и всѣхъ его отрадныхъ и печальныхъ сторонъ, то знаніе и пониманіе народной жизни, которыя были ему свойственны, и прочные основы которыхъ съ дѣтства заложила въ немъ жизнь въ родномъ селѣ и подновлялись въ его поѣздкахъ на родину.

Лѣтнія каникулы обыкновенно проводя въ родномъ селѣ у старика-отца, онъ одинъ разъ видѣлъ своего отца и у себя въ гостяхъ. Одинъ изъ его сослуживцевъ, доселѣ живущій въ Орлѣ (В. Θ. Ферковъ), пишетъ: «Я былъ свидѣтелемъ того, какъ въ 1879 году обоихъ братьевъ посѣтилъ ихъ отецъ, почтенный сѣдой старецъ-священникъ, съ виду лѣтъ подъ 70. Трогательнѣе того, какъ Θ. Вл. Цвѣтаевъ относился къ своему родителю, я въ жизни не видалъ ничего и никогда не забуду это-

го. Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ отношеніе моего покойнаго друга къ его отцу, мнѣ стало казаться, что я мало заботился о моей матери (отца у меня не было съ 9-ти лѣтняго возраста), хотя знакомые считали меня хорошимъ сыномъ. Столько вниманія, столько почтенія, столько заботъ, чтобы старцу было хорошо и пріятно, и столько тихой, не бьющей въ глаза, нѣжности было въ обращеніи Ѳ. Вл. съ дорогимъ гостемъ, что это невольно трогало и меня, и другихъ нашихъ товарищей, собиравшихся тогда въ его домѣ».

Въ служебной сферѣ Ѳ. Вл. оставался человѣкомъ прямымъ, безъ заднихъ мыслей, безъ лести, устойчивый предъ начальствующими и безъ высокомѣрія предъ подчиненными. Наученный горькимъ опытомъ въ первый годъ службы въ Шуйской прогимназіи и по природной скромности, выражавшейся у него въ постоянной канфузливости, онъ, столь любившій откровенную бесѣду въ товарищескомъ кругу, не любилъ высказываться вездѣ и предъ каждымъ, не любилъ и убѣждать другихъ, избѣгая всего показного. Въ нужную же минуту, когда рѣшалось дѣло, онъ высказывалъ свое мнѣніе ясно и безповоротно, особенно, если дѣло касалось учениковъ, которые въ лицѣ его всегда находили себѣ твердаго защитника и покровителя. Тотъ же сослуживецъ Ѳед. Вл—ча разсказываетъ: «Однажды, помнится мнѣ, ученикъ 2-го класса былъ исключенъ изъ нашего училища за неуспѣшность, при весьма странныхъ обстоятельствахъ. Для перевода въ слѣдующій классъ въ то время нужно было имѣть по главнымъ предметамъ (если не ошибаюсь) полную тройку; у этого же ученика оказалась по математикѣ за 3-ю четверть года отмѣтка 2. Не смотря на то, что преподаватель послѣ экзамена согласенъ былъ передѣлать 2 на 3 или же отмѣтку 3 за

послѣднюю четверть года на 4, председатель совѣта этого не допустилъ, и бѣдный ученикъ былъ удаленъ изъ училища за неуспѣшность. Такое формальное отношеніе къ живому дѣлу воспитанія такъ глубоко возмутило Ѳ. В—ча, что онъ тутъ же послѣ совѣта отказался отъ должности секретаря, мотивируя свой отказъ передъ товарищами тѣмъ, что у него рука не подымается писать протоколы, которые идутъ въ совершенный разрѣзъ съ его совѣстью и убѣжденіями».

Ученикамъ онъ помогалъ и словомъ, и дѣломъ, обходился съ ними удивительно просто и сердечно, какъ бы въ родной семьѣ, репетировалъ съ болѣе слабыми уроки, призывая ихъ къ себѣ для того на домъ по вечерамъ и въ праздники, руководилъ ихъ домашнимъ чтеніемъ, давалъ имъ совѣты и указанія.

Отношенія Ѳ. В—ча къ учащимся и способъ преподаванія его всего подробнѣе обрисовываются въ воспоминаніяхъ одного изъ его бывшихъ учениковъ по реальному училищу, нынѣ то же занимающагося въ Орлѣ педагогическимъ дѣломъ (И. Ф. Рынды) *).

Онъ сообщаетъ: введенный директоромъ Дружининымъ въ третій классъ, «новый учитель, видимо стѣсняясь (такъ теперь я понимаю), сѣлъ на стулъ, снялъ очки и, послѣ нѣсколькихъ словъ привѣта, узнавъ, что на очереди стоялъ вопросъ изъ синтаксиса «о предложеніяхъ», повелъ съ нами бесѣду о томъ, чѣмъ и какими способами человѣкъ можетъ выражать свою мысль. Классъ, привыкшій только къ заучиванію уроковъ по книгѣ, безъ особыхъ объясненій, притихъ и весь пре-

*) Отмѣтимъ также: что монографія г. Рында о Тургеневѣ, помѣщенная въ «Историческомъ Вѣстникѣ», посвящена имъ своему «дорогому учителю Ѳ. В. Цвѣтаеву».

вратился въ слухъ. Что касается меня, то я буквально застылъ на мѣстѣ отъ восторга при этой ясной, вразумительной и простой рѣчи, любуясь въ то же время чудными карими глазами говорившаго... На слѣдующемъ урокѣ новый учитель разбиралъ стихотвореніе Ю. Жадовской: «Христіанская любовь: Покрытый ранами, поверженный во прахъ...». Этотъ разборъ, равно какъ и послѣдовавшіе за нимъ до сихъ поръ у меня въ головѣ словно гвоздями прибиты. Объясненія Θ. Вл—ча отличались особою плавностью рѣчи, съ трогавшими сердце переходами его низкаго, мягкаго баритона; при этомъ каждое слово отчеканивалось имъ по-владимірски, особенно отчетливо и опредѣленно.... Второй его урокъ пришелся на субботу. При училищѣ была у насъ церковь..., былъ прекрасный хоръ съ выдающимися голосами. Я состоялъ пѣвчимъ и, стоявши на клиросѣ лицомъ къ молящимся, вскорѣ увидѣлъ здѣсь нашего новаго учителя. Когда мы запѣли, онъ всѣмъ своимъ корпусомъ подался впередъ, глубоко погрузился въ слушаніе, видимо изучая наше стройное пѣніе. Послѣ всенощной я подхожу къ Θ. Вл. и прошу его дать мнѣ книгъ для чтенія. «Да вотъ вы завтра, послѣ обѣдни, приходите ко мнѣ, тамъ я вамъ и дамъ» При этомъ онъ сказалъ мнѣ адресъ своей квартиры. На другой день, въ назначенный часъ, я былъ у него на квартирѣ. Съ какою особенною нѣжностію онъ принялъ меня, съ какимъ живымъ интересомъ выслушивалъ мои порывистыя рѣчи... Въ концѣ этой незабвенной бесѣды Θед. Влад. далъ мнѣ книгу, и мы разстались. Я попросилъ позволенія притти къ нему въ слѣдующее воскресенье... И вотъ пошли затѣмъ для меня эти дорогія воскресенья, которыхъ въ теченіе недѣли я ожидалъ, какъ манны небесной. На нихъ я росъ и крѣпъ душою: тутъ и раз-

рѣшалъ мой учитель зарождавшіеся въ моемъ дѣтскомъ мозгу новые вопросы и объяснялъ мнѣ все, что̀ оставалось непонятнымъ на урокахъ. Ѳ. Вл. относился ко мнѣ, какъ старшій родной, какъ братъ, упредившій меня годами, которому пришлось заняться моимъ образованіемъ, нравственнымъ и умственнымъ».

Ученикъ жилъ съ своей матерью, бѣдною, загнанною нуждою. Ѳ. Вл. «быстро своимъ чуткимъ сердцемъ понялъ тяжесть семейнаго положенія» и досталъ мальчику уроки въ двухъ домахъ. «Разъ, бывши въ 5 классѣ, зимою я (продолжаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Рында) сильно занемогъ и лежалъ въ постели. Ѳед. Вл. скоро узналъ объ этомъ и, такъ какъ у насъ на квартирѣ было и холодно, и сыро, и очень тѣсно, онъ прислалъ свою лошадь за мною и свою шубу, и меня, всего закутаннаго, перевезли къ нему. Съ какою нѣжною заботливостію онъ пріютилъ у себя своего больного ученика! Сколько радости и облегченія приносилъ онъ мнѣ, когда бывало подойдетъ, сядетъ около меня и положитъ свою руку мнѣ на лобъ! Двѣ ночи, особенно тяжелыя для меня, онъ провелъ безъ сна, самъ подавая мнѣ то одно, то другое лѣкарство и служа мнѣ самъ при питаніи. И доселѣ я вижу, сколько истинно родного сочувствія, нѣжнаго участія и тихой ласки при этомъ уходѣ свѣтилось въ его большихъ и добрыхъ карихъ глазахъ. Такъ Ѳ. Вл. продержалъ меня у себя до полнаго выздоровленія».

«Благодаря такому исключительному руководительству Ѳ. Вл—ча, въ 3-мъ и 4-мъ классѣ я былъ записанъ на золотую доску. Эта честь заставила меня еще болѣе напрягать свои силы».

Затѣмъ передается, какъ Ѳ. Вл. продолжалъ свои заботы объ этомъ ученикѣ, какимъ «ангеломъ-хранителемъ» оказывался онъ, когда ученику, по стекшимся

для него неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, грозило исключеніе изъ училища, и представлялись жизненные соблазны, какъ доставилъ онъ ему первый литературный гонораръ, устроилъ постановку ученическими силами «Ревизора» съ цѣлію матеріальной помощи бѣднымъ ихъ товарищамъ, какъ читалъ и исправлялъ ученическія сочиненія, руководилъ домашнимъ чтеніемъ учениковъ и проч.

«Кончились выпускные экзамены... Въ началѣ августа, предъ самымъ отъѣздомъ въ Петербургъ для поступленія въ технологическій институтъ, я остался ночевать у Ѳ. В—ча... Ѳ. Вл. ободрялъ меня предъ началомъ нового дѣла, разсказывалъ и про свою студенческую жизнь, также исполненную большой бѣдности. И такъ онъ хорошо, братски-тепло рисовалъ картину студенческаго быта, предстоявшаго мнѣ... Наканунѣ отъѣзда Ѳ. Вл. сказалъ мнѣ: «Ты завтра приходи къ обѣду, а потомъ я заѣду къ тебѣ, а оттуда на вокзалъ». Такъ я и сдѣлалъ. За обѣдомъ онъ съ улыбкою все угощалъ меня: «Ѣшь, больше ѣшь; тамъ въ Питерѣ, братъ, насчетъ ѣды бѣдному человѣку плохо». Потомъ благословилъ онъ меня маленькой иконой Спасителя, начерченной на перламутрѣ, со словами: «Храни эту икону и всегда, а особенно въ минуты невзгоды, молясь предъ ней, и Спаситель сохранитъ тебя». Эта икона хранится у меня и теперь, и сколько утѣшенія доставляетъ она мнѣ въ минуты отчаянія и упадка духа! Ѳ. Вл. вручилъ мнѣ также при этомъ и нѣсколько рублей!... На своей лошадкѣ онъ свезъ меня къ матушкѣ и оттуда, послѣ прощанія, на вокзалъ. Нужно ли прибавлять, что я плакалъ, разставаясь съ учителемъ, у котораго также текли въ ту минуту слезы?...

«Собирая воедино факты моей школьной студенче-

ской жизни, я утверждаю, что отношенія Θ. Вл—ча къ ученикамъ были необыкновенно мягки и сердечны, и потому ихъ невзгоды и несчастія всегда заставляли его болѣть душой. Обращеніе его съ нами всегда было ровное, спокойное; говорилъ онъ намъ «ты», но такъ тепло и просто, что это намъ всѣмъ доставляло только удовольствіе. Бывали случаи, когда онъ говорилъ ученику и обычное «вы», но это означало, что онъ этимъ ученикомъ недоволенъ. Отъ учениковъ онъ требовалъ прежде всего правды, и они, зная его всепрощающее и сострадательное сердце, не боялись высказывать ее... Любовь къ человѣку, любовь и состраданіе къ людямъ были его отличительнымъ достоинствомъ. Эти драгоцѣнныя свойства онъ проявлялъ особенно въ отношеніи насъ, учениковъ... Θ. Вл. всегда старался защитить ученика, найти въ его винѣ оправдывающія обстоятельства, прежде чѣмъ дать согласіе на строгую карательную мѣру... Не станетъ онъ размазывать, бывало, твою вину и тратить лишнія слова, а прямо и отчетливо выскажетъ свой взглядъ на проступокъ или на лѣнь, да скажетъ такъ, что, не унизивши провинившагося, возбудитъ въ его сердцѣ чувство стыда, а головѣ дастъ живую работу мысли.

«Свои предметы—русскій языкъ, славянскій, логику, теорію словесности, литературу—онъ преподавалъ образцово. Каждый его урокъ отличался замѣчательною ясностію и внушительностію. Его превосходные разборы русской и славянской рѣчи, его толкованія образцовыхъ произведеній словесности, какъ живые стоятъ предо мною, несмотря на даль тѣхъ лѣтъ, когда я былъ ученикомъ Θ. Вл—ча. Помню что за дивныя минуты переживали мы, ученики, когда онъ объяснялъ— «Пророкъ» Пушкина и Лермонтова... А сколько разговоровъ и споровъ возбу-

ждали всегда вопросы, поднятые имъ на урокахъ! Этотъ учитель русскаго языка былъ истиннымъ крестнымъ отцомъ нашего духовнаго развитія», заключаетъ о немъ свои воспоминанія этотъ его бывшій орловскій ученикъ.

По свидѣтельству одного изъ орловскихъ товарищей Ѳ. Вл—ча, онъ «особенно много работалъ надъ ученическими письменными упражненіями». Когда весной 1883 г. въ Орелъ пріѣхалъ на выпускные экзамены классической гимназіи и реальнаго училища депутатомъ отъ учебнаго округа профессоръ Московскаго университета Вс. Ѳед. Миллеръ, сочиненія учениковъ Ѳ. Вл. Цвѣтаева обратили его особенное вниманіе достоинствами изложенія. Осенью того же года Ѳ. Вл—чу были предложены начальствомъ учебнаго округа два мѣста— инспектора гимназіи въ Вязьмѣ и преподавателя въ двухъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. По семейнымъ обстоятельствамъ (незадолго предъ тѣмъ онъ женился на дочери протопресвитера московскаго Успенскаго собора, въ Москвѣ же служили уже и его родные братья), онъ принялъ послѣднее назначеніе.

VI.

Жизнь и служба Ѳеодора Владиміровича Цвѣтаева въ Москвѣ.—Занятія въ 6-й классической гимназіи и Усачевско-Чернявскомъ женскомъ училищѣ.— Характеръ преподаванія и отношеніе къ учащимся.—Назначеніе инспекторомъ 2-й женской гимназіи.—Отношеніе къ подчиненному педагогическому персоналу.—Заботы объ ученицахъ.—Трудности совмѣщенія занятій въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ для московскихъ педагоговъ.—Прощальное чествованіе Ѳ—ра В—ча въ 6-й классической гимназіи.- Юбилейное чествованіе во 2-й женской гимназіи.- Рановременная кончина.— Похороны —Прощальныя рѣчи, воспоминанія.—Заключеніе.

Педагогическая служба Ѳ. Вл. Цвѣтаева въ Москвѣ началась съ января 1884 г. сразу

въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ: въ VI-ой мужской гимназіи и въ Усачевско—Чернявскомъ женскомъ училищѣ. Съ полною опытностію и какъ бы съ обновленными силами онъ принялся за знакомое ему дѣло въ новомъ городѣ и въ новой обстановкѣ. «Ѳ. В Цвѣтаевъ—пишетъ о немъ одинъ изъ бывшихъ его учениковъ по VI гимназіи (князь В. А. Щетининъ)—съ перваго же урока сумѣлъ заинтересовать насъ (восьмиклассниковъ) своимъ предметомъ, который онъ излагалъ въ формѣ живой бесѣды о разныхъ явленіяхъ русской литературы, главнымъ образомъ Пушкинскаго періода. Передъ Пушкинымъ онъ положительно благоговѣлъ, какъ передъ святыней, всѣ силы употреблялъ къ тому, чтобы и мы прониклись благоговѣніемъ къ творческому генію нашего величайшаго національнаго поэта. Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключалась главная и истинная заслуга Ѳедора Владиміровича, какъ преподавателя. Онъ безпрестанно читалъ намъ отрывки изъ произведеній Пушкина, подолгу и съ любовью останавливался на лучшихъ мѣстахъ, подробно выясняя ихъ смыслъ и красоту. Уроки эти не пропали даромъ: мы научились понимать и цѣнить Пушкина, а съ нимъ и всю русскую литературу. И какъ радовался бывало покойный, когда замѣчалъ, что подъ его вліяніемъ въ томъ или другомъ ученикѣ пробуждается горячій интересъ къ русской литературѣ». Авторъ вспоминаетъ случай о самомъ себѣ, когда онъ, излагая содержаніе «Бориса Годунова», постепенно при отвѣтѣ воодушевлялся и къ концу, въ увлеченіи, перешелъ къ чтенію наизусть. «Нужно было видѣть, какою радостію сіяло доброе лицо Ѳедора Владиміровича, какъ онъ одобрительно кивалъ мнѣ головой, повторяя иногда вслѣдъ за мною окончанія звучныхъ стиховъ Пушкина. Уже звонокъ

давно прозвонилъ, а онъ все ходилъ по классу и слушалъ мою декламацію.

«Добродушіемъ вѣяло отъ всей его крѣпкой натуры... Какъ въ характерѣ, такъ и во всемъ складѣ его ума чувствовалось что́-то не обычайно уравновѣшенное. Я ни разу не слыхалъ, чтобы онъ когда-либо возвысилъ голосъ или разсердился на кого-нибудь изъ своихъ учениковъ, хотя поводовъ къ тому бывало, разумѣется, сколько угодно. Всегда ласковый и привѣтливый, онъ относился ко всѣмъ намъ съ какою-то отеческою нѣжностью, готовый во всякую минуту выгораживать и защищать насъ передъ начальствомъ, если бъ это понадобилось. Бывали случаи, когда, на педагогическомъ совѣтѣ онъ шелъ одинъ противъ большинства, спасая провинившагося гимназиста отъ увольненія.—Идетъ ли вопросъ объ освобожденіи учениковъ отъ платы за ученіе, или о положеніи (суровой) мѣры взысканія на провинившагося, Ѳед. Вл. неизмѣнно подаетъ голосъ за, а не противъ, всегда въ пользу ученика, а не во вредъ ему. Для многихъ это былъ настоящій ангелъ-хранитель.

«Какъ педагогъ, Ѳ. Вл. былъ удивительно внимателенъ ко всѣмъ своимъ ученикамъ и доступенъ... Онъ всякому старался разъяснить, по мѣрѣ возможности, всѣ его сомнѣнія и недоумѣнія, всякаго старался наставить на тотъ путь, который казался ему наиболѣе разумнымъ и истиннымъ. Зато и осаждали же мы его всѣ посторонними и «къ дѣлу неотносящимися» (по выраженію иныхъ педагоговъ) вопросами, просто, что́ называется, проходу не давали!»

Но усиленная дѣятельность въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ, весьма отдаленныхъ одно отъ другого, давала себя чувствовать многими неудобствами. Спѣшныя переправы, сказываясь на здоровьи, поѣдали у него зна-

чительную долю заработка, такъ что скромная плата въ Чернявскомъ училищѣ почти вся цѣликомъ уходила на извозчиковъ между квартирой и училищами. Добрая слава его въ преподавательскомъ мірѣ Москвы, подкрѣпленная доброжелательными ходатайствами, послужила въ 1887 г. основаніемъ для попечителя московскихъ женскихъ гимназій Вѣдомства Императрицы Маріи ввѣрить ему деликатную и отвѣтственную должность инспектора 2-й женской гимназіи, при чемъ онъ былъ оставленъ штатнымъ преподавателемъ и въ мужской гимназіи.

Свойства характера Ѳед. Вл—ча, его сердечная доброта, уваженіе правъ личности въ каждомъ, съ кѣмъ новый кругъ обязанности теперь ставилъ его въ непосредственное соприкосновеніе, и его неослабныя заботы о всѣхъ нихъ, скоро пріобрѣли ему общія симпатіи и нравственно-высокое положеніе и въ этой новой средѣ, гдѣ онъ былъ не только преподавателемъ, но и начальникомъ.

«Невольно вспоминается мнѣ тотъ день», пишетъ одинъ изъ преподавателей этой женской гимназіи, В. М. Фриче: «когда я, начинающій преподаватель, впервые вошелъ въ ту комнату, тамъ, во второй гимназіи, гдѣ онъ царилъ начальникомъ. Я чувствовалъ себя неловко, волнуясь и робѣя. Нѣсколькими сердечными словами вернулъ онъ мнѣ бодрость и самообладаніе... И съ этой поры, въ продолженіе пяти лѣтъ, я—и не только я одинъ—мы всѣ слышали изо-дня въ день этотъ дружескій голосъ, и тепло жилось, и свободно дышалось подъ его доброй опекой. Не зналъ онъ къ намъ ни зависти, ни ревности. Онъ выше всего цѣнилъ успѣхъ того дѣла, во главѣ котораго онъ стоялъ, никогда не подчеркивая своего первенствующаго положенія, своей руководящей роли. Онъ былъ нашимъ не инспекторомъ, а добрымъ

отцомъ и любящимъ братомъ. Онъ былъ образцовымъ товарищемъ». «Да», свидѣтельствуетъ о немъ другой сослуживецъ: «къ нему подходили слова: товарищъ, другъ, отецъ, наставникъ, но уже никакъ не господинъ инспекторъ, господинъ начальникъ и т. п. Менѣе всего онъ искалъ популярности, а между тѣмъ онъ ее имѣлъ, хотя и совсѣмъ того не замѣчалъ. Онъ творилъ добрыя дѣла, творилъ подвиги милосердія и любви тихо, смиренно, словно при этомъ конфузясь, словно боялся обидѣть васъ своимъ нѣжнымъ, мягкимъ, трогательнымъ вниманіемъ... Учителя вспоминаютъ съ особенною признательностью ту его заслугу, что онъ всячески избѣгалъ вторгаться въ область чужого творчества съ своей начальнической регламентаціей; онъ горячо уважалъ индивидуальность въ лицѣ каждаго подчиненнаго ему преподавателя, довѣрялъ ему и благоволилъ къ нему принципіально; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уважалъ человѣка и въ ребенкѣ-ученикѣ, расположенный почти всегда, елико возможно, болѣе миловать тамъ, гдѣ другіе обязательно караютъ. На педагогическихъ совѣтахъ онъ держалъ себя необычайно просто, чисто потоварищески, не навязывая никому своего мнѣнія. Напротивъ, онъ очень любилъ, при всякомъ трудномъ, сложномъ и деликатно-щекотливомъ дѣлѣ, обязательно и немедленно обращаться къ суду своихъ товарищей-подчиненныхъ, къ ихъ мнѣнію, къ ихъ совѣту».

Заботясь о нравственной поддержкѣ и о матеріальномъ обезпеченіи каждаго и каждой изъ подчиненныхъ ему членовъ педагогическаго персонала, онъ внимательно слѣдилъ за успѣхами ученицъ и много хлопоталъ о матеріальной помощи бѣднѣйшимъ изъ нихъ. По его кончинѣ вскрылись черновыя его многочисленныхъ писемъ, ходатайствъ и представленій различнымъ лицамъ

и учрежденіямъ о матеріальномъ пособіи людямъ, ввѣреннымъ его попеченію. А сколько заботъ и хлопотъ доставляло ему бывало устройство благотворительныхъ вечеровъ и концертовъ, и сколько радости приносили ему матеріальные успѣхи ихъ, дававшіе послѣ возможность облегчить чужое горе, помочь нуждѣ ввѣреннаго ему молодого поколѣнія! Замѣчательно при этомъ, что, для преподаванія русскаго языка и словесности онъ всегда выбиралъ тѣ изъ старшихъ классовъ, которые наиболѣе были трудны, наиболѣе нуждались въ работѣ надъ ними опытнаго преподавателя. И его сердечныя, но по формѣ простыя, напутственныя рѣчи, которыми онъ ежегодно прощался съ оканчивающими воспитанницами, неизмѣнно каждый разъ рождали слезы у жадно внимавшей ему аудиторіи.

Но, какъ ни сроднился съ обѣими гимназіями Ѳед Вл—чъ, съ годами начали убывать силы, большая голова педагога покрывалась серебромъ. Отъ долговременнаго чтенія ученическихъ задачъ, которыхъ изъ двухъ учебныхъ заведеній у него было чрезвычайно много, раньше времени стали слабѣть его большіе глаза, утрачивалась прежняя острота зрѣнія. Онъ съ грустью видѣлъ, что чтеніе письменныхъ работъ въ прежнемъ количествѣ для него становилось дѣломъ, физически все болѣе и болѣе труднымъ. Другимъ источникомъ его грусти и заботъ являлась увеличивавшаяся трудность совмѣщенія занятій въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ, къ тому же находившихся далеко одно отъ другого. Необходимость переноситься длинный конецъ отъ Новой Басманной, гдѣ стоитъ 2 женская гимназія, за Большой Каменный мостъ, за Москву-рѣку, гдѣ находится 6-я мужская гимназія, и переноситься въ опредѣленное число минутъ, чтобы «не опоздать къ уроку», и особенно осенью и

весной, въ дурную погоду, была для него въ послѣдніе годы истиннымъ несчастіемъ. А семейныя обстоятельства и дороговизна столичной жизни побуждали его заботиться не сокращать размѣровъ заработка.

Эта необходимость давать возможно болѣе уроковъ, чтобы только сводить концы съ концами и не знать несчастія долговъ, эта боязнь опоздать, это постоянное внутреннее напряженіе были у Ѳ. Вл. Цвѣтаева, конечно, долею общей съ подавляющимъ большинствомъ московскихъ (да и московскихъ ли только?) педагоговъ, нервно, возбужденно, нетерпѣливо и неудовлетворенно снующихъ по обширному городу изъ одной школы въ другую и часто лишь на извозчикѣ, словно украдкой, совершающихъ свой завтракъ. Въ этой тяжкой долѣ подневольныхъ переходовъ и переѣздовъ является единственнымъ развлеченіемъ и утѣшеніемъ въ такомъ-то мѣстѣ, на такомъ-то углу, на такомъ-то перекресткѣ непремѣнная встрѣча съ товарищемъ или пріятелемъ, также спѣшно дѣлающимъ свой переходъ до другой школы. «Вотъ тутъ, думаетъ переѣзжающій учитель, я непремѣнно встрѣчусь нынѣ съ Петромъ Ильичемъ, а тамъ непремѣнно наткнусь на Ивана Ивановича, если только они не заболѣли». И такъ идетъ у многихъ изъ нихъ жизнь безъ перемѣнъ многіе годы, пока ни подкосятся силы, и добрые люди не снесутъ, чаще преждевременно, на мѣсто послѣдняго покоя...

Трудности склоняли Ѳ—ра В—ча оставить занятія въ мужской гимназіи. И онъ рѣшилъ было, послѣ 22 лѣтъ службы, ограничиться полученіемъ половинной пенсіи, т. е. 350 р. съ чѣмъ-то въ годъ, и только убѣжденія друзей и родныхъ остановили отъ этого шага. Товарищи во 6-й мужской гимназіи, видѣвшіе, какъ многое утрачивала бы она съ его уходомъ, весьма настойчиво уго-

ворили его не покидать ея ранѣе выслуги 25-тилѣтняго срока; они же потомъ, въ 1900 году, почтили его и задушевной прощальной трапезой, когда этотъ терминъ пришелъ для него, и онъ окончательно рѣшилъ разстаться съ этимъ учебнымъ заведеніемъ и дорогой ему средой, гдѣ работалъ онъ въ званіи учителя, секретаря педагогическаго совѣта и классныго наставника въ теченіе 16 лѣтъ. Много хорошихъ рѣчей, много сердечныхъ пожеланій пришлось ему выслушать на этой прощальной бесѣдѣ.

Едва окончилось это дружное чествованіе, какъ живая волна добрыхъ чувствъ въ отношеніи его охватила и весь педагогическій персоналъ 2-ой женской гимназіи, съ удовольствіемъ видѣвшій, что дѣятельность Ѳ—ра В—ча получаетъ возможность принадлежать всецѣло этому заведенію. Не ограничиваясь товарищеской трапезой, сослуживцы по женской гимназіи почтили его, за подписью ихъ всѣхъ, адресомъ, гдѣ, между прочимъ, излагали: «Но не столько вашъ учительскій юбилей, связанный съ другимъ учебнымъ заведеніемъ, мы вспоминаемъ теперь. Мы привѣтствуемъ въ васъ, глубокоуважаемый Ѳеодоръ Владиміровичъ, человѣка, который, будучи нашимъ инспекторомъ и, слѣдовательно, ближайшимъ начальникомъ нашимъ, являлся всегда нашимъ добрымъ товарищемъ и съ рѣдкой отзывчивостью и сердечностью входилъ въ положеніе всѣхъ насъ, всегда заботясь при томъ объединить насъ въ одну тѣсную семью для блага дорогой намъ гимназіи. Мы чествуемъ въ васъ, другими словами, тотъ животворный принципъ, который все глубже проникаетъ въ современную жизнь, расчищая почву для свѣтлаго будущаго, принципъ товарищескаго единенія и товарищескаго довѣрія, какъ вѣрный залогъ успѣшнаго веденія общаго дѣла».

Но это «общее дѣло» пришлось имъ вести уже, къ сожалѣнію, недолго.

Юбилейныя торжества лицъ умственно-нервнаго честнаго труда весьма часто являются какъ бы предвѣстниками приближенія жизненныхъ итоговъ. Уже слишкомъ многими и деликатно тонкими нитями соединена дѣятельность этихъ людей со всѣмъ ихъ внутреннимъ существомъ.

Мы обыкновенно видимъ и знаемъ преподавателей съ ихъ внѣшней стороны: но многіе ли проникаютъ въ ихъ внутренній душевный міръ, многіе ли доподлинно знаютъ и понимаютъ, какъ усиленно-напряженно должно постоянно работать ихъ сердце?

Не миновало и полгода послѣ послѣднихъ чествованій Θеодора Владиміровича его сослуживцами, какъ его сердце, столь много любившее и такъ много служившее нуждамъ другихъ, перестало биться раньше времени.

Послѣднимъ его служебнымъ дѣломъ было участіе на общемъ совѣщаніи инспекторовъ московскихъ женскихъ гимназій по разнымъ вопросамъ благосостоянія подвѣдомственныхъ имъ учрежденій и главнымъ образомъ о томъ, какъ устроить экзамены, чтобы не случилось близости или совпаденій, неудобныхъ и для преподавателей, и для учащихся. На возвратномъ пути въ вечернюю пору онъ немного простудился. Случилось крупозное воспаленіе легкихъ, осложнившееся слабостью сердца. Проболѣвъ всего три дня, Θедоръ Владиміровичъ Цвѣтаевъ скончался въ ночь на 12 февраля 1901 года.

Неожиданная кончина Θедора Владиміровича глубоко отозвалась у всѣхъ знавшихъ его. Какъ нѣкогда ко гробу его отца, скромнаго, но достойнаго сельскаго протоіерея, законоучителя и благочиннаго, стеклось столько простого народа и иныхъ почитателей изъ об-

ширнаго ройона, что большой сельскій храмъ не могъ тогда вмѣстить въ себѣ всѣхъ туда прибывшихъ, такъ собралось и теперь само собою, движимое исключительно нравственными мотивами, очень большое общество со всѣхъ концовъ Москвы, люди различныхъ классовъ и возрастовъ. Кромѣ питомицъ женской гимназіи, сошлись сюда и родители его учениковъ и ученицъ, и его прежніе питомцы, давно сами выступившіе на жизненную арену, и недавніе гимназисты, ставшіе студентами; плотною стѣною обступили утопавшій въ цвѣтахъ и вѣнкахъ его гробъ многочисленные сослуживцы и товарищи. Всѣ эти лица принесли съ собою и несомнѣнную скорбь, многіе и слезы сожалѣнія, и недоумѣніе о преждевременности кончины любимаго человѣка, и громко высказывавшіяся горячія и почтительныя рѣчи о добротѣ и высокогуманномъ образѣ почившаго.

Редакторъ одного изъ духовныхъ журналовъ, законоучитель во 2-й женской гимназіи и межевомъ институтѣ, сослуживецъ и духовникъ Ѳедора Владиміровича, напутствовавшій его и предъ кончиной, о. протоіерей А. И. Полотебновъ сказалъ въ своемъ замѣчательномъ по силѣ выраженія надгробномъ словѣ:

«Основательное образованіе, прошедшее чрезъ духовную и свѣтскія школы и безпрерывно подновляемое, въ немъ гармонически соединялось съ теплотою добраго и любящаго сердца; глубокую опытность своихъ лѣтъ онъ умѣлъ соединить съ живою воспріимчивостью ко всему доброму въ сферѣ науки и жизни. Всегда скромный въ желаніяхъ, неизмѣнный въ простой обстановкѣ жизни, онъ умѣлъ сохранять чувства чести и достоинства, и внушалъ невольное расположеніе къ себѣ всѣхъ, кто такъ или иначе съ нимъ соприкасался. Товарищи его и сослуживцы видѣли всегда прямымъ, искреннимъ, до-

брожелательнымъ, сердечнымъ; родственники и знакомые—ближніе и дальніе, равно какъ и всѣ обращавшіеся къ нему по дѣламъ—всегда ласковымъ, внимательнымъ и въ нуждахъ готовымъ на всякую помощь, какъ бы ни было тяжело ему это и скольких бы хлопотъ ни стоило. Любящій и нѣжный мужъ, онъ былъ рѣдкимъ попечительнѣйшимъ отцомъ своихъ дѣтей. Но самое дорогое въ немъ—это вѣра его и его высокое религіозное чувство, что особенно извѣстно мнѣ, какъ давно близкому къ нему и какъ духовнику его. Это былъ глубоко вѣрующій христіанинъ. Вѣра была запечатлѣна въ его сердцѣ... Вѣра давала ему высшія побужденія къ достойному прохожденію служенія его... Когда путь жизни его облегался мракомъ, вѣра была ему спасительнымъ свѣтильникомъ, въ ней находилъ онъ опору среди бурь житейскихъ... и тяжкихъ болѣзней... и последнее служеніе, дѣло его въ гимназіи было явнымъ выраженіемъ его глубокаго религіознаго чувства, это—заботливое устроеніе того, чтобы (оканчивающія) воспитанницы наши, согласно установившемуся у насъ преданію, начали выпускные экзамены свои Закономъ Божіимъ, съ архипастырскаго святительскаго благословенія (т. е. въ присутствіи преосвященнаго). Неизглядимо глубокое впечатлѣніе произвела на меня его предсмертная исповѣдь, полная свѣтлой вѣры и преданности Промыслу Божію, а также его благодатно-радостное, трепетно благоговѣйное принятіе Святыхъ Таинъ.... О, какъ почтенъ гробъ, надъ которымъ можно сказать все это, не боясь, что упрекнутъ тебя въ увлеченіи, и сознавая, что сказалъ слишкомъ мало и недостаточно для оцѣнки человѣка поистинѣ прекраснаго»!

Другой изъ сослуживцевъ, преподаватель гимназіи, нынѣ профессоръ русской исторіи въ Московскомъ уни-

версите̂тѣ, М. К. Любавскій, засвидѣтельствовалъ предъ гробомъ:

«Велика была въ тебѣ нравственная сила, дорогой Өедоръ Владиміровичъ. По твоимъ же и по чужимъ разсказамъ знаю я, какъ тяжело жилось тебѣ въ былое время, особенно во время твоего провинціальнаго учительства, какія напасти и огорченія пришлось и потомъ претерпѣть отъ людей. Но свидѣтельствую вмѣстѣ съ тѣмъ, что ты не озлобился сердцемъ, не изввѣрился въ людей, не пересталъ ждать отъ нихъ добра. И добро было... Твой высоко-нравственный оптимизмъ создавалъ вокругъ насъ свѣжую и легкую духовную атмосферу, въ которой намъ всѣмъ хорошо дышалось и работалось, и которая, кажется, насъ животворила... Земной тебѣ поклонъ отъ всѣхъ твоихъ товарищей и учениць за эту вѣру, надежду и любовь».

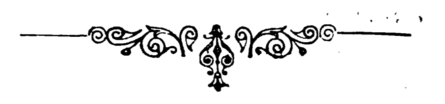
Горе и почтеніе бывшихъ учениковъ Өедора Владиміровича не позволили роднымъ поставить его гробъ на погребальную колесницу: студенты высшихъ учебныхъ заведеній Москвы и гимназисты старшихъ классовъ понесли гробъ своего бывшаго наставника по всему городу, вплодь до траурнаго вагона желѣзной дороги, откуда онъ, въ сопровожденіи близкихъ родныхъ, направился во Владимірскую губернію, въ родное село почившаго, чтобы быть похороненнымъ рядомъ съ могилой отца. То были похороны, рѣдкія по многолюдству и по искренности выражаемой скорби.

Послѣднимъ актомъ выраженія искреннихъ чувствъ къ Өедору Владиміровичу со стороны лицъ, близкихъ къ нему, со стороны его товарищей по образованію, сослуживцевъ и учениковъ, было составленіе воспоминаній о немъ и изданіе ихъ въ отдѣльномъ сборникѣ. Это, быть-можетъ, наилучшая слава, какая только

возможна на землѣ для такихъ тружениковъ нашей родины.

Въ жизни и дѣятельности этого скромнаго, но выдающагося педагога нельзя не увидѣть многихъ чертъ, общихъ характеру лучшихъ дѣятелей нашего учительскаго сословія, этихъ почтенныхъ и симпатичныхъ, хотя и очень, очень мало цѣнимыхъ тружениковъ нашей школьной нивы. Въ общемъ тяжела ихъ доля своей матеріальной необезпеченностью, вытекающей отсюда чрезмѣрной, часто непосильной массой труда и своею почти полною безвѣстностью въ обычномъ теченіи нашего соціальнаго строя; много и другихъ гнетущихъ обстоятельствъ въ ихъ жизни и дѣятельности. Надо несравненно большаго попеченія о нихъ, несравненно большаго вниманія къ нимъ, къ условіямъ ихъ быта и службы, а не то чуть не огульное осужденіе, доходящее до глумленія, какое замѣчалось въ современной печати.

П.

Василій Ивановичъ Водовозовъ.

I.

Въ періодъ возбужденія въ Россіи интереса къ педагогическимъ вопросамъ и къ начальной школѣ, Василій Ивановичъ Водовозовъ, наравнѣ съ другими современными ему педагогами, поработалъ не мало надъ этими вопросами и съ пользой потрудился для начальной школы.

В. И. Водовозовъ родился въ 1825 году. Отецъ его, занимаясь торговлей, разорился, и Василію Ивановичу пришлось провести дѣтство среди довольно бѣдной обстановки. Когда мальчику исполнилось десять лѣтъ, его отдали въ Петербургское коммерческое училище. Окончивъ здѣсь курсъ (въ 1842 г.), онъ въ теченіе года подготовился къ поступленію въ Петербургскій университетъ, куда и поступилъ для изученія филологическихъ наукъ. По окончаніи курса въ университетѣ, онъ получилъ назначеніе на должность учителя Варшавской гимназіи. Время, свободное отъ учительскихъ обязанностей, онъ посвящалъ занятію переводами съ греческаго, итальянскаго и англійскаго языковъ, которые зналъ основательно. Въ 1851 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ преподавалъ русскій языкъ и словесность въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ (въ 1-ой гимназіи, въ Елизаветинскомъ и Смольномъ институтахъ, въ Констан-

тиновскомъ военномъ и Аудиторскомъ училищахъ). Въ Смольномъ институтѣ онъ служилъ вмѣстѣ съ Ушинскимъ, который, будучи инспекторомъ института, предоставилъ ему въ немъ уроки по словесности. И въ Петербургѣ, какъ ранѣе въ Варшавѣ, въ часы, свободные отъ уроковъ, Водовозовъ занимался переводами съ иностранныхъ языковъ, преимущественно съ греческаго. На каникулахъ онъ обыкновенно путешествовалъ.

Въ 1856 году редакторъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», А. В. Никитенко, предложилъ Водовозову сотрудничать въ означенномъ журналѣ, и Водовозовъ началъ печатать свои переводы и статьи въ этомъ журналѣ. Кромѣ того, онъ помѣщалъ свои статьи и переводы въ журналахъ: «Современникѣ», «Библіотекѣ для чтенія», «Отечественныхъ Запискахъ», «Учителѣ», «Народной школѣ» и друг.

Съ 1857 года Водовозовъ нѣсколько разъ ѣздилъ за границу, гдѣ внимательно изучалъ школьное дѣло. Съ открытіемъ Петербургскаго Педагогическаго общества онъ сталъ однимъ изъ дѣятельныхъ его членовъ.

Въ 1866 году Водовозовъ оставилъ службу и всецѣло отдался литературной дѣятельности, удѣляя значительную долю этой дѣятельности разработкѣ вопросовъ по начальному обученію. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ руководилъ лѣтними педагогическими курсами для начальныхъ учителей въ Костромѣ и Оренбургѣ.

Въ 1886 году Водовозовъ скончался въ Петербургѣ. «Своею шестидесятилѣтней жизнью онъ явилъ намъ», говоритъ Д. Д. Семеновъ: «высокій образецъ того, какъ нужно, несмотря ни на какія невзгоды, оставаться твердымъ до конца, какъ, не покладая рукъ, работать энергически, съ вѣрой въ благотворное значеніе честнаго

труда, и какъ въ преклонныхъ лѣтахъ продолжать любить свою родину, чутко отзываясь сердцемъ на все, что проситъ у него отвѣта».

За свои литературно-педагогическіе труды Водовозовъ награжденъ былъ золотою медалью Комитетомъ грамотности и такою же медалью Комиссіей по присужденію наградъ имени Ушинскаго

II.

Сочиненія В. И. Водовозова, по ихъ содержанію, можно раздѣлить на три группы: а) сочиненія по словесности, б) по исторіи и в) сочиненія по начальному обученію.

а) Изъ сочиненій по словесности, кромѣ переводовъ классическихъ произведеній (напр., «Антигоны» — Софокла) и такихъ книгъ, какъ «Дѣтскіе разсказы и стихотворенія» и «Русскія сказки въ стихахъ», заслуживаютъ вниманія — «Новая русская литература», обнимающая періодъ отъ Жуковскаго до Гоголя включительно, и «Словесность въ образцахъ», гдѣ авторъ путемъ подробнаго анализа взятыхъ словесныхъ произведеній знакомитъ читателя съ основными положеніями по теоріи словесности и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какъ можно наводить учащихся на выводъ ими этихъ положеній.

б) Къ трудамъ по исторіи относятся — «Разсказы изъ русской исторіи» и «Очерки русской исторіи XVII вѣка».

в) Къ трудамъ по начальному обученію относятся, кромѣ отдѣльныхъ педагогическихъ статей, слѣдующія

книги: 1) «Предметы обученія въ народной школѣ», 2) «Русская азбука для дѣтей» съ «Наставленіемъ для учителя» и 3) «Книга для первоначальнаго чтенія», ч. 1 и 2-ая, съ приложеніемъ къ ней «Книги для учащихъ».

Остановимся нѣсколько на этихъ послѣднихъ сочиненіяхъ, т.-е. на сочиненіяхъ по начальному обученію. 1) Въ книгѣ: «Предметы обученія въ народной школѣ», авторъ излагаетъ существенныя условія правильнаго воспитанія и успѣшнаго обученія дѣтей въ школѣ. Педагогическія правила онъ вездѣ выводитъ изъ излагаемыхъ имъ физіологическихъ и психологическихъ основаній. Онъ особенно настаиваетъ на соблюденіи послѣдовательности и наглядности при обученіи.

Для соблюденія послѣдовательности Водовозовъ требуетъ, чтобы учитель распредѣлялъ содержаніе учебнаго предмета по извѣстнымъ ступенямъ, сообразно ступенямъ послѣдовательнаго развитія учениковъ.

Для наглядности при обученіи, Водовозовъ требуетъ, чтобы ученики при изученіи предметовъ пользовались не только зрѣніемъ, но и другими внѣшними чувствами. «Мы знаемъ», говоритъ онъ: «что ребенокъ пріобрѣтаетъ представленія и понятія лишь послѣ того, какъ предметъ разносторонне дѣйствовалъ на его чувства. Слѣдовательно, при всякомъ объясненіи предмета нужно обращаться къ чувствамъ ребенка: преподаваніе должно быть наглядное въ обширномъ значеніи этого слова, т.-е. слѣдуетъ не только показывать ребенку предметъ, но и давать, гдѣ нужно, осязать его, дѣйствовать и на слухъ, и на обоняніе, и на вкусъ учащихся. Ребенокъ имѣетъ понятіе лишь о томъ, что онъ видѣлъ и наблюдалъ, и только постепенно, чрезъ скопленіе новыхъ наблюденій, переходитъ къ новымъ поня-

тіямъ. Слѣдовательно, въ преподаваніи прежде всего нужно имѣть въ виду то и начинать съ того, что ребенокъ знаетъ, что онъ твердо усвоилъ путемъ впечатлѣній, какія давала ему окружающая жизнь. Иначе говоря, надо начинать съ ближайшаго, извѣстнаго, вполнѣ доступнаго ребенку».

Требуя, чтобы обученіе всѣмъ предметамъ велось наглядно, Водовозовъ совѣтуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вести на низшей ступени обученія такъ называемые «предметные, или наглядные уроки», при чемъ ученики, подъ руководствомъ учителя, разсматриваютъ взятый предметъ и выражаютъ рѣчью замѣчаемые ими въ немъ признаки.

Такъ какъ при обученіи приходится пользоваться рѣчью, то относительно послѣдней Водовозовъ требуетъ, чтобы учащіеся слышали только ясную, отчетливую рѣчь,—слышали такъ, какъ надо, и понимали то, что слышатъ. Объясненія должны быть даваемы просто и выражены словами, извѣстными дѣтямъ.

Выяснивши общія требованія обученія, Водовозовъ приступаетъ къ изложенію методическихъ указаній относительно обученія грамотѣ, чтенію, письму, ариѳметикѣ, пѣнію и другимъ предметамъ, преподаваемымъ въ начальной школѣ.

Грамота, по опредѣленію Водовозова, «есть умѣнье обозначать извѣстными письменными знаками отдѣльные звуки, изъ которыхъ состоятъ слова, а также читать слова по знакамъ этихъ звуковъ». Обученіе грамотѣ слѣдуетъ начинать съ звукового разбора словъ и выдѣленія звуковъ: если ребенокъ усвоитъ звукъ, то ему не трудно будетъ присоединить къ слуховому впечатлѣнію—зрительное, т.-е. букву, и это будетъ сознательная работа, а не пустое зазубриваніе буквъ.

Водовозовъ совѣтуетъ ознакамливать учениковъ сначала съ гласными звуками, какъ болѣе легкими, а затѣмъ переходить къ ознакомленію ихъ съ согласными. Онъ требуетъ, чтобы ученики сами подмѣтили въ словѣ требуемый звукъ и выдѣлили его. Для выдѣленія согласныхъ звуковъ берутся такія слова, въ которыхъ всѣ звуки знакомы ученикамъ, кромѣ того, съ которымъ предстоитъ имъ познакомиться.

Одновременно съ выдѣленіемъ звуковъ и сочетаніемъ ихъ въ слова ведутся подготовительныя упражненія къ письму: черченіе линій и писаніе элементовъ буквъ.

Обученіе чтенію должно быть направлено къ наученію учениковъ читать 1) правильно, 2) бѣгло, 3) сознательно и 4) выразительно. Водовозовъ довольно подробно излагаетъ средства, ведущія къ достиженію этихъ сторонъ чтенія.

Затѣмъ онъ излагаетъ средства научить учениковъ правильно и толково писать и указываетъ письменныя работы, которыя могутъ быть ведены въ начальной школѣ.

Толковое обученіе ариѳметикѣ, по словамъ Водовозова, не мыслимо безъ самаго широкаго примѣненія требованія наглядности. Если мы, говоритъ онъ, скажемъ дѣтямъ, что 4+2=6, то они запомнятъ это механически; если же мы покажемъ или, еще лучше, заставимъ ихъ самихъ высчитать на наглядномъ пособіи, сколько будетъ 4+2, то теперь формулу 4+2=6 они усвоятъ уже сознательно. Для нагляднаго счисленія служатъ слѣдующія пособія: кубики, палочки, шарики, камешки, счеты, вѣсы и различныя мѣры.

Придерживаясь метода «изученія чиселъ», разработаннаго въ то время по Грубе сначала Паульсономъ, а

затѣмъ Евтушевскимъ. Водовозовъ требуетъ основательнаго изученія каждаго числа.

Обученію пѣнію Водовозовъ придаетъ большое значеніе. У человѣка всегда, говоритъ онъ, существовало стремленіе выражать свои чувства въ пѣснѣ; отчего же не развить этотъ даръ Божій въ ребенкѣ, если онъ благотворно вліяетъ на чувство, подавляетъ грубые инстинкты и смягчаетъ характеръ.

Въ видахъ сохраненія здоровья учениковъ и физическаго ихъ развитія, Водовозовъ требуетъ, чтобы ученики въ срединѣ урока производили для отдыха гимнастическія движенія, а во время перемѣнъ устраивали подвижныя игры.

Говоря о классной дисциплинѣ и средствахъ къ поддержанію ея, Водовозовъ вооружается противъ всякаго рода тѣлесныхъ наказаній. Не менѣе того онъ вооружается и противъ такихъ учителей, которые «и безъ тѣлесныхъ наказаній умѣютъ задать ученикамъ такую острастку, что цѣлый классъ дрожитъ при ихъ взглядѣ, и мертвая тишина воцаряется при ихъ приближеніи». Между учителемъ и учениками должны быть отношенія, основанныя не на страхѣ послѣднихъ къ первому, а на взаимномъ ихъ довѣріи, любви и уваженіи. Только при такомъ отношеніи въ классѣ можетъ быть живая дѣятельность и надлежащая дисциплина. Учитель долженъ со всѣми обращаться одинаково ласково, а на новичковъ долженъ обращать особенное вниманіе, дабы они сразу почувствовали себя въ школѣ такъ же хорошо, какъ и дома.

2) «Русская азбука для дѣтей» составлена Водовозовымъ по звуковому—аналитическому способу. Ознакомленію съ буквами предшествуютъ такъ называемыя звуковыя упражненія и подготовительныя упражненія

къ письму. Къ ознакомленію съ буквами ученики приступаютъ послѣ того, какъ ознакомились уже со всѣми гласными и по крайней мѣрѣ съ одиннадцатью согласными звуками.

Сначала ученики знакомятся съ одними письменными буквами, пользуясь ими не только при письмѣ, но и при чтеніи: они читаютъ по письменному шрифту. Къ знакомству съ печатными буквами они переходятъ послѣ ознакомленія съ значительнымъ количествомъ письменныхъ буквъ.

Въ «Наставленіи для учителя, приложеніи къ Русской азбукѣ», заключается подробное изложеніе хода обученія грамотѣ по звуковому способу. Въ этой книгѣ содержится достаточно матеріала для ознакомленія дѣтей со звуками и подробное изложеніе самаго хода обученія ихъ грамотѣ. Кромѣ того, въ первой части книги приведена проработка значительнаго числа уроковъ по «предметному обученію».

Какъ «Русскою азбукою», такъ и «Наставленіемъ для учителя», явившимися въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, Водовозовъ, наравнѣ съ другими педагогами того времени, способствовалъ распространенію въ обществѣ звукового способа обученія грамотѣ и ознакомленію учащихъ съ особенностями этого способа обученія.

3) «Книга для первоначальнаго чтенія», напечатанная первымъ изданіемъ въ 1871 году, предназначена преимущественно для употребленія въ сельскихъ школахъ. Въ ней помѣщенъ въ строго обдуманной системѣ матеріалъ, служащій какъ для обученія учениковъ отечественному языку, такъ и для обогащенія ихъ знаніями изъ естествовѣдѣнія, географіи, исторіи и другихъ предметовъ. Весь матеріалъ книги расположенъ въ та-

кой послѣдовательности, при которой, несмотря на возрастающую трудность этого матеріала, онъ является посильнымъ для учениковъ, прочитывающихъ, подъ руководствомъ учителя, статью за статьею.

Сначала въ книгѣ идутъ статьи, вводящія учениковъ въ окружающій ихъ міръ; затѣмъ идутъ разсказы о главнѣйшихъ животныхъ, потомъ сообщаются основныя свѣдѣнія изъ ботаники, минералогіи, физики и міровѣдѣнія. Изъ послѣднихъ учебныхъ предметовъ сообщены свѣдѣнія о теплѣ, холодѣ, объ испареніяхъ воды и атмосферныхъ явленіяхъ (роса, иней, снѣгъ). Послѣ статей объ естественно-историческихъ предметахъ въ книгѣ помѣщены статьи о производствахъ и промыслахъ, наиболѣе распространенныхъ въ Россіи. Затѣмъ слѣдуютъ статьи изъ элементарной географіи и описанія отдѣльныхъ мѣстностей и полосъ Россіи. Въ концѣ идутъ историческія статьи («Какъ жили русскіе до Петра В.», «Наши монастыри», «Ермакъ Тимофеевичъ»).

Между статьями элементарно-научнаго содержанія помѣщено достаточное количество стихотвореній и разсказовъ, развивающихъ доброе нравственное чувство и эстетическій вкусъ учащихся.

Вообще весь матеріалъ, помѣщенный въ книгѣ, отличается разнообразіемъ, содержательностью и служитъ къ показанію связи между явленіями природы и уясненію достоинства человѣческаго труда, различія между силой физической и умственной, между бытомъ необразованнаго и образованнаго человѣка и тѣхъ нравственныхъ требованій, которыя налагаетъ на человѣка истинное образованіе.

Въ «Книгѣ для учителей», приложеніи къ «Книгѣ для чтенія» очень подробно изложены всѣ тѣ упражне-

нія, которыя могутъ быть ведены съ учениками при разучиваніи съ ними той или другой статьи, того или другого стихотворенія. Эта книга является своего рода методическимъ руководствомъ, очень цѣннымъ для начальныхъ учителей.

К. Ельницкій.

Павелъ Евфимовичъ Басистовъ.

II.

П. Е. Басистовъ, современникъ Ушинскаго, Корфа, Вышнеградскаго и Водовозова, содѣйствовалъ вмѣстѣ съ ними болѣе разумной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла, сначала въ среднихъ, а потомъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи. Почти вся его жизнь и педагогическая дѣятельность протекли въ г. Москвѣ. Павелъ Евфимовичъ родился въ 1823 году и происходилъ изъ мѣщанскаго сословія. Обучался онъ сначала во 2-й московской гимназіи, а потомъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ (въ 1843 г.) со степенью кандидата филологическихъ наукъ. Московскій университетъ оказалъ на Басистова такое же благотворное вліяніе, какое онъ оказалъ и на Ушинскаго, съ которымъ Басистовъ обучался одновременно въ университетѣ. Лучшія идеи, посѣянныя въ студентахъ университета такими профессорами, какъ Грановскій, Рѣдкинъ, и друг., не могли не возбудить въ Басистовѣ стремленія къ лучшей, благородной дѣятельности.

Педагогическую дѣятельность въ качествѣ учителя и гувернера въ частныхъ домахъ Басистовъ началъ, еще будучи студентомъ. По окончаніи курса въ университетѣ, онъ получилъ мѣсто учителя въ Тверской гимназіи, но менѣе, чѣмъ черезъ годъ, переведенъ былъ на должность учителя словесности въ 1-ую московскую гимназію. И съ этого времени до конца своей жизни онъ работалъ въ Москвѣ на поприщѣ педагогической дѣятельности. Съ 1844 по 1877 годъ онъ преподавалъ русскій языкъ въ различныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,

именно, въ названной гимназіи, въ институтахъ, кадетскомъ корпусѣ, театральномъ училищѣ и друг.

Какъ учитель, Басистовъ обладалъ всѣми данными, чтобы глубоко и плодотворно влiять на учащихся: въ немъ счастливо соединились обширная эрудиція съ свѣтлымъ нравственнымъ міросозерцаніемъ, педагогическій тактъ съ сердечностью гуманнаго человѣка. Онъ одинъ изъ первыхъ полагалъ въ основу изученія русскаго языка и словесности чтеніе и изученіе образцовыхъ словесныхъ произведеній. Посредствомъ чтенія и разбора такихъ произведеній, а равно письменнаго и устнаго изложенія онъ вырабатывалъ въ учащихся способность владѣть языкомъ и писать грамотно. Онъ обладалъ даромъ выразительнаго чтенія и обучалъ учащихся такому чтенію. «Онъ при чтеніи», говоритъ Стоюнинъ: «своимъ мягкимъ голосомъ какъ бы рисовалъ картины и сцены, онъ, такъ сказать, вводилъ въ душу слушателя полный, живой образъ, который не требовалъ никакихъ постороннихъ характеристикъ, никакихъ объясненій. И Павелъ Евфимовичъ не часто отрывался отъ чтенія для какихъ-нибудь поясненій или замѣчаній. Онъ какъ будто боялся испортить непосредственное цѣльное впечатлѣніе отъ самаго образа, созданнаго поэтомъ. Но, если онъ дѣлалъ замѣчаніе, то оно было обдуманно, вѣско и еще болѣе освѣщало положеніе того или другого лица или цѣльную его сторону».

Отъ письменныхъ работъ учащихся Пав. Евфим. требовалъ простоты, ясности и грамотности. Онъ настаивалъ, чтобы учащіеся излагали лишь то, что они продумали, пережили, перечувствовали, и чтобы были въ своемъ изложеніи правдивы. Сообразно съ этимъ онъ подбиралъ и темы для письменныхъ работъ ихъ.

Наиболѣе продолжительное время, именно цѣлые

двадцать лѣтъ (1858 по 1877 г.) Басистовъ работалъ въ Мѣщанскомъ училищѣ. Здѣсь онъ не только самъ преподавалъ русскій языкъ, но и завѣдовалъ преподаваніемъ этого предмета во всѣхъ классахъ училища. Кромѣ того, ему поручено было устройство всей учебной и воспитательной части училища. И въ нѣсколько лѣтъ онъ значительно улучшилъ дѣло обученія и воспитанія въ заведеніи, что и отразилось подъемомъ умственнаго и нравственнаго развитія учащихся.

Въ 1877 году Московская городская дума избрала Павла Евфимовича завѣдующимъ московскими городскими начальными училищами.

Басистовъ оставилъ преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ и, принявши избраніе, до конца своей жизни энергично работалъ для городскихъ начальныхъ училищъ. Онъ заботился и о внѣшнемъ устройствѣ начальныхъ училищъ, и о правильной постановкѣ въ нихъ курса, и о введеніи въ нихъ болѣе цѣлесообразныхъ способовъ обученія. Въ первый же годъ завѣдыванія школами онъ составилъ, примѣнительно къ существующимъ узаконеніямъ, «Требованія отъ экзаменующихся при окончаніи курса въ начальныхъ училищахъ города Москвы». Эти «Требованія» до нѣкоторой степени приблизили городскія училища къ учебнымъ заведеніямъ 3-го разряда по отбыванію воинской повинности. Затѣмъ, выходя изъ той мысли, что, какъ онъ выражается въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, «правильная школа должна относительно объема и способовъ преподаванія непремѣнно сообразоваться съ тѣмъ составомъ учащихся, какой выпадаетъ на ея долю», онъ стремился усилить, съ одной стороны, воспитательно развивающіе, а съ другой — практически полезные элементы ученія. «Общія усилія преподавателей и преподавательницъ», говоритъ

Басистовъ въ отчетѣ за 1881 годъ: «направлены были къ тому, чтобы сообщить дѣтямъ полезныя знанія и умѣнія. Правила языка и письма усвоивались дѣтьми посредствомъ по возможности частыхъ письменныхъ и устныхъ упражненій, при чемъ обращалось должное вниманіе на чистописаніе Обученіе ариѳметикѣ велось преимущественно путемъ рѣшенія задачъ изъ житейскаго быта, при чемъ дѣти практиковались и въ счисленіи на счетахъ».

Исполняя обязанности завѣдующаго городскими школами, Басистовъ заботился не только о правильной постановкѣ въ нихъ обученія и воспитанія, но и объ увеличеніи числа ихъ и о гигіеническомъ ихъ устройствѣ.

Въ своихъ отчетахъ онъ указывалъ на несоотвѣтствіе величины нѣкоторыхъ школьныхъ помѣщеній количеству учащихся въ нихъ дѣтей и предлагалъ мѣры къ устраненію этого недостатка. По его просьбѣ было сдѣлано распоряженіе объ измѣреніи вмѣстимости классныхъ комнатъ для опредѣленія, насколько онѣ соотвѣтствуютъ числу помѣщающихся въ нихъ учениковъ.

Кромѣ того, Басистовъ старался выяснить, насколько школа вліяетъ на дальнѣйшее поведеніе и даже на дальнѣйшую судьбу ея учениковъ, и въ одномъ изъ отчетовъ (1880 г.) онъ отмѣчаетъ, что «подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ школы, многія дѣти, посѣщавшія вечерніе воскресные классы и занимавшіеся днемъ нищенствомъ, покидали свою несчастную профессію, поступали въ какое-нибудь мастерство, въ лавку или переходили на утренніе классы». Къ учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ Басистовъ всегда относился съ теплымъ участіемъ. Онъ старался узнать матеріальное

положеніе каждаго учителя и каждой учительницы и, насколько возможно было, ходатайствовалъ о матеріальной поддержкѣ болѣе нуждающихся. Нравственную же поддержку онъ оказывалъ самъ, своимъ теплымъ участіемъ, своимъ добрымъ словомъ. По заявленію самихъ учителей и учительницъ, онъ былъ не столько для нихъ начальникомъ, сколько лучшимъ другомъ и истиннымъ руководителемъ. Кромѣ своей практической педагогической дѣятельности, Басистовъ, интересуясь педагогическими вопросами, принималъ участіе въ тогдашней педагогической литературѣ. Составляя отзывы о появляющихся литературныхъ произведеніяхъ и педагогическихъ сочиненіяхъ, онъ время отъ времени составлялъ и самъ статьи общаго педагогическаго характера. Къ такимъ статьямъ относится, напр., статья: «Регламентаризмъ и рутина въ дѣлѣ воспитанія», помѣщенная въ журналѣ: «Воспитаніе». Мало того, онъ составилъ нѣсколько учебниковъ и учебныхъ пособій по русскому языку и литературѣ. Въ 1848 годя онъ издалъ «Систему синтаксиса», составленную главнымъ образомъ на основаніи сочиненій Беккера, стремившагося сдѣлать грамматику отраслью логики. Въ предисловіи къ «Системѣ синтаксиса» Басистовъ говоритъ, что «дѣло грамматики не только указать грамматическія формы того или другого языка, но и объяснить ихъ; что объясненіе этихъ формъ заключается въ выражаемыхъ ими логическихъ отношеніяхъ понятій и мыслей; что эти логическія отношенія, при всемъ разнообразіи формъ въ различныхъ языкахъ, одни и тѣ же для всѣхъ языковъ, и что, слѣдовательно, грамматики отдѣльныхъ языковъ должны быть основаны на одной и той же для всѣхъ ихъ логикѣ языка вообще, какъ органа мысли,—только при этомъ осно-

ваніи различныя части грамматики могутъ соединиться въ стройную органическую систему». Ошибка Беккера, и вмѣстѣ съ тѣмъ и Басистова заключалась въ томъ, что они отожествляли два различные предмета (логику и языкъ въ его формахъ и законахъ). И вслѣдствіе такой ошибки русскій синтаксисъ въ изложеніи Басистова обратился въ голую логическую схему.

Грамматикѣ, какъ системѣ, Басистовъ отводилъ мѣсто въ старшихъ классахъ, гдѣ, по его мнѣнію, она должна проходиться въ томъ видѣ, въ какомъ этого требуетъ современное состояніе науки, т.-е по методѣ сравнительной и исторической; въ младшихъ же классахъ имѣютъ мѣсто лишь такъ называемыя грамматическія упражненія и упражненія въ толковомъ чтеніи и письменномъ изложеніи мыслей. Свои методическія воззрѣнія на преподаваніе отечественнаго языка Пав. Евф. изложилъ въ книгѣ: «Замѣтки о практическомъ преподаваніи русскаго языка». «Преподаваніе отечественнаго языка до университетскаго курса», говоритъ онъ въ этой книгѣ: «проходитъ три ступени:

1) прежде всего должно достигнуть, чтобы ученикъ читалъ не только бѣгло, но и толково, и писалъ безъ грубыхъ орѳографическихъ ошибокъ;

2) потомъ, не упуская изъ виду прежнихъ цѣлей, слѣдуетъ обратить вниманіе на выработку слога и правильнаго расположенія въ письменныхъ ученическихъ работахъ и пріучать учащихся къ выразительному чтенію и къ разбору построенія читаемыхъ статей;

3) послѣ всего этого можно перейти, но не оставляя предшествующихъ занятій, къ историческому изученію образцовъ отечественной словесности».

Начальныя школы и первые два класса гимназій могутъ имѣть въ виду единственно первую цѣль.

Для второй ступени изученія отечественнаго языка полагается у насъ три средникъ класса гимназій (III, IV и V). Наконецъ, отъ высшихъ классовъ гимназій требуется, кромѣ всего предыдущаго, историческое изученіе образцовъ отечественной словесности.

Для занятій съ учениками на двухъ первыхъ ступеняхъ обученія отечественному языку составлены Басистовымъ двѣ части «Хрестоматіи»: часть 1-ая—«Для чтенія и разсказа» и часть 2-ая—«Для разбора и письменныхъ упражненій».

Кромѣ означенныхъ трудовъ, Басистовымъ составлено нѣсколько пособій для преподаванія русской литературы. Къ такимъ пособіямъ относятся: изданіе Несторовой лѣтописи, снабженное примѣчаніями и словаремъ и—«Очерки жизни и сочиненій В. А. Жуковскаго».

Къ такимъ же пособіямъ слѣдуетъ отнести также переводъ съ греческаго языка трагедіи Еврипида: «Ифигенія въ Тавридѣ» и др.

Пользуясь за свои практическіе и теоретическіе труды и за свой общительный и высоконравственный характеръ заслуженнымъ уваженіемъ въ Московскомъ педагогическомъ мірѣ, Басистовъ былъ избранъ (въ 1875 г.) председателемъ Учебнаго Отдѣла Общества Распространенія техническихъ знаній. Въ теченіе семи лѣтъ, до дня своей смерти, Басистовъ руководилъ занятіями учебнаго отдѣла и сумѣлъ значительно поднять дѣятельность его. Онъ старался привлечь къ активному участію въ Отдѣлѣ лучшихъ московскихъ педагоговъ, и

собранія его сдѣлались оживленными и производительными.

Въ 1882 г., устраивая педагогическій отдѣлъ выставки въ Москвѣ, Басистовъ заразился сыпнымъ тифомъ, который и свелъ его въ могилу.

К. Ельницкій.

Объяснительное чтеніе стихотворенія М. Ю. Лермонтова: „Когда волнуется желтѣющая нива“.

Планъ урока. А) Чтеніе стихотворенія преподавателемъ и учениками. Б) Опредѣленіе идеи стихотворенія, дѣленіе его на двѣ части. В) Чтеніе стихотворенія по частямъ учениками, объясненіе его. Г) Разъясненіе и расширеніе (обобщеніе) идеи стихотворенія. Д) Нѣсколько замѣчаній о Лермонтовѣ. Е) Резюмированіе учениками проработаннаго на урокѣ.

А) До урока на доскѣ записано заглавіе читаемаго стихотворенія въ такой формѣ: «Когда волнуется желтѣющая нива» —стихотвореніе М. Ю. Лермонтова (3 октября 1814 г.—15 іюля 1841 г.).

Урокъ начинается чтеніемъ учениками этого заглавія и указаніемъ учителя, что чтеніе и объясненіе отмѣченнаго на доскѣ стихотворенія и будетъ служить предметомъ урока. Затѣмъ учитель медленно и выразительно читаетъ стихотвореніе самъ и приглашаетъ учениковъ прочитать его также. Когда стихотвореніе прочитано учениками одинъ или два раза, учитель задаетъ вопросы относительно идеи стихотворенія и дѣленія его на части.

Б) Учитель спрашиваетъ приблизительно такъ: Что изображаетъ Лермонтовъ въ этомъ стихотвореніи? Картины природы вообще указаны здѣсь или картины

той природы, которая окружаетъ поэта? Только ли о природѣ говоритъ Лермонтовъ? О чьихъ чувствахъ, чьемъ настроенiи говоритъ онъ? Зависитъ ли настроенiе поэта отъ наблюдаемой имъ природы? Почему, значитъ, поэтъ говоритъ о природѣ? Какъ передать однимъ предложенiемъ содержанiе этого стихотворенiя, какова его идея? (Картины наблюдаемой Лермонтовымъ природы дѣйствуютъ на его настроенiе). О чемъ сначала говорится въ стихотворенiи, о природѣ или настроенiи поэта, и о чемъ потомъ? На сколько частей можно раздѣлить стихотворенiе? Какъ записать ихъ? Запись подъ заглавiемъ урока: Планъ. I. Природа, окружающая поэта. II. Настроенiе его при созерцанiи природы.

В) Ученики читаютъ стихотворенiе по частямъ. По прочтенiи каждой части, объясняются обычнымъ порядкомъ непонятныя слова и выраженiя, и указывается отношенiе между мыслями. На доскѣ записывается оглавленiе содержанiя въ такомъ видѣ: I. Природа, окружающая поэта: нива, лѣсъ, слива, ландышъ ключъ. II. Настроенiе его при созерцанiи природы: исчезновенiе тревоги, успокоенiе, сознанiе счастья, религiозное чувство.

Г) Учитель предлагаетъ ученикамъ повторить идею стихотворенiя, а затѣмъ задаетъ имъ такiе вопросы: Какъ же картины природы дѣйствуютъ на настроенiе Лермонтова? Какое у него настроенiе? Какое оно было раньше? Всякiя картины природы такъ дѣйствуютъ на Лермонтова, или нѣтъ? Посмотримъ же, что общаго въ изображенныхъ поэтомъ картинахъ природы, и чѣмъ онѣ отличаются отъ другихъ картинъ. Красивы ли эти картины природы? Значитъ, на поэта дѣйствуетъ въ природѣ что? Въ чемъ же красота изображенныхъ Лермонтовымъ картинъ природы? Какъ названа нива

(«желтѣющая»), лѣсъ («свѣжій», т.-е. со свѣжею зеленью листьевъ, ярко-зеленый), слива («малиновая»,— «подъ тѣнью»—поэтому темно-малиновая), листъ («зеленый»), ландышъ («серебристый», съ розоватымъ или золотистымъ оттѣнкомъ и съ капельками росы), ключъ («студеный», въ оврагѣ, защищенномъ отъ пыли, т.-е. холодный, чистый, прозрачный). На что здѣсь обращено вниманіе? Значитъ, красота этихъ картинъ природы въ краскахъ, въ сочетаніи красокъ. Въ какомъ состояніи взяты эти предметы природы? Нива волнуется, лѣсъ шумитъ (т.-е. движетъ и шелеститъ листьями), слива прячется, ландышъ киваетъ головой, ключъ играетъ по оврагу и лепечетъ. Предметы природы взяты въ движеніи, которое придаетъ имъ еще большую прелесть. Картины природы, взятыя Лермонтовымъ, красивы, привлекательны; созерцаніе ихъ можетъ доставить человѣку удовольствіе, высокое наслажденіе. Только ли удовольствіе испытываетъ Лермонтовъ при видѣ этихъ картинъ природы? Нѣтъ, онъ испытываетъ душевное успокоеніе, чувствуетъ себя счастливымъ, ощущаетъ свою связь съ Богомъ. Объяснимъ, почему это такъ. Картины какой природы изображаетъ поэтъ, природы—необычной, грандіозной, величественной, или природы обычной, мирной? Вотъ первая причина особаго дѣйствія этихъ картинъ на душу Лермонтова. Всѣ предметы природы поэтъ беретъ здѣсь, мы сказали, въ какомъ состояніи? А движеніе считается признакомъ чего? Значитъ, все въ природѣ, по наблюденію поэта, живетъ. А въ какое время своей жизни взяты предметы природы? Нива и слива взяты зрѣлыми, лѣсъ—одѣтымъ свѣжею зеленью, ландышъ—цвѣтущимъ, ключъ—свѣжимъ, студенымъ; всѣ предметы взяты во время полнаго развитія жизненныхъ силъ своихъ. А какъ дол-

женъ дѣйствовать видъ такихъ предметовъ на душу? Успокоительно. Мы сказали, что поэтъ видитъ въ картинахъ природы жизнь, полноту силъ; а гдѣ причина, кто виновникъ этой жизни и этихъ силъ? Поэтому такая природа не только успокаиваетъ поэта, но и вызываетъ въ немъ что?—Да, мысль о Богѣ, чувство связи съ Богомъ, чувство религіозное. Итакъ, вотъ вторая причина особаго дѣйствія этихъ картинъ на душу Лермонтова.

Идея стихотворенія можетъ быть выражена и записана подъ планомъ въ такой формѣ: картины мирной, полной жизни и силъ природы успокоительно дѣйствуютъ на Лермонтова и вызываютъ въ немъ религіозное чувство *).

Идея эта можетъ быть обобщена при помощи вопросовъ: на одного ли Лермонтова такъ можетъ дѣйство-

*) По мнѣнію редакціи, планъ стихотворенія лучше бы передать въ такой формѣ

А. Планъ стихотворенія

I. Поэта въ природѣ окружаютъ—

1) нива,
2) лѣсъ,
3) слива,
4) ландышъ,
5) ключъ.

II. Подъ вліяніемъ природы, поэтъ

1) успокаивается,
2) сознаетъ счастье,
3) проникается религіозностью.

Б. Идея стихотворенія.

Жизнь и красота въ природѣ успокоительно дѣйствуютъ на поэта (человѣка) и вызываютъ въ немъ религіозное чувство.

вать изображенная имъ природа, или и на другихъ людей? На всѣхъ ли людей эта природа такъ дѣйствуетъ? Нѣтъ, для этого нужно имѣть любовь къ природѣ, понимать природу, а, кромѣ того, нужно извѣстное настроеніе. Расширенная идея можетъ быть выражена въ прежней формѣ съ замѣною слова дѣйствуютъ словами: могутъ дѣйствовать и—слова Лермонтова словомъ человѣка.

Д) Если разсматриваемое стихотвореніе читается не первымъ изъ стихотвореній Лермонтова, то можно напомнить ученикамъ ранѣе извѣстныя имъ стихотворенія этого поэта, съ одной стороны, напр., такія, какъ «Выхожу одинъ я на дорогу», «Пророкъ», «Ангелъ», «Парусъ», съ другой стороны, такія, какъ «Молитва», «Вѣтка Палестины», «Бородино»,—задать нѣсколько вопросовъ о томъ, какъ въ этихъ произведеніяхъ Лермонтовъ относится къ жизни и людямъ и затѣмъ сдѣлать, напримѣръ, такое заключеніе о поэтѣ: М. Ю. Лермонтовъ часто называется поэтомъ грусти и разочарованія. Съ самаго ранняго дѣтства онъ испыталъ много тяжелыхъ впечатлѣній отъ жизни, видѣлъ много горя. Среди окружающаго его общества ему часто приходилось встрѣчать злыхъ, себялюбивыхъ, порочныхъ, ничтожныхъ и тупыхъ людей. Лермонтовъ разочаровался въ людяхъ и въ жизни, сталъ думать, что ужиться съ людьми нельзя и не стоитъ, что въ жизни нѣтъ счастья, что жизнь скучна, что она лишь «пустая и глупая шутка»; Лермонтовъ сталъ тосковать и выражалъ желаніе «забыться и заснуть». Но эта тоска и разочарованіе исчезали у поэта, когда онъ молился, когда онъ наслаждался природой, когда наблюдалъ несложную жизнь простого русскаго народа или думалъ о славныхъ событіяхъ русскаго прошлаго и испытывалъ горячую любовь къ родинѣ.

Въ такія минуты Лермонтовъ успокаивался и чувствовалъ себя счастливымъ, могъ «постигнуть счастье на землѣ».

Примѣчаніе. Стихотвореніемъ: «Когда волнуется желтѣющая нива», можно воспользоваться для выясненія понятія о періодѣ, а также для выясненія художественнаго пріема контраста: здѣсь состояніе движенія природы составляетъ контрастъ съ состояніемъ покоя души человѣческой.

В. Брюхановъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СЛОВАРЯ

Пушкинскаго прозаическаго языка *)

Бата́лія, іи, ж.

Тутъ явилась на валу Василиса Егоровна и съ нею Маша не хотѣвшая отстать отъ нея. „Ну, что?“ сказала комендантша: „каково идетъ баталія? Гдѣ же непріятель?“—„Непріятель недалече“, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ: „Богъ дастъ, все будетъ ладно. Что, Маша, страшно тебѣ?“ *Кап. д*, *VII*.

Батальо́нъ, а, м.

(Голицынъ) пошелъ прямо на Переволоцкую (куда возвратился и Бедряга); оттуда, оставя обозъ подъ прикрытіемъ одного баталіона при подполковникѣ Гриневѣ, 22-го марта подступилъ подъ Татищеву. *Ист. пуг. б.*, *V.* У Рене было 8 драгунскихъ полковъ (5056 ч.), батальонъ ингерманландцевъ да 5000 молдаванъ. *Зап бриг. Моро-де—Бр.*, *прим.* См. еще *Ист. пуг б.*, *VIII*; *Зап. бриг. Моро-де—Бр.* Тогда Бошнякъ съ однимъ саратовскимъ батальономъ рѣшился продраться сквозь толпы мятежниковъ. *Ист. пуг. б*, *VIII*. Губернскія батальоны *Тамъ же, прим. 9*. Гренадерскіе батальоны. *Зап. бриг Моро-де—Бр.*: Батальонъ—карре. При совершенномъ наступленіи ночи, его царское величество велѣлъ остановиться батальону—карре. *Зап. бриг. Моро—де—Бр.* См. еще *тамъ же*.

Батаре́я и, ж.

1. Опред. число орудій и артиллеристовъ при нихъ.

5-го октября Пугачевъ со своими силами расположился лагеремъ на казачьихъ лугахъ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга. Онъ тотчасъ двинулся впередъ и подъ пушечными выстрѣлами поставилъ одну батарею на паперти церкви у

---

*) Продолженіе. См. в.в. IV—V и VI 1901 г., II—III, IV, V и VI 1902 г., I, IV—V 1903 г. и I 1904 г.

самаго предмѣстья, а другую въ загородномъ губернаторскомъ домѣ. *Ист. пуг. б., III.* Но тутъ къ Бибикову подоспѣли пушки; онъ, занявъ гору, выстроилъ батарею. *Ист. пуг. б., V.* См. еще *тамъ же. V, VII.* Прямо противъ Арскаго поля находилась главная городская батарея. Пугачевъ на нее не пошелъ. *Ист. пуг. б., VII.*

2. Укрѣпленіе.

Они намѣрены были вести подкопы по яру Старицы, кругомъ всей крѣпости, подъ соборную церковь, подъ батареи и подъ комендантскія палаты. Осажденные находились въ вѣчной опасности. *Ист. пуг. б., V.* Удалось сжечь одну батарею, не главную. *Ист. пуг. б., V.* По угламъ (въ слободѣ) были батареи. *Ист. пуг. б., прим. 41.* Мѣновой дворъ укрѣпленъ батареями. *Тамъ же, прим. 39.* См. еще *Ист. пуг. б., IV, V, VII, VIII; Пут. въ Арзр., IV.* Непріятельская батарея. *Ист. пуг. б., IV.* Турецкія батареи. *Пут. въ—Арзр., IV.*

Батистовый, ая, ое.

(Молодымъ людямъ плюютъ въ глаза, а они утираются батистовымъ платкомъ. *Пис. женѣ 36 г.*

Батра́къ, а́, м.

Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню; если же, по его расчетамъ, трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что эти платили ему добровольную дань. *Ист. с. Гор., Правл. прик.* Бѣдный Глинка работаетъ, какъ батракъ, а проку все нѣтъ. Кажется мнѣ, онъ съ горя рехнулся. Кого вздумалъ просить къ себѣ въ кумовья (Бога)!.. *Пис. Плетн. янв. 31 г.* Горохино пріуныло, базаръ запустѣлъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли. Половина мужиковъ была на пашнѣ, другая служила въ батракахъ; ребятишки пошли по міру. *Ист. с. Гор. Правл. прик.*

Ба́тька, и, м.

1. Священникъ.

Думай про меня, что хочешь, а отъ меня не отставай. Какое тебѣ дѣло до иного прочаго? Кто ни попъ, тотъ батька. Послужи мнѣ вѣрой и правдою, и я тебя пожалую

и въ фельдмаршалы, и въ князья. Какъ ты думаешь? *Кап. д, VIII*.

2. Батюшка, отецъ.

Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной русской жизни, сколько истины, добродушной веселости въ изображеніи характеровъ Кирши, Алексѣя Бурнаша, Өедьки Хомяка, пана Копычинскаго, батьки Еремѣя? Романическое происшествіе безъ насилія входитъ въ раму обширнѣйшую происшествія историческаго. *Объ ист русск. нар., 3* И вѣдь пошелъ, окаяный, за перегородку; какъ ты думаешь? вѣдь отдернулъ занавѣсъ, взглянулъ ястребиными своими глазами — и ничего . Богъ вынесъ! А вѣришь ли, я и батька мой такъ ужъ и приготовились къ мученической смерти. *Кап. д., VIII*.

3. Шутл. по отношенію къ мужу.

Ну, матушка, сказалъ онъ: коли ты уже все знаешь, такъ, пожалуй, оставайся, мы потолкуемъ и при тебѣ.

То то, батька мой, отвѣчала она: не тебѣ бы хитрить, посылай-ка за офицерами. *Кап. д., VI*

Бáтюшка, и, м.

1. Почтительное названіе родного отца.

А что скажетъ батюшка, а матушка-то что подумаетъ? Согласятся, вѣрно согласятся, отвѣчалъ я: когда узнаютъ Марью Ивановну. Я надѣюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебѣ вѣрятъ; ты будешь за насъ ходатаемъ, не такъ ли? Старикъ былъ тронутъ. *Кап. д., XIII*. И въ кого ты пошелъ? кажется, ни батюшка, ни дѣдушка пьяницами не были... *Кап. д., I.* Во всякомъ случаѣ ты получишь свои деньги. Надѣюсь еще ихъ заплатить передъ твоимъ отъѣздомъ. Не то позволь вручить ихъ Алексѣю Ивановичу, твоему батюшкѣ; а ты предупреди, сдѣлай милость, что эти 6 т. даны тобою мнѣ въ займы. *Пис. Кочшину, 36 г.* (Алекс Иван) командуетъ у насъ на мѣстѣ покойнаго батюшки .. *Кап. д , X.* См. еще *Кап д , I; II, XIII, XIV; Дубр., IV, V; М. Шон.; Арапъ П. В. VI; Бар.—кр ; Ист. с. Гор ; Ист. анекд , IX., Пис Дмитр 36 г.*

2. Названіе священника

Старый священникъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ:

„Прикажете начинать?“ — „Начинайте, начинайте, батюшка“, отвѣчалъ я разсѣянно. Дѣвушку подняли. Она показалась мнѣ не дурна.. *Метель*.

3. Ласковое названіе другихъ лицъ.

Врешь, Максимычъ, сказала капитанша: у Полежаева и такъ тѣсно; онъ же мнѣ кумъ и помнитъ, что мы его начальники. Отведи г. офицера... какъ ваше имя и отчество, мой батюшка? *Кап. д., XIII*. Здоровъ ли вашъ медвѣдь, батюшка Кирила Петровичъ? сказалъ Антонъ Пафнутьичъ, вспомня при этихъ словахъ о своемъ косматомъ знакомцѣ и о нѣкоторыхъ шуткахъ, которыхъ и онъ былъ когда-то жертвою. *Дубр., IX*. Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость, отвѣчалъ ему Ш:. играйте, какъ умѣете? „Ахъ, мой батюшка, возразилъ Потемкинъ: и слова нельзя тебѣ сказать; ужъ и разсердился!“ Услыша таковой разговоръ, князь Безбородко раздумалъ жаловаться. *Ист. анекд., XX*. Такихъ романовъ нынче нѣтъ. Не хотите ли развѣ русскихъ? А развѣ есть русскіе романы?... Пришли, батюшка, пожалуйста, пришли! *Пик. д., II*. См. еще: *Кап. д., I II III, VIII, IX, X XI, XIII, XIV: Дубр., III, V, IX, XIX; Гроб., Ист. анекд.. IX; Станц. см.; Зап. Нащ.; Бар.-кр.*

Ласковое обращ. къ мужу.

— Ахъ, мой батюшка! возразила комендантша: да развѣ мужъ и жена не единъ духъ и едина плоть? *Кап., д., IV*. „Что это съ тобою сдѣлалось?“ спросилъ изумленный комендантъ.—Батюшка, бѣда! отвѣчала Василиса Егоровна.. *Кап. д., VI*. См еще *тамъ же, III; Арапъ II: В., V*.

Батюшка—братецъ по отнош. къ мужу.

Батюшка-братецъ! сказала старушка слезливымъ голосомъ: не погуби ты своего родимаго дитяти, не дай ты Наташеньки въ когти черному дьяволу! *Арапъ П В., V*.

А за кого же? повторилъ князь Лыковъ, начинавшій уже дремать. Отгадайте, сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ. Батюшка-братецъ, отвѣчала старушка: какъ намъ угадать! Мало-ли жениховъ при дворѣ: всякій радъ взять за себя твою Наташу. Долгорукій, что-ли? *Арапъ П. В., V*. См. еще *тамъ же*.

4. По отношенію Пугачову, какъ государю.

А нашъ батюшка, прибавилъ онъ: воленъ приказать— сейчасъ-ли васъ повѣсить, али дождаться свѣта Божія. *Кап. д., XI*. Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили. Батюшка нашъ тебя милуетъ, говорили мнѣ. *Кап. д., VII*. См. еще *Ист пуг. б., Ш; Кап. д. VШ, XI*.

Мн. ч. въ восклицаніи, выражающемъ страхъ, ужасъ.

Батюшки мои! кричала бѣдная старушка: отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузьмичу! *Кап д., VII*. Ахти батюшки, князь, сказала Татьяна Аѳанасьевна: видѣла, видѣла его близехонько: какая жъ у него (арапа) страшная морда. *Арапъ П. В., IV*. См. еще *Кап. д., IV*. А ты хорошъ! пишешь мнѣ: переписывай да нанимай писцовъ опочкинскихъ, да издавай Онѣгина. Я самъ себя хочу издать или выдать въ свѣтъ. Батюшки, помогите! *Пис. Плетн мартъ 26 г.*

Ба́тюшкинъ, а, о.

Все кончено! отвѣчалъ я и отдалъ ей батюшкино письмо. *Кап. д., V*. Покойникъ (царство ему небесное!) обѣщалъ со мною посвойски перевѣдаться, а сынокъ, пожалуй, сдержитъ слово батюшкино. Доселѣ Богъ миловалъ: всего на все разграбили у меня одинъ амбаръ, да того и гляди до усадьбы доберутся. До деревни батюшкиной. *Кап. д, XШ*.

Ба́шенный, ая, ое,

Одинъ путешественникъ пишетъ, что изо всѣхъ азіатскихъ городовъ въ одномъ Арзумѣ нашелъ онъ башенные часы --и тѣ были испорчены. *Пут. въ Арзр, V*.

Башка́, и, ж.

Никогда не забуду этого человѣка. Ему казалось лѣтъ за семьдесятъ. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя такъ гладко выстрогана башка. Подойди ка поближе; говори, кто тебя подослалъ? *Кап. д., VI*. Но журналъ, будучи торговымъ предпріятіемъ, я ни къ чему приступить не дерзаю, ни къ предложеніямъ, ни къ условіямъ покамѣстъ порядкомъ не осмотрюсь: не хочу продать вамъ кожу медвѣдя, еще живого, или собрать подписку на Исторію русскаго народа, существующую только въ нелѣпой башкѣ моей.. *Пис. Погод. 32 г.*

Башкирецъ, рца, м.

Иванъ Игнатьичъ отправился за башкирцемъ, который сидѣлъ въ амбарѣ подъ ключемъ у комендантши, и черезъ нѣсколько минутъ невольника привели въ переднюю. Комендантъ велѣлъ его къ себѣ представить. Башкирецъ съ трудомъ шагнулъ черезъ порогъ (онъ былъ въ колодкѣ) и, снявъ высокую свою шапку, остановился у дверей. *Кап. д.*, *д.*, *VI*. Башкирцы подозрѣвали его намѣреніе и роптали. *Ист. пуг. б.*. *V*. Башкирецъ Салаватъ. *Ист. пуг. б. VI*. См. еще *Ист. пуг б.*, *II*. *III*, *IV*. *VI*, *VII*, *VIII*; *Кап. д.*, *III*, *IV*. *VI VII*. *VIII*. Непокорные башкирцы. *О Татищ*. Мятежные, бунтующіе башкирцы *Кап. д.*, *XIII*; *Ист. пуг. б. прим. 77*; *Ист. пуг. б. VI*; *О Татищ*. Ближайшіе, окрестные башкирцы. *Ист. пуг. б.*, *II*, *III*. Старый башкирецъ *Кап. д.*, *VI*. Переносно. Б: Воля твоя, я смысла тутъ никакого не вижу. Будучи самъ литераторомъ, я читаю „Литературную Газету", ибо мнѣ любопытно знать ея мнѣнія: мнѣ досадно видѣть въ ней иногда личности и колкости, отвѣты, возраженія, мелочную войну, которую не худо представить литературнымъ башкирцамъ; но никогда не видалъ я въ „Литературной Газетѣ" ни дворянской спѣси, ни гоненія на прочія сословія. *Ст. и зам. изъ «Лит. газ». Разговоръ*.

Башкирка, и ж.

Какъ я хорошо веду себя! какъ ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, съ калмычками не кокетничаю —и на дняхъ отказался отъ башкирки, не смотря на любопытство, очень простительное путешественнику. *Пис. женѣ 33 г.*

Башкирскій, ая, ое.

Михельсонъ между тѣмъ шелъ Уральскими горами по малоизвѣстнымъ дорогамъ. Деревни башкирскія были пусты. Не было возможности достать нужные припасы. Отрядъ его былъ въ ежечасной опасности. *Ист. пуг. б.*, *VI*. Тоже см. *Ист. пуг. б.*, *IV*. Я шелъ занятый своими размышленіями, какъ вдругъ услышалъ за собою конскій топотъ, оглянулся—вижу: изъ крѣпости скачетъ казакъ, держа башкирскую лошадь въ поводья и дѣлая издали мнѣ знаки.

Кап. д, *IX*. Тоже см. еще *тамъ же*. **Башкирскій** старшина. *Ист. пуг. б.*, *V*.

Башлыкъ, а, м.

Отъ Пернике до Гумровъ считается двадцать семь верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузъ и поручилъ себя Провидѣнію. *Пут. въ Арзр.*, *II*; Вода ручьями лилась ...съ башлыка, напитаннаго дождемъ. *Тамъ же*.

Башма́къ, а́ м.

(Индійцы) сняли съ меня башмаки, полагая, что они мѣшали бѣжать. *Дж. Тен.* Полагаю, однакожъ, не излишнимъ замѣтить, что обѣ дѣвицы надѣли желтыя шляпки и красные башмаки, что бывало у нихъ только въ торжественные случаи. *Гроб.* Изъ каретъ поминутно вытягивались то стройная ножка молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулокъ и дипломатическій башмакъ. *Пик. д.*, *II*. При семъ письмо къ Жуковскому въ треугольной шляпѣ и въ башмакахъ (Намекъ на придворное званіе Жуковскаго). *Пис. Плетн. 26 г.* Башмаки съ красными каблуками. *Арапъ П. В.*, *III*.

Башмачёкъ, чка, м.

Увы! Посмотрите на эти домашнія прически, на эти бѣлые башмачки, искусно забѣленные мѣломъ,.. Кавалеры избраны коегдѣ—и что за кавалеры! *Мысли на д.*, *II*.

Башма́чникъ, а, м

Если дѣвица не брюхата, то бѣда еще не велика; а съ отцемъ и съ дядей-башмачникомъ дуэли кажется не будетъ. *Пис. женѣ сент. 33 г.*

Ба́шня, и, ж.

Ротенфельдъ: Твоего мнѣнія не спрашиваютъ. Отведите его въ башню... (Франца ведутъ.) Францъ (уходя): Однако жъ я ей обязанъ жизнію. *Сц. изъ рыц. вр.*, *VII*. Рыцарь почтенъ на конѣ и въ замкѣ за рѣшеткою своей башни. *Тамъ же*, *I*. Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ названную Митридатову гробницу (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. *Пис. Дельв. 24 г.* См. еще *Кап д.*, *III*; *Пис. брату 20 г.* *Сц. изъ рыц. вр.*, *III*; *Скупой*

рыи.; Набр. ск. о Салт. 22 г; изъ дн. 1 мая. Я никогда не соглашался отдать его ни матери, ни сестрѣ своей, которыя просили его у меня по возвращеніи моемъ въ Англію; этотъ крестъ данъ мнѣ былъ на память пріоромъ францисканов, живущимъ въ Діогеновой башнѣ, въ Аѳинахъ. *Ст. и зам. изъ «Лит. газ.» XVII.*

Бдительный, ая, ое.

Онъ (музъ) бдительнѣе, нежели дикій буйволъ и канадскій олень. *Дж. Тен.*

Бедрó, á, ср. Азіатскіе баньщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча, скользятъ ногами по бедрамъ и пляшутъ по спинѣ... *Пут. въ Арзр., II.*

Безалáберный, ая, ое.

Безалаберный! ты ничего не пишешь мнѣ о 2,100 руб. мною тебѣ должныхъ. *Пис. Собол. 29 г.* Зачѣмъ ты теткѣ не пишешь? какая ты безалаберная! *Пис. женѣ 34 г.* См. еще *письмо Собол. 28 г.* Предпослѣднее письмо твое было такое милое, что расцѣловалъ бы тебя; а это такое безалаберное, что за ухо бы выдралъ. *Пис. женѣ 34 г.*

Безбóжіе, ія, ср.

Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. *Пис. Жук. 24 г.*

Безбóжникъ, а, м.

Когда проходилъ мимо нихъ порядочный человѣкъ, Ванюша показывалъ ему языкъ, бѣгалъ за нимъ и изо всѣхъ силъ кричалъ: „пьяница, уродъ, развратникъ, зубоскалъ, писака, безбожникъ!“ — и кидалъ въ него грязью. *Дѣтск. ск., III.*

В. Водарскій.

Продолженіе будетъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1904 г. **„МЕДИЦИНСКАЯ БЕСѢДА"** 18-й годъ.

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ.

(Издается съ 1887 г. подъ редакціею А. Х. САБИНИНА).

(Большая золотая медаль на 1-й Всероссійской Гигіенической Выставкѣ 1893 г. въ С.-Петербургѣ).

ПРОГРАММА:

1. Правительственныя распоряженія по врачебной части и вѣдомству. 2. Статьи по общественной и частной гигіенѣ, анатоміи, физіологіи, патологіи, терапіи, хирургіи, акушерству и другимъ частямъ врачебной науки. Медицинская статистика. Школьная гигіена. Аптечное дѣло. 3. Статьи по земской медицинѣ. 4. Исторія медицины. 5. Переводныя статьи и рефераты изъ повременныхъ иностранныхъ медицинскихъ изданій. 6. Статьи по различнымъ отраслямъ естествознанія, имѣющія близкое отношеніе къ медицинѣ. 7. Врачебная хроника и смѣсь. 8. Врачебно-бытовые вопросы. 9. Народная медицина. Врачебныя замѣтки. 10. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ. Протоколы больничныхъ медицинскихъ совѣщаній, отчеты о дѣятельности больницъ и подобнаго рода больничныхъ учрежденіяхъ. 11. Объявленія.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Годовая цѣна съ доставкой и пересылкой—5 р., для фельдшеровъ и акушеровъ—3 р. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ К. Л. Риккера; въ г. Воронежѣ, въ конторѣ редакціи и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Г.г. фельдшеровъ фельдшерицъ и акушерокъ просятъ обращаться съ подпиской въ контору редакціи.

Редакторъ *А. Сабининъ.*

Отъ Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

Воронежской губ. на 1904 годъ, изданная Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ подъ редакціей Секретаря Комитета **Д. Г. Тюменева.**

Содержаніе: Воронежскій календарь. Мѣстные праздники и крестные ходы въ Воронежской губ. и Православный мѣсяцесловъ.

Отдѣлъ 1-й Справочный. Россійскій Императорскій Домъ. Главное Управленіе Россіи. Распоряженія Правительства: 1) Объ отмѣнѣ круговой поруки крестьянъ по уплатѣ окладыхъ сборовъ. 2) Правила объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей. 3) Объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей положенія о взаимномъ страхованіи отъ огня. 4) Объ учрежденіи въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи полицейской стражи. 5) О ветеринарно-полицейскихъ мѣрахъ по предупрежденію и прекращенію заразныхъ и повальныхъ болѣзней на животныхъ и по обезвреживанію сырыхъ животныхъ продуктовъ. Уставъ Воронежской Городской торговой школы. Уставъ Воронежской кассы взаимнаго вспоможенія на случай смерти. Уставъ общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Воронежской губ.

Правила о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли въ области Сыръ-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую.

Списокъ Воронежскихъ архипастырей, губернато-

ровъ, губернскихъ предводителей дворянства и городскихъ головъ г. Воронежа.

Дѣленіе Воронежской губерніи въ административномъ и другихъ отношеніяхъ.

Отдѣлъ II-й статистическій.

Отдѣлъ III-й научно-литературный. Очеркъ жизни о дѣятельности святителя Митрофана, перваго епископа Воронежскаго. Къ двухсотлѣтію со дня кончины Святителя. (23 ноября 1703—1903 г.) *Н. И. Поликарповъ.* Евгеній Львовичъ Марковъ. (1835—1903). *В. В. Литвиновъ.* Договорныя грамоты Рязанскихъ князей XV в., какъ источникъ для исторіи Воронежскаго края. *С. Введенскій.* Слабый ростъ уѣздныхъ городовъ Воронежской губ. и незначительный районъ ихъ экономическаго вліянія. *В. П. Менжулинъ.* Замѣчательные уроженцы г. Воронежа и Воронежской губ. *В. В. Литвиновъ.*

Производство крестьянскаго сукна и другіе промыслы среди женскаго населенія Новохоперскаго уѣзда *В. В. Литвиновъ.* Васька Желтовскій. (Эпизодъ изъ исторіи раскола въ Воронежскомъ краѣ при Св. Митрофанѣ,—по архивнымъ документамъ). *С. Введенскій.*

Воспоминанія о Т. И. Рубашевскомъ. *А. Вязовскаго.*

Отдѣлъ IV-й Адресъ-Календарь лицъ, служащихъ по г. Воронежу и по Воронежской губ. *Указатель къ Адресъ-Календарю* служащихъ по г. Воронежу и Воронежской губ. *Объявленія.*

Цѣна книжки 1 р. 50 к. Продается въ Канцеляріи Губернскаго Статистическаго Комитета (въ зд. Губернскаго Правленія) и въ книжныхъ магазинахъ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ
А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный листъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЫПУСКЪ III—IV.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ III—IV ВЫПУСКОВЪ

Слѣды знакомства русскаго общества съ древне-классической литературой въ вѣкъ Екатерины II.

Матеріалы для исторіи классическаго образованія въ Россіи въ біо-библіографическихъ очеркахъ его дѣятелей былого времени.

«Благодатный вѣкъ былъ вѣкъ
Екатерины».

Баратынскій.

Всемірная исторія прошлаго полна назидательныхъ примѣровъ того, какъ въ эпоху упадка словесности тщательно старались подводить итоги знаній, постепенно накоплявшихся въ предыдущіе періоды времени. Такими итогами смѣло могутъ гордиться классическіе народы, такъ называемые *грамматики* которыхъ составляли эксцерпты—почти единственные дошедшіе до насъ источники, ясно свидѣтельствующіе о той сокровищницѣ знаній, которыми обладали древніе греки и римляне. Подобные сборники эксцерптовъ появлялись въ Римѣ въ эпоху имперіи; достаточно назвать имена Геллія, Фронтона и Плинія Ст., чтобы уму читателя сразу представился тотъ громадный интересъ къ изученію старины въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, какимъ жило римское общество временъ имперіи.

Настоящее время, если и не представляетъ собою упадка изученія греко-римскаго міра въ нашемъ отечествѣ, все же является отчасти отсталымъ по сравненію съ нѣсколькими предыдущими десятилѣтіями

«классицизма». Подвести итоги предшествующей порѣ этого пылкаго увлеченія древнимъ міромъ въ настоящую минуту затишья было бы, на нашъ взглядъ, вполнѣ умѣстно.

Но, оставляя пока въ сторонѣ ближайшую къ намъ эпоху, мы прежде всего намѣрены заглянуть въ далекое отъ насъ время и отмѣтить замѣтные слѣды знакомства русскаго общества съ древне-классической литературой въ вѣкъ Екатерины II.

Усиленная литературная производительность въ эпоху Екатерины II уже давно служитъ предметомъ разнообразныхъ изслѣдованій главнымъ образомъ со стороны историковъ русской словесности, но эта эпоха важна и интересна не для историка только литературы: она была своего рода расцвѣтомъ и зарождавшагося у насъ классицизма, если можно такъ выразиться о той изумительной даже и для нашего времени массѣ переводчиковъ древнихъ классиковъ, которые жили и работали въ Екатерининское время. Всестороннее обозрѣніе этой переводческой дѣятельности, поскольку таковое представляется возможнымъ, и служитъ темою данной статьи, долженствующей составить отдѣльную главу, какъ бы сказать «Исторіи знакомства русскаго общества съ классическимъ міромъ». Хотя, вообще говоря, подобная тема могла бы служить и не отдѣльной только главой и спеціальнымъ изслѣдованіемъ.

Характеръ самой темы и недостаточность матеріала, которымъ въ данномъ случаѣ приходится располагать, побуждаютъ автора этой статьи строго придерживаться такого плана: за алфавитнымъ перечнемъ переводчиковъ,—этихъ главныхъ выразителей стремленія къ знакомству съ древне-классической литературой,—съ біографическими о нихъ свѣдѣніями, какія удалось

собрать, и перечнемъ ихъ главныхъ трудовъ въ этомъ направленіи, будетъ данъ выводъ съ статистическимъ указаніемъ, какіе авторы переводились преимущественно, и съ какихъ языковъ главнымъ образомъ дѣлались эти переводы; какъ относилось къ послѣднимъ правительство и общество; литературное значеніе этихъ переводовъ и позднѣйшая ихъ судьба.

Однако нельзя не признаться, что наше изслѣдованіе не отличалось бы полнотой, если бы о слѣдахъ знакомства русскаго общества съ древне-классической литературой въ вѣкъ Екатерины II мы судили исключительно по однимъ переводамъ классиковъ.

Интересъ къ изученію древне-классической литературы въ Екатерининскую эпоху, помимо весьма значительнаго числа сдѣланныхъ въ то время переводовъ классическихъ писателей, проявляется еще во многомъ другомъ, а именно: въ пріобрѣтеніи скульптуръ и картинъ съ античными сюжетами для основаннаго Императрицей Эрмитажа, и въ появленіи значительнаго числа литературныхъ произведеній разнообразной формы, въ которыхъ затрагивались и разбирались вопросы классической древности.

Начало собранія греко-римской скульптуры въ Императорскомъ Эрмитажѣ, положенное въ 1718 году Петромъ Великимъ, при Екатеринѣ II, какъ это мы узнаемъ изъ нѣсколькихъ иностранныхъ сочиненій [1], обогатилось слѣдующими пріобрѣтеніями. Были вывезены изъ Италіи—голова Друза Цезаря, сдѣланная изъ паросскаго мрамора, треугольное подножіе канделябра,

[1]) См. «Императорскій Эрмитажъ. Музей древней скульптуры». 3-е изд. СПБ. 1896, предисловіе къ 1-му изд. (сост. С. Гедеоновымъ), стр. III сл.

«классицизма». Подвести итоги предшествующей порѣ этого пылкаго увлеченія древнимъ міромъ въ настоящую минуту затишья было бы, на нашъ взглядъ, вполнѣ умѣстно.

Но, оставляя пока въ сторонѣ ближайшую къ намъ эпоху, мы прежде всего намѣрены заглянуть въ далекое отъ насъ время и отмѣтить замѣтные слѣды знакомства русскаго общества съ древне-классической литературой въ вѣкъ Екатерины II.

Усиленная литературная производительность въ эпоху Екатерины II уже давно служитъ предметомъ разнообразныхъ изслѣдованій главнымъ образомъ со стороны историковъ русской словесности, но эта эпоха важна и интересна не для историка только литературы: она была своего рода расцвѣтомъ и зарождавшагося у насъ классицизма, если можно такъ выразиться о той изумительной даже и для нашего времени массѣ переводчиковъ древнихъ классиковъ, которые жили и работали въ Екатерининское время. Всестороннее обозрѣніе этой переводческой дѣятельности, поскольку таковое представляется возможнымъ, и служитъ темою данной статьи, долженствующей составить отдѣльную главу, такъ сказать «Исторіи знакомства русскаго общества съ классическимъ міромъ». Хотя, вообще говоря, подобная тема могла бы служить и не отдѣльной только главой и спеціальнымъ изслѣдованіемъ.

Характеръ самой темы и недостаточность матеріала, которымъ въ данномъ случаѣ приходится располагать, побуждаютъ автора этой статьи строго придерживаться такого плана: за алфавитнымъ перечнемъ переводчиковъ,—этихъ главныхъ выразителей стремленія къ знакомству съ древне-классической литературой,—съ біографическими о нихъ свѣдѣніями, какія удалось

собрать, и, перечнемъ ихъ главныхъ трудовъ въ этомъ направленіи, будетъ данъ выводъ съ статистическимъ указаніемъ, какіе авторы переводились преимущественно, и съ какихъ языковъ главнымъ образомъ дѣлались эти переводы; какъ относилось къ послѣднимъ правительство и общество; литературное значеніе этихъ переводовъ и позднѣйшая ихъ судьба.

Однако нельзя не признаться, что наше изслѣдованіе не отличалось бы полнотой, если бы о слѣдахъ знакомства русскаго общества съ древне-классической литературой въ вѣкъ Екатерины II мы судили исключительно по однимъ переводамъ классиковъ.

Интересъ къ изученію древне-классической литературы въ Екатерининскую эпоху, помимо весьма значительнаго числа сдѣланныхъ въ то время переводовъ классическихъ писателей, проявляется еще во многомъ другомъ, а именно: въ пріобрѣтеніи скульптуръ и картинъ съ античными сюжетами для основаннаго Императрицей Эрмитажа, и въ появленіи значительнаго числа литературныхъ произведеній разнообразной формы, въ которыхъ затрагивались и разбирались вопросы классической древности.

Начало собранія греко-римской скульптуры въ Императорскомъ Эрмитажѣ, положенное въ 1718 году Петромъ Великимъ, при Екатеринѣ II, какъ это мы узнаемъ изъ нѣсколькихъ иностранныхъ сочиненій [1]), обогатилось слѣдующими пріобрѣтеніями. Были вывезены изъ Италіи—голова Друза Цезаря, сдѣланная изъ паросскаго мрамора, треугольное подножіе канделябра,

---

[1]) См. «Императорскій Эрмитажъ. Музей древней скульптуры». 3-е изд. СПБ. 1896, предисловіе къ 1-му изд. (сост. С. Гедеоновымъ), стр. III сл.

на стѣнахъ котораго изображены, между прочимъ, силенъ и менада, Венера Таврическая, колоссальныя головы Юноны, головы Ахиллеса, Антиноя и Сабины и бюстъ Люція Вера.

Изъ одного англійскаго источника [2]) мы узнаемъ, что нѣкто Лайдъ Броунъ продалъ въ 1787 г. агенту Россійской Императрицы коллекцію древнихъ скульптурныхъ произведеній. Означенная коллекція, собранная въ Римѣ въ концѣ XVIII в., вѣроятно, въ значительномъ своемъ объемѣ поступила въ Императорскій Эрмитажъ изъ дворцовъ: царскосельскаго, таврическаго и другихъ.

Въ этомъ же собраніи антиковъ были многочисленные бюсты и статуи боговъ (Амуръ, Аполлонъ, Асклепій, Гераклъ, Діонисъ, Панъ, Посидонъ, Юпитеръ, Афродита, Артемида, Аѳина, Гера, Гигіея) и императоровъ (Германикъ, Тиберій, Отонъ, Адріанъ, М. Аврелій, Люцій Септимій Северъ, Агриппина младшая, Юлія, дочь Тита, Марція Атацилія Севера), а также значительное собраніе канделябровъ и вазъ. Между послѣдними интересна одна колоссальная ваза съ изображеніемъ Ифигенія.

Всѣ поименованные предметы составляютъ и по настоящее время лучшее украшеніе Императорскаго Эрмитажа. Въ выше цитованномъ каталогѣ, составленномъ старшимъ хранителемъ *Императорскаго* Эрмитажа по отдѣленію классической *археологіи* и древностей Г. Е. Кизерицкимъ (1847—1903), указаны какъ мѣстности (стр 191 сл.), изъ которыхъ происходятъ памятники, такъ и періоды исторіи искусствъ (стр. 197 сл.), къ которымъ они относятся.

Картинная галлерея Эрмитажа, какъ и вообще все

[2]) Ibid. стр V.

это учрежденіе, получила свое начало въ царствованіе Екатерины II [2]), и первоначальное «пустынное убѣжище», гдѣ Императрица проводила часы досуга въ тѣсномъ кругу людей науки и искусства, постепенно превратилось въ художественный музей, который, къ концу ея царствованія, сталъ однимъ изъ первыхъ среди подобныхъ хранилищъ въ цѣлой Европѣ. Екатерина II пріобрѣла при посредствѣ близкихъ ей лицъ, особенно Дидро (1713—1784) и своихъ посланниковъ при иностранныхъ дворахъ, слѣдующія картины съ античнымъ содержаніемъ: въ 1768 г. «Тріумфъ Галатеи» Ж. Б. Вандоо (1684—1745), въ 1769 г. «Похищеніе Европы» Фр. Альбани (1578—1660) и «Персея и Андромеду» Рубенса (1577—1640), въ 1772 г. «Данаю» Тиціана (1477—1576), «Вакха» въ 1779 г., «Похищеніе Европы» Гвидо Рени (1575—1642).

Къ неизвѣстнымъ годамъ относятся пріобрѣтенія слѣдующихъ картинъ: «Граціи и Амуры» Либери (1605—1687), «Ахиллъ при дворѣ Ликомеда» Маттеиса (1662—1728), «Римскія развалины» въ двухъ видахъ Панини (1692—1765), «Клеопатра» Гвидо Рени, «Меценатъ представляетъ свободныя искусства Августу» Тьеполо (1696—1770), «Вахусъ и Аріадна» Турки (1582—1648) и «Судъ Париса» Франческини (1648—1729).

Въ то время и русскіе историческіе живописцы писали не мало картинъ на темы изъ древне-классической жизни, такъ И. А. Акимовъ (1764—1814) написалъ картины: «Прометей и Минерва» и «Геркулесъ, сожигающійся на кострѣ»; П. И. Соколовъ (1753—

---

[2]) См. предисловіе къ «Каталогу картинной галлереи» Императорскаго Эрмитажа ч. I, Спб. 1901, стр. III—XIII (сост. А. Сомовъ).

1791) былъ признанъ въ 1778 году назначеннымъ въ академики за картины «Меркурій и Аргусъ» (нынѣ находится въ музеѣ Имп. Александра III) и «Дедалъ привязываетъ крылья Икару» (нынѣ въ музеѣ Акад. Худ.), и въ 1782 г. за произведеніе «Венера и Адонисъ» (находится въ музеѣ Акад. Худож.) получилъ степень академика.

Кромѣ Акимова и Соколова, исторія русской живописи знаетъ имена и другихъ художниковъ Екатерининской эпохи, работавшихъ въ томъ же направленіи.

Императрица давала порученія писать картины и нѣкоторымъ изъ современныхъ ей, знаменитымъ иностраннымъ художникамъ. Корифей тогдашней англійской школы Дж. Рейнольдсъ изобразилъ «Младенца Геркулеса, задушающаго змѣй»—аллегорію юной, но уже мощной Россіи.

Въ вышеупомянутомъ «Каталогѣ картинной галлереи» ч. I Императорскаго Эрмитажа, составленномъ А. Сомовымъ, старшимъ хранителемъ Эрмитажа по отдѣленію картинъ, рисунковъ и гравюръ, картины, пріобрѣтенныя при Императрицѣ Екатеринѣ II, отмѣчены условнымъ знакомъ. *Изъ* всѣхъ этихъ картинъ обращаетъ на себя *особое вниманіе* произведеніе Джованни Баттиста Тьеполо «*Меценатъ* представляетъ свободныя искусства Августу», *описаніе* самой картины дано на стр. 138 каталога *подъ* № 1671. Эта картина, на нашъ взглядъ, какъ *нельзя болѣе* соотвѣтствовала духу того времени и вкусу императрицы, которая сама вызывала къ жизни литературныя силы и пробуждала въ своихъ приближенныхъ духъ, если можно такъ выразиться, меценатизма. Доказательствомъ этого служитъ и слѣдующій фактъ. По совершеніи коронованія императрицы Екатерины II профессоръ *исторіи* въ Московскомъ

университетѣ Іоганнъ Готфридъ Рейхель († 1778 г.) произнесъ на латинскомъ языкѣ слово о томъ, что «науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ Государствѣ»; тогда же, въ 1762 г., это слово было переведено на русскій языкъ Денисомъ Фонъ-Визинымъ (см. Сопиковъ ч. IV, № 10726, стр. 434).

Правду сказать, интересъ къ такого рода увлеченіямъ художественными произведеніями съ классическими сюжетами или вовсе не распространялся дальше двора и его приближенныхъ сановниковъ, или распространялся крайне незамѣтно. Однако, принося съ собой извѣстное эстетическое наслажденіе, тотъ во всякомъ случаѣ способствовалъ пробужденію и развитію художественнаго вкуса и возникновенію любви ко всему античному въ этой средѣ, а черезъ нее, такъ или иначе, передавался тѣмъ немногимъ, кто имѣлъ счастливый случай быть близкимъ къ представителямъ этой среды (поэты, переводчики, артисты и др.).

Отъ обозрѣнія состоянія искусства и художествъ въ вѣкъ Екатерины II переходимъ къ разсмотрѣнію произведеній науки и литературы, имѣвшихъ отношеніе къ древне-классическому міру.

Въ интересахъ успѣшнаго знакомства съ литературами древнихъ классическихъ народовъ переведено было методическое руководство къ чтенію классическихъ писателей,—такова вышедшая въ 1774 г. въ Петербургѣ брошюра: «О полезномъ съ юношествомъ чтеніи древнихъ классическихъ писателей мнѣніе съ нѣмецкаго на Россійской языкъ переведенное Дмитріемъ Семеновымъ».

Въ этомъ сочиненіи указывается и разъясняется «четверостая» польза, происходящая отъ чтенія древ-

никъ писателей (стран. 6): «Во первыхъ служатъ онѣ къ основательному изученію Греческаго и Латинскаго языка; а тѣмъ самымъ къ достиженію древнихъ понятій, которыя бы иначе и на умъ намъ не пришли. Во вторыхъ къ исправленію вкуса или ощущенія красоты какъ въ нравахъ, такъ и въ художествахъ. Въ третьихъ, къ снисканію основательнаго знанія древней исторіи, и въ четвертыхъ, къ изученію философіи».

Объ отсутствіи лести у древнихъ писателей читаемъ здѣсь, между прочимъ, такую тираду (стр. 15): «Не обрѣтаемъ мы въ нихъ никакихъ безсмысленныхъ и подлелушныхъ похвалъ знатнымъ или богатымъ особамъ приписанныхъ. Они разсуждаютъ о всѣхъ людяхъ съ похвалы достойною свободностію».

Въ этой же брошюрѣ для пользы учебнаго дѣла рекомендуется раздѣлить преподавателей древнихъ языковъ на четыре категоріи (стр. 24 сл.): учителей грамматики, риторики, исторіи въ связи съ древностями, и философіи. Преподается совѣтъ читать авторовъ по хрестоматіямъ (стр. 26 слл.), глубже вникая въ смыслъ читаннаго, расчленяя періоды, разбираясь въ этимологическомъ составѣ словъ, прибѣгая къ сравненіямъ въ значеніяхъ словъ и понятій древнихъ и отечественныхъ. Самое чтеніе рекомендуется вести статарно и курсорно. Въ старшихъ классахъ признается необходимымъ чтеніе писателя въ полномъ его объемѣ. «Есть ли, говорится въ заключеніи, учитель какъ въ остропонятіи и строгомъ разсудкѣ, такъ и въ охотѣ къ основательному наставленію юношества недостаточенъ, то ни по какимъ предписаніямъ и методу хорошимъ онъ не здѣлается, какъ бы точно съ нимъ въ семъ случаѣ поступлено ни было» (стр. 43 слл.).

Разсмотрѣнная нами брошюра педагогическаго

содержанія очевидно имѣла не мало читателей; это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1787 г. въ Москвѣ вышло второе изданіе даннаго сочиненія [4]).

Тогда же, въ вѣкъ Екатерины II, былъ поднятъ вопросъ и о значеніи изученія греческаго языка для языка отечественнаго и богословской науки (см. у Сопикова №№ 9599 и 3656); появились греческія и латинскія азбуки и букварн числомъ около 15 (см. у Сопикова *азбука*), вышло свыше 20 грамматикъ по древнимъ языкамъ, при чемъ, конечно, первенствующее мѣсто занимаютъ руководства по латинскому языку (см. у Сопикова *грамматика* и №№ 6737, 8813—14), какъ оригинальныя, такъ и переводныя—Христофора Целларія (1638—1707) и Шеллера (1735—1803), или обработанныя по иностраннымъ источникамъ.

Заслуживаетъ вниманія сочиненіе: «Цвѣтъ чистаго латинскаго языка, изъ лучшихъ латинскихъ писателей выбранный» (№ 12518) [5]) іеромонаха Серафима; въ этомъ трудѣ латинскія фразы расположены въ алфавитномъ порядкѣ выраженій, составленныхъ изъ глаголовъ, именъ и частицъ съ русскимъ переводомъ; ориги-

[4]) См. Сопиковъ, Опытъ россійск. библіог. ч. V, №№ 12588—9, стр. 111; Прозоровъ въ своемъ «Систематическомъ указателѣ книгъ и статей по греческой филологіи, напечатанныхъ въ Россіи съ XVII столѣтія по 1892 годъ (Спб. 1898) отд. I, № 29, стр. 2 не упоминаетъ 2-го изд. брошюры Д. Семенова, а проф. Нагуевскій въ «Библіографіи по исторіи римской литературы въ Россіи съ 1709 по 1889 г.» (Казань 1889) вовсе не называетъ поименованнаго труда, равно какъ и многіе другіе, имѣющіе прямое отношеніе къ римской литературѣ, о чемъ будетъ сказано нами ниже.

[5]) №№, какъ и выше указаны по «Опыту россійской библіографіи» Вас. Сопикова (Спб. 1813—1821).

чаломъ служило сочиненіе Помея (1619—1673): «Flos latinitatis». Къ этому же времени относится появленіе оригинальнаго труда Соловьева по лат. просодіи (№ 9117) и трехъ хрестоматій, изъ которыхъ одна греческая (№ 4360), переведенная съ оригинала, составленнаго профессоромъ Московскаго унив. Маттеи (1744—1811), и двѣ латинскія (№№ 12545 и 4698),—одна изъ нихъ составлена гл. обр. изъ отрывковъ Цицерона.

Въ эпоху Екатерины II было издано до 10 словарей латинскаго языка (см. у Сопикова лексиконы и № 10341), составленныхъ преимущественно по Целларію и Іоганну Геснеру (1691—1761). Не мало было издано за это время и такъ называемыхъ школьныхъ «латинскихъ разговоровъ» (№№ 9489—92).

Къ этой же эпохѣ относится и трудъ проф. Московскаго унив. Павла Сохацкаго (1766—1809): «Краткое начертаніе латинскаго слога» (№ 6771), составленное нѣмецкимъ ученымъ Филлеборномъ—это была краткая исторія римской литературы и руководство по лат. стилистикѣ. Кромѣ труда Сохацкаго, въ вѣкъ Екатерины II было переведено съ латинскаго сочиненіе копенгагенскаго проф. *Олая Ворряхія* (1626—1690): «Созерцаніе превосходнѣйшихъ писателей латинскаго языка» (№ 11074). Наконецъ, въ то время появилась отдѣльная монографія о Цицеронѣ (№ 4020), переведенная съ нѣмецкаго языка. Тогда же были изданы драмы, составленныя по классическимъ образцамъ—«Менехмы» (№ 5450) Реньяра (1655—1709) и «Плутусъ» (№ 5552) Гольберга (1684—1754).

Что касается древне-греческой *философіи*, то мы можемъ насчитать до 20 сочиненій Екатерининской эпохи, въ которыхъ разбираются вопросы, имѣющіе прямое или косвенное отношеніе къ этой области знаній.

Съ исторіей греческой философіи мы можемъ до извѣстной степени ознакомиться по переводнымъ сочиненіямъ Фенелона (1651—1715): «Описаніе жизни древнихъ философовъ» (№ 7564), и Виланда (1733—1813): «Агатонъ, или картина философическая нравовъ и обычаевъ греческихъ» (№ 2480) и также по книгѣ: «Исторія философическая» (№ 4935).

Въ сочиненіи: «Зерцало древней учености» (№ 4274), находимъ описаніе сектъ древнихъ философовъ. Съ личностью Сократа насъ знакомятъ сочиненія Шофина: «Исторія Сократова» (№ 4914), затѣмъ «Разговоръ Сократа съ Тимокдеею» (№ 9418), «Слово Сократу» (№ 10853) и драма Томсона (1700—1748): «Сократъ» (№ 3155) — всѣ эти сочиненія переводныя. О Солонѣ узнаемъ изъ книги: «Жизнь Солона» (№ 3966); сочиненія: «Духъ Пиѳагоровъ» (№ 3829) и «Собранные полевые цвѣты» (№ 12524), знакомятъ насъ съ ученіемъ пиѳагорейцевъ.

Изреченія, мнѣнія и нравоученія древнихъ философовъ можемъ читать въ слѣдующихъ сборникахъ: Кабинетъ любомудрія (№ 4972), Стези благонравія (№ 11352), Лучи мудрости (№ 6055), Отборные плоды древнихъ умовъ (№ 7964—8296), Нравоученія древнихъ философовъ (№ 3895—6), Собраніе нравоучительныхъ рѣчей (№ 10937), Апоѳегмата (№ 2003), Разговоры Фокіоновы (№ 9478), Притчи философа Синтипа (№ 9057), и въ соч. Виланда «Исторія Абдеритовъ» (№ 2485). Въ то же время были написаны—философическая повѣсть: «Иппархія и Кратесъ» (№ 4647) и рѣчь «О мудромъ изреченіи греческаго философа: разсматривай всякое дѣло съ разсужденіемъ» (№ 10933).

Переходимъ къ обзору сочиненій, въ которыхъ разбираются *историческіе* вопросы.

Изложенію событій древней исторіи посвящены слѣдующіе труды: «Сокращенная древняя исторія» (№ 2651, ср. № 4723) г-жи Лепренсъ де-Бомонъ (1711—1780), «Исторія о правленіи древнихъ республикъ» (№ 4832), «Процвѣтающая Греція» (№ 3061), «Аѳинская республика» (№ 5867) Ламберта Босія (1728—1777), «Размышленіе о греческой исторіи» (№ 9493) соч. Мабли (1709—1785), «Римская исторія» (№ 4881) Роллена (1661—1741) въ переводѣ В. Тредьяковскаго, «Политическое состояніе древняго Рима» (№ 11131) соч. Ив. Римскаго, «Исторія о перемѣнахъ, бывшихъ въ римской республикѣ» (№ 4825) аббата Вертота (1655—1735), «Исторія о римскихъ императорахъ» (№ 4854),—трудъ Кревіера (1693—1765), ученика Роллена, состоящій въ 12-ти томахъ и служившій продолженіемъ «Римской исторіи» Роллена;—на русскій яз. были переведены В. Тредьяковскимъ только первые четыре тома сочиненія Кревіера.

Изслѣдованія отдѣльныхъ эпохъ и характеристики историческихъ дѣятелей находимъ въ сочиненіяхъ: «Приключенія Клеандра царевича Лакедемонскаго» (№ 8978), «Кодръ» (№ 3379)—драматическій отрывокъ, «Алкивіадъ» (№ 6184) Мейснера (1753—1807), «Аристидъ» (№ 2015), «Приключенія Ѳемистокла» (№ 9007), «Исторія Филиппа Македонскаго» (№ 4933) Оливьера (1756—1814), «Антигонъ» (№ 7391)—опера Метастазія (1698—1782), «Исторія Фокіона, аѳинскаго законодателя» (№ 4936). По исторіи Кира имѣемъ два сочиненія (№ 5143—4).

Въ частности, изъ сочиненій, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ исторіи Рима, назовемъ слѣдующія: (оперы, трагедіи, повѣсти): «Брани самнитянъ» (№ 7400),—опера Розіера († 1805), «О сраженіи Горацієвъ съ Куріаціями» (№ 4367), «Нума Помпилій» (№№ 8689—90)—Флоріана (1755—1794), «Нума или процвѣтающій Римъ»

(№№ 12450—51) Хераскова, «Катилина» (№ 11913)—трагедія Кребильона (1674—1762), «Фабій и Катонъ» (№ 12347)—соч. Галлера, «Брутъ» (№ 11865 ср. № 2606)—трагедія Вольтера (1694—1778), «Цинна» (№ 11973)—трагедія П. Корнеля (1606—1684), «Смерть Цезарева» (№ 11960, ср. № 2607)—трагедія Вольтера, «Юлій Цесарь» (№ 11984)—трагедія Шекспира (1564—1616), «Смерть Помпеева» (№ 11958)—трагедія П. Корнеля, «Жизнь и дѣянія Нерона» (№ 3991), «Повѣсть о заговорѣ Пизона противъ Нерона» (№ 3732), «Севенна» (№ 11951, ср. № 11950)—трагедія Клейста (1715—1759), «Сонъ Марка Аврелія» (№ 11125) и «Луцій Веръ» (№ 7442)—опера Апостоло Зено (1668—1750).

По *географіи* древнеклассическаго міра назовемъ слѣдующіе труды: «Пелопонисъ» (№ 11345)—переводъ статьи изъ Энциклопедіи, Исторія Парнасская (№ 4870) и Исторія Лигуріи и острова Корсики (№ 4763).

Сдѣланное въ 1783 г. пріобрѣтеніе Крыма, конечно, должно было вызвать интересъ къ изученію историческихъ судебъ нашего Юга, главнымъ обр. въ эпоху заселенія этой страны греками и римлянами. Къ этому времени относятся изслѣдованія Андр. Лызлова (№ 4912—3) А. С. Нарушевича (1733—1796), Н. Я. Озерецковскаго (1750—1827) и др. Къ древностямъ, искусству и археологіи могутъ быть причислены слѣдующіе труды: «Картина древностей» (№ 5099)—соч. въ трехъ частяхъ іеромонаха Ѳеофана, «Образованіе древнихъ народовъ» (№ 6966)—четырехтомный трудъ извѣстнаго гравера и живописца Дандре Бардона († 1783), «Слово о патріотизмѣ древнихъ» (№ 10758)—рѣчь моск. профессора Рейхеля, «Исторія о торговлѣ и мореплаваніи у древнихъ» (№ 4866), Названіе древнихъ мореходныхъ судовъ греческихъ (6445), «Слово о римскомъ правленіи» (№ 10738),

«О Сенатѣ» (№ 8533) изслѣдованіе знаменитаго Пан-
вэнуція (1511—1574) [6]), «Начертаніе римскихъ и рос-
сійскихъ правъ» (№ 6781), «Законы изъ Юстиніановыхъ книгъ» (№ 4156), «Магазинъ древностей римскихъ» [illegible] Урмана (1668—1741) съ прибавленіемъ книжки Петра Меса о древностяхъ города Рима (№ 6134), «О [illegible]ахъ древнихъ Римлянъ» (№ 6886—7, ср. № 7770), «О богослуженіи Римлянъ» (№ 11079), «О вестіалкахъ» (№ 7829), «Вестналка» (№ 3473) — драма съ франц., «Описаніе обрядовъ при бракосочетаніи и погребеніи у древнихъ [illegible]довъ въ употребленіи находившихся» (№ 7683) — сочиненіе Ридо, «Памятникъ рѣдкостей» (№ 8062), [illegible] художествахъ древнихъ» (№ 10743, ср. № 9737) — рѣчь проф. Рейхеля, «О первыхъ изобрѣтателяхъ всѣхъ въ свѣтѣ вещей» соч. Полидора Виргилія Урбинскаго (№ 8091), «Руководство къ познанію древнихъ живописей» (№ 9942) — Винкельмана (1717—1768), «Хри[illegible]индійскій» (№ 6308) и Открытіе города Геркулана (№ 7988—9). Наибольшее количество сочиненій, однако же падаетъ на долю миѳологіи (свыше 50). Къ сочиненіямъ общаго характера должны быть отнесены «Словарь историческій» (№№ 10400—1), «[illegible] всеобщаго баснословія» (№ 12475) [7]) «Храмъ всея [illegible]» (№ 12477—8), «Исторія о языческихъ богахъ» (№ 4779, ср. №№ 4876, 8124), «Введеніе въ миѳологію» (№ 11090), Руководство къ миѳологіи (№ 9916),

[6]) Переводъ этого сочиненія посвященъ «любителямъ римскихъ древностей».

[7]) Въ этомъ сочиненіи, написанномъ въ діалогической формѣ, рѣчь ведется между двумя вымышленными лицами — Палеофиломъ (любителемъ древности) и Миѳологомъ (знающимъ и объясняющимъ древности иностранцемъ).

соч. Гедерика (1675—1748), «Начертаніе миѳологіи» (№ 6785) Люне, «Миѳологическій лексиконъ» (№ 5922).

Въ частности, по миѳологическимъ сюжетамъ были написаны *балеты*: «Аписъ и Галатея» (№ 2103) Гильфердинга, «Дидона оставленная» (№ 2107), *оперы*: «Алкидъ на распутьи» (№ 7388)—Метастазія, «Діанинодрево» (№ 7412), «Цефалъ и Прокрисъ» (№ 7507) Сумарокова, «Алцеста (№ 7389) его-же; *драмы*: «Антигона» (№ 3304) Марка Кольтелини, «Филемонъ и Бавкида» (№ 3467); *трагедіи*: «Эдипъ» (№№ 2608 и 11976) и «Меропа» (№№ 11926 и 2612) Вольтера, «Пантея» (№ 11935), «Деидамія» (№ 11884) Тредьяковскаго, «Агріопа» (№ 11848) В. Майкова; *комедіи*: «Девкаліонъ и Пирра» (№ 5351) Сенфуа (1698—1776); *повѣсти* и, такъ сказать, *романы*: «Галатея пастушеская повѣсть» (№ 12405), «Купидонъ и Псиша» (№ 7440)—соч. Кольтелини, «Любовь Псиши и Купидона» (№ 6121) соч. де Лафонтена (1621—1695), «Кадмъ и Гармонія» (№ 12446) Хераскова, «Оставленная Дидона (№ 7468)—Метастазія (ср. еще №№ 8356—7, 8969, 8593, 8979, 3074, 6974). Нельзя обойти молчаніемъ и то обстоятельство, что въ эту пору увлеченія греко-римскимъ міромъ наблюдалось и другое направленіе—*сатирическое*, представляющее прямой контрастъ *классическому*; такимъ образомъ въ насмѣшливомъ тонѣ писались шуточныя поэмы (Энеида на изнанку), пародіи на разговоры въ царствѣ мертвыхъ Лукіана и комедіи (напр., Дидона).

Очень много за это время было издано сочиненій, имѣвшихъ отношеніе къ эпохѣ Троянской войны (трагедіи, похожденія, приключенія и т. п.) таковы: «Исторія о разореніи Трои» (№ 12918), «Ифигенія» (№ 11908), трагедія Расина (1639—1699) «Ифигенія въ Тавридѣ» (№ 3368) Кольтелини, «Странствованія Телемака»

(№ 11569, ср. 8994, 8616—7) Фенелона, «Похожденіе Улисса» (№ 8619) Мажеан, драма «Цирцея и Улиссъ» (№ 3470), «Похожденіе Ахиллесово» (№№ 8594—5), Ахиллъ въ Сцирѣ (№ 3306) Метастазія, Похожденіе Неоптолема (№ 6607—8), «Андромаха» (№ 11853),—трагедія Расина, «Гипермнестра» (№ 11580),—трагедія Ле Міера (1723—1793).

Въ то время было переведено также нѣсколько сочиненій писателей новѣйшей латыни, а именно: «Отроческое наставленіе» (№ 6333) Мурета (1526—1585), «Пять рѣчей Августа Эрнести» (№ 3079), профессора въ Лейпцигѣ (1733—1801) и трактатъ Корнелія Агриппы (1486—1535) «О благородствѣ женскаго пола» (№ 2258).

Источники и пособія, которыми мы пользовались при составленіи предлагаемаго очерка, были преимущественно библіографическіе труды Сопикова, Геннади, Прозорова, Нагуевскаго [8]) и др., которые мы и ука-

8) Здѣсь умѣстно замѣтить, что, вообще говоря, механическій трудъ Нагуевскаго, въ сравненіи съ указателемъ Прозорова, безсистеменъ, малосодержателенъ, краткъ; его примѣчанія изобличаютъ въ немъ новичка въ области библіографіи, и пользоваться его указаніями слѣдуетъ съ большой осторожностью. Для примѣра укажемъ нѣсколько болѣе значительныхъ промаховъ Нагуевскаго, въ предѣлахъ, соотвѣтствующихъ нашему изслѣдованію. Здѣсь г. Нагуевскимъ не указаны слѣдующіе труды: «Обзоръ римской литературы по Бэррихію» (Сопиковъ № 11074), изслѣдованіе Ба…лова по Овидію (№ 16 нашего указателя); переводы: Ве…гія (№ 27 наш. указ.); Клавдіана (№ 37 наш. указ.), поэма Овидія «Ibis» (№ 41 наш. указ.), перепечатки романа

зываемъ въ своемъ мѣстѣ. Изъ справочнаго словаря Геннади мы заимствовали въ значительной степени ссылки на литературу, и не можемъ не сожалѣть, что наши указанія въ этомъ направленіи должны были уменьшиться съ того мѣста, на которомъ прервалъ цѣнный трудъ Геннади. Разобранныя нами сочиненія просмотрѣны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, [9]) по самымъ оригиналамъ, которые въ большинствѣ случаевъ представляютъ изъ себя библіографическія *рѣдкости.*

Цѣлью предлагаемаго труда было показать, какихъ размѣровъ достигло знакомство русскаго общества съ классической литературой въ Екатерининскую эпоху. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса, до сихъ поръ, какъ намъ извѣстно, не поднимавшагося въ наукѣ, важно для изученія *исторіи классической филологіи въ нашемъ отечествѣ.*

Апулея: «Золотой оселъ», въ переводѣ Кострова (№ 44 наш. указ.); далѣе не приведено 1-е изд. труда Шишкова по Цицерону (№ 114 наш. указ.); нѣкоторыя сочиненія приведены подъ двумя различными заглавіями (ср. №№ 367 и 369 въ указ. Нагуевскаго и № 104 въ наш. указ.). Кромѣ этихъ промаховъ въ работѣ г. Нагуевскаго много опечатокъ въ означеніи годовъ (напр. при № 500=№ 86 наш. указ. значится 1868 г. вм. 1768) и именъ (напр. при № 584=№ 111 наш. указ. значится И. Ф. и С. С. вм. И. Ф. и В. И.)

[9]) Книгъ, указанныхъ въ нашемъ обзорѣ подъ №№ 1, 2, 8, 16, 27, 32, 34, 37, 39, 48, 59, 63, 66, 73, 92, 93, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 105, 108, 109, 112, 115, 116, 117, 118, 120, 121, 122, 123 (всего 34) и представляющихъ собою переводы сочиненій классическихъ авторовъ, мы не могли достать въ библіотекахъ того университетскаго города, гдѣ намъ пришлось работать. Эти книги мы описываемъ на основаніи существующихъ библіографическихъ трудовъ.

О судьбахъ классической филологіи на Западѣ мы имѣемъ возможность узнать изъ книги Фрейнда: «Предметъ и задачи филологіи (классической)», переводъ которой былъ помѣщенъ на страницахъ «Филологическихъ Записокъ» за 1882 г.; что же касается исторіи классической филологіи въ Россіи, то о ней мы имѣемъ представленія самыя смутныя, если не сказать болѣе: достаточно указать на 2-е примѣчаніе къ стр. 66-й книги Дж Гау: «Минерва», переведенной В. Алексѣевымъ. (Спб. 1893), гдѣ переводчикъ убѣжденно называетъ нѣсколько русскихъ ученыхъ филологовъ ближайшаго къ намъ времени и не признаетъ существованія подобныхъ ученыхъ въ предшествующую эпоху. Судите сами, читатель, не слишкомъ ли это смѣлый и суровый приговоръ надъ исторіей науки, которой насчитывается въ нашемъ отечествѣ почти двѣсти лѣтъ существованія!?

Послѣ этихъ предварительныхъ словъ переходимъ къ разсмотрѣнію самихъ переводовъ древнихъ классиковъ и ихъ, такъ сказать, иниціаторовъ въ эпоху Екатерины II.

№ I. А. Б.

Геннади, «Справочный словарь» т. I, стр. 1.
Нагуевскій, «Библіографія» № 585, стр. 32.
Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. IV, № 10203, стр. 367.

1) «Луція Аннея Сенеки о управленіи міра, о божіи промыслѣ, и какъ многая злая благимъ мужамъ случаются, и стихи на смерть прскв. вивн. Б. А. Спб. 1786. 4°».

Геннади къ приведенному заглавію книги дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Стихи ли это на смерть Б. А., или

подъ буквами Б. А. скрыто имя автора—этого изъ брошюры, переведенной по Сопикову съ лат. яз.,—не видно» У Нагуевскаго заглавіе списано не точно.

№ II. Акимовъ Иванъ.

Геннади, «Справочный словарь» т. I, стр. 14.

Прозоровъ, «Систем. указатель» отд. II, № 1484, стран. 80.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. IV, № 8606, стр. 178 и № 10337, стр. 381.

2) «Похожденіе Керея и Каллирои, соч. на греческомъ языкѣ Харитономъ Афродійскимъ. Съ нѣмецкаго Спб. 1766. 12°».

Другое заглавіе: «Славные язычники, или весьма достойнѣйшія любопытства приключенія Керея и Каллирои, знатнѣйшихъ Сиракузянъ». Калуга 1793. 8°».

У Прозорова заглавіе списано не точно, отчасти также и у Геннади.

Акимовъ Иванъ, переводчикъ XVIII вѣка академіи наукъ, переводилъ съ франц. и нѣмец. яз.; между прочими книгами перевелъ съ нѣм. яз. трагедію: «Сенека» (Спб. 1765. 8°), см. Сопиковъ ч. V, № 11950, стр. 41.

№ III. Алексѣевъ Иванъ Алексѣевичъ † 1780 г.

Bacmeister, «Russische Bibliotek» VI, p. 561.

Венгеровъ, «Русскія книги» стр. 390—391.

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 18.

Его же, «Русскія книжн. рѣдкости», № 42, стр. 50.

Нигуевскій, «Библіографія» № 515, стр. 27.

Снегиревъ, «Словарь».

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. II, № 2221,

стр. 53—54; ч. II, № 2374, стр. 73, ч. III, №№ 3717—8, страв. 11.

Филаретъ, «Обзоръ» т. II, стр. 164.

«Энцикл. лексиконъ» т. III.

Алексѣевъ Иванъ Алексѣевичъ, священникъ Спасскаго собора, что на бору, въ Москвѣ и учитель кадетскаго корпуса, былъ сынъ пономаря замоскворѣцкой церкви Св. Николая, съ братомъ своимъ Петромъ Алексѣевымъ (1727—1801), протоіереемъ Московскаго Архангельскаго собора [19]), занимался переводами съ древ-...ихъ языковъ, умеръ въ 1780 г. въ Спб.

3) Валерія Максима изреченій и дѣлъ достопамят-...ыхъ книгъ девять. Переведены съ латинскаго языка ...ваномъ Алексѣевымъ. Часть первая. Въ Санктпетер-...ргѣ при Императорской Академіи наукъ 1772 году. ...стр. 22 нен.+464. Часть вторая. Тамъ же. 8° ...стр. 520».

Въ «Предувѣдомленіи къ читателю (нен. стр 3—7) ...реводчикъ обращается съ просьбой, если въ переводѣ ...рѣтится какая-либо темность,—не произносить по-...шно приговора о его трудѣ, но принять во вниманіе ...ницу въ языкѣ и штилѣ. Далѣе, упомянувъ о та-...хъ людяхъ, которые судятъ о латинскихъ книгахъ, не ...учи вовсе съ ними знакомы «съ нѣкоторою важно-...ю и увѣрительнымъ видомъ: что тутъ добраго ни-...го найти не можно; а темъ самимъ стараются отнять ...ть и достоинство отъ всѣхъ писателей латинскихъ, ...я впрочемъ безплодно», переводчикъ дѣлаетъ такое ...вненіе: «но я не знаю, не болѣе ли они (т. е. эти ...тики) на такихъ цѣновщиковъ походятъ, которые не ...я доброты вещи принимаются опредѣлить ей цѣну,

[19]) Ср. Брокгаузъ, Энцикл. словарь т. I, стр. 415.

а что всего удивительнѣе, не дая притомъ другимъ свѣдующимъ о ней довольно, выговорить слово. Почему и мнѣнія таковыхъ о моемъ переводѣ я не уважаю ни мало».

Въ заключеніи переводчикъ говоритъ о достоинствахъ переводимаго имъ писателя, которымъ «всякаго званія и состоянія, всякаго возраста и обоего пола любителямъ чтенія книгъ пользоваться можно, съ такимъ притомъ увѣреніемъ, что они читая его не потеряютъ времени напрасно».

За «предувѣдомленіемъ» помѣщены: «Жизнь Валерія Максима изданная сочинителемъ неизвѣстнымъ» (нен. стр. 8—9), примѣчаніе «о типографическихъ погрѣшностяхъ» (нен. стр. 10) и подробнѣйшее оглавленіе содержанія книги (нен. стр. 11—20).

Кромѣ подробнаго по всему сочиненію оглавленія, помѣщеннаго въ I-ой части, имѣемъ два указателя: 1) знаменованіе начальныхъ литеръ и цѣлыхъ слоговъ отъ именъ отдѣленныхъ (нен. стр. 21—22) и 2) изъясненія именъ разныя власти, званія, и мѣстá означающихъ, собственно у Римлянъ въ употребленіи бывшихъ; также нѣкоторыхъ именъ собственныхъ, игръ и знаковъ по алфавиту (стр. 1—32).

Переводу собственно текста предшествуетъ переведенное «Къ Тиверію Цесарю Августу предисловіе» (стр. 33—35).

Приложенный въ началѣ перевода указатель именъ и предметовъ избавилъ переводчика отъ необходимости давать примѣчанія въ сноскахъ.

Какъ изъ подробнаго, приведеннаго въ оглавленіи, обозрѣнія содержанія всего сочиненія, такъ и изъ приложенныхъ къ переводу указателей видно, что переводъ исполненъ заботливой рукой знатока дѣла. Предувѣдо

мнѣніе свидѣтельствуетъ намъ о существованіи уже и въ то время явныхъ враговъ классическаго образованія, открывая передъ нами непригладную картину партійной борьбы изъ-за преимуществъ той или другой литературы,—борьбы, которая велась безъ пониманія дѣла, но съ важнымъ видомъ напускной учености. Подобныхъ критиковъ въ то время было не мало, какъ это мы увидимъ ниже, когда поведемъ рѣчь о Ѳ. В. Тумановскомъ [11]).

4) «Эліана различныя повѣсти, перевелъ съ Греческаго Иванъ Алексѣевъ, часть I. Спб 1773. 8°».

Прозоровъ «Систематич. указатель» отд. II, № 1521 стран. 83.

Сопиковъ, «Опытъ россійск. библ.» ч. III, № 3717, стран. 11.

Означенный переводъ, вѣроятно, принадлежитъ не Алексѣеву, такъ какъ «второе» изданіе перевода Эліана, вышедшее въ двухъ частяхъ въ Москвѣ въ 1787 г. упоминаемое у Сопикова въ ч. III, № 3718, стр. 11, несомнѣнно принадлежитъ не Алексѣеву; см. ниже Бочкаревъ Иванъ LXXIV.

5) Діодора Сицилійскаго историческая библіотека. Переведена съ Греческаго на Россійскій языкъ Иваномъ Алексѣевымъ. Часть первая. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1774 года. 4° стр. 14 нен.+373+1 (типографическія погрѣшности). Часть вторая. Тамъ же 1774 года. 4° стр. 16 нен.+334+1 (типографическія погрѣшности). Часть третья Тамъ же 1774 года. 4° стр. 24 нен.+418+1 (типографическія погрѣшности). Часть четвертая. Тамъ же 1775 года. 4° стр. 18 нен.+435+1 (типографическія погрѣшно-

11) См. LXXXII, 110.

сти). Часть пятая. Тамъ же 1775 года. 4° стр. 22 нен.+1 (типографическія погрѣшности)+424. Часть шестая. Тамъ же 1775 года. 4° стр. 12 нен. +430+1 (типографическія погрѣшности)».

Въ I ой части помѣщены кн. I—III, во II-ой кн.— IV – V, въ III-ей – кн. XI—XIII, въ IV-ой—кн. XIV— XVI, въ V-ой—кн. XVII—XIX и въ VI-ой—кн. XX.

Библіографы считаютъ означенное сочиненіе рѣдкимъ, хотя эта рѣдкость врядъ ли правдоподобна: намъ приходилось видѣть нѣсколько экземпляровъ этой книги.

Бурцевъ, Описаніе т. I, № 297, стр. 246

Геннади, Русск. книжн. рѣдкости № 42, стр. 50.

Сопиковъ, Опытъ россійск. библ. ч II, № 2221, стр. 53—54.

Въ I-ой части въ «Предувѣдомленіи къ читателю отъ трудившагося въ переводѣ» (стран. 1—10) послѣ краткой характеристики разныхъ представителей власти у народовъ древняго міра, переводчикъ воздаетъ похвалы Императрицѣ Екатеринѣ, Великой Монархинѣ, истинной матери отечества, «которая непрестанно пекущеся и неусыпно трудяся о устроеніи и совершеніи блаженства всѣхъ и всякаго состоянія своихъ подданныхъ, между другими премногими отъ многихъ непостигаемыми дѣлами, и достойно божественными почитаемыми не оставила снабдить и тою оставшеюся пользою и удовольствіемъ, чтобъ знающіе нѣкоторые языки и незнающіе переводимыми на природной языкъ со всѣхъ другихъ могли пользоваться книгами. На сей конецъ благоволила учредить особенное собраніе, которое бы о переводѣ иностранныхъ книгъ на Россійской языкъ старалось. А какъ оное собраніе составляютъ мудрые отъ Премудрой Монархини избранные особы, потому и видимъ, что книги назначаются для перевода

и въ свѣтъ выходятъ отъ онаго отборныя: то есть нужныя, полезныя и заключающія въ себѣ невинную пріятность».

Далѣе, сказавъ нѣсколько словъ о пользѣ и вредѣ чтенія книгъ сообразно съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ читателя, переводчикъ замѣчаетъ слѣдующее: «дожили и мы, благосклонный читатель, до того вожделеннаго времени, когда каждой уже на своемъ природномъ языкѣ можетъ имѣть изрядную библіотеку, состоящую изъ книгъ хорошихъ, сколько сочиненныхъ, столько переведенныхъ. Въ таковой библіотекѣ не только достойно, но и преимущественно предъ другими можетъ имѣть мѣсто мною переведенная книга, именуемая «Историческою библіотекою, сочиненія Діодора Сикилійскаго».

О своемъ трудѣ переводчикъ говоритъ слѣдующее: «я не держался автора столь твердо, чтобъ переводить слово въ слово: въ чемъ сколько не находилъ нужды, столько различіе свойствъ языковъ здѣлать того не позволяло. Старался же о томъ единственно, чтобъ не отойти отъ его мыслей; выражая оныя, сколь возможно, точно. Однако признаюся, что и въ семъ не могъ ни себя удовольствовать ни читателя... Но въ недостаткѣ и погрѣшностяхъ, надѣюсь, что благосклонный читатель проститъ мнѣ, темъ удобнѣе, когда разсудитъ, что нѣтъ ни одного столь ученаго и столь зоркаго и осторожнаго, чтобъ онъ или не незналъ ничего, или ни малѣйшаго не здѣлалъ пропуска и погрѣшности». Указавъ, наконецъ, на противорѣчивыя мѣста въ греческомъ подлинникѣ, переводчикъ заявляетъ, что имена нѣкоторыхъ деревьевъ, травъ, животныхъ, рыбъ и птицъ онъ оставилъ непереведенными, такъ какъ, «на нашемъ языкѣ нѣтъ еще ни Дендрологическаго, ни Ботаническаго, ни

Зоологическаго, ни Ихѳіологическаго, ни Орниѳологическаго лексиконовъ, чтобъ пользоваться въ такихъ случаяхъ ими было можно».

Во II-ой части, въ «Предисловіи къ читателю отъ трудившагося въ переводѣ», г. Алексѣевъ, разобравъ по категоріямъ людей, которые бы могли оказать обществу существенныя услуги, но не оказываютъ таковыхъ по какимъ-либо причинамъ, пишетъ: «находятся и между обращавшимися въ наукахъ и чужестранныхъ языкахъ довольно, которые не хотятъ ни сочинить ничего, ни перевести, темъ отговариваяся, что они не хотятъ себя критикѣ подвергнуть. Ущербъ подлинно чувствительный въ чести и славѣ, ежели только онъ тутъ быть можетъ. Но я мнѣнія сему противнаго. Особливо, что ежели человѣкъ ни въ чемъ совершенъ быть не можетъ, то желать наипаче критики должно, чтобъ темъ лучше узнать и увидѣть наши погрѣшности и недостатки, и послѣ темъ исправнѣе выдавать въ свѣтъ свои сочиненія или переводы. Ибо какъ истинная критика показываетъ намъ оныя безъ всякой зависти или пристрастія, то мы обязаны такихъ исправителей благодарить много, и нетолько не убѣгать ихъ или опасаться, но искать наипаче... Когда же страшатъ ихъ такіе критики, которые или отъ злонравія и зависти или нѣкоторой страсти подобной сверботѣ, чтобъ охуждать, язвить и отнимать честь у другихъ сочиненій или переводовъ, поправлять принимаются всѣ и всякаго рода безъ упущенія, не имѣя впрочемъ силъ къ тому довольныхъ, таковыхъ критиковъ нетолько уважать не надлежитъ, но наипаче почитать за людей праздныхъ и неимѣющихъ дѣла». Далѣе переводчикъ подробно разбираетъ «мимоходомъ съ нѣкоторою можетъ быть нѣкоторыхъ пользою» филологическій споръ о передачѣ

собственныхъ именъ. Послѣ такого экскурса въ области этимологическихъ изысканій переводчикъ возвращается къ темѣ своего предисловія и воодушевленно говоритъ о славѣ въ потомствѣ, которая выпадаетъ на долю литературнаго, какъ можно догадываться, дѣятеля. Въ то благодатное время и бѣдность не могла быть препятствіемъ для занятій литературными трудами, такъ какъ Монархиня по божественной своей прозорливости предусмотрѣвъ и сіе припятствіе благоволила трудящимся въ переводѣ книгъ иностранныхъ для большаго поощренія опредѣлить награжденія Монаршой щедроты. Чего ради и бѣдность не припятствуетъ въ полезныхъ дѣлахъ обществу трудиться, когда имѣетъ всегда готовую трудовъ награду. Не упоминаю уже я о томъ побужденіи и ободреніи, каковое трудящимся въ сочиненіяхъ или переводахъ полезныхъ дѣлаютъ Меценаты, которыми отечество наше предъ другими государствами хвалиться можетъ справедливо. Почему есть ли при всемъ томъ кто имѣя способность и время нехочетъ трудиться, таковой по достоинству можетъ справедливо быть названъ тунеядцемъ и бесполезнымъ общества членомъ, когда не хочетъ содѣйствовать трудами своими къ онаго пользѣ».

Далѣе переводчикъ указываетъ на мотивы, побудившіе его заняться переводомъ Діодора. Съ одной стороны, это были помянутыя выше «великія награжденія», съ другой—убѣдительные совѣты и настоянія брата, которому переводчикъ и воздаетъ благодарность въ чувствительныхъ словахъ, проникнутыхъ истинно братской любовью.

Къ этой части труда переводчикомъ приложены—1) обстоятельно составленный указатель къ первымъ двумъ частямъ; 2) эклоги или выписки, въ которыхъ

излагается содержаніе утерянныхъ пяти книгъ (VI—IX) греческаго подлинника; 3) указанія на четыре, извращающія смыслъ, ошибки, которыя тутъ же и исправляются.

Въ III-ей части въ пространномъ «Предисловіи къ читателю» переводчикъ проводитъ параллель между устнымъ преданіемъ и письменностію, говоритъ на основаніи источниковъ объ извѣстнѣйшихъ въ древнемъ мірѣ библіотекахъ и распространяется о великой пользѣ книгопечатанія.

Въ IV-ой части въ «Предисловіи къ читателю» переводчикъ говоритъ о необходимости предварительнаго знакомства съ предисловіями до начала чтенія самихъ сочиненій и даетъ характеристику этихъ предисловій, изъ чего можно заключить, что г. Алексѣевъ словоохотливый переводчикъ, любящій высказываться въ предисловіяхъ.

Въ V-ой части въ «Предисловіи къ читателю отъ трудившагося въ переводѣ» говорится о разнообразныхъ цѣнителяхъ переводовъ, о трудности, представляющейся при переводахъ, упоминается о нѣкоторыхъ выдающихся русскихъ переводчикахъ (Поповскомъ и Крашенинниковѣ [12]), говорится о пользѣ перевода историческихъ сочиненій, и, наконецъ, указываются недостатки подлинника.

Въ VI-ой части въ «Предисловіи къ читателю отъ трудившагося въ переводѣ» пространно говорится объ удовольствіи и пользѣ, доставляемыхъ чтеніемъ книгъ, приводятся сужденія объ этомъ философа Зенона, поэтовъ Горація и Клавдіана, говорится о необходимости чтенія книгъ, указываются и способы наиболѣе плодотворнаго чтенія.

---

[12]) См. LVIII и XXXV.

ственное признаніе переводчика въ *особой благодарности* брату Петру за его убѣдительные совѣты и настояніе и на его сознаніе, что онъ *обращался* больше въ латинскомъ языкѣ, чѣмъ въ греческомъ (см. «Предисловіе» ко II-ой части перевода Діодора), то все это дастъ намъ право сдѣлать до нѣкоторой степени вѣроятное заключеніе о томъ, что переводъ Діодора исполненъ общими усиліями обоихъ братьевъ—переводчиковъ. Переводы, такъ сказать, на компанійскихъ началахъ были особенно распространены въ вѣкъ Екатерины II-ой, таковы, напр., переводы Флавія, исполненные Самуйловымъ, Ждановымъ и Семеновымъ [14]), переводы Лукіана, Платона и Павзанія, исполненные Пахомовымъ и Сидоровскимъ [15]), переводъ Витрувія, сдѣланный Баженовымъ ,вѣроятно, при содѣйствіи Каржавина [16]) и др.

№ IV. Алексѣевъ Михаилъ.

Венгеровъ, «Крит. біографич. словарь» т. I, стр. 392.

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 18.

Прозоровъ, «Систем. указатель» отд. II, № 828, стр, 48.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. III, № 4969, стр. 245.

Шторхъ, «Сист. обозр.» ч. I, стр. 213.

Алексѣевъ Михаилъ, титулярный совѣтникъ и предсѣдатель верхняго суда колыванскаго намѣстничества. Ему принадлежитъ переводъ слѣд. сочиненія:

7) «Іосифа Флавія о войнѣ Іудейской. Съ латин.

---

[14]) См. LXVIII, 96; XXIII и LXX

[15]) См. L, 67, 68, 69, и LXXII.

[16]) См VIII, 12, и XXVIII.

скаго на Россійскій языкъ переведена Колыванскаго намѣстничества, Верхней расправы Председателемъ Титулярнымъ Совѣтникомъ Михайломъ Алексѣевымъ. Въ Санктпетербургѣ. При Императорской Академіи наукъ 1786—1787 2 части. 4°»

1-я часть вышла третіимъ тисненіемъ въ 1804 году, 2-я часть—вторымъ тисненіемъ въ 1818 году.

Въ началѣ сочиненія помѣщены—«Жизнь Флавія Іосифа» (стр. 1—53), за которой идетъ «О Іустѣ Тиверіадцѣ, писавшемъ Іудейскихъ Царей лѣтопись» (стр. 54) и затѣмъ—«Флавія Іосифа о войнѣ Іудейской, или Іудейской исторіи о раззореніи Іерусалима кн. VII». Въ I-ой части находятся кн. I—II, во II-ой части остальныя книги; предъ каждой книгой имѣется подробное изложеніе содержанія. При «Жизни Іосифа» даны заголовки на поляхъ, при текстѣ же самаго перевода этихъ заголовковъ нѣтъ, кромѣ вступленія, но даны заглавія при отдѣльныхъ главахъ, которыя разбиты на рубрики.

№ V. А. М.

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 20.

Прозоровъ, «Систем. указатель» отд. II, № 121, стр. 13.

Рогожинъ, «Указатель къ Сопикову» стр. 267, къ № 9661.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.», ч. IV, № 9661. стр. 300.

8) «Разсужденія Аристотелевы о добродѣтеляхъ и порокахъ; перев. съ лат. М. А. Спб. 1787. 12°»

№ VI. Аполлосъ (Андрей Байбаковъ). 1745—1801.

«Библіогр. Записки» т. II, 1859 г., № 8.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. II, стр. 908

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 38 сл.

Губертъ, «Матеріалы» т. II, № 31, стр. 56—57.

Евгеній, «Словарь ист.» т. I, стр. 43—47.

Прозоровъ, «Сист. указатель» отд. IX, № 301, стр. 207.

Смирновъ, «Истор. Моск. Акад.» стр. 355.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. IV, № 8835-9, стр. 200 и ч. IV, № 10419, стр. 393.

Филаретъ. «Обзоръ» т. II, стр. 145.

Бантышъ Андрей Димитріевичъ, членъ россійской Академіи, плодовитый писатель второй половины XVIII вѣка, родился въ 1745 г. въ Малороссіи, учился сначала въ Московской духовной академіи (1759—1767 г.г.), а потомъ въ Московскомъ университетѣ; былъ корректоромъ въ университетской типографіи. Въ 1772 г. назначенъ преподавателемъ поэзіи и потомъ реторики въ Моск. академіи; въ 1775 г. принялъ монашество, былъ ректоромъ Троицкой семинаріи, затѣмъ ректоромъ Московской академіи и позже епископомъ орловскимъ (1788 г.), потомъ архангельскимъ (1798 г.). Умеръ 14 мая 1801 г.; оставилъ около 20 сочиненій преимущественно богословскаго и назидательнаго характера.

9) «Правила піитическія о стихотвореніи Россійскомъ и Латинскомъ, со многими противъ прежняго прибавленіями, съ пріобщеніемъ піитико-историческаго словаря, въ коемъ содержатся баснословныхъ боговъ, мѣстъ, временъ, цвѣтовъ, деревъ и проч. именъ, съ ихъ краткою исторіею и нравоученіемъ; также Овидіевы превращенія, и при концѣ отборные Публія Виргилія Марона стихи. Въ пользу юношества обучающагося поэзіи, и для всѣхъ Россійскаго стихотворенія любителей Д. Б. К.

Изданіе девятое. Москва, въ типографіи Н. С. Всеволожскаго. 1817. 8° стр. 64+31+75». Въ началѣ книги помѣщено «Предувѣдомленіе къ третьему изданію» (стр. III—IV). Означенное сочиненіе выдержало 10 изданій (1-е вышло въ 1774 г., 2 е въ 1780 г., 3-е въ 1785 г., 4-ое въ 1790 г., 5-ое въ 1795 г., 6-ое въ 1801 г., 7-ое въ 1807 г., 8-ое въ 1812 г., 9-ое въ 1817 г., и 10-ое въ 1826 г.) и по своему содержанію раздѣлено на слѣд. отдѣленія:

1) Правила піитическія. Членъ первый, гдѣ кратко говорится о поэзіи, стихѣ вообще, метрѣ и риѳмѣ (§§ 1—8, стр. 5—8); I. О стихѣ хореическомъ (§§ 9—14, стр. 9—13); II. ямбическомъ (§§ 15—19, стр. 13—16); III, дактило-хореическомъ (§ 20, стр. 16—19) и IV, анапесто-ямбическомъ (§§ 21—22, стр. 19—22); V, о стихахъ, слогами бывающихъ (§ 23, стр. 22—23); VI, о строфѣ (§§ 24—29, стр. 23—26); VII, о вольности въ стихахъ (§ 30, стр. 26). Членъ вторый о разныхъ поэзіи видахъ (§§ 31—49, стр. 26—55). 2) De carminibus usitatioribus in lingua latina (§§ I—XV, стр. 56—64), т.-е. правила о родахъ стиховъ латинскихъ, у славныхъ писателей римскихъ употребительнѣйшихъ; также о стихахъ куріозныхъ и забавныхъ. 3) Словарь піитико историческихъ примѣчаній, изданный въ 1781 г. особо (отд. стр. 1—31). 4) Цвѣты, взятыя изъ книгъ Пуб. Виргилія Марона. Здѣсь на лѣвой сторонѣ помѣщенъ самый текстъ: Flores e Virgilio excerpti. Videatur Hodegus pag. 31, а на правой—стихотворный переводъ (стр. 32—75) подъ заглавіемъ «Цвѣты, состоящіе въ отборныхъ стихахъ Пуб. Виргилія Марона, избранные Лангіемъ [17]) въ его путеводительной книгѣ, называе-

---

[17]) Ioachim Lange (1670—1744), профессоръ теологіи въ Галле.

мой Hodegus (изъ Энеиды, пѣсни *1—7*). Здѣсь нѣкоторые начальные стихи Виргилія *означены* по тексту; переводъ же стихотворный принадлежитъ извѣстному переводчику В. П. Петрову [18]), о чемъ однако нигдѣ не упоминается. Для примѣра достаточно сравнить переводъ первыхъ 57 стиховъ изъ I ой пѣсни; они соотвѣтствуютъ слѣд. стихамъ перевода Петрова: 5, 13—16, 19, 39—40, 55—56, 77, 87—88, 91—92, 114—116, 118, 125—126, 131, 135—137, 139—140, 209—211, 219—220, 230—234, 298—302, 307—313, 315—318, 331, 364—366, при чемъ Аполлосъ счелъ нужнымъ мѣстами подновить переводъ, такъ, наприм., ст. 219 въ переводѣ Петрова читается такъ:

«Едва скончалъ слова, прогнавый густость тучъ».
У Аполлоса:

«Едва скончалъ слова, прогнавши густость тучъ»
Или ст. 317 у Петрова:

«Притворну на лицѣ надежду проливаетъ».
Аполлосъ замѣняетъ такъ:

«Притворну на лицѣ надежду изъявляетъ».

Сравнивая далѣе 20 стиховъ VII ой пѣсни, соотвѣтствующихъ слѣд. стихамъ перевода Петрова: 20—22, 30, 67, 184, 204, 231, 400—401, 432—433, 442, 595—596, 600, 669—670, 762, 836, мы и тутъ встрѣчаемъ мѣстами подновленный языкъ, ср. переводъ стиховъ: 231, 442, 595—596, 670.

Упомянутый выше словарь піитико-историческихъ примѣчаній, составляющій какъ бы 3-ю часть «Правилъ піитическихъ», представляетъ собою отдѣльное сочинеіе, полное оглавленіе котораго слѣдующее:

---

18) См. LII, 72.

10) «Словарь піитико-историческихъ примѣчаній», въ которомъ содержится:

1) Вещи къ изобрѣтенію и разумноженію въ Поэзіи служащія.

2) Баснословныя имена собственныя боговъ проч. съ ихъ краткою историею.

3) Смыслъ нравственный или натуральный, который подразумѣвали піиты въ баснословіи.

4) Превращенія Овидіанскія, изъ всѣхъ его писаній вкратцѣ выбранныя, которыя поставлены подъ буквой П.

Въ пользу Юношества обучающагося поэзіи въ семинаріи Троицкой.

Трудами ректора І. Аполлоса.

Въ Москвѣ въ университетской типографіи у Н. Новикова, 1781 года. 16° стр. 51».

Означенный словарь весьма замѣчателенъ для своего времени и очень интересенъ по характеру подобранныхъ категорій, таковы, напр., статьи: безобразные, безразсудные, богачи, болтуны, боязливые, бѣдные, воздержные, войска многочисленныя, волшебники и волшебницы, воры, врачи, всадники, искуссные, гимназіи, голодъ, горы огнедышущія, гостепріимные, дураки, дѣвственные, жены ученыя, животныя кормили [19]), забывчивые, кони славные, корабельщики, красавцы и красавицы, любовь дѣтей къ родителямъ, любовью къ отечеству славные, любострастные, милосердые, молчаливые, нелюдимки, ненавистники наукъ, обжоры, памятливые, повара, похотливые, праздолюбцы, пьяные погибли, расточители, ревнивые, ругатели, сады славные,

---

[19]) Перечисляются тѣ, которые были вскормлены животными.

скороходы, скупые и сребролюбцы, смерти разные роды, собаками разтерзанные, счастливцы, учители, хитрецы и обманщики, чаши ядовитыя, швеи, шуты, щедрые.

Разнообразныя превращенія, описанныя Овидіемъ, сообщаются вкратцѣ подъ словомъ «Превращенія Овидіанскія» на стр. 33 - 37.

Помимо своей прямой цѣли—облегчить юношество, словарь замѣчателенъ, какъ трудъ оригинальный: нѣкоторыя изъ предложенныхъ въ немъ толкованій весьма своеобразны, такъ, напр.: «Адулаторъ или Церберъ, Адской песъ, о которомъ говоритъ Піитъ, что онъ ласкается къ тѣмъ, которые во адъ входятъ и весьма лихъ на исходящихъ оттуда: означаетъ зловреднаго человѣка».

Въ другомъ мѣстѣ о миѳическомъ рожденіи богини Венеры сказано: «Венера, родившаяся изъ пѣны морской, богиня любви и сластолюбія, означаетъ иногда утѣхи и удовольствіе, или пріятное расположеніе тѣла и темпераментовъ». Басня о похищеніи Юпитеромъ Ганимеда объяснена такъ: «Ганимедъ, отрокъ похищенный черезъ орла къ Юпитеру, означаетъ человѣка мудраго и благочестиваго, небеснаго сожителя достойнаго» и т. д. въ подобномъ же родѣ.

Книги, отмѣченныя нами подъ №№ 9 и 10, упомянуты здѣсь потому, что первая изъ нихъ заключаетъ отчасти переводъ, хотя и не самостоятельный, изъ Виргилія; а вторая является пособіемъ къ чтенію Овидія. Такихъ пособій къ усвоенію «Овидіевыхъ превращеній» было издано въ вѣкъ Екатерины II нѣсколько, о главнѣйшихъ изъ нихъ мы скажемъ ниже, когда зайдетъ рѣчь о Башиловѣ и Виноградовѣ [20]).

---

[20]) См. X, 15 и XI, 18—20.

№ VII. Афанасій (Алексѣй Ивановъ) 1746—1805.

Геннади, «Справ. словарь», т. I, стр. 52.

Евгеній, «Словарь дух. пис.» т. I, стр. 60.

Нагуевскій, «Библіогр.» № 667, стр. 37.

Смирновъ, «Истор. Моск. Акад.» стр. 355.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. II, № 1762, стран. 3—4.

«Труды Кіевской дух. акад.» 1863, мартъ (краткая біографія).

Филаретъ, «Обзоръ» т. II, стр. 155.

«Энц. словарь справоч.» т. I, стр. 569.

Аѳанасій (Алексѣй Ивановъ) родился въ 1746 г. въ Москвѣ, учился въ Московской духовной академіи (1764—1774), въ которой, по окончаніи курса, былъ учителемъ грамматики, позаіи и реторики. Въ 1777 г. Алексѣй Ивановъ принялъ монашество; позже, въ 1783 г., былъ префектомъ Московской академіи и профессоромъ философіи; въ 1785 г. былъ назначенъ профессоромъ еврейскаго языка и богословія, въ 1786 г. опредѣленъ ректоромъ, возведенный въ санъ архимандрита, въ 1788 г.—епископъ Коломенскій, въ 1799 г.—епископъ Воронежскій, а позже Екатеринославскій; съ 1801 г. былъ архіепископомъ. Умеръ 18 авг. 1805 г.

11) «Авла Геллія Аѳинскихъ ночей записки, содержащіяся въ двадцати книгахъ. Переведены съ латинскаго языка въ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи. Часть первая. Москва. Въ типографіи Компаніи Типографической, съ указнаго дозволенія. 1787. 8° стран. XXXIII+1 стран. нен. (погрѣшности)+470. Часть вторая Тамъ же. 1787 стр. XXIII+1 стр. нен. (погрѣшности)+464.

Въ I-ой части на стр. III—VI помѣщена «Жизнь

Кромѣ обширныхъ оглавленій общаго характера, предпосланныхъ каждой книгѣ, въ самомъ текстѣ перевода на поляхъ помѣщены заголовки частностей содержанія. Переводчикъ переводилъ все, не исключая и неблагопристойнаго, котораго такъ избѣгали другіе современные ему болѣе цѣломудренные переводчики («напр. Ильинскій, переводившій Светонія [13]), или анонимный переводчикъ «Шести писателей исторіи о Августахъ»)

Языкъ перевода чисто научный, причемъ попадается много словъ и формъ своеобразныхъ, таковы, напр., апотекарь (ч. VI, стр. 249), Аѳинеане (passim), одесятствованіе (ч. II, стр. 36), Карѳагена (вм. Карѳагенъ ч. VI, стр. 21), Саламина (вм. Саламинъ ч. III, стр. 25, 140 и чаще), составница отравъ (ч. II, стр. 72), треногъ (вм. треножникъ ч. IV, стр. 341), укрекательный (ч. VI. стр. 180); попадаются и иностранныя слова, причемъ они то переводятся, то остаются непереведенными, напр. децемвиры или десятомужи (ч. III, стр. 162), акридофаги (саранчеѣды ч. I, стр. 291), илогоны, т. е. въ лѣсахъ обитающіе (ч. I, стр. 286), ихѳіофаги, т. е. рыбоѣды (ч. I, стр. 272) и т. п. Орѳографія не вездѣ выдержана, наприм. встрѣчаемъ: иперворейцы (ч. I, стр. 161) и иперновреане (ч. I, стр. 232).

6) «Плутарха Херонейскаго нравственныхъ и философическихъ сочиненій часть I. Преложенная съ Греческаго языка Иваномъ Алексѣевымъ. Въ Санктпетербургѣ, иждивеніемъ Императорской Академіи наукъ 1789. 4⁰ стр. 354+1 нен (Роспись статьямъ въ I части находящимся)».

Въ этой книгѣ нѣтъ предувѣдомленія; она начинается прямо съ перевода. Кромѣ общаго заглавія къ

1) обсто...

двумъ частямъ; 2) [illegible] 36.

каждой главѣ имѣются еще заголовки на поляхъ. Вотъ содержаніе книги: I, О воспитаніи дѣтей (стр. 1—27); II О слушаніи (стр 28—50); III Какъ ласкателя отъ друга распознать можно (стр. 51—104); IV Какимъ образомъ узнавать можно успѣхи въ пріобрѣтеніи добродѣтели (стр. 105- 127); V О полученіи отъ непріятелей пользы (стр. 128 – 142); VI О множествѣ друзей (стр. 143—151); VII О фортунѣ (стр. 152—157); VIII О добродѣтели и порокѣ (стр. 158—160); О утѣшеніи къ Аполлонію (стр. 161—204); X Апофеегмы или остроумныя изрѣченія царей и полководцевъ (стр. 205—254); XI Апофеегмы Римлянъ (стр. 254—284); XII Апофеегмы Лаконическія (стр. 284—347); XIII Учрежденія Лаконическія (стр. 347—354).

Отсутствіе обстоятельнаго указателя предметовъ, упоминаемыхъ въ этой книгѣ, поставило переводчика въ необходимость прибѣгнуть къ подстрочнымъ примѣчаніямъ, каковыхъ въ переводѣ 35, и касаются они древностей, этимологическихъ объясненій словъ, миѳологіи и географіи. Интересенъ запасъ особенныхъ словъ и формъ у переводчика, напр.: благочество (стр. 242), вреды (стр. 149), добръ (род. п. отъ добро стр. 9, 10, 112 и др.), отвѣдывать (въ знач. «пытаться», стр. 5), съ примѣсомъ вм. съ примѣсью (стр. 268), царикъ вм. царекъ (стр. 2), чиво, чивый (стр. 250, 26) и др.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что Алексѣевъ ограничился переводомъ лишь I-ой части нравственно-философскихъ сочиненій Плутарха.

Если принять въ соображеніе, съ одной стороны, то обстоятельство, что переводы Ивана Алексѣева дѣлались какъ съ латинскаго, такъ въ особенности съ греческаго языка, и слѣдовали они быстро одинъ за другимъ, и, съ другой стороны, обратить вниманіе на соб-

собственныхъ именъ. Послѣ такого экскурса въ области этимологическихъ изысканій переводчикъ возвращается къ темѣ своего предисловія и воодушевленно говоритъ о славѣ въ потомствѣ, которая выпадаетъ на долю литературнаго, какъ можно догадываться, дѣятеля. Въ то благодатное время и бѣдность не могла быть препятствіемъ для занятій литературными трудами, такъ какъ Монархиня по божественной своей прозорливости предусмотрѣвъ и сіе припятствіе благоволила особенно трудящимся въ переводѣ книгъ иностранныхъ для большаго поощренія опредѣлить награжденія достойныя Монаршой щедроты. Чего ради и бѣдность не припятствуетъ въ полезныхъ дѣлахъ обществу трудиться, когда имѣетъ всегда готовую трудовъ награду. Не упоминаю уже я о томъ побужденіи и ободреніи, каковое трудящимся въ сочиненіяхъ или переводахъ полезныхъ дѣлаютъ Меценаты, которыми отечество наше предъ другими государствами хвалиться можетъ справедливо. Почему есть ли при всемъ томъ кто имѣя способность и время нехочетъ трудиться, таковой по достоинству можетъ справедливо быть названъ тунеядцемъ и бeполезнымъ общества членомъ, когда не хочетъ содѣйствовать трудами своими къ онаго пользѣ».

Далѣе переводчикъ указываетъ на мотивы, побудившіе его заняться переводомъ Діодора. Съ одной стороны, это были помянутыя выше «великія награжденія», съ другой—убѣдительные совѣты и настоянія брата, которому переводчикъ и воздаетъ благодарность въ чувствительныхъ словахъ, проникнутыхъ истинно братской любовью.

Къ этой части труда переводчикомъ приложены— 1) обстоятельно составленный указатель къ первымъ двумъ частямъ; 2) эклоги или выписки, въ которыхъ

излагается содержаніе утерянныхъ пяти книгъ (VI—IX) греческаго подлинника; 3) указанія на четыре, извращающія смыслъ, ошибки, которыя тутъ же и исправляются.

Въ III-ей части въ пространномъ «Предисловіи къ читателю» переводчикъ проводитъ параллель между устнымъ преданіемъ и письменностію, говоритъ на основаніи источниковъ объ извѣстнѣйшихъ въ древнемъ мірѣ библіотекахъ и распространяется о великой пользѣ книгопечатанія.

Въ IV-ой части въ «Предисловіи къ читателю» переводчикъ говоритъ о необходимости предварительнаго знакомства съ предисловіями до начала чтенія самихъ сочиненій и даетъ характеристику этихъ предисловій, изъ чего можно заключить, что г. Алексѣевъ словоохотливый переводчикъ, любящій высказываться въ предисловіяхъ.

Въ V-ой части въ «Предисловіи къ читателю отъ трудившагося въ переводѣ» говорится о разнообразныхъ цѣнителяхъ переводовъ, о трудности, представляющейся при переводахъ, упоминается о нѣкоторыхъ выдающихся русскихъ переводчикахъ (Поповскомъ и Крашенинниковѣ [12]), говорится о пользѣ перевода историческихъ сочиненій, и, наконецъ, указываются недостатки подлинника.

Въ VI-ой части въ «Предисловіи къ читателю отъ трудившагося въ переводѣ» пространно говорится объ удовольствіи и пользѣ, доставляемыхъ чтеніемъ книгъ, приводятся сужденія объ этомъ философа Зенона, поэтовъ Горація и Клавдіана, говорится о необходимости чтенія книгъ, указываются и способы наиболѣе плодотворнаго чтенія.

---

[12]) См. LVIII и XXXV.

Авла Геллія», вся наполненная похвалами этому учейнейшему и трудолюбивому автору—филологу, любителю философіи, юриспруденціи, исторіи, медицины, геометріи и страстному путешественнику, который «объѣздилъ и Грецію, не яко праздный зритель, но яко любопытнѣйшій испытатель». На стр. V—X помѣщено «Предисловіе» А. Геллія на ночи Аѳинскія. Это предисловіе, называемое Epilogus, обыкновенно помѣщается въ изданіяхъ Геллія въ концѣ всего сочиненія предъ указателемъ. Далѣе на стр. XI—XXXIII имѣемъ «Оглавленіе вещей содержащихся въ первой части», на стр. 1—470 текстъ перевода кн. I—X. Во 2 ой части на стр. I—XXIII помѣщено «Оглавленіе вещей содержащихся во второй части», на стр 1—411 переводъ кн. XI—XX и на стр. 413—469 «Оглавленіе достопамятныхъ вещей въ А. Геллін находящихся». Въ обѣихъ частяхъ около 450 примѣчаній, которыя глав. обр. насаются древностей, литературы, философіи, естественной исторіи, и астрономіи, гражданской исторіи, географіи, миѳологіи, этимологическаго объясненія словъ и, наконецъ, нѣкоторыя носятъ личный характеръ. Интересенъ въ переводѣ запасъ особенныхъ словъ и формъ, каковы, напр. жесточае (II, 354), законоискусникъ (I, 342), коньѣктанеа (I, 303), краестрочіе (II, 158), мечебитецъ (II, 52), нестатно (II, 237), птицезрѣніе (I, 375 и II, 95), размѣрительный (II, 246), утробозритель (I, 219).

VIII. Баженовъ Василій Ивановичъ. 1737—1799.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь» ч. I (1836)
Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. IV стр. 678.
«Вѣстн. Евр.» статьи Пыпина и Попова 1867, т. IV и 1868, т. IV.

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 57.

Евгеній, «Словарь».

Кобеко, «Д. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ» (Спб. 1887, 3-е изд.), стр. 163 и 382 сл.

Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты» 1867, стр. 333 (Бажановъ вм. Баженовъ).

«Москов. губ. Вѣд.» 1844, № 47 (біографія).

Нагуевскій, «Библіографія» № 504, стр. 27.

Новиковъ, «Словарь».

Пекарскій, «Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII ст.» Спб. 1869, стр. 133, 208 и 217.

Reimers L'Académie dec Beaux Arts de St-Pet. 1807, p. 6.

Смирновъ, «Истор. Моск. Акад.» стр. 246.

Сопиковъ, ч. II, № 2065, стр. 37.

«Сѣв. Вѣстн.» ч. I, Спб. 1804, стр. 354.

«Энцикл. лексиконъ» т. IV, ст. кн. Эристова.

«Энцикл. словарь справ.» т. II.

Баженовъ Василій Ивановичъ, знаменитый художникъ-архитекторъ, получившій образованіе сначала въ Московской дух. акад., затѣмъ въ Москов. университетѣ, наконецъ, бывшій воспитанникомъ Императорской Академіи Художествъ съ основанія ея и первымъ ея пансіонеромъ, отправленнымъ заграницу; родился 1 марта 1737 года въ Москвѣ, а умеръ 2 августа 1799 года въ Спб. въ должности вице-президента Академіи Художествъ. Баженовъ былъ талантливый художникъ, котораго въ 1759 г. отправили сначала въ Парижъ, а въ 1762 г. въ Римъ. Изученіе архитектуры на моделяхъ привело Баженова къ изученію труда римскаго архитектора Витрувія. По возвращеніи въ Россію, живя въ Москвѣ, Баженовъ составилъ полный переводъ всѣхъ десяти книгъ архитектуры Витрувія. По Сопико-

ву Баженову помогалъ въ переводѣ Өедоръ Каржавинъ.[21]) По проектамъ Баженова въ Спб. построено много зданій (главный фасадъ зданія Академіи Художествъ, дворца въ Екатерингофскомъ паркѣ и др.), также и въ Москвѣ (зданіе арсенала, домъ Пашкова, что нынѣ Румянцевскій музей и др.). Смерть помѣшала Баженову выполнить рядъ милостивыхъ порученій Императора Павла I (напр., разработку вопроса о русскихъ художникахъ).

12) «Марка Витрувія Полліона объ архитектурѣ, книга первая и вторая. Съ примѣчаніями доктора Медицины и Французской Академіи члена г. Перо. Съ Французскаго на Россійской языкъ, съ прибавленіемъ новыхъ примѣчаній, переведены при модельномъ домѣ, въ пользу обучающагося Архитектурѣ юношества, иждивеніемъ Римской Академіи святаго Луки профессора Флорентинской и Болонской Академіи члена, Императорской Санктпетербургской Академіи художествъ Академика, Императорской Академіи Россійской и Экспедиціи строенія Кремлевскаго дворца члена,[22]) г. Коллежскаго Совѣтника Василья Баженова. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи наукъ, 1790 года, 4° стр. 230. Книга третія. Тамъ же. 1792 года, 4° стр. 134+2 стр. (погрѣшности). Книга четвертая. Тамъ же. 1793 года, 4° стр. 122. Книга пятая. Тамъ же 1794 года, 4° стр. 157+2 стр. (погрѣшности) Книга шестая. Тамъ же, 1794 года, 4° стр. 94+2 стр. (погрѣшности). Книга седмая. Тамъ же, 1795 года, 4° стр. 84+2 стр.

---

[21]) См. XXVIII.

[22]) По мысли Императрицы Екатерины II Баженовымъ былъ составленъ проэктъ огромнаго кремлевскаго дворца, который въ 1772 г. былъ заложенъ, но не строился.

(погрѣшности). Книга осмая. Тамъ же, 1796 года, 4° стр. 75. Книга девятая. Тамъ же, 1797 года, 4° стр. 79 Книга десятая. Тамъ же, 1797 года, 4° стр. 206».

Означенное сочиненіе начинается съ перевода «Предисловія французскаго переводчика при второмъ изданіи сея книги въ 1684 году, въ Парижѣ» (стр. 1—30). За предисловіемъ идетъ самый текстъ перевода, снабженный громаднымъ числомъ примѣчаній и многими снимками (планами и рисунками). Всѣхъ, примѣчаній кромѣ подстрочныхъ, свыше 1100; снимки, планы и чертежи (дски) объяснены въ примѣчаніяхъ въ концѣ главъ.

Французскій переводчикъ Витрувіева сочиненія Perrault (1613—1688) очень много потрудился въ своей жизни: изучивъ медицину, онъ ее бросилъ, чтобы отдаться архитектурѣ, въ которой онъ особенно прославился, какъ устроитель Луврской колонады (1666—70). 1-е изданіе французскаго перевода Витрувія вышло въ 1673 году въ листъ. Имя этого знаменитаго французскаго архитектора русскій переводчикъ пишетъ то Перо (кн. 1—2, 7—10), то Перро (кн. 3—6).

Можно пожалѣть, что старательный русскій переводчикъ Витрувіева труда съ французскаго перевода не приложилъ къ своей работѣ указателя наименованій, столь необходимаго въ такой энциклопедіи, какъ трудъ Витрувія «Объ архитектурѣ».

IX. Барковъ Иванъ Семеновичъ (или Степановичъ). 1732—1768.

Березинъ, «Словарь» стр. 268.

Березинъ-Ширяевъ, «Матеріалы» т. II, стр. 38—39.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. III, стр 75—76.
Венгеровъ, «Крит. біограф. словарь» в. 25.
Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 66.
Гречъ, «Опытъ» стр 188.
Губерти, «Матеріалы» в. I, № 119, стр. 186—187.
Евгеній, «Словарь».

Карамзинъ, «Пантеонъ россійск. авторовъ» (изд. Смирдина 1848, т. I), стр. 587.

Нагуевскій, «Библіограф.» № 409, стр. 22 и № 639, стр. 36.

Снегиревъ, «Словарь».

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. II, № 2855, стр. 253 и ч. II, № 2153, стр. 46.

Чистовичъ, «Ист. Спб. дух. Акад.» стр. 58.

«Энцикл. лексиконъ» Плюшара т. IV, стр. 359—360.

«Энцикл. словарь» спр т. II, стр. 128.

Барковъ Иванъ Семеновичъ или Степановичъ, переводчикъ и поэтъ XVIII в., родился въ 1732 г. и былъ «поповъ сынъ». Когда въ 1748 г. Ломоносову и Брауну пришлось экзаменовать воспитанниковъ Невской семинаріи, чтобы выбрать изъ нихъ студентовъ для академическаго университета, то къ нимъ, вопреки волѣ своего начальства, явился Барковъ, обнаружившій на экзаменѣ «вострое понятіе» и достаточное знаніе латинскаго языка. Въ академіи Барковъ учился очень хорошо, отличался остроуміемъ, но велъ себя крайне предосудительно: пилъ и буянилъ, за что былъ исключенъ изъ академіи въ 1751 г. и опредѣленъ по «наборному дѣлу»; однако вскорѣ ему позволили частно учиться у профессоровъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ XVIII ст. Барковъ, служа при академіи копіистомъ и корректоромъ, былъ назначенъ академическимъ переводчикомъ;

умеръ въ 1768 г. Всѣ переводы Баркова были изданы неизвѣстнымъ издателемъ въ Спб. въ 1872 г. Кромѣ перевода сатиръ Горація и басенъ Федра, Барковъ написалъ много и другихъ сочиненій, особенно же непристойныхъ стихотвореній. Въ Императорской публичной библіотекѣ хранится списокъ этихъ пикантныхъ произведеній, носящихъ заглавіе: «Дѣвическая пирушка, или собраніе стихотвореній г. Баркова». Со времени Баркова всякія непристойныя литературныя произведенія стали называть «барковщиной».

13) «Квинта Горація Флакка сатиры или бесѣды съ примѣчаніями, съ латинскаго языка переложенныя Россійскими стихами Академіи наукъ переводчикомъ Иваномъ Барковымъ. Въ Санкпетербургѣ. При Императорской Академіи наукъ 1763 г. 4° стр. 8 нев.+184».

Переводъ посвященъ графу Григорію Григорьевичу Орлову. Переводъ собственно сатиръ помѣщенъ на стр. 1—150, а на стр. 151—184 напечатано «Письмо Горація Флакка о стихотворствѣ къ Пизонамъ переведено Николаемъ Поповскимъ». За посвященіемъ помѣщено стихотвореніе самого переводчика. Оно также носитъ характеръ посвященія, въ которомъ однако есть не мало сатирическаго. За этимъ стихотворнымъ посвященіемъ (стр. 3—4) напечатано предисловіе (стр. 5—6), гдѣ кратко сообщается о сатирахъ вообще и Гораціевыхъ въ частности. Здѣсь, между прочимъ, переводчикъ пишетъ: «Сатиры его (т.-е. Горація), писанныя разговоромъ, заключаютъ въ себѣ одно только нравоученіе, такъ какъ и письма, которыя не меньшей похвалы достойны; но я разсудилъ за благо лучше оныхъ не переводить, нежели подать о себѣ такое мнѣніе, будто бы черезъ то хотѣлъ я унизить честь и славу князя Антіоха Дмитріевича Кантемира, которыя имъ уже пе-

реведены и при академіи напечатаны [23]). За предисловіемъ помѣщено «Житіе Квинта Горація Флакка» (стр. 7—8). Переводъ снабженъ подстрочными примѣчаніями къ соотвѣтствующимъ стихамъ текста; каждой сатирѣ предшествуетъ краткое ея содержаніе, изложенное въ примѣчаніяхъ. Послѣднія напечатаны въ два столбца. Сатиры имѣютъ особыя заглавія, а именно: книга первая: I. Тантлъ (стр. 1—9), II. Купіенній (9—18), III. Тигеллій (19—29), IV. Криспинъ (29—37), V. Веселая дорога (37—45), VI. Туллій (45—55), VII. Рупилій (55—58), VIII. Пріапъ (58—61), IX. Случная встрѣча (62—66), X. Луцилій (67—74). Книга вторая: I Требатій (75—82), II. Офеллъ (82—90), III. Дамазиппъ (91—113), IV. Катій (114—120), V. Улиссъ (120—128), VI. Загородной домъ (129—136), VII. Давъ (137—145), VIII. Фунданій (145—150).

Примѣчанія къ переводу «Письма къ Пизонамъ» принадлежатъ Баркову, какъ видно изъ «Житія Горація».

14, «Федра, Августова отпущенника, нравоучительныя басни, съ Езопова образца сочиненныя, а съ Латинскихъ Россійскими стихами преложенныя, съ пріобщеніемъ подлинника, Академіи наукъ переводчикомъ Иваномъ Барковымъ. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи наукъ 1764 года. 8° стр. 4 нен.+167. 2-ое изданіе вышло въ Спб въ 1787 г.

Къ означенной книгѣ приложены «Діонисія Катона двустрочные стихи о благонравіи къ сыну» (Dionysii Catonis disticha de moribus ad filium) стр. 168 сля. Въ «Предисловіи» (стр. 1—2) переводчикъ, говоря о пользѣ басенъ и о нравственныхъ качествахъ, скрываемыхъ подъ личиной звѣрей, пишетъ: «Примѣняя сіи

[23]) См. ниже «Кантемиръ» XXVII, 38.

и другіе многіе басенные прилоги въ обращеніямъ житейскимъ, находимъ мы слѣды, чего держаться, чего убѣгать долженствуемъ». О своемъ трудѣ переводчикъ замѣчаетъ слѣдующее: «Что касается до моего перевода, то старался я, сколько возможно, соглашать свои мысли съ Федровыми; о сходствѣ жъ оныхъ читатель разсудить можетъ изъ пріобщеннаго при семъ подлинника. Вмѣсто того, что нѣкоторыя басни для непристойнаго содержанія мною не переведены, на концѣ присовокупилъ я Катоновы двустрочные стихи о благонравіи къ сыну, желая, чтобъ учащееся юношество, а особливо любящее стихотворство и словесныя науки, симъ моимъ трудомъ съ добрымъ успѣхомъ пользовалось».

За предисловіемъ напечатано «Житіе Федрово» (стр. 3—4), въ которомъ, между прочимъ, говорится о слогѣ басенъ и о первомъ ихъ изданіи (1696 г.). Въ русскомъ переводѣ оригиналъ басенъ напечатанъ на четныхъ страницахъ, а стихотворный—на нечетныхъ. Басня 11-я на 16 стр. ошибочно помѣчена 12-ой. Примѣчаній всего лишь два (на стр. 118 и 148), они касаются критики текста. Въ своемъ переводѣ шестистопными стихами Барковъ старался придерживаться краткости и точности подлинника, и, за исключеніемъ выраженій обветшалыхъ и жесткихъ, что надобно приписать болѣе времени, нежели Баркову, переводъ его можно и теперь еще читать съ удовольствіемъ.

X. Башиловъ Семенъ. 1741–1770.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. V, стр. 222.
«Вѣстн. Европы» ч. 61 (1812, № 4), стр. 312.
Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 72 сл.

Гречъ, «Опытъ». стр. 231.

Евгеній, «Словарь».

Новиковъ, «Словарь».

Смирновъ, «Ист. Троицк. сем.» стр. 106—108 и 502.

Снегиревъ, «Словарь».

Сопиковъ, ч. Ш, № 6244, стр. 387.

«Энцикл. словарь», т. V, стр. 129 ст. Языкова.

Башиловъ Семенъ, ученый XVIII вѣка, родился въ 1741 г. въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, при которой отецъ его состоялъ приказнымъ; учился Башиловъ Семенъ въ Троицкой семинаріи, а съ 1757 г. по 1762 г. въ Московскомъ университетѣ. Съ 1763 г. Башиловъ преподавалъ математику въ Троицко-Сергіевской семинаріи; съ 1766 г. былъ назначенъ переводчикомъ при Академіи Наукъ, гдѣ однако оставался лишь три года; затѣмъ въ 1769 году былъ переведенъ въ коммиссію составленія новаго уложенія «сочинителемъ», а въ 1770 г. въ сенатъ «сенатскимъ секретаремъ». Умеръ Башиловъ 11 іюля 1770 г. 30-ти лѣтъ отъ роду; въ своей жизни онъ сдѣлалъ много переводовъ съ французскаго языка изъ энциклопедіи, Вольтера, Монтескье и др., писалъ по юриспруденціи и много помогалъ Шлецеру при изданіи русской лѣтописи. Въ журналѣ «Ни то ни Сіо» (1769 г.) Башилову принадлежитъ переводъ сочиненія Семеки: «О провидѣніи» (стр. 113—144).

---

15) «Краткая миѳологія съ Овидіевыми превращеніями, переведена съ французскаго языка С. Б. Въ Санктпетербургѣ при морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ 1776 года. 16° стр. 128».

См. рец. въ «Спб. учен. вѣд.» 1777 г. стр. 124.

У Сопикова годъ изданія книги означенъ невѣрно (1767); у Нагуевскаго же это сочиненіе вовсе не названо.

Въ упомянутой книгѣ на стр. 3—4 помѣщено такое предисловіе: «Заблужденіе древнихъ язычниковъ столь далеко простиралось, что не только не стыдились они обожать людей отличившихъ себя либо высокими добродѣтелями, или гнуснѣйшими пороками: но и самыя презрительныя вещи были предметомъ ихъ богопочитанія. Думають что Нинъ, основатель Ассирійской Монархіи подалъ поводъ къ сему заблужденію: онъ повелѣлъ подданнымъ своимъ воздавать божескія почести отцу своему Немвроду. Сей примѣръ возбудилъ желаніе и въ прочихъ народахъ къ подражанію тому. Не можно сказать, чтобъ въ тогдашное время не было людей просвѣщеннѣйшихъ, которые бы могли проникнуть слѣпоту того суевѣрія; а особливо у Грековъ и у Римлянъ довольно такихъ разумовъ находилось: однакожъ никто изъ нихъ не отважился доказывать явно единое бытіе истиннаго Творца неба и земли, боясь народнаго невѣжества и насилій. Всякой языкъ имѣлъ особыхъ боговъ; но были же у нихъ и общіе; и сихъ-то послѣднихъ представляю я читателю, съ описаніемъ краткой исторіи и чудесъ каждаго, кои выбраны изъ Овидіевыхъ превращеній».

Разсматриваемая краткая миѳологія — своего рода миѳологическій катехизисъ, который содержитъ въ себѣ вопросы и отвѣты раздѣленные на XXVIII уроковъ. Къ каждому уроку прибавлено особое «Изъясненіе». Это интереснѣйшая книжка, изъ которой приводимъ нѣкоторыя выдержки.

Урокъ I (стр. 5). *Вопросъ.* Кто былъ старѣе изъ всѣхъ боговъ? *Отвѣтъ.* Небо. *Вопросъ.* Кто были дѣти

и жена его? *Отвѣтъ*. Титанъ, Сатурнъ и Сибела, а женою Веста. *Вопросъ*. Какъ назывались дѣти Сатурновы? *Отвѣтъ*. Отъ сестры своей Сибелы имѣлъ онъ Юпитера, Нептуна, Плутона и Юнону. *Вопросъ*. Кто велъ войну съ Сатурномъ? *Отвѣтъ*. Юпитеръ согналъ его съ неба, и принудилъ удалиться къ Янусу царю Итальянскому.

Урокъ II (стр. 8 сл.). *Вопросъ*. Которую дочь произвелъ Юпитеръ самъ собою? *Отвѣтъ*. Минерву, богиню премудрости, брани, наукъ и художествъ, яко плодовъ мозга. *Вопросъ*. Что сдѣлала Юнона въ отмщеніе Юпитеру за произведеніе Минервы? *Отвѣтъ*. Она родила безъ сообщенія съ нимъ Марса, бога брани.

Урокъ III (стр. 12 сл.). «Нижнія божества» (небесныя, земныя и морскія). *Вопросъ*. Какъ называютъ сіяніе, видимое на нашей гемисферѣ прежде солнечнаго возрожденія? *Отвѣтъ*. Авророю, или богинею зари. *Вопросъ*. Какъ звали пастуха Нептунова? *Отвѣтъ*. Протеемъ, который превращался въ разные виды, и предсказывалъ будущее: только надлежало его къ тому принудить.

Урокъ IV (стр. 14 сл.). «О адскихъ божествахъ». *Вопросъ*. Какъ называли назначенное мѣсто для праведныхъ? *Отвѣтъ*. Полями Елисейскими.

Къ этому уроку дано добавленіе, которое начинается такъ: «Боги важнѣйшимъ поставляли словомъ заклинать себя Стиксомъ; такъ что въ случаѣ нарушенія ея, лишались они нектара и божества» и оканчивается слѣдующими словами: «Неподалеку отъ Тартара Елисейскія поля, гдѣ души праведныхъ наслаждались совершеннымъ спокойствіемъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не возвращались для оживотворенія другихъ тѣлъ: тогда пили онѣ воду изъ рѣки Леѳеи, имѣющей въ себѣ силу

приводитъ въ забвеніе все, что не видѣли онѣ въ Плутоновомъ царствѣ».

Урокъ V (Овидіевы превращенія, стр. 17—25).

Урокъ VI (стр. 25 сл.) *Вопросъ.* Что случилось съ Юпитеромъ, когда онъ нисшелъ на землю для погашенія на ней пожара? *Отвѣтъ.* Подъ видомъ Діанны, обманулъ онъ Калисту. *Вопросъ.* Что послѣдовало съ нею, когда Діанна усмотрѣла ея чреватою? *Отвѣтъ.* Выгнала изъ своего сообщества, а Юнона превратила ея въ медвѣдицу.

Урокъ VII (стр. 29 сл.). *Вопросъ.* За что воронъ изъ бѣлаго превращенъ въ чернаго? *Отвѣтъ.* За то, что объявилъ Аполлону о невѣрности Коронисиной. *Вопросъ.* Кто совѣтовалъ ворону не объявлять того? *Отвѣтъ.* Ворона, которая прежде была царевною.

Урокъ XI (стр. 46). *Вопросъ.* Какимъ образомъ Юпитеръ сдѣлался отцемъ Персею? *Отвѣтъ.* Вошедъ въ башню, въ которую Акризъ заключилъ дочь свою Данаію. *Вопросъ.* Какъ вошелъ Юпитеръ въ сію башню? *Отвѣтъ.* Превратившись въ золотой дождь.

Урокъ XIII (стр. 55 сл.). *Вопросъ.* Какое было наказаніе Арахнѣиною? *Отвѣтъ.* Она превращена въ паука. *Вопросъ.* Но послужилъ ли сей примѣръ исправленіемъ Ніобѣ, царицѣ Ѳебанской? *Отвѣтъ.* Никакъ, она презрѣла Латону, за что и была наказана смертію четырнадцати дѣтей своихъ.

Урокъ XIV (стр. 60 сл.). *Вопросъ.* Что учинилъ Пелопсъ въ то время, когда онъ оплакивалъ сестру свою Ніобу? *Отвѣтъ.* Разодравъ на себѣ платье, оказалъ плечо свое, сдѣланное изъ слоновой кости.

Урокъ XX (стр. 87). *Вопросъ.* Кто была женою у славнаго музыканта Орфея? *Отвѣтъ.* Еврідика, умершая вскорѣ послѣ своей свадьбы. *Вопросъ.* Что дѣлалъ

Орфей по смерти своея супруги? *Отвѣтъ* Сходилъ во адъ искать ея, и привелъ въ сожалѣніе Плутона пріятностью своей музыки. *Вопросъ:* Вывелъ ли онъ супругу свою на свѣтъ? *Отвѣтъ.* Нѣтъ, потому что не сохранилъ договора, предписаннаго ему отъ Плутона.

Урокъ XXIII (стр 104). *Вопросъ.* Которые спорили изъ Греческихъ князей объ Ахиллесовомъ оружіи? *Отвѣтъ.* Уликсъ и Аяксъ. *Вопросъ.* Кому жъ оно досталось? *Отвѣтъ.* Уликсу, а Аяксъ отчаянный убилъ самъ себя.

Урокъ XXVI (стр. 117 сл.). *Вопросъ.* Справедливо ли писалъ Виргилій объ Енеѣ и Дидонѣ? *Отвѣтъ* Нѣтъ; ибо они жили въ разныя времена.

Урокъ XXVIII (стр. 125 сл.). *Вопросъ.* Къ кому Римляне имѣли прибѣжище во время великаго мора? *Отвѣтъ.* Къ Ескулапу, котораго привезли они въ Римъ подъ видомъ змія.

И такъ вся книга въ такомъ же родѣ.

XI. Виноградовъ Иванъ Ивановичъ. † 1801 г.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. IX, стр. 455 ст. М. М.

Бурцевъ, «Описаніе» т. VII, № 2282, стр. 86.

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 155.

«Москов. Наблюдатель» 1837, кн. I, стр. 141.

Прозоровъ, «Сист. указ.» отд. II, № 57, стр. 10; № 1286, стр. 71, отд. VI, № 118 стр. 139, отд. IX, № 304, стр. 208.

Снегиревъ, «Словарь».

Сопиковъ, «Опытъ росс.» библ. ч. III, № 4298, стр. 159; ч. IV, № 11549. стр. 520; ч. V, № 12475, стр. 97.

Виноградовъ Иванъ Ивановичъ, сынъ священника, воспитывался въ духовномъ училищѣ, а потомъ въ учительской семинаріи. Несмотря на выдающіяся способности, Виноградовъ былъ отданъ за пьянство въ солдаты въ Семеновскій полкъ, гдѣ дослужился до сержанта; въ 1796 году уволенъ въ отставку. Умеръ отъ пьянства въ 1800 году или въ 1801. Былъ друженъ съ современными литературными знаменитостями, самъ писалъ стихи и много переводилъ съ франц., нѣмецк. и древнихъ яз.

Свои стихотворенія и переводы Виноградовъ печаталъ въ журн.: «Растущій Виноградъ».

---

16) «Стихотворенія Сафы, Лесбійскія стихотворицы, пер. съ греч. Иванъ Виноградовъ. Изданы съ описаніемъ житія сея славныя своими дарованіями, любовію и происшедшими отъ оныя злоключеніями женщины, и присовокупленіемъ пѣсней, переведенныхъ изъ Анакреона и другихъ стихотвореній». Спб. 1792, 12°».

Оглавленіе означенной книги приведено по указателю Прозорова, въ свою очередь заимствовавшаго титулъ отъ Смирдина.

17) «Златые остатки древности, содержащіе древнихъ греческихъ философовъ драгоцѣнныя нравоученія. Переводъ съ Еллино-Греческаго языка. Часть первая. Въ Москвѣ, въ привилегированной типографіи у Мейера, 1783 году 8° стр. 2 нен.+86».

Часть вторая носитъ нѣсколько иное заглавіе: «Златые остатки древности, содержащіе древнихъ греческихъ философовъ драгоцѣнныя нравоученія, съ присовокупленіемъ нравоученій писателей средняго вѣка. Переведенные съ французскаго И. И.»

Часть вторая. 1783 года 8° стр. 87—144 (т.-е. продолженіе счета страницъ 1-ой части).

Прозоровъ (отд. VI, № 118, стр. 139), очевидно, не имѣлъ книги въ рукахъ и потому не зналъ, сколько частей она въ себѣ заключаетъ.

Сочиненіе посвящено генералъ-поручику Михайлу Львовичу Измайлову. Изъ посвященія и еще двухъ мѣстъ видно, что переводчикомъ книги былъ Иванъ Виноградовъ. Содержаніе этого сочиненія слѣдующее.

I-я часть.

I. Фокилида увѣщательная поэма (3—14).

II. Пиѳагоровы золотые стихи (стр. 15—21 [24]).

III. Солона элегія (стр. 22—26; на заголовкѣ ошибочно стоитъ IV вм III).

IV. Симонида о бѣдности жизни человѣческой (стр. 26—28; здѣсь опущено въ заголовкѣ означеніе: IV).

V. Навмахія о должности и добродѣтеляхъ дѣвицы и супруги (стр. 28—32).

VI. Мнѣніе Пиѳагорейцевъ (стр. 32—40).

VII. Димократа философа златыя мнѣнія (стр. 41—51).

Нравоучительныя мнѣнія на разныя матеріи, собранныя изъ древнихъ греческихъ стихотворцовъ (стр. 52—86).

Въ концѣ напечатано: «Переводилъ И. В.».

II-я Часть.

Увѣщательныя стихи древнихъ философовъ (стр. 89—98).

Разумныя и нравоучительныя рѣчи древнихъ философовъ и знаменитыхъ людей (стр. 99—117).

---

[24]) Естественно, что по вышеприведенной причинѣ у Прозорова при имени «Пиѳагоръ» во II отд. на стран. 60 указаніе на этотъ переводъ отсутствуетъ.

Острыя и замысловатыя слова древнихъ обоего пола знаменитыхъ людей (стр. 118—127).

Разумныя слова знаменитыхъ женъ и дѣвицъ (стр. 127—132).

I. Размышленіе о спокойствіи истинномъ и мнимомъ (стр. 133—138).

II. Размышленіе о обхожденіи и благопристойности (стр. 138—144).

18) Храмъ всеобщаго баснословія, или баснословная исторія о богахъ египетскихъ, еллинскихъ, латинскихъ и другихъ, заключающая въ себѣ: 1) каждаго бога изображеніе, родословіе, дѣла, различныя названія, вещи посвященныя, жертвоприношенія, обряды, бывающія при оныхъ празднества и пр. 2) Смыслъ каждой басни, какой подразумѣвали баснословы. Съ латинскаго перевелъ И. В. 3 части,

Въ Москвѣ въ вольной типографіи И. Лопухина, съ указнаго дозволенія, 1785 года. 8° часть I-я, стр. XII+144, часть II-я стр. 107, часть III-я стр. 132».

На оборотѣ заглавнаго листа читаемъ: «Двоякій онаго плодъ книга заключаетъ: во басняхъ веселитъ и купно наставляетъ». Въ началѣ книги на XII-ти стр. помѣщенъ приступъ къ «Храму баснословія».

Книга описана нами по Бурцеву (библіогр. описаніе рѣдк. и замѣчат. книгъ) т. VII, № 2282, стр. 86.

Подлинникъ означенной книги принадлежитъ Помею (Pomey, François Antoine 1619—1673), извѣстному Ліонскому ученому, и носитъ заглавіе: «Pantheum mythicum seu fabulosa deorum historia 12° 1757 Amstelodami·

19) Другой русскій переводъ этого сочиненія Помея вышелъ въ Москвѣ же въ 1808 г. и сдѣланъ Павломъ Рейпольскимъ, Харьковскаго коллегіума учителемъ (часть I-я—небесные боги 8°, стр. 155, часть II-я—

земные боги стр. 112 и часть III-я — морскіе боги стр. 150).

Кромѣ «Храма всеобщаго баснословія», переведеннаго Иваномъ Виноградовымъ, въ вѣкъ Екатерины II-ой былъ дважды изданъ «Храмъ древности» — своего рода миѳологическій лексиконъ, I-е изданіе котораго вышло въ Спб. въ 1771 г., 2-е — въ Москвѣ въ 1784 г. Вотъ полный титулъ этой книги во 2-мъ изданіи:

20) «Храмъ древности, содержащій въ себѣ Египетскихъ, Греческихъ, Римскихъ боговъ имена, родословіе, празднества и бывшіе при оныхъ обряды, знатныхъ древнихъ мужей достопамятныя дѣла и приключенія. Собранъ изъ разныхъ Греческихъ и Латинскихъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ писателей. Переведенъ на Россійской языкъ. Изданіе второе. Въ Москвѣ, въ университетской типографіи, у Н. Новикова, 1784 года. 8° стр. 438».

Березинъ-Ширяевъ т. VIII, стр. 41 сл. (здѣсь описано I изданіе).

Прозоровъ, «Систем. указатель» отд. IX, № 296, стр. 207.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. V, № 12477—8, стр. 97.

Означенное сочиненіе неизвѣстнаго переводчика, имѣющее много общаго съ трудомъ Помея, посвящено кн. Александру Алексѣевичу Вяземскому (1727—1796) и есть жертва благодарности за изліяніе тѣхъ милостей, каковыми пользуются упражняющіеся въ свободныхъ наукахъ». Въ помѣщенномъ на стр. 7—8 «Предувѣдомленіи» говорится о необходимости и пользѣ подобной книги, и поднимается споръ о передачѣ греческихъ именъ на русскій языкъ.

XII. Волковъ Борисъ.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. XIII, стр. 36
«Вѣстн. Европы» 1810, VII. стр. 213.
Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 168.
Нагуевскій, «Библіогр.» № 144, стр. 9.
Пекарскій, «Исторія Имп академ. наукъ» т. II, стр. 948.
Снегиревъ, «Словарь» стр. 223.
Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. V, № 12534, стр. 105.

Волковъ Борисъ, переводчикъ Академіи Наукъ и учитель въ академической гимназіи; переводилъ съ латинскаго и французскаго языковъ, писалъ также и оригинальныя сочиненія.

21) «Марка Туллія Цицерона три книги о должностяхъ съ содержаніемъ каждой главы, и съ примѣчаніями на достопамятныя рѣчи, переведены академіи наукъ переводчикомъ Борисомъ Волковымъ. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1761 г. 12° стр. 26 нэн.+492.».

Переводъ посвященъ президенту Императорской Академіи Наукъ графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому (1728—1803). Посвященіе начинается такими словами: «Между прочими Вашего Высокографскаго Сіятельства достохвальными стараніями о распространеніи въ Россійскомъ народѣ наукъ и полезныхъ знаній, за не меньше важное почесть должно и учиненное въ Академіи Наукъ предъ давнымъ ужѐ временемъ опредѣленіе, чтобъ для любопытства и наставленія тѣхъ, кои иностранныхъ языковъ не разумѣютъ, переведены были на нашъ языкъ, всякія какъ полезнаго, такъ и пріятнаго содержанія книги».

За посвященіемъ (стр. 1—6) слѣдуетъ обращеніе «Къ читателю» (стр. 7—26), въ которомъ говорится о занятіяхъ Цицерона философіей въ связи съ политическими событіями того времени, предлагается краткое изложеніе содержанія переведеннаго сочиненія и въ заключеніи сообщается о характерѣ какъ самаго перевода, такъ и данныхъ при немъ примѣчаній. Приведемъ выдержки изъ этого предисловія. ...«Какъ Юлій Цезарь овладѣлъ республикою, то Цицеронъ будучи не въ состояніи ни употреблять своего старанія, ни подавать полезныхъ совѣтовъ, и видя, что сенатская власть была уничтожена, и во всѣхъ публичныхъ дѣлахъ тиранская воля была единственнымъ правиломъ, удалился въ свою отчину, и углубился въ философію, въ которой съ малолѣтства съ толь великимъ раченіемъ упражнялся, и которая была ему единымъ убѣжищемъ и утѣшеніемъ. Въ семъ уединеніи началъ онъ трудиться надъ философическими своими сочиненіями, которыя изрядствомъ и красотою не только ни мало не уступаютъ его ораторическимъ сочиненіямъ, но еще несравненно больше ему чести приносятъ; потому что изъ оныхъ совершенно видѣть можно честное его житіе, которое онъ имѣлъ больше случаевъ оказать, нежели свое краснорѣчіе» (стр. 8 сл.).

«Написалъ Цицеронъ книги о должностяхъ для наставленія своего сына, которое сочиненіе по общему всѣхъ согласію почитается за наилучшее изъ всей древности. Цицеронъ предлагаетъ въ ономъ о должностяхъ человѣческихъ и правила, которыя онъ предписываетъ для препровожденія жизни, столь общи и пространны, что въ оныхъ заключается все правосудіе, и столь чисты и непорочны, что всякой христіанинъ безъ угрызенія совѣсти онымъ послѣдовать можетъ» (стр 12)...

«Изъ всѣхъ языческихъ книгъ не можно ни отъ одной толь великой пользы получить, какъ отъ Цицеронова сочиненія о должностяхъ человѣческихъ, которое написано порядочнымъ образомъ и преисполнено наставленій и правилъ, касающихся до препровожденія всякой жизни, и въ которомъ вступаетъ Цицеронъ въ пространное описаніе и самыя малыя подробности, принадлежащія до благопристойности» (стр. 21 сл.).

Переводчикъ, по его собственному признанію, особенно старался о наблюденіи ясности въ переводѣ, и «многія не очень вразумительныя мѣста изъяснены примѣчаніями, переведенными съ французскаго языка». Всѣхъ примѣчаній въ этой книгѣ около 300, при чемъ «важнѣйшія изъ оныхъ касаются до изъясненія и истолкованія нѣкоторыхъ мнѣній языческихъ философовъ, въ которыхъ хотя и содержится нѣкоторая истинна, однако должны оныя соглашать не только съ принятыми философскими основаніями, но и съ христіанскимъ закономъ. Другія служатъ къ большему изъясненію самаго сочиненія, котораго однимъ переводомъ не очень ясно изображать можно было, какъ напримѣръ, чтобъ знать людей, мѣста и дѣйствія, о которыхъ Цицеронъ во многихъ мѣстахъ упоминаетъ; и чтобъ дополнить въ другихъ мѣстахъ нѣкоторыя дѣянія, которыя не обходимо нужны для лучшаго разумѣнія. Въ сихъ выбрано только самое нужнѣйшее, и не заблагоразсуждено вступать въ пространное описаніе и критику» (стр. 22 сл.).

Нѣкоторыя примѣчанія носятъ субъективный характеръ и заключаютъ въ себѣ много назидательнаго. Въ общемъ, все это сочиненіе переведено съ знаніемъ и любовію къ дѣлу.

XIII. Волчковъ Сергѣй Савичъ † 1773 г.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. XIII, стр. 115.

Бурцевъ, «Описаніе» т. II, № 421, стр. 435, т. IV, № 1603, стр. 214—215.

Верещагинъ, «Русск. илл. изд.» № 261, стр. 81.

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 170—171.

Губерти, «Матеріалы» в. I, № 56, стр. 99 100; № 62, стр. 108.

Евгеній, «Словарь».

Пекарскій, «Исторія Имп. Акад Наукъ» т. II, стр. 94 сл., 154 сл., 782 сл.

Прозоровъ, «Систем. указатель» отд. II, № 1257, стр. 69 и № 1488, стр. 81.

Снегиревъ, «Словарь».

Сопиковъ, «Опытъ российск. библіогр.» ч II, № 2113 слл. стр. 42—43; ч. III, № 4085—9, стр. 94—107 и № 4875, стр. 230—231.

Волчковъ Сергѣй Савичъ, секретарь и переводчикъ Академіи Наукъ съ 1731 г. по 1759, а позже директоръ Сенатской типографіи; умеръ въ Спб. въ 1773 г. Это былъ ревностнѣйшій переводчикъ съ нѣмецкаго и французскаго языковъ преимущественно сочиненій педагогическаго, философскаго и историческаго содержанія. Къ сожалѣнію, Волчковъ порядочно зналъ одинъ только нѣмецкій языкъ и былъ вовсе необразованъ.

22) «Житіе и дѣла Марка Аврелія Антонина, цесаря римскаго, а при томъ собственныя и премудрыя его разсужденія о себѣ самомъ съ нѣмецкаго на россійской языкъ перевелъ Академіи Наукъ секретарь Сергей Волчковъ. Въ Спб. въ 1738 и 1739. Спб. 1740». Изд. 3-е Спб. 1775. 8° стр. 511».

Означенная книга напечатана по Высочайшему по-

велѣнію Императрицы Анны Іоанновны, которой и посвящена. Переводъ этого сочиненія былъ переизданъ четыре раза: въ 1760 г. 1775, 1789 и 1798 г.г. въ Спб. Книга описана у Сопикова (ч. Ш, стр. 95—107), Губерти (в. I, № 38, стр. 69—72) Бурцева (т. П, № 421, стр. 435) и Прозорова (отд. П, № 93, стр. 12).

23) «Езоповы басни съ нравоученіемъ и примѣчаніями Рожера Летранжа, вновь изданныя на Россійской языкъ переведены въ Санктпетербургѣ канцеляріей Академіи Наукъ секретаремъ Сергеемъ Волчковымъ Печатаны въ Спб. при Академіи Наукъ 1747 года 8° стр. 8 нен.+515».

Подлинникъ этого сочиненія изданъ на англійскомъ языкѣ и переведенъ на французскій языкъ подъ заглавіемъ «Fables diverses tirées d' Esope (et d' autres auteurs) accompagnées du sens moral et des reflexions du chevalier, Lestrange; traduites de l' anglois, avec des figures, par. F. Barlon, Amst. 1711». Всѣхъ басенъ 188; за предисловіемъ помѣщено «Езопово житіе» въ 18 главахъ. Послѣднее было издано отдѣльно подъ заглавіемъ: «Житіе славнаго баснописца Езопа» (тоже заглавіе по-нѣмецки) всего—12 листовъ одностороннихъ: на 6-ти помѣщенъ текстъ и на 6-ти гравюры, изображающія жизнь Эзопа; на гравюрахъ русскія и нѣмецкія надписи съ означеніемъ годовъ съ 1745 по 1750 г. Это изданіе очень рѣдкое, оно описано у Губерти (в. I, № 56, стр. 99—100) и Верещагина (№ 261, стр. 81).

Кромѣ изданія 1747 г. въ XVIII в. были еще изданія русскаго перевода басенъ Эзопа, принадлежащаго Волчкову: въ Спб. въ 1760 и 1762 г.г.—оба въ 12° и безъ примѣчаній, и въ 1775 г. съ примѣчаніями въ 8°

Сопиковъ ч. II, №№ 2114, 2116, стр. 43 и Губерти I, № 62, стр. 108) и позже въ XIX вѣкѣ.

Предлагаемъ описаніе этого перевода по изданію 1810 года, которое значится «вторымъ» (Сопиковъ II. № 2119, стр. 43). На стр. 1—12 помѣщено Предисловіе издателя книги», въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Намъ ни до лица, ни до случаевъ ево на свѣтѣ дѣла нѣтъ; да въ одной силѣ нравоучительныхъ примѣровъ сего славнаго человѣка нужда (стр. 2). Цѣль изданія басенъ та, что «дѣти охотнѣе всего сказки слушаютъ и исторіи читаютъ» (стр. 4) и «подобны бѣлой бумагѣ, на которой худое и доброе писать можно; сіе писаніе во власти того состоитъ, кому они сперва для воспитанія на руки отданы будутъ, а онъ уже изъ нихъ добраго или злова человѣка здѣлать можетъ» (стр. 3 сл.). Все предисловіе носитъ строго-педагогическій характеръ. За предисловіемъ помѣщено «Езопово житіе» (стр. 13—63) въ 18 главахъ; а затѣмъ идутъ басни (на стр. 64—434), помѣщенныя въ такомъ порядкѣ: сначала напечатанъ переводъ басни, затѣмъ *ученіе* и, наконецъ, *примѣчаніе;* иногда ученіе и примѣчаніе дается къ двумъ баснямъ вмѣстѣ, а не къ каждой въ отдѣльности. Возьмемъ для примѣра басню 23 (стр. 120—121): «*Гора въ родинахъ*». «Какъ великой горѣ часъ пришолъ родить, то она весьма зашаталась и ужасной стонъ испустила; а около ее живущіе люди въ крайней страхъ пришедши, хотя съ нетерпѣливостію ждали, какое новое чудо отъ нея родится, только напослѣдокъ малая и смѣшная мышь изъ подъ горы выбѣжала».

Ученіе. Такія смѣшныя родины часто и у многихъ людей бываютъ.

Примѣчаніе. Родинамъ сей горы подобны дально-

видныя намѣренія и славныя предпріятія гордыхъ. Какому доброму успѣху кромѣ смѣшнова конца отъ такого дѣла быть, которое безъ совѣту начато, а безъ разсужденія и здраваго разума ведено?»

Въ 1750 году Волчковъ прислалъ въ Академію Наукъ изъ Москвы свой переводъ первой части «Житій славныхъ мужей Плутарха»; переводъ этотъ было поручено разсмотрѣть особой комиссіи, состоявшей изъ профессоровъ Тредіаковскаго, Ломоносова, Крашенинникова и Попова. Комиссія нашла въ переводѣ много погрѣшностей, и онъ былъ признанъ совсѣмъ негоднымъ (ср. Пекарскій, Истор. Имп. Акад. Наукъ т. II, стр. 154—156 и 161—162). Собственныя имена въ этомъ переводѣ были исковерканы до неузнаваемости, такъ, вм. *Діонисъ* и *Эсхилъ* появились *Денисъ* и *Еилъ* и т. п.

24) «Полибіевой военной исторіи томъ перьвой съ Французскаго на Россійской языкъ переведенъ Академіи наукъ ассесоромъ Серьгѣемъ Волчковымъ. Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1756 года. 4° стр. 12 нен.+504....

Томъ второй..... переведенъ Академіи Наукъ совѣтникомъ Сергѣемъ Волчковымъ. Тамъ же 1763 года 4° стр. 6 нен.+490».

Это иллюстрированное изданіе пропустилъ Верещагинъ, но оно описано у Губерти (в. I, № 86, стр. 134—135), Прозорова (отд. II, № 1257, стр. 69) и Сопикова (ч. III, № 4875, стр. 230—231), однако не вездѣ точно и полно, такъ какъ 2-ой томъ сочиненія, повидимому, не былъ въ рукахъ этихъ библіографовъ.

Въ I т. помѣщенъ реэстръ (стр. 3—9 нен.), затѣмъ обращеніе «къ читателю» (стр. 11—12 нен.) «Предисловіе комментаторово» (стр. 1—26 нум.). «Жи-

тіе Полибія» (стр. 27—54), «Описаніе колонны» (стр. 55-119) и книги І-ой гл. 1—14 (стр. 121—504).

Изъ обращенія къ читателю узнаемъ, что виновникомъ перевода сихъ книгъ былъ гр. Петръ Ивановичъ Шуваловъ (1711—62). «Сей то истинный и честнѣйшій сынъ отечества своего, къ особливой пользѣ Россійскихъ войскъ, семь томовъ или частей Полибіевыхъ книгъ избравши, Правительствующему Сенату изволилъ представить, дабы оныя на нашъ языкъ переведши напечатать; которая работа по указу Правительствующаго Сената въ 1752 году началась, а въ половинѣ сего 1756 года подъ Божіимъ благословеніемъ, такъ щастливо окончалась, что вы ужѐ первой томъ въ рукахъ своихъ имѣете».

Французскій комментаторъ этого перевода былъ, какъ можно догадываться по многимъ мѣстамъ, Шевалье Фоларъ (Folard Jean Charles 1669—1752), извѣстный военный дѣятель, французскій же переводъ Поливія принадлежалъ Винцентію Тюилье (Vincent Thuillier 1685—1736); [25]) этотъ переводъ вышелъ въ Парижѣ въ 1727 г. и позже въ Амстердамѣ въ 1753 г. въ 6-ти томахъ съ дополнительнымъ 7-мъ томомъ и съ рисунками.

«Житіе Полибія» составлено по «Тюильери» (см. стр. 23. т. II) весьма добросовѣстно. Въ заключеніи «Житія» читаемъ (стр. 54): «мнѣ (говоритъ русскій переводчикъ) для нѣкоторыхъ притчинъ и самому у читателей своихъ прощенія просить, и на труды свои не смотря того опасаться должно, что можетъ быть и я по скудости ума моего подлиннаго разумѣнія Автора не понялъ, или вмѣсто Полибіевыхъ мыслей иногда свои внесъ. Однако жъ во удовольствіе критиковъ ничего не

[25]) См. т. II, стр. 23 пер., Волчкова.

скажу. Въ такомъ случаѣ я знатную отвагу учинилъ, а за наглость наказаніе терпѣть должно. Мнѣ это не малая польза, чтобъ жестокихъ Ценсоровъ или разсмотрителей труда моего имѣть. Ежели они друзья, и притомъ умные люди, то меня жестокостію своею больше научатъ. Буде же пристрастные охуждатели и сатирики, то я долженъ ихъ любить съ такимъ сожалѣніемъ, что они въ непристойное ученымъ людямъ искушеніе впали».

Статья «Описаніе Колонны, какимъ способомъ овую сочинять, и какъ симъ порядкомъ биться» (стр. 55—119) заключаетъ въ себѣ 12 главъ и носитъ спеціально-военный характеръ; къ описанію приложена карта «Сициліи древней». За описаніемъ колонны идетъ текстъ перевода кн. I гл. 1—14 (стр. 132—504) съ предисловіемъ автора (стр. 121—132). Къ I-му тому приложено 40 отдѣльныхъ плановъ съ видами построенія войска въ разныя времена исторіи, съ изображеніями военныхъ орудій и съ двумя виньетками.

Во II-мъ т., имѣющемъ только двѣ виньетки, помѣщенъ реестръ (стр. 1—6 нен.), предисловіе (стр. 1—30) и главы 15—18—I-й книги (стр. 31—232). Въ предисловіи переводчикъ защищается отъ тѣхъ, которые не согласны съ его ученіемъ о колоннѣ. Со стр. 233-ей идетъ «Описаніе Атаки и обороны городовъ у древнихъ народовъ. Часть первая»—всего 37 артикуловъ. Въ переводѣ очень много примѣчаній научныхъ и спеціальныхъ; въ нихъ встрѣчаются сравненія древнихъ войнъ съ новѣйшими (см. I т. стр. 155 сл. 183 сл., 191, 213, 308 и др.). Жаль, что переводчику не удалось довести своего труда до конца, но и въ своемъ неоконченномъ видѣ переводъ Волкова—солидный и добросовѣстный трудъ. Въ этомъ переводѣ много иностран-

ныхъ словъ (акція, апроши, инвенторъ, кавалеръ, контравалаціонный, махина въ см. машина, циркумвалаціонный, эволюція) и новыхъ выраженій (баранный, облеженіе, окружательный, осаждатель, смѣльство, старичный и др.).

П. Черняевъ.

Продолженіе будетъ.

Максимъ Горькій—
литературная характеристика *).

Справедливость требуетъ сказать, что, кромѣ симпатичныхъ и, такъ сказать, героическихъ босяковъ, у Горькаго есть типы иного сорта. Я остановлюсь только на одномъ изъ нихъ, на героѣ разсказа: «Проходимецъ». Этотъ разсказъ—великолѣпное созданіе нашего автора. Любопытно, что, говоря о босякахъ Горькаго, обыкновенно забываютъ о проходимцѣ, такъ называемомъ дворянинѣ Промтовѣ. Это обстоятельство, впрочемъ, понятно: «Проходимецъ» представляетъ рѣзкую противоположность прочимъ босякамъ Горькаго и никакъ не укладывается въ рамки, заранѣе намѣчаемыя критиками. Но мы тѣмъ болѣе цѣнимъ этотъ разсказъ, такъ какъ онъ, кромѣ огромной талантливости автора, убѣдительнѣйшимъ образомъ доказываетъ, что непосредственная жизнь, правда во всей ея наготѣ, Горькому дороже всѣхъ теорій.—Въ одинъ дождливый осенній вечеръ нашъ авторъ принужденъ былъ заночевать подъ хлѣбнымъ магазиномъ, такъ какъ въ деревнѣ никто не хотѣлъ пустить на ночь прохожаго. Здѣсь, подъ поломъ, при обстановкѣ, не особенно завидной, лежалъ другой искатель приключеній, назвавшій себя дворяниномъ Павломъ Игнатьевичемъ Промтовымъ. Завязалось знакомство. Лже-дворянинъ Промтовъ оказался очень интереснымъ босякомъ, совсѣмъ не похожимъ на обычный репертуаръ героевъ Горькаго. Вотъ краткая біографія господина

---

*) Оконч. Начало см. в. I. 1904 г.

Промтова, изложенная имъ самимъ. Его выгнали изъ шестого класса гимназіи за шашни съ инспекторскою горничною. Потомъ онъ сидѣлъ въ острогѣ, какъ политическій преступникъ; былъ хористомъ въ Нижнемъ; поступилъ въ оперетку. Онъ имѣлъ, по его словамъ, огромный успѣхъ у женщинъ и былъ съ ними крайне циниченъ. «Наружность страстнаго брюнета, прошлое политическаго преступника,—дамы въ восторгѣ», такъ самъ онъ характеризуетъ себя (Горьк. III, 215). Опереточный успѣхъ возбудилъ въ немъ ненависть и отвращеніе къ людямъ. За какую-то таинственную и, безъ сомнѣнія скандальную исторію его сослали въ глухой уѣздный городъ. Съ нимъ бѣжала одна молодая купчиха, которая здѣсь стрѣляла въ него, а сама утопилась. Оправившись отъ раны, Промтовъ поступилъ секретаремъ въ полицію. Тутъ объяла его удручающая скука, и скука довела его до женитьбы, отъ которой онъ еще больше заскучалъ: бросилъ жену, поступилъ въ дьячки, оставилъ эту профессію и сдѣлался интимнымъ другомъ и помощникомъ одной особы, занимавшейся мучнымъ дѣломъ. Умѣренно обворовавъ ее, онъ сколотилъ небольшой капиталецъ и добился права жить въ Петербургѣ, гдѣ поспѣшилъ поступить на содержаніе. Скоро за подлогъ былъ высланъ, бродяжничалъ, былъ сыщикомъ, репортеромъ, опять бродягой и босякомъ. Какъ видите, біографія очень интересна. Конечно, всему этому вѣрить нельзя, какъ и вообще всему, что повѣствуютъ Промтовы. Да онъ и самъ говоритъ: «Я разсказываю факты моей жизни кратко и поверхностно... Да и суть не въ фактахъ, а въ настроеніяхъ. Фактъ—одна дрянь и мусоръ» (III, 226) Настроенія плодятъ факты, они творятъ мысли и идеалы. А знаете вы, что такое идеалъ? Хе! Это просто костыль, придуманный въ ту пору,

когда человѣкъ сталъ плохимъ скотомъ и началъ ходить на однихъ заднихъ лапахъ. Поднявъ голову отъ сырой земли, онъ увидѣлъ надъ ней голубое небо и былъ ослѣпленъ великолѣпіемъ его ясности. Тогда онъ по глупости сказалъ себѣ: «я достигну его! И съ той поры онъ шляется по землѣ съ этимъ костылемъ, держась при помощи его до сего дня все еще на заднихъ лапахъ».. (III, 227). Въ другомъ мѣстѣ этотъ проходимецъ говоритъ такъ: «...можетъ-быть, всякая ложь—хороша, или же, наоборотъ, все хорошее—ложь... Ложь нельзя называть вредной, поносить ее всячески, предпочитать ей истину... еще не извѣстно вѣдь, что она такое, эта истина, никто не видалъ ея паспорта.. и, можетъ-быть, она чертъ знаетъ, чѣмъ окажется» (III 227). Однимъ словомъ, морали у проходимца никакой. Промтовъ признаетъ только силу разума. «Умъ—это силища», говоритъ онъ... «Вѣрьте въ умъ и никогда не пропадете. Знайте, что каждый человѣкъ содержитъ въ себѣ дурака и мошенника: дуракъ—его чувство, а мошенникъ—умъ. Чувство потому глупо, что оно прямо и правдиво, и не умѣетъ притворяться, а развѣ можно жить и не притворяться? Необходимо притворяться, даже изъ жалости къ людямъ это нужно».... (230).

Такова мораль Промтова: его поступки, конечно, служатъ только иллюстраціей его нравственныхъ взглядовъ. Промтовъ вороватъ, циниченъ, безсердеченъ, лживъ; зайдя въ деревенскую избу, онъ начинаетъ безсовѣстно лгать мужикамъ, передавая будто бы новые законы о всеобщемъ передѣлѣ земли, сообщая невозможные медицинскіе совѣты въ родѣ настоя на дождевыхъ червяхъ. За это ему обильно даютъ «пищевой продуктъ». Питаясь чужимъ трудомъ, Промтовъ тѣмъ не менѣе считаетъ болѣе пріятнымъ не просить, а вы-

нуждать подаянія. Вотъ какъ онъ получаетъ, выражаясь его словами, «пищевой продуктъ». Когда Промтовъ, въ сопровожденіи Горькаго, вошелъ въ деревенскую улицу, на его выразительномъ лицѣ явилась скорбная мина, глаза стали глупыми, весь онъ согнулся, сжался, и лохмотья на немъ стали стоймя, какъ плавники ерша. У одной хаты подъ окномъ стояла женщина, кормя грудью ребенка. Промтовъ поклонился ей и просительно сказалъ: «Ненько моя! А дайте жъ страннымъ людямъ хлѣба!»

— Не погнѣвайся! отвѣчала женщина, окинувъ насъ подозрительнымъ взглядомъ.

— «Чтобъ у тебя въ грудяхъ сперло, суча дочка», пожелалъ ей Промтовъ. Женщина взвизгнула, какъ ужаленная, и бросилась къ намъ.

— Ахъ вы ..

Промтовъ, не двигаясь съ мѣста, смотрѣлъ ей въ лицо своими черными глазами, и выраженіе ихъ было дико и зловѣще. Баба поблѣднѣла, вздрогнула и, что-то пробормотавъ, быстро пошла въ хату. Конечно, можно было ожидать, что баба вышлетъ своего мужа съ вилами противъ лихого человѣка; на дѣлѣ, чего и ожидалъ Промтовъ, вышло иное. Женщина вынесла полкорован хлѣба и солидный шмотокъ сала. Молча и низко поклонившись Промтову, она просительно сказала ему: «Пожалуйста, возьмите, человѣче Божій, не гнѣвайтесь!».

— Спаси тебя Боже отъ злого ока, отъ ворожбы и трясцы!... внушительно напутствовалъ ее Промтовъ.—

Свой способъ добывать пропитаніе онъ изъяснялъ такъ: «Если на бабу стрѣльнуть хорошенько глазами,—она приметъ за колдуна, испугается и не только хлѣба—всю мужнину «кишеню» цѣликомъ отдастъ. Для чего мнѣ просить и унижаться передъ ней, когда я могу

приказывать? Я всегда думалъ, что лучше вырвать, чѣмъ выпросить.., ну, а если нельзя вырвать, конечно, надо просить»..—Ясно, что у проходимца нѣтъ никакой совѣсти. Это онъ самъ со свойственной ему наглостью утверждаетъ: «какое мнѣ дѣло до чужой спины?» спрашиваетъ онъ (211). Нѣтъ законовъ, иныхъ, развѣ во мнѣ», провозглашаетъ онъ (212).

Вотъ мораль и поступки проходимца! Къ чести Промтова нужно сказать, что онъ имѣетъ о своей особѣ вѣрное представленіе и знаетъ себѣ настоящую цѣну. «Я увѣренъ», говоритъ онъ: «что если меня когда-нибудь будутъ бить—меня не изувѣчатъ, а убьютъ. На это нельзя обижаться и было бы глупо этого бояться» (III, 235).

Этотъ великолѣпный типъ весьма важенъ для пониманія нравственныхъ взглядовъ нашего автора на изображаемыя имъ явленія жизни. Читатель повѣсти Горькаго: «Проходимецъ», ни на мгновеніе не сомнѣвается, какъ смотритъ авторъ на лже-дворянина Промтова: нравственная брезгливость автора сквозитъ вездѣ. А между тѣмъ Павелъ Игнатьевичъ Промтовъ—краса и цвѣтъ босячества, послѣднее слово ницшеанской морали на практикѣ. Промтовъ не только отвлеченно, въ теоріи, переоцѣнилъ цѣнности, но свою переоцѣнку въ широчайшихъ размѣрахъ примѣняетъ въ жизни. И тѣмъ не менѣе онъ крайне не симпатиченъ какъ читателю, такъ и автору, тогда какъ Коноваловъ, Орловъ, Аристидъ Кувалда, Мальва и другіе босяки разныхъ половъ—возбуждаютъ наше участіе. И это понятно: босяки послѣдней категоріи и въ своемъ паденіи сохранили въ душѣ искру правды и добра, а проходимецъ Промтовъ свое нравственное паденіе сдѣлалъ прибыльнымъ и пріятнымъ для себя ремесломъ.

У Горькаго есть еще разсказъ: «Мой спутникъ», въ которомъ выводится еще безсовѣстная личность—грузинскій князь Шакро. Недоброжелатели Горькаго здѣсь усмотрять явное вліяніе Ницше. Дѣйствительно, князь Шакро—сильное, настоящее животное, наслѣдственный хищникъ, совершенно не знающій нравственнаго закона; его принципъ пользоваться чужимъ, гдѣ можно и какъ можно. Въ разсказѣ проведена параллель между альтруистомъ и эгоистомъ, при чемъ первый, просвѣщенный и гуманный, оказывается въ глупомъ положеніи работника у человѣка дикаго и тупого, но твердо убѣжденнаго въ своемъ правѣ господствовать и повелѣвать. Послѣ четырехмѣсячной рабской службы своему спутнику разсказчикъ былъ обманутъ и брошенъ самымъ мошенническимъ образомъ, но онъ нисколько не сердился на него. Въ разсказѣ звучитъ грустная нота. Авторъ раздумываетъ «о великомъ несчастіи тѣхъ людей, которые, вооружившись новой моралью (христіанской), новыми желаніями, одиноко ушли впередъ и потерялись въ жизни, и встрѣчаютъ на дорогѣ своей спутниковъ, чуждыхъ имъ, неспособныхъ ихъ понимать. Тяжела жизнь такихъ одинокихъ». Авторъ грустить объ участи такихъ людей, но уподобляетъ ихъ «сѣменамъ добрыхъ злаковъ», нуждающихся въ плодотворной почвѣ». Какъ видите, это чисто христіанская мораль и даже почти библейскій языкъ. У читателя князь Шакро вызываетъ брезливость и негодованіе. Но Горькій относится къ нему съ всепрощающей любовью и снисхожденіемъ, какъ къ больному ребенку. «Я часто вспоминаю о немъ съ добрымъ чувствомъ и веселымъ смѣхомъ», говоритъ онъ.

Не рѣдко въ печати, собственно въ газетной прессѣ, можно встрѣтить заявленія, что Горькій опасный и

вредный писатель: будучи проникнутъ идеями философа Ницше, Горькій—де смѣшиваетъ нравственныя понятія: онъ изображаетъ своихъ босяковъ сверхъ-человѣками, а они на самомъ дѣлѣ подъ—человѣки. . Самымъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ такихъ взглядовъ служитъ проходимецъ Промтовъ съ княземъ Шакро и извѣстное уже намъ отношеніе Горькаго къ ультра-ницшеанскимъ воззрѣніямъ изображенныхъ имъ этихъ проходимцевъ.

Въ 1899 году въ журналѣ: «Жизнь», былъ помѣщенъ большой романъ Горькаго: «Ѳома Гордѣевъ». До этого времени Горькій почти исключительно изображалъ босяцкій міръ. Въ «Ѳомѣ Гордѣевѣ» затронута другая среда—наше купечесство.

Горькій изображаетъ двѣ категоріи купечества: прежнее и современное. Представителемъ прежняго, дореформеннаго купечества служитъ Игнатъ Гордѣевъ. Изъ простыхъ судорабочихъ онъ выбивается въ хозяева и самъ становится виднымъ на Волгѣ пароходчикомъ. Въ повѣсти мы уже застаемъ его на вершинѣ жизни, которая вся ушла въ борьбу за богатство и въ страстную любовь къ сыну, маленькому Ѳомѣ. Игнатъ Гордѣевъ—личность не выдуманная: на Волгѣ часто попадаются такіе типы, а прежде они были еще чаще. Вотъ какъ самъ авторъ характеризуетъ Игната: «Богатырски сложенный, красивый и не глупый, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которымъ всегда и во всемъ сопутствуетъ удача—не потому, что они талантливы и трудолюбивы, а скорѣе потому, что, обладая огромнымъ запасомъ энергіи, они по пути къ своимъ цѣлямъ не умѣютъ, даже не могутъ задуматься надъ выборомъ средствъ и, помимо своего желанія, не знаютъ иного закона. Иногда они со страхомъ говорятъ о своей совѣсти, порою искренно мучатся въ борьбѣ съ нею, но

свѣсть,—это сила непобѣдимая лишь для слабыхъ духовъ; сильные же быстро овладѣваютъ ею и порабощаютъ ее своимъ желеніямъ, ибо они безсознательно чувствуютъ, что если дашь ей просторъ и свободу,—она изломаетъ жизнь». Словомъ, Игнатъ Гордѣевъ—цѣльная, непосредственная натура, которая всякому движенію отдается вся, со стихійной энергіей. Къ этому разряду купца стараго типа, кромѣ Игната Гордѣева, слѣдуетъ отнести лѣсоторговца Ананія Щурова. Купецъ Яковъ Маякинъ служитъ какъ бы переходнымъ типомъ отъ стараго къ современному типу купечества. Ко второй категоріи,—молодого купечества, принадлежатъ молодые люди изъ купеческихъ семей, получившіе высшее образованіе, общее или техническое, побывавшіе за границею и вернувшіеся на родину съ непреклоннымъ намѣреніемъ превратить русское купечество въ комерсантовъ и негоціантовъ на западный ладъ. Въ повѣсти Горькаго выведено два представителя этихъ новыхъ людей. Таковъ сынъ Маякина Тарасъ. Онъ началъ протестомъ, вслѣдствіе чего былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе на шесть лѣтъ. Отецъ, конечно, проклялъ его и запретилъ произносить его имя въ домѣ. Но, отбывъ срокъ наказанія, Тарасъ съ видоизмѣненными политическими взглядами сначала скромно пристроился въ контору, потомъ выгодно женился и открылъ въ товариществѣ выгодное дѣло. Когда все это выяснилось для отца, Яковъ Маякинъ съ распростертыми объятіями принялъ своего нѣкогда блуднаго, а теперь возрожденнаго сына, предвидя въ немъ великаго коммерческаго дѣльца. Еще ярче изображенъ другой представитель молодого купечества, не омраченный ни единымъ пятнышкомъ—Африканъ Дмитріевичъ Смолинъ. Онъ намѣренъ построить кожевенный заводъ, для чего нужны деньги, съ каковою цѣлью

Африканъ женится на засидѣвшейся въ дѣвицахъ дочери Якова Маякина. Слѣдовательно, для Африкана кожевенный заводъ и женитьба—явленія одного порядка, предпріятія чисто коммерческія. Принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства, Африканъ по пальцамъ высчитываетъ, что кожа при существующихъ цѣнахъ на говядину обойдется ему даромъ, а крупная фабрика убьетъ всякую конкурренцію, такъ что другимъ, мелкимъ производителямъ, будетъ «гробъ и крышка», какъ выражается будущій тесть Африкана—Яковъ Маякинъ. Далѣе, въ разговорѣ съ Маякинымъ Африканъ заявляетъ, что онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами собирается купить мѣстную газету и такимъ образомъ забрать въ свои руки прессу, такъ какъ изданіе газеты, кромѣ защиты интересовъ личности и торговли, даже съ чисто коммерческой точки зрѣнія, можетъ быть очень прибыльнымъ дѣломъ.

Тарасъ Маякинъ и Африканъ Смолинъ говорятъ сами за себя, и, можетъ-быть, журналистъ Ежовъ (одно изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти) правъ, говоря, что «либеральные купцы новѣйшаго типа представляютъ помѣсь волка съ жабой и змѣей»...

Ни къ одной изъ указанныхъ разновидностей купечества не принадлежитъ Ѳома Гордѣевъ, главное дѣйствующее лицо повѣсти. Ѳома, оставшись послѣ смерти отца обладателемъ милліоннаго состоянія, не увлекается нимало дѣловой стороной жизни. Для него это лишь внѣшность, не имѣющая значенія; онъ ищетъ сущности жизни, ея смысла, и никакъ не можетъ уяснить себѣ цѣли и (смысла) своего существованія. Его пьянство, кутежи, дикія выходки не даютъ исхода природнымъ силамъ, и бѣдный Ѳома бьется въ тѣхъ путахъ, которыми для него являются его богатство и происхожденіе

изъ душной купеческой среды. Онъ хотѣлъ бы уйти и бросить все, лишь бы на немъ не тяготѣла отвѣтственность за эти милліоны и связанные съ ними потъ и кровь другихъ. Въ головѣ его, гдѣ бродятъ лишь смутныя мысли, все это не формулируется ясно, но нѣчто въ этомъ родѣ онъ смутно чувствуетъ и къ этому стремится. Его крестный отецъ, Яковъ Маякинъ, силится заинтересовать Ѳому торговымъ дѣломъ, соблазнить его тою властью, которую даютъ деньги; пытается создать ему семейную жизнь; но всѣ его попытки безполезны. Пьянство и безобразія доводятъ Ѳому до того, что купечество объявляетъ его сумасшедшимъ, а надъ его имуществомъ Маякинъ назначается опекуномъ. Ѳому сначала посадили въ сумасшедшій домъ, а послѣ выхода оттуда отправили куда-то на Уралъ, къ родственникамъ матери; а затѣмъ, вернувшись въ городъ, Ѳома поселился у сестры на дворѣ, во флигелькѣ, и началъ появляться на улицахъ города, истертый, измятый, почти всегда выпившій, то мрачный, то съ жалкой и грустной улыбкой юродиваго. Знающіе его купцы и горожане часто смѣются надъ нимъ, кричатъ ему вслѣдъ: «Эй ты пророкъ! Подь сюда! Ну-ка! Насчетъ свѣтопреставленія скажи слово, а? Хе-хе-хе! Про-орокъ!»

Въ художественномъ отношеніи повѣсть: «Ѳома Гордѣевъ», принадлежитъ къ неудачнѣйшимъ. Особенно смутно и неясно очерченъ самъ Ѳома. Онъ изображается то мистикомъ, искателемъ правды, то пьяницей, то тупицей, не понимающимъ простыхъ вещей; зато иногда Ѳома говоритъ умныя и язвительныя вещи; конечно, въ послѣднемъ случаѣ устами Ѳомы говоритъ самъ авторъ.— Повѣсть не имѣетъ отчетливаго плана, страдаетъ длиннотами; авторъ бродитъ какъ бы впотьмахъ, ясно не имѣя предъ собою цѣли. И при всемъ томъ читатель

поражается массой тонко подмѣченныхъ и ярко изображенныхъ отдѣльныхъ штриховъ, есть страницы великолѣпныя, по большей части отдѣльныя картины. Совершенно такой же отзывъ принуждены мы дать и о второй большой повѣсти Горькаго: «Трое». Здѣсь Горькій изобразилъ судьбу трехъ крестьянскихъ мальчиковъ, попавшихъ въ городъ. Двое изъ нихъ погибло, а судьба третьяго, Павла, остается не достаточно выясненной. Особенно смутно и сбивчиво рисуетъ намъ Горькій характеръ главнаго дѣйствующаго лица—Ильи Лунева. Отъ природы умный и энергичный, онъ могъ бы достигнуть значительныхъ успѣховъ въ жизни, и на самомъ дѣлѣ становится хозяиномъ галантерейной лавки. Но Горькій почему-то дѣлаетъ Лунева убійцей. Лунева терзаютъ какія-то сомнѣнія, не укоры совѣсти, какъ результатъ убійства, а не то зависть къ другимъ людямъ, не то тоска, что онъ не видитъ смысла въ жизни. Очаровательно и трогательно начало повѣсти, гдѣ изображается жизнь дѣтей въ закоулкахъ широкаго двора пригороднаго трактира. Но, чѣмъ дальше развертываетъ авторъ свою повѣсть, тѣмъ болѣе путаницы выступаетъ предъ читателемъ. Конецъ повѣсти прямо нелѣпъ: Луневъ разбиваетъ свою голову о стѣну... и такой конецъ тѣмъ болѣе страненъ, что онъ совершенно ничѣмъ не мотивированъ. Конечно, и въ повѣсти: «Трое», многія страницы превосходны. Вообще большія произведенія Горькому не удаются: онъ можетъ дать великолѣпную картину, рядъ яркихъ образовъ; можетъ схватить и живо передать поразившій его типъ,—здѣсь нуженъ только талантъ, онъ у Горького и имѣется налицо, и потому многіе изъ его мелкихъ разсказовъ великолѣпны. Въ большомъ же произведеніи необходимъ стройный планъ, строгое соотвѣтствіе частей, умѣнье противопоставить

картины по законамъ сходства и контраста, а главное— автору всегда должно имѣть въ виду свою цѣль, тенденцію, къ выясненію которой онъ стремится. Для всего этого необходимо имѣть широкій кругозоръ и дисциплированный умъ. А этого у Горькаго мы не видимъ. Не касаясь пока біографіи нашего автора, какъ на причину тому мы пока укажемъ на порывистость и страстность темперамента Горькаго. Высказанное положеніе можно было бы достаточно иллюстрировать анализомъ разсказовъ: «Двадцать шесть и одна» и «Васька Красный». Эти разсказы идейны и написаны съ огромнымъ талантомъ... Все-таки я не откажу себѣ въ удовольствіи коснуться одного изъ разсказовъ Горькаго подъ названіемъ: «Кирилка», тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ нѣчто общее съ разсказомъ: «Двадцать шесть и одна», заключая въ себѣ глубокій символическій смыслъ (конечно символизмъ не въ декадентскомъ духѣ). Въ разсказѣ изображаются нѣсколько проѣзжихъ, принужденныхъ ожидать переправы, вслѣдствіе внезапнаго вскрытія рѣки. Здѣсь были—дьячекъ Исай, земскій начальникъ Сущовъ и купецъ Мамаевъ. Здѣсь же былъ и перевозчикъ Кирилка—мужиченко на кривыхъ ногахъ, въ рваномъ полушубкѣ, туго подпоясанный, перегнувшійся впередъ и какъ бы застывшій въ поклонѣ господамъ. Маленькое, сморщенное лицо его поросло рѣдкой сѣрой бородкой, глаза были спрятаны въ мѣшкахъ морщинъ, тонкія темныя губы были сложены въ улыбку, и въ ней одновременно соединились почтительность съ насмѣшкой и глупость съ плутовствомъ. Изъ безчисленныхъ дыръ его полушубка высовывались клочья грязной овчины, и весь этотъ человѣкъ казался изжеваннымъ, какъ будто сейчасъ вырвался изъ какой-то огромной пасти, пытавшейся сожрать его. О переправѣ нечего и думать, такъ какъ рѣка вне-

запно разгулялась, но, по обычаю русскаго человѣка искать виновнаго, всѣ обрушиваются на злополучнаго Кирилу. Кипятится больше всего земскій, какъ представитель власти; купецъ заискивающе ему поддакиваетъ, такъ какъ ему не съ руки расходиться во взглядахъ съ начальствомъ; дьячокъ благоразумно придерживается нейтралитета, а Кирилка вполнѣ философски спокоенъ, сознавая полную свою непричастность къ поведенію рѣки и невозможность переслушать всѣ пустыя рѣчи, раздающіяся вокругъ него. Пока путники бранили мужика вообще и Кирилку въ частности, всѣ сильно проголодались: но ни у кого ничего съѣстнаго не было. И представьте себѣ общій восторгъ, когда вдругъ у Кирилки за пазухой оказалось фунта съ два хлѣба. Земскій отобралъ хлѣбъ, который и былъ раздѣленъ между всѣми путниками, конечно, кромѣ Кирилки. Хлѣбъ былъ отвратительный, болѣе похожій на глину, съ запахомъ потной овчины и кислой капусты. Но... брезгливо морщась, путники мигомъ съѣли его до крошки, при чемъ земскій разражается новыми филиппиками на Кирилу за недородъ, за плохое качество хлѣба.

Наконецъ, рѣка расчистилась; подъѣхали лодки, и путники усѣлись въ нихъ и отчалили отъ берега. Когда лодки отчалили, Кирилка добродушно крикнулъ перевозчику: Дядя Антонъ! за почтой поѣдешь, хлѣбъ мнѣ привезите,—слышь? Господа-то, пути ожидаючи, краюшку у меня съѣли, а одна была!» Въ этой сжатой передачѣ трудно представить всю жизненность этого очерка, цѣликомъ выхваченнаго изъ жизни. Но тенденція автора ясна: въ интеллигентныхъ сферахъ мы часто можемъ слышать, какъ безпощадно честятъ мужика—пьяницей, лѣнтяемъ, лежебокомъ; но здѣсь упускается изъ виду одно обстоятельство: всѣ мы ѣдимъ Кирил-

кимъ хлѣбъ. И съ этимъ фактомъ нельзя не согласиться.

Извѣстно, что всякій писатель наиболѣе высказывается въ одномъ какомъ-нибудь произведеніи, а остальныя его сочиненія служатъ развитіемъ или пополненіемъ его главной мысли. Такого центральнаго произведенія, которое выражало бы квинтъ-ессенціи взглядовъ Горькаго, мы пока не имѣемъ, хотя у него есть превосходнѣйшіе отдѣльныя небольшія разсказы. Это обстоятельство можетъ зависѣть отъ того, что Горькій очень недавно выступилъ на литературное поприще. Во всякомъ случаѣ, какъ художникъ и новаторъ, Горькій достаточно высказался, и въ этомъ отношеніи его литературная физіономія достаточно опредѣлена. Этого совершенно нельзя сказать объ идейной сторонѣ творчества Горькаго. Онъ выступилъ съ новымъ въ литературѣ типомъ босяка, что было новымъ и интереснымъ явленіемъ. Этотъ типъ съ разными его разновидностями онъ успѣлъ уже достаточно и исчерпать. Повторенія вообще надоѣдливы, и Горькій отлично это понимаетъ. Отъ босяковъ онъ перешелъ къ изображенію купечества и крестьянъ, перешедшихъ въ условія городской жизни. Таковы его повѣсти: «Ѳома Гордѣевъ» и «Трое». Въ цѣломъ эти произведенія уступаютъ его болѣе раннимъ произведеніямъ, посвященнымъ босячеству; но превосходятъ ихъ широтой кругозора, такъ сказать, исторической перспективой. Жизнь идетъ впередъ, выдвигаетъ новые вопросы, способствуетъ выработкѣ новыхъ взглядовъ, новыхъ общественныхъ комбинацій. Настоящій художникъ, кого мы несомнѣнно видимъ въ лицѣ Горькаго, какъ органъ воспріятія общества, долженъ отражать въ себѣ явленія жизни и претворять ихъ въ образы. Такъ Горькій и поступаетъ. Послѣднее его произведеніе, не прерывая

связи съ предшествующей дѣятельностью Горькаго, даетъ намъ совершенно новые типы. Говоримъ о пьесѣ: «Мѣщане». Собственно это не драма, но и не комедія: это драматическій эскизъ, какъ самъ авторъ назвалъ свое произведеніе. Форма произведенія совершенно не подходитъ къ обычнымъ формамъ сценическихъ произведеній. Здѣсь нѣтъ ни завязки, ни развязки. Конечно, отъ этого пьеса проигрываетъ въ цѣльности и опредѣленности впечатлѣнія на зрителя. Но, несмотря на это, «Мѣщане» производятъ сильное впечатлѣніе, такъ какъ авторъ коснулся жгучихъ вопросовъ времени. Въ основѣ пьесы — старая борьба между отцами и дѣтьми, старая житейская и литературная исторія. Горькій одинаково отнесся неодобрительно и къ тѣмъ, и другимъ; впрочемъ, дѣтямъ досталось больше. Я не буду передавать содержанія «Мѣщанъ», да это въ сущности и невозможно: все дѣло въ настроеніяхъ, изображаемыхъ авторомъ. А этого никакими пересказами, характеристиками и критиками нельзя достигнуть: для этого необходимо если не посмотрѣть, то покрайней мѣрѣ прочесть пьесу. По паѳосу это сильнѣйшее произведеніе Горькаго. Авторъ выступаетъ съ страстными филиппиками противъ общества. Страстный и увлекающійся, онъ бросаетъ намъ укоры, что мы искусственно дѣлаемъ жизнь сложной, тогда какъ она проста; что мы превращаемъ ее въ несчастье и горе, а на самомъ дѣлѣ жизнь счастье и радость; мы дряблы, лишены чувства свободы, не способны ни на что смѣлое и рѣшительное, лишены инстинкта борьбы... и вотъ жизнь принадлежитъ другимъ, тѣмъ, кто бодръ и веселъ, кто умѣетъ бороться, кто слѣдуетъ своимъ влеченіямъ и понимаетъ жизнь просто, находя удовольствіе и въ добрыхъ отношеніяхъ съ людьми, и въ борьбѣ съ ними.

Таковъ общій смыслъ пьесы Горькаго. Для своей

тенденція автору было необходимо представить два разряда лицъ. Къ разряду пошлаго мѣщанства Горькій отнесъ старика Безсѣменова съ женою, ихъ сына, бывшаго студента, Петра и его сестру Татьяну, школьную учительницу. Для насъ сразу ясно, что старикъ Безсѣменовъ весь ушелъ въ мелочной расчетъ и житейскія дрязги. Его дѣти, Петръ и Татьяна—люди неглупые, съ образованіемъ, но крайне апатичные и лишенные всякой воли. Почему они таковы? Авторъ не даетъ на это отвѣта. Самымъ сильнымъ представителемъ иного направленія авторомъ выставленъ Нилъ, воспитанникъ Безсѣменова. Онъ всегда бодръ, веселъ. «Мнѣ всегда весело», говоритъ Нилъ въ первомъ актѣ. «Я жить люблю, люблю шумъ, работу, веселыхъ простыхъ людей», говоритъ онъ во второмъ актѣ. Нилъ любитъ сильныя ощущенія, изобличающія въ немъ натуру борца:

«Я ужасно люблю ковать», говоритъ Нилъ: «Предъ тобой красная безформенная масса, злая, жгучая... Бить по ней молотомъ—наслажденіе. Она плюетъ въ тебя кипящими, огненными плевками, хочетъ выжечь тебѣ глаза, ослѣпить, оттвырнуть отъ себя. Она живая, упругая... И ты сильными съ плеча ударами дѣлаешь изъ нея все, что тебѣ нужно»... Вотъ еще тирада Нила: «Ѣздить на скверныхъ паровозахъ осенними ночами подъ дождемъ и вѣтромъ или зимою, въ мятель, когда вокругъ тебя нѣтъ пространства, все на землѣ закрыто тьмой, завалено снѣгомъ, утомительно... Ѣздить въ такую пору трудно, опасно, если хочешь, и все же въ этомъ есть своя прелесть»... На всѣ средства души удовлетворю мое желаніе вмѣшаться въ самую гущу жизни... мѣсить ее и такъ, и этакъ: тому помѣшать, этому помочь... вотъ въ чемъ радость жизни».

Слыша или читая эти слова, мы готовы повѣрить

Нилу, что онъ именно такъ и сдѣлаетъ, что въ немъ большая сила. Къ сожалѣнію, мы должны вѣрить Нилу на слово, такъ какъ въ пьесѣ слышимъ одни только рѣчи, а дѣйствія не видимъ никакого. Правда, на сценѣ происходятъ столкновенія Нила съ Безсѣменовымъ, и вообще иногда представители силы схватываются съ представителями нравственнаго мѣщанства и побѣждаютъ послѣднее. Но побѣждать ничтожныхъ—не велика честь, какъ легко быть великаномъ среди пигмеевъ. Въ этомъ недостатокъ идейной стороны пьесы, которая все-таки даетъ настроеніе, на которое разсчитывалъ авторъ *).

Итакъ, въ Горькомъ, разсматривая его произведенія не съ фактической, а съ идейной стороны, мы должны прежде всего цѣнить поэта настроеній. Онъ охотно и удачно рисуетъ бурныя и грандіозныя картины природы, такъ какъ его неспокойная душа сродна этимъ явленіямъ. У Горькаго есть страстность, темпераментъ, качества, въ малой степени присущія какъ современнымъ писателямъ, такъ и современному обществу. Горькій даже спеціально проповѣдуетъ культъ борьбы: популяризаціи этой идеи посвящены особыя произведенія, написанныя не то стихами, не то прозой: это «Пѣсня о соколѣ» и «Пѣсня о буревѣстникѣ». Въ сочиненіяхъ

*) Послѣдняя пьеса Горькаго: «На днѣ», ни въ сценическомъ, ни въ литературномъ отношеніяхъ не превосходитъ «Мѣщанъ». Мы смотримъ на обѣ эти пьесы, какъ на желаніе автора попытать свои силы на драматическомъ поприщѣ. Онѣ не стоятъ таланта Горькаго, и мы надѣемся, что талантливый писатель подаритъ насъ истинно идейно-художественой пьесой: многія частности обѣихъ пьесъ даютъ полное право надѣяться на это.

Горькаго всюду сквозитъ бурная и мятежная душа автора. Въ этомъ отношеніи Горькій болѣе всего напоминаетъ геніальнаго Лермонтова, при чемъ мы, конечно, не приписываемъ Горькому Лермонтовскаго аристократизма и демонизма. Какъ натура страстная, Горькій не можетъ съ холодною разсудительностью относиться къ изображаемымъ лицамъ и событіямъ. Этого невозможно требовать отъ него, и потому мы сразу видимъ симпатію и антипатію автора. Послѣднее обстоятельство и служитъ причиной нападокъ и нареканій на Горькаго. Но нападки эти далеко не всегда справедливы: у читателя и критика должна быть собственная точка зрѣнія, иногда совсѣмъ отличная отъ авторской. Но факты всегда изображаются Горькимъ вѣрно. Онъ рисуетъ свои картины сильными, увѣренными штрихами, и пораженный читатель новизну изображеннаго Горькимъ литературнаго типа готовъ считать за новое общественное явленіе. Такъ случилось съ босяцкомъ міромъ нашего автора. Босякъ то добродушный, то озлобленный — явленіе обычное не только въ наши дни, но свойственное русской жизни во всѣ времена, — по крайней мѣрѣ былины говорятъ, что, во времена св. Владиміра былъ уже классъ людей, носившихъ характерное имя — «голей кабацкихъ». Эту непокойную вольницу мы видимъ далѣе въ роли то новгородскихъ ушкуйниковъ, то каликъ перехожихъ, то ратниковъ Ермака Тимоѳеевича, то украинскихъ казаковъ, борцовъ за вѣру и отечество По самому свойству своему босякъ — этотъ неспокойный элементъ общества, не можетъ уложиться въ строгія общественныя рамки. Босякъ — какъ бы исключеніе изъ общаго правила цивилизованнаго общества, и, такъ какъ нѣтъ правила безъ исключенія, потому что всякое правило искусственно, то босякъ является непремѣннымъ спутникомъ всякой ци-

вилизаціи. А потому болѣе на Горькаго ни въ какомъ случаѣ нельзя смотрѣть, какъ на проповѣдника и иллюстратора идей Ницше. Философія Ницше—результатъ переоцѣнки цивилизація Западной Европы; переоцѣнка коснулась и нравственности... Горькій же въ своихъ произведеніяхъ является сторонникомъ здравыхъ и общепріятныхъ нравственныхъ устоевъ. Мы видѣли, что проходимецъ Промтовъ ходитъ по крещеной Руси съ дѣйствительно сверхчеловеческой совѣстью, за что авторъ относится къ нему съ нескрываемымъ презрѣніемъ, а иногда и съ негодованіемъ. Вообще нужно сказать: русскій человѣкъ причину всѣхъ отечественыхъ явленій привыкъ искать на Западѣ,—пріемъ иногда плодотворный, иногда ложный. Въ отношеніи Горькаго этотъ пріемъ не состоятеленъ; если признать ницшеанцемъ Горькаго, то придется причислить къ послѣдователямъ Ницше и Пушкина съ Лермонтовымъ, Альфреда Мюссе, Байрона и другихъ поэтовъ, жившихъ значительно раньше Ницше.

Итакъ, литературный успѣхъ и слава Горькаго—прямое слѣдствіе его прекраснаго дарованія. Впрочемъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ раздаются голоса, что Горькій обязанъ своей славѣ исключительно легендѣ о происхожденіи изъ босяцкой среды. Такъ ли это? Мы имѣемъ краткую автобіографію нашего автора, которой и воспользуемся. Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ (онъ же Максимъ Горькій) родился въ 1869 году въ Нижнемъ Новгородѣ въ семьѣ красильщика. Дѣдъ Горькаго, сначала офицеръ въ Сибири, былъ разжалованъ Императоромъ Николаемъ I за жестокое обращеніе съ солдатами. Его сынъ убѣжалъ отъ отца и женился на дочери одного богатого купца, противъ воли ея родителей. Дѣдъ Горькаго съ материнской стороны былъ сначала простымъ бурлакомъ. Горькій лишился отца,

когда ему было 4 года; его мать вышла вторично замужъ и передала мальчика его дѣду, который научилъ его чтенію по псалтыри и часослову, а затѣмъ опредѣлилъ въ школу, гдѣ онъ пробылъ всего пять мѣсяцевъ, такъ какъ заболѣлъ оспой. Мать Горькаго скоро умерла, а дѣдъ разорился, и вотъ всего девяти-лѣтній мальчикъ попадаетъ въ магазинъ обуви; потомъ онъ поступилъ въ ученики къ чертежнику, бѣжалъ и поступилъ въ иконописную мастерскую, потомъ на пароходъ въ поварята, потомъ въ помощники садовника; былъ въ Казани въ крендельномъ заведеніи, торговалъ яблоками, пилилъ дрова, таскалъ грузы. Какъ жилось Горькому, видно изъ того, что въ 1888 г. онъ покушался на самоубійство, по счастью для насъ неудачное. Потомъ Горькій въ Царицынѣ былъ желѣзно-дорожнымъ сторожемъ, потомъ продавалъ баварскій квасъ. Наконецъ, пристроился письмоводителемъ у присяжнаго повѣреннаго Ланина. Однако и послѣ этого бродячая жизнь Горькаго не прекращалась. Въ Тифлисѣ онъ работалъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и въ газетѣ: «Кавказъ», напечаталъ свой первый разсказъ. Въ Нижнемъ въ 1893 г. Горькій познакомился съ Короленкой, который и имѣлъ рѣшающее вліяніе на его литературную карьеру. Въ 1898 г. вышелъ первый сборникъ разсказовъ Горькаго, давшій ему литературное имя. Итакъ, сама жизнь была школой нашего писателя. Систематическаго образованія онъ не получилъ никакого. Своимъ познаніямъ и развитію онъ обязанъ чтенію, конечно, случайному и безсистемному. Но намъ при знакомствѣ съ сочиненіями Горькаго и въ голову не приходитъ, что онъ прошелъ такую исключительную школу и потерпѣлъ столько превратностей судьбы. Привыкнувъ считать способными къ литературной работѣ лишь людей съ высшимъ, законченнымъ

образованіемъ, мы съ трудомъ представляемъ себѣ литератора, литературная подготовка котораго состояла, между прочимъ, въ торговлѣ квасомъ и яблоками... Для всякаго ясно, что отсутствіе систематическаго образованія—важный недостатокъ.

И удивительно, что этотъ важный недостатокъ не-чувствуется при чтеніи сочиненій Горькаго. Очевидно, огромныя дарованія нашего автора съ успѣхомъ преодолѣли то, что тщательно хотѣли скрыть отъ него судьба. Итакъ, литературный успѣхъ Горькаго—не результатъ его біографіи: напротивъ, слава досталась Горькому, совершенно вопреки его біографіи.

Н. Гальковскій.

Димитрій Ивановичъ Тихомировъ.

Димитрій Ивановичъ Тихомировъ занимаетъ видное мѣсто въ числѣ дѣятелей по народному образованію. Посвятивши себя преимущественно начальной школѣ и элементарному обученію, онъ оставилъ въ этой области значительный слѣдъ и не мало способствовалъ усовершенствованію начальнаго обученія.

Димитрій Ивановичъ Тихомировъ родился въ 1844 г. Сынъ сельскаго священника Нерехтскаго у. Костромской губ., Димитрій Ивановичъ первыя десять лѣтъ своей жизни провелъ въ родномъ селѣ, подъ вліяніемъ своего добраго и трудолюбиваго отца и въ общеніи съ крестьянскими дѣтьми.

Это вліяніе и это общеніе оставили на всю жизнь благотворный слѣдъ въ душевномъ складѣ Димитрія Ивановича. Онъ самъ говоритъ, что отецъ его своимъ примѣромъ и своими добрыми убѣжденіями внушилъ ему любовь и уваженіе къ крестьянину, какъ нашему поильцу и кормильцу, что и содѣйствовало его тѣсному сближенію, еще въ періодъ ранняго дѣтства, съ крестьянской средой.

Десяти лѣтъ Димитрій Ивановичъ отданъ былъ въ Костромское духовное училище, гдѣ окончилъ курсъ первымъ ученикомъ. Стѣсненныя матеріальныя средства заставили отца помѣстить сына, по окончаніи имъ курса въ духовномъ училищѣ, въ Ярославскую военную школу на казенный счетъ. По окончаніи здѣсь курса, Димитрій Ивановичъ, какъ лучшій воспитанникъ, переведенъ былъ въ Московскую военно-учительскую семинарію, которая

въ то время была однимъ изъ лучшихъ педагогическихъ учебныхъ заведеній. Въ ней работали такіе преподаватели, какъ—Гедике, Шуфъ, Зенгбушъ, Басистовъ, профессоръ Юркевичъ. Вспоминая о своемъ ученіи въ учительской семинаріи, Димитрій Ивановичъ говоритъ: «можно безъ преувеличенія сказать, что персоналъ семинаріи отличался горячею преданностью своему дѣлу и идеально-добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ. Это были не «служаки»—чиновники, а какъ бы «священнослужители», ставившіе высокимъ званіе учителя и внушившіе намъ, молодымъ людямъ, святую обязанность ставить интересы дѣла выше своихъ личныхъ интересовъ, относиться къ учительству и воспитательству, какъ къ высокой миссіи, а къ дѣтямъ съ неизмѣнною заботливостью и любовію».

Воспитательное вліяніе учительской семинаріи совпало по своему характеру съ вліяніемъ перваго дѣтства и укрѣпило въ душѣ Димитрія Ивановича любовь къ учительству и стремленіе служить народу на почвѣ роднаго образованія.

По окончаніи въ 1866 году курса въ семинаріи, Димитрій Ивановичъ, какъ первый ученикъ, былъ оставленъ при семинарской начальной школѣ въ качествѣ образцоваго учителя. На уроки Димитрія Ивановича приходили какъ ученики, такъ и преподаватели семинаріи. Сознавая, какое значеніе имѣютъ для готовящихся къ учительской дѣятельности наблюдательные уроки образцоваго учителя, Димитрій Ивановичъ внимательно готовился къ своимъ урокамъ; онъ составлялъ подробные конспекты ихъ.

Объ этомъ онъ самъ говоритъ такъ: «имѣя въ виду, что на образцовыхъ урокахъ семинаристы учатся искусству преподаванія, я съ первыхъ же дней моей учи-

тельской дѣятельности пріучился тщательно обдумывать и заранѣе письменно разработывать каждый свой урокъ, взвѣшивать каждое свое слово въ классѣ и со вниманіемъ относиться къ каждому своему шагу.

После каждаго урока Димитрій Ивановичъ провѣрялъ, что изъ написаннаго въ конспектѣ вышло на урокѣ удачно и что не вполнѣ удачно. Въ последующіе годы онъ пополнялъ и измѣнялъ ранѣе составленные конспекты и такимъ образомъ у него мало-помалу накоплялся методическій матеріалъ, который и вошелъ въ составъ его методическихъ трудовъ по обученію отечественному языку. Кромѣ внимательной подготовки къ урокамъ, педагогическому усовершенствованію Димитрія Ивановича способствовало также участіе его въ педагогическихъ конференціяхъ семинаріи, на которыхъ разбирались практическія работы семинаристовъ.

Тому же способствовало самостоятельное изученіе существовавшихъ тогда педагогическихъ сочиненій и внимательное чтеніе издававшихся тогда педагогическихъ журналовъ.

Занимаясь днемъ въ начальной школѣ при семинаріи, Димитрій Ивановичъ по вечерамъ безвозмездно работалъ въ школѣ для взрослыхъ, открытой имъ вмѣстѣ съ другими учителями при одной изъ московскихъ фабрикъ. Успѣшность занятій Димитрія Ивановича обратила на себя вниманіе лицъ заинтересованныхъ дѣломъ народнаго образованія.

Въ 1870 году Димитрій Ивановичъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Московскаго комитета грамотности. Принимая живое участіе въ разработкѣ многихъ существенныхъ вопросовъ народнаго образованія (о содержаніи курса народной школы, о методѣ и пріемахъ преподаванія, о программѣ для народныхъ школъ

о выработкѣ программъ краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ для народныхъ учителей и т. д.), Димитрій Ивановичъ выяснялъ себѣ рѣшеніе этихъ вопросовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширялъ свой педагогическій кругозоръ. Одновременно съ этимъ онъ пріобрѣталъ извѣстность выдающагося педагога. Его стали приглашать въ разные города руководителемъ краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ для учителей земскихъ школъ. И выдающимся онъ былъ руководителемъ: своими образцовыми уроками, своими сообщеніями и бесѣдами, своимъ увлеченіемъ дѣломъ обученія дѣтей онъ оказывалъ благотворное вліяніе на слушателей.

Кромѣ того, попечители и содержатели многихъ фабричныхъ школъ стали просить его заняться устройствомъ этихъ школъ. И онъ, принявши на себя этотъ трудъ, поднималъ школы до образцоваго состоянія. Такъ, напр., получивъ предложеніе заняться улучшеніемъ школы при фабрикѣ Морозова (во Владимірской губ.), Димитрій Ивановичъ, нашедши эту школу въ самомъ убогомъ положеніи (учениковъ было мало, занятія шли плохо), въ короткое время довелъ эту школу до такого состоянія, что учебное начальство посылало учителей другихъ школъ поучиться, какъ ведется дѣло обученія и воспитанія въ Морозовской фабричной школѣ. Такое же преобразованіе было совершено Димитріемъ Ивановичемъ и въ школѣ при фабрикѣ Товарищества Тверской мануфактуры, и въ нѣкоторыхъ другихъ школахъ.

Въ 1874 году Димитрій Ивановичъ былъ избранъ инспекторомъ школъ Московскаго патріотическаго общества, а вскорѣ затѣмъ ему предложено было принять на себя дѣятельность наблюдателя за учебною частью въ школахъ Дамскаго попечительства о бѣдныхъ. Мно-

го прилежно потрудиться Димитрію Ивановичу для устройства и учебной, и воспитательной части въ школахъ названныхъ обществъ.

Съ открытіемъ въ Москвѣ въ 1872 году постоянныхъ педагогическихъ курсовъ, устроенныхъ Московскимъ Обществомъ воспитательницъ и учительницъ, Димитрій Ивановичъ состоялъ лекторомъ по методикѣ русскаго языка и руководителемъ практическими занятіями слушательницъ-учительницъ этихъ курсовъ.

Такая масса разнообразныхъ занятій требовала далеко большаго количества времени, чѣмъ какимъ располагалъ Димитрій Ивановичъ. И послѣдній долженъ былъ въ 1877 году оставить свои занятія въ семинарской школѣ, въ которой онъ трудился болѣе десяти лѣтъ съ большою пользою какъ для учениковъ школы и семинаріи, такъ и для собственнаго педагогическаго самоусовершенствованія.

Одновременно съ своею практическою педагогическою дѣятельностью Димитрій Ивановичъ составлялъ свои руководства по начальному обученію и по методикѣ этого обученія. И руководства эти являются собственно плодами его практической дѣятельности. Каждое его руководство въ послѣдующихъ изданіяхъ представляетъ значительныя улучшенія сообразно указаніямъ опыта, что и показываетъ, что Димитрій Ивановичъ постоянно совершенствовался въ педагогическомъ дѣлѣ.

Первымъ по времени составлена была Димитріемъ Ивановичемъ «Азбука правописанія». Она представляетъ сборникъ примѣровъ и статей, подобранныхъ такимъ образомъ, что учащійся отъ первой до послѣдней ступени встрѣчается лишь съ извѣстными ему правилами правописанія (подобно тому, какъ въ букварѣ упражненія даются лишь на извѣстныя буквы). Для на-

учен[redacted] учениковъ правописанію, нужно, говоритъ Димитр[redacted] Ивановичъ, «упражнять ихъ на послѣдовательно и ц[redacted]есообразно подобранномъ матеріалѣ; вся сила не въ [redacted]общеніи только правилъ правописанія, и не въ изу[redacted]ніи грамматической теоріи, а въ упражненіяхъ, во[redacted]йствующихъ на слухъ и зрѣніе».

Вскорѣ послѣ «Азбуки правописанія» составленъ и [redacted]зданъ былъ «Букварь для совмѣстнаго обученія пи[redacted]му и чтенію по звуковому способу». Букварь этотъ со[redacted]ржитъ въ себѣ слова и фразы для упражненія въ п[redacted]ьмѣ и чтеніи въ сферѣ изученныхъ буквъ; затѣмъ н[redacted]немъ находятся небольшія по объему и легкія по со[redacted]ржанію статейки и стихотворенія. Подъ статейками по[redacted]щены вопросы для отвѣтовъ учениковъ. Съ цѣлью со[redacted]ращенія расходовъ на отдѣльные учебники по закову[redacted] Божію, ариѳметикѣ и церковно-славянскому языку, Д[redacted]митрій Ивановичъ ввелъ въ «Букварь» въ дальнѣйн[redacted]хъ его изданіяхъ все содержаніе перваго года ш[redacted]льнаго ученія, а именно: а) статьи для объяснияте[redacted]ьнаго чтенія, б) разсказы о двунадесятыхъ праздника[redacted]хъ, в) матеріалъ для церковно-славянскаго чтенія и в[redacted]нѣйшія молитвы, г) матеріалъ для первоначальныхъ за[redacted]тій по ариѳметикѣ (вычисленія въ предѣлахъ сотни и [redacted]оотвѣтствующія задачи).

Къ «Букварю» составлено «Руководство для учите[redacted]ей», въ которомъ авторъ въ доступной формѣ излаж[redacted]ъ практическіе совѣты и указанія относительно веде[redacted]ія занятій по «Букварю».

Спустя годъ послѣ выхода «Букваря», изданъ былъ «[redacted]ементарный курсъ грамматики», предназначенный д[redacted] начальной школы. Трудъ этотъ составленъ изъ н[redacted]ьменныхъ плановъ уроковъ въ школѣ при семинаріи. Г[redacted]мматическій матеріалъ расположенъ въ руководствѣ

въ дидактической системѣ: отъ простого и легкаго къ болѣе сложному и трудному. Каждое грамматическое знаніе является результатомъ наблюденія надъ примѣрами и закрѣпляется многими устными и письменными упражненіями. Этимологическія и синтактическія свѣдѣнія усваиваются учениками попутно, въ живой связи между собою. Какъ методическое руководство, «Грамматика» Тихомирова признается одною изъ лучшихъ и съ успѣхомъ употребляется при элементарномъ обученіи. Заключая въ первомъ своемъ изданіи лишь самое главное и существенное, что легко могло быть пройдено въ трехгодичной школѣ, грамматика въ послѣдующихъ изданіяхъ постепенно расширялась и дополнялась, согласно указаніямъ учителей, пока не превратилась въ полный элементарный курсъ, отвѣчающій потребностямъ лучшихъ городскихъ школъ. Тогда для сельскихъ школъ составленъ былъ Тихомировымъ новый краткій учебникъ—«Начатки грамматики».

По порученію Московской Городской Управы, Димитрій Ивановичъ составилъ и издалъ «Опытъ плана и конспекта занятій по русскому языку». Въ этомъ «Опытѣ» не только помѣщена мотивированная программа, съ распредѣленіемъ по годамъ ученія учебнаго матеріала по русскому языку, но и приведено множество конспектовъ по объяснительному чтенію и матеріала для письменныхъ и устныхъ упражненій учениковъ при занятіи на урокахъ по русскому языку.

Затѣмъ онъ издалъ составленную имъ «Книгу для церковно-славянскаго чтенія», сначала первую, а спустя нѣсколько лѣтъ и вторую часть ея. При составленіи этой книги Димитрій Ивановичъ исходилъ изъ той мысли, что ближайшею цѣлью обученія учениковъ церковно-славянскому языку должно служить доведеніе ихъ до

[illegible] читать и понимать славянскія книги, и что при обученіи славянскому чтенію, какъ и всякому другому учебному предмету, должна быть соблюдаема надлежащая послѣдовательность. Сообразно съ этимъ онъ подобралъ и расположилъ матеріалъ для чтенія.

Къ «Книгѣ для церковно-славянскаго чтенія» составлено авторомъ «Руководство для учителей», въ которомъ указаны методы и пріемы обученія славянскому языку и приведены методическія указанія для разработки каждой отдѣльной статьи, помѣщенной въ «Книгѣ для чтенія».

Затѣмъ, въ 1887 году была издана книга: «Чему и какъ учить на урокахъ родного языка». Книга эта, по словамъ самого автора, слагалась и вырабатывалась въ теченіе всей его педагогической практики и являлась какъ бы ея общимъ итогомъ. Нѣкоторыя изъ ея главъ (какъ напр., о правописаніи, объ обученіи грамотѣ, о церковно-славянскомъ чтеніи) были обработаны ранѣе въ видѣ предисловій къ соотвѣтствующимъ учебнымъ руководствамъ, о которыхъ сказано выше; остальныя главы представляютъ собою лекціи, читанныя авторомъ на курсахъ. Въ своей книгѣ Димитрій Ивановичъ разсматриваетъ общіе вопросы, касающіеся содержанія учебнаго предмета (родного языка), и излагаетъ методы и пріемы обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, устному и письменному изложенію мыслей, церковно-славянскому чтенію, грамматикѣ и правописанію. Этимъ своимъ трудомъ Димитрій Ивановичъ принесъ значительную пользу дѣлу начальнаго обученія отечественному языку.

Выяснивъ себѣ задачи начальной школы и роль въ ней книги для обученія отечественному языку, Д. И. Тихомировъ принялся за составленіе книги: «Вешніе вехо-

дн». Выходя изъ той мысли, что школа имѣетъ своею задачею, съ одной стороны, развить въ учащихся навыки и умѣнія, которыя способствовали бы ихъ самоусовершенствованію по выходѣ изъ школы, а, съ другой стороны, обогатить ихъ такими знаніями и впечатлѣніями, которыя послужили бы основаніемъ къ такому самоусовершенствованію, Димитрій Ивановичъ подобралъ подходящій матеріалъ для чтенія учениковъ, сгруппировалъ его по сходству содержанія и внутренней связи и расположилъ по трудности для учениковъ. Сначала въ книгѣ помѣщены статьи и стихотворенія, касающіяся семейной жизни; затѣмъ помѣщены статьи, вводящія учениковъ въ жизнь съ другими людьми—чужими, при чемъ выясняется желательный характеръ отношеній въ этой сферѣ. Чтеніе этихъ статей обогатитъ учениковъ впечатлѣніями о необходимости взаимной уступчивости, о долгѣ любви, о готовности жертвовать на пользу другихъ своими личными интересами. Далѣе помѣщенъ въ книгѣ матеріалъ, направленный къ выясненію ученикамъ, что честный трудъ есть долгъ каждаго человѣка по отношенію къ себѣ и другимъ. Затѣмъ изъ круга личныхъ отношеній чтеніе ведетъ учениковъ въ кругъ общественныхъ отношеній и даетъ понятіе объ общественной жизни и потребностяхъ общественныхъ, государственныхъ и средствахъ къ ихъ удовлетворенію, объ обязанностяхъ каждаго гражданина по отношенію къ обществу и цѣлому народу, о долгѣ служить на пользу общества, внушаетъ, наконецъ, чувство уваженія къ чужому народу, человѣку вообще безъ различія племени и вѣры. Затѣмъ ученики читаютъ статьи, знакомящія ихъ съ жизнью природы и съ тѣми изъ ея явленій, съ которыми необходимо познакомиться каждому человѣку. Чтеніе этихъ статей внушитъ ученикамъ, что человѣкъ

для своего же блага долженъ относиться разумно не только къ подобному себѣ, но и ко всему его окружающему.

Кромѣ русскаго текста, во второй и третьей книжкахъ «Вешнихъ всходовъ» помѣщенъ церковно-славянскій текстъ для изученія учениками церковно-славянскаго языка. Текстъ этотъ взятъ изъ евангелія и другихъ священныхъ книгъ и своимъ содержаніемъ знакомитъ учениковъ съ основами христіанской религіи и нравственности. Такимъ образомъ текстъ этотъ авторитетно подкрѣпляетъ и освящаетъ тѣ мысли и впечатлѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку, которыя вынесли ученики изъ чтенія статей, напечатанныхъ по-русски.

Группировка статей въ отдѣлы по сходству содержанія, по внутренней и цѣльной связи не только облегчаетъ усвоеніе знаній и впечатлѣній, но и оказываетъ благотворное вліяніе на духовныя силы дѣтей, пріучая ихъ соединять и обобщать вновь воспринятое съ усвоеннымъ ранѣе. Кромѣ того, такая группировка даетъ учителю возможность упражнять учениковъ, путемъ бесѣдъ по поводу цѣлаго ряда однородныхъ статей, въ отвлеченіи мыслей въ сопоставленіи, въ сравненіи и обобщеніи ихъ, что несомнѣнно способствуетъ развитію мышленія учениковъ и подготовляетъ ихъ къ серьезному чтенію болѣе сложныхъ и цѣльныхъ произведеній.

Матеріалъ, помѣщенный въ «Вешнихъ всходахъ», можетъ служить для устныхъ и письменныхъ упражненій учениковъ. Вообще эта книга можетъ считаться одною изъ лучшихъ для занятій по русскому языку въ начальной школѣ. Составлена она, какъ видно изъ словъ составителя, а равно и изъ указаннаго выше ей

плана и содержанія, по образцу «Родного Слова» Ушинскаго, что, конечно, и послужило въ пользу ея.

Къ книгамъ: «Вешніе всходы», относится «Руководство для учащихъ». Въ немъ приведены планы объяснительнаго чтенія почти всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ книгахъ. Кромѣ того, здѣсь находится много задачъ для письменныхъ и устныхъ упражненій учениковъ, въ связи со статьями для чтенія. Издавши книги: «Вешніе всходы», Димитрій Ивановичъ составилъ и издалъ элементарное руководство: «Правописаніе до грамматики». Путемъ подбора матеріала для орѳографическихъ упражненій авторъ знакомитъ учащихся съ главнѣйшими правилами правописанія, не сообщая имъ грамматическихъ терминовъ и опредѣленій. Кромѣ того, онъ подводитъ учащихся путемъ наблюденія надъ рѣчью къ уразумѣнію тѣхъ понятій, которыя впослѣдствіи, по прохожденіи грамматики, послужатъ прочною основою для разумнаго усвоенія отвлеченныхъ грамматическихъ знаній. Такимъ образомъ «Правописаніе до грамматики», служа практическимъ руководствомъ къ наученію дѣтей правописанію, является вмѣстѣ съ тѣмъ первою ступенью, подготовляющею учащихся къ изученію грамматики. Руководство: «Правописаніе до грамматики», можетъ быть съ пользой употребляемо при начальномъ обученіи.

Кромѣ указанныхъ руководствъ, Д. И. Тихомировымъ составлены—«Начатки географіи» и «Изъ исторіи родной земли». Въ первой книгѣ, предназначенной для учащихся младшаго возраста, помѣщены основныя географическія понятія, свѣдѣнія изъ жизни и природы родной страны и общія свѣдѣнія о земномъ шарѣ и вселенной. Во второй, предназначенной для школъ и народа, рядомъ съ разсказами о выдающихся истори-

ческихъ лицахъ и событіяхъ, помѣщены и культурные очерки жизни русскаго народа отъ начала его исторіи и до нашего времени. Историческія событія иллюстрируются подходящими по содержанію художественными произведеніями, каковы стихотворенія, драматическіе отрывки лучшихъ русскихъ писателей.

Къ литературно-педагогическимъ трудамъ Д. И. Тихомирова слѣдуетъ отнести и «Записки о краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ». Въ «Записки» эти вошли какъ сообщенія и бесѣды, которыя велъ Димитрій Ивановичъ на курсахъ, такъ и протоколы пробныхъ и наблюдательныхъ уроковъ, а равно и отвѣты курсантовъ и курсистокъ на поставленные имъ вопросы и другія данныя, выражающія дѣятельность курсовъ.

Принявши на себя въ 1895 году обязанности редактора и издателя журналовъ: «Педагогическій листокъ» и «Дѣтское чтеніе», Димитрій Ивановичъ въ значительной мѣрѣ поднялъ эти журналы. Въ «Педагогическомъ листкѣ» онъ помѣстилъ значительное число своихъ педагогическихъ статей. Ранѣе же онъ помѣщалъ свои статьи въ журналахъ: «Семья и Школа», «Народная школа» и другихъ.

Димитрій Ивановичъ Тихомировъ, какъ видно изъ сказаннаго выше, трудился преимущественно для начальной или народной школы. Посмотримъ же, какія воззрѣнія на народную школу у него выработались.

«Необходимо дать», говорилъ онъ естественный выходъ и безпрепятственное осуществленіе стремленіямъ народа къ справедливости, добру и свѣту и всѣми мѣрами содѣйствовать духовному росту какъ всей націи, такъ и отдѣльныхъ ея представителей. Лучшимъ и наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ къ тому можетъ служить только хорошо поставленная школа, долженствующая

ствующая явиться источникомъ добра и свѣта и той могучей силой, которая, давая направленіе всей будущей дѣятельности человѣка, ведетъ его къ возможному и совершеннѣйшему счастью. Чтобы имѣть такое воспитывающее значеніе, народная школа должна быть общеобразовательной школой, доступной равно для всѣхъ и каждаго. Спеціальное и профессіональное образованіе должно быть построено на основѣ общаго».

«Расширяя и увеличивая свое образовательное содержаніе въ зависимости отъ духовнаго роста самого народа, народная школа должна находиться въ непосредственной связи, какъ первый концентръ, съ слѣдующими ступенями образованія—средней и высшей школами, какъ общеобразовательными, такъ и профессіональными. Вообще народная школа должна быть первой, хотя и законченной по содержанію ступенью той лѣстницы просвѣщенія, по которой каждый можетъ подниматься, насколько онъ имѣетъ силъ и средствъ».

«Обладаніе духовными благами не должно быть привилегіей избранниковъ, а неоспоримымъ правомъ всѣхъ и каждаго, какъ право на воздухъ, свѣтъ и тепло. Минимумъ образованія долженъ быть для каждаго осуществимъ и обязателенъ».

«Начальная школа должна быть школой безсословной; въ ней могутъ обучаться дѣти разныхъ сословій, какъ дѣти одной матери—родины, какъ граждане одного государства».

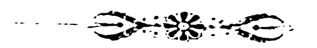
«Душою школы долженъ быть учитель или учительница, служащіе дѣлу по призванію, горячо любящіе школу и глубоко вѣрующіе въ ея просвѣтительную силу, обладающіе общимъ и спеціальнымъ образованіемъ и непремѣнно стремящіеся къ самостоятельному его расширенію».

«Школьный наставникъ долженъ быть хорошо обезпеченъ и матеріально, и въ своихъ гражданскихъ правахъ».

«Народная школа въ деревнѣ должна служить культурнымъ центромъ, вокругъ котораго сплачиваются и всѣ другія общественно-образовательныя учрежденія».

«Общее попеченіе о школахъ (земскихъ) должно принадлежать земству, хозяину, которому въ этомъ дѣлѣ щедрую помощь можетъ оказывать государство; послѣднему принадлежитъ наблюденіе и контроль надъ школами». «Главную силу и нравственную поддержку въ дѣлѣ просвѣщенія родины должно оказывать русское образованное общество, живо сознающее въ наше время громадное значеніе широкаго просвѣщенія народныхъ массъ».

К. Ельницкій.

Русскій языкъ и словесность въ коммерческихъ училищахъ министерства финансовъ.

«Грамматика не предписываетъ законовъ языку, но объясняетъ и утверждаетъ его обычаи».

Пушкинъ.

I.

Нѣтъ важнѣе предмета въ курсѣ средней школы, какъ отечественный языкъ, потому что онъ одинъ только можетъ сообщить юношамъ то литературное образованіе, которое полагается краеугольнымъ камнемъ всего человѣческаго гуманнаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ учебный предметъ не вызывалъ и не вызываетъ столько споровъ среди педагоговъ, какъ родной языкъ. Не беря русскій языкъ во всемъ объемѣ гимназическаго курса, укажу, что въ послѣдніе два-три года на страницахъ «Журнала Мин. Нар. Пр.», «Русской Школы», «Педагогическаго Сборника», «Филологическихъ Записокъ» появлялся рядъ статей, говорящихъ о необходимости капитальной реформы школьной грамматики отечественнаго языка. Мало того, авторы многихъ статей до очевидности ясно показываютъ, почему давно уже слышится о гимназистахъ одинъ печальный припѣвъ; припѣвъ этотъ обыкновенно формулируется такъ: «оканчивающіе гимназіи реальныя и классическія не умѣютъ грамотно и литературно писать по-русски». Никто не провѣрялъ, насколько питомцы тѣхъ же учебныхъ заведеній сознательно относятся къ

родной рѣчи. Если бы произвели подобнаго рода провѣрку, то оказалось бы, что ученики не понимаютъ строя родной рѣчи. Не ходя далеко, укажу здѣсь на статьи г.г. Тростникова («Къ вопросу о пересмотрѣ программъ классической гимназіи». «Рус. Шк». 1900 г., № 1, 2-й), профессора Казанскаго университета Будде («Учебникъ грамматики русскаго яз.» 1900 г. и ст.: «Грамматика русскаго литературнаго языка, какъ предметъ изученія въ университетѣ и въ средней школѣ». «Русск. Шк.» № 3, 1901 г.) и профессора Москов. университета Р. Ѳ. Брандта («О лженаучности нашего правописанія», «Фил. Зап.» 1901 г. Вып. I—II). Такъ, г. Будде пишетъ, между прочимъ: «...Если мнѣ удастся въ рядѣ статей выяснить все положеніе школьнаго дѣла изученія грамматики русскаго языка, если мнѣ удастся фактически убѣдить читателей въ томъ, что подъ именемъ предмета «грамматики русскаго языка» преподается и изучается въ нашей средней школѣ вовсе не грамматика и вовсе не русскаго языка, если мнѣ удастся показать, что, далѣе, въ этомъ названіи и изученіи кроется одно сплошное недоразумѣніе, которое вредно отражается на всемъ состояніи образованія нашего подрастающаго поколѣнія, развивая въ немъ неправильныя представленія объ отечественномъ языкѣ..., то дѣло и составленіе нами нашего «Учебника» будетъ... признано необходимымъ первымъ шагомъ въ процессѣ... реформы школьнаго преподаванія на новыхъ началахъ» («Рус. Шк.» № 3, 1901 г., стр. 165).

И не одна грамматика плохо поставлена въ средней школѣ. Такъ называемыя теорія и исторія словесности вызываютъ еще болѣе недоумѣній. Коммерческія училищи, при семилѣтнемъ курсѣ преслѣдующія обще-

образовательныя и спеціальныя цѣли, тѣмъ внимательнѣе должны были отнестись къ вопросу и постановкѣ преподаванія отечественнаго языка. Нельзя сказать, чтобы два съѣзда г.г. директоровъ и представителей коммерческихъ училищъ въ Петербургѣ въ іюнѣ 1901 г. и январѣ 1902 г. обходили этотъ вопросъ молчаніемъ. Но рѣшеніе, къ которому пришли на съѣздахъ, принято не всѣми, да и принять его безусловно было невозможно. Присматриваясь къ практикѣ коммерческихъ училищъ, просматривая программы, напр. Петровскаго училища въ Петербургѣ, Практической Академіи въ Москвѣ и др. училищъ, приходишь по неволѣ къ грустному выводу, что коммерческія училища внесли въ постановку русскаго яз. и словесности тѣ же недочеты, какіе уже давно указаны для гимназій и реальныхъ училищъ. Послѣ сказаннаго понятна станетъ предлагаемая вниманію дѣятелей въ коммерческихъ училищахъ попытка разсмотрѣть вопросъ о русскомъ языкѣ и словесности обстоятельно и начертать программу, чуждую ошибокъ, указанныхъ для гимназій и реальныхъ училищъ, и отвѣчающую задачамъ коммерческой школы.

II.

Прежде всего уяснимъ, къ какому результату должна стремиться коммерческая школа при занятіяхъ отечественнымъ языкомъ и словесностью, чтобы не потерять значенія общеобразовательнаго средняго учебнаго заведенія.

По нашему убѣжденію, результатомъ всѣхъ занятій отечественнымъ языкомъ въ коммерческомъ училищѣ

должно быть достиженіе такого душевнаго настроенія у юношей, которое покойный В. П. Острогорскій называлъ этико-эстетическимъ, и которое одно воспитываетъ человѣка, умѣющаго хорошо мыслить, чувствовать и жить. Коммерческое училище, разъ оно претендуетъ на роль общеобразовательной школы, обязано выпускать юношей съ извѣстнымъ идеальнымъ настроеніемъ, которое скажется въ нравственной требовательности, отвращеніи ко всему дурному и пошлому, въ стремленіи ко всему возвышенному, благородному, въ любви къ человѣку и родинѣ, въ желаніи служить ей по мѣрѣ силъ.

Для достиженія только что указаннаго мною литературнаго образованія коммерческое училище располагаетъ двумя средствами, обозначаемыми обычно терминами: «русскій языкъ» и «словесность». Эти термины указываютъ на двѣ ступени въ длинномъ процессѣ (7 лѣтнемъ для коммерческой школы) литературнаго образованія, которое должно дать своимъ питомцамъ коммерческое училище. Чтобы ученики старшихъ классовъ коммерческихъ училищъ были способны усваивать изъ произведеній русской и иностранной словесности возвышенныя мысли, благородныя чувства, художественные образы, воспроизводящіе жизнь природы и человѣка и пріучающіе любить свое родное и уважать достойное человѣка чужое, для этого необходимо дать имъ подготовку въ низшихъ классахъ. Если взять коммерческое училище съ 7 лѣтнимъ курсомъ, то классы I—III охватятъ низшую ступень, классы VI—VII—высшую, классы IV и V-й будутъ служить переходомъ и связующимъ звеномъ между указанными двумя ступенями обученія отечественному языку и словесности.

Совершенно особо, но сопровождая все обученіе

родному языку и словесности, стоятъ занятія, имѣющія цѣлью пріучить къ правильной, логически-послѣдовательной и красивой литературной письменной рѣчи.

III.

Остановимся на низшей ступени обученія. Тутъ предметомъ обученія служитъ «русскій языкъ». На этой ступени ближайшею задачею школа должна поставить слѣдующее: научить учащихся правильно, свободно говорить и писать на родномъ языкѣ и сознательно относиться къ грамматическому строю его.

Во избѣжаніе пререканій, оговариваюсь, что средняя общеобразовательная школа обязана всѣхъ своихъ питомцевъ научить говорить и писать правильнымъ современнымъ литературнымъ языкомъ. Такому литературному языку, какимъ нашъ письменный языкъ явился подъ перомъ Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гончарова и другихъ геніальныхъ художниковъ русскаго слова, необходимо учиться изъ какой бы семьи ни происходилъ питомецъ *). Чтобы усвоить такой языкъ, надо вчитаться въ него, а это можетъ случить-

*) Это замѣчаніе имѣетъ въ виду такой взглядъ: «Вотъ передъ нами два ученика, оба учатся хорошо, оба ровно отлично знаютъ синтаксисъ и приблизительно равныхъ способностей, но посмотрите, какая громадная разница, въ ихъ рѣчи, если одинъ взятъ изъ интеллигентной семьи, а другой нѣтъ. Очевидно, что умѣть говорить зависитъ отъ того общества, въ которомъ ученикъ вращается, онъ говоритъ тою рѣчью, какую слышитъ въ своей средѣ, а не тою, ка-

ся только тогда, когда подъ руками учениковъ будетъ находиться хрестоматія съ отрывками изъ произведеній означенныхъ первостепенныхъ русскихъ писателей. Въ этой же хрестоматіи долженъ находиться и значительный запасъ стихотвореній для заучиванія наизусть и выразительнаго произношенія. Могу указать на хрестоматію г. Мартыновскаго: «Русскіе писатели», какъ на наиболѣе отвѣчающую означенной цѣли.

Избѣгая ошибки гимназій и реальныхъ училищъ, которыя, по заявленію учителей и профессоровъ, отводили неподобающую роль грамматикѣ, т.-е. теоріи, въ ущербъ чтенію и воспроизведенію произведеній творческаго русскаго слова, коммерческія училища на низшей ступени обученія отечественному языку обязаны отодвинуть грамматику на второй планъ. Грамматика не можетъ научить литературному языку; знаніе языка достигается практическимъ путемъ, путемъ чтенія и воспроизведенія. Кажется, гимназіи и реальныя училища имѣли продолжительный и печальный опытъ съ изученіемъ новыхъ (нѣмецкаго и французскаго) языковъ: питомцы ихъ еще кое-какъ грамматику знаютъ, но не владѣютъ знаньемъ языковъ, тратя 7 или 8 лѣтъ на ихъ изученіе! Грамматика русскаго языка имѣетъ опредѣленное значеніе въ курсѣ средней школы. Какъ теорія языка, она, во-1-хъ, помогаетъ учащимся утверждаться въ правильномъ употребленіи языка (устно и письменно), въ сознательномъ отношеніи къ явленіямъ

кую изучаетъ по грамматикѣ и синтаксису. Умѣнье же хорошо и правильно писать зависитъ всецѣло отъ умѣнья хорошо и правильно мыслить». Пед. Сбор. 1903 г., іюль, 65—66 стр. см. св Кремлевскаго: «Разумно ли начинать школьное обученіе съ русскаго яз. и ариеметики?»

языка; во-2-хъ, она развиваетъ умъ, дѣлаетъ его воспріимчивымъ къ содержанію не только произведеній творческаго слова, но и всякой другой науки. Она помогаетъ учащимся разбираться въ различныхъ оттѣнкахъ мысли и чувства, скрытыхъ въ языковой оболочкѣ. Такъ смотрѣлъ на значеніе грамматики отецъ этой науки Ломоносовъ, говоря: «Тупа ораторія, косноязычна и неосновательна философія, непріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики». Гимназіи и реальныя училища, неправильно понимая значеніе грамматики, извратили и способъ ея преподаванія, и ея содержаніе. Прочтите предисловіе къ «Учебнику грамматики русскаго языка» г. Будде, статьи г. Тростникова въ «Русской Школѣ» за 1900 и 1902 г. и вы узнаете, что въ средней школѣ и понынѣ обучаютъ не грамматикѣ русскаго литературнаго языка, а грамматикѣ, представляющей осколки латинской грамматики и формальной логики; что сами обучающіе неясно представляютъ, что и какъ преподать изъ каждой части школьной грамматики.

Но отодвигая изученіе грамматики русскаго литературнаго языка на второй планъ, необходимо измѣнить самый способъ преподаванія ея. Если мы хотимъ придать грамматикѣ родного языка значеніе учебнаго предмета, способствующаго умственному развитію учениковъ, то необходимо ограничить и даже совсѣмъ изгнать въ преподаваніи ея все механическое. Вѣдь въ средней школѣ и теперь еще вы очень часто встрѣтите преподавателей-словесниковъ, обучающихъ русской грамматикѣ совершенно такъ же, какъ и грамматикѣ латинской: они заставляютъ учениковъ механически усваивать памятью правила по одному изъ излюбленныхъ учебниковъ русской грамматики (Кирпичникова, Петрова и

др.). Конечно, для коммерческихъ училищъ такой пріемъ обученія грамматикѣ ничего, кромѣ потери дорогого времени, не принесетъ. Не менѣе важнымъ является вопросъ и объ объемѣ грамматическаго курса. Въ этомъ случаѣ для г.г. преподавателей коммерческихъ училищъ будетъ интересною и поучительною слѣдующая маленькая историческая справка. Такъ, нѣкогда вся грамматическая школьная премудрость вмѣщалась на 84 скромныхъ страницахъ «Сокращенной русской грамматики» Востокова. Нынѣ же учебники русской грамматики положительно пугаютъ своими размѣрами: въ грамматикѣ Смирновскаго 230 страницъ, въ грамматикѣ Преображенскаго 200 стр., синтаксисъ Поливанова содержитъ 150 страницъ, а этимологія Будде 178 стр. И только «Учебный курсъ русской грамматики» В. А. Яковлева (СПбургъ 1900 г.) своими 87 страницами напоминаетъ учебникъ Востокова.

Наконецъ, больное мѣсто нашихъ школьныхъ учебниковъ русскаго языка составляютъ опредѣленія, правила и терминологія. Для коммерческихъ училищъ необходимо выбрать изъ различныхъ путей, коими ученые изучаютъ явленія современнаго русскаго языка, систему Потебни, этого геніальнаго лингвиста, и его послѣдователей. Пора проводить въ учебникѣ русской грамматики послѣдовательно одну точку зрѣнія, именно — грамматическую. Послѣ сказаннаго осмѣливаюсь представить сперва программу курса русской грамматики для трехъ классовъ коммерческихъ училищъ, чтобы ясно было, чему учить въ коммерческихъ училищахъ на урокахъ русскаго языка.

Предварительныя свѣдѣнія

Рѣчь. Слово. Звукъ и буква. Алфавитъ. Особенности русскаго алфавита. Дѣленіе буквъ на гласныя и

согласныя. Буквы мягкія и твердыя (гласныя и согласныя). Согласныя буквы звонкія и глухія (звучныя и отзвучныя). Дѣленіе согласныхъ по органамъ произношенія: гортанныя, губныя, зубныя и нёбныя.

Фонетика.

Законы измѣненія буквъ. Измѣненія гласныхъ: 1) чередованіе (замѣна), 2) полногласіе (разложеніе), 3) вліяніе ударенія, 4) выпаденіе и сокращеніе. Измѣненія согласныхъ: 1) чередованіе (замѣна), 2) уподобленіе, 3) переходъ и выпаденіе.

Словообразованіе (Морфологія).

Слова измѣняемыя и неизмѣняемыя. Части измѣняемыхъ словъ: окончаніе (флексія), суффиксъ, префиксъ, основа, корень. Сложеніе словъ.

Словоизмѣненіе (Морфологія).

Этимологическая форма слова (грамматическая). Части рѣчи. Знаменательныя и незнаменательныя части рѣчи

Имя существительное. Родъ именъ существительныхъ (съ окончаніями). Склоненіе именъ существительныхъ. Падежи. Числа. Раздѣленіе существительныхъ по склоненіямъ. Правильныя склоненія: I-ое—мужескій и средній родъ съ окончаніями въ именительномъ пад. *ъ, ь, й, о, е*; II-е—женскій родъ съ окончаніями *а, я*; III-е—женскій родъ съ окончаніемъ *ь*. Неправильное склоненіе: 1) путь, бремя, 2) дитя, ребенокъ.

Имя прилагательное. Окончанія именъ прилагательныхъ. Склоненіе именъ прилагательныхъ. Окончанія степеней сравнительной и превосходной.

Имя числительное. Количественное и порядковое имя числительное. Сложныя числительныя. Склоненіе именъ числительныхъ.

Мѣстоименіе. Разряды ихъ: указательныя, вопросительныя и относительныя. Частичное раздѣленіе мѣстоименій указательныхъ: личныя, возвратное, притяжательныя, определительныя, собственно-указательныя, неопредѣленныя. Склоненія мѣстоименій: существительное и прилагательное. Глагогъ. Лица, числа и времена. Спряженіе глагола: первое и второе. Неправильные глаголы. Причастія и дѣепричастія. Простыя глагольныя формы и глагольныя формы сложнаго состава.

Словосочетаніе (Синтаксисъ).

Предварительныя понятія.

Понятіе о синтактической формѣ. О связи между словами въ предложеніи.

Простое предложеніе

Рѣчь и ея формы. Опредѣленіе грамматическаго простого предложенія. Главные члены нормальнаго простого предложенія. Сказуемое простое и составное. Связка. Инфинитивъ въ предложеніи. Выраженіе простого сказуемаго. Глагольныя формы: личныя формы, залоги, виды. Составное сказуемое и его выраженіе. Замѣна прилагательнаго въ сказуемомъ нарѣчіемъ. Подлежащее и его выраженіе. Устраненіе подлежащаго. Предложенія—полныя, неполныя и безличныя (безсубъектныя). Распространеніе простого предложенія. Опредѣленіе и его выраженіе. Приложеніе. Дополненіе. Значеніе косвенныхъ падежей и предлоговъ. Дополненіе

непосредственное и посредственное. Слова неуправляемыя и несогласуемыя, или обстоятельства и ихъ выраженіе (нарѣчіемъ, дѣепричастіемъ и косвенными падежами именъ существительныхъ).

Независимые члены простого предложенія. Синтактическія формы для выраженія отрицанія, вопроса, восклицанія.

Сложное предложеніе.

Соединеніе двухъ или нѣсколькихъ простыхъ предложеній въ одно синтактическое цѣлое, сложное предложеніе. Виды простыхъ предложеній при соединеніи въ сложное. Независимыя, или главныя, зависимыя, или подчиненныя, и придаточныя предложенія. Способы образованія сложнаго предложенія изъ простыхъ: сочиненіе, подчиненіе и вставка.

Сочиненіе предложеній безсоюзное и союзное. Три разряда союзовъ: союзы сочинительные (соединительное, противительное и раздѣлительное сочиненіе); союзы подчинительные (подчиненіе одного независимаго другому независимому, подчиненіе независимому придаточнаго и подчиненіе придаточнаго придаточному); союзы-- нарѣчія и мѣстоименія.

Виды подчиненныхъ предложеній. Вводныя и вносныя предложенія. Эллипсисъ словъ и предложеній.

Періодъ. Способы образованія періодовъ. Двѣ части его—повышеніе и пониженіе. Замѣчаніе о видахъ періода: періодъ сочинительный и подчинительный.

Такова программа свѣдѣній, какія вполнѣ достаточны для сознательнаго отношенія къ строю современнаго литературнаго русскаго языка. Конечно, чтобы выработать эту сознательность, необходимо такъ препо-

давать грамматику, чтобы въ умахъ учениковъ, действительно, пробуждалась рефлексія въ отношеніи къ синтактической работѣ мысли, происходящей обыкновенно безсознательно.

Вмѣсто загроможденія школьной программы по русской грамматикѣ различными подробностями и, прямо скажу, нелѣпыми неясностями, мною оставлено самое существенное. Повторяю, что обученіе правильному употребленію литературной рѣчи на письмѣ составляетъ особую работу; она должна совершаться параллельно и одновременно *), но совершенно въ другіе часы.

IV.

После ознакомленія съ строемъ современной литературной рѣчи, когда ученики пріучились сознательно относиться къ этимологическимъ и синтактическимъ формамъ ея, съ IV-го кл. коммерческихъ училищъ слѣдуетъ приступить къ тому литературному образованію, которое выше поставлено задачею ихъ въ области изученія языка. Но сразу приступить къ изученію произведеній литературы во всемъ объемѣ нельзя. Чтобы умѣть разбираться и сознательно относиться къ произведеніямъ литературы, надо предварительно на основаніи образ-

*) Скажу больше: по моему глубокому убѣжденію, качество ученическихъ сочиненій по языку и содержанію было бы безусловно высоко, если бы письменныя работы велись особыми учителями, при чемъ уроки обученія ореографіи и стилистикѣ должны оплачиваться не ниже 100 руб. На эту сторону въ нашей школѣ не обращали вниманія, оттого и результаты—плохіе.

цовыхъ произведеній ознакомиться съ главнѣйшими положеніями теоріи словесности, какъ науки. Лѣтъ десять тому назадъ въ педагогической средѣ возвысились голоса противъ этой науки. Неумѣлое преподаваніе этого весьма интереснаго и развивающаго предмета, съ одной стороны; много спорнаго въ содержаніи теоріи словесности, какъ науки, съ другой—повели къ тому, что этотъ предметъ считали малодоступнымъ и излишнимъ для учениковъ 14—16 лѣтнихъ. Его рѣшили замѣнить разборами образцовъ, а сводку отнесли къ VIII-му классу гимназій. Но, если взглянуть на практику гимназій, то станетъ ясно, что въ сущности изгнать теорію словесности изъ курса литературы невозможно, потому что и нынѣ происходитъ, при чтеніи и разборѣ образцовыхъ произведеній въ V—VII классахъ гимназій, прохожденіе положеній изъ теоріи словесности, но прохожденіе разбросанное, несистематическое. Вредъ подобнаго изученія давно уже былъ указанъ покойнымъ профессоромъ Незеленовымъ («О преподаваніи русской словесности». С.-Пб. 1880 г.): «Уму человѣческому свойственно стремленіе къ приведенію своихъ знаній въ порядокъ. Это старая, вѣковѣчная истина, но, къ сожалѣнію, ее все еще приходится доказывать» (43 стр.). Далѣе, спорность многихъ положеній теоріи словесности нисколько не можетъ служить основаніемъ къ исключенію ея изъ курса общеобразовательной средней школы. Въ каждой другой наукѣ найдется не меньше спорнаго, но это не мѣшаетъ имъ входить въ курсъ гимназій. Да никто и не станетъ въ средней школѣ сообщать спорное, тѣмъ болѣе, что теорія словесности заключаетъ достаточно положительнаго матеріала, который даетъ работу мысли, возбуждаетъ стремленіе къ самостоятельности занятій. Въ са-

номъ дѣлѣ, ужели много спорнаго встрѣтится въ курсѣ теоріи словесности, имѣющемъ задачею сообщить учащимся 1) понятіе о сочиненіи, его свойствахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, 2) главнѣйшія элементарныя понятія о дѣятельности души, поскольку послѣдняя проявляется въ сочиненіи; 3) понятіе о главныхъ формахъ сочиненія, о родахъ прозы и поэзіи на основаніи возможно большаго количества произведеній выдающихся писателей не только русской, но и міровой литературы; 4) нѣкоторыя необходимыя для образованнаго человѣка понятія объ искусствахъ, о прекрасномъ, объ эстетическомъ удовольствіи и т. п.

Курсъ теоріи словесности въ IV и V классахъ коммерческихъ училищъ представляетъ ту педагогическую выгоду, что позволяетъ внести въ него и главнѣйшія произведенія словесности иностранной. Въ силу сказаннаго слѣдуетъ признать вполнѣ справедливымъ постановленіе коммисіи по русскому языку на второмъ съѣздѣ директоровъ коммерческихъ училищъ, чтобы въ IV и V классахъ читались избранные образцы русской и иностранной прозы и поэзіи съ цѣлью теоретическаго ознакомленія съ сочиненіемъ, его элементами и строеніемъ.

Вопросъ заключается въ томъ, чтó сообщить необходимо и въ какомъ объемѣ въ IV и V классахъ коммерческихъ училищъ, принимая во вниманіе количество уроковъ, назначенныхъ для теоріи словесности.

Считая четыре недѣльныхъ урока въ IV и три въ V классѣ и признавая необходимымъ сообщить только нужное и положительно установленное, предлагаю слѣдующую программу теоріи словесности.

IV-й классъ.

Предварительныя свѣдѣнія.

Какъ въ грамматикѣ изучалось слово и какъ изучаетъ его теорія словесности. Примѣры: «Молитва»—Лермонтова, «Послѣдняя борьба»—Кольцова (наизусть).

Слово—представленіе. Ассоціація представленій. Смежность представленій внѣшняя и внутренняя. Сходство представленій. Слово—понятіе. Существенные признаки, необходимые въ понятіи. Объемъ и содержаніе понятія. Виды понятій: общія (родовыя) и частныя (видовыя). Двоякая дѣятельность ума (разсудокъ и воображеніе). Образованіе логическаго сужденія. Субъектъ и предикатъ.

«Старосвѣтскіе помѣщики»—Гоголя, «Бирюкъ» или «Пѣвцы»—Тургенева. Рѣчь—сочиненіе. Сочиненіе и его принадлежности.

«Лѣсъ и степь»—Тургенева. «Поэтъ»—Языкова. «Когда волнуется желтѣющая нива»—Лермонтова (наизусть). «Іоаннъ III»—Карамзина. Ритмъ рѣчи. Отрывистая, періодическая и стихотворная рѣчь *).

«Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ»—Жуковскаго (въ отрывкахъ). «Днѣпръ»—Гоголя (наизусть). Художественная рѣчь и ея свойства.

Былины о Вольгѣ и Микулѣ Селяниновичѣ. «Пѣснь про царя Ивана Васильевича»—Лермонтова. Эпитеты и тропы.

Былины объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ. «Не былинушка во чистомъ полѣ запшаталася»...

---

*) Здѣсь разумѣется чтеніе различнаго рода рѣчи, чтобы наглядно ученикамъ показать различіе ритма рѣчи. О періодѣ ученики уже знаютъ.

«Калину съ малиной вода поняла» (наизусть). «Живыя мощи»—Тургенева. Метафора, метонимія, синекдоха, иронія, сарказмъ, сравненіе, символъ.

«Парусъ»—Лермонтова (наиз.). Нѣсколько басенъ Крылова, ученныхъ въ III кл. «Лѣсъ»—Кольцова (наизусть). «Утесъ»—Лермонтова (наиз.). Аллегорія и олицетвореніе.

«Вѣсы»—Пушкина (наизусть). Отрывки изъ «Полтавы»—Пушкина (наиз.). Фигуры: тавтологія и антитеза.

Отрывки изъ «Тараса Бульбы»—Гоголя. «Поѣздка въ Соловки»—Максимова. Стиль, или слогъ сочиненія и его свойства. Чистота, точность и правильность. «Уралъ»—Пушкина. «Пирамиды»—Ковалевскаго. «Битва на Куликовомъ полѣ»—Карамзина. Одинъ или два Севастопольскихъ разсказа Л. Н. Толстого. «Туча»—Пушкина (наизусть).

«Юность и старость»—Карамзина. «Объ обязанностяхъ»—Филарета. «Твердость и упрямство»—Жуковскаго. Основныя формы сочиненія: описаніе, повѣствованіе и разсужденіе. Описательно-повѣствовательныя сочиненія. Виды описательныхъ и повѣствовательныхъ сочиненій. «Бѣловѣжская пуща»—Усова. «Дорога»—Гоголя. «Первая встрѣча русскихъ съ татарами»—Сиговскаго. «Рѣшеніе Тараса»—Гоголя. Описаніе простое и художественное. Повѣствованіе простое и художественное. Литературныя формы описательно-повѣствовательныхъ сочиненій. «Маѳинька»—Гончарова. «Борисъ Годуновъ»—Карамзина. «Плюшкинъ»—Гоголя. Характеристика. Историческая характеристика.

«Писемскій»—Острогорскаго. «Кольцовъ»—Бѣлинскаго. Біографія.

«Фрегатъ Паллада»—Гончарова. «Письма русскаго

путешественника»—Карамзина (въ отрывкахъ). «Путешествіе.»

«Записки кн. Н. Б. Долгоруковой». Мемуары.

Отрывки изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» (Объ Олегѣ, Святославѣ). Пименъ и Григорій—Пушкина. Лѣтопись. «Сосна» (наиз.)—Лермонтова. «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье»—Пушкина (наиз.). Искусство. Творческія силы въ искусствѣ. Поэзія въ ряду другихъ изящныхъ искусствъ. «Полтава»—Пушкина. «Старосвѣтскіе помѣщики»—Гоголя. «Воспитаніе Онѣгина»—Пушкина. Изъ «Евгенія Онѣгина» гл. I, VI (отъ словъ: «Друзья мои»), гл. VIII (отъ словъ: «Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ»). Изъ «Мертвыхъ душъ»—Гоголя (гл. XI отъ словъ: «Темно и скромно происхожденіе моего героя»). Типическое изображеніе жизни, идеализація, отношеніе поэта къ изображаемой жизни.

«Воздушный корабль»—Лермонтова (наизусть). «Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ»—Пушкина (наиз.). «Скупой рыцарь» его же. Основныя формы поэзіи (эпосъ, лирика и драма).

Народный эпосъ.

Святогоръ. Идолище поганое. Василій Буслаевъ. Садко. Взятіе Казани. Грозный царь Иванъ Васильевичъ и Никита Романовичъ. Былины и историческія пѣсни.

Литературная обработка народнаго эпоса.

Отрывки изъ «Иліады» (Бой Гектора съ Ахиллесомъ) и «Одиссеи» (Пребываніе Одиссея у царя Алкиноя)—Гомера. Изъ «Энеиды» Вергилія (Лаокоонъ и змѣя). «Эдда» и «Пѣснь о Нибелунгахъ». «Пѣснь о Роландѣ». Изъ «Божественной комедіи» Данте (III п., XXXIII и XXXIV съ краткимъ содержаніемъ всей поэмы). Изъ «Освобожденнаго Іерусалима»—Тасса. Отрывокъ изъ «Россіады»—Хераскова. Изъ поэмы Жуковскаго: «Ка-

поэзіи». Поэмы Пушкина: «Цыганы» и «Полтава» (Отр. наиз.) «Мертвыя души» —Гоголя (отр. наиз.). Отрывки изъ «Шильонскаго узника» —Байрона. Поэма и эпопея. Героическая поэма. Нео-классическія поэмы. Драматическая поэма. Художественно-реальная поэма.

«Кубокъ» и «Графъ Габсбургскій» — Шиллера (въ перев. Жуковскаго). «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» и «Бѣсы» (наиз.) Пушкина. Баллада.

«Сиракузянки» Өеокрита. «Палемонъ» —Панаева. «Рыбаки» —Гнѣдича. «Старосвѣтскіе помѣщики»—Гоголя. Идиллія. «Метафизикъ», «Стрѣлка часовая» —Хемницера. «Котъ, Ласточка и Кроликъ» —Дмитріева. «Червонецъ, Листы и корни» —Крылова. «Два голубя» —Дмитріева. «Два голубя» —Крылова. Басня.

V-й классъ

Предварительныя свѣдѣнія.

Логическіе пріемы, какъ необходимая принадлежность разсужденія. Логическое опредѣленіе понятій и условія его. Логическое дѣленіе понятій и условія его. Примѣрный разборъ разсужденія Карамзина: «О любви къ отечеству». Разсужденіе. Умозаключеніе. Наведеніе. Аналогія. Доказательства. Разборъ разсужденія Карамзина: «О счастливѣйшемъ времени жизни». Разборъ произведенія Тургенева: «Воробей». Разборъ разсужденія Буслаева: «Народные пѣвцы». «Различіе между науками и искусствомъ» —Павлова. «Понятіе объ исторіи въ древнемъ и новомъ мірѣ» —Грановскаго. «Слово въ Великій Пятокъ» —арх. Иннокентія. «Обязанности защитника, обвинителя и предсѣдателя суда» —Кони. Разсужденіе въ ораторскомъ искусствѣ. «Объ искусствѣ» —Тэна. «Объ Ольгѣ» —Соловьева. «О границахъ живописи и

поэзіи» — Лессинга. «Милліонъ терзаній» — Гончарова. Разсужденіе въ наукѣ. Понятіе о научныхъ методахъ. Научная система. Понятіе о наукѣ. Критика.

«Донъ-Кихотъ» — Сервантеса. «Айвенго» — В. Скотта. «Домби и сынъ» — Диккенса. «Евгеній Онѣгинъ» — Пушкина. «Герой нашего времени» — Лермонтова. «Обломовъ» — Гончарова. «Дворянское гнѣздо» — Тургенева. «Война и миръ» — Л. Н. Толстого. Романъ. Отличіе его отъ поэмы. Поэзія русской дѣйствительности въ романахъ Пушкина, Гончарова и др. писателей.

«Бѣдная Лиза» — Карамзина. «Дубровскій, Капитанская дочка, Арапъ Петра В.» — Пушкина. Изъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» и «Миргорода» — Гоголя. «Записки Охотника» и «Муму» — Тургенева. Изъ «Дѣтства и Отрочества» — Л. Н. Толстого. Повѣсть. Повѣсти Карамзина, Пушкина, Гоголя, Тургенева.

«Чужой толкъ» — Дмитріева. «Къ уму своему» — Кантемира. «Первое января» — Лермонтова. «Утренняя прогулка» — Некрасова. Сатира. Видъ сатиры.

Олимпійская третья ода Пиндара. «Фелица» — Державина. «Памятникъ» — Державина и Пушкина (наиз.). Ода. Нео-классическая ода. Сатирическій элементъ въ одахъ Державина.

«Поэтъ» (н.), «Чернь», «Поэту» (н). — Пушкина. «Дума» — Лермонтова. Понятіе о думѣ. Дума-сатира. «Опять ты здѣсь», «Море» — Жуковскаго (наиз.). «Брожу ли я вдоль улицъ»... «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье» — Пушкина. «Не вѣрь себѣ, мечтатель молодой», — Лермонтова.

Появленіе новыхъ направленій въ русской литературѣ — сентиментальнаго и романтическаго. Понятіе объ элегіи. Особенности поэтическаго настроенія въ элегіяхъ Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова.

«Ужъ какъ палъ туманъ, Ты рябинушка, А и горе, Ахъ ты, поле, Не шуми, мати зеленая дубровушка».— Народная бытовая пѣсня.

«Стонетъ сизый голубочекъ» — Дмитріева. Пѣсни Кольцова о добромъ молодцѣ. Различіе между народною и литературною лирикою. Литературныя подражанія народнымъ пѣснямъ. Измѣнчивость и подвижность лирическихъ формъ поэзіи.

Драма. Предварительныя понятія о волѣ. Темпераментъ и характеръ. Содержаніе драмы. Единство дѣйствія. Конфликтъ. Завязка и развязка. Экспозиція, повышеніе дѣйствія, кульминаціонный пунктъ, пониженіе дѣйствія, катастрофа.

Виды драмы. Драма у грековъ. «Прикованный прометей»—Эсхила. «Эдипъ-царь»—Софокла. «Медея»—Эврипида. Средневѣковая драма. Драма въ Англіи до Шекспира. «Макбетъ и Король Лиръ».—Шекспира. Шекспировскій театръ. «Сидъ»—Корнеля, «Гоеолія и Федра»—Расина. Французская классическая трагедія. Мѣщанская драма. «Натанъ»—Лессинга. Гёте: «Гетцъ фонъ-Берлихингенъ», «Вертеръ», «Фаустъ». Романтическая драма Шиллеръ: «Орлеанская дѣва». Трагедія Пушкина: «Борисъ Годуновъ». Понятіе о трагедіи. Трагическій характеръ. Трагическая вина.

«Тартюфъ, Мизантропъ»—Мольера. «Недоросль»—Фонвизина. «Горе отъ ума»—Грибоѣдова. «Ревизоръ»—Гоголя.

Комедія у грековъ (Аристофанъ). Нео-классическая комедія. Идейный мотивъ комедіи Грибоѣдова. Мораль пошлой жизни въ комедіи Гоголя. Понятіе о комедіи. Комическій характеръ. Комическая вина—«Бѣдность не порокъ», «Свои люди—сочтемся»—Островскаго. Драма въ видовомъ значеніи этого слова. Особенности

зя. Колеблющаяся граница между реальной драмой и комедіей. Психологія самодурства и разновидности его. Разборъ комедій Островскаго.

Къ начертанной нами программѣ для IV и V-го классовъ коммерческихъ училищъ прибавимъ два замѣчанія.

Первое касается свѣдѣній изъ западно-европейской литературы. Нами внесено то, что возможно пройти въ классѣ при извѣстномъ количествѣ уроковъ. Но весьма желательно путемъ внѣкласснаго чтенія значительно раздвинуть рамки указанной нами программы. Такъ, весьма желательно прочитать невнесенныя мною сочиненія Лессинга, Гёте, Шиллера, Байрона, Мольера. Не менѣе желательно увеличить количество произведеній и русскихъ писателей.

Кромѣ того, весьма желательно ввести въ означенный списокъ русскихъ и европейскихъ писателей больше именъ: Гольдсмита, Ричардсона, Писемскаго, Григоровича, Кохановской, Мея, Полонскаго и др.

Второе замѣчаніе касается метода преподаванія. Мы не желали бы стѣснять преподавателя, но для мало-опытныхъ педагоговъ скажемъ, что всегда для учениковъ выводы будутъ осязательнѣе тогда, когда они обоснованы на усвоенномъ матеріалѣ. Поэтому въ нашей программѣ мы называли сперва произведенія, а потомъ выводы и опредѣленія. Только свѣдѣнія, связывающія отдѣлы и свѣдѣнія изъ психологіи мы находимъ необходимымъ сообщить лекціоннымъ способомъ, чтобы не вдаваться въ подробности.

Въ основу названнаго курса теоріи словесности нами положены книги В. Острогорскаго, Житецкаго и Стоюнина. Кромѣ того, хрестоматія Филонова и

кн. Верещагина: «Руководство къ чтенію избранныхъ произведеній всемірной литературы» (2 части. 1902»).

Считая наиболѣе пригодными для коммерческой школы только тѣ теоріи, которыя извлекаются изъ фактовъ, мы внесли въ свою программу историческую перспективу. Приверженцамъ догматизма, тѣхъ теорій, подъ которыя подгоняются факты, мы скажемъ словами г. Житецкаго, что подобнаго рода теоріи не пригодны въ наукахъ, «которыя имѣютъ дѣло съ вѣчно подвижнымъ и вѣчно юнымъ духовнымъ творчествомъ человѣка. Такова именно и есть наша наука, потому что предметомъ ея служитъ это самое творчество въ поэтическихъ проявленіяхъ его».. (Предисловіе къ теоріи поэзіи. Изд. 2-ое. 1900 г.). Въ заключеніе этой главы скажу, что слѣдовало бы спеціально для коммерческихъ училищъ составить хрестоматію, содержащую съ хорошими вводными статьями и разъясненіями всѣ перечисленныя и подлежащія анализу произведенія русской и всеобщей литературы. Желательно, чтобы такая хрестоматія была доступна по цѣнѣ, чтобы каждый ученикъ имѣлъ ее подъ рукою.

V.

Съ VI го класса начинается для учениковъ коммерческихъ училищъ последняя ступень ихъ литературнаго образованія. Послѣ того какъ они ознакомились съ большимъ количествомъ русскихъ и иностранныхъ писателей, какъ узнали главнѣйшія положенія теоріи словесности, какъ науки,—запаслись нѣкоторыми хотя элементарными свѣдѣніями изъ психологіи творчества,—послѣ этого имъ возможно историческое

знакомство съ главнѣйшими моментами русской литературы.

Было время, когда раздавались голоса педагоговъ противъ внесенія въ курсъ средней школы исторіи словесности. Теперь противники послѣдней смолкли, но остается еще много вопросовъ, возбуждаемыхъ этимъ учебнымъ предметомъ. Лучшимъ доказательствомъ того, сколько трудностей представляетъ этотъ учебный предметъ и его правильная постановка въ средней школѣ, является нѣсколько разъ измѣняемая программа этого предмета въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ Мин. Нар. Пр. Еще такъ недавно снова г. министръ нар. пр. поставилъ на обсужденіе педагогическихъ совѣтовъ гимназій вопросъ о курсѣ этого предмета.

Понятно желаніе центральной учебной власти поставить наилучшимъ образомъ преподаваніе исторіи русской литературы въ средней школѣ: художественная словесность имѣетъ слишкомъ важное значеніе среди другихъ предметовъ курса общеобразовательной школы.

Позволю себѣ привести здѣсь обширную выписку изъ статьи А. П. Флёрова, который (недавно въ своей статьѣ: «Родной языкъ въ школѣ и зло современнаго правописанія» («Педаг. Сб.» 1903 г. №№ 9, 10 и 11-й) сдѣлалъ сводку всего, что раньше говорилось объ образовательно-воспитательномъ значеніи поэзіи.

Произведенія художественнаго слова приближаютъ читателя къ истинному пониманію собственнаго внутренняго міра и всего окружающаго, уясняютъ передъ нимъ жизнь. «Развертывая передъ читателемъ самые разнообразные характеры, поступки, положенія, картины, поэзія заставляетъ его переживать такія чувства и съ такою окраскою, какія, быть-можетъ, даже никогда бы не посѣтили его души или посѣщаютъ ее рѣдко.

Благодаря этому, при чтеніи художественныхъ произведеній психика обогащается новымъ опытомъ и пріобрѣтаетъ воспріимчивость, чуткость къ пережитому хотя бы только въ такомъ видѣ чувству. Вся гамма чувствъ, какія только были пережиты человѣческимъ сердцемъ, подъ вліяніемъ художественныхъ образовъ, проходитъ чрезъ сознаніе читателя въ сопровожденіи самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и варіацій; при этомъ одни изъ этихъ чувствъ и оттѣнковъ, альтруистическаго порядка, закрѣпляются въ душѣ, какъ обладающія внутренней привлекательностью и психической самоцѣнностью, отъ другихъ же эмоцій, эгоистическихъ и мизантропическихъ, воля старается освободиться и застраховать чувство на будущее время, яснѣе различивъ въ художественномъ воссозданіи ихъ тяжелую окраску и понявъ неизбѣжность душевной за нихъ расплаты»...

Кромѣ того, «поэзія, углубляя мысль, очищая и расширяя область чувства, дѣлаетъ нашу душу причастной здѣсь, на землѣ, того высшаго настроенія, которое въ евангеліи называется «царствіемъ Божіимъ».

«Поэзія облегчаетъ бремя житейскихъ невзгодъ и подкрѣпляетъ духъ въ тяжелыя минуты нравственной нерѣшительности и раздумья надъ тщетой человѣческихъ стремленій»... «Душа читателя, воспринимая настроеніе художника, освобождается отъ тягостныхъ осадковъ мелочного эгоизма и остается единственно при тѣхъ ясныхъ, мягкихъ и грѣющихъ элементахъ чувства, которые заставляютъ струны нашей психики колебаться въ унисонъ съ гармоніей общечеловѣческой, космической жизни»...

Наконецъ, поэзія имѣетъ огромное національное значеніе. «Являясь истолкователемъ божественной истины, вложенной въ міръ души и природы, поэтъ уясняетъ

родному народу сущность національнаго склада, содѣйствуетъ облагороженію національной психики. Національному самосознанію русской интеллигенціи особенно великія заслуги оказали Пушкинъ, Достоевскій и Л. Толстой»...

«Особенно цѣнна поэзія въ юные годы. По словамъ г. Сикорскаго, съ наступленіемъ юности, чувства получаютъ печать необыкновенной глубины, искренности и идеальной чистоты. Основную черту умственнаго развитія юноши составляетъ глубокое стремленіе освѣтить и объединить всю душу, связать въ одно цѣлое всѣ впечатлѣнія, хранящіяся въ памяти, и установить единое цѣльное міросозерцаніе, примиривъ всѣ противорѣчія, рѣшивъ для себя всѣ вопросы.

Юность—та пора въ жизни человѣка, когда рѣшается вопросъ о характерѣ и направленіи всей послѣдующей жизни. Въ такую пору и полезно познакомить юношество съ цѣлымъ рядомъ художественныхъ произведеній, изображающихъ высшія чувства: любовь къ наукѣ, самоотверженность, вѣрность долгу, патріотизмъ и т. п. Надѣюсь, послѣ сказаннаго станетъ ясно, что средняя общеобразовательная школа, сообщая учащимся извѣстную массу знаній, не должна при преподаваніи исторіи русской словесности забывать о ея воспитательномъ значеніи. Послѣднее рѣшаетъ вопросъ о курсѣ исторіи словесности въ коммерческихъ училищахъ. Несмотря на то, что коммиссія по русскому языку на 2-мъ съѣздѣ директоровъ коммерческихъ училищъ постановила въ VI, VII и VIII кл. читать произведенія русской литературы XIX столѣтія до 80-хъ годовъ,—во многихъ училищахъ доселѣ изучается литература не только XVIII, XVII, но и XI и XII-го столѣтія.

Къ свѣдѣнію г.г. педагоговъ, поклонниковъ древ-

ней литературы, приведу здѣсь слова покойнаго В. П. Острогорскаго, сказанныя имъ въ 1885 году. «Вся исторія древней русской литературы, проходимая нынѣ въ мужскихъ гимназіяхъ очень подробно, должна быть сведена къ весьма небольшому minimum'у, такъ какъ, за немногими исключеніями, она представляетъ матерьялъ почти одинъ только историческій, бытовой, къ тому же—совсѣмъ исключительный, духовно-монашескій, и никакъ не эстетическій, общечеловѣческій, который могъ бы благотворно воспитать сердце и воображеніе юноши, дать уму здоровую пищу и общечеловѣческую оцѣнку жизни. Занимая юношей почти цѣлый годъ (VI-й кл. по прежн. учеб. планамъ) митрополитомъ Иларіономъ, Кирилломъ Туровскимъ, Даніиломъ Паломникомъ..., памятниками, написанными церковно-славянскимъ или стариннымъ русскимъ языкомъ, мы уподобляемся тѣмъ схоластикамъ, убивавшимъ время на изученіе всевозможныхъ видовъ силлогизмовъ, о которыхъ сказалъ Лессингъ: «чтобы поднять вязанку соломы, не нужно никакой машины; но въ логикѣ именно для этого послѣдовательно и методически употребляются машины» («Бесѣды о преподаваніи словесности», 89 стр.).

Если подобныя рѣчи говорятся о курсѣ литературы въ гимназіяхъ, носящихъ по преимуществу филологическій характеръ, то что сказать тѣмъ г.г. преподавателямъ, которые, не мудрствуя лукаво, копируютъ гимназическія программы въ коммерческихъ училищахъ, имѣющихъ въ виду готовить молодыхъ людей къ практической дѣятельности, а если и къ теоретической (нѣкоторыхъ), то во всякомъ случаѣ не къ филологической? Еще ярче выступаетъ нелѣпость внесенія древней литературы въ курсъ коммерческихъ училищъ Привислинскаго края съ преобладающимъ составомъ учениковъ-

-католиковъ, которымъ не только непонятны, но и враждебны византійскіе идеалы и воззрѣнія.

Нѣтъ резона томить учениковъ и надъ подражательною литературою XVIII-го столѣтія, потому что за два года при трехъ урокахъ въ VI и VII кл. (коммерческихъ училищъ съ VIII классомъ пока мало) едва возможно сдѣлать то, что намѣчено пройти изъ литературы XIX столѣтія. Легко можетъ случиться, что при подробномъ изученіи литературы XVIII-го столѣтія ученики коммерческаго училища выйдутъ изъ школы, совершенно незнакомые съ произведеніями писателей послѣ Гоголя.

Не желая оставить учениковъ коммерческихъ училищъ въ совершенномъ невѣдѣніи относительно историческаго развитія русской литературы, выше упомянутая коммиссія по русскому языку высказала пожеланіе, чтобы со 2-го полугодія въ VII или VIII кл. коммерческихъ училищъ была выяснена преемственная связь произведеній ея.

Наконецъ, еще одинъ важный вопросъ, въ чемъ должно заключаться чтеніе избранныхъ произведеній русской литературы въ VI и VII кл. коммерческихъ училищъ. Не разъ названная коммисія рѣшила этотъ вопросъ такъ: а) ознакомленіе съ содержаніемъ и языкомъ, б) выясненіе основной мысли и плана, в) характеристика наиболѣе типическихъ лицъ, г) историко-литературныя и біографическія свѣдѣнія, д) чтеніе критическихъ статей о значеніи литературной дѣятельности даннаго писателя» («Матеріалы по коммерческому образованію», вып. II, стр. 58). В. П. Острогорскій относительно біографіи писателя замѣтилъ, что она должна сводиться къ рѣшенію трехъ главнѣйшихъ вопросовъ: а) какъ смотрѣлъ поэтъ на свое собственное дѣло поэ

зія, свое поэтическое призваніе; b) какъ смотрѣлъ на жизнь, т. е. какъ въ ней относился, съ какимъ чувствомъ, какія стороны жизни, свѣтлыя или темныя, изображалъ, и с) что именно своею дѣятельностью внесъ въ литературу, т.-е. какіе живые типы, изображеніе какихъ именно явленій жизни или какое особое направленіе» («Бесѣды», 5 стр.).

Незеленовъ рекомендовалъ психологическій разборъ характеровъ въ произведеніяхъ писателей, указывая на то, что подобнаго рода изученіе, во-1-хъ, лучше всего ознакамливаетъ учащихся съ самой сущностью произведенія, во-2-хъ, знакомитъ учащихся съ людьми, съ жизнью и даетъ содержаніе для мышленія, въ 3-хъ, пріучаетъ къ правильному логическому расположенію мыслей и, въ 4-хъ, очень нравится учащимся. Къ такому разбору полезно присоединить и біографію автора («О преподаваніи рус. сл.», 57).

Г. Верещагинъ, авторъ послѣдняго по времени обстоятельнаго «Руководства къ чтенію избранныхъ произведеній русской словесности въ исторической послѣдовательности» (изд. 2-ое СПетербургъ. 1903 г.) выставляетъ такія требованія въ «Предисловіи»: «Читая въ старшихъ классахъ гимназіи избранныя произведенія отечественной словесности, необходимо уяснять ученикамъ эти произведенія изъ нихъ самихъ, т.-е. выяснять ихъ тему, главную мысль (идею), планъ и, наконецъ, содержаніе со стровы его цѣльности и силы выраженія. Но, такъ какъ каждое литературное произведеніе является продуктомъ личнаго творчества писателя и фактомъ историческаго развитія словесности, то для болѣе или менѣе основательнаго пониманія, нужно его разсмотрѣть и въ этихъ отношеніяхъ»...

Приведенныхъ мнѣній вполнѣ достаточно, чтобы

установить въ общихъ чертахъ кругъ занятій съ учениками VI и VII классовъ коммерческихъ училищъ на урокахъ литературы. Литература есть отраженіе жизни въ представленіи народнаго генія. Изучать литературу значитъ изучать образы и типы, созданные писателемъ усвоить духъ, мысли, чувства, словомъ, прочувствовать; все, чѣмъ жилъ, мучился, болѣлъ тотъ или другой творецъ художественныхъ произведеній. Исторія литературы въ этомъ отношеніи есть исторія сердца генія, гдѣ отражается весь міръ.

Изученіе образовъ и типовъ, созданныхъ писателемъ, неизбѣжно повлечетъ къ знакомству съ силою и качествомъ таланта писателя, съ окружающею его дѣйствительностью, съ ея радостями, горестями и упованіями. Усвоеніе идей и чувствъ неизбѣжно приводитъ къ ознакомленію съ природными настроеніями писателя, съ вліяніями на него со стороны друзей, родителей, знакомыхъ и школы. Наконецъ, для полноты изученія приходится создать около писателя историческую перспективу, ввести его въ ряды другихъ художниковъ слова, его современниковъ, и дать ему соотвѣтствующую оцѣнку. Въ послѣднемъ случаѣ прійдется обратиться къ критикѣ.

Указавъ кругъ занятій при изученіи исторіи литературы въ VI и VII кл. коммерческихъ училищъ, скажу нѣсколько словъ о самомъ курсѣ.

По-моему, прежде изученія новѣйшаго періода русской литературы съ Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова, учителю необходимо урока въ три-четыре изложить предъ учениками ходъ литературы въ XVIII столѣтіи, когда началась новая русская литература. Въ этомъ вступленіи на фонѣ культурной исторіи Россіи учитель познакомитъ съ сущностью европейскаго нео-классицизма, съ излюбленными нео-классическими формами произ-

веденій, съ ученіемъ энциклопедистовъ, Локка, Беккаріа и Монтескье, съ англійскимъ и французскимъ сантиментализмомъ и укажетъ, какъ все пережитое въ Европѣ Западной отражалось въ Россіи. Тутъ передъ учениками промелькнутъ Кантемиръ, Ломоносовъ, Екатерина II, Державинъ, Фонвизинъ, Новиковъ, Дружеское общество, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ *).

Послѣ такого вступленія необходимо приступить къ изученію произведеній писателей начала XIX-го столѣтія, когда закончился подражательный періодъ нашей литературы и начался художественно-самостоятельный. И здѣсь преподавателю прійдется сказать нѣсколько предварительныхъ словъ о прекрасномъ началѣ дней александровыхъ (по выраженію Пушкина), объ отечественной войнѣ 12-го года, объ умственномъ движеніи въ русскомъ обществѣ въ началѣ XIX столѣтія, а изъ западно-европейской литературы необходимо познакомить учениковъ съ Байрономъ.

Затѣмъ изучать писателей слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ: Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, (сопост. съ Григоровичемъ и «Бѣдными людьми» —Достоевскаго), Тургеневъ, Гончаровъ, гр. Л. Н. Толстой и Островскій.

Во второмъ полугодіи въ VII классѣ коммерческихъ училищъ, по прохожденіи намѣченныхъ писате-

---

*) Коммерческія училища, стремясь развить самодѣятельность въ учащихся, стараются въ VI и VII кл. по больше оставить времени для домашнихъ занятій; поэтому заинтересованные ученики по Хрест. Галахова и по изданіямъ г. Чуданова и другихъ постараются прочитать произведенія названныхъ писателей. Возможно этихъ писателей сдѣлать предметомъ литературныхъ бесѣдъ.

лей, преподаватель сдѣлаетъ довольно обстоятельное заключеніе курса исторіи русской словесности. Въ этомъ заключеніи, опираясь на всю совокупность прочитаннаго и изученнаго изъ русской и всеобщей литературы въ IV, V., VI и VII кл., онъ выяснитъ ученикамъ понятія о словесности, литературѣ, исторіи литературъ всеобщей и частной Далѣе учитель остановится подробно на исторіи русской литературы, которую раздѣлитъ на древнюю и новую, съ подробнымъ указаніемъ періодовъ новой. Указавъ различіе между литературой устно-народной и искусственной, онъ остановится на четырехъ періодахъ народнаго творчества: миѳическомъ (сказка, обрядовая пѣсня), героическомъ (былины Кіевскія и Новгородскія), историческомъ (историческія пѣсни) и частно-бытовомъ (семейныя пѣсни). Здѣсь прійдется историческія пѣсни сопоставить съ пѣснею Лермонтова о Калашниковѣ, бытовыя пѣсни съ поэзіей Кольцова. Кромѣ того, придется кое-что вновь прочитать, расширяя знакомство съ произведеніями творческаго слова.

Въ заключеніе учитель скажетъ нѣсколько словъ о древней письменности, о ея общемъ характерѣ, остановившись подробнѣе на «Словѣ о полку Игоревѣ», которое можно прочесть по одному изъ поэтическихъ переложеній.

Подобнаго рода заключеніе необходимо, во-1-хъ, потому, что оно освѣтитъ общей связующей мыслью пріобрѣтенныя литературныя знанія, во-2-хъ, дополнить эти послѣднія знакомствомъ съ произведеніями народными.

Что касается метода преподаванія, то стѣснять учителя не находимъ удобнымъ; но замѣтимъ, что при вступленіяхъ и заключеніи онъ обязательно будетъ академическій или лекціонный; въ другихъ случаяхъ эвристическій. При этомъ всегда необходимо учителю помнить, что выводы тогда только имѣютъ значеніе и

убѣдительны, когда имъ предпосланы факты, т. е. произведенія въ данномъ случаѣ.

Выполнить намѣченный мною курсъ исторіи литературы легко при помощи такихъ книгъ, какъ Руководство г. Верещагина и Исторія литературы Пыпина, не говоря о многочисленныхъ Хрестоматіяхъ и спеціально школьныхъ изданіяхъ писателей русскихъ и западно-европейскихъ.

VI.

Въ этой главѣ мнѣ остается сказать объ обученіи учениковъ коммерческихъ училищъ письменному владѣнію литературною русскою рѣчью. По моему мнѣнію, задачею этого обученія должно быть — довести учениковъ коммерческихъ училищъ до умѣнья правильно, гладко и литературно писать, равно выработать привычку легко охватывать данную тему и умѣло ее выразить на письмѣ. Будущему коммерческому дѣятелю придется употреблять литературную рѣчь и для торговыхъ сношеній, и для представленія своихъ нуждъ въ департаменты, и для обсужденія различныхъ сторонъ своей профессіи въ журналистикѣ и ежедневной прессѣ.

При обученіи письменному употребленію литературной рѣчи въ коммерческихъ училищахъ надо различать два момента. До четвертаго класса письменныя работы учениковъ носятъ тотъ элементарный характеръ, который даетъ имъ кличку упражненій; а съ IV-го кл. начинаются работы, называемыя обыкновенно сочиненіями.

Задачею упражненій является пріученіе учениковъ къ правильной ореографически, этимологически и син-

тактически рѣчи; равно навыкъ кратко и распространенно излагать прочитанное или выученное наизусть произведеніе либо отрывокъ изъ него. При этомъ считаю наиболѣе важнымъ пріучить къ связному краткому изложенію болѣе или менѣе обширныхъ произведеній, потому что въ дѣловомъ языкѣ важна сжатость и ясность.

Достичь указанной цѣли на этой ступени возможно путемъ слѣдующихъ видовъ письменныхъ упражненій: списыванія съ книги, письма выученнаго наизусть, письма подъ диктовку разученной въ классѣ статейки и изложенія прочитаннаго или выученнаго наизусть.

Первыя три разновидности упражненій имѣютъ въ виду такъ называемую ороографію. Не желая повторять ошибку гимназій и реальныхъ училищъ, которыя поставили первой задачею преподаванія русскаго языка именно усвоеніе правописанія, коммерческія училища должны помнить слѣдующее: 1) нѣтъ никакого разумнаго основанія стремиться усвоить во всѣхъ тонкостяхъ и деталяхъ лишенное весьма часто разумныхъ основаній и полное не поддающихся обобщенію единичныхъ начертаній современное правописаніе; 2) овладѣть рѣчью можно путемъ изученія великихъ художниковъ родного слова, а не путемъ изученія ороографическихъ правилъ и писанія безконечныхъ диктовокъ; 3) вопреки прежней пренебрежительности, надо въ учащихся коммерческихъ училищъ развивать уваженіе, интересъ и любовь къ мѣстнымъ нарѣчіямъ, потому что, по словамъ Срезневскаго, въ каждомъ мѣстномъ нарѣчіи есть сила неосязаемая и тѣмъ неменѣе мощная, сосредоточивающая въ себѣ всѣ другія силы *), потому что народный языкъ богатъ свое-

*) См. объ ороографіи и ея вредѣ прекрасн. ст. А. П. Флёрова, «Пед. Сбор». 1903 г. т. XI.

образною колоритностью и живостью. Это тотъ великій могучій, правдивый и свободный русскій языкъ, о которомъ говорилъ умирающій Тургеневъ (Стихотворенія въ прозѣ); 4) «крайне несправедливо видѣть въ грамматическихъ ошибкахъ признаки неподготовленности молодого человѣка къ университетскому курсу и изъ-за этихъ ошибокъ закрывать ему дорогу къ высшему образованію» (Ушинскій, изъ ст. г. Флёрова). Если преподаватели коммерческихъ училищъ усвоятъ твердо сказанное, то они не заставятъ своихъ учениковъ проливать горькія слезы надъ диктовками, не будутъ мучить ихъ непрерывными орѳографическими упражненіями, а первое мѣсто отведутъ изложенію.

На второмъ съѣздѣ директоровъ коммерческихъ училищъ комиссія по русскому языку относительно изложеній высказалась, чтобы въ I кл. оно производилось по вопросамъ, во II кл. по плану [2]). По моему мнѣнію, и вопросы, и планъ при изложеніи—дѣло второстепенное: способный ученикъ часто и не нуждается въ вопросахъ и планѣ, которые иногда мѣшаютъ даже плавности его изложенія. Главное вниманіе при изложеніи въ I и II кл. слѣдуетъ обратить на построеніе рѣчи: ученики часто не умѣютъ строить предложенія, не умѣютъ правильно связать отдѣльныя предложенія союзами или союзными выраженіями, любятъ накоплять и однообразно употреблять союзы, наприм., многіе ученики очень часто всякое предложеніе начинаютъ союзомъ и. Совѣтую въ I кл. пріучать, по возможности, излагать краткими простыми предложеніями, такъ, какъ излагаются въ Хрестоматіяхъ статейки для начальнаго обученія. Постепенно рѣчь учениковъ расширяется, и къ

[2]) См. «Матеріалы по ком. образ.», вып. II, стр. 29).

концу III кл. они уже не должны стѣсняться построеніемъ предложеній. Еще одно небольшое замѣчаніе объ изложеніяхъ. По—моему, не слѣдуетъ слишкомъ рано начинать письменныя изложенія. Въ приготовительномъ кл. и въ I-мъ надо только пріучать къ устному изложенію, и только къ концу года въ I-мъ кл. можно попробовать письменно изложить разсказанное. По крайней мѣрѣ, рекомендуемаго мною правила необходимо держаться въ коммерческихъ училищахъ Привислинскаго края съ инородческимъ составомъ учащихся. Съ IV-го начинаются такъ называемыя сочиненія. Переходомъ къ нимъ могутъ служить въ теченіе перваго мѣсяца такія упражненія, какъ составленіе плановъ прочитанныхъ произведеній, краткое изложеніе большихъ произведеній. Далѣе слѣдуютъ самостоятельныя описанія, повѣствованія и разсужденія на темы, связанныя съ прочитанными произведеніями русской и иностранной литературы. Подобнаго рода темъ много указано въ выше названныхъ хрестоматіяхъ г. Верещагина.

VII.

Таковъ ходъ и кругъ занятій русскимъ языкомъ и словесностью въ коммерческихъ училищахъ мин. финансовъ. Думается мнѣ, что, при надлежащемъ исполненіи всего сказаннаго мною, но не исключительно мнѣ принадлежащаго, коммерческія училища дадутъ своимъ питомцамъ именно такое литературное образованіе, какое вполнѣ достаточно для всякаго образованнаго человѣка. Мало того, мнѣ кажется, что подобнаго рода литературное образованіе способно многимъ ученикамъ заронить въ душу такой глубокій интересъ къ литера-

туръ, что нѣкоторые ученики не покинутъ заниматься ею и по выходѣ изъ стѣнъ школы.

Но общаго очерка того пути, коимъ надо итти къ намѣченной цѣли, мало. При неподготовленности въ настоящее время педагогическаго персонала для коммерческихъ училищъ, приходится дать не только общія указанія, но и представить обработку мелочей курса. Особенно слѣдуетъ это сдѣлать относительно грамматики литературнаго русскаго языка.

Въ программѣ секціи коммерческихъ училищъ на 3-мъ съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію поставленъ, между прочимъ, вопросъ о возможности научнаго изложенія русской грамматики въ коммерческихъ училищахъ. Полагаю, что разсужденія тутъ мало помогутъ дѣлу, и потому необходимо сдѣлать попытку научнаго изложенія русской грамматики, насколько послѣднее возможно въ коммерческихъ училищахъ при извѣстномъ умственномъ развитіи учениковъ.

С. Брайловскій.

Г. Бендивъ.
1904 г. янв.

Новѣйшіе русскіе писатели въ программѣ средней школы.

Давно назрѣвшій вопросъ относительно пополненія и реорганизаціи учебной программы въ средней школѣ въ области словесности, кажется, близокъ къ желательному разрѣшенію. Надобно думать, что предположенія въ этомъ направленіи скоро станутъ дѣйствительнымъ фактомъ, а слова обратятся въ дѣло. Извѣстіе о томъ, что Министерство Народного Просвѣщенія имѣетъ въ виду ввести въ программу гимназій и реальныхъ училищъ изученіе новѣйшихъ русскихъ писателей, можетъ быть привѣтствуемо, какъ фактъ чрезвычайной важности въ школьномъ дѣлѣ.

По проникшимъ въ печать слухамъ для новой программы намѣчены слѣдующіе авторы: Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Майковъ, гр. А. Толстой и Фетъ, чтеніе которыхъ предназначается въ выпускныхъ классахъ. Хотя учащаяся молодежь такъ или иначе уже знакома съ произведеніями этихъ писателей, если не въ полномъ объемѣ, то въ образцахъ и отрывкахъ, по хрестоматіямъ и сборникамъ, тѣмъ не менѣе классное изученіе ихъ не можетъ считаться излишнимъ, такъ какъ оно сопровождается соотвѣтственными біографическими и историко-литературными объясненіями. Мы и не думаемъ, что названные писатели войдутъ въ школу съ полнымъ объемомъ ихъ сочиненій; это не возможно по многимъ причинамъ; но достаточно и важнѣйшихъ изъ

нихъ, ибо внимательное отношеніе къ небольшому даже числу произведеній писателя, правильная постановка точки зрѣнія на него и этико-художественная оцѣнка того или другого сочиненія, въ связи съ положенной въ основѣ идеей, дадутъ больше, чѣмъ огульное чтеніе писателя въ многотомномъ собраніи его трудовъ.

Программа словесности въ средней школѣ давно уже нуждается въ сказанномъ пополненіи, ибо она одна въ ряду программъ другихъ предметовъ оставалась до сихъ поръ въ какомъ-то оледенѣломъ состояніи и уже болѣе полувѣка не двигалась съ мѣста. Все шло впередъ: на страницы учебника исторіи заносились имена и событія изъ послѣдняго времени: здѣсь можно встрѣтить и Бисмарка, и Османа-пашу, рѣшенія международныхъ конгрессовъ и т. д.; въ руководства по физикѣ вошли важнѣйшія изобрѣтенія по техникѣ новаго времени, въ географическіе атласы поправки соотвѣтственно дѣйствительному положенію государственныхъ границъ на сушѣ и водѣ или по даннымъ изъ новѣйшихъ изысканій путешественниковъ и мореплавателей. Одна лишь, повторяемъ, программа словесности оставалась попрежнему старой. Вопросы общественной жизни и личной психологіи человѣка, насколько они возможны въ курсѣ словесности, остаются все въ томъ же кругу, который опредѣляется произведеніями старыхъ писателей. Все тѣ же Бѣдная Лиза и Марья Ивановна, Плюшкинъ и скупой рыцарь, Митрофанушка да Иванушки; отчего же не пора перейти къ Лаврецкому, Рудину или къ Обломову, Титу Титычу и др.? Выходившіе изъ средней школы по окончаніи въ ней курса чувствовали, что имъ на урокѣ словесности не договаривали послѣдняго слова; что за Пушкинымъ и Гоголемъ развертывается громадная ширина отечественной литературы, о которой они,

еще до полученія аттестата зрѣлости, слышали вездѣ, только не въ школѣ, а если, допустимъ, и въ классѣ, то отлично замѣчали, что объ этомъ имъ говорили какъ-то бѣгло, наскоро, точно въ скобкахъ или между прочимъ. Получалось понятное недоумѣніе, которое, конечно, не вело къ пользѣ и заставляло вперять глаза въ неразрѣшимую задачу. Волей-неволей создавалось заглазное чтеніе, къ которому ученикъ не всегда умѣлъ правильно отнестись и считалъ, пожалуй, по собственному пониманію запретнымъ то, что въ сущности должно было бы быть обязательнымъ.

Вмѣстѣ съ пополненіемъ общеобразовательнаго курса нашей средней школы, новая программа словесности обязательно внесетъ въ него и желательное обновленіе. Преподаватель русскаго языка изъ личной практики знаетъ, какъ туго обычно идетъ у него курсъ древней до-Петровской словесности, какъ медленно и, просто говоря, скучно тянется у него дѣло, когда онъ проходитъ съ учениками памятники письменности, именуемые литературными, изъ XIII, XIV и т. далѣе вѣковъ вплоть до оживленія общественной русской жизни. Только отъ искусства преподавателя зависитъ возможность удержать вниманіе учащихся на различныхъ «сказаніяхъ и повѣданіяхъ», которыя важны лишь для составленія общихъ картинъ давноминувшей жизни въ изученіи спеціалистами, а не тѣми юными слушателями, которые еще не могутъ проникнуться интересами историко-литературнаго изслѣдованія въ области древнихъ памятниковъ, не имѣя вдобавокъ къ тому требуемыхъ знаній. И сколько бы выигралъ русскій учащійся юноша, если бы ему вмѣсто «Задонщины» объяснили «Войну и миръ» — Толстого, вмѣсто «Домостроя» «Семейную хронику» — Аксакова, вмѣсто «Хожденія за три моря» хотя бы «Фрегатъ — Палладу» —

Гончарова; а вмѣсто уродливыхъ виршей дали бы ему послушать музыку новѣйшихъ поэтовъ. Безъ нравственнаго ущерба для себя поступилась бы нынѣшняя программа и въ спискѣ сочиненій великихъ въ своемъ родѣ Ломоносова, Державина и Карамзина для другихъ, болѣе близкихъ къ намъ именъ. По справедливому мнѣнію друзей школы курсъ древней нашей литературы нуждается въ тщательномъ и въ самомъ смѣломъ пересмотрѣ. Мы не имѣемъ въ древней нашей словесности своихъ Данте, Сервантесовъ, Шекспировъ, которые значатся, какъ великіе писатели, въ исторіи литературы западныхъ народовъ, которыхъ слѣдуетъ знать, и которыми нужно дорожить. Что же и кого мы можемъ поставить имъ въ параллель у себя? Одно «Слово о полку Игоревѣ», которое вмѣстѣ съ немногими произведеніями древней письменности въ такомъ случаѣ могло бы составить небольшой курсъ древней словесности, въ особенности если къ этому курсу добавить характерныя произведенія народной поэзіи. Зато съ какимъ замѣтнымъ оживленіемъ принимается ученикъ за книгу, когда онъ вышелъ изъ времени старины и перешелъ къ болѣе живымъ и интереснымъ образамъ. Самочувствіе его, выражаясь фигурально, становится бодрѣе, дѣятельность его принимаетъ болѣе интенсивный характеръ, мышленіе его останавливается на особенностяхъ душевнаго склада человѣка въ разнообразныхъ проявленіяхъ его природы. «Словесность», говорилъ Карамзинъ: «есть зерцало ума и чувства народнаго». Такъ откуда же, какъ не изъ источника дѣйствительной словесности черпать ту силу, которая, по словамъ одного поэта, дѣлаетъ человѣка «владѣтелемъ своихъ страстей», и по пересказу другого можетъ указать ему: «вотъ кто родня тебѣ, кто близкій, кто любимый». Въ этихъ двухъ началахъ, опредѣляющихъ разумность отно-

шеній человѣка къ самому себѣ и къ другому, заключается мораль всей поэзіи, равно какъ главнѣйшая точки зрѣнія, съ какой должно итти ея преподаваніе въ школѣ. Чѣмъ больше матеріала въ его разнообразіи для выясненія этихъ началъ и реальнаго подтвержденія ихъ сущности, тѣмъ выгоднѣе для преподавателя, тѣмъ лучше для учащихся. По послѣднему разъясненію Ученаго комитета М. нар. просв., темы для ученическихъ сочиненій должны быть предлагаемы изъ области тѣхъ дисциплинъ, которыя преподаются на историко-филологическомъ факультетѣ. Это разъясненіе вполнѣ совпадаетъ съ необходимостью расширенія курса литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, для увеличенія матеріала, служащаго для выбора темъ, задаваемыхъ ученикамъ. И мы, надобно полагать, скоро будемъ имѣть этотъ матеріалъ расширеннымъ въ соотвѣтственной мѣрѣ. Что же однако препятствовало этому до послѣдняго времени? Раньше можно было думать, что введеніе въ программу средней школы новѣйшихъ писателей представитъ затрудненіе въ томъ, что эти писатели недостаточно еще изучены, что критика не установила еще о нихъ вполнѣ законченнаго и опредѣленнаго сужденія, и что сами преподаватели еще не подготовлены къ этому курсу, такъ какъ въ университетѣ онъ не читается. Но въ настоящее время опасенія подобнаго рода совершенно излишни, ибо у насъ есть и хорошія изданія сочиненій важнѣйшихъ авторовъ, и достаточно полная ихъ оцѣнка. Критическія статьи Добролюбова, Ап. Григорьева, Майкова, Миллера и др., историко-литературные труды Пыпина, Скабичевскаго, Полевого, не говоря уже о Бѣлинскомъ, даютъ не мало матеріала для составленія соотвѣтственныхъ характеристикъ и общихъ заключеній. Критика сочиненій Тургенева, Некрасова, Островскаго, Достоев-

скаго, гр. Л. Толстого и др. сложилась уже въ богатую литературу и о многихъ изъ нихъ не только у насъ, но и за границей. Дѣлала въ этомъ отношеніи свое дѣло и учебная литература, давшая нѣсколько курсовъ и очерковъ нашей новѣйшей словесности, каковы книжки Евстафьева, Родоновскаго, Смирновскаго и проч. Словомъ, все готово для того, чтобы оффиціальное предположеніе получило полное свое осуществленіе и явилось отвѣтомъ на давнишній запросъ времени и обстоятельствъ дѣла.

Какъ и въ какихъ деталяхъ будетъ расположенъ проектируемый курсъ литературы, еще неизвѣстно; однако, судя по названнымъ въ предположеніи именамъ писателей, можно понять, что проектъ имѣетъ въ виду представителей двухъ основныхъ теченій литературы, установленной у насъ Пушкинымъ и Гоголемъ. Первый далъ изображенія характеровъ, «являющихъ высокое достоинство человѣка»; Гоголь представилъ образы, отражающіе «всю страшную, потрясающую тину мелочей, окутавшихъ нашу жизнь; всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная жизнь». Въ линію за Пушкинымъ поставлены Тургеневъ, Майковъ, гр. А. Толстой и Фетъ. Конечно, у каждаго изъ этихъ писателей есть свои особенности, опредѣляемыя ихъ талантами и спеціальными литературными заслугами, тѣмъ не менѣе всѣ они могутъ быть сведены въ группу писателей положительныхъ. Тургеневъ, который самъ называлъ себя ученикомъ Пушкина, ближайшій по силѣ къ нему дарованія художникъ, бытописатель нашей жизни, въ извѣстной степени романтикъ съ широкимъ кругозоромъ на окружающую его русскую среду со всѣми ея слоями. Изображая важнѣйшія явленія изъ внутренней жизни русскаго общества,

его «Отцовъ и дѣтей», его «Новь»; онъ вывелъ въ художественныхъ портретахъ массу русскихъ лицъ, которыхъ находилъ то въ «Красивой Мечи», то на «Бѣжиномъ лугу», то въ «Дворянскомъ гнѣздѣ». По словамъ поэта, назначенье Тургенева было: «Отчизнѣ гражданъ воспитать», и въ этомъ его великая заслуга передъ отечествомъ, которое онъ такъ любилъ, такъ зналъ, хотя и мало въ немъ жилъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ выборѣ писателей для пополненія гимназической программы Тургеневъ долженъ занять первое мѣсто, какъ величайшій изъ художниковъ послѣ Пушкина. Майковъ — лучшій представитель пушкинской лирики, поэтъ эстетикъ, въ особенности въ своихъ антологіяхъ, которыя такъ высоко и справедливо цѣнилъ Бѣлинскій. Свидѣтель послѣднихъ годовъ крѣпостнаго права и момента его разрѣшенія, въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ «Нива», «Картинки», онъ, какъ Пушкинъ, «лирой пробуждалъ чувства добрыя». Гр. А. Толстой, у котораго «какъ у Баяна были гусли въ рукахъ» — поэтъ русской старины, которую онъ представилъ въ своихъ былинахъ, балладахъ и романѣ, знакомомъ русскому читателю съ юнаго возраста. Совсѣмъ оригинальный, самобытный поэтъ, гр. А. Толстой занимаетъ въ нашей литературѣ свое особенное мѣсто и въ былинныхъ темахъ вызвалъ себѣ послѣдователя въ лицѣ Сурикова. Фетъ — служитель чистаго искусства; грацію поэзіи Фета Тургеневъ называлъ «плѣнительною, хотя считалъ ее однообразною».

Мы не ставимъ вопроса, почему эти писатели, объединенные общими имъ признаками литературной дѣятельности, предпочтены другимъ изъ школы писателей положительныхъ, но считаемъ умѣстнымъ обратить вниманіе, почему наряду съ ними не названы другіе авто-

рыхъ того же основного направленія и изъ того же времени, напримѣръ, Тютчевъ, сотрудникъ Пушкина по «Современнику»? О Тютчевѣ Некрасовъ писалъ слѣдующія строки: «въ «Современникѣ» начали появляться стихотворенія, въ которыхъ было столько оригинальности, мысли и прелести изложенія, столько, однимъ словомъ, поэзіи, что, казалось, только самъ же издатель журнала (т. е. Пушкинъ) могъ быть ихъ авторомъ». И дѣйствительно, стихотворенія Тютчева, обыкновенно небольшія, даже крошечныя по объему, такъ богаты содержаніемъ и великолѣпны по образамъ, что поистинѣ могутъ считаться алмазами русской поэзіи. Довольно въ этомъ отношеніи сослаться на авторитетъ Тургенева, разборчиваго цѣнителя поэтической красоты». Въ нашихъ глазахъ, говоритъ онъ, какъ оно ни обидно для современниковъ, Тютчевъ, принадлежащій къ поколѣнію предыдущему, стоитъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ собратьевъ по Аполлону... На одномъ Тютчевѣ лежитъ печать той великой эпохи, къ которой онъ относится, и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ». Тютчевъ не занялъ бы въ школѣ много времени, но занялъ бы мѣсто какъ ближайшій наслѣдникъ Пушкина, который былъ «полезенъ ... обществу живою прелестью стиховъ».

Не упоминаетъ проектъ никого изъ нашихъ писателей славянофиловъ, представлявшихъ въ свое время чрезвычайно крупное явленіе въ русской общественной жизни. Писатели, какъ выразители народнаго ума и чувства, касались основного вопроса славянофиловъ очень часто; у Майкова, у Тютчева, родственника И. С. Аксакова, произведенія съ этимъ содержаніемъ не рѣдкость, и въ нашей исторіи славянофильство — одна изъ видныхъ ея страницъ. Лучшимъ поэтомъ патріотизма и славянофильскихъ стремленій былъ Хомяковъ, воспи-

таимый въ средѣ Веневитинова, кн. Одоевскаго, братьевъ Кирѣевскихъ и др.. По словамъ Лонгинова, онъ былъ не только центромъ мыслящихъ людей извѣстнаго круга, но вносилъ собою оживленіе и напоминанье о высшихъ нравственныхъ требованіяхъ человѣчества. На это Хомяковъ употреблялъ данные ему Богомъ дары, которые онъ умѣлъ развить и обогатить: таланты поэта и мыслителя, увлекательный даръ слова, тонкую діалектику, глубокія убѣжденія, энергичный характеръ». Основа поэзіи Хомякова—религіозное чувство, глубокій патріотизмъ, который онъ умѣлъ соединять съ общими интересами всего славянства, гдѣ, по его словамъ: «мы родные братья, дѣти матери одной». Кто не знаетъ наизусть его прекраснаго стихотворенія: «Къ дѣтямъ», кто не помнитъ его «Кіева», его «Навуходоносора» и мн. др. Намъ бы казалось, что Тютчевъ и Хомяковъ, во многомъ близкіе другъ къ другу, должны быть внесены въ школьную программу для полноты ея содержанія и расширенія ея границъ, въ которыя необходимо ввести существенныя явленія нашей литературы.

Но важнѣйшимъ намъ представляется вопросъ: что же изъ названныхъ въ предположеніи писателей будетъ взято въ программу для школьнаго преподаванія? Юноша читаетъ теперь Тургенева безъ запрета всего. Школа должна установить, что изъ длиннаго списка сочиненій этого писателя лучшее и болѣе существенное какъ само по себѣ, такъ и въ смыслѣ общественнаго культурнаго значенія. Въ существующихъ учебникахъ изъ Тургенева помѣщены его «Записки охотника» и «Дворянское гнѣздо», несомнѣнно, весьма важныя произведенія и по идеѣ, и по художественному выполненію; но этого, намъ кажется, мало. Личность Рудина была бы также очень интересна въ серіи литературныхъ пор-

героевъ, начиная отъ Евгенія Онѣгина; въ немъ много типичныхъ свойствъ русскаго человѣка, да и самъ онъ интересенъ, какъ предметъ анализа и характеристики. Если Рудинъ не вполнѣ реаленъ, и жизнь его проходитъ безъ желательнаго осуществленія его стремленій, то во всякомъ случаѣ онъ представляетъ собою много поучительнаго. Читаютъ наши юноши также «Отцовъ и дѣтей»; несомнѣнно и то, что до нихъ доходятъ отъ старшихъ толки о томъ, какое умственное движеніе вызвалъ этотъ романъ въ русскомъ обществѣ при своемъ появленіи, благодаря характерной личности Базарова. Сочувствовалъ ли Тургеневъ этому герою извѣстнаго момента нашей жизни и велъ ли онъ положительную проповѣдь о такъ называемомъ нигилизмѣ—разрѣшено критикой съ достаточной полнотой, и самый вопросъ въ этомъ видѣ не можетъ быть страшнымъ и опаснымъ на урокѣ словесности; страшнѣе и опаснѣе будетъ его замалчиваніе. Нѣжное, сердечное, чисто «тургеневское» чувство не могло возводить на пьедесталъ героевъ такого склада, и типы этого рода, какъ и время ихъ, уже прошли. Юноша узнаетъ въ школѣ причины, породившія Базаровыхъ, и условія, сведшія ихъ со сцены, а самъ романъ останется, какъ бытовая лѣтопись изъ прошлаго нашей умственной жизни, какъ и многіе другіе образы изъ литературы прошлаго времени. Мы полагали бы, что «Отцы и дѣти» должны быть поставлены въ курсѣ о Тургеневѣ уже потому, что Базаровъ самъ молодъ, самъ еще учится, а, слѣдовательно, очень близко стоитъ по возрасту и по положенію къ читателю—учащемуся, котораго онъ заинтересуетъ не меньше, чѣмъ отжившій свое старикъ Плюшкинъ или дожившій до сѣдинъ Фамусовъ, ибо надобно сознаться, что зрѣлому читателю, видѣвшему жизнь и людей, тотъ и другой болѣе понятны,

чѣмъ юношѣ, носящему въ душѣ своей совсѣмъ иныя представленія. Отношенія отцовъ къ дѣтямъ и обратно — дѣтей къ отцамъ серьезнѣйшій—вопросъ въ складѣ общественной и семейной жизни,—вопросъ, проходящій черезъ всю нашу литературу; онъ ставится и въ «поученіяхъ» древнихъ авторовъ, его мы находимъ и въ «Домостроѣ» и въ повѣсти «Горе-злосчастье», и въ «Духовной» — Татищева, и въ «Недорослѣ» — Фонвизина, и въ «Горѣ отъ ума»—Грибоѣдова; его же мы видимъ и въ «Отцахъ и дѣтяхъ»—Тургенева; онъ же перешелъ и въ современную нашу литературу. Какая длинная нить, которая врядъ ли когда закончится! Зачѣмъ же ее обрывать значительно раньше времени.

Позволительно съ большимъ основаніемъ думать, что въ серію сочиненій Тургенева войдутъ и его «Стихотворенія въ прозѣ», между которыми не мало превосходнѣйшихъ, требующихъ заучиванія наизусть.

Гр. А. Толстого слѣдуетъ начать въ знакомствѣ съ нимъ съ его «Автобіографическаго очерка», какъ Фонвизина съ его «Чистосердечнаго признанія». Онъ попреимуществу изобразитель нашей старины—былевой и исторической и этой послѣдней главнымъ образомъ изъ времени Іоанна IV. «Василій Шибановъ», «Старицкій воевода», «Князь Серебряный», первая часть трилогіи—«Смерть Іоанна Грознаго»,—все это художественныя вещи, которыхъ не обойдешь молчаніемъ въ самомъ даже небольшомъ курсѣ о талантливомъ писателѣ. Допустимъ, что и баллада его, и романъ читаются учениками раньше послѣдняго класса; но вѣдь также читается и Пушкинъ, и Гоголь; надобно имѣть въ виду, что чтеніе и изученіе не совсѣмъ одно и то же. Г. Ро-

донежскій въ своемъ «Очеркѣ исторіи русской литературы», предназначенномъ для школы, только упоминаетъ, но не останавливается на названныхъ только что произведеніяхъ поэта, удѣляя достаточно мѣста разсмотрѣнію его былинъ и трилогіи. Хороша также поэма графа Толстого: «Іоаннъ Дамаскинъ», дающая поводъ къ интереснѣйшему разсужденію о томъ, что такое талантъ, и какъ велика его сила, бьющаяся наружу, помимо воли ея обладателя. Психологическій анализъ, приложенный къ этой поэмѣ, заставитъ снова встрѣтиться съ вопросомъ о свободѣ творчества, съ которымъ встрѣчались ученики въ курсѣ о Пушкинѣ. Оригинальность гр. Толстого сказалась также и въ его своеобразномъ языкѣ, достигающемъ красоты и колорита народной или старокнижной рѣчи съ ихъ формами и построеніемъ, что въ отношеніи къ послѣдней мы замѣчаемъ у Пушкина, напр.: въ «Олегѣ», «Пророкѣ» и «Борисѣ Годуновѣ».

Майковъ—ближайшій преемникъ Пушкина по художественности своей поэзіи; мелкія его стихотворенія, особенно въ антологическомъ родѣ, представляютъ неподражаемую прелесть содержанія и гармонію стиха, что такъ высоко, въ уровень съ Пушкинымъ, ставилъ Бѣлинскій. Въ этомъ отношеніи онъ является классикомъ въ широкомъ смыслѣ слова: Художникъ-живописецъ по начальной своей дѣятельности, Майковъ остался такимъ же и впослѣдствіи, когда, оставивъ палитру, взялся за перо и далъ русской литературѣ образцы художественнаго слова во всѣхъ видахъ поэзіи. Однако Майковъ по преимуществу лирикъ, какимъ онъ остается и въ піесѣ: «Два міра», названной имъ лирической драмой, и въ небольшихъ поэмахъ, каковы «Клермонтскій соборъ», «Савонаролла» и др. Бѣлинскій отмѣтилъ въ немъ новѣйшій

голосъ искренняго чувства, болѣе или менѣе звучный отголосокъ внутренней думы»... О немъ же въ «Современникѣ» за 1855 г., въ моментъ особенного подъема русскаго поэтическаго духа, было сказано, что «на немъ, какъ на поэтѣ, равнаго которому въ настоящее время едва ли имѣетъ Россія, прямымъ образомъ лежитъ обязанность сдѣлаться органомъ общаго чувства». Вслѣдствіе всего этого Майкова должно признать лучшимъ представителемъ лиризма и съ этой точки зрѣнія разсматривать его произведенія, изъ коихъ многія выучиваются дѣтьми съ ранняго возраста. Группы такихъ стихотвореній должны быть отнесены къ первому отдѣлу его сочиненій, изучаемыхъ въ курсѣ литературы; ко второму, по нашему мнѣнію, должны принадлежать тѣ изъ нихъ, въ которыхъ поэтъ касается историческихъ темъ нашей или иноародной жизни, какъ, напримѣръ, поэмы: «Іафетъ», «Клермонтскій соборъ», «Савонарола», «Приговоръ», «Кто онъ»? «Нива», «Картинка». И наконецъ къ третьему отдѣлу мы отнесли бы тѣ сочиненія поэта, идею которыхъ онъ носилъ въ себѣ всю жизнь, а именно: «Три смерти»; и затѣмъ—«Два міра», какъ плодъ его глубокаго изученія древняго Рима и философіи. На Фета критика смотрѣла съ двухъ, совершенно противоположныхъ сторонъ: насколько одни его превозносили, настолько другіе отрицали. Л. Майковъ, братъ поэта, признавалъ въ немъ «идеальное созерцаніе жизни и лирическое къ ней отношеніе». Поэзія его свободна «отъ преходящихъ условій мѣста и времени» и проявляется свободно, какъ плодъ извѣстнаго настроенія души. По Фету, какъ и по Гете пѣвецъ поетъ, «какъ поетъ птица», и смыслъ и красота этой пѣсни въ ней самой, а не во внѣшнемъ побужденіи. Самъ Фетъ называлъ свои стихотворенія пѣснями, причемъ лиризмъ считалъ «цвѣ-

томъ и вершиною жизни». Но это не пѣсня бурной страсти или трагическаго момента, напротивъ того: она выражаетъ мирныя настроенія человѣка и дѣйствуетъ на душу успокоительно, передавая ощущенія красоты и гармоніи; она попреимуществу проникнута чувствомъ радости, свѣтлыхъ мечтаній и увлекательныхъ надеждъ и въ этомъ смыслѣ сближается съ поэзіей Жуковскаго. Какъ лирикъ, Фетъ близко подходитъ къ Майкову, который превосходитъ своего современника и друга живописью, но уступаетъ ему, по мнѣнію Тургенева, въ «плѣнительной граціи».

Значеніе Фета въ гимназической программѣ словесности заключается, по нашему убѣжденію, именно въ установленіи или, лучше сказать, въ подтвержденіи того принципа, что искусство, а, слѣдовательно, и поэзія, живетъ само по себѣ, что въ немъ есть свои собственныя живительныя силы, почему правъ былъ поэтъ нашъ, когда говорилъ: «я никогда не могъ понять, чтобы искусство интересовалось чѣмъ-либо, помимо красоты». Большое число пьесъ Тютчева оставлено безъ заглавія, и дѣйствительно піесамъ этимъ нельзя подобрать названія, такъ какъ онѣ выражаютъ непередаваемыя словомъ во всей полнотѣ вибраціи чувства. «О, еслибъ безъ словъ сказаться душѣ было можно!» восклицаетъ поэтъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній въ приливѣ просящагося изъ груди чувства и чувства нѣжнаго и мягкаго. Ибо ни злобы, ни негодованія въ поэзіи Фета нѣтъ.

Крупныхъ оригинальныхъ выдающихся произведеній Фетъ не далъ, поэтому изученіе его можетъ быть сведено къ двумъ отдѣламъ: 1) оригинальныя стихотворенія въ антологическомъ и лирическомъ родѣ и 2) переводныя, преимущественно изъ Горація, съ одами котораго онъ познакомилъ русскаго читателя.

Тѣмъ не менѣе мы не стояли бы усиленно за Фета въ гимназической программѣ, такъ какъ Тютчевъ и Майковъ, какъ поэты съ большимъ содержаніемъ, могли бы быть совершенными выразителями нашей лирики того времени.

Труднѣе, намъ кажется, сдѣлать выборъ для гимназической программы писателей Гоголевской школы,— не потому, конечно, что въ этомъ отношеніи наша литература не богата, напротивъ того: мы имѣемъ значительное число авторовъ этого направленія. Затрудненіе встрѣчается лишь въ томъ, кого изъ этихъ авторовъ включить въ названную программу. Гончаровъ, Островскій, Некрасовъ, Григоровичъ, Писемскій, могли бы каждый въ отдѣльности быть полезными намъ въ гимназическомъ курсѣ; всѣ они одинаково популярны и имѣются въ полныхъ собраніяхъ ихъ сочиненій. Въ учебныя книги вошли изъ нихъ главнымъ образомъ первые три, и, по нашему мнѣнію, съ достаточнымъ основаніемъ: Гончаровъ касается жизни русскаго дворянства, Островскій беретъ темы преимущественно изъ среды купеческой, Некрасовъ знакомитъ читателя съ сферой и условіями жизни крестьянства. Хотя общая картина жизни этихъ сословій въ настоящее время значительно измѣнилась, и число Обломовыхъ и Титъ Титычей значительно сократилось, а подневольныхъ крестьянъ уже совсѣмъ нѣтъ, тѣмъ не менѣе созданные этими писателями типы имѣютъ въ нравственномъ отношеніи огромное значеніе, какъ выразители человѣческаго бездѣлья или самодурства, или наконецъ бездолья подъ гнетомъ нужды, силы и невольнаго невѣжества. И съ именемъ каждаго изъ этихъ писателей сложилось у русскаго читателя довольно отчетливое представленіе: Гончарова мы знаемъ, какъ изобразителя «обломовщины», Остров-

скаго, какъ бытописателя «Темнаго царства», а Некрасова, какъ «печальника горя народнаго».

Литература Гончарова не велика, и слава автора «Обыкновенной исторіи», «Обломова» и «Обрыва» покоится главнымъ образомъ на второмъ его произведеніи. Илья Ильичъ—одинъ изъ капитальнѣйшихъ образовъ въ русской беллетристикѣ; знать его необходимо каждому, какъ урокъ нравственной и практической жизни, безплодно проведенной Обломовымъ по безволью его и бездѣлью. Что даетъ себѣ и обществу этотъ добрый, честный, получившій образованіе человѣкъ «хрустальной души» съ его лѣнью, равнодушіемъ и инертностью? Разборъ свойствъ души Обломова и причинъ его положенія—интересный и правоучительный анализъ особенно въ сопоставленіи съ характеристикой обрусѣвшаго нѣмца Штольца; —этотъ разборъ важенъ тѣмъ болѣе въ томъ отношеніи, что черты обломовщины мы встрѣчаемъ въ той или другой мѣрѣ и въ Онѣгинѣ, и въ Тентетниковѣ, и въ Лаврецкомъ и т. д. до многихъ знакомыхъ нашихъ изъ дѣйствительной жизни. Въ беллетристикѣ Гончарова можно было бы остановиться на одномъ «Обломовѣ», но въ курсѣ объ этомъ писателѣ слѣдуетъ ввести его художественный «Мильонъ терзаній», какъ образецъ литературнаго разбора, вдобавокъ такого произведенія, которое ученики уже прошли раньше по своей программѣ. Произведенія въ духѣ разсужденій и критики въ гимназическомъ курсѣ послѣ Карамзина не встрѣчаются, ихъ проходитъ мимо и у Пушкина, и у Гоголя, не говоря уже о Бѣлинскомъ, который по курсу совсѣмъ не полагается, поэтому разсужденіе Гончарова было бы цѣлесообразнымъ пополненіемъ программы.

Островскій занялъ въ нашей литературѣ свое осо-

бенное мѣсто и не потому только, что онъ исключительно писатель драмматическій, представитель русской народной драмы въ широкомъ смыслѣ слова, а потому, что онъ ознакомилъ читателей въ художественныхъ образахъ съ малоизвѣстной въ литературѣ до того времени средой—купечествомъ и мелкимъ чиновничествомъ, такъ какъ гоголевскіе образы изъ этой среды имѣютъ свои особые отличительные признаки. Добролюбовъ далъ блестящую характеристику Островскаго, какъ писателя въ этомъ содержаніи; его статьи: «Темное царство» и «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ», укажутъ, что слѣдуетъ взять и какъ поставить взятое у Островскаго для гимназической программы. Такія пьесы, какъ «Свои люди—сочтемся», «Бѣдность не порокъ», «Гроза», должны занять здѣсь первое мѣсто, какъ пьесы бытовыя и идейныя. Двѣ послѣднія изъ нихъ вошли въ классическій репертуаръ нашихъ театровъ, на ряду съ «Ревизоромъ» и «Горемъ отъ ума». Съ ними надо не только познакомиться, но ихъ надо знать, какъ лучшія созданія нашего драматурга, какъ свидѣтельства, можетъ-быть, прошлаго, но недалекаго прошлаго русской жизни. Драматическія хроники Островскаго менѣе извѣстны; на сценѣ, особенно провинціальной, онѣ почти не появляются, но въ знакомствѣ съ писателемъ онѣ необходимы. Важнѣйшею изъ нихъ для гимназическаго курса надо поставить «Козьму Минина». Съ героемъ этой хроники учащіеся знакомы не только изъ исторіи: они знаютъ его и изъ извѣстнаго романа Загоскина, читаемаго обыкновенно подростками съ большою охотою—обстоятельство, очень интересное для классныхъ занятій въ смыслѣ составленія параллельныхъ характеристикъ, сравненій и выводовъ. Хроники Островскаго интересны, сверхъ того, какъ особый видъ драматической поэзіи, значительно

пополняемый ими, если считать въ этомъ ряду историческія драмы Сумарокова, Озерова, а также «Орлеанскую дѣву»—Жуковскаго, «Бориса Годунова»—Пушкина и трилогію гр. А. Толстого, съ которыми учащіеся знакомы по курсу до Островскаго.

На этихъ двухъ писателяхъ—Гончаровѣ и Островскомъ, сближаемыхъ общимъ имъ духомъ поэзіи и останавливается проектъ новой программы словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Некрасовъ сюда не вошелъ,—потому ли, что для знакомства съ нимъ нѣтъ времени, по другимъ ли причинамъ, неизвѣстно. Но во всякомъ случаѣ объ этомъ пропускѣ должно пожалѣть. Имя Некрасова такъ извѣстно даже изъ начальной хрестоматіи, поэзія его такъ характерна, а сочиненія его читаются такъ широко, что обойти его въ новой программѣ словесности—значить оставить въ ней весьма замѣтный пробѣлъ. Некрасовъ написалъ много, и изъ этого многаго для средней школы пригодилось бы не мало прекрасныхъ вещей. Мелкихъ стихотвореній его въ короткой статьѣ не пересчитать: «Власъ», «Школьникъ» «Внимая ужасамъ войны», «Несжатая полоса», «Русь» и т. д. всѣ они, ровно какъ и болѣе крупныя, гдѣ мы видимъ изображеніе «Крестьянскихъ дѣтей» или самой крестьянки—«Морозъ красный носъ»—прекрасны, какъ прекрасны его «Русскія женщины», признанныя Достоевскимъ «шедеврами». Если Некрасовъ не отличался изяществомъ своего стиха, блѣднѣющаго при сравненіи со стихами Пушкина и Лермонтова, и самъ называлъ его «суровымъ и неуклюжимъ», то въ этомъ стихѣ было прекрасное и оригинальное содержаніе, давшее поэту нашему особое мѣсто въ исторіи нашей литературы. Наконецъ, самый приговоръ этотъ, подтвержденный даже Тургеневымъ, несовсѣмъ справедливъ по

отношенію по всѣмъ произведеніямъ Некрасова, между которыми есть вполнѣ выдержанныя и по внѣшнему своему выраженію, и по силѣ поэтической рѣчи *).

Программы для предметовъ школьнаго преподаванія пересматриваются не часто, а новыя создаются совсѣмъ рѣдко; поэтому при составленіи дополнительной программы по словесности для нашихъ среднихъ учебныхъ

*) Понятно, самое важное въ изученіи русской литературы—это усвоить то, что составляетъ суть жизни, мысли и чувства народа, такъ какъ въ литературѣ отражается жизнь. Тѣ или другіе типы въ ихъ внутренней и внѣшней жизни и даютъ представленіе о послѣдней. Названные писатели (до Достоевскаго и Толстого) даютъ намъ типы, и положительные, и отрицательные, изъ жизни высшаго сословія, купечества, чиновниковъ; но каждому русскому интересно и дорого знать жизнь также крестьянина, мѣщанина—горожанина. И намъ думается, что въ спискѣ изучаемыхъ въ средней школѣ писателей должны быть не забыты Кольцовъ и Никитинъ. Первый, подобно Пушкину, своимъ художественнымъ стихомъ обрисовалъ свѣтлую главнымъ образомъ сторону крестьянскаго быта (см. ст. Бѣлинскаго и В. Майкова); второй далъ намъ картины горькой жизни бѣдствующаго мѣщанина. Стихотворенія и Кольцова и Никитина, подобно стихотвореніямъ другихъ поэтовъ, встрѣчаемъ мы во всѣхъ почти хрестоматіяхъ. Полезно юношамъ познакомиться и съ страданіями человѣческими. Въ этомъ отношеніи Никитинъ, чистый душою, стойкій въ убѣжденіяхъ при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни, является художникомъ, заслуживающимъ вниманія русскихъ юношей. Наши дѣти совершенно не знаютъ жизни и по вступленіи въ жизнь терпятъ много отъ послѣдней, а изученіе жизни всѣхъ сословій, помимо чисто эстетическаго развитія, несомнѣнно, сослужило бы свою службу въ развитіи нашихъ дѣтей, въ подготовкѣ ихъ къ жизни. *Ред.*

заведеній въ настоящее время необходимо воспользоваться всѣмъ, чтобы она вышла возможно содержательной и полной. Для прохожденія ея нужно найти время, выигрывая его при цѣлесообразномъ сокращеніи курса древней словесности, ибо отъ оживленія преподаванія важнѣйшаго общеобразовательнаго предмета, какимъ является отечественная литература, получается несомнѣнный выигрышъ въ дѣлѣ воспитанія подрастающаго поколѣнія. Впереди стоятъ еще такіе колоссы русской словесности, какъ Достоевскій и гр. Л. Толстой; поэтому рѣшительно невозможно урѣзывать оставшееся безъ нихъ.

Повторяемъ: все готово для осуществленія сообщеннаго печатью проекта, и друзья нашей школы ждутъ его въ самомъ скорѣйшемъ времени.

Н. Марковъ.

Матеріалъ

для словопроизводственнаго словаря.

Громадный міръ внутреннихъ ощущеній человѣка вызвалъ необходимость переносить слова отъ одного значенія къ другому, и, благодаря такому процессу, образовались цѣлые ряды новыхъ словъ, которыхъ прежде въ языкѣ не было. Отсюда видно, что при словопроизводствѣ необходимо принимать во вниманіе, въ какомъ смыслѣ употреблено данное слово: въ собственномъ или переносномъ. Собственный смыслъ слова есть тотъ, въ которомъ удержалось первоначальное значеніе корня; переносный смыслъ слово получаетъ, когда мы, на основаніи сходства впечатлѣній, свойство одного предмета переносимъ на другой. Каждое слово, взятое отдѣльно, понимается въ прямомъ значеніи; когда же оно соединяется съ другимъ словомъ въ одно выраженіе, то можетъ сохранить или собственный смыслъ, или получить переносное значеніе, напримѣръ: теченіе рѣки и теченіе времени; высокій домъ и высокій чинъ; паденіе съ дерева, паденіе нравовъ и т. д.

Имѣя въ виду только что сказанное, объяснимъ происхожденіе нѣкоторыхъ словъ, представляющихъ интересъ по своему составу.

1) **Предметъ** (пред-мет-ъ). Это слово происходитъ отъ корня „мет" (въ глаголѣ метать): предметъ—нѣчто внѣшнее, бросающееся въ глаза; въ переносномъ же смыслѣ предметъ—все то, что доступно нашему умственному взору

2) **Понятіе** (по-н-я-т-і-е). Первоначальный корень „д"

(я-ти = взять, брать). Слѣдовательно, въ собственномъ смыслѣ **понять** — значитъ взять, схватить; въ переносномъ же значеніи **понятіе** — то, что усвоено, сдѣлалось нашимъ умственнымъ достояніемъ. Буквальный смыслъ слова виденъ изъ слѣдующаго примѣра, заимствованнаго изъ народной пѣсни:

„Калину съ малиной вода **поняла**:
На ту пору матушка меня родила“ *).

3) **Воображеніе** (во-об-раж-е-н-і-е). Первоначальный корень въ этомъ словѣ „раз“ откуда — „образъ“. Слово „образъ“ встарину означало ударъ, почему **образить** значило: обрубить, обдѣлать, такъ что „**образъ**“ — нѣчто обрубленное, обдѣланное. Вотъ почему, въ переносномъ смыслѣ, **воображеніе** — способность создавать художественные образы **).

4) **Наука** (на-ук-а). Корень — ук = ык (навыкъ, навыкать, привычка, привыкать). По первоначальному смыслу корня **наука** есть не что иное, какъ навыкъ („отдать въ

*) Кор. ѧ имѣетъ цѣлую семью словъ, которыя употребляются то въ буквальномъ, то въ переносномъ значеніи. Ѧ слав. въ рус. яз. Я удержалъ въ глаголахъ взять, принять, отнять, занять, унять и др., съ измѣненіемъ ѧ въ ьм, ем / им также или въ производныхъ словахъ удерживается первоначальный смыслъ, или производнымъ словамъ придается другое значеніе. Вотъ нѣсколько словъ отъ корней ем, им: преемникъ, преемственный, пріёмъ, пріемникъ; принимать, занимать, отнимать, понимать, внимать, воспринимать и др. *Ред.*

**) Кор. раз есть усиленіе корня рѣз (какъ лѣз — лаз): рѣзать, врѣзать, зарѣзать, отрѣзать, прорѣзать, надрѣзать, и др.; нѣкоторые изъ словъ отъ корня рѣз обозначаютъ, какъ и отъ корня раз, проявленія, состоянія нашей души: врѣзалось въ память, отразилось на сердцѣ, на послѣдующей жизни и т. п. *Ред.*

науку"); но теперь слово „наука" понимается въ болѣе обширномъ смыслѣ: это есть рядъ свѣдѣній, законовъ, приведенныхъ въ систему.

5) **Искусство** (ис-кус-ств-о). Корень „кус", появляющійся въ словахъ: искусить (пытать), искусъ (опытъ), искушеніе (испытаніе). Слѣдовательно, искусство нѣчто, пріобрѣтенное опытомъ, навыкомъ, упражненіемъ *).

6) **Сочиненіе** (со-чин-е-н і-е). Корень этого слова—„чин"—рядъ. Слѣдовательно, сочиненіе—не простое записываніе мыслей, а расположеніе ихъ по рядамъ, въ извѣстномъ порядкѣ,—такъ, чтобы одна мысль вытекала изъ другой; сочинять—значитъ соединять мысли въ ряды. Поэтому рядъ глубоко-мысленныхъ разсужденій, расположенныхъ безъ всякаго порядка, нельзя назвать сочиненіемъ **).

7) **Впечатлѣніе** (в-печат-л ѣ-н-і-е). Впечатлѣніе—дѣйствіе предмета на наши внѣшнія чувства,—то, что какъ бы оставило отпечатокъ, слѣдъ въ нашей памяти (отъ корня пек: *пек*-у, *печ*ать, от*печ*атать, за*печ*атлѣть, от*печ*атокъ)

8) **Пошлый** (по-ш-л-ый). Первоначальный корень въ этомъ словѣ шед (ход); пошлый- то же, что ходячій. Слѣ-

---

*) Кус, кусать, кусаніе, отвѣдываніе пищи, для чего необходимо кусать; искусство=кусаніе, такъ сказать, душевными зубами, стремленіе человѣка создать то, что не дано природой,—создать нѣчто новое при помощи творческихъ силъ души въ области того или другого искусства: слѣпить, напр., изъ глины статую, нарисовать что-ниб. и т. д.

Ред.

**) Слав. нар. ча, чьн; съ измѣненіемъ корня получается многочисленная семья словъ: ча, ѧьн- $\frac{\text{кон-, кан-}}{\text{чин-}}$: начало, начьнѫ, искони, конъ, споконъ (вѣку), конаться, конецъ, оканчивавать; чинъ, чинить, учинить, сочинить, причинять, сочиненіе, причина и др. *Ред.*

довательно, съ этимъ словомъ соединяется понятіе о томъ, что часто обращается (опошливается): пошлый человѣкъ, пошлое выраженіе, пошлая физіономія, пошлая пѣсня, пошлое слово.

9) **Надменный** (на-дм-е-нн-ый). Корень дм, слав. дъм; ъм есть разложеніе слав. ж (=у); поэтому первоначальный корень „дж (ду), откуда происходятъ слова: дуть, духъ, воздухъ. Такимъ образомъ „надменный“ соотвѣтствуетъ причастію надутый: „надменный человѣкъ“—человѣкъ пустой (надутой), но много о себѣ думающій; «надутый слогъ» — пустой по содержанію, но выраженный славянскими формами.

10) **Лукавый** (лук-ав-ый). Корень „лук“, значеніе котораго видно изъ другихъ словъ той же семьи: лука (изгибъ, кривизна), лукошко (выдолбленная изъ дерева чашка, предметъ, сплетенный изъ соломы, ивовыхъ прутьевъ, изъ драни, напр., въ Воронеж. губ. лукошко=сѣвалка), лукоморье (заливъ, изгибъ берега). Слѣдовательно, „лукавый“—изворотливый, криводушный: „лукавое слово“ — хитрое, неискреннее слово; „лукавый кинжалъ“—дѣйствующій не открыто, а въ удобную минуту, исподтишка.

11) **Хитрый** (хит-р ый). Это слово происходитъ отъ церковно-славянскаго глагола хытити. Звукъ ы въ слав яз. разлагается на ъв, ов, ав или ва, откуда: хытити= хватать. Слѣдовательно, въ первоначальномъ значеніи слово „хитрый“ выражаетъ то же, что и глаголы: хватать, брать; въ переносномъ смыслѣ слово „хитрый“ значитъ лукавый неоткровенный и искусно сдѣланный: хитрый человѣкъ, хитрый поступокъ, хитрая работа, хитрый рисунокъ (ср. хитрый и хищный, хитрость и похищеніе, похитить и похищать, восхитительный и восхищенный).

12) **Прочій** (проч-ій)—отъ слова „прокъ“, въ смы-

слѣ остатокъ, польва, добро, такъ какъ то, что остается и не портится, прочно, хорошо.

13) **Сверстникъ** (с-верст н ик ъ). Корень — „верст" (верста, сверстать, наверстать) Слово „верста" встарину имѣло смыслъ измѣренія вообще и потому примѣнялось не только къ пространству, но и ко времени, означая возрастъ, а также равенство, пару.

14) **Говядина**—отъ стариннаго слова „говядо"— крупный скотъ У славянъ этимъ словомъ означалось стадо рогатаго скота; оно исчезло, осталось производное отъ него— „говядина"—мясо.

15) **Изъянъ** (изъ-я-н-ъ). „Изъянъ"—то, что изъято, убыло, иначе - убыль. Отсюда видно, что корень въ этомъ словѣ тотъ же, что въ глаголѣ взять (ѧ=я): вз-ѧ-ти—взять, изъѧти—изъять, изъ-ѧ-т-ъ—изъянъ.

16) **Недугъ** (не-дуг-ъ). Это слово произошло отъ стариннаго „дугъ" (сила, крѣпость), откуда—„дюжій" (дуж-ій)= сильный, крѣпкій и „недужный"=больной. Одна русская пословица говоритъ: „взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ".

17) **Опоекъ** (о-по-ек-ъ) и **выростокъ** (вы-рост-ок-ъ)— кожа, получаемая съ молодого теленка, котораго поили только молокомъ, и съ болѣе старшаго, выросшаго теленка.

18) **Прапорщикъ** (прапор-щ-ик-ъ). Это слово произошло отъ стариннаго „прапоръ", что значитъ знамя Слѣдовательно, „прапорщикъ" — носящій знамя, т.-е. такой военный, который находился при знамени. Недавно слово „прапорщикъ" означало первый офицерскій чинъ; оно однозначуще съ словомъ „хорунжій" (отъ „хоругвь"--наше церковное знамя)—первый военный чинъ у казаковъ.

19) **Вожделѣніе** и **иждивеніе** „Вожделѣніе", „вожделѣнный"—значитъ желаніе, сильно желаемый; иждивеніе" (изживеніе)—то, что проживается. Первоначальный корень

въ глаголахъ: желать, вожделать; жить, иждить: ж переходитъ въ жд. Этотъ переходъ наблюдается и въ другихъ словахъ: громоздить—нагромождать, размозжить—измождённый. Примѣры: „Мигъ вожделѣнный насталъ"; „мой сынъ поступилъ на казенное иждивеніе".

20) **Изба**. Первоначальный корень въ этомъ словѣ тотъ же, что и въ словѣ топить (топ); отъ него сохранилось только коренное п, замѣненное, по требованію выговора, б. Постепенное исчезновеніе гласнаго и согласнаго звуковъ корня (т и о) произошло такъ: ис-топ-к-а, ис-тп-а, ис-тб-а—из-тб-а—из-б-а *).

21) **Обязать** (об-яз-а-ть). Первоначальный корень этого слова въ глаголѣ обвязать: когда оно употребляется въ собственномъ смыслѣ, коренной звукъ в сохраняется, но въ томъ же словѣ, имѣющемъ переносный смыслъ, в исчезаетъ: обвязать платкомъ голову; я многимъ ему обязанъ **).

22) **Тужить** (туж-и-ть)—значитъ горевать, отъ стариннаго слова „туга"—горе, печаль ***).

23) **Браный** и **бранный**. Первое слово происходитъ отъ глагола брать (работать узорную ткань). Отъ причастія „браный" происходитъ и названіе самой матеріи: старинное „брань". Первоначальный смыслъ слова „браный" сохранился въ выраженіяхъ: „браная скатерть", „бра-

---

*) Въ словарѣ Изюмова изба объяснена отъ корня из=хиз=хиж: изба—хижина. *Ред.*

**) Правильнѣе признать корень дз съ соотвѣтственнымъ ему жз: съ-в дз-ь, съ-жз-ъ, жз-ъ-к-ы-и. *Ред.*

***) Кор. тѫг- изъ таг-: таг-а—тѫг-а. Встарину причиняли страданія, накладывая тяжести: татары послѣ битвы на Калкѣ наложили на князей доски, помѣстились на доскахъ и стали пировать. *Ред.*

ный пологъ". Забывъ происхожденіе, русскій языкъ забылъ и значеніе слова „браный": у Жуковскаго и Кольцова названы „браными" уже столы, а не скатерти:

„Кубки златые на браномъ столѣ передъ ними поставили" (Жуковскій).

„За дубовы столы, за набраные, на сосновыхъ скамьяхъ, сѣли званые" (Кольцовъ).

Слово „бранный" происходитъ отъ существительнаго „брань"—битва: бранные доспѣхи (военные доспѣхи), бранная слава (военная слава), бранное поле (поле битвы), но „бранное слово"—ругательное слово.

24) **Поприще** (по-пр-ищ-е). Корень слова виденъ въ глаголахъ попрать, препираться (пир, пер), означающихъ споръ, распрю, побѣду (съмрьтиж съмрьть попьравъ); **ищ**—суффиксъ существительныхъ для обозначенія мѣста, пространства (жилище, училище, обиталище, пастбище, кладбище, городище, становище). Слѣдовательно, „поприще"—мѣсто, гдѣ происходитъ споръ или распря, борьба.

25) **Гостиница, гостиный, гостиная**. Эти слова происходятъ отъ существительнаго гость. Встарину слово „гость" значило купецъ, откуда: „гостиный дворъ" (купеческій дворъ), „гостиная сотня" (сотня купцовъ). Купцы встарину назывались „гостями", потому, что въ то время единственнымъ чужимъ человѣкомъ, пришельцемъ, прибывшимъ съ торговою цѣлію, былъ иностранный купецъ. Хотя купцами и руководила корысть, но они были мирные пришельцы, гости. Поэтому понятія „гость" и „купецъ" выражали одно и то же. Теперь слово „гость" утратило свое первоначальное значеніе и означаетъ человѣка, прибывшаго навѣстить знакомыхъ. Отъ него произошли другія слова: „гостиница"—комната, гдѣ угощаютъ, но за деньги; „гостиная"—комната, въ которой принимаютъ гостей.

26) **Столица** (стол-иц-а). Корень тотъ же, что въ сло-

въ „престолъ“. „Стольный городъ“—городъ, гдѣ находился столъ, сѣдалище правителя, его мѣстопребываніе, такъ какъ сѣдалище было похоже на столъ большого размѣра, откуда съ приставкою—престолъ *).

27) **Полтора и полтретья**. Эти дробныя числительныя состоятъ изъ существительнаго пол (половина) и числительныхъ порядковыхъ: тора (втора, третья (род. пад.). Въ первомъ словѣ звукъ в послѣ плавной выпалъ. Слѣдовательно, въ обоихъ числительныхъ первая часть (пол) означаетъ половину, а вторая показываетъ, чего именно берется половина: въ первомъ числительномъ говорится о половинѣ второй единицы, во второмъ—о половинѣ третьей; первая же единица въ числительномъ полтора и двѣ первыхъ—въ числительномъ полтретья подразумѣваются, потому что, если ужъ есть вторая или третья единица, то первая или двѣ первыхъ непремѣнно должны быть.

Д. Ѳоминъ

Варшава.
1904 г. 28 мая.

*) Отъ кор. стел—стол,—то, что постлано. *Ред.*

Элементарные уроки по русской грамматикѣ*).

Краткая этимологія.

Урокъ 100.

Образцы спряженія глаголовъ.

А) Глагольныя формы воспомогательнаго глагола БЫТЬ.

Формы			отъ корня и основы ЕС-, (Е)С-
изъявительнаго наклоненія	настоящ. врем.	единств. числа	1 л. я есмь, 2 л. ты ес(с)и, 3 л. онъ, —а, —о есть;
		множест. числа	1 л. мы есмы, 2 л. вы есте, 3 л. они/онѣ суть.
причаст. дѣйств. зал.	настоящ. врем.	им. пад. ед. числа	муж. рода сущій, жен. рода сущая, сред. рода сущее.
повелительн. наклоненія	настоящ. врем.	единств. числа	отъ корня БУ, основы БУД 1 л. будь я, 2 л. ты будь 3 л. онъ, —а, —о будь или пусть будетъ;
		множеств. числа	1 л. — 2 л. вы будьте, 3 л. — пусть они, онѣ будутъ.
изъявительн. наклоненія	будущ. врем.	единств. числа	1 л. я буду, 2 л. ты будешь, 3 л. онъ, —а, —о будетъ;
		множ. числа	1 л. мы будемъ, 2 л. вы будете, 3 л. они,-ѣ будутъ.
причастія дѣйств. зал.	будущ. врем.	им. пад. ед. чис.	муж. рода будущій, жен. рода будущая, сред. рода будущее.
дѣе-прич. дѣйств. зал.	наст. врем.		для всѣхъ родовъ } будучи

Формы			отъ корня и основы БЫ
неопред. накл.	дѣйств. зал.		быть
изъявител. накл. дѣйств. залога	прошедш. врем.	единств. числа	1 л. я былъ,—а,—о 2 л. ты былъ,—а,—о 3 л. онъ, -а,—о былъ,—а,—о
		множеств. числа	1 л. мы были, 2 л. вы были, 3 л. они/онѣ были.
сослагательн. наклоп. дѣйств. зал.	прошедш. врем.	единств. числа	1 л. я былъ, -а, -о бы, 2 л. ты былъ, -а, -о бы, 3 л. онъ, -а, -о былъ, -а, -о бы;
		множеств. числа	1 л. мы были бы, 2 л. вы были бы, 3 л. они, онѣ были бы.
дѣепр. дѣйст. зал.	прош. врем.		для всѣхъ родовъ } бывъ, бывши.
причастія дѣйств. залога	прош. врем.		муж. р. бывшій, жен. р. бывшая, ср. р. бывшее.
причастія страд. зал.	прошедш. вр.		муж. р. (за)бытъ, жен. р. (за)быта, ср. р. (за)быто;
			муж. р. (за)бытый, жен. р. (за)бытая, ср. р. (за)бытое.

*) См. съ IV в. 1900 г. и за 1901, 1902, и 1903 годы.

Глагольныя формы дѣй

перваго спряж

				нес-	бре-	мел-
отъ основы А)				нес-	бре-	мел-
I. изъявит. накл. дѣйст. зал.	наст. вр. или будущ. прост.	един. чис.	1 л. я	несу	брею	мелю
			2 л. ты	несешь	бреешь	мелешь
		мн. чис.	3 л. они, онѣ	несутъ	бреютъ	мелютъ
II. повелительн. наклон. дѣйств. зал.		множ. чис.	1 л.	неси я	брей	мели
			2 л. ты	неси	брей	мели
			3 л. онъ, а-, о	неси или пусть несетъ	брей или пусть бреетъ	мели или пусть мелетъ
		един. чис.	1 л.	—	—	—
			2 л. вы	несите	брейте	мелите
			3 л. они, онѣ	пусть несутъ	пусть бреютъ	пусть мелютъ
III. дѣепр. дѣйст. зал.	настоящ. врем.		для всѣхъ родовъ	неся несучи	брея бреючи	меля мелючи
IV. причаст. дѣйств. зал.	наст. вр.	именит. пад. ед. числа	муж. рода	несущій	бреющій	мелющій
			жен. рода	несущая	бреющая	мелющая
			сред. рода	несущее	бреющее	мелющее
V. причастія страдат. залога	наст. времен.	именительн. пад. един. числа	муж. рода	несомъ	бреемъ	—
			жен. рода	несома	бреема	—
			сред. рода	несомо	бреемо	—
			м., ж., ср. р.	несомый, -ая, -ое	бреемый, -ая, -ое	—
отъ основы Б.)				нес	бри	моло
I. неопред. накл.				несть	брить	молоть
II. изъявит. накл. дѣйст. залога	прошедшаго вр.	един. ч.	1 л. я	нес(л)ъ	брилъ	мололъ
			2 л. ты	несла	брила	молола
			3 л. онъ, -а, -о	несло	брило	мололо
		мн. ч.	1 л. мы	несли	брили	мололи
III. сослагат. накл.	прош. врем.	ед. ч.	1 л. я	нес(л)ъ бы	брилъ бы	мололъ б
		м. ч.	1 л. мы	нес(л)и бы	брили бы	мололи б
IV. дѣепр. дѣйст. зал.	прош. вр.		для всѣхъ родовъ	несъ(ш) несши	бривъ(ш) бривши	моловъ(ш моловши
V. прич. дѣйст. зал.	им. п. ед. ч.		м., ж., ср. р.	несшій, -ая, -ее	брившій	моловшій
VI. прич. страд. зал.	прош. врем.	им. п. ед. ч.	м., ж., ср. р.	несенъ, -а, -о несенный, -ая, -ое	бритъ, -а, -о бритый, -ая, -ое	молотъ - молотый
VII. изъявит. наклон. дѣйств. з.	будущ. сложн. врем.	един. число	1 л. буду	несть	буду брить	буду молоть
			2 л. будешь	несть	будешь брить	будешь молоть
		мн. ч.	3 л. будутъ	несть	будутъ брить	будутъ молоть

ствительнаго залога

...ія	—второго спряженія.		
возьм-	хвали-	терп-	услыши-
возьму возьмешь возьмутъ	хвалю хвалишь хвалятъ	терплю терпишь терпятъ	услышу услышишь услышатъ
возьми возьми возьми или пусть возьметъ — возьмите пусть возьмутъ	хвали хвали хвали или пусть хвалитъ — хвалите пусть хвалятъ	терпи терпи терпи или пусть терпитъ — терпите пусть терпятъ	услышь услышь услышь или пусть услышитъ — услышьте пусть услышатъ
— —	хваля (хвалючи)	терпя —	— —
— — —	хвалящій хвалящая хвалящее	терпящій терпящая терпящее	— — —
— — — —	хвалимъ хвалима хвалимо хвалимый	терпимъ терпима терпимо терпимый	— — — —
взя-	хвали-	терпѣ-	услыша-
взять	хвалить	терпѣть	услышать
взялъ взяла взяло взяли	хвалилъ хвалила хвалило хвалили	терпѣлъ терпѣла терпѣло терпѣли	услышалъ услышала услышало услышали
взялъ бы взяли бы	хвалилъ бы хвалили бы	терпѣлъ бы терпѣли бы	услышалъ бы услышали бы
взявъ(ши) взявши	хваливъ(ши) хваливши	терпѣвъ(ши) терпѣвши	услышавъ(ши) услышавши
взявшій	хваливщій	терпѣвшій	услышавшій
взятъ -а, -о взятый	хваленъ -а, -о хваленный	пре терпѣнъ -а, -о пре терпѣнный	услышанъ -а, -о услышанный
— — —	буду хвалить будешь хвалить будутъ хвалить	буду терпѣть будешь терпѣть будутъ терпѣть	— — —

С. Сложныя формы страдательнаго залога.

Формы глаг.		вида несовершеннаго.	вида совершеннаго
I. Неопр. накл.		Быть { принимаемымъ, хвалимымъ, принимаему, хвалиму.	Быть { принятымъ, похваленнымъ, приняту, ховалену.
II. Изъявительнаго наклоненія	1) наст. вр. ед. ч.	1 л. Я принимаемъ, хвалимъ (есмь). 2 л. Ты принимаемъ, хвалимъ (еси). 3 л. Онъ принимаемъ, хвалимъ (есть).	Нѣтъ.
	1) наст. вр. мн. ч.	1 л. Мы принимаемы, хвалимы (есмы). 2 л. Вы принимаемы, хвалимы (есте). 3 л. Они принимаемы, хвалимы (суть).	
	2) прош. вр. ед. ч.	1 л. Я 2 л. Ты 3 л. Онъ } былъ принимаемъ, хвалимъ.	1 л. Я 2 л. Ты 3 л. Онъ } былъ-а-о принятъ, похваленъ.
	2) прош. вр. мн. ч.	1 л. Мы 2 л. Вы 3 л. Они } были принимаемы, хвалены.	1 л. Мы 2 л. Вы 3 л. Они } были приняты, похвалены.
	3) будущ. вр. ед. ч.	1 л. Я буду 2 л. Ты будешь 3 л. Онъ будетъ } принимаемъ, хвалимъ.	1 л. Я буду 2 л. Ты будешь 3 л. Онъ будетъ } принятъ, похваленъ.
	3) будущ. вр. мн. ч.	1 л. Мы будемъ 2 л. Вы будемъ 3 л. Они будутъ } принимаемы, хвалимы.	1 л. Мы будемъ 2 л. Вы будете 3 л. Они будутъ } приняты, похвалены.
III. Сослагат. наклон.	ед. ч.	1 л. Я 2 л. Ты 3 л. Онъ,-а,-о } былъ бы принимаемъ, хвалимъ,-а,-о.	1 л. Я 2 л. Ты 3 л. Онъ } былъ бы принятъ, похваленъ.
	мн. ч.	1 л. Мы 2 л. Вы 3 л. Они } были бы принимаемы, хвалимы.	1 л. Мы 2 л. Вы 3 л. Они } были бы приняты, похвалены.
IV. Повелит. накл.	ед. ч.	2 л. Ты будь 3 л. Онъ пусть будетъ } принимаемъ, хвалимъ.	2 л. Ты будь 3 л. Онъ пусть будетъ } принятъ, похваленъ,
	мн. ч.	2 л. Вы будьте 3 л. Они пусть будутъ } принимаемы, хвалимы.	2 л. Вы будьте 3 л. Они пусть будутъ } приняты, похвалены
V. Причастія		наст. { принимаемый, принимаемъ, хвалимый, хвалимъ. прош. { хваленный, хваленъ.	Нѣтъ. Принятый, принятъ. Похваленный, похваленъ.
VI. Дѣепричастія		наст.—будучи принимаемъ, хвалимъ. прош. { бывъ, бывши } принимаемъ, хвалимъ.	Нѣтъ. Бывъ, Бывши, Будучи } принятъ, похваленъ.

Задачи.

1) Проспрягать глаголъ **быть почитаему**, поставивъ причастія въ формахъ женскаго рода.

2) Проспрягать глаголъ **быть обучаему**, поставивъ причастія въ формахъ средняго рода.

3) Проспрягать полно глаголы быть читаему, быть двинуту, быть названу, быть обучаему, быть наставляему, быть—свергнуту, святу, скошену, срѣзану, быть воспитываему.

Урокъ 101.

Повтореніе всего пройденнаго.

Поставить пропущенныя буквы.

Сыч.. и филинъ—ночны.. хищны.. птицы.

Летуч..я мыш.. ц..лый ден.. спит.., спрятавшись гдѣ-нибудь въ древесн..мъ дупл.. или дымовой труб. , либо подъ крыш..й пуст.. зданія, приц..пившись задними ногами и вися внизъ головой.—Сказки такъ меня занимали, что я мен... тосковалъ о вольн..мъ воздух.., не такъ рвался къ оживающ..й природ.., къ разливш...ся рѣк. , къ разнообразн. му царству прилет..вш..й птиц...—Гораздо лучш.. рыбу ѣст.., ч..мъ рыб.. на обѣдъ попаст..ся.—Мы разос..лали коверъ и подушки на сухомъ песк.., подальше отъ вод.., потому что мать боялась сырости...—Глубина неб..съ син...т..; свѣт..т.. яркая луна, церков.. въ сумр..к.. бѣл..т.., на погост.. тишина.—Замолкнулъ громъ, шум. т.. гроза устала; свѣтл .ют.. неб..ся; межъ черныхъ туч.. привѣтно засіяла лазур.. полоса.—Жаръ давно св .лилъ, прохлада отъ вод..

умножила прохладу отъ наступающ... вечера; длинная туча пыл.. шла по дорог.. и приближал..сь къ деревн..; слышалось въ ней бле..ніе и мычаніе стада; опускал..сь за крутую гору потухающ... солнце.— Пусто, глухо въ чист..мъ пол..; лист.. пожелт..ли; пышный цв..тъ обили в..тры; птицы улет..ли; тучи черн... на землю налегли т..нями; непроглядн... туманы говорятъ съ в..трами.—Въ пол.., въ рощ.., въ воздух.. царствовало безмолві..; н.. что не отзывалось жизн..ю; кузнеч. къ пріутихъ, не трещалъ въ трав..; даже гибкі.. длинны . стебли чеснока съ ихъ тучн..ю верхушк..ю стояли неподвижно на закраин.. дорог...—Вечеръ былъ тихъ и яс .нъ; роща, одушевле...ая возвративш..юся весною, была наполне..а зап..хомъ черемухи, благовонн..мъ дыханіемъ маткиной—душк.. и травъ ароматныхъ; вѣтерокъ порхалъ по деревь..мъ; соловьи свистали вд..лекѣ; въ воздух.. слышалось жужжані . насѣкомыхъ; мелкі.. струйки источн..ка, озлаща..мы.. заходящ..мъ солнцемъ, которое проникало сквозь рѣдкі.. деревья, сливали н .жное свое плескань.. съ шорохомъ тростн..ка и трепетані..мъ цвѣтущ... шиповника.—Вправо отъ дорог.. неоглядно желт..ли поля, покрыты.. шершавымъ жнивомъ; слѣва тянулись крестьянскі.. гумн.., обнесе...ы.. старымъ землянымъ вал..мъ.— Скромны . картины русской ранн... весны превосходны: влѣво зелен..ющі.. озими играютъ на солнц..; поднятый къ яровому пос..ву тучный черноземъ лежит.., какъ бархатъ, и грѣ..т..ся; тихі.. ручейки и рѣчки то мелькают.. въ перелогахъ, какъ волшебны.. зерк..ла въ изумрудныхъ рамкахъ; то вьют..ся, какъ лент.., отражая въ себ.. облака; грунтовы.. дороги обсохли, но еще не завале..ы пылью: ѣзда по нимъ удобна и пріятна.—Сколько птицъ появилось, и какъ он.. вс.., ожили и поютъ: токуют.. тетерева, свищ..т . по врем..намъ солов..й, куку...т.. однообразно ку-

кушка, чирикають вороб..и.—Крикъ болотн..о кулика весьма разнообраз..нъ: онъ очень коротокъ и живъ, когда куликъ гонит.. какую-нибудь хищн..ю или недобр..ю птицу прочь отъ своего гн..зда; онъ протяж..нъ и чистъ, когда болотный куликъ летит.. спокойно и высоко, и превраща..т..ся въ хриплый стонъ, когда охотн..къ или собака прибл..жают..ся къ его гн..зду или д..тя..ъ.—Ноч.. для зайца совершенно зам..ня..т.. день: въ продолжені.. е.. онъ бѣга..т.., ѣст.., р..звит..ся.—Въ великолѣпн..ш..й квартир.. паукъ влад..ніе себ.. отмежевалъ: по шкафамъ пыш..ымъ, расцвѣче..ымъ и по картинамъ золоче..ымъ онъ паутину разос..лалъ.—Глян..ш.. съ гор..: какой видъ! круглы.. низкі.. холмы, распаха...ы..е и засѣ...ны.. доверху, в..ют..ся между ними; продолговат..ми островами разброса..ны небольші.. рощи; отъ деревн.. до деревн.. б..гут.. узкі.. дорожки; церкви бѣл..ют..; между лозниками сверка..т.. рѣчка, въ ч..тырехъ м..стахъ перехваче..ая плотинами; далеко въ пол.. торчат.. драхвы; стар..н..ній господскій домъ съ своими служб..ми, фруктовымъ садомъ и гумномъ пріютился къ небольшому пруду.—За наш..ю дач..ю находит..ся небольшой лѣсоч..къ, куда дѣти каждый день ходят.. съ нян..ю играт.. и рѣзвит..ся.—При согласі.. и единодушi.. всякое дѣло легко дѣла..т..ся.—Крыл..шки бабоч..къ очень н..жны и тонки.—Учен..ки высшихъ училищ.. называют..ся студентами.—П..рвымъ императоромъ въ Россі.. былъ Петръ Великій.—Сегодня мы учили по свяще...ой исторі.. о пророк.. Илі...—Въ нынѣшн.. время около городовъ ужъ не строят.. камё..ыхъ стѣнъ и башен...—Дитят.. мам..н..ка расчесыват.. головку купила частый гр..б..шокъ.—Поздн.. осень холодна и дождлива.—Лис.. шуба тепла и легка.—Коров... молоко вкусно и п..тательно.—Изъ овеч..й шерсти приготовляютъ прочны..

матері..—Въ дом.. верхн.. одежду снимают..—Лис.., кун.. и собол.. мѣха теперь дороги.—Настан..тъ мѣсячн.. лѣтн.. ноч..,—зачѣмъ пути. вамъ искат.. постоял. двора? Въ открыт. мъ пол.., подъ открыт..мъ небомъ, просторн.., привѣтлив.. и дешевл...—Какъ оч..рованное, дремл..тъ на возвышені.. село. Еще бол.., еще лучше.. блестят.. при мѣсяц. толпы хатъ; еще осл..пительн.. выр..зывают..ся изъ мрака низкі. ихъ ст..ны.—Кто въ пер..вый разъ увид..тъ передъ собою безбрежное мор.., тотъ, безъ сомнѣнія, буд..тъ пораже..ъ этимъ величественн..шимъ явленіемъ природы.—Драгоцѣнн .шее украш..ніе Иверскихъ воротъ въ Кремл . составля..тъ божественный ликъ свят..шей „Вратарницы", т.-е. Иверской Божіей Матери.—Пудъ мыла изведеш.., а родинк.. не смо..ш..—За каждой мухой не нагоня..ш .ся съ обухомъ.—Своей тѣн.. не догон..ш..—Частички воды постоянно стремят..ся разб..жат..ся, разлит..ся; поэтому воду держать въ сосудахъ.—Сяд..т.., дѣти, и принимайт..сь за дѣло: вын..т.. тетради, достан..т.. перь.. и пишит.. подъ диктовку. Буд..т.. внимательны и не шалит..—Если вамъ на дач.. наскучит . сид..т . дома, вы идет.. за деревню, гуля..т.. и брод..т.. по окрестностямъ. Въ знойный полд..нь вамъ жарко,—вы выход..т.. на рѣку, броса..т..сь въ холодн..ю воду и, накупавшись, ворот..т..сь домой, св..жи и бодры.—Ве.. дѣла .т..ся въ м..р.. не по наш..му хот.нію, а по Бож..му извол..нію.—Н..которы.. люди вѣрятъ въ привид..ні.. и боят ся ихъ.—Солнечное затм..ніе бываетъ полное и час..ное.—Давай жить дружно: то я къ теб ., то ты зови мен.. къ себ...—Богъ люб..тъ т...о, кто не обид..тъ н .к..о.—Нужно больше надѣят..ся на Бога, ч..мъ на сам...о себ...—Сегодня н.. къ к .му мы не пойдемъ, потому что съ сам...о утра идет.. дождь.—Мѣстоименія н..кто и н..что не склоняются.—Н.. въ какомъ город.. Россі.. нѣтъ

стольких достопримѣчательност..й, какъ въ Москв...—Н..какая рѣка мн.. не нравит. ся бол.. нашей: дно е.. вездѣ пес..ча..ое, берега живописны; на н.й есть прекрасн...шій.. мѣста для охот.. и рыбной ловл ..—Этихъ бѣдныхъ сиротъ н..кому пріютит.. и н..кому не хоч..т .ся о нихъ позабот..-ся.—Съ к..мъ живемъ, къ т..мъ и привыка..мъ.—На вс.хъ не угодиш...—Мы вс..—дѣти одн... Отца небесн...—Съ к..мъ пошли гулят.. ваши об . сестры? Съ нян..ю: он.. одн.. никуда не ходят...—Михаилъ Ѳедорович.. Романовъ былъ избра..ъ на царство ч..тырна..цатаго февр. ля тысяч.. щ...сотъ трина..цатаго года.—Государь Александръ Второй родился с. мна..цатаго апрѣля тысяч.. восем .сотъ восем..на..-цатаго года въ Москв.. Д..вят..на..цатаго февраля тысяч.. восем..сотъ п. т..десят.. пят.. года онъ вступилъ на престолъ, вос..м. надцатаго марта тысяч.. восемьсотъ п..т..д..сят.. шест...о года окончилъ Севастопольск.. войну, девятнадцатаго февраля тысяча восемьсотъ ш.. д..сятъ перв... года освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимост. , два..цатаго но..-бря тысяча восемьсотъ шестьдесятъ ч..твертаго года ур. внялъ вс..хъ своихъ подданыхъ предъ закономъ и судомъ, а черезъ дес..т.. лѣтъ ввелъ всеобщ.. воинск.. повинность; при немъ въ тысяч . восемьсотъ пятьдесятъ де..вят..мъ году былъ покоренъ Кавказъ, а дв. на..цатаго апрѣля въ тысяча восемьсотъ сем..десят.. сед..момъ году была объявлена война Турці.. для освобожденi.. славянъ изъ-подъ турецкаго владычества. Умеръ Алекрандръ Второй пер..-в...о марта тысяча восемьсотъ вос..м..д..сят . пер..-ваго года мученическ... смерт ..ю

Урокъ 102

Нарѣчіе.

Для объясненія.

Московскій Кремль—священное мѣсто для всего русскаго народа: **здѣсь** жили наши государи, митрополиты и патріархи; **здѣсь** древнѣйшіе соборы съ мощами святыхъ угодниковъ и чудотворными иконами; **здѣсь** усыпальница царей и святителей. Главное мѣсто въ Кремлѣ занимаетъ Успенскій соборъ, гдѣ коронуются наши государи.

Издали стали долетать до моего слуха то отрывистый мѣрный шорохъ, то звонкое металлическое шарканье. **Вблизи** я увидѣлъ, что это косили крестьяне.

Коси, коса, пока роса; роса долой, и мы **домой**.

Лѣтомъ днемъ жарко, а **утромъ** и **вечеромъ** прохладно.

Долго я блуждалъ по кустарникамъ, пока попалась едва замѣтная тропинка, которая вывела на дорогу.

Да будетъ благословенно имя Божіе **отнынѣ** и **довѣка**.

Широко стлался зеленый лугъ. **Медленно** и **плавно** расхаживали на немъ бѣлые, какъ снѣгъ, гуси. Селезни и утки лежали тамъ и сямъ **неподвижно**.

Иногда кажется, что заяцъ **сносу** налетаетъ на пень или охотника; но это происходитъ отъ торопливости и пугливости зайца, а глаза его не косы.

Зачѣмъ ты такъ рано ложишься спать?—**Затѣмъ**, чтобы раньше вставать.

Правила.—*Нарѣчія обозначаютъ 1)* **мѣсто** *на вопросы: гдѣ? куда? откуда? 2)* **время** *на вопросы: когда? съ какихъ поръ? до какихъ поръ? какъ долго?*

3) **образъ дѣйствія** *на вопросы: какъ? какимъ образомъ?* 4) **причину** *на вопросы: почему? отчего?* 5) **цѣль** *на вопросы: зачѣмъ? для чего?*

Задача 1.

Слѣдующія предложенія дополнить какимъ-либо изъ слѣдующихъ **нарѣчій: тамъ, гдѣ; сначала, потомъ, вправо; ярко; вдали, быстро, навстрѣчу; долго, домой, вечеромъ; зимою, жарко; утромъ вечеромъ; изстари; исподтишка; всегда, внимательно, старательно; сперва, начерно, потомъ, набѣло; впопыхахъ; отчего, потому что; сдуру.**

Хорошо..., ...насъ нѣтъ.—.. мы ѣхали по большой дорогѣ, а... свернули на проселочную.—На лугу... пестрѣли разнообразные цвѣты.— ... послышался звонъ колокольчика: это пріѣхалъ папа: дѣти... побѣжали ему...—Мы сегодня долго гуляли въ полѣ;... уже вернулись поздно...—... топятъ печи... —... солнце встаетъ, а... садится.—Хлѣбосольство у русскаго народа ведется еще...—Молчанъ-собака ... кусаетъ.—Хорошій ученикъ въ классѣ слушаетъ.. и готовитъ уроки...—Задачу нужно... рѣшить ..., а...переписат...—Только жучка удалая въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ, то взлетая, то ныряя, скачетъ, лая. .—...ты не былъ въ классѣ?.. я былъ боленъ.—Ягненокъ,... надѣвши волчью шкуру, пошелъ по стаду въ ней гулять.

Задача 2.

Составить предложенія, въ которыхъ обстоятельства обозначались бы слѣдующими **нарѣчіями: внутри, снаружи, впереди, сзади, туда, сюда, впередъ, никуда, ниоткуда; всегда, никогда, прежде, послѣ, теперь, сейчасъ, тотчасъ; такъ и сякъ, хорошо, дурно, прилично, громко, тихо, навзничь, дружески, взапуски,**

вразсыпную, второпяхъ; сгорича, спросонокъ, спроста, сослѣпу, поэтому, потому, оттого; зачѣмъ, затѣмъ.

Задача 3.

Въ слѣдующей статьѣ указать нарѣчія.

Старый лѣсъ.

Чернѣя издали, стоятъ высокіе тѣнистые старые темные лѣса, но подъ словомъ „старый“ не должно разумѣть „состарѣвшійся“, дряхлый, лишенный листьевъ: видъ такихъ деревьевъ во множествѣ былъ бы очень печаленъ. Въ природѣ все идетъ постепенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ деревьевъ разныхъ возрастовъ; отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія, во множествѣ другихъ, зеленыхъ и цвѣтущихъ,—незамѣтны. Кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы сначала высохшихъ, потомъ подгнившихъ у корня и, наконецъ, сломленныхъ бурею дубовъ, липъ, березъ и осинъ. При своемъ паденіи, они согнули и поломали молодыя сосѣднія деревья, которыя, несмотря на свое уродство, продолжаютъ расти и зеленѣть, живописно искривлясь набокъ, протянувшись по землѣ или скорчась въ дугу. Трупы лѣсныхъ великановъ, тлѣя внутри, долго сохраняютъ наружный видъ; кора ихъ обрастаетъ мохомъ и даже травою. Мнѣ нерѣдко случалось второпяхъ вскочить на такой древесный трупъ и провалиться ногами до земли сквозь его внутренность: облако гнилой пыли, похожей на пыль сухого дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ... Но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленаго могучаго лѣсного царства, свободно растущаго въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ.

Отраденъ видъ густого лѣса въ знойный полдень; освѣжителенъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина, и пріятенъ шелестъ

листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! Но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо: деревья скрипятъ и стонутъ; сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.

С. Аксаковъ.

Урокъ 103.

Образованіе нарѣчій.

Для объясненія.

Въ гостяхъ хорошо, а **дома** лучше.

Кругомъ насъ шумѣлъ густой лѣсъ.

Я люблю кататься **верхомъ**.

Даромъ ничего не даютъ. Въ весеннее и лѣтнее время **утромъ** и **вечеромъ** въ лѣсу поютъ птицы.

Чтобы найти квартиру подешевле, мы должны были отправиться **на конецъ** города.

Наконецъ, гости распрощались и уѣхали.

Во время половодья вода иногда забирается **въ низъ** нашего дома.

Съ высокой колокольни страшно смотрѣть **внизъ**.

Буря съ страшною силою ударила **въ верхъ** дома и чуть не снесла всей крыши.

Змѣй поднялся высоко **вверхъ**.

Тотъ часъ, въ который придется умереть каждому изъ насъ, никому не извѣстенъ.

Корабль сталъ на мель. **Тотчасъ** спустили лодки и стали его осматривать.

По лѣтнему расписанію почтовый поѣздъ долженъ приходить на нашу станцію въ 12 часовъ дня, а **по зимнему** въ 6 часовъ вечера.	Въ сентябрѣ мы большею частью одѣваемся еще **полѣтнему**, а въ апрѣлѣ иногда приходится одѣться и **позимнему**.
Сегодня небо **ясно**, а вчера было **пасмурно**	При чтеніи выговаривай слова **ясно** и громко. Осенью небо смотритъ **пасмурно**.
Мое перо **хорошо**, а твое **лучше**.	Я пишу **хорошо**, а братъ **лучше**.
Это дерево **высоко**, то **выше**, а то, что на горѣ, **весьма высоко**.	Коршунъ летаетъ **высоко**, соколъ еще **выше**, а орелъ поднимаетсв **весьма высоко**.
Братъ протискался сквозь толпу и забрался **въ первые** ряды.	О твоемъ поступленіи въ училище я узналъ **впервые** только сегодня.
Въ первыхъ рядахъ для зрителей были поставлены кресла, **во вторыхъ** стулья, а **въ третьихъ** простыя скамьи.	Ученикъ долженъ, **во-первыхъ**, вести себя всегда прилично, **во-вторыхъ**, въ классѣ слушать внимательно и, **въ-третьихъ**, учиться прилежно.
Дядя пріѣхалъ гостить къ намъ **со всѣмъ** своимъ семействомъ.	Дядя **совсѣмъ** переселился жить въ нашъ городъ.
По этому мосту ходить опасно: онъ очень ветхъ.	Ты опоздалъ, **поэтому** мы тебя и не ждали.
Предъ лицомъ сѣдого встань и **почти** стараго человѣка, учитъ Священное писаніе.	Все поле **почти** сплошь было покрыто рядами скошенной ржи и копнами убраннаго хлѣба.

Правила.—*Нарѣчіе можетъ образоваться отъ различныхъ частей рѣчи: имени существительна-*

го, прилагательнаго, числительнаго, мѣстоименія, глагола.

Различныя части рѣчи переходятъ въ нарѣчіе или безъ соединенія съ предлогомъ, или къ нимъ присоединяется какой-либо предлогъ; въ послѣднемъ случаѣ предлогъ пишется **слитно** съ тѣмъ именемъ, съ которымъ образуетъ нарѣчіе.

Примѣры.

1) **Имя существительное** можетъ быть нарѣчіемъ **безъ предлога**: домъ—дома, лѣто—лѣтомъ, мигъ—мигомъ.

2) **Имя существит.** можетъ быть нарѣчіемъ въ соединеніи **съ предлогомъ**; въ этомъ случаѣ существ. должно имѣть окончаніе того падежа, какого требуетъ соединяющійся съ нимъ предлогъ:

начало—съ+начала =**сначала** (оконч. род. пад.),
стать —къ+стати =**кстати** (оконч. дат. пад.),
лишекъ—съ+лишкомъ=**слишкомъ** (оконч. твор. пад.),
мѣсто —въ+мѣсто =**вмѣсто** (оконч. винит. пад.).
мѣсто —въ+мѣстѣ =**вмѣстѣ** (оконч. пред. пад.).

3) **Имя прилагательное** въ формѣ винител. пад. ед. числа сред. рода **съ краткимъ** окончаніемъ можетъ быть нарѣчіемъ. Такія нарѣчія называются **качественными** и въ предложеніи обозначаютъ образъ дѣйствія по качеству.

Качественныя нарѣчія имѣютъ степени сравненія

Лошадь бѣгаетъ **быстро**.
Поѣздъ желѣзной дороги движется **быстрѣе** лошади.
Свѣтъ распространяется **весьма быстро**.

4) **Имя прилагательное**, числительное и мѣстоименіе въ соединеніи **съ предлогомъ** также образуютъ нарѣчіе въ формѣ того или другого падежа, напр.: **скорый—вскорѣ**, общій—**вообще**, частый—**зачастую**;

двое—**вдвое, вдвоемъ; вдвойнѣ**, впервые, во-первыхъ, во вторыхъ—всѣмъ—совсѣмъ, тѣмъ—**затѣмъ, чѣмъ—зачѣмъ**.

Задача

Образовать нарѣчія изъ слѣдующихъ словъ

а) **безъ предлога:** зима, осень, день, ночь, верхъ, низъ, пѣшъ, босъ, низкій, крѣпкій, скорый, твердый, поспѣшный, красивый, легкій,—

б) **съ предлогами:**

въ { слѣдъ, слѣдствіе, передъ,
мигъ, послѣдствіе, задъ,
начало, старина, нутрь,

въ { скорый, лѣвый, двойной
полный, довольный, тройной
правый, запертый

въ { трое,
четверо,
пятеро.

па { примѣръ
оборотъ
вѣкъ
встрѣча
передъ
задъ

на { скорый, равный,
вѣрный, крѣпкій,
легкій, тугой,
правый, двое,
лѣвый, трое,
прямой,

съ { передъ
задъ

съ { высокій
новый
полный
правый
лѣвый
молодой

съ { первый

со { весь

по { долгій, перемѣнный
мѣсячный, одинокій
немногій, парный
прежній, напрасный

по { двое
трое

по { тотъ
сей

за { живой,
мертвый,

за { что
тотъ

за { одинъ | изъ { рѣдкій / далекій | до { сытый | отъ { тотъ.

в(ъ)+по+тьма
на +из(ъ)+усть
с(ъ)+про +сонъ
на +из(ъ)=ис+косой

в(ъ)+за+пускать
на +раз(рас)+хватать
в(ъ)+тихій+молчать.

в)—съ отрицаніемъ не и предлогомъ:

не+по+далекій
не+из(ъ)+мѣнять
не+в(ъ) +по+падать.

Уроки 104 и 105.

Правописаніе нарѣчій.

Правила.—[1]) *1) Буква* ѣ *пишется въ слѣдующихъ нарѣчіяхъ:*

возлѣ	вкратцѣ	вѣрно
нынѣ	вскорѣ	рѣдко
подлѣ	развѣ	непремѣнно
послѣ	вмѣстѣ	гдѣ
вчужѣ	здѣсь	отмѣнно
въявѣ	покамѣстъ	внѣ
совсѣмъ	вполнѣ	доколѣ
слѣва	извнѣ	доселѣ
нѣкогда [2])	вдвойнѣ	дотолѣ
нигдѣ	вчернѣ	отколѣ
кромѣ	соборнѣ	отселѣ
вдалекѣ	пѣшкомъ	оттолѣ.
вездѣ	наединѣ	

---

[1]) Всѣ перечисляемыя здѣсь нарѣчія должны послужить для справокъ при выполненіи слѣдующей далѣе задачи.

[2]) Срав. съ нарѣчіемъ никогда.

2) *Буква* **е** *пишется въ слѣдующихъ нарѣчіяхъ:*

прежде	вовсе	вотще	уже	втрое	въ отрицаніи не.
теперь	всуе	крайне	весьма	ежедневно	
вообще	втуне	свыше	вдвое	ежеминутно	

3) *Буква* **и** *пишется въ нарѣчіяхъ:*
снаружи, кстати, по-латыни, по-русски и т. п.

4) *Буква* **а** *пишется въ нарѣчіяхъ:*
сначала, справа, слѣва, снова, изрѣдка, издавна, спробѣла, докрасна и т. п.

5) *Буква* **ъ** *пишется въ слѣд. нарѣчіяхъ:*
близъ, вверхъ, межъ, ужъ, покамѣстъ.

6) *Буква* **ь** *пишется въ слѣдующихъ нарѣчіяхъ:*
въявь, лишь, сплошь, наотмашь, вишь, прочь, точь въ точь, весьма, чуть-чуть, навзничь, настежь, наизусть

7) *Представка* **нѣ** *пишется въ нарѣчіяхъ:*
нѣкогда (=когда-то); но, если **некогда** означаетъ недостатокъ времени, то пишется представка **не**.

8) *Представка* **не** *отъ представки* **ни** *въ нарѣчіяхъ отличается удареніемъ:*
нигдѣ—нéгдѣ, никудá—нéкуда.

З а д а ч а [1]).

Поставить пропущенныя буквы.

Берегись козла с..перед.., лошади с..зад.., а лихого человѣка ото..всюду.—Лучш.. другъ в..далек.., чѣмъ врагъ в..блив..—Русскіе люди любятъ посл.. обѣда соснуть часокъ.—Откол.. гроза, оттол.. и вéдро.—Око видитъ далеко, а умъ ещ.. дальш..—

[1]) Въ задачѣ помѣщены примѣры и на предыдущій урокъ. На примѣрахъ этой же задачи можно сдѣлать и вообще орѳографическій разборъ въ предѣлахъ пройденнаго.

Родительское сердце подл.. дѣтокъ, а дѣтское возл.. игрушекъ.—Везд.. хорошо, гд.. есть добрые люди.—Въ деревнѣ лѣтомъ во..общ.. рано встаютъ, но раньш.. всѣхъ просыпается пастухъ.—С.. начал.. молись, а по..томъ смѣл.. за дѣло берись.—Подымался и улегся с.. нов.. на закатѣ легкій вѣтерокъ —Прибѣжали въ избу дѣти, в..торопяхъ зовутъ отца.—Водяные пауки любятъ бѣгать по водѣ в..задъ и в..передъ.—От..сюд.. ясн.. было видно, какъ на той сторонѣ рѣки загорѣлось селеніе; какъ по..тому берегу бѣжали люди на помощь, какъ, наконецъ, проскакали туда пожарныя команды. Пожаръ захватили во-время; по..тому его скоро и затушили.—По этому дѣлу я уж.. заходилъ къ вамъ, но н..засталъ васъ; по этому я зайду къ вамъ ..ще завтр..—Бѣднымъ людямъ за..частую приходится во многомъ терпѣть н..достатокъ.—Путники остановились, распрягли лошадей, по..томъ стали готовить себѣ ужинъ.—Вся семья в..м..ст.., такъ и душа на мѣстѣ.—Н..кто н.. знаетъ, что ему суждено с..выш..—Лодка наполнилась водою и тот..часъ же пошла ко дну.—Вонъ в..далек.. сверкнула молнія.—Мы прочли статью и в..кратц.. ее разсказали.—Въ концѣ марта или началѣ апрѣля солнышко уже сильн.. грѣетъ, и снѣгъ по..не..многу начинаетъ таять; но н..рѣдк.. морозы опят.. усиливаются, и в..нов.. выпадаетъ глубокій снѣгъ.—На..силу свою н.. вс..гда полагайся.—Намъ поймался такой лещъ, что мы на силу его вытащили.—Н..гд.. такъ природа не красива, какъ въ странахъ горныхъ.—Намъ пора было сдѣлать и привалъ, но н..гд.. было остановиться, и мы поѣхали дальш..—Мы согласились дѣйствовать за..одно съ вами.—Если взялся за..одно дѣло, то и кончай его, а за два дѣла с..разу не берись.—Богомольцы част.. п..шкомъ проходятъ большія разстоянія.—В..старину всѣ живали за..про-

ст..—Н..когда поч..ти вся Россія была с..плош.. покрыта лѣсами.—У лѣниваго одна поговорка: „Пора бы за дѣло приняться, да н.когда; ещ.. успѣю".—Свой глазъ в..зд.. смотрокъ.—Весна в.другъ началась во всей красѣ, и жизнь заиграла по..всюд..—Рои мошекъ и кучи насѣкомыхъ показались в..зд.. на болотахъ. В.слѣдъ за ними уж.. бѣгалъ водяной паукъ, а в.скор.. и всякая птица собралась въ сухіе тростники от..всюд.—Что.бы н..забыть того, что учили, крайн.. необходимо чащ.. повторять пройденное.—Отъ всего вылѣчишься, кром.. смерти.—Засвѣтятъ звѣзды и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ; ни одна не убѣжитъ отъ него, разв.. погаснетъ на небѣ.—Черный лѣсъ и древл.. разломанныя горы силятся закрыть Днѣпръ хотя длинною тѣнью своею,—напрасно: нѣтъ н..чего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ.—Тамъ, гд. пр..жд.. были пни да болота, стоитъ т..п..р.. великолѣпнѣйшая столица.—Дождь усиливался; вѣтеръ бушевалъ в.двое сильн.. прежняго; рѣка ревѣла; дѣваться намъ было н..куда, и приходилось, по..видим..му, долг.. ждать, пока буря утихнетъ, и можно будетъ переправиться черезъ рѣку.—За свою оплошность намъ придется расплачиваться в..двойн.. и даже в.тройн.—У охотника ружье вс..гда должно быть на.готов..—По..прежн..му братъ любитъ готовить уроки только в..черн.., и большихъ трудовъ стоитъ заставлять его переписывать работы на..б.ло.—Се..одн.. таетъ, а завтр..—Богъ знаетъ.—Свой своему по..невол.. братъ.—Нын.. на ногахъ, а завтр.. въ могилѣ.—Вотщ. странникъ стучался по окнамъ: н..гд.не отворяли ему: везд.. было пусто.—Кто умн.., тотъ достанетъ скор..—Меньш.. говори, а больш.. слушай.—Каменные дома штукатурятся с..наруж.. и из..нутр.., а деревянные большею частію тольк.. в..нутр..—Т..п..рь многіе говорятъ по-французск..,

по-нѣмецк.. и по-англійск..—Что берется в..займы, то должно быть н..пр..м..нн.. отдано.—Братъ заболѣлъ, и на..в..рядъ ли онъ скор.. выздоровѣетъ.—Господь повелѣлъ дѣлать добро в..тайн..—В..тайн.. своей никого не дѣлай участникомъ.—За..чѣмъ ты пріѣхалъ с..да? За..т..мъ, чтобы повидаться съ родными.—За..чѣмъ пойдешь, то и найдешь.—За..тѣмъ лѣскомъ находится имѣніе нашей тети.—Чужое горе в..чуж.. небольно. На.. канун.. дня своего ангела я вс..гда бываю во всенощной.—В..скор.. собрались дѣти, и тот..часъ же началась на лужайкѣ игра. Дѣти бросились отъ Пети в..разсыпную. Онъ погнался за ними, но спотнулся и плашм.. растянулся на дорожкѣ. Но, къ счастью, Петя не ушибся, а только с..л..гка оцарапалъ себѣ колѣно.—Накушавшись до..сыт.. чаю, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать для прогулки на мельницу.—С..прав.. сіялъ снѣжный Кавказъ; в..перед.. возвышалась огромная лѣсистая гора; за нею не..в..далек... находилась крѣпость; во..кругъ нея видны были слѣды разореннаго аула.—Зд..с.., подъ окномъ, не..прем..нн.. коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ по..выш.. вытягиваетъ заря свой сочный стебель; ещ.. выш.., точн.. на..легк.., богородицыны слезки выкидываютъ свои розовыя кудри; а тамъ дальш.., на.. л..в.. отъ усадьбы, лоснится рожь, и овесъ уж.. пошелъ въ трубочку, и красив.. ширится каждый листъ на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стебелькѣ.—Тогда-то с..выш.. вдохновенный раздался звучный гласъ Петра: „За дѣло съ Богомъ!“—Октябрь уже.. наступилъ; уж.. роща отряхаетъ послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей.—Давно на деревнѣ и уж.. не разъ по..полуноч.. кричали пѣтухи; давно уж.. изъ трубъ подымается столбами кое гд.. сѣрый дымъ, хотя в..пот..махъ и не примѣтный, но дающій о себѣ знать

по вылетающимъ съ нимъ в..мѣст.. искоркамъ; а на дворѣ все еще темно.—Пришла зима. Рѣка со..вс..мъ стала. Р..зк.. застучали колеса по колкой, мерзлой дорогѣ.—Друзья вели бесѣду на...лин ..— Хорошъ бываетъ сонъ, да в..яв..не исполняется.— Къ назначенному часу мы всѣ уж.. готовы были отправиться, но братъ по..чему-то опоздалъ;. онъ, в..прочемъ, от..част.. зналъ дорогу; по..этому мы тронулись въ путь, надѣясь, что онъ в..скор.. насъ догонитъ.—Нижній Новгородъ изъ..давн.. славится своею ярмаркою.—Желѣзо можно раскалить до..красна и даже до..бѣла.—Я не люблю тѣхъ, кто смотритъ вс..гда из(ис).. под..лобья.—Громаднѣйшее дерево в..с..ма быстрымъ теченіемъ поднесло къ водопаду, и оно стойм.. погрузилось въ пучину.—Слово умнаго человѣка вс..гда бываетъ к..стат..—Въ гимназіи учатся по..латын.. и по..греческ..—Я знаю такое мѣстечко на нашемъ озерѣ, близ.. нависшихъ ивъ, гд.. на. вѣрняка хорошо будетъ ловиться рыба.—Меж.. тѣмъ какъ съ берегу лисичка радитъ, судитъ, кумъ рыбку удитъ.—С..лѣв.. из..далека послышался звукъ трубы, и в.мигъ весь лагерь пришелъ въ движеніе.—Н..-пріятель былъ застигнутъ в..расплохъ и разбитъ на..голову.—Я по..дружески совѣтовалъ своему товарищу перестать лѣниться, заняться дѣломъ, пока..м..ст.. еще не поздно; но онъ меня не послушался. Посл.. однако онъ горько.. сожалѣлъ объ этомъ.—Долгъ свой я заплатилъ с..полна.—Есть люди, которые все любятъ дѣлать на..пер..коръ.—Ты напрасн.. разсердился на меня: я во..вс.. не хотѣлъ тебя обидѣть.—Во..вс.. время пребыванія своего въ деревнѣ я еж..дневно бывалъ въ лѣсу и в..слѣдстві.. этого отличн.. изучилъ его в..дол.. и по..перекъ и в..послѣдстві.., уже.. много лѣтъ спустя, я не забылъ его.—В..продолжені . каникулъ я в..полн.. подготовился къ переэкзаменовкѣ, и въ..течені.. двухъ

послѣднихъ недѣль успѣлъ даж.. н..сколько познакомиться съ курсомъ и слѣдующаго класса.—По синимъ волнамъ океана, лиш.. звѣзды блеснутъ въ небесахъ, корабль одинокій несется.—На берегу пустынныхъ волнъ стоялъ онъ (Петръ), думъ великихъ полнъ, и в..дал.. глядѣлъ.—Подъ гору в..скач ., а на гору хоть плачь.—На..вя. нич.. падать опасно.—За городомъ дѣти в..сласт.. набѣгались и в..довол.. наигрались.—Когда пошло дѣло в..крив . да в..кос., такъ лучш.. его брось.—Шапочка въ двѣ денежки и то на..бекрен..—Солдаты подошли къ рѣкѣ и стали переправляться в..брод.. гуськомъ.—Посл.. пожара мы с..нов.. выстроили себѣ домъ, но уж.. въ другомъ мѣстѣ. С..перед.. нашего дома устроемъ обширный цвѣтникъ съ фонтаномъ; с..зад.. къ нему примыкаетъ дворъ, а за дворомъ, к..низу, разрастается молодой садъ; с..л..в.. отъ дома идетъ обрывъ, от..куд.. открывается прекраснѣйшій видъ на рѣку; а с..прав.., н..в..далек.., стоитъ станція желѣзной дороги. Въ домѣ мы живемъ в..мѣст.. съ родными; имъ сдаемъ в..наймы нижній этажъ. На этой новой усадьбѣ намъ в..дво.. просторнѣе, чѣмъ на прежней.—На..завтр.. намъ задано выучить на..из..ст.. три стихотворенія.—Мы поднимались в..верхъ по рѣкѣ. В..другъ налетѣла буря. Лодка зачерпнула воды поч..ти в..ровен.. съ краями и чут.. чут.. не пошла ко дну; мы по.. перем..нн.. стали вычерпывать воду, но волны еж..минутн.. грозили потопить насъ, и только близость берега спасла насъ отъ неминуемой гибели.—Парохо..ъ нашъ попалъ въ самую быстрину и то .и..дѣло сталъ встрѣчать льдины, с..начал.. маленькія, а по..томъ все толще и крупнѣе. Тол..к.. что пароходъ сталъ мало..мальск.. справляться съ теченіемъ, какъ в..другъ, н..ожид..нн.., показалась громаднѣйшая льдина и на..искос.. перерѣзывала намъ дорогу. Во..

время мы успѣли свернуть отъ нея в..сторону, но все..таки она подводною своею частью, хотя и в..скол..з.., такъ черкнула по..боку пар..хода, что тотъ затрещалъ. Н..конецъ, мало..по..мал.. пароходъ выбрался на свободную ширину разлившейся, какъ море, рѣки и плавн.., и быстр.. понесся далѣе.—Из..стар.., давнымъ..давно, н..кому не въ память, стоятъ зд..с.. эти курганы. Н..которые изъ нихъ ..ще высоки, другіе же ..два замѣтны, уж.. распаханы и почти сравнялись съ землей.—Н..какое дѣло не нужно дѣлать кое..какъ.—Уж.. стемнѣло; тамъ.. и..сямъ засверкали огоньки.—Вотъ, слово..за..слово, пустынникъ съ медвѣдемъ знакомятся, по..томъ дружатся, по..томъ не могутъ уж.. разстаться и цѣлые проводятъ в..м..ст.. дни.

Урокъ 106.

Предлогъ.

Для объясненія.

I.

Своя волюшка **доводитъ** до горькой долюшки.

Войска **выступили въ походъ**.

Приходъ пароходовъ въ гавань и **отплытіе** их изъ нея **приносятъ прибрежнымъ** жителямъ немалую **прибыль**.

Передъ нами разстилалась **безпредѣльная** равнина, без малѣйшихъ возвышеній, **наполненная безчисленнымъ** множествомъ озеръ, болотъ и топей.

Въ **преклонномъ возрастѣ** люди теряютъ свои силы.

Наши **прадѣды** жили просто, да проживали лѣтъ со сто.

Иногда дно **рѣки** обрывается отвѣснымъ уступомъ: тогда вода **низвергается** съ этого уступа съ ужаснѣйшимъ шумомъ, **разсыпается** неисчислимымъ множествомъ сверкающихъ брызгъ и въ паденіи своемъ представляетъ удивительную картину. Красоту водопада на словахъ трудно **передать**.

Правила. *Предлогъ съ глаголомъ пишется* **слитно**.

Съ именами существительными предлогъ пишется отдѣльно и слитно. Слитно предлогъ пишется тогда, когда служитъ для существительнаго **представкою**, *т.-е. составляетъ съ нимъ одно понятіе, одно слово.*

Предлогъ-представка *съ именами прилагательными также пишется* **слитно**.

Нѣкоторые предлоги пишутся съ словами только слитно, отдѣльно же никогда не употребляются. Эти предлоги—слѣдующіе: **воз**, **раз**, **низ**, **вы**, **па**, **про**, **пре**.

Задача.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ поставить правильно предлоги, отдѣльно или слитно.

У..видя, что мужикъ, трудяся надъ...дугами, ихъ при..быльно с.бываетъ съ..рукъ (а дуги гнутъ съ..терпѣньемъ и не в..другъ), медвѣдь за..думалъ жить такими же трудами. По..шелъ по..лѣсу трескъ и стукъ, и слышно за . версту проказу.—Душа наша без..смертна.—Языкъ до.. Кіева до .ведетъ.—На..шла коса на..камень.—Пере..зрѣлые плоды вредны.—С..боръ плодовъ съ..деревьевъ до..ставляетъ дѣтямъ большое у..довольствіе.—Под..земныя воды не..за..мѣтны.—Дѣти под..бѣжали къ..рѣкѣ и стали купаться.—Вечеромъ и утромъ отъ..предметовъ от..брасываются длинныя тѣни.—За..добрыя дѣла Господь за..платитъ.—Гора съ..горой не с .ходится, а человѣкъ съ.. человѣкомъ сойдется.

Для объясненія.

II.

Въ +ходъ=**входъ**.
Отъ+ходъ=**отходъ**.
Надъ+пись=**надпись**.
Подъ+пись=**подпись**.
Изъ+влеченіе=**извлеченіе**.
Съ+умасбродъ=**сумасбродъ**.
Въ+ѣздъ=**въѣздъ**.
Объ+ясненіе=**объясненіе**.
Разъ+исканіе=**разысканіе**.

Безъ+толковый=**безтолковый**.
Въ+росшій=**вросшій**.
Изъ+гнанный=**изгнанный**.
Надъ+писанный=**надписанный**.
Подъ+крашенный=**подкрашенный**.
Съ+умасбродный=**сумасбродный**.
Съ+умасшедшій=**сумасшедшій**.
Съ+ѣденный=**съѣденный**.
Предъ+идущій=**предыдущій**.

Въ+ходить=**входить**.
Безъ+покоить=**безпокоить**.
Изъ+брать=**избрать**.
Надъ+писать=**надписать**.
Подъ+бросить=**подбросить**.
Отъ+обѣдать=**отобѣдать**.
Съ+умѣть=**сумѣть**.
Объ+явить=**объявить**.
Отъ+экзаменоваться=**отъэкзаменоваться**.
Отъ+искать=**отыскать**.

Правила.—*Если предлогъ оканчивается на* ъ, *а слово, съ которымъ онъ пишется вмѣстѣ, начинается съ согласной или твердой гласной буквы, то* ъ *не пишется; но, если слово начинается съ мягкихъ глас-*

нихъ—**я**, **ю**, **е**, **ѣ** *и твердой* **э**, *то буква* **ъ** *передъ ними удерживается.*

Если предлогъ оканчивается на **ъ**, *а слово, съ которымъ онъ пишется вмѣстѣ, начинается съ буквы* **и**, *то изъ двухъ буквъ:* **ъ+и**, *образуется* **одна буква—ы**.

Задача.

Поставить правильно предлоги, отдѣльно или слитно съ словами, въ слѣдующихъ примѣрахъ (указать, гдѣ писать или не писать **ъ**).

Отъ..своихъ отъ..сталъ и къ..чужимъ не при..сталъ.—Безъ..плодное древо съ..рубаютъ.—Безъ..родному дитяти негдѣ голову при.клонить.—Мы отъ..огрѣли изъ..зябшаго странника.—Изъ..дѣваться надъ..несчастнымъ грѣшно.—Зимою бываютъ отъ..тепели.—Съ..луга неслись разъ..удалыя пѣсни.—Зрѣніе и слухъ у нѣкоторыхъ животныхъ необыкновенно изъ..ощряются.—Тетя позвала насъ къ..себѣ въ.мѣстѣ отъ..обѣдать и отъ.ужинать.—Взошло солнце, и подъ..облачныя вершины горъ за..сіяли своими вѣчными снѣгами.—Разъ.умъ одолѣваетъ силу.—Гости уже разъ..ѣхались.—Мы въ..полнѣ поняли разъ..ясненный урокъ и уже вы..учили его.—Съ..ютить этихъ съ..умасбродныхъ людей невозможно.—Съ..вершины высокой горы взоръ объ.емлетъ необозримое пространство.—Объ.явленія вы..вѣшиваются на..видныхъ мѣстахъ.—Сосѣдъ мой по..спѣшаетъ въ..отъ..ѣзжія поля съ..охотою своей.—Темное чистое небо торжественно и необъ..ятно высилось надъ..нами.—Въ..городахъ нерѣдко въ..стрѣчаются громадные двухъ..этажные и трехъ.этажные дома..—Потерянную вещь не всегда бываетъ легко отъ.искать.—Разъ..игралась метель, и путники принуждены были вернуться.—Одинъ изъ..пальцевъ

на каждой рукѣ называется без..именнымъ.—Былъ бы хлѣбъ, а зубки съ..ищутся.

Урокъ 107

Предлогъ (продолженіе).

Для объясненія.

Раз+копать=раскопать.
Раз+пилить=распилить.
Раз+таять =растаять.
Раз+франтиться=расфрантиться.
Раз+ходиться= расходиться.

Разъ+цѣпить=расцѣпить.
Раз+числить =расчислить.
Раз+шаркаться=расшаркаться.
Разъ+щедриться=расщедриться.
Воз+кликнуть=воскликнуть.

Низ+падать=ниспадать.
Из+цѣлять=исцѣлять.
Воз+трубить=вострубить.
Раз+фыркаться=расфыркаться.
Низ+ходить=нисходить.

Изъ+числять=исчислять.
Из+шагать=исшагать.

Расписáться—роспись. Рóздыхъ. Рóзыскъ. Рóзыгрышъ. Безъ+предѣльный=**безпредѣльный**. **Чрезмѣрный.**

Правила. — *Въ предлогахъ — представкахъ* **раз, воз, низ, из** *буква* **з** *измѣняется въ* **с** *передъ слѣдующими (отзвучными) буквами:* **к, п, т, ф, х, ц, ч, ш, щ.**

Предлоги **без** *и* **чрез**, *будучи представками, ни предъ какими буквами* **з** *въ* **с** *не измѣняютъ.*

Задача 1.

Если надъ предлогомъ—представкою **раз** стоитъ удареніе, то онъ измѣняется въ **роз**.

Поставить пропущенныя буквы въ слѣдующихъ словахъ:

Ра..красить, во..питанникъ, бе..толковый, бе..форменный, ни..вергнуть, и..чезать, ра..ширить, ра..щелкать, ра..честь, ра..четъ, ра..считать, ра..считывать, ра..сѣчь, ра..толковать, во..гордиться, ра..богатѣть, ра..цѣловаться, во..чувствовать, ра..мачивать, и..толковать, и..требить, в..крикнуть, ра..шевелить, ра..щепъ, ра..щелина, бе..конечный, бе..численный, чре..вычайный, и..бранный, во..расти, ни..менный.

Задача 2.

Поставить пропущенныя буквы.

Пора.. кинулась Русь широко, далеко!—Первая ра..пускается береза, она же первая начинаетъ и желтѣть.—Здравствуй, русская моло..ка, ра..красавица душа, бѣлоснѣжная лебедка, здравствуй, матушка-зима!—Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы, и зимой бы цвѣты ра..цвѣтали!—Въ и..ходѣ іюля стоятъ сильные жары.—Дѣдушка просыпается на во..ходѣ солнца.—Какъ забѣлѣлась ярко гречиха ра..цвѣтшая, чистой омытая влагой отъ пыли!—Ра..считывай на свои силы, а на чужую помощь не надѣйся.—Не всякимъ ро..казнямъ вѣрь.—Не радуйся чужому бе..временью: самъ подъ Богомъ ходишь.—Игриво поверхность земли ра..сѣкая, волнуясь и пѣнясь, кипя и сверкая, хрустальныя рѣки текутъ въ океанъ, бѣгутъ, ни..падаютъ по склону земному въ бе..донную пасть къ великану сѣдому.—Того, что скрываетъ та бездна нѣмая, ничья здѣсь

душа не ра..кажетъ живая.—Соловей в..порхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей.—Ласточки и..чезаютъ отъ насъ въ концѣ августа; ранній отлетъ этихъ птичекъ пред..казываетъ ранн..ю зиму.—И..требленіе лѣсовъ служитъ причиною обмелѣнія рѣкъ.—Ра..чищенная дорожка вывела насъ изъ липовой рощи.—Каково и..печешь, таково и съѣшь.—Замерли грома ра..каты.—Ворота тесовы ра..творилися: на коняхъ, на саняхъ гости въѣхали.—Вотъ на таборъ кочевой ни..ходитъ сонное молчанье.—Вершины горъ, и..чезая въ темныхъ облакахъ, казались бе..конечными. У лисицы хвостъ пушистый, ра..кидистый и золотистый.—Вешнее солнышко землю во..крешаетъ.—Сы..дѣтства привыкъ я понимать нѣмое молчаніе неба.—Въ небѣ неподвижно стояли ястреба, ра..пластавъ свои крылья.—Человѣкъ предполагаетъ, о Богъ ра..полагаетъ.

М. Львовъ.

Нѣсколько

вступительныхъ строкъ, въ данномъ случаѣ имѣющихъ свое основаніе.

Знаки препинанія для пониманія письменной и печатной рѣчи имѣютъ большое значеніе. Ѳ. И. Буслаевъ въ своей «Исторической грамматикѣ» (ч. II, § 173, изд. 2-ое) говоритъ объ этомъ слѣдущее: «Для большей ясности и опредѣленности въ изложеніи мыслей на письмѣ, принято отдѣлять слова и цѣлыя предложенія знаками препинанія (т. е. знаками остановки)... знаки препинанія имѣютъ двоякое значеніе: 1) Способствуютъ ясности въ изложеніи мыслей, отдѣляя одно предложеніе отъ другаго, или одну часть его отъ другой; и 2) выражаютъ ощущенія лица говорящаго и его отношенія къ слушающему. Первому требованію удовлетворяютъ: запятая (,), точка съ запятой (;), двоеточіе (:); второму — знаки: восклицательный (!) и вопросительный (?), многоточіе (....) и тире (—). Сверхъ того, для ясности и удобства изложенія мыслей на письмѣ употребляются еще слѣдующіе вспомогательные знаки: скобки () и вносные знаки или кавычки («»)».

Въ «Русскомъ правописаніи» Я. К Грота о «назначеніи» знаковъ препинанія говорится короче, чѣмъ у перваго академика, а именно: «Для облегченія читателю пониманія писанной рѣчи служитъ указаніе большей или меньшей связи между предложеніями, а отчасти и между членами предложеній, посредствомъ зна-

ковъ препинанія: *точки, точки съ запятой, двоеточія и запятой*». Затѣмъ, у перваго академика въ общихъ чертахъ, а у второго подробно—излагаются правила употребленія знаковъ препинанія. Эти правила съ различными измѣненіями и дополненіями мы находимъ въ нашихъ многочисленныхъ учебникахъ русской грамматики, а также теоріи словесности и спеціальныхъ (объ употребленіи знаковъ препинанія) книгахъ и книжечкахъ, сжато изложенныхъ и многословныхъ. Сбивчивость въ изложеніи правилъ, неясность, противорѣчія—характерные признаки всѣхъ названныхъ руководствъ.

Обратимся къ примѣрамъ. Въ «Историч. грам.» (§ 173, 3, а) имѣется такое правило: «Передъ соединительнымъ союзомъ *и*, передъ раздѣлительнымъ *или*, не ставится запятой, когда они соединяютъ два члена предложенія», и въ этихъ же строкахъ нарушается это правило, какъ то же сдѣлано въ приведенномъ выше отрывкѣ: «отдѣляя одно предложеніе отъ другаго, или одну часть его отъ другой»... или тамъ же (подъ б) говорится: «Предъ союзомъ *а* всегда ставится (??) запятая»... Всегда ли?

Неясность формулировки правилъ употребленія находимъ мы и въ «Русскомъ правописаніи», напр.. «Точкою съ запятой могутъ быть раздѣляемы не только самостоятельныя или главныя предложенія, но и придаточныя (*предъ* **или** *запятая не поставлена*, хотя и требуется она правиломъ «Р. прав.» подъ **106**, стр. 107, изд. 11), относящіяся къ одному главному, если они не очень кратки». Что значитъ выраженіе: «не очень кратки?» какимъ числомъ членовъ предложенія можно обозначить эту краткость? всякія ли очень распространенныя одного вида придаточныя предложенія можно отдѣлять другъ отъ друга точкою съ запятой?

Подобную туманность, неясность, сбивчивость въ формулировкѣ правилъ употребленія знаковъ препинанія можно бы указать въ любомъ руководствѣ, въ лю-

бомъ учебникѣ (см. объ этомъ, напр., въ «Филологич. Зап.» за 1899 г., вып. V, разборъ книги: «Къ ученію о періодахъ»...). Туманность эту мы видимъ и въ слѣдующихъ строкахъ «Историч. грам.» (§ 173, стр. 103, изд. 2): «Въ рѣчи періодической» отдѣляются «двоеточіемъ части періода; точкою съ запятою—члены періода; запятою—подчиненныя части этихъ послѣднихъ, т.-е. придаточныя и отдѣльныя слова. Въ краткомъ періодѣ части могутъ быть отдѣляемы точкою съ запятой; тогда члены отдѣляются запятою». О постановкѣ знаковъ препинанія въ періодической рѣчи въ «Рус. правопис.» не говорится ни слова. Въ другихъ руководствахъ, касающихся правилъ постановки знаковъ препинанія, встрѣчаются такія строки, которыя могутъ быть напечатаны въ сатирическихъ журналахъ (см. о послѣднемъ критич. замѣтки въ «Фил. Зап.» за 1899 г.).

Ни грамматикою, ни логикою нельзя объяснить постановку двоеточія въ такомъ, напр., случаѣ, какъ у Ѳ. И. Буслаева. Онъ въ «Историч. грам.» говоритъ: ....«требованію удовлетворяютъ: запятая (,), точка съ запятой (;)...» Разберемся въ этомъ предложеніи. Подлежащимъ въ немъ служатъ слова: «запятая... точка...» сказуемое къ нимъ «удовлетворяютъ», и это-то сказуемое отъ своихъ подлежащихъ отдѣлено двоеточіемъ! Спрашивается, какое же для этого основаніе. Подобная постановка двоеточія опирается, конечно, на правило, которое мы находимъ у академика Буслаева и почти во всѣхъ учебникахъ по русской грамматикѣ,—правило, гласящее: **двѣ точки употребляются передъ перечисленіемъ**... да передъ всякимъ ли? Почти всѣ учебники говорятъ: да! По правилу этихъ учебниковъ требуется тотъ же знакъ, т.-е. двоеточіе, и въ слѣдующемъ, напримѣръ, предложеніи: мы увидѣли: лѣсъ, рѣку, горы..., т.-е. опять-таки не понятно, почему надо ставить двѣ точки: вѣдь поставить въ данномъ примѣрѣ двѣ точки нѣтъ ника-

кого основанія: нельзя же отдѣлять дополненіе отъ своего дополняемаго! Или, наприм., въ знаменитомъ Лермонтовскомъ стихотвореніи: «Когда волнуется желтѣющая нива...», имѣющемъ грамматическую форму художественно построеннаго періода, между повышеніемъ и пониженіемъ въ большинствѣ руководствъ, учебниковъ по рус. языку и хрестоматій, въ которыхъ напечатано это стихотвореніе, поставленъ знакъ тире и запятая (,—). Какое для этого основаніе? Вѣдь пропуска словъ и предложеній предъ союзомъ тогда нѣтъ! ..

Нечего послѣ сказаннаго удивляться тому, что окончившіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (да и въ высшихъ) ставятъ знаки препинанія «по вдохновенію», а часто—и тамъ, гдѣ ихъ не должно быть.

По нашему убѣжденію, во-первыхъ, необходимо съ каждымъ знакомъ препинанія связать извѣстное представленіе, указать его назначеніе;

во-вторыхъ, отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ старинныхъ правилъ (напр.: то предъ употребленнымъ во второй разъ союзомъ и въ слитномъ предложеніи (между однородными членами этого предложенія) ставятъ запятую, то не ставятъ, каковыя правила можно видѣть на указанныхъ страницахъ «Историч. грам.» и «Рус правописанія»; или, напр. читаемъ въ самыхъ разнообразныхъ руководствахъ и учебникахъ, какъ основное правило: предъ союзомъ и, соединяющимъ два однородныхъ члена предложенія, запятая не ставится, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ ее можно и поставить (см. назван. сочиненія академиковъ Ѳ. И. Буслаева и Я. К Грота);

въ-третьихъ, точно формулировать правила употребленія знаковъ препинанія. Пусть 1) точка (.) дѣйствительно обозначаетъ законченную мысль, что въ устной рѣчи и при чтеніи обозначается остановкою голоса (паузою) и пониженіемъ его; 2) запятая (,)—самую малую паузу, безъ пониженія голоса; 3) точка

съ запятой—болѣе значительную паузу, безъ пониженія голоса, какъ, напр., пауза между членами періода; 4) знакомъ тире (—) исключительно слѣдовало бы обозначать пропускъ частей предложенія или цѣлыхъ предложеній, не ставить его вмѣсто скобокъ ( ), двоеточія (:); 5) знакомъ многоточіе (...)—пропускъ словъ и предложеній подъ вліяніемъ аффективнаго состоянія Цѣль появленія этой книжечки и объясняется, съ одной стороны, сказаннымъ, съ другой—желаніемъ дать учащимся и людямъ, занимающимся самообразованіемъ, вполнѣ доступное для нихъ руководство.

Руководя съ десятокъ лѣтъ занятіями ученицъ VIII кл. женской гимназіи съ ученицами низшихъ классовъ, я не могъ не видѣть, что дѣти легко усваиваютъ грамматическія свѣдѣнія вообще и правила употребленія знаковъ препинанія въ частности, если имъ знанія даются при посредствѣ индуктивнаго метода; поэтому позволилъ себѣ (съ незначительной переработкой) напечатать въ этой книжечкѣ обработанные моими ученицами (Б-ой, Р-ой, В-ой, С-ой, Р-ой и др.), подъ моимъ руководствомъ, матеріалы для пробныхъ уроковъ на темы: употребленіе запятой, точки съ запятой, двоеточія, и др. Главнымъ образомъ время въ классѣ требуется на усвоеніе дѣтьми правилъ употребленія этихъ трехъ знаковъ препинанія. При изложеніи правилъ употребленія другихъ знаковъ препинанія,—правилъ, и несложныхъ, и нетрудныхъ, я примѣнилъ методъ дедуктивный.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о томъ, почему въ этой же работѣ печатается замѣтка объ употребленіи буквы ѣ. Злободневнаго ятеваго вопроса въ школѣ, обществѣ и печати мы не будемъ касаться. Будетъ ли изгнана Ѣ изъ русской азбуки, останется ли она въ

ней, есть ли основаніе для существованія ея *),—это вопросъ будущаго. Мы имѣемъ въ виду statum quo русской азбуки. Сѣтованія дѣтей, родителей, общества, печати на то, что усвоеніе буквы ѣ отнимаетъ много времени у школьниковъ, причиняетъ имъ огорченія, страданія,—мало этого: эта буква бываетъ причиною дли выбрасыванія нѣкоторыхъ школьниковъ изъ учебныхъ заведеній,—все это правда, да не вполнѣ: буква ѣ тутъ не при чемъ: скорѣе тутъ виноваты педагоги, которые не заботятся о томъ, чтобы указать средства дѣтямъ, какъ скоро и безъ особаго напряженія памяти усвоить случаи употребленія буквы ѣ въ представкахъ, корняхъ, производственныхъ звукахъ и окончаніяхъ словъ. Не малый грѣхъ принимаютъ на себя тѣ составители учебниковъ русской грамматики, которые, разсчитывая на механическое усвоеніе памятью словъ съ буквою ѣ, сочиняютъ стихи изъ словъ, въ которыхъ пишется эта буква; преступно поступаютъ тѣ педагоги, которые даютъ для зазубриванія эти стихи. **Выучи**, и ученикъ учитъ, учитъ долго, до помраченія мозговъ,—учитъ иногда, зажмуривъ глаза. А результатъ этого зубренія? Въ первомъ же повѣрочномъ диктантѣ дѣлаетъ ученикъ ошибки въ тѣхъ словахъ, которыя встрѣчаются въ стихахъ, сочиненныхъ (хитро) изъ словъ съ

---

*) Интересующіеся вопросомъ о буквѣ ѣ могутъ найти указанія въ ст. Р. Ѳ. Брандта, Д. Н. Ѳомина, С. Н. Прядкина за послѣдніе годы въ «Фил. Зап.»,—академика А. И. Соболевскаго въ журналѣ: «Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія», за 1904 г., и др.

Руководствъ для усвоенія буквы ѣ въ корнахъ безъ зазубриванія, а при помощи списыванія, много, напр., прекрасно составленная съ этою цѣлью книжечка Д. Н. Ѳоминымъ: буква ѣ въ коренныхъ словахъ. Слова эти взяты не отдѣльно, а въ связи съ другими, въ живой и письменной рѣчи: въ пословицахъ и изреченіяхъ. См. «Указатель» къ «Филол. Запискамъ» за послѣдніе годы.

буквою ѣ, какъ недавно зазубривали стихами изложенныя исключенія въ латинской грамматикѣ. Кто же виноватъ въ этомъ? дѣти или педагоги и сочинители стиховъ?

Чтобы научиться писать грамотно, нужно сознательно представлять себѣ составъ словъ, а для послѣдняго необходимо имѣть ясное представленіе о частяхъ слова: представкѣ, корнѣ, производственныхъ звукахъ и окончаніи. Въ школахъ, по моимъ наблюденіямъ, этотъ отдѣлъ проходятъ формально: задается урокъ о составѣ словъ, зазубривается дѣтьми, и дѣло кончено: вопросъ, поставленный въ «примѣрной программѣ», рѣшенъ, выполненъ, и достаточно .. Вотъ одна изъ причинъ безграмотности нашихъ школьниковъ вообще и незнанія, въ какихъ случаяхъ въ словахъ нужно писать букву ѣ, въ частности.

Въ теченіе своей многолѣтней педагогической практики при разучиваніи грамматич. матеріала ни разу я не заставлялъ школьниковъ зубрить ни **пресловутые стихи** изъ словъ съ буквою ѣ, ни списки словъ съ этой буквою, по обыкновенію печатаемые въ концѣ учебниковъ руской грамматики и также «Русскаго правописанія»—академика Грота, и, слава Богу, всего менѣе въ этой области грамматики мои ученики и ученицы дѣлаютъ ошибки.

Для знакомства съ частями слова я беру всегда корни словъ съ буквою ѣ, напр., кор. **вѣд**—, пишу его на доскѣ, прошу учащихся подыскивать слова съ этими коренными звуками и подписываю подъ корнемъ, а дѣти списываютъ написанное на доскѣ въ особыя тетрадки, напримѣръ, берутся коренные звуки: **вѣд** **вѣс** (с=д)—**вѣщ** (щ=с·т), и подъ ними пишутся производныя слова; при этомъ коренные звуки подчеркиваются.

вѣд-	(д) **вѣс-**
вѣд-*ь*	**вѣс-т-***ь*
За-по-**вѣд-***ь*	Из **вѣс-т-і-***е*
Ис-по-**вѣд-***ь*	Из-**вѣс-т-н-***ы-й*
За-кон-о-**вѣд-***ъ*	**вѣс-т-н-ик-***ъ*
За-кон-о-**вѣд-ѣ-н-і-***е*	. . . . .
вѣд-ѣ-н-і-*е*	(д) **вѣщ** (=**вѣс-т-**)
С-**вѣд-ѣ-н-і-***е*	Из-**вѣщ-а-***ть*
Не-**вѣд-ѣ-н-і-***е*	За-**вѣщ-а-***ть*
Прав-о **вѣд-ѣ-н-і-***е*	На-**вѣщ-а-***ть*
вѣд-а-*ть*	У-**вѣщ-а-***ть*
За-**вѣд-у-***ю*	У-**вѣщ-а-н-і-***е*
За-**вѣд-ова-***ть*	У-**вѣщ-ева-***ть*
.	. . . . . .

Для сознательнаго распознаванія дѣтьми созвучныхъ корней ведется бесѣда, приблизительно такая.

Дѣти, отъ этого ли корня слова: **вед-у**, **вес-ть**, при вед-у, при-вес-ть; с-вед-у, с-вес-ть, с-вед-е-н-і-е?

— Нѣтъ.—

Что значитъ слово **вѣд**-ать?

— Знать —

А слова—вед-у, вес-ть, напр., въ выраженіи: весть лошадь, корову?

—Эти слова значатъ—весть предметъ одушевленный съ одного мѣста на другое.—

Да, корень **вед** значитъ – силою заставить другой предметъ сойти съ мѣста и итти, куда его поведутъ; а корень **вѣд** вообще означаетъ пріобрѣтать знанія при помощи памяти, мышленія и воображенія, – хранить въ душѣ эти знанія, имѣть знанія. Значеніе коренныхъ звуковъ представками, производственными звуками измѣняется, что видно изъ слѣдующаго: общее значеніе корня **вѣд**—измѣнено, напр., въ словѣ запо**вѣдь**: слово запо**вѣдь** говоритъ только о тѣхъ свѣдѣніяхъ,

знаніяхъ, заповѣдяхъ,, которыя заповѣдалъ (далъ возможность знать) Богъ людямъ, давъ законъ свой.

Знаніе учащимися смысла коренныхъ звуковъ даетъ имъ возможность не смѣшивать звучащіе одинаково корни и правильно писать произведенныя отъ нихъ слова сознательно, т.-е. знать части словъ, ихъ написаніе. Занятіе подобнымъ словопроизводствомъ словъ лучше всего дѣлать въ концѣ урока, минутъ за 10, за 15 до звонка. Работа эта оживляетъ дѣтей: каждый изъ учащихся старается подыскать хоть одно слово съ тѣми или другими коренными звуками. Въ теченіе учебнаго года въ I кл. можно постепенно, не спѣша, разучить слова съ буквою ѣ въ корняхъ и на этомъ же матеріалѣ познакомить дѣтей съ составомъ слова, и тогда они въ состояніи будутъ называть семьи словъ отъ корней съ другими гласными звуками. Тетради съ словами, въ которыхъ пишется ѣ, будутъ для учениковъ справочникомъ на все школьное время. Если ученикъ сдѣлаетъ ошибку въ словѣ съ буквою ѣ, ему можно предложить просмотрѣть ту или другую семью словъ съ буквою ѣ въ корнѣ, а еще лучше переписать эту семью, и зрительная память, а также самый механизмъ письма («сама рука напишетъ») несомнѣнно помогутъ ему не дѣлать подобныхъ ошибокъ въ другой разъ.

Для списыванія и сознательнаго усвоенія памятью коренныхъ звуковъ и семей словъ съ буквою ѣ, произведенныхъ отъ нихъ; а также для сознательнаго ознакомленія дѣтей съ составомъ слова и назначается II-я часть моей книжечки.

Съ тою же цѣлью, оказать помощь дѣтямъ, помѣщены въ этой книжечкѣ и правила переноса частей словъ въ другую строку.

Насколько будетъ полезно выпускаемое мною это руководство, судить объ этомъ не мнѣ.

Буду считать себя счастливымъ, если моя книжечка принесетъ пользу «малымъ симъ», а также и лицамъ, которыя пожелали бы самостоятельно усвоить грамматическія данныя, которыя даются этою книжечкою. «Читающе исправляйте, а не кляните»

Составитель.

Воронежъ.
23 іюля 1904 г.

I.

Знаки препинанія.

А.

Употребленіе запятой *).

1.

Дѣти, разберемъ съ вами слѣдующее предло-
Кто такое? Кто? Какой? Какъ?
женіе: **императоръ Петръ Великій съ опасно-**
Что дѣлалъ?
стью для своей жизни руководилъ боемъ подъ Полтавою въ борьбѣ съ шведами въ концѣ іюня тысяча семьсотъ девятаго года (примѣры всѣ я буду писать на доскѣ, а вы пишите ихъ въ своихъ тетрадяхъ).

М., назовите мнѣ подлежащее въ этомъ примѣрѣ.

— **Петръ:** это слово отвѣчаетъ на вопросъ: кто?—

(Вопросы надписывайте надъ частями предложенія).

С., что дѣлалъ Петръ?

— ...**руководилъ**—это слово сказуемое.—

Л., кто такое Петръ?

— **Императоръ**—приложеніе.—

П., какой Петръ?

— **Великій**—опредѣленіе къ слову «Петръ».—

Б., какъ Петръ руководилъ боемъ?

— ...**съ опасностью**—обстоятельственное слово образа дѣйствія.

(Дѣти разбираютъ остальныя части предложенія и надписываютъ надъ ними вопросы).

*) Матеріалы для пробныхъ уроковъ по русск. языку ученицъ VIII кл. С-ой, Д-ской и др.

На одинаковые ли, Ш., вопросы отвѣчаютъ части нашего предложенія?

— Нѣтъ, на разные вопросы.—

Какое, Т., мы разобрали предложеніе?

— Распространенное, полное, повѣствовательное, утвердительное.—

Есть ли внутри предложенія хоть одинъ знакъ препинанія?

— Нѣтъ ни одного знака препинанія.—

Какое же можно вывести правило?

— **Между частями предложенія, отвѣчающими на разные вопросы, знакъ препинанія—запятая не ставится.**

Да. Кто скажетъ примѣръ распространеннаго предложенія? Можно ли между частями этого предложенія поставить какой-нибудь знакъ препинанія? Н., повторите правило. С., скажите вы примѣръ. Повторите всѣмъ классомъ правило. Дѣти повторяютъ (далѣе всѣ правила разучиваются также, т.-е. принимаетъ дѣятельное участіе въ разучиваніи правилъ весь классъ).

2.

Запишемъ, дѣти, примѣры и разберемъ ихъ.

«Идётъ волшебница зима».—«За весной, красой природы, лѣто знойное пройдетъ».—«Петръ Великій побѣдилъ Карла Двѣнадцатаго: онъ, т.-е. Петръ, былъ геніальный полководецъ».—«Побѣдитель Мамая на Куликовомъ полѣ, т.-е. Димитрій Донской, умеръ въ 1389 году».—«Одинъ только металлъ, а именно золото, людьми цѣнится дороже остальныхъ».—«Царь звѣрей, или левъ, своимъ страшнымъ ревомъ наводитъ ужасъ на всѣ живыя существа».—

«Одно только созданье свое, человѣка, Богъ надѣлилъ разумомъ».

М., назовите подлежащее въ первомъ примѣрѣ.

— Подлежащее въ немъ слово «зима».—

Какимъ словомъ оно пояснено?

— Словомъ «волшебница».—

На какой вопросъ это слово отвѣчаетъ?

— На тотъ же вопросъ, какъ и слово «зима».—

Какъ же называется такая часть предложенія, которая поясняетъ другую часть и отвѣчаетъ съ нимъ на одинъ вопросъ?

— Приложеніемъ.—

Да, приложеніемъ. А какое оно мѣсто занимаетъ въ отношеніи къ своему опредѣляемому?

— Оно стоитъ передъ опредѣляемымъ.—

Отдѣлено ли оно отъ него какимъ-нибудь знакомъ препинанія?

— Нѣтъ, не отдѣлено.—

Запомнимъ же правило: приложеніе, стоящее предъ своимъ опредѣляемымъ, знакомъ препинанія не отдѣляется.

Н., читайте слѣдующій примѣръ и назовите въ немъ приложеніе.

— Во второмъ примѣрѣ приложеніе выражено словомъ «красой» съ опредѣленіемъ къ нему, выраженнымъ словомъ «природы».—

Какое мѣсто въ предложеніи занимаетъ по отношенію къ своему опредѣляемому приложеніе?

— Оно стоитъ послѣ него.—

Какое же можно вывести, послѣ разбора этого примѣра, правило?

— Приложеніе съ своимъ опредѣляемымъ, стоящее послѣ опредѣляемаго, съ которымъ оно отвѣчаетъ на одинъ и тотъ же вопр съ, отъ другихъ частей предложенія отдѣляется запятой.

Да, хорошо. Запомните же дѣти правило:

приложеніе съ пояснительными при немъ словами, стоящее послѣ своего опредѣляемаго, отъ послѣдняго и другихъ частей предложенія отдѣляются запятой. С., повторите правило. М., придумайте примѣръ на это правило.

Теперь прочитаемъ и разберемъ остальные примѣры. Д., есть ли приложеніе въ остальныхъ примѣрахъ? какими словами оно выражено и какое мѣсто занимаетъ по отношенію къ своему опредѣляемому?

— Есть; выражено оно словами: «Петръ», «Димитрій», «золото», «левъ», «человѣка»; всѣ эти приложенія стоятъ послѣ своего опредѣляемаго.—

Да, это—приложенія. Обратите, дѣти, вниманіе на тѣ слова, которыя стоятъ предъ первыми четырьмя приложеніями. С., назовите ихъ.

— Т.-е., а именно, или.

А можно какое-нибудь одно изъ этихъ словъ подразумѣвать предъ приложеніемъ, выраженнымъ словомъ «человѣка»?

— Можно.—

Слѣдовательно, еще какое можно вывести изъ разбора примѣровъ правило? М., скажите вы.

— **Приложеніе, стоящее послѣ своего опредѣляемаго, хотя бы оно было выражено однимъ словомъ, если предъ нимъ находится налицо или подразумѣвается одинъ изъ союзовъ: а именно, то-есть, или, отдѣляется отъ частей предложенія запятой.**

Ш., повторите правило. З., скажите предложеніе съ приложеніемъ, предъ которымъ стоитъ **или**; а вы, Д., скажите примѣръ приложенія съ подразумѣваемымъ союзомъ.

Дѣти, въ какихъ же случаяхъ приложеніе отъ другихъ частей предложенія отдѣляется запятой?

Дѣти повторяютъ правила и приводятъ для разъясненія его примѣры.

3.

Дѣти, пишите еще примѣры, которые я буду писать на доскѣ. **«Дитя, я плѣнился твоей красотой»—«Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ».—«Мнѣ, Владычица, явила Ты свѣтъ небеснаго лица».—«Скачи, князь, до вражьяго стану».—«О, будь моимъ вождемъ, природа!»—«Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка?»** Н., скажите, какую часть предложенія составляютъ слова: **«Дитя», «родимый», «Владычица», «князь», «природа», «батюшка»?**

— Обращеніе.—Да, обращеніе. А что такое обращеніе?

— **Обращеніе—это тотъ предметъ въ предложеніи, къ которому мы обращаемся съ рѣчью и въ то же время называемъ его какимъ-нибудь именемъ.**

Вѣрно. Р., какое мѣсто названныя слова обращенія занимаютъ въ предложеніи?

— Первыя два стоятъ въ началѣ предложенія, третье и четвертое—въ срединѣ предложенія, а послѣднія два—въ концѣ предложенія.

Посмотрите на знакъ препинанія, которымъ отдѣлены слова обращенія отъ частей предложенія.

— Запятой.—

Б., не можете ли вы сказать, какія слова въ первыхъ двухъ примѣрахъ мы произносимъ съ удареніемъ, какъ бы на распѣвъ?

— «Плѣнился твоей красотой...» «со мной говоритъ».

А слова обращенія въ этихъ примѣрахъ мы также произносимъ?

— Нѣтъ, скорѣе, безъ усиленія голоса.—

Значитъ, когда же слово обращенія, стоящее въ началѣ предложенія, отдѣляется запятой?

— **Когда слово обращенія, стоящее въ началѣ предложенія, мы произносимъ спокойно, безъ усиленія голоса на немъ, тогда отдѣляемъ его запятой.**

Т., повторите. — С., скажите примѣръ и назовите въ немъ слово обращенія.

Смотрите, дѣти, на третій и четвертый примѣры. А., какимъ знакомъ препинанія отдѣлены въ этихъ примѣрахъ слова обращенія?

— Предъ обращеніемъ и послѣ него поставлена запятая.—

Скажите же полно, какъ отдѣлять знакомъ препинанія обращеніе стоящее въ срединѣ предложенія?

— **Если слово обращенія стоитъ въ срединѣ предложенія, то запятая ставится предъ словомъ обращенія и послѣ него.** —

В., повторите правило и поясните его примѣромъ. Назовите слово обращенія въ вашемъ примѣрѣ. Какъ же вы разставите знаки препинанія въ вашемъ примѣрѣ?

4.

Итакъ, дѣти, мы знаемъ теперь, въ какихъ случаяхъ приложеніе и обращеніе отдѣляются запятой отъ частей предложенія, при которомъ или въ которомъ они находятся. Будемъ теперь разучивать новыя правила употребленія запятой. Запишемъ и разберемъ слѣдующіе примѣры.

«Ну, право, хвалить себя мы (листья) можемъ безъ грѣха». — «Да, были въ наше время богатыри». — «Мнѣ казалось, буранъ еще свирѣпствовалъ». — «Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ (псарей) онъ (волкъ) съѣсть». — «Ты (соловей), сказываютъ,

пѣть великій мастерище».—«Онѣгинъ былъ, по мнѣнію многихъ, ученый малый».—«Пустыни, по словамъ путешественниковъ, имѣютъ свои прелести».—«Римъ отъ галловъ, по преданію, спасли гуси».—«По счастью, тутъ недалеко журавль случился».

Дѣти, подчеркните въ написанныхъ вами примѣрахъ слѣдующія слова и предложенія: «право», «да», «мнѣ казалось», «кажется», «сказываютъ», «по мнѣнію многихъ», «по словамъ путешественниковъ», «по преданію», «по счастью». Какъ называются подчеркнутыя нами слова и предложенія? М., скажите вы.

— Вводными словами и предложеніями.—

Да. Для чего они вводятся въ нашу рѣчь?

— Вводятся они въ нашу рѣчь для того, чтобы придать ей тотъ или другой оттѣнокъ: одни слова и предложенія указываютъ на увѣренность говорящаго, какъ въ примѣрахъ слова: «да», «право»; другими обозначается предположеніе, сомнѣніе, вѣроятность, какъ— предложеніями: «кажется», «казалось»; третьи даютъ основаніе мысли, составляютъ поясненіе, замѣчаніе, какъ въ написанныхъ примѣрахъ: «сказываютъ», «по мнѣнію», «по счастью».

Хорошо. Д., какое мѣсто занимаютъ вводныя слова и предложенія въ данныхъ примѣрахъ?

— Одни изъ нихъ стоятъ предъ предложеніемъ, другія внутри предложенія, въ которое они введены.

Да. А можетъ наша рѣчь заканчиваться вводными словами или предложеніями?

— Можетъ.—

Какимъ же знакомъ препинанія отдѣлены ввод-

ныя слова и предложенія отъ частей предложеній, которымъ они придаютъ тотъ или другой оттѣнокъ?

— Запятой.—

Полнымъ предложеніямъ скажите правило.

— **Вводныя слова и предложенія, какое бы мѣсто они ни занимали въ отношеніи къ той рѣчи** (предложенію), **которой они даютъ тотъ или другой оттѣнокъ, отъ частей ея, этой рѣчи** (предложенія), **отдѣляются запятой.**

Такъ. Ѳ., опредѣлите вводныя слова и предложенія. С., скажите, какое они могутъ занимать мѣсто въ нашей рѣчи. П., какимъ знакомъ препинанія они отдѣляются отъ частей нашей рѣчи?

5.

а) Пишите, дѣти, въ своихъ тетрадяхъ примѣръ, который я буду писать на доскѣ.

1. «**Высоко стоитъ солнце на небѣ, горячо печетъ землю-матушку**». Д., какое мы написали предложеніе?

— Слитное. —

Опредѣлите, какое предложеніе называется слитнымъ.

— **Предложеніе, въ которомъ нѣсколько подлежащихъ при одномъ сказуемомъ или нѣсколько сказуемыхъ при одномъ подлежащемъ, или нѣсколько второстепенныхъ членовъ съ подразумѣвающимися главными членами при второмъ, третьемъ изъ нихъ, называется слитнымъ.**

Правильно. С., повторите опредѣленіе. Н., скажите примѣръ слитнаго предложенія.

Т., а почему мы назвали записанное предложеніе слитнымъ?

— Мы назвали его слитнымъ потому, что въ

немъ при одномъ подлежащемъ («солнце»)—два сказуемыхъ («стоитъ, печетъ»).—

Придумайте примѣръ сами.

— «**Встань, проснись, пробудись, на себя погляди**».—

Про кого здѣсь говорится.

— Про лѣниваго мужика.—

Почему это предложеніе можно назвать слитнымъ?

— Въ немъ при подразумѣваемомъ подлежащемъ **ты**—четыре сказуемыхъ: «Встань, проснись, пробудись,... погляди».—

Да, четыре сказуемыхъ.

Т., какой знакъ препинанія поставленъ внутри разобранныхъ нами слитныхъ предложеній (смотрите на примѣры, написанные на доскѣ).

— Запятая.—

Не скажите ли, по какому правилу?

— По правилу: **сказуемыя съ относящимися къ нимъ пояснительными словами, если послѣднія не отдѣлены отъ своихъ сказуемыхъ какимъ-нибудь знакомъ препинанія, и если между этими сказуемыми нѣтъ союза и,—другъ отъ друга отдѣляются запятой**.—

Кто? Кто?

Пишите еще примѣры: 2) «**Шведъ, русскій**

Чѣмъ?

колетъ, рубитъ, рѣжетъ».—3) «**Отдѣлкой,**

Чѣмъ?

чистотой ларецъ въ глаза кидался».—

Гдѣ? Гдѣ?

«**За горами, за долами ужъ гремитъ**

Какъ? Какъ?

объ немъ разсказъ».—4) «**Весело, дружно,**

Какъ?

мило дѣти своими нѣжными голосками запѣли пѣсню елкѣ».—5) «**Люди часто страдаютъ**

Отчего? Отчего? Отчего?

отъ болѣзней, нужды, обиды, нехри-

Отчего?
стіанскаго отношенія другъ къ другу»—.
Когда? Когда? Когда?
6) «**Вчера, днемъ, въ одиннадцать часовъ, разразилась страшная гроза**». Теперь, дѣти, посмотримъ, какія части предложенія въ продиктованныхъ вамъ примѣрахъ отдѣлены запятой и почему. Д., какія однородныя части предложенія въ первомъ примѣрѣ?

«**Шведъ, русскій**»—подлежащія и «**колетъ, рубитъ, рѣжетъ**»—сказуемыя.—

На какой вопросъ отвѣчаютъ подлежащія?

— На вопросъ: **кто?**

(Дѣти, надписывайте вопросы надъ однородными частями предложенія). По какому правилу поставлена запятая между ними?

— По правилу: части предложенія, отвѣчающія на одинъ вопросъ и не соединенныя союзомъ **и**, другъ отъ друга отдѣляются запятой.—

М., а въ слѣдующихъ предложеніяхъ (отъ 3 до 6) есть однородныя части?

— Есть, а именно: во второмъ примѣрѣ два дополненія («**отдѣлкой, чистотой**»), отвѣчающія на вопросъ: **чѣмъ?** въ третьемъ два обстоятельственныхъ слова мѣста («**за горами, за долами**»), отвѣчающія на вопросъ: **гдѣ?** въ четвертомъ—три обстоятельственныхъ слова образа дѣйствія («**весело, дружно, мило**»), отвѣчающія на вопросъ: **какъ?** въ пятомъ—четыре обстоятельственныхъ слова причины («**отъ болѣзней, нужды, обиды,** нехристіанскаго **отношенія**»), отвѣчающія на вопросъ: **отчего?** въ шестомъ—три обстоятельственныхъ слова времени («**вчера, днемъ, въ одиннадцать часовъ**»), отвѣчающія на вопросъ: **когда?**—

Вѣрно. Значитъ, запятую ставить надо и между

несоединенными союзами дополненіями, обстоятельственными словами?

— Да.—

Перечислимъ же теперь, между какими однородными частями предложенія ставится запятая. Ф., сдѣлайте это вы.

— Запятая ставится между однородными дополненіями и однородными обстоятельственными словами, если между ними нѣтъ союза **и**.—

А можно сказать—между всѣми вообще однородными частями предложенія?

— Нѣтъ, нельзя.—

Почему же?

— Намъ еще вы не говорили объ однородныхъ опредѣленіяхъ.—

Да, мы еще не разбирали предложеній, въ которыхъ есть однородныя опредѣленія. Запишемъ и разберемъ слѣдующіе примѣры.

Какой? Какой? Какой?

Скучный, туманный, пасмурный

Какой?

осенній день нагоняетъ тоску на душу.—

Какой? Какой? Какой?

Старый вѣтвистый зеленый дубъ отражался въ зеркальной поверхности большой величественной рѣки».—«Предъ нами

Какое? Какое?

было большое озеро, въ три версты

Какое?

шириною, съ наклонившимися надъ водою деревьями».—М., есть ли однородныя опредѣленія въ первомъ предложеніи?

— Есть: **«скучный, туманный, пасмурный, осенній»**...потому что всѣ они отвѣчаютъ на вопросъ: **какой?**—

Ж., назовите опредѣлительныя однородныя слова во второмъ предложеніи.

— Во второмъ предложеніи однородныя опредѣленія: «старый вѣтвистый зеленый», поясняющія слово «дубъ», и—«большой величественной», поясняющія слово «рѣки».—

Почему же вы ихъ называете однородными?

— Потому что они отвѣчаютъ на одинъ вопросъ.—

Не скажете ли, почему между первымъ, вторымъ и третьимъ однородными опредѣленіями въ первомъ предложеніи поставлена запятая, а между третьимъ и четвертымъ нѣтъ?

— Первые три по смыслу одинаковы: «пасмурный, туманный день и бываетъ скучнымъ, а четвертое опредѣленіе («осенній») указываетъ на время, когда бываютъ скучные дни.—

Вѣрно. Н., не скажете ли вы, почему не поставлена запятая между опредѣлительными словами: «большой величественной»?

— Эти опредѣленія не одинаковы по смыслу: первымъ опредѣленіемъ указывается на величину рѣки, а вторымъ на впечатлѣніе, которое вызываетъ въ насъ «величественная» рѣка.—

А одинаковы ли по смыслу однородныя опредѣленія во второмъ примѣрѣ? Т., скажите вы.

— Нѣтъ, не одинаковы по смыслу: первое опредѣленіе говоритъ о возрастѣ дуба, второе о томъ, что у этого дуба много вѣтвей; а третье—о томъ, что листья на вѣтвяхъ дуба имѣютъ зеленый цвѣтъ.—

Хорошо. Итакъ, дѣти, вы теперь понимаете, что однородныя опредѣленія, во-первыхъ, отвѣчаютъ на одинъ вопросъ; во-вторыхъ, они могутъ быть одинаковы по смыслу, но могутъ быть и не одинаковы по смыслу, т.-е. могутъ опредѣлять одну и ту же сторону предмета, но могутъ быть и такія однородныя опредѣленія, изъ которыхъ одно поясняетъ одну сторону предмета, другое —другую и т. д. Какія же изъ одно-

родныхъ опредѣленій въ нашихъ примѣрахъ отдѣлены другъ отъ друга запятой? С., скажите вы.

— Запятой отдѣлены однородныя опредѣленія, отвѣчающія на одинъ вопросъ и одинаковыя по смыслу, т.-е. поясняющія одну сторону предмета.—

Теперь разберемъ третій примѣръ. Какое озеро было передъ нами? Т., скажите вы.

— «**Большое**».—

Какое оно еще?

— ...«**въ три версты шириною**...»—

И еще какое оно?

— ...«**съ наклонившимися надъ водою деревьями.**»—

Дѣти, этими опредѣленіями мы описываемъ предметъ; поэтому ихъ можно назвать **опредѣленіями-описаніями**. Одинаковую ли грамматическую форму они имѣютъ, какъ, напр., опредѣлительныя слова: «**скучный, пасмурный**»? П., скажите вы.

— Нѣтъ: одно выражено прилагательнымъ въ формѣ именительнаго падежа, другое—въ формѣ винительнаго падежа съ предлогомъ «въ», третье—въ формѣ творительнаго падежа съ предлогомъ «съ».—

Обратите вниманіе: опредѣленія-описанія могутъ имѣть самую разнообразную грамматическую форму, но отвѣчаютъ на одинъ вопросъ: въ разобранномъ нами примѣрѣ всѣ они отвѣчаютъ на вопросъ: **какіе?**

Какая же особенность **опредѣленій-описаній**?

— Они отвѣчаютъ на одинъ вопросъ, но могутъ быть выражены неодинаковою грамматическою формою.—

Хорошо. А знакъ препинанія въ разобранномъ нами примѣрѣ между **опредѣленіями-описаніями** есть? В., скажите вы.

— Между **опредѣленіями-описаніями** поставлена запятая.—

Скажите же, З., въ какихъ случаяхъ между опре-

дѣленіями, отвѣчающими на одинъ вопросъ, ставится запятая?

— **Запятая ставится, во-первыхъ, между опредѣленіями, отвѣчающими на одинъ воросъ и опредѣляющими одну какую-нибудь сторону предмета (цвѣтъ, длину и т. п.); во-вторыхъ, между опредѣленіями-описаніями, какую бы грамматическую форму они ни имѣли.**

Н., повторите правило.—Д., скажите предложеніе съ опредѣленіями—описаніями.—В., а вы—съ однородными опредѣленіями, поясняющими предметъ съ одной стороны. А вы, М., скажите предложеніе съ опредѣленіями, поясняющими разныя стороны предмета.

П., какія же однородныя опредѣлительныя слова не отдѣляются другъ отъ друга запятой?

Теперь мы можемъ общѣе сказать относительно постановки запятой между членами слитнаго предложенія. Запомните же это правило: **запятая ставится между опредѣленіями—описаніями, опредѣленіями однородными, поясняющими предметъ съ одной стороны, и всѣми остальными однородными частями предложенія, если ни предъ однимъ изъ нихъ нѣтъ союзовъ и, а также ли, или, либо, то, да (=и)** (Ученицы повторяютъ это правило и приводятъ свои примѣры на него).

б) Пишите, дѣти, еще примѣры. **«И скучно, и грустно, и некому руку подать въ минуту душевной невзгоды».—«Или (либо) панъ, или (либо) пропалъ».—«Рыболовъ ли взятъ волнами, али (=или) хмельный молодецъ, аль ограбленный ворами недогадливый купецъ?»—«Сколько васъ въ семьѣ?»—«Да я, да дядя-Иванъ, да Васька, да тетка-Малашка».—«То академикъ, то герой, то мореплаватель, то плотникъ, онъ (Петръ В.) все-**

объемлющей душой на тронѣ вѣчный былъ работникъ».—Дѣти, подчеркните союзы предъ однородными частями предложенія. При каждомъ ли однородномъ членѣ предложенія есть союзъ? Ф., скажите вы.

— При каждомъ.—

Какая особенность въ употребленіи союза ли—или?

— **Или** стоитъ предъ однородными частями предложенія, а **ли** послѣ.—

Да, но это безразлично для постановки знака препинанія. Что же можно сказать относительно употребленія запятой въ слитныхъ предложеніяхъ, въ которыхъ при каждомъ однородномъ членѣ предложенія употребленъ одинъ изъ союзовъ: **и, да, или, то, либо**? Б, скажите вы.

— Запятая ставится предъ союзомъ и (а также предъ да, или, либо, то), соединяющимъ первый однородный членъ предложенія со вторымъ, второй съ третьимъ, третій съ четвертымъ и т. д., то-есть, если этотъ союзъ и (а также—да, или, либо, то) есть предъ каждымъ изъ однородныхъ членовъ предложенія.—

Да, союзъ не долженъ быть пропущенъ ни предъ однимъ изъ однородныхъ членовъ предложенія.

Дѣти повторяютъ правило и приводятъ на него примѣры.

Записывайте еще примѣры: 1) **«Ни богатый, ни бѣдный, ни полководецъ, ни солдатъ не могутъ избѣгнуть смерти».**—2) **«Насъ было двое: братъ да я».**—3) **«Мужья и братья, жены и дѣвы, старый и молодой принимали живое участіе въ борьбѣ съ врагами отечества».**—4) **«По берегамъ рѣки и тамъ, и сямъ разбросаны небольшія села, деревеньки и хутора».**—5) **«Къ поддержанію**

здоровья человѣка служатъ **какъ** (=и) гигіенически устроенное жилище и одежда, **такъ** (=и) здоровая пища и незараженный воздухъ».—6) «Родина мила сердцу не мѣстными красотами, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими утро и колыбель человѣчества». 7) «Первый нашъ ученый, то-есть Ломоносовъ, всю жизнь употребилъ на водвореніе наукъ въ «любезномъ» отечествѣ». 8) «На покосѣ, **или** сѣнокосѣ, крестьянки работаютъ въ праздничныхъ нарядахъ»—Разберемъ записаные нами примѣры. Н., назовите подлежащія въ первомъ примѣрѣ.

— Подлежащія въ первомъ примѣрѣ «богатый», «бѣдный», «полководецъ», «солдатъ»: эти слова отвѣчаютъ на вопросъ: кто?—

Что стоитъ предъ каждымъ подлежащимъ?

— Отрицательная частица **ни**.—

Какъ образовалась эта частица?

— Изъ отрицанія **не** и союза **и**; союзъ **и**, прибавленный къ **не**, усиливаетъ отрицаніе: «**ни богатый**=ни одинъ изъ богатыхъ».—

Какое мѣсто занимаетъ запятая въ этомъ предложеніи?

— Она стоитъ предъ вторымъ **ни**, третьимъ и четвертымъ.—

Ну, а, если бы **ни** стояло предъ однородными дополненіями, обстоятельственными словами, опредѣленіями, то поставили бы вы запятую и—по какому правилу?—

— Да, поставила бы—по правилу: **однородныя части предложенія отдѣляются другъ отъ друга запятой, если предъ каждою частью стоитъ ни.**

А почему нѣтъ запятой между подлежащими во второмъ примѣрѣ?

— Между ними стоитъ да=и, а, когда двѣ однородныхъ части предложенія соединены союзомъ и, да=и, то запятая между ними не ставится.—

Д., скажите, между какими частями предложенія поставлена запятая въ третьемъ примѣрѣ.

— Между вторымъ и третьимъ подлежащимъ, между четвертымъ и пятымъ?—

А почему же нѣтъ запятой предъ и? вѣдь этотъ союзъ три раза встрѣчается между однородными членами предложенія?

— Вѣдь онъ употребленъ не предъ каждою однородною частью предложенія? а въ правилѣ раньше сказано, что запятая ставится предъ вторымъ, третьимъ, четвертымъ однороднымъ членомъ предложенія, если предъ каждымъ изъ нихъ есть союзъ и.—

Значитъ, запятая ставится между 2-ю и 3-ею однородными частями предложенія, не соединенными между собой союзомъ и? или—между парами однородныхъ частей предложенія, соединенныхъ союзомъ и, или, какъ принято говорить, попарно соединенныхъ союзомъ и?

— Да.—

Запомните же правило: запятая ставится между однородными частями предложенія, соединенными союзомъ и попарно.

З., скажите, почему въ четвертомъ примѣрѣ (прочтите его) въ одномъ случаѣ предъ и есть запятая, а въ двухъ нѣтъ.

— Предъ въ первый разъ употребленнымъ и («и тамъ») и въ третій разъ («деревеньки и хутора») не поставлена запятая по правилу: запятая ставится предъ второю однородною частью предложенія, если и стоитъ предъ каждою изъ нихъ; однородныя же части — «и тамъ, и сямъ»... по вопросу: гдѣ? а затѣмъ— «деревеньки и хутора» —по вопросу: что? т. е. эти однородныя части отвѣчаютъ на разные вопросы: гдѣ? что?—

Т., предъ какимъ словомъ стоитъ запятая въ пятомъ предложеніи?

— Предъ союзомъ **такъ**.—

А раньше какой союзъ употребленъ въ этомъ же предложеніи, имѣющій такой же смыслъ, какъ и союзъ **такъ**?

— Союзъ **какъ**.—

Можно ли союзы **какъ, такъ** замѣнить чѣмъ-нибудь?

— Можно—союзомъ и.—

Значитъ, чему же равны союзы **какъ-такъ**?

— Союзу и—и.—

Теперь скажите же, почему предъ **какъ** нѣтъ запятой, а предъ **такъ** есть.

— Союзъ **такъ** равенъ во второй разъ употребленному и предъ однородною частью предложенія, а предъ вторымъ, третьимъ и д. д. союзомъ и въ такихъ случаяхъ ставится запятая.—

Не скажете ли правило?

Если предъ первою однородною частью предложенія стоитъ какъ=и, а предъ второю такъ=и, то запятая ставится предъ союзомъ такъ, равнымъ второму—и.—

С., повторите правило.—Ѳ., скажите примѣръ.

П., есть ли однородныя части предложенія въ шестомъ примѣрѣ?

— Есть, по вопросу: чѣмъ? **«красотами», «воспоминаніями...»**—

Какой союзъ между этими частями предложенія?

— Противительный союзъ а.—

А чему равенъ союзъ **да** въ слѣдующемъ примѣрѣ: **«хотѣлъ исполнить свое дѣло, да хотѣй не велѣлъ»**?

— Да=но, противительному союзу.—

Запомните, дѣти, правило: если однородныя части предложенія противополагаются другъ другу союзами а, да (=но), же, на-

противъ, то предъ этими союзами ставится запятая, если каждая изъ противополагаемыхъ частей не имѣетъ при себѣ пояснительныхъ словъ или придаточныхъ предложеній, отдѣленныхъ какимъ-нибудь знакомъ препинанія (Ученицы повторяютъ правило и говорятъ на примѣненіе его примѣры).

У., прочтите седьмое предложеніе. Ученица читаетъ. Какая часть предложенія поставлена въ запятыхъ?

— Приложеніе съ находящимся налицо союзомъ «**то-есть**».

А въ восьмомъ предложеніи есть приложеніе?

— Есть: «**или сѣнокосѣ**».—

Равенъ ли здѣсь союзъ **или** союзу **то-есть**?

— Да, равенъ.—

Какое же вытекаетъ отсюда правило?

Если союзъ или употребленъ въ рѣчи одинъ разъ, ко равенъ пояснительному союзу то-есть, то предъ нимъ ставится запятая.—

Итакъ, дѣти, въ слитномъ предложеніи однородныя части предложенія а) могутъ быть употреблены безъ связи, обозначаемой союзами; б) каждая однородная часть можетъ имѣть предъ собою одинъ изъ союзовъ: **и, да** (=и), то, ли, или, либо; в) могутъ эти части противополагаться другъ другу союзами **а, да** (=но), **же, напротивъ**; г) могутъ быть части однородныя связаны союзами попарно; д) союзъ **и**, поставленный предъ каждою изъ двухъ однородныхъ частей предложенія, можетъ быть замѣненъ союзами **какъ—такъ**. А., разскажите, какъ ставить запятую въ этихъ случаяхъ. А вы, дѣти, слушайте внимательно: А. будетъ говорить правила, а вы—пояснять ихъ примѣрами (Такъ повторяются всѣ разученныя правила объ употребленіи запятой въ слитномъ предложеніи).

6.

а) 1) «**Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ,** *кто малымъ доволенъ*».—2. «*Кто у Бога проситъ да работать любитъ,* **тому невидимо Господь посылаетъ**».—3) «**Спаситель сказалъ апостолу Петру,** *что поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ*».—4) «**Тотъ человѣкъ,** *который довольствуется малымъ,* **можетъ быть названъ счастливымъ**».—5) «*Когда люди будутъ жить по завѣту Спасителя,* **тогда меньше будетъ страданій**».—6)«**Мамай бѣжалъ въ Крымъ,** *потому что былъ разбитъ Дмитріемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ*».—«**Монголы завоевали Русь потому, что** *между удѣльными князьями не было согласія*».—7) «*Гдѣ столъ былъ явствъ,* **тамъ гробъ стоитъ**».—8) «*Какъ поживешь,* **такъ и прослывешь**».—9)«**Мартышка тутъ съ досады и печали о камень такъ хватила ихъ (очки), что** *только брызги засверкали*».—10) «*Чтобы сдѣлаться разумнымъ созданьемъ Божьимъ,* **необходимо отдавать себѣ отчетъ во всякомъ своемъ словѣ и дѣлѣ**».—11) «*Если хочешь, чтобы тебя уважали,* **то будь человѣкомъ**».—12) «*Хотя жизнь человѣка и коротка,* **однако и въ теченіе ея можно сдѣлать много хорошаго**».—13) «*Какъ бы тяжело ни жилось человѣку,* **онъ не долженъ доходить до отчаянія**».—Дѣти, мы написали нѣсколько сложныхъ предложеній. По какому способу сочетанія предложеній они соединены? У., скажите вы.

— По способу подчиненія: каждое сложное предложеніе состоитъ изъ главнаго и несокращеннаго придаточнаго.—

За исключеніемъ, конечно, примѣра подъ № 11-мъ?

— Да: это сложное предложеніе состоитъ изъ главнаго, придаточнаго условнаго и придаточнаго дополнительнаго къ условному.—

Запятая между главными и придаточными поставлена по какому правилу? Д., скажите вы.

— **По правилу: всякое придачное несокращенное предложеніе отъ частей главнаго, къ которому оно относится, отдѣляется запятой.**

Да. Хорошо. А всякое ли сокращенное придаточное отдѣляется отъ частей главнаго запятой?

— Нѣтъ, не всякое.—

б) Пишите, дѣти, примѣры «**Императоръ Петръ Первый,** *названный Великимъ*, **преобразовалъ Россію**».—«**Весна,** *краса природы,* **оказываетъ большое вліяніе на настроеніе души человѣка**».—«**Дитя,** *послушное, нѣжное и ласковое въ отношеніи къ окружающимъ,* **пользуется ихъ любовью**».—Какія сокращенныя придаточныя предложенія въ данныхъ примѣрахъ? Д., скажите вы.

— Сокращенныя придаточныя опредѣлительныя.— Какою грамматическою формою каждое изъ нихъ сокращено?

— Въ первомъ примѣрѣ придаточное опредѣлительное сокращено формою причастія страдательнаго залога, во второмъ—существительнымъ именемъ, въ третьемъ—полною формою имени прилагательнаго.—

Есть ли при причастіи, существительномъ имени и прилагательномъ пояснительныя слова?

— Есть.—

Какое мѣсто занимаютъ сокращенныя придаточныя опредѣлительныя предложенія въ отношеніи къ своему опредѣляемому?

— Придаточныя предложенія стоятъ послѣ своего опредѣляемаго.—

Вы видите, что всѣ три они отдѣлены отъ частей

главнаго предложенія запятой. М., не скажете ли правила, когда же отдѣляются запятой сокращенныя придаточныя опредѣлительныя.

— **Придаточныя предложенія опредѣлительныя, сокращенныя причастіемъ, существительнымъ именемъ и полною формою прилагательнаго имени, если, во-первыхъ, стоятъ послѣ своего опредѣляемаго, во-вторыхъ, имѣютъ при себѣ пояснительныя слова, отъ частей главнаго предложенія отдѣляются запятой.**—

Значитъ, можетъ ли быть отдѣлено запятой придаточное опредѣлительное сокращенное, если оно стоитъ предъ своимъ опредѣляемымъ или послѣ него, но не имѣетъ при себѣ пояснительныхъ словъ?

— Нѣтъ, оно не отдѣляется запятой отъ частей главнаго предложенія.—

Т., повторите правило и скажите на примѣненіе его примѣръ.

Пишите еще примѣры: 1) *По выпаденіи снѣга* **земля кажется покрытою бѣлымъ покрываломъ**».— 2) «*Вслѣдствіе наступленія морозовъ* **растительное царство на зиму какъ бы замираетъ**».— 3) «Сторожевой отрядъ воиновъ извѣстилъ полководца *о приближеніи къ городу многочисленнаго непріятельскаго войска.*—4) *Для отраженія непрошеннаго гостя* посланы наши отважные воины».— 5) *Разбивъ враговъ,* **войско долго преслѣдовало ихъ**».—6)—*Узнавъ о возмущеніи стрѣльцовъ,* императоръ Петръ Первый возвратился изъ-за границы для усмиренія ихъ».—7) «*Призванный (*или—*будучи призванъ) въ Москву*, Филиппъ согласился быть митрополитомъ».—8) *Побѣжденный (*или—*будучи побѣжденъ) подъ Полтавою,* Карлъ Двѣнадцатый бѣжалъ въ Турцію». - 9) *Прилежный и внимательный къ своему дѣлу (*или—*будучи прилежнымъ и внимательнымъ*

къ своему дѣлу), **ученикъ пріобрѣтаетъ основательныя знанія».**—10) «*Отважные, предусмотрительные и рѣшительные* (или—*будучи отважными, предусмотрительными и рѣшительными*), **казаки на полѣ битвы наводятъ ужасъ на своихъ враговъ».—11) «Родникъ между ними (пальмами) изъ почвы безплодной** *журча* **пробивался водою холодной».—12) «И шелъ,** *колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,* **верблюдъ за верблюдомъ,** *взрывая песокъ*».—

Разберемъ теперь эти примѣры. Д., скажите, на какой вопросъ отвѣчаютъ слова въ первомъ предложеніи: «*При выпаденіи снѣга*»...

— На вопросъ: когда?—

Какая же это часть предложенія?

— „*По выпаденіи*"—обстоятельственное слово времени, а слово „*снѣга*" опредѣленіе къ нему —

Не знаете ли, какое придаточное предложеніе сокращено этими словами.

— «Когда выпадетъ снѣгъ».—

Въ сокращенномъ видѣ сохранило оно форму предложенія?

— Нѣтъ, оно стало второстепеннымъ членомъ главнаго предложенія.—

Такъ. В., какое придаточное предложеніе сокращено словами: «*Вслѣдствіе наступленія морозовъ*»?

— Придаточное обстоятельственное причины: «потому что (или—такъ какъ) наступили морозы»... и сокращенное, и несокращенное придаточное предложеніе отвѣчаетъ на вопросъ: почему?—

Вѣрно. С., какое придаточное сокращено словами: «*о приближеніи къ городу многочисленнаго непріятельскаго войска*»?—

— ...«Извѣстилъ» о чемъ?—извѣстилъ о томъ, что приближается многочисленное непріятельское войско; на вопросъ: о чемъ? отвѣчаетъ дополненіе; слѣдова-

тельно, сокращено придаточное дополнительное.

Да. А *«для отраженія непрошеннаго гостя»?*

— Придаточное обстоятельственное цѣли, потому что отвѣчаетъ на вопросъ: для чего? или—зачѣмъ?—

Обратите въ придаточное предложеніе эти слова.

— «Чтобы отразить непрошеннаго гостя...» —

Вѣрно. Во всѣхъ четырехъ примѣрахъ какого же вида придаточныя предложенія сокращены?

— Дополнительное и три обстоятельственныхъ: времени, причины и цѣли.—

Какою частью рѣчи всѣ они сокращены?

— Существительнымъ именемъ.—

Можно ли эти существительныя съ пояснительными къ нимъ словами, составляющія второстепенные члены предложенія, отдѣлить запятой?

— Нѣтъ, нельзя: мы знаемъ, что части предложенія, отвѣчающія на разные вопросы, другъ отъ друга запятой не отдѣляются.—

Да. Запомните же, дѣти, правило: **придаточныя дополнительное и обстоятельственыя, сокращающіяся именемъ существительнымъ съ пояснительными и безъ пояснительныхъ къ нему словъ, знакомъ препинанія отъ другихъ членовъ предложенія не отдѣляются, потому что названныя предложенія становятся второстепенными членами предложенія, отвѣчающими на вопросы или дополненій, или обстоятельственныхъ словъ**. Т., повторите правило.

Теперь будемъ разбирать остальные примѣры, продиктованные вамъ. На какой вопросъ отвѣчаетъ дѣепричастіе *«разбивъ»* съ пояснительными къ нему словами? У., скажите вы.

— На вопросъ когда преслѣдовало? *разбивъ*, или когда разбило.—

А въ примѣрѣ шестомъ—дѣепричастіе *«узнавъ»* съ пояснительными къ нему словами?

— На вопросъ: почему возвратился? «узнавъ», или—потому что узналъ.—

Какія же придаточныя предложенія сокращены дѣепричастіемъ?

— Первое—придаточное обстоятельственное времени, а второе—причины.—

Запомните это. Смотрите на примѣръ седьмой. Когда Филиппъ согласился быть митрополитомъ? М , отвѣтьте вы на этотъ вопросъ.

— *«Призванный въ Москву»* — это сокращенное придаточное предложеніе обстоятельственное времени.—

Какою глагольною формою оно сокращено?

— Формою причастія страдательнаго залога.—

Какою формою еще можно сократить это предложеніе? Смотрите на написанное въ скобахъ.

— Формою дѣепричастія страдательнаго залога.—

Д., какое придаточное предложеніе сокращено словами: *«побѣжденный подъ Полтавою»?*

— Придаточное обстоятельственное причины, потому что оно отвѣчаетъ на вопросъ: почему бѣжалъ Карлъ Двѣнадцатый?—

Да. Обратите, дѣти, вниманіе. какимъ знакомъ препинанія отдѣлены отъ частей главнаго предложенія сокращенныя придаточныя обстоятельственныя времени и причины?

— Запятой.—

З., скажите правило.

— **Придаточныя предложенія обстоятельственныя времени и причины, сокращенныя формою дѣепричастія дѣйствительнаго залога и формою причастія или дѣепричастія страдательнаго залога, отъ частей главныхъ предложеній отдѣляются запятой.**—

Н., повторите правило. Д., скажите примѣръ придаточнаго обстоятельственнаго времени, сокращеннаго формою дѣепричастія дѣйствительнаго залога. А вы

П.,—формою дѣепричастія страдательнаго залога..

Какою частью рѣчи сокращено придаточное предложеніе въ девятомъ примѣрѣ? С., скажите вы.

— Придаточное времени или причины, потому оно отвѣчаетъ и на вопросъ: когда ученикъ пріобрѣтаетъ знанія? и на вопросъ: почему пріобрѣтаетъ знанія?—

Да. Дѣти, на основаніи этого примѣра, вы видите, какъ и на основаніи раньше разобранныхъ, что придаточныя времени и причины сокращаются одинаковыми формами. Въ послѣднемъ примѣрѣ оно сокращено а) прилагательнымъ въ полной формѣ, б) прилагательнымъ съ прибавленіемъ къ нему дѣепричастія вспомогательнаго глагола. Также сокращено придаточное предложеніе и въ слѣдующемъ примѣрѣ Р., скажите же, какое это предложеніе.

— Придаточное предложеніе, сокращенное прилагательнымъ именемъ въ полной формѣ, а также съ прибавленіемъ къ нему формы дѣепричастія вспомогательнаго глагола (будучи), а именно: «*отважные, предусмотрительные и рѣшительные*», а также— «*будучи отважными, предусмотрительными и рѣшительными*»,—отвѣчаетъ на вопросъ: почему казаки наводятъ ужасъ? слѣдовательно, оно—обстоятельственное причины.

Да. А знакомъ препинанія оно отдѣлено отъ частей главнаго предложенія?

— Отдѣлено.—

Что же можно сказать относительно отдѣленія знакомъ препинанія сокращенныхъ придаточныхъ обстоятельственныхъ времени и причины? В., не можете ли вы сказать общее правило?

— **Придаточныя обстоятельственныя предложенія времени и причины, сокращенныя, во-первыхъ, формою дѣепричастія дѣйствительнаго залога, во-вторыхъ, формою причастія или дѣепричастія страдательнаго за-**

лога, въ-третьихъ, полною формою прилагательнаго имени или съ прибавленіемъ къ ней дѣепричастія вспомогательнаго глагола, отъ частей главнаго предложенія отдѣляются запятой.—

Хорошо. Повторимъ это правило всѣмъ классомъ.

(Повторяется правило, и приводятся примѣры на него).

На какой вопросъ отвѣчаетъ въ одиннадцатомъ примѣрѣ слово «*журча*»? Д., скажите вы.

— На вопросъ: какъ? этимъ дѣепричастіемъ выражено обстоятельственное слово образа дѣйствія.

Хорошо. А въ двѣнадцатомъ примѣрѣ—дѣепричастіями «*колыхаясь*», «*взрывая*»?

— Этими дѣепричастіями также выражены обстоятельственныя слова образа дѣйствія.—

Ѳ, назовите пояснительное слово, относящееся къ дѣепричастію «*взрывая*».

— Слово «*песокъ*». Имъ выражено прямое дополненіе по вопросу: что взрывая?

А есть ли пояснительныя слова при дѣепричастіи «*колыхаясь*»

— Нѣтъ.—

А что же къ нему относится?

— Придаточное предложеніе образа дѣйствія: «*какъ въ морѣ челнокъ*».

Во всѣхъ ли случаяхъ дѣепричастія, отвѣчающія на вопросъ: какъ? отдѣлены отъ частей главнаго предложенія запятой?

— Нѣтъ: въ первомъ случаѣ дѣепричастіе «*журча*» не отдѣлено запятой, а дѣепричастія «*колыхаясь*» и «*взрывая*» отдѣлены.

Не можете ли вы сказать, когда же дѣепричастіе, отвѣчающее на вопросъ: какъ? отдѣляютъ отъ другихъ членовъ предложенія запятой, а когда не отдѣляютъ его.

— Когда при дѣепричастіи, отвѣчающемъ на вопросъ: какъ? есть пояснительныя слова или придаточныя предложенія, тогда его запятой отдѣляютъ, а, когда нѣтъ ихъ, не отдѣляютъ.

Да. Повторимъ же и запомнимъ это правило: **дѣепричастіе, имѣющее при себѣ пояснительныя слова или придаточныя предложенія и отвѣчающее на вопросъ: какъ? отъ частей предложенія, къ которому оно относится, отдѣляется запятой; а, если при немъ (дѣепричастіи) нѣтъ ни пояснительныхъ словъ, ни придаточныхъ предложеній, то оно запятой не отдѣляется** (объясненное повторнется и пояснится примѣрами).

Теперь, дѣти, вамъ извѣстны случаи употребленія запятой для отдѣленія приложенія, обращенія, вводныхъ словъ и предложеній, придаточныхъ предложеній несокращенныхъ и сокращенныхъ. Остается намъ разучить случаи, когда запятой другъ отъ друга отдѣляются главныя предложенія и однородныя придаточныя. Напишемъ примѣры и разберемъ ихъ.

1) «Русская зима славится морозами, осень надоѣдаетъ своею слякотью, лѣто у Пушкина названо «карикатурой южныхъ зимъ», а весна – «красой природы».—2) «Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды (въ могилы), и чей-нибудь ужъ близокъ часъ».—3) «Очаровательны бываютъ лунныя майскія ночи, *когда все зеленѣющее и цвѣтущее бросается въ глаза, когда эта зелень и ароматъ цвѣтущихъ растеній чувствуются при вдыханіи воздуха нашими легкими*».—4) «**Съ благодарностью и уваженіемъ мы должны произносить имена великихъ князей московскихъ,** *потому что изъ нихъ Дмитрій Донской и Іоаннъ Третій сокрушали монгольское иго, и*

потому что послѣдній и преемники его объединили и возвысили Русь въ политическомъ отношеніи».

Между какими предложеніями въ первомъ и второмъ примѣрахъ поставлена запятая? Т., скажите вы.

— Между главными предложеніями.—

Есть ли внутри этихъ главныхъ предложеній какой-ниб. знакъ препинанія?

— Нѣтъ.—

Близки ли по смыслу эти предложенія въ первомъ примѣрѣ?

— Близки по смыслу: весна, лѣто, осень и зима— времена года.—

Да, дѣти, эти предложенія близки по смыслу. Близкими по смыслу были бы и такія, напр., предложенія, изъ которыхъ въ одномъ было бы подлежащимъ слово «ель», въ другомъ—«сосна», въ третьемъ «пихта», въ четвертомъ - «дубъ» и т. д. Эти слова (видовыя понятія) есть имена предметовъ одного ряда; ихъ можно замѣнить однимъ словомъ—«деревья» (родовое понятіе). Если въ рядомъ стоящихъ предложеніяхъ будутъ подлежащими имена существительныя, которыя можно замѣнить однимъ существительнымъ именемъ, то мы будемъ помнить, что эти подлежащія—предметы одного ряда; что между предложеніями съ такими подлежащими близкая связь; а поэтому между ними и ставятъ знакъ, которымъ обозначается самая краткая пауза (остановка голоса безъ пониженія его). Такъ почему же поставлена запятая между главными предложеніями въ первомъ примѣрѣ? В., скажите вы.

— Запятая поставлена между ними потому, что въ нихъ подлежащія - предметы одного ряда; что внутри этихъ предложеній нѣтъ знаковъ препинанія.—

Прибавимъ къ этому: если между такими предложеніями стоитъ одинъ изъ союзовъ: и, или, и, либо, то, же, но, то они (предложенія) другъ отъ друга отдѣляются запятой.

З., скажите полное правило, по которому главныя предложенія, соединенныя названными союзами и безъ этихъ союзовъ, другъ отъ друга отдѣляются запятой.

— Главныя предложенія, внутри которыхъ нѣтъ знаковъ препинанія, или—въ которыхъ подлежащія—предметы одного ряда, хотя бы эти предложенія были соединены союзами а, же, но, то, или, либо, и, другъ отъ друга отдѣляются запятой.—

Хорошо. А можно ли это правило примѣнить къ придаточнымъ однороднымъ предложеніямъ? обратите вниманіе на третій и четвертый примѣры.

— Да, можно, потому что внутри ихъ нѣтъ знаковъ препинанія, и потому что подлежащія въ нихъ—предметы одного ряда.

Повторите же первое правило и прибавьте къ нему то, что вы только что сказали.

— **Главныя предложенія и придаточныя однородныя, если подлежащія въ нихъ—предметы одного ряда, и если внутри ихъ нѣтъ знаковъ препинанія, хотя бы названныя предложенія были соединены союзами а, же, но, то, и, ли, либо, или, другъ отъ друга отдѣляются запятой** (Ученицы повторяютъ правило и приводятъ для поясненія его примѣры).

Запишемъ, дѣти, еще два примѣра и разберемъ ихъ. 1) «**Императоръ Петръ Великій разбилъ подъ Полтавою Карла Двѣнадцатаго,** *шведскаго короля*, **и,** *завоевавъ раньше этого берега Невы*, **построилъ при устьѣ ея новую столицу».**— 2) «**Въ тринадцатомъ вѣкѣ разгромили Русь многочисленныя полчища монголовъ,** *которые пришли изъ Азіи*, **и,** *ослабленное этимъ погромомъ*, **отечество наше несло на себѣ иго этого свирѣпаго народа почти два съ половиною вѣка».**

И., Прочтите главное предложеніе въ первомъ при-

мѣрѣ, въ которомъ союзомъ и соединены однородныя части предложенія.

— **«Имп. Петръ Вел. разбилъ подъ Полтавою Карла Двѣнадцатаго и построилъ при устьѣ ея новую столицу».**

— Какое это предложеніе?—

— Слитное: въ немъ два сказуемыхъ, соединенныхъ союзомъ и: **«разбилъ и построилъ».**

Какая часть предложенія слово *«короля»* съ опредѣленіемъ къ нему *«шведскиго»*?

— Приложеніе.—

По какому правилу это приложеніе поставлено въ запятыхъ?

— По правилу: приложеніе съ пояснительными словами, стоящее послѣ своего опредѣляемаго, отъ другихъ частей предложенія отдѣляется запятой.—

Почему же вы передъ и поставите запятую? вѣдь вы знаете правило, что въ слитномъ предложеніи передъ и, одинъ разъ употребленнымъ, запятая не ставится?

— И соединяетъ не приложеніе съ слѣдующею частью предложенія, а два сказуемыхъ: **«разбилъ и построилъ».**—

Хорошо. А для чего послѣ и поставлена запятая?

— Чтобы показать, что этотъ союзъ къ придаточному предложенію, сокращенному формою дѣепричастія *«завоевавъ»*, не относится.

Да. Теперь скажите же правило, въ слитномъ предложеніи союзъ и можетъ ли имѣть предъ собою и послѣ себя запятую?

— **Въ слитномъ предложеніи союзъ и, соединяющій двѣ однородныя части предложенія, можетъ быть поставленъ между запятыми, если ему предшествуютъ и за нимъ слѣдуютъ—или приложеніе, или придаточное предложеніе, или вводныя предложенія и**

слова, или обращеніе, отдѣляемыя отъ другихъ частей предложенія запятой».—

Да. Хорошо. Дѣти, повторимъ это правило и придумаемъ примѣры....

Д., прочтите слѣдующій примѣръ и скажите, сколько въ немъ главныхъ предложеній.

— Въ этомъ примѣрѣ два главныхъ предложенія: первое—«**Въ тринадцатомъ вѣкѣ Русь разгромили многочисленныя полчища монголовъ»,— второе—«и отечество наше несло на себѣ иго этого свирѣпаго народа почти два съ половиною вѣка».—**

Что же соединяетъ между собою въ прочитанномъ вами примѣрѣ союзъ и?

— Два главныхъ предложенія.—

Почему же этотъ союзъ поставленъ между запятыми?

— Союзъ и поставленъ между запятыми потому, что ему предшествуетъ несокращенное придаточное опредѣлительное предложеніе: «*которые пришли изъ Азіи*», и за нимъ слѣдуетъ сокращенное обстоятельственное предложеніе времени или причины, отвѣчающее на вопросъ: *почему?* потому что было ослаблено=«*ослабленное* этимъ погромомъ», или на вопросъ: *когда?* послѣ того, какъ было ослаблено=«*ослабленное этимъ погромомъ*».—

Попробуйте изъ этого правила и предыдущаго построить одно, общее правило.

— **Запятыми съ обѣихъ сторонъ отдѣляется союзъ и, соединяющій однородныя части слитнаго предложенія, а также и два главныхъ предложенія, если ему, союзу и, предшествуютъ и за нимъ слѣдуютъ или вводныя слова и предложенія, или приложеніе, или обращеніе, или полныя и сокращенныя придаточныя предложенія, отдѣляемыя**

отъ частей предложеній, къ которымъ они относятся, запятой.—

(Правило повторяется дѣтьми и поясняется приводимыми ими примѣрами).

Задачи для сознательнаго усвоенія правилъ употребленія запятой.

а) Переписать въ тетради изъ напечатанныхъ ниже примѣры подъ №№ 1—10 и объяснить поставленный знакъ препинанія.

б) Придумать или найти въ хрестоматіи примѣры, подобные переписаннымъ подъ №№ 1—10; написать ихъ и поставить знакъ препинанія.

в) Переписать примѣры подъ №№ 11—20, подчеркнуть въ нихъ приложенія, обращенія, вводныя слова и предложенія.

г) Придумать или найти въ хрестоматіи подобные примѣрамъ подъ №№ 11—20.

д) Разобрать остальные примѣры устно и дать отчетъ, по какимъ правиламъ въ нихъ поставлена запятая.

1) «Только жучка удалая въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ, то взлетая, то ныряя, скачетъ, лая впопыхахъ».—2) «Здравствуй, русская молодка, раскрасавица-душа, бѣлоснѣжная лебедка,—здравствуй, матушка-зима!»—3) «Кто въ первый разъ увидитъ передъ собою безбрежное море, тотъ, безъ сомнѣнія, будетъ пораженъ этимъ величественнѣйшимъ явленіемъ природы».—4) «Я знаю такое мѣстечко въ нашемъ озерѣ, близь нависшихъ ивъ, гдѣ навѣрняка хорошо будетъ ловиться рыба» —5) «Накушавшись досыта чаю, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать на мельницу».—6) «Тамъ, гдѣ прежде были пни да болота, стоитъ теперь великолѣпнѣйшая столица».—7) «Весна вдругъ началась во всей

красѣ, и жизнь заиграла повсюду».—8 «Межъ тѣмъ, какъ съ берега лисичка рядитъ, судитъ, кумъ рыбку удитъ».—9) «Летучая мышь цѣлый день спитъ, спрятавшись гдѣ-нибудь въ древесномъ дуплѣ или дымовой трубѣ, либо подъ крышей пустого зданія, прицѣпившись задними ногами и вися внизъ головой».—10) «Только что пароходъ сталъ мало-мальски справляться съ теченіемъ, какъ вдругъ, неожиданно, показалась громаднѣйшая льдина и наискось перерѣзывала намъ дорогу».—11) «Во время мы успѣли свернуть отъ нея въ сторону, но все-таки она подводною своею частью, хотя и вскользь, такъ черкнула по боку парохода, что тотъ затрещалъ; наконецъ, мало-помалу пароходъ выбрался на свободную ширину разлившейся, какъ море, рѣки и плавно, и быстро понесся далѣе».—12) «Пароходъ нашъ попалъ въ самую быстрину и то и дѣло сталъ встрѣчать льдины, сначала маленькія, а потомъ все толще и крупнѣе».—13) «Гораздо лучше рыбу ѣсть, чѣмъ рыбой на обѣдъ попасться».—14) «Мы разостлали коверъ и подушки на сухомъ пескѣ, подальше отъ воды, потому что мать боялась сырости».—15) «Изстари, давнымъ-давно, никому не въ память, стоятъ здѣсь эти курганы».—16) «Разсчитывай на свои силы, а на чужую помощь не надѣйся».—17) «Игриво поверхность земли разсѣкая, волнуясь и пѣнясь, кипя и сверкая, хрустальныя рѣки текутъ въ океанъ, бѣгутъ, ниспадаютъ по склону земному въ бездонную пасть великану сѣдому».—18) «Передъ нами разстилалась безпредѣльная равнина, безъ малѣйшихъ возвышеній, наполненная безчисленнымъ множествомъ озеръ, болотъ и топей».—19) «Того, что скрываетъ та бездна нѣмая, ничья здѣсь душа не разскажетъ живая».—20) «Въ небѣ неподвижно стояли ястреба, распластавъ свои крылья».—21) «Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ».—22) «Богъ любитъ того, кто не обидитъ никого».—23) «Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами, ихъ

прибыльно сбываетъ съ рукъ (а дуги гнутъ съ терпѣньемъ и невдругъ), медвѣдь задумалъ жить такими же трудами: пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ, и слышно за версту проказу».—24) «На берегу пустынныхъ волнъ стоялъ онъ (Петръ), думъ великихъ полнъ, и въ даль глядѣлъ». 25) «Вершины горъ, исчезая въ темныхъ облакахъ, казались безконечными».—26) «Громаднѣйшее дерево весьма быстрымъ теченіемъ поднесло къ водопаду, и оно стоймя погрузилось въ пучину».—27) «Когда пошло дѣло вкривь да вкось, такъ лучше его брось».—28) «Съ кѣмъ живемъ, съ тѣмъ и привыкаемъ».—29) «Ни въ какомъ городѣ Россіи нѣтъ столькихъ достопримѣчательностей, какъ въ Москвѣ».—30) «Разыгралась метель, и путники принуждены были вернуться».—31) «Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется».—32) «Наши прадѣды жили просто, да проживали лѣтъ со сто».—33) «Подъ гору вскачь, а на гору хоть плачь».—34) «Каково испечешь, таково и съѣшь».—35) «Вскорѣ собрались дѣти, и тотчасъ же началась на лужайкѣ игра».—36) «За нашею дачею находится небольшой лѣсочекъ, куда дѣти каждый день ходятъ съ нянею играть и рѣзвиться».—37) «Сказки такъ меня занимали, что я менѣе тосковалъ о вольномъ воздухѣ, не такъ рвался къ оживающей природѣ, къ разлившейся рѣкѣ, къ разнообразному царству прилетѣвшей птицы».—38) «Долго я блуждалъ по кустарникамъ, пока ни попалась едва замѣтная тропинка, которая вывела на дорогу».—39) «Пустынникъ съ медвѣдемъ знакомятся, потомъ дружатся, потомъ не могутъ ужъ разстаться и цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни».—40) «Государь Александръ Второй родился семнадцатаго апрѣля тысяча восемьсотъ восемнадцатаго года въ Москвѣ, девятнадцатаго февраля тысяча восемьсотъ пятьдесятъ пятаго года вступилъ на престолъ, восемнадцатаго марта тысяча восемьсотъ пятьдесятъ шестого года окончилъ Севастопольскую войну,

девятнадцатаго февраля тысяча восемьсотъ шестьдесятъ перваго года освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, двадцатаго ноября тысяча восемьсотъ шестьдесятъ четвертаго года уравнялъ всѣхъ своихъ подданныхъ передъ закономъ и судомъ, а черезъ десять лѣтъ ввелъ всеобщую воинскую повинность; при немъ въ тысяча восемьсотъ пятьдесятъ девятомъ году былъ покоренъ Кавказъ, а двѣнадцатаго апрѣля въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмомъ году была объявлена война Турціи для освобожденія славянъ изъ-подъ турецкаго владычества».—41) «Драгоцѣннѣйшее украшеніе Иверскихъ воротъ въ Кремлѣ составляетъ божественный ликъ святѣйшей «Вратарницы», т.-е. Иверской Божіей Матери» —42) «За чѣмъ пойдешь, то и найдешь».—

Примѣры для списыванія съ пропущенной въ нихъ запятой.

Списывая на дому въ одинъ разъ отъ десяти до пятнадцати примѣровъ, учащіеся ставятъ въ нихъ самостоятельно пропущенный знакъ препинанія и въ классѣ устно даютъ отчетъ, по какому правилу поставили его (знакъ препинанія).

1) «Ты косой (заяцъ) пожаловалъ откуда?»—2) «Ахъ если бы скорѣе день настала!»—3) «Что ты спишь мужичокъ?»—4) «Онѣгинъ добрый мой пріятель родился на брегахъ Невы».—5) «Въ то время ты говорятъ былъ въ Угличѣ».—6) «Проказница-Мартышка Оселъ Козелъ да косолапый Мишка затѣяли сыграть квартетъ,—достали нотъ баса альта двѣ скрипки и сѣли на лужокъ подъ липки».—7) «Крикъ и визгъ которые умолкли на минуту снова возобновились».—8) «Ходилъ дядя Семенъ на болото продрогъ промокъ проголодался.»—9) Начало пригрѣвать солнышко начала лосниться до-

рога пришла масленица и началось катанье съ горъ.»— 10) «Ну каково пріятель поживаешь?» «Охъ кумъ что вижу ты бѣды моей не знаешь».—11) «За горами за долами за широкими полями не на небѣ на землѣ жилъ старикъ въ одномъ селѣ».—12) «Родимый лѣсной царь насъ хочетъ догнать».—13) «Я видѣлъ здѣсь вотъ въ этой самой кельѣ (въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный) здѣсь видѣлъ я царя».— 14) «Медленно проходитъ городомъ дядя-Власъ старикъ сѣдой».—15) «Вы отыскиваете себѣ мѣсто подлѣ опушки оглядываетесь осматриваете пистонъ перемигиваетесь съ товарищемъ».—16) «Мельничиха принесла намъ молока яицъ картофелю хлѣба».—17) «Вдругъ рѣзкій болѣзненный крикъ раздался надъ рѣкою».— 18) «Въ полѣ въ рощѣ въ воздухѣ царствовало безмолвіе».—19) «Зимою въ ночь глухую заложилъ я тройку удалую».—20) «Жадно весело конь дышетъ воздухомъ полей».—21) «И мѣсяцъ и звѣзды и тучи толпой внимали той пѣсни святой».—22) «Птичка Божія не знаетъ ни заботы ни труда; хлопотливо не свиваетъ долговѣчнаго гнѣзда».—23) Луна тихо смотрѣла на безпокойную но покорную стихію». —24) «И пращъ и стрѣла и лукавый кинжалъ щадятъ побѣдителя годы».— 25) «Надѣлала синица славы а моря не зажгла».— 26) «Сквозь волнистые туманы пробирается луна на печальныя поляны льетъ печальный свѣтъ она».— 27) «Зимою солнышко свѣтитъ да мало грѣетъ».— 28) «Ты знаешь я (лисица) была въ курятникѣ судьей».—29) «Вошелъ меньшой братъ хозяина мальчикъ лѣтъ семнадцати».—30) «Отпусти ты старче меня въ море».—31) «Правда груба да Богу люба».—32) «Бога ты не боишься разбойникъ».—33) «Ну старуха какой воротникъ я тебѣ привезъ!»—34) «Ну тащися сивка пашней-десятиной».—35) «Степь то-есть безлѣсная равнина окружала насъ со всѣхъ сторонъ».—36) «Скажи мнѣ кудесникъ любимецъ боговъ что сбудется въ жизни

со мною».—37) «Будитъ вѣтеръ буйный будитъ не пробудитъ тихій сонъ могилы».—38) «Лиственный лѣсъ называется чернымъ лѣсомъ или чернолѣсьемъ».—39) «Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груду снѣга медленно съѣзжавшую съ крутизны».—40) «При восхожденіи солнца прежде всего заалѣли верхушки деревьевъ».—41) «На берегу пустынныхъ волнъ стоялъ онъ думъ великихъ полнъ и въ даль глядѣлъ».—42) «Однажды Лебедь Ракъ да Щука везти съ поклажей возъ взялись».—43) «Не можетъ волкъ ни ехнуть ни вздохнуть».—44) «Смерчи или водяные холмы разбиваются ядрами съ кораблей».—45) «Базаръ кипѣлъ народомъ потому что было воскресенье».—46) «Ахъ братцы какъ я былъ доволенъ когда церквей и колоколенъ садовъ чертоговъ полукругъ открылся предо мною вдругъ».—47) «Имя ерша очевидно происходитъ отъ его наружности».—48) «Всякая птичка даже воробей привлекала мое вниманіе».—49) «Изъ лѣсного оврага на днѣ котораго лихо журча бѣжалъ маленькій родничокъ неслось воркованье дикихъ голубей или горлиновъ; слышался также кошачій крикъ и заунывный стонъ иволги».—50) «Уроди мнѣ Боже хлѣбъ мое богатство».—51) «Всякое дуновеніе вѣтерка проникаетъ кажется въ сердце мое и развиваетъ въ немъ чувство радости».—52) «Коробочка говоритъ Чичикову: «Если случится муки брать ржаной или гречневой или крупъ или скотины битой такъ ужъ пожалуйста не обидь меня».—53) «Какъ черный пологъ ночь виситъ и даль пространная чернѣетъ».—54) «Лишь только соловей бывало запоетъ сынъ маленькій отцу проходу не даетъ».—55) «По синимъ волнамъ океана лишь звѣзды блестнутъ въ небесахъ корабль одинокій несется».—56) «По нивѣ прохожу я узкой межой поросшей кашкою и цвѣтной лебедой».—57) «Мартышка въ зеркалѣ увидя образъ свой тихохонько медвѣдя толкъ ногой».—58) «Въ просвѣщенной Россіи есть теперь весьма м

го почтенныхъ людей которые безъ того не могутъ покушать въ трактирѣ чтобы не поговорить со слугою а иногда даже забавно пошутить надъ нимъ».—59) «Сбереги намъ Боже ниву трудовую».—60) «Съ тѣхъ поръ какъ вѣчный Судія мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка въ очахъ людей читаю я страницы злобы и порока».—61) «Ужъ подлинно что тамъ (въ кунсткамерѣ) чудесъ палата».—62) «Духовной жаждою томимъ въ пустынѣ мрачной я влачился и шестикрылый серафимъ на перепутьи мнѣ явился».—63) «Врите врите бѣсенята» заворчалъ на нихъ (дѣтей) отецъ».—64) «И тихъ и чистъ и ясенъ сводъ небесъ».—65) «Молодость счастлива тѣмъ что у нея есть будущее».—66) «Громъ блескъ стукъ конскихъ копытъ – раздавались со всѣхъ сторонъ».—67) «Коренастъ крѣпокъ высокъ и могучъ бываетъ многолѣтній дубъ».—68) «У неизвѣстнаго человѣка былъ въ рукахъ старый истертый дырявый бумажникъ».—69) «Въ гармоніи соперникъ мой былъ шумъ лѣсовъ или вихорь буйный или иволги напѣвъ живой или ночью моря шумъ глухой иль шопотъ рѣчки тихоструйной».—70) «Въ прекрасный лѣтній день бросая по долинѣ тѣнь листы на деревѣ съ зефирами шептали».—71) «Ахъ кабы на цвѣты да не морозы и зимой бы цвѣты расцвѣтали».—72) «Городъ чудный городъ древній ты вмѣстилъ въ свои концы и посады и деревни и палаты и дворцы».—73) «Въ лѣсу ночной порой и дикій звѣрь и лютый человѣкъ и лѣшій бродитъ».—74) «Долго ль мнѣ гулять по свѣту то въ коляскѣ то верхомъ то въ кибиткѣ то въ каретѣ то въ телѣгѣ то пѣшкомъ?»—75) «Какъ аукнется такъ и откликнется».—76) «Погибъ аки (какъ) шведъ подъ Полтавой».—77) «Чурбанъ она (обезьяна) то понесетъ то такъ то сякъ его обхватитъ то поволочитъ то покатитъ».—78) «Какъ поживешь такъ и прослывешь».—79) «Я слышалъ топотъ дальній трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ». 80) «Гдѣ можно насъ гусей несчаст-

нѣе найти?»—81) «Страшно страшно поневолѣ средь невѣдомыхъ равнинъ».—82) «И тамъ и сямъ виднѣлись деревеньки».—83) «Ни жизнь ни власть меня (Б. Годунова) не веселятъ».—84) «Приходитъ наконецъ ему (волку) расчесться за овецъ».—85) «Бирюкъ по словамъ окрестныхъ мужиковъ честно исполнялъ свои обязанности».—86) «Олегъ князь русскій умеръ по народному преданію отъ укушенія змѣи».—87) «Бабушка и тетушка съ восклицаніями и какъ мнѣ показалось со слезами обнимались съ моимъ отцомъ и матерью».—88) «Завтра можетъ-быть и я буду тамъ откуда никто не приходитъ».—89) «Въ тысяча восемьсотъ пятомъ году какъ извѣстно былъ учрежденъ уставъ Казанскаго университета».—90) «Казалось плѣнникъ безнадежный къ унылой жизни привыкалъ».—91) «Разумѣется свѣтъ не безъ добрыхъ людей».—92) «Можетъ-быть на мой закатъ печальный блеснетъ любовь улыбкою прощальной».—93) «Ромулъ и Ремъ какъ говоритъ преданіе построили Римъ».—94) «По улицамъ слона водили какъ видно на показъ».—95) «Я всякому ты знаешь радъ». 96) «Мы вѣрно ужъ поладимъ коль рядомъ сядемъ».—97) «Принесло вѣтромъ грозную тучу и раскаленная жгучими лучами солнца земля напилась влаги небесной».—98) «По платью встрѣчаютъ по уму провожаютъ».—99) «Жизнь наша что море кипитъ и волнуется».—100) «Ты вставай вставай добрый молодецъ! отвезу тебя къ отцу къ матери къ малымъ дѣтушкамъ-голубятушкамъ».—101) «Пришла суровая матушка-зима съ своими трескучими морозами снѣжная съ мятелями и вьюгами которыя иногда причиняютъ большія бѣды и людямъ и домашнимъ животнымъ».—

Б.

Употребленіе точки съ запятой *).

1.

На этомъ урокѣ я постараюсь выяснить вамъ случаи употребленія точки съ запятой, но прежде вспомнимъ, повторимъ съ вами то, что вамъ уже извѣстно о знакахъ препинанія.

Не можете ли вы, М., сказать мнѣ, какое вообще значеніе имѣютъ знаки препинанія.

— Знаки препинанія употребляются для того, чтобы отдѣлять слова или предложенія другъ отъ друга, указывать на близкую или отдаленную связь между ними. Это облегчаетъ читателю понимать написанное или напечатанное и способствуетъ болѣе ясному усвоенію прочитаннаго.—

Скажите, П., какіе знаки препинанія вамъ извѣстны.

— Точка и запятая.—

Для чего ставится запятая?

— Запятая между частями предложенія и предложеніями ставится для того, чтобы показать близкую связь между ними, чтобы дѣлать на мѣстѣ, занимаемомъ запятою, самую малую остановку голоса, но безъ пониженія его.—

А точка?

— Точка ставится между предложеніями, чтобы показать, что предложенія эти вполнѣ самостоятельны, пе-

*) Матеріалъ для пробнаго урока по русскому языку на тему: А) «Употребленіе точки съ запятой», даннаго въ III классѣ ... ской женской гимназіи ученицами VIII класса С-ой и Р-ской.

редаютъ отдѣльныя, самостоятельныя мысли; чтобы при чтеніи дѣлать паузу тамъ, гдѣ стоитъ этотъ знакъ, и понижать голосъ.—

Теперь посмотримъ, въ какихъ же случаяхъ употребляется точка съ запятой. Запишите въ тетрадяхъ вашихъ такой примѣръ: «**Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой и въ даль укатился**, *жестокою бурей гонимый;* **засохъ и увялъ отъ холода, зноя и горя, и вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго моря**».

Скажите мнѣ, Н., какое предложеніе мы написали?

— Мы написали слитное предложеніе.—

Почему вы назвали его слитнымъ?

— Потому что въ немъ нѣсколько однородныхъ членовъ предложенія.—

Какихъ?

— Сказуемыхъ, а именно: «**оторвался, укатился, засохъ и увялъ, и докатился**»...

— Есть ли при этихъ сказуемыхъ какія-нибудь пояснительныя предложенія?

— Есть.—

А именно?

— Первое сказуемое пояснено придаточнымъ предложеніемъ: «*жестокою бурей гонимый*».—

А второе, третье и четвертое?

— Второе и третье—пояснены словами: «отъ холода, зноя и горя»: а четвертое—«наконецъ... до Чернаго моря».—

Какимъ знакомъ препинанія отдѣлено придаточное предложеніе отъ своего главнаго?

— Запятой.—

А чѣмъ отдѣлены другъ отъ друга первое и второе сказуемыя?

— Точкой съ запятой.—

Есть ли знакъ препинанія между словами, поясняющими второе и третье сказуемыя?

— Есть: запятая поставлена между словами: «отъ холода, зноя...»

Значитъ, когда же надо ставить точку съ запятой въ слитномъ предложеніи?

— **Точку съ запятой въ слитномъ предложеніи надо ставить между однородными членами его въ томъ случаѣ, когда эти члены имѣютъ при себѣ пояснительныя слова или придаточныя предложенія, отдѣленныя отъ нихъ знакомъ препинанія.**—

Повторите это правило. Ученицы повторяютъ и придумываютъ примѣры.

Возьмемъ еще слитное предложеніе. Запишите его: «**Осажденные съ каждымъ днемъ слабѣли**, *изнемогая душою и тѣломъ*; **терпѣли ненастье, иногда и голодъ;** *не смѣя винить короля,* **винили воеводу Замойскаго**».

Какое это предложеніе?

— Слитное: въ немъ три сказуемыхъ. –

Назовите ихъ.

— **«Слабѣли», «терпѣли», и «винили».**

Имѣютъ ли при себѣ эти сказуемыя пояснительныя слова или придаточныя предложенія?

— Первое сказуемое имѣетъ придаточное предложеніе, второе—пояснительныя слова, третье—придаточное предложеніе.—

Какіе же знаки препинанія вы поставите въ этомъ слитномъ предложеніи?

— Между сказуемыми этого предложенія надо поставить точку съ запятой, потому что они имѣютъ при себѣ или придаточныя предложенія, или пояснительныя слова, отдѣленныя запятою.—

Повторите правило, на основаніи котораго вы такъ разставили знаки препинанія

Ученица повторяетъ это правило, а другія—говорятъ примѣры на него.

2.

Теперь напишите еще примѣръ:

«Между колесами телѣгъ, ***полузавѣшанныхъ коврами,*** **горитъ огонь; семья кругомъ готовитъ ужинъ».**

Сколько въ этомъ примѣрѣ предложеній?

— Три предложенія.—

Какія?

— Два главныхъ и одно придаточное.—

Назовите главныя предложенія.

— **«Между колесами телѣгъ горитъ огонь»** первое главное; **«семья кругомъ готовитъ ужинъ»** — второе.—

Прочтите придаточное.

— ...***«полузавѣшанныхъ коврами»*** — придаточное предложеніе. —

Къ какому главному относится это придаточное?

— Къ первому.—

Должно ли отдѣлить его знакомъ препинанія?

— Да, это придаточное должно отдѣлить отъ своего главнаго запятой, потому что это—сокращенное придаточное опредѣлительное предложеніе, и стоитъ оно послѣ своего опредѣляемаго.—

Не можете ли вы сказать, какую общую мысль выясняютъ эти три предложенія.

— Они выясняютъ картину вечера въ цыганскомъ таборѣ.—

Замѣтьте же: **точка съ запятою ставится между равносильными главными предложеніями, когда внутри нихъ есть знаки препинанія.**

Когда же еще употребляется точка съ запятой?

Ученицы повторяютъ выясненный случай и приводятъ примѣры на это правило.

3.

Запишемъ еще примѣръ и разберемъ его.

«Погода прекрасная: кротко синѣетъ майское небо; гладкіе молодые листья ракиты блестятъ, ***словно вымытые;*** **широкая ровная дорога вся покрыта мелкой травой съ красноватымъ стебелькомъ; направо и налѣво, по длиннымъ скатамъ пологихъ холмовъ, тихо зыблется зеленая рожь».**

Сколько всего мы написали предложеній?

— Шесть предложеній, изъ которыхъ 5 главныхъ и одно придаточное.—

Прочтите главныя предложенія. Ученица читаетъ.

Прочтите придаточное.

— ...«*словно вымытые*» ...—

Къ какому главному оно относится?

— Къ третьему главному.—

Какую мысль выясняютъ всѣ эти предложенія?

— Они рисуютъ картину майскаго дня въ полѣ.—

Теперь обратите вниманіе на подлежащія этихъ предложеній: назовите ихъ!

— **«Погода», «небо», «листья», «дорога», «рожь».**—

Можно ли всѣ эти подлежащія замѣнить однимъ какимъ-нибудь словомъ?

— Нѣтъ, нельзя.

Да, нельзя: эти подлежащія, какъ вы знаете, предметы не одного ряда.

— Запомните же еще правило употребленія точки съ запятой: **точка съ запятой ставится между главными предложеніями, когда подлежащія въ нихъ предметы не одного ряда.**

Ученицы повторяютъ сказанное и придумываютъ примѣры.

4.

Напишемъ и разберемъ новый примѣръ: «**Онъ (Ленскій) вѣрилъ,** *что душа родная»*, *близкая его сердцу*, «*соединиться съ нимъ должна*; *что*, *безотрадно изнывая*, *повседневно ждетъ она*». Д., скажите, сколько въ данномъ примѣрѣ предложеній.

— Пять предложеній: одно главное и четыре придаточныхъ —

По какому способу сочетанія предложеній соединены они?

— По способу подчиненія.—

Прочтите главное предложеніе.

— «Онъ вѣрилъ».—

— Прочтите придаточныя.

— «...*что душа родная соединиться съ нимъ должна*»—первое; «*что повседневно ждетъ она*»—второе; *близкая его сердцу*—третье; «*безотрадно изнывая*»—четвертое. Первыя два предложенія подчинены главному, третье—первому придаточному, четвертое—второму придаточному.—

На какой вопросъ отвѣчаютъ первыя два придаточныя предложенія?

— На вопросъ—во «что?—

Слѣдовательно, эти предложенія какія?

— Дополнительныя однородныя, потому что они отвѣчаютъ на одинъ вопросъ: вѣрилъ во что?—

— Отдѣлены ли второе и четвертое придаточныя предложенія отъ частей дополнительныхъ предложеній знакомъ препинанія?

— Да, отдѣлены запятой.—

Запомните же слѣдующее правило: **между однородными придаточными предложеніями, относящимися къ одному главному, ставится точка съ запятой, если при нихъ есть придаточ-**

ныя предложенія, отдѣленныя отъ нихъ знаками препинанія.

Итакъ, въ какомъ же еще случаѣ употребляется точка съ запятой? Ученицы повторяютъ правило и приводятъ на него свои примѣры.

5.

Напишите еще слѣдующій примѣръ: «Путешественники говорятъ, *что Днѣпръ изобилуетъ рыбою; что воды его отмѣнно чиста, здорови и пріятна для вкуса.*

Сколько мы написали предложеній?

— Три предложенія: одно главное и два придаточныхъ.—

Прочтите главное.

— «Путешественники говорятъ».—

Прочтите придаточныя предложенія.

— «...*что Днѣпръ изобилуетъ рыбою*»—это первое придаточное; «*что вода его отмѣнно чиста, здорова и пріятна для вкуса*» —второе придаточное.—

На какой вопросъ отвѣчаютъ оба эти придаточныя?

— На вопросъ—что?—

Слѣдовательно, какія они?

— Однородныя дополнительныя.—

Назовите подлежащее перваго придаточнаго предложенія.

— «*Днѣпръ*».—

А второго придаточнаго?

— ...«*вода*».—

Оба эти подлежащія—предметы одного ряда или нѣтъ?

— Нѣтъ, не одного ряда.—

Запомните теперь новое правило употребленія точки съ запятой между однородными придаточными предложеніями: **точка съ запятой ставится еще**

между однородными придаточными предложеніями (относящимися къ одному главному) въ томъ случаѣ, когда подлежащія въ нихъ предметы не одного ряда.

Повторите это правило. Ученицы повторяютъ и подтверждаютъ примѣрами.

Теперь скажите мнѣ, въ какихъ же случаяхъ ставится точка съ запятой между однородными придаточными предложеніями?

— **Точка съ запятой ставится между однородными придаточными предложеніями, во-первыхъ, тогда, когда внутри этихъ придаточныхъ предложеній есть знаки препинанія; во-вторыхъ, тогда, когда въ однородныхъ придаточныхъ предложеніяхъ подлежащія предметы не одного ряда.**

Когда еще примѣняются эти правила?

— Они примѣняются при отдѣленіи главныхъ предложеній другъ отъ друга.—

6.

Пишите еще примѣръ: **«Пѣсни умолкли;** *какъ очарованное,* **дремлетъ на возвышеніи село».**

Скажите, П., сколько предложеній въ этомъ примѣрѣ.

— Три предложенія; изъ нихъ два главныхъ и одно придаточное.—

Прочтите первое главное.

— «Пѣсни умолкли». —

А второе главное?

— ...«дремлетъ на возвышеніи село».—

Прочтите придаточное предложеніе.

— ...*какъ очарованное»*... -

Къ какому главному относится это придаточное?

— Ко второму главному: «дремлетъ на возвышеніи село».—

— Запомните же правило: **придаточное отъ главнаго, къ которому оно не относится, отдѣляется точкой съ запятой.**

Повторите еще разъ это правило. Ученицы повторяютъ и приводятъ на примѣненіе его свои примѣры.

7.

Разберемъ еще примѣръ. Пишите его.

«И задумавшійся вечеръ мечтательно обнималъ синее небо, *превращая все въ неопредѣленность и даль; хотя вечернія сумерки и спустились,* **а пѣсни все не утихали».** Сколько предложеній въ этомъ примѣрѣ?

— Четыре предложенія: два главныхъ и два придаточныхъ.—

Прочтите, Б., первое главное.

—**«И задумавшійся вечеръ мечтательно обнималъ синее небо»**...

Прочтите второе главное.

— ...**«а пѣсни всё не утихали»**.—

Прочтите первое придаточное.

— ...«*превращая всё въ неопредѣленность и даль*».—

Къ какому главному относится это придаточное?

— Къ первому главному.—

Теперь прочтите второе придаточное предложеніе.

— ...«*хотя вечернія сумерки и спустились*».—

Къ какому главному оно относится?

— Ко второму главному: «**а пѣсни** всё не **утихали**».

Запомните же послѣднее правило: **между придаточными, относящимися къ разнымъ главнымъ, ставится тоже точка съ запятой.**

Повторите это правило. Ученицы повторяютъ и это правило.

Дѣти, какіе знаки препинанія вы поставите, если бы вамъ дано было такое предложеніе: «**вечерѣло** *когда мы въѣхали въ луга покрытые изумрудною зеленью* **надъ ними вслѣдствіе близости рѣки разстилался густой туманъ**». З., скажите вы.

Послѣ «**вечерѣло**» поставила бы запятую, потому что дальше идетъ придаточное предложеніе, относящееся къ сказуемому «**вечерѣло**»; послѣ придаточнаго—запятую, потому что за нимъ слѣдуетъ также придаточное, относящееся къ слову «луги», и предъ вторымъ главнымъ—точку съ запятой, потому что придаточное къ этому главному не относится.—

Такъ. А если бы придаточныя относились ко второму главному предложенію?

— Тогда послѣ перваго главнаго надо ставить точку съ запятой, чтобы показать, что придаточныя предложенія къ нему не относятся; а придаточныя другъ отъ друга надо отдѣлить запятой и второе придаточное отъ второго главнаго—также запятой.

Теперь скажите мнѣ, дѣти, какую мы дѣлаемъ паузу при чтеніи, когда встрѣчаемъ точку съ запятой.

— Пауза эта больше, чѣмъ обозначаемая запятой, и меньше, чѣмъ обозначаемая точкой.—

Да. А понижаемъ ли мы голосъ предъ этимъ знакомъ?

—Нѣтъ.—

Да, не понижаемъ. Въ этомъ сходство этого знака съ запятой, а разница какая?

— Разница въ паузѣ, времени остановки голоса.—

Дѣти, почему же въ однихъ случаяхъ между главными, а также главными съ придаточными мы ставимъ точку, въ другихъ—точку съ запятой? М., скажите вы.

— Если между предложеніями главными ставится

точка съ запятой, то это значитъ, что между ними естъ связь.—

Да. Но какая связь? грамматическая или связь по мысли, проводимой въ главныхъ предложеніяхъ?

— Связь по мысли.—

Да, дѣти, связь эта бываетъ по мысли, или, какъ говорятъ, логическая, когда главными предложеніями мы описываемъ картину природы, напримѣръ: наступленіе весны, зимнюю вьюгу и др., или когда разсказываемъ о случаѣ, событіи изъ жизни человѣка,—изображаемъ характеръ человѣка, указываемъ типичныя (отличительныя) черты общества, цѣлаго народа и т. п.

Дѣти повторяютъ сказанное и поясняютъ съ помощью учительницы примѣрами, которые они придумываютъ.

Мы разучили правила употребленія точки съ запятой.

Эти правила ученицы мнѣ ещё повторяютъ и приводятъ примѣры.

Ученицы говорятъ громко, глядя на записанные ими примѣры: имъ легче воспроизводить въ памяти правила въ томъ порядкѣ, въ которомъ велось ихъ объясненіе. При помощи примѣровъ ученицы должны связно воспроизвести всѣ правила на употребленіе точки съ запятой. Чтобы лучше усвоить объясненное, дѣти придумываютъ свои примѣры и правила повторяютъ нѣсколько разъ. Если кто-нибудь изъ нихъ затруднится въ точности и правильности ихъ изложенія, то учительница придетъ къ нимъ на помощь; если же ученицы будутъ затрудняться, какъ правильно выразить свою мысль, при помощи наводящихъ вопросовъ имъ будетъ оказана помощь въ подборѣ подходящихъ словъ и выраженій. Какъ и въ другихъ случаяхъ, разучиваніе въ классѣ даннаго матеріала, повтореніе его—лучше зубренія учебника («Повтореніе—мать знаній»).

Задачи для сознательнаго усвоенія учащимися правилъ употребленія точки съ запятой.

1.

а) Списать №№ 1—10 и объяснить, по какимъ правиламъ въ нихъ поставлена точка съ запятой. б) Списать №№ 11—21 съ тою же цѣлью.

1) «Здѣсь, подъ окномъ, непремѣнно коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ повыше вытягиваетъ заря свой сочный стебель; еще выше богородицыны слезки выкидываютъ свои розовыя кудри; а тамъ дальше, налѣво отъ усадьбы, лоснится рожь, и овесъ ужъ пошелъ въ трубочку, и красиво ширится каждый листъ на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стебелькѣ».—2) «Глубина небесъ синѣетъ; свѣтитъ яркая луна; церковь въ сумракѣ бѣлѣетъ; на погостѣ тишина».—3) «Замолкнулъ громъ, шумѣть гроза устала; свѣтлѣютъ небеса; межъ черныхъ тучъ привѣтно засіяла лазури полоса».—4) «Дождь усиливался; вѣтеръ бушевалъ вдвое сильнѣе прежняго; рѣка ревѣла; дѣваться намъ было некуда и приходилось, повидимому, долго ждать, пока буря утихнетъ, и можно будетъ переправиться черезъ рѣку».—5) «Московскій Кремль—священное мѣсто для всего русскаго народа: здѣсь жили наши государи, митрополиты и патріархи; здѣсь древнѣйшіе соборы съ мощами святыхъ угодниковъ и чудотворными иконами; здѣсь усыпальница царей и святителей; здѣсь главное мѣсто занимаетъ Успенскій соборъ, гдѣ коронуются наши государи».—6) «Пусто, глухо въ чистомъ полѣ; листья пожелтѣли; пышный цвѣтъ обили вѣтры; птицы улетѣли; тучи черныя на землю налегли тѣнями; непроглядные туманы говорятъ съ вѣтрами».—7) «Широко стлался зеленый лугъ; медлено и плавно расхаживали на немъ бѣлые, какъ

снѣгъ, гуси; селезни и утки лежали тамъ и сямъ неподвижно».—8) «Въ концѣ марта или началѣ апрѣля солнышко уже сильно грѣетъ, и снѣгъ понемногу начинаетъ таять; но нерѣдко морозы опять усиливаются, и вновь выпадаетъ глубокій снѣгъ».—9) «Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная лѣсистая гора; за нею невдалекѣ находилась крѣпость; вокругъ нея видны были слѣды разореннаго аула».—10) «Еще болѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны —11) «Скромныя картины русской ранней весны превосходны: влѣво зеленѣющія озими играютъ на солнцѣ; поднятый къ яровому посѣву тучный черноземъ лежитъ, какъ бархатъ, и грѣется; тихіе ручейки и рѣчки то мелькаютъ въ перелогахъ, какъ волшебныя зеркала въ изумрудныхъ рамахъ; то вьются, какъ ленты, отражая въ себѣ облака; грунтовыя дороги обсохли, но еще не завалены пылью; ѣзда по нимъ удобна и пріятна».—12) «Спереди нашего дома устроенъ обширный цвѣтникъ съ фонтаномъ; сзади къ нему примыкаетъ дворъ, а за дворомъ разрастается молодой садъ; слѣва отъ дома идетъ обрывъ, откуда открывается прекраснѣйшій видъ на рѣку; а справа, невдалекѣ, стоитъ станція желѣзной дороги».—13) Круглые низкіе холмы, распаханные и засѣянные доверху, вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшія рощи; отъ деревни до деревни бѣгутъ узкія дорожки; церкви бѣлѣютъ; между лозняками сверкаетъ рѣчка, въ четырехъ мѣстахъ перехваченная плотинами; далеко въ полѣ торчатъ драхвы; старенькій господскій домъ съ своими службами, фруктовымъ садомъ и гумномъ пріютился къ небольшому пруду».—14; «Вечеръ былъ тихъ и ясенъ; роща, одушевленная возвратившеюся весною, была наполнена запахомъ черемухи, благовоннымъ дыханіемъ травъ ароматныхъ; вѣтерокъ порхалъ по деревьямъ; соловьи свистали вда-

лекѣ; въ воздухѣ слышалось жужжаніе насѣкомыхъ; мелкія струйки источника, озлащаемыя заходящимъ солнцемъ, которое проникало сквозь рѣдкія деревья, сливали нѣжное свое плесканье съ шорохомъ тростника и трепетаніемъ цвѣтущаго шиповника».—15) «Жаръ давно свалилъ; прохлада отъ воды умножила прохладу отъ наступающаго вечера; длинная туча пыли шла по дорогѣ и приближалась къ деревнѣ; слышалось въ ней блеяніе и мычаніе стада; опускалось за крутую гору потухающее солнце».—16) «Отсюда ясно было видно, какъ на той сторонѣ рѣки загорѣлось селеніе; какъ по этому берегу бѣжали люди на помощь; какъ, наконецъ, проскакали туда пожарныя команды».—17) «Въ полѣ, въ рощѣ, въ воздухѣ царствовало безмолвіе; ничто не отзывалось жизнью; кузнечикъ пріутихъ, не трещалъ въ травѣ; даже гибкіе длинные стебли чеснока съ ихъ тучною верхушкою стояли неподвижно на закраинѣ дороги».- 18) «Вправо отъ дороги неоглядно желтѣли поля, покрытыя шершавымъ жнивомъ; слѣва тянулись крестьянскія гумна, обнесенныя старымъ землянымъ валомъ».—19) «Ласточки исчезаютъ отъ насъ въ концѣ августа; ранній отлетъ этихъ птичекъ предсказываетъ раннюю зиму».—20) «Патріархъ... Какого онъ (Гр. Отрепьевъ) роду?—Игуменъ. Изъ роду Отрепьевыхъ, галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся, невѣдомо гдѣ; жилъ въ Суздалѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ; наконецъ, пришелъ къ моей чудовской братіи; а я, видя, что еще младъ и не разуменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пимену, старцу, кроткому и смиренному, и былъ онъ весьма грамотенъ: читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но, знать, грамота далася ему не отъ Господа Бога».—21) «Терекъ своенравный крутые роетъ берега; предъ нимъ паритъ орелъ державный; стоитъ олень, склонивъ рога; верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса, въ лугахъ несется конь черкеса».—

2.

По даннымъ схемамъ составить примѣры и поставить знаки препинанія.

Линія ———— обозначаетъ части главнаго предложенія, а ———— главное предложеніе; линія ~~~~ означаетъ придаточныя предложенія и пояснительныя слова, отдѣляемыя отъ поясняемыхъ частей предложенія запятой.

1) сказуем. сказуем. сказуем.

Подлеж. подлеж. подлеж. сказ.

дополн. дополн. дополн.

обст. слово обст. слово обст. слово

2) Главн. предложеніе главное предлож.

———, ———, ——— ——— (———) ———

3) Подл. Рѣка ——— подл. горы ——— подл. лѣсъ ———

4) ———, что рѣка ~~~ что горы ~~~ что лѣсъ ~~~

5) ———, который, ~~~, ~~~ который (~~~) ~~~ который ~~~

6) Глав. предлож. придаточн. главное

прид. 1 степ. 2 степ.

приід. 1 степ. 2 степ.

приид. приид.

7) ——— ~~~ ~~~ ———

3.

Списать примѣры и разставить знаки препинанія *).

1) «Утро свѣжестью пахнуло поле зеленью одѣто сквозь волнистые туманы улыбнулось уже лѣто».— 2) «Въ томленьи душномъ жнецъ лѣнивый лежитъ въ тѣни оставя нивы пастухъ со стадомъ въ лѣсъ бѣжитъ».—3) «Смерть глядитъ и на царей кому въ державу—тѣсны міры глядитъ на пышныхъ богачей что въ златѣ и сребрѣ кумиры глядитъ на прелесть и красы глядитъ на силы дерзновенны и точитъ лезвее косы».—4) «Семья кругомъ готовитъ ужинъ въ чистомъ полѣ пасутся кони за шатромъ ручной медвѣдь лежитъ на волѣ».—5) «Природа только тогда выходитъ изъ продолжительнаго усыпленія когда снѣгъ растаетъ отъ теплаго вѣтра и яркихъ лучей солнца когда воды съ шумомъ утекутъ въ море образовавъ въ теченіи своемъ тысячи ручьевъ, тысячи водопадовъ».—6) «Не упрекай себя за то что любишь ты поля съ ихъ мирной тишиной и зыбь родной рѣки и дремлющій лѣсокъ что пѣсню любишь ты и молча ей внимая пока звучитъ она лаская и маня позабываешь ты отрадно отдыхая призывъ рабочій дня».—7) «Я уже мысленно ступалъ по тропинкѣ протоптанной черезъ дворъ она вела къ липовой аллеѣ».—8) «Слѣдомъ за льдинами стремился одинокій шестъ торчавшій перпендикулярно изъ воды поглядывая съ любопытствомъ во всѣ стороны на верхнемъ концѣ его преспокойно сидѣла ворона».— 9) «Сподвижники Ермака разсказывали любопытнымъ о трудахъ ими перенесенныхъ о вышинѣ Уральскихъ горъ которыхъ хребты скрывались въ облакахъ о звѣряхъ и птицахъ неизвѣстныхъ въ нашемъ климатѣ».—

*) Число примѣровъ для списыванія дается учителемъ по его усмотрѣнію.

10) «Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась изъ-за лѣса надо мной и мнѣ навстрѣчу неслись длинныя сѣрыя облака ракиты тревожно шевелились и лепетали».—11) «Она разсказала мнѣ что дядя ея умеръ оставивъ завѣщаніе въ ея пользу что похороны были торжественны несмотря на отсутствіе близкой родни».—12) «Наступило время когда отдохнувъ во время долгой зимы поселянинъ снова выѣзжаетъ въ поле когда приладивъ соху въ сошникъ праздно лежавшій столько времени и успѣвшій покрыться ржавчиной пахарь дѣлаетъ чище серебра взрывая согрѣвшуюся солнцемъ землю».—13) «Краснымъ полымемъ заря вспыхнула по лицу земли туманъ стелется разгорѣлся день огнемъ солнечнымъ подобралъ туманъ выше темя горъ».—14) «Въ Неаполитанскомъ краѣ бываютъ землетрясенія наводненія изверженія Везувія съ горящей лавой и пепломъ здѣсь бываютъ притомъ пожары повальныя болѣзни горячка здѣсь отъ болотъ или испареній земли волканическій воздухъ заражается и рождаетъ заразу».—15) «Такое маленькое существо какъ человѣкъ садится верхомъ на огромнаго слона стучитъ ему молотомъ въ голову и правитъ имъ какъ овечкой величественнаго льва какъ суслика запираетъ въ клѣтку беретъ за рогъ носорога и ведетъ изъ Эѳіопіи въ Версаль».—16) «Частоколъ обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣтривающимися коврами отпряженный волъ лѣниво лежащій возлѣ него имѣютъ для меня неизъяснимую прелесть».—17) «Направо отъ креселъ стоитъ небольшой кругленькій столикъ закрытый тяжелымъ металлическимъ подносомъ на немъ виднѣется нѣжно голубая чашка украшенная медальёнами съ пастушками крышечка съ такими же медальёнами и прозрачность чашки въ которую бьетъ свѣтъ изъ окна не позволяетъ сомнѣваться въ ея аристократическомъ кровномъ саксонскомъ происхожденіи».—18) Мнимая мать самозванца вызван-

ная боярами изъ келіи торжественно объявила народу что истинный Димитрій скончался на рукахъ ея въ Угличѣ что она какъ жена слабая дѣйствіемъ угрозъ и лести была вовлечена въ грѣхъ безсовѣстной лжи». — 19) «Улицы которыя были длинны широки гладко вымощены дороги большими камнями устланныя для пѣшихъ двери домовъ сдѣланныя изъ краснаго дерева безпрерывный рядъ фонарей поставленныхъ по обѣимъ сторонамъ улицъ красивыя площади гдѣ представляются вамъ или статуи или другіе историческіе документы подъ домами богатыя лавки гдѣ сквозь стеклянныя двери съ улицы видно множество всякаго рода товаровъ рѣдкая чистота опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ и какое-то общее благоустройство во всѣхъ предметахъ образуютъ картину неописанной прелести». — 20) «При спускѣ съ горы намъ представились — лѣсъ одѣтый зеленью деревня которая поражала малочисленностью своихъ хижинъ рѣка обыкновенно среди лѣта становившаяся похожей болѣе на ручей чѣмъ на рѣку». — 21) «Петръ Великій какъ развитой мальчикъ любилъ играть въ военныя игры окружилъ себя бойкими ловкими смышлеными людьми изъ дѣтей придворныхъ и конюховъ составилъ себѣ потѣшное войско изъ котораго вышло потомъ настоящее образцовое войско». — 22) «Я вспоминаю и какъ сейчасъ вижу предъ собою низенькую комнату озаренную свѣчой въ старинномъ подсвѣчникѣ ужинъ уже поставленный на столѣ майскую ночь глядящую изъ сада сквозь растворенное окно соловья который обдаетъ садъ домъ и дальнюю рѣку своими раскатами и шорохомъ вѣтвей». — 23) «Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностью что казался одушевленнымъ снѣгъ засыпалъ меня и Савельича лошади шли шагомъ и скоро стали». — 24) «Человѣкъ долженъ быть счастливъ тѣмъ что онъ имѣетъ способность любить поля съ ихъ мирной тишиною зыбь нивы спѣющей и дремлющій лѣсокъ что пѣсню можетъ

онъ любитъ и гладь рѣки широкой и отраженія ея красивыхъ береговъ».—25) «Долго впослѣдствіи разсказывали голландцы своимъ дѣтямъ и внукамъ какъ видѣли они царя (Петра В.) работавшаго на верфи какъ утомленный трудомъ отирая потъ со своего чела садился онъ на отрубокъ дерева какъ опустивъ топоръ между ногъ дружелюбно бесѣдовалъ съ своими товарищами».—26) «Пушкинъ тщательно отдѣлывалъ со стороны слога свои произведенія которыя предназначалъ къ печати нѣсколько разъ читалъ ихъ вслухъ чтобы слышать созвучіе стиховъ заботился о точности ясности сжатости языка безъ чего произведенія не считалъ изящными, совершенными».—27) «Немногимъ можетъ-быть извѣстно что духъ его (Мазепы) не укротимъ что радъ и честно и безчестно вредить онъ недругамъ своимъ что ни единой онъ обиды съ тѣхъ поръ какъ живъ не забывалъ».—28) «Путешественники говорятъ что Прикаспійскія степи покрыты роскошными пастбищами на которыхъ пасутся стада рогатаго скота что длина ихъ простирается до тысячи верстъ а ширина до трехсотъ».—29) «Стала расти и показываться изъ-за деревьевъ широкая туча давно лежащая свинцовой пеленой на горизонтѣ все сильнѣе и сильнѣе потрясаемый приближавшимся громомъ явственнѣе началъ вздрагивать душный воздухъ».—30) «Вправо отъ дороги необозримо желтѣютъ поля покрытыя шершавымъ жнивомъ влѣво тянутся крестьянскія избы».—31) «Купечество менѣе стѣсняемое въ торговлѣ войско въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами приказные люди знаками милости отличаемые за ревностную службу могли быть довольны Борисомъ» (Годуновымъ).—32) «Филиппъ очистилъ лѣса проложилъ дороги осушилъ болота каналами завелъ оленей рогатый скотъ рыбныя ловли соляныя варницы украсилъ сколько могъ пустыню».—33) «Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной тихія долины полны свѣжей мглой не пылитъ дорога

не дрожатъ листы».—34) «Горизонтъ замыкался только небомъ и слѣва опушками рощъ которыя спускались въ долину облака на дальнемъ горизонтѣ выходили какъ будто изъ земли».—35) «Свинья подъ дубомъ вѣковымъ наѣлась желудей досыта до отвала наѣвшись выспалась подъ нимъ потомъ глаза продравши встала и рыломъ подрывать у дуба корни стала».—36) «Современники Сперанскаго помнятъ еще какою возвышенностью отличались его бесѣды съ какою живостью излагалъ онъ предметы самые отвлеченные какую логику и убѣдительность имѣли его доводы какая наконецъ точность и поэзія были въ его выраженіяхъ».—37) «Въ воскресные и праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи (обломовцы): тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ». 38) «Старуха не умѣла никогда различать двадцатипятирублевой ассигнаціи отъ пятидесятирублевой крестьяне коимъ всѣмъ она была кума ея вовсе не боялись ими выбранный староста до того имъ потворствовалъ плутуя заодно что Иванъ Петровичъ принужденъ былъ отмѣнить барщину и учредить весьма умѣренный оброкъ но и тутъ крестьяне пользуясь его слабостью на первый годъ выпросили себѣ нарочитую льготу».—39) «Все его (Сильвіо) добро было уложено оставались однѣ голыя прострѣленныя стѣны. Мы сѣли за столъ хозяинъ былъ чрезвычайно въ духѣ и скоро веселость его сдѣлалась общею пробки хлопали поминнутно стаканы пѣнились и шипѣли безпрестанно и мы со всевозможнымъ усердіемъ желали отъѣзжающему добраго пути и всякаго блага».—40) «Маленькая горенка съ маленькими окнами не отворявшимися ни въ зиму ни въ лѣто отецъ больной человѣкъ въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязанныхъ хлопанцахъ надѣтыхъ на босую ногу безпрестанно вздыхавшій ходя по комнатѣ и плевавшій

въ песочницу вѣчное сидѣнье на лавкѣ съ перомъ въ рукахъ съ чернилами на пальцахъ и даже на губахъ вѣчная пропись предъ глазами: «Не лги послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ» вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ знакомый но всегда суровый голосъ «Опять задурилъ!» отзывавшійся въ то время когда ребенокъ наскуча однообразіемъ труда придѣлывалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку или хвостъ и вѣчно знакомое всегда непріятное чувство когда вслѣдъ за сими словами краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ протянувшихся сзади пальцевъ,—вотъ бѣдная картина первоначальнаго его (Чичикова) дѣтства».—41) «На сорокѣ (лошади) тянулись они (Чичиковъ съ отцомъ) полтора дня слишкомъ на дорогѣ ночевали переправлялись черезъ рѣку закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули нежданнымъ великолѣпіемъ городскія улицы заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорока бултыхнула вмѣстѣ съ тележкою въ яму которою начинался узкій переулокъ весь стремившійся внизъ и запруженный грязью долго она работала тамъ всѣми силами и мѣсила ногами подстрекаемая и горбункомъ (кучеромъ) и самимъ бариномъ и наконецъ втащила ихъ въ небольшой дворикъ стоявшій на косогорѣ съ двумя расцвѣтшими яблонями предъ старенькимъ домикомъ... Тутъ жила родственница ихъ дряблая старушонка».—42) «Псы заливались всѣми возможными голосами: одинъ забросивши вверхъ голову выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ какъ будто за это получалъ Богъ знаетъ какое жалованье другой отхватывалъ наскоро какъ пономарь промежъ нихъ звенѣлъ какъ почтовый звонокъ неугомонный дискантъ вѣроятно молодого щенка и все это наконецъ повершалъ басъ можетъ-быть старикъ надѣленный дюжею собачьей натурой потому что хрипѣлъ какъ хри-

питъ пѣвческій контрабасъ когда концертъ въ полномъ разливѣ: тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести ноту и все что ни есть порывается кверху закидывая голову а онъ одинъ засунувши небритый подбородокъ въ галстухъ присѣвъ и опустившись почти до земли пропускаетъ оттуда свою ноту отъ которой трясутся и дребезжатъ стекла».—43) Все оживаетъ съ весной): въ самой тонкой вѣткѣ въ нѣжныхъ стебелькахъ движется свѣжій сокъ хлынувшій изъ корня насѣкомыя роями жужжатъ въ неподвижномъ воздухѣ, снуютъ и качаются на гибкихъ травкахъ молодой зелени солнце вездѣ и всюду: оно насквозь пронизываетъ густыя чащи, не успѣвшія еще заслониться листомъ донимаетъ въ глубинѣ лѣсовъ и овраговъ остатки рыхлаго почернѣвшаго снѣга оно жаркими лучами обливаетъ поля гдѣ сквозь рѣдкую еще зелень блистаютъ новые отпрыски озимаго хлѣба и желтѣетъ прошлогоднее дотлѣвающее жнивье».

4.

Составить примѣры на данныя темы, напр., такія:

1) Утро. 2) Вечеръ. 3) Ясный лѣтній день. 4) Морозная лунная зимняя ночь. 5) Начало весны (или лѣта, осени, зимы). 6) Степь. 7) Буранъ. 8) Зимняя вьюга. 9) Ливень. 10) Гроза. 11) Послѣ грозы. 12) Ледоходъ... или—самостоятельно выбранныя самими учащимися.

С. Прядкинъ.

Продолженіе будетъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СЛОВАРЯ

Пушкинскаго прозаическаго языка *).

Безбожно, нарѣч.

Право, съ радостью согласился бы я двѣнадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ пресловутой Россіады, даже съ присовокупленіемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова, съ тѣмъ только, чтобы графъ Разумовскій сократилъ время моего заточенья. Безбожно молодаго человѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и Бесѣду губителей россійскаго слова. Но дѣлать... но дѣлать нечего! *Пис. Вяз. 16 г.*

Безвинность, и, ж.

Но кто же, кромѣ полиціи и правительства, не зналъ о немъ? О заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все-таки я отъ жандарма еще не ушелъ. *Пис. Жук. 26 г.*

Безвинный, ая, ое.

Начальники отдѣльныхъ отрядовъ, посланныхъ въ погоню за Пугачевымъ, тогда уже бѣгущимъ къ Астрахани, самовластно наказывали виноватыхъ и безвинныхъ. Состояніе всего края, гдѣ свирѣпствовалъ пожаръ, было ужасно. Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный. *Кап. д., XIII.*

Безвинно, нарѣч.

Изъ всѣхъ иноземныхъ писателей Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи. Не говоримъ о переводахъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ безвинно оклеветанъ. *О Мильтонѣ.*

---

*) Продолженіе. См. в.в. IV—V и VI 1901 г., II—III, IV, V и VI 1902 г., I, IV—V 1903 г., I и II 1904 г.

Безво́дица, ы, ж.

Мы лишились множества людей отъ безводицы. *Зап. Моро-де Бр.*

Безвре́дный, ая, ое.

Безвре́денъ,—дно. Мы тронулись и къ восьми часамъ пришли на возвышеніе, съ котораго лагерь Гаки-паши виденъ былъ, какъ на лодони. Турки открыли безвредный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Между тѣмъ въ лагерѣ ихъ замѣтно было большое движеніе. *Пут. въ Арзр., IV.* Безвредное злорѣчіе. *Мысли на д., II.* Добродушіе смѣшное, но безвредное! *Баратынск.* Тяжелое время, тяжелый годъ! По крайней мѣрѣ, утѣшаюсь, зная, что ты въ своемъ Патмосѣ безвреденъ и недостижимъ. *Пис. Плетн. 31 г.* (Горячки) лечатъ меркуріемъ, котораго употребленіе безвредно, по причинѣ жаровъ. *Пут. въ Арзр., II.*

Безвре́менный, ая, ое.

Но такова участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ... *Дельвигъ.*

Безвѣ́ріе, ія, ср.

Ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже и въ тѣхъ, въ коихъ... не видно ни направленія къ безвѣрію, ни кощунства надъ религіей. Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе, приписывающее мнѣ въ настоящихъ лѣтахъ и обстоятельствахъ произведеніе жалкое и постыдное... *Пис. Бенк. окт. 28 г.* Покойный императоръ, сославъ меня, могъ только упрекнуть меня въ безвѣріи. *Пис. Жук. 26 г.*

Безвѣ́стный, ая, ое.

Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ... русскимъ безвѣстную... я также. Прости, мой другъ! обнимаю тебя. Увѣдомь меня объ нашихъ. Прости. *Пис. брату 20 г.* Такимъ образомъ покоритель Бендеръ пошелъ войною противъ простого казака, четыре года тому назадъ безвѣстно служившаго въ рядахъ войска, ввѣреннаго его начальству. *Ист. пуг. б. VIII.*

Безгра́мотный, ая, ое.

Но грамота не есть естественная способность, дарован-

ная Богомъ всему человѣчеству, какъ языкъ или зрѣніе. Человѣкъ безграмотный не есть уродъ и не находится внѣ вѣчныхъ законовъ природы. *Мысли на д.*, X. Церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и длинною надписью, которой безграмотный мужикъ нашъ долго не разберетъ. *Изъ дневн.* Рыбака задержали, пока не удостовѣрились, что онъ въ самомъ дѣлѣ безграмотный, и что тарелки никто не видалъ. Губернаторъ отпустилъ его, сказавъ: „ступай; счастливъ ты, что не умѣешь читать". *Жел. маска.* Доказательство тому: царствованіе безграмотной Екатерины I й. *Историч. замѣч.*, *примѣч.* Однако жъ, сказала она со вздохомъ: хоть барышня можетъ и смѣшна, все же я передъ нею дура безграмотная. *Бар.-кр* См. еще *Ист. пуг. б.*, *III*; *О зап. Самсона.*

Безгрѣшенъ, шна, о.

Намѣреніе въ нихъ (стихахъ „кинжалъ") безгрѣшно. *Пис. Жук. 25 г.*

Бездáрность, и, ж.

Кантемиръ. Ломоносовъ. Тредьяковскій. Вліяніе Кантемира уничтожается Ломоносовымъ. Вліяніе Тредьковскаго уничтожается его бездарностью. Постоянное бореніе Тредьяковскаго. Онъ побѣжденъ. Сумароковъ. Екатерина (Вольтеръ). Фонвизинъ, Державинъ. *О русск. лит.*, *3.*

Бездáрный, ая, ое.

Бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Доратъ. Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, m-me Жанлисъ, овладѣваютъ русскою словесностью... *О русск. лит.*, *3.* Какъ бы то ни было, вслѣдъ за толпой бездарныхъ или несчастныхъ стихотворцевъ, заключающихъ періодъ старинной французской поэзіи, тотчасъ выступаютъ Корнель. Буало. Расинъ, Мольеръ и Лафонтенъ. *О русск. лит.*, *3.*

Бездéнежный, ая, ое.

Пугачевъ объявилъ народу вольность, истребленіе дворянскаго рода, отпущеніе повинностей и безденежную раздачу соли. *Ист. пуг б.*, *VIII.*

Бéздна, ы, ж

Приступая къ изученію нашей словесности, мы хотѣли бы обратиться назадъ и взглянуть съ любопытствомъ и благоговѣніемъ на ея старинные памятники, сравнить ихъ съ

этою **безднои** поэмъ, романсовъ ироническихъ и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихъ, коими наводнены европейскія литературы среднихъ вѣковъ. *О русск. лит.*, 3. Байронъ мало заботился о планахъ своихъ произведеній; или даже вовсе не думалъ о нихъ. Нѣсколькихъ сценъ, слабо между собою связанныхъ, было ему достаточно для **бездны** мыслей, чувствъ и картинъ. *Мелочи.*

Бездóнный, ая, ое.

То казалось ей, что... (отецъ) тащилъ ее по снѣгу и бросалъ въ темное, **бездонное** подземелье. *Метель.* Дороги были непроходимы, люди вязли въ **бездонной** грязи... *Ист. пуг. б.*, *VI.*

Бездýшный, ая, ое.

Кн. Шихматовъ, не смотря на твой разборъ и смотря на твой разборъ—**бездушный**, холодный, надутый, скучный пустомеля. *Пис. Кюхельб. 25 г.*

Бездѣйствіе, ія, ср.

И могъ ли Барклай де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ-ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, гдѣ равенъ былъ неравный споръ, отдать Москву Наполеону и встать въ **бездѣйствіи** на равнинахъ Тарутинскихъ? *Объясн. къ стих. „Полков."* Позиція его была чрезвычайно сильная, и Паскевичъ опасался ея. Но Скржинецкаго смѣнили недовольные его дѣйствіями или **бездѣйствіемъ** начальники мятежа, и Польша погибла. *Изъ зап. кн.* 1) Заботливость истинно отеческая государя императора глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже благодѣяніями его величества, мнѣ давно было тягостно мое **бездѣйствіе**. Я всегда готовъ служить ему по мѣрѣ моихъ способностей. *Проектъ изд ж.* Кого займетъ изображеніе молодаго человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю? Его **бездѣйствіе**, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны, но что тутъ трогательнаго? *Пис. Гнѣд. (черн.)* Около трехъ недѣль прошло для меня въ хлопотахъ всякаго рода; я возился съ засѣдателями, предводителями и всевозможными губернскими чиновниками. Наконецъ принялъ я наслѣдство и былъ введенъ во владѣніе

вотчиной. Я успокоился; но скоро скука бездѣйствія стала меня мучить. *Ист. с. Гор.* См. еще *Пут. въ Арзр., I; Кап. д., V, XIII; Пис. Бенк. 28 г., ему же 31 г. (черн); Ист. с. Гор.* Одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю; одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы и выжидая роковой минуты. *Объясн. къ стих. „Полков"*. Совершенное бездѣйствіе. *Ист. анекд., XVIII.*

Бездѣлица, ы, ж.

— Мы было поспорили довольно крупно съ Петромъ Андреичемъ.

— За что такъ?

— За сущую бездѣлицу: за пѣсенку, Василиса Егоровна. *Кап. д., IV.* Мнѣ предстоялъ путь черезъ Курскъ и Харьковъ, но я своротилъ на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошимъ обѣдомъ въ курскомъ трактирѣ (что не бездѣлица въ нашихъ путешествіяхъ) и не любопытствуя посѣтить харьковскій университетъ, который не стоитъ курской ресторации. *Пут. въ Арзр., I.* Вотъ въ чемъ дѣло. Освобожденный отъ цензуры, я долженъ однакожь прежде чѣмъ что нибудь печатать, представить оное выше, хотя бы бездѣлицу. Мнѣ уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову. *Пис. С^бол. 26 г.* Далѣе Мильтонъ увѣрялъ, что править государствомъ—бездѣлица. *О Мильтонѣ.* Бертольдъ: Нѣтъ, право. Послѣдній мой опытъ не удался отъ бездѣлицы: теперь уже я все разсчиталъ: опытъ мой не можетъ не удасться. *Сц. изъ рыц. вр., I.* См. еще *Кап. д., III; Росл.; Журн. ст., О Мильтонѣ. Изъ дневн.; Пис. брату 24 г. апр., Пис. Вяз. 30 г.*

Бездѣлка, и, ж.

Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, бóльшей частью устремились на блестящія бездѣлки, когда талантъ чуждается труда... *О выходѣ Иліады.*

Бездѣльникъ, а, м.

Пугачевъ взглянулъ грозно на Швабрина:

— И ты смѣлъ меня обманывать! сказалъ онъ ему: знаешь ли, бездѣльникъ, чего ты достоинъ? *Кап. д., XII.*

Не будучи отъ природы жестока, она (Екат. II) для такого бездѣльника, каковъ Х., нравъ свой перемѣнять не

намѣрена; однако, совѣтуетъ впредь быть осторожнѣе. *Ист. анекд*, *III*. Ты можешь намъ дать вѣрныя свѣдѣнія о бездѣльникѣ Пугачевѣ и объ его войскѣ. Теперь покамѣстъ поди, отдохни. *Кап. д.*, *X*. См. еще *Кап. д.*, *X*.

Бездѣтный, ая, ое;

Бездѣтенъ, тна, о. Царь умираетъ бездѣтенъ. *Набр. ск. о Салт. 22 г.*

Безжалостный, ая, ое.

Судьба бѣдняковъ, которыми торговалъ безжалостный помѣщикъ, врядъ ли черезъ то улучшилась. *Мысли на д*, *V*.

Беззаботный, ая, ое.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и домашнія обстоятельства принудили меня поселиться въ бѣдной деревенькѣ N** уѣзда. Занимаясь хозяйствомъ, я не переставалъ тихонько воздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни. *Выстр.*, *II*; Куда дѣвалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? *Мысли на д.*, *II*. Разсказъ Моро де-Вразе о походѣ 1711 года... Отличается умомъ и веселостью беззаботнаго бродяги... *Зап. Моро де-Бр.*

Беззаконіе, ія, ср.

И дернулъ (Григ.)...: возмущать святую братію всякими соблазнами и беззаконіями. *Бор. Г.*, *сц. 8.*

Беззаконникъ, а, м.

Ради Бога, докажи Вас. Львовичу, что элегія на смерть Анны Львовны не мое произведеніе, а какого нибудь другого беззаконника. *Пис. Вяз. 25 г.*

Беззаконный, ая, ое.

Сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною беззаконными старцами. *Прим. къ Полт.*

Беззащитный, ая, ое.

Беззащитенъ, тна, тно. За то (черкесы) никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. *Пут. въ Арзр.*, *I*. Состояніе бѣдной, беззащитной сироты, оставленной посреди злобныхъ мятежниковъ, собственное мое безсиліе устрашили меня. *Кап. д.*, *IX*. А край, гдѣ снова разгорался пожаръ, оставался почти беззащитенъ. *Ист. пуг. б.*, *VI*.

Беззубый, ая, ое.

Что-то моя беззубая Пускина? Ужъ эти мнѣ зубы! — а каковъ Сашка рыжій? *Пис. женѣ окт. 33 г.*

Безконѣчность, и, ж.

Иногда онъ (Иконниковъ) утчивъ до безконечности, въ другое время грубъ нестерпимо. Его любятъ иногда, смѣшитъ онъ часто, а жалокъ почти всегда. *Изъ лицейск. зап.* Нѣтъ, не станемъ на него клеветать: разумъ неистощимъ въ соображеніи понятій, какъ языкъ неистощимъ въ соединеніи словъ. Всѣ слова находятся въ лексиконѣ; мысли же могутъ быть разнообразны до безконечности. *Объ обязан челов.*

Безконечный, ая, ое.

Она принесла самоваръ и за чашкою чая только-было принялась за безконечные разсказы о дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца и камеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову. *Кап. д., IV.* Странное дѣло! въ самый тотъ вечеръ, на балѣ, Томскій, дуясь на молодую княжну Полину ***, которая, противъ обыкновенія, кокетничала не съ нимъ, желалъ отмстить, оказывая ей равнодушіе: онъ позвалъ Лизавету Ивановну и танцовалъ съ нею безконечную мазурку. *Пик. д., IV.* Безконечно—разнообразный. Ѳаддей Венедиктовичъ геній, ибо изобрѣлъ имя Выжигина и симъ нововведеніемъ оживилъ пошлыя подражанія Совѣстдралу и Англійскому Милорду; Александръ Анѳимовичъ искусно воспользовался изобрѣтеніемъ г. Вулгарина и извлекъ изъ онаго безконечно-разнообразные эффекты! *Торж. дружбы.*

Безкормица, ы, ж.

Во время его отсутствія Рейнсдорпъ хотѣлъ сдѣлать вылазку, и 30-го ночью войско выступило было изъ города; но лошади, изнуренныя безкормицей, падали и дохли подъ тяжестью артиллеріи, а нѣсколько казаковъ бѣжало. *Ист пуг. б., IV.*

Безкорыстіе, ія, ср.

Эти торговые обороты намъ, мѣщанамъ-писателямъ, очень извѣстны. Мы знаемъ, что дешевизна книги не доказываетъ безкорыстія автора, но или большое требованіе оной, или совершенную остановку оной въ продажѣ. *Крит. зам.* Въ лавкѣ забираетъ онъ свои сочиненіи, все еще нераспро-

данныя, и раздаетъ ихъ въ академіи сочленамъ съ трогательнымъ безкорыстіемъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою. *Пис. И. Дмитр.*, *35 г.*

Безкорыстный, ая, ое.

Но что есть общаго между привязанностію лорда къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ и безкорыстнымъ уваженіемъ къ мертвымъ прадѣдамъ, коихъ минувшая знаменитость не можетъ доставить намъ ни чиновъ, ни покровительства? *Крит. зам.* Когда писатели перестали толпиться по переднимъ вельможъ, они (писатели) обратились къ народу, лаская его любимыя мнѣнія или фигляретвуя независимостью и странностями, но съ одною цѣлію: выманить себѣ репутацію или деньги. Въ нихъ нѣтъ и не было безкорыстной любви къ искусству и къ изящному: жалкій народъ! *О русск. лит.* Тоже см. *Радищ.*; *Пис. Жук. 25 г.* Все благородное, безкорыстное, все возвышающее душу... *Дун. Тен.* Безкорыстное вдохновеніе, мнѣніе—*О вых. Ил.*, *Пис. Дуровой 36 г.*; Безкорыстная *мысль*—*Мелочи.*

Безкорыстно, нарѣч.

По крайней мѣрѣ, съ своей стороны, я поступилъ честно и болѣе нежели безкорыстно. Не хвалюсь и не жалуюсь—ибо женка моя прелесть не по одной наружности—и не считаю пожертвованіемъ того, что долженъ былъ я сдѣлать. *Пис. Плетн. 31 г.*

Безлѣсенъ, сна, сно.

Климатъ арзрумскій суровъ. Городъ выстроенъ въ лощинѣ, возвышающейся надъ моремъ на семь тысячъ футовъ. Горы, окружающія его, покрыты снѣгомъ большую часть года. Земля безлѣсна но плодоносна. *Пут. въ Арзр.*, *V.*

В. А. Водарскій.

Продолженіе будетъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"

45-й годъ изд. въ 1905 году — **45-й годъ изд.**

ЖУРНАЛА,

посвященнаго изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННАГО ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Издается безъ предварительной цензуры.

«Филологическія Записки» одобрены и рекомендованы къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній всѣми Вѣдомствами, въ которыя были представлены Редакціей журнала, а именно: 1) Ученымъ Комит. Минист. Народнаго Просвѣщ. для библ. среднихъ и низшихъ учебн. завед., 2) Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед. для библ. кадетскихъ корпусовъ, 3) Совѣтомъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдомства Императрицы Маріи для библ. учебн. завед. сего Вѣдом., 4) Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ для библ. духовныхъ семинарій и училищъ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ для библ. коммерческихъ училищъ. На первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

II

Журналъ: «Филол. Зап.,» всту
его существованія и 7-й годъ изд
дакціей, вѣренъ своимъ задачам
намѣченныя покойнымъ А. А.
печатнымъ полезнымъ органомъ, з
вершенствованіи методов
русскаго языка и другихъ
учебныхъ заведеніяхъ какъ
и женскихъ.

Страницы журнала: «Филол.
каждаго, желающаго высказать с
преподаванія родного языка и
Обмѣнъ мыслей между преподавате
печатномъ органѣ по назрѣвшимъ
тательно-учебномъ дѣлѣ—великая
редъ святое школьное дѣло.

Съ 1904 года, по просьбѣ нѣ
будутъ помѣщаться открытые вопро

Журналъ: «Филол. Зап.», нося
кое специальное названіе, по во
вполнѣ доступенъ, безусловно по
по своему содержанію каждому
нужныя для него научныя свѣдѣні

Основанный исключительно ст
полезнымъ органомъ для препода
полное право на сочувствіе и под
ны какъ содѣйствіемъ болѣе широ
изданія, такъ и вкладомъ своего т

Вѣрная гарантія журнала—
дація къ пріобрѣтенію «Фи
учебн. зав. высшими учен
ми разныхъ вѣдомствъ (см.

Журналъ: «Филол. Зап.», выходитъ **безсрочными** выпусками **шесть** разъ въ годъ, отъ 8 до 9 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, отъ 16 до 18 листовъ.

ЦѢНА годовому изданію 6 р. безъ пересылки, 7 р. съ перес.,—за границу 8 р. съ пер. Для г.г. преподавателей и преподавательницъ 6 р. съ пер.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и лишней переписки контора «Фил. Зап.» покорнѣйше проситъ своихъ уважаемыхъ подписчиковъ 1) заявлять о подпискѣ на журналъ возможно раньше, 2) по возможности обращаться съ подпискою прямо въ контору, 3) высылать подписную годовую плату полностію—7 р.

Въ конторѣ редакціи имѣются въ продажѣ—

1) «Филол. Записки» за прежніе годы (до 1899 г.),—за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904 г.г. 7 р. съ пер. за шесть вып. Желающимъ пріобрѣсти «Фил. Зап.» сразу за нѣсколько лѣтъ дѣлается значительная уступка,—

2) оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ (Каталогъ этихъ брошюръ высылается безплатно);

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ (1860—1886) 30 к. съ пер., «Указатель» за слѣдующія 13 лѣтъ (1887—1899) 25 к. съ пер., за оба «Указателя» вмѣстѣ 40 к. съ пер. Съ дополненіемъ содержанія 1900—1904 г.г. 55 к. съ пер.

Условія для книгопродавцевъ: «Фил. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто 6 р. 50 к. за 6 р. 20 к.

съ пер.,—за 1899, 1900 и 1901, 1902, 1903, 1904 года вмѣсто **7** р.—**6** р. **65** к. съ пер., за границу вмѣсто **8** р.—**7** р. **60** к. съ перес.; за соединенные 2 выпуска **2** р. **20** к. съ пер., брошюры со скидкою **10%**.

ПОДПИСКА принимается въ **Воронежѣ**, въ конторѣ журнала: «Филологическ. Зап.», Старо-Московск. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20-й.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ «Фил. Зап.», слѣдующая: въ концѣ текста за страницу—10 р., 1/2 стран.—5 р., 1/4 стран.—3 р., 1/8 стран.—2 р. Въ началѣ текста цѣна по соглашенію. За разсылку объявленія въ журн., вѣсомъ не болѣе лота: за одинъ разъ 15 р., за два—25 р., за три 35 р.

Редакторы*) { **С. Н. Прядкинъ,** **Б. О. Гаазе.**

Издательницы-наслѣдницы А. А. Хованскаго.

---

*) **Адресы редакторовъ** { **Сергѣя Никаноровича Прядкина**—Халютинская ул., д. № 2/21; Бертрама Оскаровича Гаазе—Садовая ул., домъ Шерферъ, № 17.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЪ

„Филологическихъ Записокъ".

Вслѣдствіе не разъ возникавшихъ недоразумѣній по поводу заявленій нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ и подписчиковъ, обращающихся непосредственно къ редакторамъ журнала: «Ф. З.», относительно, напр., задержки вып. журнала или оттисковъ авторскихъ статей и пр., мы честь имѣемъ заявить, что вся матеріальная часть по веденію дѣла изданія «Ф. З.» всецѣло принадлежитъ намъ, издательницамъ-наслѣдницамъ основателя «Ф. З.» А. А. Хованскаго.

Всѣ расходы по изданію, какъ-то: уплата за бумагу, печатаніе выпусковъ журнала и оттисковъ статей, брошюровка и почтовый расходъ, пріемъ подписки, разсылка журнала и оттисковъ, условія съ книжными магазинами и редакціями изданій, веденіе редакціонныхъ книгъ, корректура, корреспонденція по изданію журнала и пр.,—все это находится въ вѣдѣніи нашемъ, почему покорнѣйше просимъ съ запросами, требованіями и заявленіями обращаться или въ контору редакціи, или лично къ намъ, издательницамъ, а не къ редакторамъ, отвѣтственнымъ только за содержаніе журнала, его программу и направленіе.

Издательницы-наслѣдницы

А. А. Хованскаго.

Слѣды знакомства русскаго общества съ древне-классической литературой въ вѣкъ Екатерины II *).

Матеріалы для исторіи классическаго образованія въ Россіи въ біо-библіографическихъ очеркахъ его дѣятелей былого времени.

XIV. Вороновъ Сергѣй.

Геннади, «Справ. словарь», т. I, стр. 175.
Наѓуевскій, «Библіогр.» № 219, стр. 12.
Снегиревъ, «Словарь».
Сопиковъ, ч. III, № 4181, стр. 144.

Вороновъ Сергѣй, переводчикъ 70-хъ г.г. XVIII в.; переводилъ съ латинскаго языка. Его переводъ сочиненія Цезаря: «Комментаріи о Галльской войнѣ», носитъ слѣд заглавіе:

25) Кайя Юлія Кесаря записки о походахъ его въ Галлію. Переведены съ латинскаго языка Сергѣемъ Вороновымъ. Иждивеніемъ Общества старающагося о напечатаніи книгъ. Въ Санктпетербургѣ, 1774 года 8° стр. XII+340+1 стр. нен. (погрѣшности)». Въ началѣ помѣщена «Краткая жизнь Кайя Юлія Кесаря» (стр. III—XII), въ которой находится восемь примѣчаній, объясняющихъ по большей части римскія государственныя должности примѣнительно къ нашимъ, напр., въ примѣчаніи на стр. V читаемъ; «Должность воинскаго трибуна состояла въ томъ, чтобъ воинъ былъ одѣтъ, всякимъ оружіемъ снабденъ и зналъ бы военный артикулъ (Полковникъ)», или на стр. XI: «Гладіаторы назывались, которые бились на шпагахъ для увеселенія народа. Атлеты, борцы, кулашные бойцы, бѣгальщики» Переводу каждой книги предшествуетъ краткое

---

*) Продолженіе. См. III—IV в. 1904 г.

изложеніе ея содержанія; переводу книги VIII ой (стр. 296—340). «Пополненіе А. Гиртія, или Оппія къ Запискамъ Юлія Кесаря о походахъ его въ Галлію» предпослано письмо Гиртіево къ Балбу» (стр. 297—299).

Всѣхъ примѣчаній свыше 70; большая часть ихъ представляетъ собою переводъ римскихъ мѣръ длины и времени на русскія (ок. 60); рѣже встрѣчаются примѣчанія, касающіяся древностей и литературы.

У Нагуевскаго и Сопикова даны неточныя описанія разсмотрѣнной книги.

XV. Воронцовъ Семенъ.

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 175.

Нагуевскій, «Библіогр.» № 675, стр. 38.

Снегиревъ, «Словарь».

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.», ч. III, № 3682—3, стр. 6.

Воронцовъ Семенъ, переводчикъ XVIII ст., перевелъ съ латинскаго языка сочиненіе Евтропія, вышедшее въ Москвѣ въ 1759 г. и переизданное въ 1779 г., но безъ имени переводчика.

26) «Евтропія сокращеніе Римской исторіи до временъ Кесарей Валента и Валентиніяна переведенное съ Латинскаго языка Семеномъ Воронцовымъ. Печатано при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 1759 г. 8° стр. 6 нен.+158+1 нен. (типографскіе погрѣшности)».

Переводъ посвященъ куратору Московскаго Университета Ивану Ивановичу Шувалову (1727—1797). Изъ посвященія мы узнаемъ, что это первый трудъ молодого переводчика; «онъ малъ въ разсужденіи великихъ

качествъ и добродѣтелей Вашего Высокопревосходительства», замѣчаетъ переводчикъ: «но младыя мой лѣтà и не дозрѣлой разумъ не дозволяютъ мнѣ здѣлать что-нибудь достойное Вашей ко мнѣ милости».

Въ «Предисловіи къ читателю» (стр. 4—6) переводчикъ сначала говоритъ, что римскій народъ «по благоразумнымъ своимъ узаконеніямъ и отмѣнной храбрости достоинъ того, что бы дѣла его всѣмъ народамъ были извѣстны»; затѣмъ, упомянувъ о томъ, что въ другихъ странахъ, «гдѣ науки давно нашли себѣ жилище и приведены въ цвѣтущее состояніе», могутъ читать о величіи римскаго народа на самомъ лат. языкѣ, пишетъ слѣдующее: «но какъ намъ понынѣ вѣдомо, что мы еще не имѣемъ ни сочиненной, ни переведенной исторіи особенной о римскомъ народѣ; то я принялъ сей малой трудъ силамъ моимъ соотвѣтствующій, чтобъ перевесть краткую исторію Евтропія, какъ для собственной моей пользы, такъ и для пользы тѣхъ, которые за незнаніемъ другихъ языковъ малое о Римлянахъ имѣютъ понятіе. Ежели смѣю объявить, мнѣ кажется, могутъ пользоваться и тѣ оною исторіею, которые давно съ крайнимъ прилежаніемъ и пространныя книги о сей матеріи читали: ибо память наша временемъ ослабѣваетъ и притупляется, а самымъ кратчайшимъ повтореніемъ легко на умъ привести можемъ все, что мы прежде читали и знали»!

Приложенныя къ переводу изъясненія отчасти переведены изъ «Целларіевыхъ примѣчаній» [26]), отчасти изъ Ливія и Флора—латинскихъ историковъ, гдѣ Целларій на нихъ ссылается. «Впротчемъ», говоритъ переводчикъ въ заключеніе: «уповаю, что благосклонный

[26]) См. изд. Евтропія. Ienae. 1755.

читатель недостаточное въ переводѣ извинитъ младостію лѣтъ моихъ; а доброе, ежели можетъ обрѣсти, припишетъ моему какому-нибудь упражненію».

Въ книгѣ всего ок. 50 примѣчаній; они касаются объясненія собственныхъ именъ, историческихъ событій, предметовъ географіи, древностей, этимологическихъ изысканій, ссылокъ на римскихъ и греческихъ историковъ (Ливія, Флора, Светонія, Гирція, Вописка, Сенеки, Діонисія Галик. и Плутарха); мѣстами исправляются хронологическія ошибки Евтропія (ср. прим. на стр. 18).

Вторымъ тисненіемъ переводъ Евтропія вышелъ въ Москвѣ въ 1779 г. (8⁰ стр. 128) въ типографіи Новикова безъ имени переводчика и безъ посвященія И. И. Шувалову.

XVI. Глѣбовъ Сергѣй Ивановичъ. 1736—1786.

Березинъ-Ширяевъ, «Доп. Мат.» 1884, стр. 89.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. XVI, стр. 914.

Геннади, Справ. словарь т. I, стр. 224.

«Нѣмецкое извѣстіе о русс. писателяхъ»: М. 1861.

Прозоровъ, «Систем. указатель» отд. II, № 1210, стр. 67.

Снегиревъ. «Словарь».

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. III. № 4090, стр. 107 и ч. IV, № 8785, стр. 196.

Глѣбовъ Сергѣй Ивановичъ, писатель-переводчикъ, артиллеріи подполковникъ, депутатъ Московской губ. въ Комиссіи составленія уложенія 1767 г., родился 13 марта 1736 г., умеръ 24 мая 1786 г.; занимался переводами главнымъ образомъ съ французскаго языка.

27) «Военныя правила Вегеція, пер. съ франц. Спб. 1764 8⁰».

Это сочиненіе не показано ни у Нагуевскаго, ни у Шаффа и Горрманна («Очеркъ исторіи римской литературы», пер. Н. Соколовъ, М. 1856, стр. 263). Заглавіе сочиненія приводимъ по Сопикову и Геннади, ср. Смирдинъ. № 4211, стр. 325.

28) «Житіе славныхъ въ древности мужей писанное Плутархомъ. Съ Французскаго на Россійской языкъ перевелъ Сергѣй Глѣбовъ. Томъ I, содержащей въ себѣ житіи: Тезея, Ромула, Ликурга и Нумы Помпилія съ ихъ сравненіями Въ Санктпетербургѣ. 1765 года 4⁰ стр. 4 нен. + 180».

Заглавіе 2-го тома:

«Житіи славныхъ въ древности мужей, писанные Плутархомъ. Съ Французскаго на Россійской языкъ перевелъ Сергѣй Глѣбовъ. Томъ II. Содержащей въ себѣ житіи Солона, Публиколы, Темистокла, и Камилла. Съ ихъ сравненіями. Въ Санктпетербургѣ 1765 года 4⁰ стр. 192 + 5 нен. (погрѣшности)».

Переводъ посвященъ кн. Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой (1744—1810).

Приводимъ самое посвященіе:

«Сіятельнѣйшая Княгиня.

Милостивая Государыня,

Кому справедливѣе могу поднести переведенныя мною житіи славныхъ мужей, писанныя Плутархомъ, какъ Вашему Сіятельству? Вы прилѣжа сами къ ученію и стараясь побудить къ тому другихъ, ободрили меня, Милостивая Государыня, къ переводу сей полезной книги, которой важное содержаніе толь пріятно Плутархомъ повѣствуемое, каждому читателю понравиться удобно, а справедливыя его заключенія и живопредставленныя

примѣры пользу въ общежитіи человѣковъ причинить способны. Итакъ будучи подвигнутъ къ сему переводу Вашимъ Сіятельствомъ почту себя счастливымъ, есть ли оный вами, Милостивая Государыня, благосклонно принятъ будетъ.

Я же почитая для себя за первое удовольствіе названіе вашего друга, который вы мнѣ дать изволили, утѣшаюсь что узнаетъ каждой, у кого сія книга въ рукахъ будетъ, что я вамъ навсегда Милостивая Государыня, Вашего Сіятельства, Всепокорнѣйшій слуга Сергѣй Глѣбовъ».

Въ I т. помѣщены слѣдующія жизнеописанія: Тезей (стр. 1—37), Ромулъ (стр. 38—81), сравненіе Тезея и Ромула (стр. 82—88), Ликургъ (стр. 89—135), Нума Помпилій (стр. 136—171), сравненіе Нумы и Ликурга (стр. 172—180). Во II т.: Солонъ (стр. 3—47), Публикола (стр. 48—76), Сравненіе Солона съ Публиколой (стр. 77—82), Темистоклъ (стр. 83—123), Фурій Камиллъ (стр. 124—178 вм. 126—180), сравненіе Темистокла и Фурія Камилла (стр. 179—192 ошибочно вм. 181—194).

Въ переводѣ нѣтъ оглавленій и указателей; всѣхъ примѣчаній въ обоихъ томахъ около 60 и касаются они главн. обр. миѳологіи, этим. объясненій, древностей, географіи, литературы, философіи; нѣкоторыя изъ примѣчаній имѣютъ субъективный характеръ. Книга напечатана крайне небрежно—со многими опечатками, на исправленіе которыхъ употреблено 5 стр. во II-мъ томѣ.

Кромѣ Вегеція и Плутарха Глѣбовъ переводилъ отрывки изъ Проперція, Тибулла, Катулла, Марціала, Сенеки и помѣщалъ ихъ въ журналахъ, преимущественно въ «Другѣ Просвѣщенія».

XVII. Головинъ Михаилъ Евсеевичъ † 1790 г.

Bacmeister, «Russ. Bibl.» II p. 437.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь».

Березинъ-Ширяевъ, «Матеріалы», т. II, стр. 58.

Геннади, «Справ. словарь», т. I, стр. 239.

Евгеній, «Словарь».

Нагуевскій, «Библ.» № 88, стр. 6.

Пекарскій, «Истор. Имп. Акад. Наукъ», т. I, стр. 295, 299, 715 и т. II, стр. 874 сл.

Снегиревъ, «Словарь».

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. III, № 5281—2, стр. 291.

«Энцикл. словарь», т. XIV, стр. 465, ст. Языкова (Головкинъ вм. Головинъ).

Головинъ Михаилъ Евсеевичъ, сынъ крестьянина, родной племянникъ Ломоносова отъ его сестры Марьи, воспитывался въ академической гимназіи, при заботливомъ попеченіи и «подъ добрымъ смотрѣніемъ» своего дяди, завѣдывавшаго акад. гимназіей; позже Головинъ былъ сначала ученикомъ знаменитаго Эйлера, затѣмъ его адъюнктомъ по математикѣ и опытной физикѣ (1775—1786), работавшимъ подъ его непосредственнымъ руководствомъ и, наконецъ, профессоромъ Санктпетербурской академіи наукъ и редакторомъ «Академическихъ извѣстій», Головинъ былъ очень даровитый ученый, достойный племянникъ Ломоносова, къ сожалѣнію, очень рано умершій—8 іюня 1790 года въ чинѣ надворнаго совѣтника. Онъ написалъ оригинальное сочиненіе по тригонометріи (1789 г.), занимался переводами съ французскаго яз. спеціальныхъ работъ по астрономіи (1789 г.) и кораблестроенію (1778 г.). Въ вышедшемъ въ 1773—74 гг. переводѣ «комедій Публія Те-

рентія» Головину принадлежитъ переводъ комедіи «Евнухъ, или Скопецъ».

29) «Комедіи Публія Терентія Африканскаго, пере веденныя съ Латинскаго на Россійской языкъ. Съ пріобщеніемъ подлинника. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ. 1774 года. 8° т. I стр. 334, т. II, стр. 423, т. III, стр. 379».

Если вѣрить показаніямъ Сопикова, есть изданіе того же года и безъ латинскаго подлинника, которое однако не указано у Нагуевскаго, а равно и въ переводѣ труда Шоффа и Горрманна (стр, 48).

XVIII. Горинъ Иванъ.

Геннади, «Справ. словарь», т. I, стр. 245.

Нагуевскій, «Библіогр.», № 534, стр. 29.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.», ч. V, № 11724, стр. 14.

Горинъ Иванъ въ молодыхъ годахъ перевелъ съ французскаго языка—

30) «Жизнь Юлія Агриколы. Твореніе Тацитово. Москва, въ Университетской типографіи, у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія. 1798. 8° стр. 6 нен. + 103».

Переводъ посвященъ губернатору Рязанской губерніи Мих. Ивановичу Коваленскому.

У Нагуевскаго и Геннади ошибочно сказано, что переводъ сдѣланъ съ лат. языка. У Сопикова годъ показанъ невѣрно: 1795 вм. 1798.

XIX. Губинъ Александръ.

Геннади, «Справ. словарь», т. I, стр. 268.

Прозоровъ, «Сист. указатель», отд. II, № 104. стр. 12 сл.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.», ч. II, № 1999, стр. 31; ч. II, № 3207, стр. 344. (= ч. III, № 6352, стр. 402).

Губинъ Александръ, который въ 90-хъ годахъ XVIII в. занимался переводами преимущественно съ латинскаго языка, перевелъ, какъ это значится у Геннади, сочиненіе подъ заглавіемъ:

31) «Аполлодора аѳинейскаго баснословіе или библіотека о богахъ, въ двухъ книгахъ. Москва, въ типографіи компаніи типографической, съ указнаго дозволенія; 1787 года». Пекарскій (Наука и литер. при Петрѣ В. т. II, стр. 632) приписываетъ этотъ переводъ В. С. Подшивалову, свѣдѣнія о которомъ будутъ сообщены ниже (см. LIV).

XX. Дмитревскій Иванъ Ивановичъ.

Березинъ-Ширяевъ, «Матеріалы», Спб. 1884, стр. 439.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь», т. XX, стр. 775.

Геннади, «Справ. словарь», т. I, стр. 307.

Евгеній, «Словарь», т. I, стр. 185.

Краткое начертаніе жизни и трудовъ сочинителя книги: «Изъясненіе на Литургію и проч.» М. 1816.

Прозоровъ, «Систем указатель», отд. II, № 818, стр. 48.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.», ч. III № 4682, стр. 204.

Филаретъ, «Обзоръ», т. II, стр. 184

Дмитревскій Иванъ Ивановичъ, писатель, родился въ 1754 г., учился въ Рязанской семинаріи и въ Московской дух. акад., служилъ въ Рязанской семинаріи

(1778 г.) и консисторіи, позже былъ переводчикомъ въ синодѣ и секретаремъ Тамбовской консисторіи (1790 г.). Въ 1800 г. поступилъ въ Московскій университетъ учителемъ этимологическихъ классовъ; въ 1805 г. былъ уволенъ отъ этой должности. Дмитревскій дожилъ до глубокой старости, много занимаясь переводами съ франц., нѣмецкаго и греч. яз.; писалъ также оригинальныя сочиненія по богословію и исторіи.

32) «Ісократа, Аѳинейскаго оратора и философа, политическія рѣчи о должностяхъ какъ всякаго человѣка въ разсужденіи приватнаго и гражданскаго состоянія, такъ и царствующихъ особъ о благополучномъ управленіи государства; пер. съ греч. Спб. 1789 8°».

Въ 1836 г. этотъ переводъ Ив. Дмитревскаго съ дополненіями и примѣчаніями былъ переизданъ въ Москвѣ его сыномъ Михаиломъ Дмитревскимъ (Смирдинъ, 3-е приб. № 12833, стр. 41). Кромѣ перевода Исократа, Ивану Дмитревскому принадлежитъ переводъ, сдѣланный вмѣстѣ съ Як. Дружининымъ, шестой части соч. Бартелеми (1716—1795). «Путешествія младшаго Анахарсиса по Греціи» (Спб. 1804—1809), см. Сопиковъ ч. IV, № 9158, стр. 237 сл. и Прозоровъ, отд. IX, № 38, стр. 194; ср. нашего указателя XLV, 62 въ концѣ.

XXI. Евгеній Булгарисъ 1716—1806.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь», т. XXI, стр. 413.

Верещагинъ, «Русск. илл. изданія», № 81, стр. 28.

Геннади, «Справ. словарь», т. I, стр. 330.

Нагуевскій, «Библіогр.», №№ 337—338, стр. 18.

Соловьевъ, «Біографія» (Странникъ 1867, т. III, № 7, стр. 1—19).

Евгеній (Елевѳерій) Булгарисъ, замѣчательный ученый (1716—1806), родился на о—вѣ Корѳу (гдѣ родился и С. Ю. Дестунисъ, извѣстный переводчикъ біографій Плутарха на русскій яз.) въ огречившейся болгарской семьѣ. Принявъ монашество, Евгеній Булгарисъ поступилъ въ Падуанскій университетъ, гдѣ прекрасно изучилъ языки латинскій, итальянскій, французскій и еврейскій; былъ затѣмъ проповѣдникомъ въ Венеціи, потомъ учителемъ въ разныхъ городахъ Европы и, между прочимъ, въ Константинополѣ. Уже въ зрѣломъ возрастѣ Евгеній Булгарисъ посѣщалъ нѣсколько лѣтъ Лейпцигскій университетъ. Для Екатерины II онъ перевелъ на греческій языкъ «Наказъ» и вскорѣ затѣмъ, принявъ русское подданство, сдѣлался библіотекаремъ Императрицы. По личному желанію Екатерины II Евгеній Булгарисъ перевелъ гекзаметрами на греч. языкъ «Георгики» (1786 г.) и «Энеиду» (1791—93 г.) Виргилія. Въ 1775 г. онъ былъ назначенъ архіепископомъ вновь учрежденной епархіи славянской и херсонской, а въ 1779 г. былъ уволенъ на покой съ пенсіею; умеръ 27 мая 1806 года.

Мы упоминаемъ о Евгеніи Булгарисѣ потому гл. обр., что онъ принималъ непосредственное участіе въ переводѣ Анакреона, предпринятомъ Н. А. Львовымъ и вышедшемъ въ 1794 г. въ Спб. [27]), и также потому, что Евгеній Булгарисъ игралъ важную роль въ жизни И. И. Мартынова (1771—1833), нашего славнаго эллиниста, неутомимаго переводчика многихъ греческихъ классиковъ.

Мартыновъ учился въ Полтавской семинаріи, основанной Евгеніемъ Булгарисомъ; живя въ Петербургѣ и

---

[27]) См. XXXVIII, 50.

будучи воспитанникомъ Александро-Невской семинаріи и затѣмъ учителемъ греч. языка въ ней, Мартыновъ былъ знакомъ только съ Евгеніемъ Вулгарисомъ, который, тогда уже старикъ, любовно бесѣдовалъ съ воспитанникомъ основанной имъ семинаріи о Виргиліи, Горацiи, Софоклѣ и Гомерѣ и посѣялъ немало добрыхъ сѣмянъ въ этомъ самоотверженномъ труженикѣ на поприщѣ популяризаціи въ нашемъ отечествѣ лучшихъ памятниковъ древнеэллинской литературы.

XXII. Екимовъ Петръ.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь», т. XXII, стр. 589.

Геннади, «Справ. словарь», т. I, стр. 341.

Прозоровъ. «Систем указатель», отд. II, № 409. стр. 27.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.», ч. IV, № 8649. стр. 182.

Екимовъ Петръ—переводчикъ XVIII в., переведшій съ греч. языка прозой «Иліаду» Гомера.

Переводомъ Екимова много пользовался Гнѣдичъ.

33. «Омировыхъ твореній часть I, содержащая въ себѣ двенадцать пѣсенъ Иліады. Перевелъ съ греческаго языка Коллежскій Секретарь Петръ Екимовъ. При Императорской Академіи наукъ 1776 года. 8⁰ стр. 4 нен+406. II-я часть имѣетъ такое заглавіе:

«Омировой Иліады часть II-я, содержащая въ себѣ послѣднія двенатцать пѣсенъ. Перевелъ съ греческаго языка Коллежскій Секретарь Петръ Екимовъ. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи наукъ, 1778 года 8⁰ стр. 433».

Въ концѣ этой части напечатано: «Конецъ Омировой Иліады, стиховъ имѣетъ 17043».

У Геннади дано невѣрное заглавіе книги. Всѣхъ примѣчаній въ переводѣ Екимова 10 и всѣ они находятся въ I-ой части; въ нихъ объясняются имена собственныя и предметы древностей; лишь одно примѣчаніе имѣетъ субъективный характеръ.

Въ I-ой части на стр. 1—4 нен. помѣщена «Жизнь Омира»; въ ней на стр. 4, между прочимъ, читаемъ: «Творенія Омира суть сіи (1) Иліада, въ которой баснословно описывается Троянская брань, чрезъ что показываетъ тѣлесную храбрость и бодрость; (2) Одиссея, или странствованіе Улиссово, бывшее послѣ Троянской брани: здѣ изображается величество и крѣпость духа; (3) нѣсколько похвальныхъ пѣсенъ въ честь боговъ.

Предъ переводомъ каждой пѣсни дается краткое изложеніе ея содержанія.

Языкъ перевода мѣстами чисто евангельскій. Приводимъ выдержки изъ этого перевода. Ч. I, стр. 33 (въ концѣ I-ой пѣсни): «никакой не будетъ въ нашихъ ликованіяхъ сладости, ибо благое всегда препобѣждаемо есть злымъ. Но ты и матерь дражайшая! хотя и вся тебѣ извѣстна суть, пріими совѣты мои: не раздражай любезнаго нашего отца, да не паки прогнѣвается на насъ, и радостную сію бесѣду смятетъ; всесиленъ бо есть держащій въ рукѣ своей молнію, и внегда восхощетъ, можетъ потрясти всю твердь небесную; но ты услади его твоими пріятными словами, и абіе умилостивленъ будетъ отецъ нашъ небесный». Ч. I, стр 198—202 (изъ VI-ой пѣсни «Прощаніе Гектора съ Андромахой»): «Андромаха приближася и падши на выю мужа со слезами ему вѣщаетъ: возлюбленный мой! погубитъ тя крѣпость твоя, ты же не жалѣеши ниже о младенцѣ семъ, ниже о мнѣ несчастной имущей вскорѣ быти твоею вдовицею? Ибо Ахеяне совокупными силами со-

дѣлавъ противо тебя единаго стремительное нападеніе вскорѣ убіютъ тебя. Мнѣ же оставленной полезнѣе было бы низыти въ землю: ибо не будетъ мнѣ иного утѣшенія, когда тебя смерть похититъ, но печаль снѣсть мя... Ты Екторъ мнѣ отецъ, матерь, братъ и дражащій мужъ! сотвори убо милость, пребуди здѣ на стражницѣ, не содѣлай сына твоего сирымъ и меня вдовицей..

Екторъ на сіе отвѣщевая реклъ ей: воистину и я о всемъ томъ великое имѣю попеченіе; но зѣло стыжуся Троянъ и женъ ихъ, да не возмнятъ о мнѣ, что страхомъ и унынiемъ одержимъ убѣгаю отъ брани, ниже сердце возможетъ мнѣ сіе совѣщати: ибо изъ млада навыклъ быти неустрашимымъ, и перьвымъ всегда между Троянами ратовати, стяжевая отцу моему и мнѣ великую славу. Знаю совершенно, предразумѣваетъ же и сердце мое, что будетъ день, въ который погибнетъ священная Троя (ср. у. Гнѣдича VI ст. 449).

. . . Не снѣдается мое сердце печалію толико, колико о тебѣ, когда слезящую поведутъ тебя Ахеяне въ плѣнъ, лишая на вѣкъ дней свободныхъ, и когда въ Аргивской странѣ въ чуждемъ домѣ будеши прясти ленъ и носити воду отъ источниковъ Мессида и Иперіи, аще и не хотящая; ибо будетъ належати нужда зѣльная; и тогда видящіи проливающую тя слезы возглаголютъ: се жена храбраго онаго Троянскаго ратоборца Ектора; тако нѣкогда рекутъ, и тогда болѣзнь твою паки возобновиши, поминая лишеніе толикаго мужа, который бы моглъ тебя изкупити отъ работы; но да сокроетъ мя мертваго земля въ свои нѣдра прежде, неже услышати мнѣ плѣнъ и стенаніе твое»...

Вземъ въ руки малютку сына и творя молитву, Гекторъ сказалъ: «се сынъ, достойнѣйшій паче отца! да не возвратится тощъ отъ брани; но да привесетъ

съ собою корысти обагренные кровью врага убитаго рукою его, и о семъ да возвеселится сердцемъ матерь его».

Обнимая затѣмъ Андромаху, Гекторъ такъ ее утѣшалъ: «возлюбленная! не сокрушай сердца твоего меня ради; ибо не снидетъ человѣкъ во адъ, доколѣ рокъ его не пошлетъ: всякъ же получившій рожденіе злый или благій, никако не возможетъ избѣжати смерти»...

XXIII. Ждановъ П. [23]) В.

Геннади, «Справ. словарь», т. II, стр. 2.

Прозоровъ, «Систем. указатель», отд. II, № 827, стр. 48.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.», ч. III, № 4967—8, стр. 244 – 245.

П. В. Ждановъ, переводчикъ XVIII в., въ книгѣ «Іосифа Флавіа древности Іудейскія пер. Мих. Самуйловымъ. (Спб. 1779—1783, см. LXVII, 96) перевелъ первое приложеніе «О древностяхъ іудейскихъ противъ Аппіона» (см. Спб. изд. 1795 года, ч. III, стр. 345 – 424).

Библіографы Сопиковъ, Геннади и Прозоровъ единогласно, но ошибочно пишутъ: «Л. В. Ждановъ»; ту же ошибку допускаетъ и Рогожинъ въ «Указ. къ Сопикову» стр 141.

XXIV. Золотницкій Владиміръ Трофимовичъ.

Асковенскій, (Кіевъ), т. II, стр. 199.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь», т. XXIV, стр. 636.

---

[23]) Ждановъ Прохоръ, какъ можно предполагать на основаніи данныхъ у Сопикова ч. IV, № 10388, стр. 387,— составилъ также англійско-русскій словарь, вышедшій въ 1784 г.

Геннади, «Справ. словарь», т II, стр 83.

Евгеній, «словарь».

Нагуевскій, «Библіогр». № 580, стр. 32.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.», ч. II, № 3531, стр. 391.

Филаретъ, «Обзоръ», т. II, стр. 91.

Золотницкій Владиміръ Трофимовичъ родился въ 1741 г. въ Кіевской губерніи, учился въ Кіевской академіи и Московскомъ университетѣ на философскомъ факультетѣ, былъ учителемъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ переводчикомъ въ Московской камеръ-коллегіи. Въ 1771 г. Золотницкій перешелъ въ военную службу и умеръ въ чинѣ полковника Днѣпровскаго инженернаго полка; много писалъ по богословію и философіи, сочинялъ стихи и басни; переводилъ съ нѣмецкаго яз.; участвовалъ въ качествѣ переводчика въ журналахъ: «Полезное увеселеніе» и «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія».

34) «Духъ Сенеки, или изрядныя нравоучительныя разсужденія сего великаго философа; перевелъ съ нѣмецкаго Владиміръ Золотницкій. Москва 1765. 12°».

Золотницкій также перевелъ съ нѣм. яз. сочиненіе Лудовика Голберга (Holberg L. 1684—1754) «Исторія разныхъ героинь и другихъ славныхъ женъ 2 части Спб. 1767—1768. 8°». (См. Прозоровъ, отд. VII. № 247. стр. 161; Сопиковъ ч. III, № 4878, стр. 231).

XXV. И. В. см. Ф. И. (LXXXIII).

XXVI. Ильинскій Михаилъ Ивановичъ.

Березинъ-Ширяевъ, «Обзоръ книгъ», Спб. 1896, стр. 119.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь», т. XXIV, стр. 943.

Верещагинъ, «Русск. илл. изд.», № 869, стр. 243—244.

Геннади, «Справ. словарь», т. II, стр. 55.

Евгеній, «Словарь», т. I, стр. 247.

Нагуевскій, «Библ.», №№ 658—659, стр. 37.

Пекарскій, «Ист. Импер. Акад. Наукъ, т. I, стр. 220, 403 сл., 638; т. II, стр. 90 сл.; 335 сл.;

Рогожинъ, «Указатель къ Сопикову», къ №№ 3963—3964, стр. 227.

Смирдинъ, «Роспись росс. книг. № 3259, стр. 249.

Смирновъ, «Ист. троицк. сем.», стр. 492—495.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.», ч. III №№ 3963—3964, стр. 78 и ч. IV, № 10153, стр. 360; ч. III, № 5156, стр. 275 сл.

Ильинскій Михаилъ Ивановичъ, сынъ священника Сергіева посада, ученикъ (1743—1759) Троицкой семинаріи, затѣмъ былъ учителемъ Ярославской семинаріи, а съ 1765 г.—Троицкой, въ которой въ 1766 г. былъ опредѣленъ префектомъ и библіотекаремъ; въ этомъ же году выбылъ изъ семинаріи. Впослѣдствіи былъ секретаремъ въ Московской дух. консисторіи (1779 г.) и въ 1780 г. протоколистомъ синодальной конторы. Умеръ 14 мая 1795 года. Переводилъ съ латинскаго яз. Светонія, Клавдіана и другія сочиненія позднѣйшаго времени и написалъ одинъ оригинальный трудъ по исторіи.

35) «К. Светонія Транквилла жизни двенадцати первыхъ Цесарей Римскихъ. Переведены съ латинскаго языка на Россійской Титулярнымъ Совѣтникомъ и Троицкой семинаріи Префектомъ Михайломъ Ильинскимъ. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 1776 года. Часть I, 8°, стр. 393. Часть II. 8° стр. 255.

Въ «Энц. словарѣ» Брокгауза заглавіе этой книги дано невѣрно.

Переводъ безъ предисловія. Въ I-й части помѣщены четыре жизнеописанія (Цесарь, Августъ, Тиверій, Калигула); II часть заключаетъ остальныя 8 жизнеописаній (Клавдій, Неронъ, Гальба, Отонъ, Вителій, Веспасіанъ, Титъ, Домитіанъ). Нѣсколько мѣстъ оставлены безъ перевода,—такъ, въ біографіи Цезаря опущена вся 49 глава (и часть главы 52-й) «для непристойнаго ея содержанія», въ біографіи Августа опущена гл. 68-я, въ біографіи Тиберія опущены двѣ главы—43 и 44 «какъ для неблагопристойнаго, такъ и нестаточнаго оныхъ содержанія, тѣмъ наипаче, что и самъ сочинитель признается, что тому нетолько повѣрить, но и объявить и слышать оное едва ли благопристойность дозволяетъ», замѣчаетъ переводчикъ въ своихъ примѣчаніяхъ. Количество послѣднихъ очень не велико, особенно для такого писателя, какъ Светоній.

Всѣхъ примѣчаній около 50 [29]) и касаются они преимущественно опредѣленія цѣнности римскихъ денегъ или вкратцѣ разъясняютъ нѣкоторые термины изъ римскихъ древностей, примѣнительно къ современности, напр. прим. къ Aug. cap. 37 (ч. I, стр. 145) гласитъ: «Praefectura urbis сходствуетъ, кажется, нѣсколько съ должностію нашего коммендаита соединенною и съ частью должности полицеймейстера», или прим. къ Ner. cap. 16 (часть II, стр. 84): «Pantomimi—игроки, представлявшіе всякородные потѣхи», къ Vitell. cap. 14 (ч. II, стр. 210) читаемъ: «Вителлій склоненъ былъ къ ристальникамъ голубой артели».

Восемнадцатью годами позже этого перевода Светонія вышло въ Москвѣ сочиненіе подъ слѣд. заглавіемъ:

[29]) Въ новѣйшемъ переводѣ Светонія, исполненномъ В. Алексѣевымъ (Спб. 1904) около 500 примѣчаній.

36) «Жизни и дѣянія двенадцати первыхъ Цесарей Римскихъ, со изображеніями ихъ лицъ предъ описаніемъ каждаго. Москва. Въ вольной типографіи М. Пономарева 1794. Съ указнаго дозволенія. 4° стр. 165».

Частей въ этой книгѣ, повидимому, двѣ, какъ можно догадываться изъ типографскихъ значковъ (листы 1—18 отнесены къ I-ой части, а 19—20 ко II-й). Въ этомъ изданіи къ біографіи каждаго императора приложено въ началѣ его гравированное изображеніе величиною въ листъ; на этихъ изображеніяхъ всѣ императоры представлены сидящими на коняхъ; позы коней изображены очень живо: большая часть поднялись на дыбы. Означенное изданіе въ томъ же году (1794) вышло въ Москвѣ вторично изъ типографіи Зеленникова въ 2-хъ частяхъ въ листъ. Оба эти изданія представляютъ собою не самостоятельный переводъ, а извлеченіе изъ академическаго перевода Светонія, сдѣланнаго Ильинскимъ въ Спб. въ 1776 году, что доказывается, между прочимъ, какъ сходствомъ подстрочныхъ примѣчаній (ср. напр., прим. на стр. 111, изд. вышедшаго изъ типографіи Пономарева и у Ильинскаго во II-ой части стр. 105), такъ и сравненіемъ разныхъ мѣстъ перевода, напр. Caes. cap. 38 (стр. 42 у Ильинскаго въ I ч. и стр. 13 изд. тип. Пономарева), Caes. cap. 56 (стр. 60 у Ильинскаго ч. I, и стр. 16 изд. тип. Пономарева), Aug cap. 65 ср. переводъ стиховъ Гомера (стр. 180 у Ильинскаго ч. I. и стр. 42 изд. тип. Пономарева). Кое-гдѣ переводъ нѣсколько исправленъ. Въ извлеченіяхъ дѣленія на главы отсутствуютъ. Въ изданіи Пономарева біографіи императоровъ распредѣлены на слѣд. страницахъ: Цесарь на стр. 3—23, Августъ на стр. 25—49, Тиверій на стр. 51—69, Калигула на стр. 71—87, Клавдій на стр. 89—103, Неронъ на

стр. 103—120, Гальба на стр. 121—126, Отонъ на стр. 127—131, Вителлій на стр. 133—139, Веспасіанъ на стр. 141—149, Титъ на стр. 151—155 и Домитіанъ на стр. 157—165.

Верещагинъ («Русск. илл. изд.» № °869, стр. 243—244) не знаетъ иллюстрированнаго изданія изъ типографіи Пономарева.

37) «Клавдіанъ. Творенія. Съ латинскаго преложены стихами Михайломъ Ильинскимъ. Часть I-я. Спб. 1782. 4°». Въ указателѣ Нагуевскаго это сочиненіе опущено.

XXVII. Кантемиръ Антіохъ Дмитріевичъ князь (1708—1744).

Хотя дѣятельность Кантемира и не относится къ эпохѣ Екатерины II, но мы упоминаемъ о немъ потому, что сдѣланный имъ переводъ писемъ Горація появился во второмъ своемъ изданіи въ 1788 году подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

38) «Квинта Горація Флакка десять писемъ первой книги. Переведены съ Латинскихъ стиховъ на Руские и примѣчаніями изъяснены отъ знатнаго нѣкотораго охотника до стихотворства съ пріобщеннымъ при томъ письмомъ о сложенія Рускихъ стиховъ. Вторымъ тисненіемъ. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 1788 года 4° стр. 123». Переводу писемъ Горація (стр. 30—123) предпослано съ обращеніемъ (стр. 5—6) «Письмо Харитона Макентина содержащее правила рускаго стихосложенія» (стр 7—29) въ пяти главахъ: глава I. О родахъ стиховъ §§ 1—7 (стр. 7—9), глава II. О выборѣ риѳмъ §§ 8—14 (стр. 9—10), глава III О вольностяхъ риѳмъ §§ 15—18 (стр. 10—12)

глава IV. О мѣрѣ стиховъ §§ 19—65 (стр. 12—26), глава V. О вольностяхъ въ мѣрѣ стиховъ §§ 66—83 (стр. 26—29).

Исторія выхода въ свѣтъ I-го изданія этого перевода (Спб. 1744) описана у Пекарскаго («Ист. Импер. Акад. Наукъ» т. II, стр. 91 сля.); самая же книга описана у Губерти, «Матеріалы» т. I, № 50, стр. 89—92.

XXVIII. Каржавинъ Ѳедоръ Васильевичъ (1745—1812).

Автобіографія, напеч. С. Дуровымъ въ «Русск. Стар.» XII (1875, № 2).

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь», т. XXVIII, стр. 493.

Геннади, «Справ. словарь», т. II, стр. 116 сл.

Сборникъ II отд. акад. наукъ т. IX.

Смирновъ, Истор. Троицко-лаврской семинаріи.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. II, № 2065, стр. 37 и № 2513, стр. 199.

Каржавинъ Ѳедоръ Васильевичъ, сынъ петербургскаго купца, родился 20 января 1745 года, учился въ парижскомъ университетѣ, служилъ при русскихъ посольствахъ. Вернувшись въ Россію въ 1766 г., Каржавинъ вышелъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и преподавалъ два года (1767—1769) французскій яз. въ Троицкой семинаріи, потомъ содержалъ частную школу; находился въ вѣдомствѣ кремлевской экспедиціи въ качествѣ архитекторскаго помощника до 1773 г., когда вышелъ въ отставку и отправился снова за границу. Здѣсь начались его странствованія: въ 1776 г. Каржавинъ находился на о—вѣ Мартиникѣ и потомъ въ Америкѣ до 1787 г.; жизнь его, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своей автобіографіи, протекла въ разнообраз-

ныхъ занятіяхъ и странствіяхъ. По вторичномъ возвращеніи въ Россію въ 1797 г. Каржавинъ снова поступилъ на службу и былъ переводчикомъ коллегіи иностран. дѣлъ. Умеръ въ 1812 году. Каржавинъ много переводилъ съ французскаго яз., особенно книгъ облегчающихъ усвоеніе этого языка; переводилъ также и съ англійскаго языка.

Приверженецъ идей XVIII в., Каржавинъ по своему всестороннему образованію былъ одинъ изъ передовыхъ людей своего времени. Послѣ него осталось въ рукописи, между прочими, сочиненіе: «Сравненіе древней архитектуры съ новой». Напечатано:

39) «Сокращенный Витрувій, или совершенный Архитекторъ; перевелъ съ французскаго Өедоръ Каржавинъ, съ фигурами. Москва 1789. 8°». Каржавинъ принималъ участіе въ переводѣ Витрувія, исполненномъ Баженовымъ (см. VIII, 12); но ему не принадлежитъ переводъ книги:

«Любопытное открытіе города Геркулана, поглощеннаго страшнымъ изверженіемъ горы Везувія; и бывшаго подъ землею около 1700 лѣтъ, собранное изъ разныхъ писателей; перев. съ франц. В. Березайскій Спб. 1789, 8°. Изд. 2-е Спб. 1795, 8°». (Сопиковъ ч. IV, № 7988—9, стр. 106), хотя авторъ его (Каржавина) біографіи, помѣщенной въ «Энц. словарѣ» Брокгауза, и этотъ переводъ приписалъ Каржавину.

XXIX. Козицкій Григорій Васильевичъ † 1775 г.

Березинъ-Ширяевъ, «Матеріалы» т. II, стр. 39.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. XXX, стр. 599 сл. ст. Н. Т.

Геннади, «Справ. словарь» т. II, стр. 148.

Дмитревскій, «Извѣстіе».

Евгеній, «Словарь» т. I, стр. 296.

Нагуевскій, «Библіогр.» № 361, стр. 19.

Пекарскій, «Ист. Импер. Акад. Наукъ» т. I. стр. 275 и 581; т. II passim.

Пекарскій, «Матеріалы для ист. журн. и лит. дѣят. Екатерины II» т. II, стр. 5—6.

Пекарскій, «Редакторы, сотрудники и цензура въ рус. журналѣ 1755—64 г.г.», стр. 37—38.

Прозоровъ, «Системат. указатель» отдѣлъ II, №№ 261—262, 911, 952—953, 1000—1284.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. IV, № 7005, стр. 9.

Тихонравовъ, «Лѣтописи русск. лит. и древности» т. III—IV.

Филаретъ, «Обзоръ», т. II, стр. 96.

Козицкій Григорій Васильевичъ, литературный дѣятель Екатерининской эпохи и, такъ сказать, сподвижникъ Императрицы на литературномъ поприщѣ, происходилъ изъ малороссовъ, учился въ Кіевской духовн. академіи и заграницей — въ Бреславлѣ и Лейпцигѣ (1747—1756). Возвратившись изъ-за границы, Козицкій въ 1759 г. былъ назначенъ учителемъ въ высшій латинскій классъ академической гимназіи; въ 1763 г. былъ назначенъ секретаремъ для корреспонденцій съ иностранными государствами, а съ 1768 г. былъ секретаремъ «у принятія челобитенъ». Учителемъ Козицкаго былъ нашъ академикъ Гейнзіусъ († 1769 г.). Козицкій хорошо зналъ древніе яз., переводилъ въ «Трудолюбивой Пчелѣ» и «Ежем. Соч.» изъ Мосха, Біона, Лукіана, Ксенофонта, Ливія, Лукана, Овидія и Сафо. Лишилъ себя жизни въ Бреславлѣ 21 декабря 1775 года.

40) «Публія Овидія Насона превращенія переве-

денныя съ Латинскаго на Россійской языкъ. Въ Санктпетербургѣ. При Императорской Академіи наукъ 1772 г. 8⁰ стр. 134 (послѣдняя стр. невѣрно отмѣчена 114-ой вм. 134)».

Эта небольшая книжка съ надписью—посвященіемъ: «Любителямъ словесныхъ наукъ, изящныхъ художествъ и россійскаго языка труды сіи посвящаются», содержитъ въ себѣ переводъ первыхъ двухъ книгъ «Превращеній» Овидія Однако нужно замѣтить, что сначала была издана только I-я книга подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

«Публія Овидіа Насона превращенія, переведенныя съ латинскаго на россійской языкъ (прозою) Григоріемъ Ковицкимъ. Книга первая 1772 г. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 8⁰ стр. 65».

I-я книга (стр. 1—65) раздѣлена на 9 статей съ отдѣльными подробными заголовками къ каждой статьѣ. Во II-ой книгѣ (стр. 67--134) семь статей также съ обстоятельнымъ изложеніемъ содержанія въ видѣ отдѣльныхъ заголовковъ. Въ книгѣ одно примѣчаніе на стр 110 по поводу славянскаго написанія «вранъ» (къ кн. II, ст. III).

Имя переводчика, знатока латинскаго языка и писателя, ручается за достоинство этого труда; приходится лишь сожалѣть, что переводчикъ ограничился передачей только двухъ книгъ «Превращеній» Овидія, особенно если принять во вниманіе, что другіе переводы Овидія того времени (Майкова и Рембовскаго [30]) сдѣланы не съ латинскаго языка.

XXX. Колоколовъ Өедоръ.

Геннади, «Справ. словарь» т. II, стр. 151.

---

[30]) См. XXXIX, 52 и LXIV, 90.

Рогожинъ, Указатель къ Сопикову стр. 147.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. IV, № 7000, стр. 9.

41) «Публія Овидія Назона избраннѣйшія печальныя елегіи. Преложены прозою въ Твери Өдрмъ Клклвмъ. Съ дозволенія Указнаго. Смоленскъ. Въ Типографіи Приказа Общественнаго призренія 1796 года. 8⁰ стр. 16 нен.+290» (всѣ страницы обрамлены).

У Геннади заглавіе книги приведено невѣрно. Изъ «посвященія» Генералъ-маіору, Тверскаго Намѣстничества правителю, А. В. Поликарпову видно, что переводчикомъ былъ Өедоръ Колоколовъ.

Наши скудныя свѣдѣнія о личности этого переводчика до нѣкоторой степени можетъ пополнить краткое, но очень трогательное посвященіе (стр. 1—2), за которымъ идетъ обращеніе къ благосклонному читателю (стр. 3—7), носящее чисто субъективный и философскій характеръ и имѣющее глубокій смыслъ. Позволяемъ себѣ выписать изъ означеннаго посвященія нѣкоторыя мѣста. «Благосклонный читатель! Цѣль моя, съ которою я въ досужное время упражнялся въ преложеніи печальныхъ Назоновыхъ Елегіевъ прозою, была единственно домашняя утѣха моя въ злосчастной нѣкоей долѣ моей.—Подлинно ядъ скуки, разлившійся коварною рукою по всѣмъ членамъ моимъ, расторгалъ спокойныя движенія сердца моего, но острыя вспиденія ума сего сладчайшаго пѣснопѣвца, пылкій оборотъ его мыслей, его неподражаемое витійство, его непринужденныя, но свободною струею тѣкущія прекрасныя мнѣнія, и самыя печальныя ощущенія его, по многимъ видамъ сообразныя чувствованіямъ моимъ, наполняли духъ мой, во время стенаній моихъ, чистымъ и несмущеннымъ веселіемъ».

Далѣе, перечисляя всѣ великія ума и сердца достоинства Овидія: его глубокую политику, его проницательность въ исторіи сердца человѣческаго, его благопокореніе высочайшей власти, изображаемую имъ картину взаимныхъ обязательствъ супружескаго ложа, переводчикъ въ заключеніе говоритъ: «Ты узришь наконецъ въ медоточномъ пѣснопѣвцѣ семъ, существенныя должности родителей къ дѣтямъ своимъ, а особливо въ томъ отношеніи, чтобъ при воспитаніи, дары душевныя всегда предпочитать дарамъ тѣлеснымъ и дарамъ счастья...

Подлинно, судя по счастливой плодовитости безсмертнаго сего ума, можно неоспоримо сказать, что несчастія разумнаго человѣка, никогда не могутъ быть велики. Онъ при самомъ отчаяніи, самъ въ себѣ находитъ утѣшеніе. Разсужденія, которыя онъ можетъ имѣть о своихъ несчастіяхъ, примѣры злоключеніевъ, которыя онъ себѣ представляетъ, и всѣ коловратности міра сего, производятъ въ немъ неисчерпаемый ключь утѣшенія, котораго нѣтъ у людей не столь разумныхъ Тѣ, которые позорище свѣта пріятнымъ себѣ воображаютъ, увеличивая онаго тлѣнность, тщетно разсуждаютъ о пріятностяхъ его, и не могутъ ничѣмъ умѣрить печали, увеличенной словами»...

Въ концѣ своего обращенія къ читателю переводчикъ высказываетъ сожалѣніе, что не имѣлъ подъ руками хорошаго изданія Овидія, и проситъ читателя быть къ его труду снисходительнымъ.

За обращеніемъ къ читателю слѣдуетъ «Краткое начертаніе жизни сочинителевой» (нен. стр. 8—14), послѣ котораго уже на нумерованныхъ страницахъ (1—290) помѣщенъ переводъ элегій.

Всѣхъ переведенныхъ элегій 26; прозаическому

переводу каждой изъ нихъ предшествуетъ обстоятельное изложеніе содержанія; въ переводѣ стихи не означены. Переведены слѣд. элегіи, которыя мы цитуемъ по стереотипному изд. Овидія Меркеля (vol. III, Lipsiae 1889) въ томъ порядкѣ, какъ они слѣдуютъ въ переводѣ Колоколова: Trist. lib. II; IV, 10, I, 3; I, 2; Epist. ex Ponto III, 1; Trist. I, 6; IV, 3; V, 2; III, 3; V, 14; V, II, V, 5; III, 13; Epist. ex Ponto I, 4; Trist. III, 8; III, 7; IV, 8; IV, 6; Epist. ex Ponto III, 8; Trist. V, 4; IV, 7; III, 4; I, 8; V, 8; III, 11, IV, 1.

Въ заключеніи приложенъ переводъ отрывка изъ поэмы Ibis. (v.v. 1—92) «Участокъ творенія Овидіева, писаннаго имъ на врага» (стр. 282—290) [31]).

Переводъ г. Колоколова снабженъ примѣчаніями въ достаточномъ количествѣ (всего около 130); примѣчанія эти обстоятельно разъясняютъ текстъ со стороны миѳологической, географической, реторической и, главнымъ образомъ, литературной, касаясь личности самого Овидія. Языкъ перевода очень хорошъ.

Такимъ образомъ изъ выше приведеннаго обращенія къ читателю видно, что Ѳедоръ Колоколовъ нисколько не походилъ на обычныхъ, такъ сказать, оффиціальныхъ переводчиковъ: онъ переводилъ элегіи Овидія, потому что въ этомъ переводѣ находилъ источникъ наслажденія, и печально настроенная муза римскаго поэта-изгнанника, какъ нельзя, болѣе гармонировала съ тревожнымъ душевнымъ состояніемъ русскаго переводчика, судьба котораго, какъ можно догадываться, не была завидной.

---

[31]) Нагуевскій, не видавшій перевода Колоколова, очевидно, и не подозрѣвалъ существованія поэмы «Ibis» въ русскомъ переводѣ XVIII вѣка (ср. «Библіографія» стр. 19 сл.).

Вообще говоря, переводъ Колоколова представляетъ собою крупное явленіе въ нашей переводной литературѣ конца XVIII вѣка и является лучшимъ изъ немногочисленныхъ провинціальныхъ изданій.

XXXI. Комовъ Григорій.

Геннади, «Справ. словарь» т II, стр. 155.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. V, № 12536, стр. 105.

Комовъ Григорій, переводчикъ конца XVIII вѣка, извѣстенъ какъ авторъ сочиненія о картежной игрѣ, вышедшаго въ Спб. въ 1778—1779 г.г. въ 2-хъ частяхъ.

42) «М. Туллія Цицерона о естествѣ боговъ три книги переведены съ Латинскаго языка Григорьемъ Комовымъ. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1779 года 8° стр. 8 нен.+204».

Въ «Предувѣдомленіи» (стр. 1—8 нен.) сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія о Цицеронѣ и его литературной дѣятельности въ связи съ политическими событіями того времени; въ заключеніи предлагается краткое содержаніе переведеннаго сочиненія.

Въ этой книгѣ нѣтъ ни указателя, ни изложенія содержанія; отсутствуютъ и примѣчанія. Встрѣчающіяся у Цицерона цитаты изъ поэтовъ переданы переводчикомъ въ стихотворной, довольно красивой, формѣ (ср. стр 41, 113 сл.; 147, 186 слл., 190 слл., 195 и 201).

XXXII. Кондратовичъ Киріакъ Андреевичъ.

Асночевскій В., Кіевъ т. II, стр. 57.

Bacmeister, «Russ. Bibl.» V. p. 74.

Билярскій, «Матеріалы для біографіи Ломоносова».

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. XXX, стр. 938 ст. Л. Н. П.

Геннади, «Справ. словарь» т. II, стр. 157.

Евгеній, «Словарь» т. I, стр. 299.

Нагуевскій, «Библіогр.» № 145, стр 9.

Пекарскій, «Ист. Имп. Акад Наукъ» т. II, стр. 372—374.

Пекарскій, «Современникъ» т. 64 (1858, № 6), I, стр. 452—484.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. V, № 12533, стр. 105.

Тихонравовъ, «Библ. Зап.» т. I (1858, № 8).

Чтенія въ Общ. ист. 1867, № 3 (Прошеніе Кондратовича къ Императрицѣ).

Кондратовичъ Киріакъ Андреевичъ, малороссъ, учился въ Кіевской академіи. По окончаніи курса въ 1728 г. пишетъ онъ самъ (см. Дополненіе академіи наукъ 1766 г. въ «Современникѣ» 1858, № VI, 1, стр. 477), опричь обученія семинаристовъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ черезъ два года латинскому языку, былъ я при дворѣ Императрицы Анны Іоанновны «придворнымъ философомъ» два года. Въ 1733 г. Кондратовичъ былъ отправленъ къ Ѳеофану Прокоповичу, у котораго занимался переводами; въ 1734 г. былъ откомандированъ въ Екатеринбургъ къ Татищеву, по указанію котораго дѣлалъ переводы и обучалъ лат. языку дѣтей церковныхъ и мастеровыхъ. Въ Екатеринбургѣ Кондратовичъ прожилъ 9 лѣтъ на иждивеніи гр. Строганова. Въ 1742 г. Кондратовичъ пріѣхалъ въ Спб., гдѣ въ 1743 г. былъ опредѣленъ переводчикомъ при Академіи Наукъ, потомъ учителемъ при академической гимназіи. Кондратовичъ, хотя и дважды въ 1751 сходилъ съ ума, но умеръ въ глубокой старости въ концѣ XVIII в. Его переводы съ

лат. яз. были многочисленны, онъ переводилъ, между прочимъ, нѣкоторые труды академика Байера (1694—1738), составлялъ лексиконы (ботаническій и польско-русскій), писалъ эпиграммы. Изъ классическихъ писателей Кондратовичъ перевелъ «Публія Овидія Насона елегію» изъ первой книги печалей въ «Трудолюбивой Пчелѣ» 1759. «М. Туллія Цицерона 12 отборныхъ рѣчей» отд. изданіе; не напечатаны его переводы «Одиссеи» и «Иліады» Гомера. Переводы Кондратовича писаны тяжелымъ слогомъ.

43) Марка Туллія Цицерона двѣнадцать отборныхъ рѣчей. Печатаны въ Санктпетербургѣ 1767 года. 8° стр. 5 нен.+408+2 нен. (погрѣшности)».

Здѣсь переведены слѣд. рѣчи: I за Архія (стр. 2—25), II за Марцелла (стр. 26—48), III за Лигарія (стр. 49—75), IV за Деіотара (стр. 76—106), V О Манилліевомъ законѣ (стр. 107—158), VI—IX Противъ Катилины (стр. 159—262), X Къ Римлянамъ по возвращеніи изъ изгнанія (стр. 263—285), XI рѣчь въ сенатѣ по возвращеніи изъ изгнанія (стр. 286—322) и XII рѣчь за Милона (стр. 323—408).

Книга посвящена благородному господину «Ивану Петровичу Осокину», директору мѣдныхъ заводовъ, искреннему пріятелю, и дознанному благодѣтелю».

Въ этомъ посвященіи читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: хвалить сего Автора я за излишнее признаваю, ибо онъ жившии въ златомъ вѣкѣ Латыни, всегда и вездѣ первѣйшимъ изъ всѣхъ, въ число классическихъ Авторовъ положенный, всякую похвалу и хвалящихъ и хваливших его превосходитъ».

Въ этой книгѣ попадаются слова применительно къ современности, даже когда идетъ рѣчь объ эпохѣ древняго Рима, таковы: дворянинъ, бургомистръ, свят-

цы (=fasti) и др. Во всей книгѣ только два примѣчанія (на стр. 167 и 384).

Переводъ Кондратовича является въ нашей литературѣ первой наиболѣе цѣльной и крупной попыткой передачи древняго оратора на русскій языкъ.

XXXIII. Костровъ Ермилъ Ивановичъ 1750—1796 г.г.

Бантышъ-Каменскій т. II, (1847), стр. 152—166.

Березинъ-Ширяевъ, «Матеріалы» т. VII, стр. 27.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. XXXI, стр. 404 ст. В. К.

Венгеровъ, «Русская поэзія» II вып.

Верещагинъ, «Русск. Илл. изд.» № 160, стр 52.

Гаевскій, «Современникъ» 1850 г. 22, отд. III.

Геннади, «Справ. словарь» т. II, стр. 167.

Гречъ, «Опытъ», стр. 202.

Губерти, «Матеріалы» в. II. № 26, стр. 49—51.

Евгеній, «Словарь» т. I, стр. 309.

И. Х., Нѣсколько словъ о Костровѣ и о переведенной имъ книгѣ «Апулей» или «Золотой оселъ» Рус. Арх. 1870, № 3.

Морозовъ П. О., «Ерм. Ив. Костровъ. Его жизнь и литерат. дѣятельность». Воронежъ 1876.

Нагуевскій, «Библіогр.» № 657, стр. 37.

Прозоровъ, «Систем. указатель» отд. II, № 410, стр. 27.

Пыпинъ, «Ист. русск. лит.» т. IV (Спб. 1903), стр 118.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. III, № 4313, стр. 161 и ч. IV, № 8650, стр. 182.

Костровъ Ермилъ Ивановичъ родился около 1750 г. и былъ сынъ вятскаго государственнаго крестьянина; учился въ Вятской семинаріи, затѣмъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи и въ Московскомъ университетѣ, гдѣ въ 1787 г. окончилъ курсъ баккалавромъ. Кострову особенно покровительствовалъ кураторъ Моск. университета Мих. Матв. Херасковъ, (1733—1807), который удерживалъ его отъ его порока и не давалъ ему напиваться. Костровъ былъ очень бѣденъ, но честенъ и добръ, милостей онъ не искалъ, хотя и дружилъ со многими высокопоставленными лицами: онъ былъ близокъ къ знаменитому Суворову, которому посвятилъ свой переводъ Оссіана (1792 г.). Екатерина назначила его университетскимъ стихотворцемъ. Еще семинаристомъ Костровъ началъ печатать стихи, потомъ онъ занялся переводами Апулея, Гомера (Иліады) и Оссіана. Умеръ въ 1796 г.

44) «Луція Апулея Платонической секты Философа Превращенія, или Золотой Оселъ. Перевелъ съ латинскаго Императорскаго Московскаго Университета Баккалавръ Ермилъ Костровъ. Часть I. Въ Москвѣ въ университетской Типографіи у Н. Новикова, 1780 года 12° стр. 223. Часть II. Тамъ же 1781 года. 12° стр. 353.

Это изданіе было перепечатано въ Москвѣ въ 1870 г.; о чемъ, однако, умалчиваетъ г. Нагуевскій, очевидно, по невѣдѣнію.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что Пушкинъ «въ садахъ Лицея» читалъ Апулеева «Золотого Осла» въ переводѣ Кострова по изданію Новикова. Въ I-ой части этого изданія помѣщены кн. I—V, въ II-ой кн. VI—XI; предисловія нѣтъ; всѣхъ примѣчаній ок. 90, въ нихъ разъясняются или собственныя имена, или какія-нибудь стороны религіозной жизни древнихъ Рим-

лянъ. Во II-ой части послѣ стр. 112 счетъ невѣренъ: идетъ стр. 123, 124 и т. д. Нѣкоторые экземпляры изданы съ гравированнымъ портретомъ автора, о чемъ однако умалчиваетъ г. Верещагинъ (см. Русск Илл.• изд.).

Переводъ Апулея сдѣланъ простымъ, естественнымъ языкомъ, и читается очень легко.

45) Гомерова Иліада переведенная Ермиломъ Костровымъ. Во градѣ С. Петра. 1787. 4° стр. 4 нен. + 211».

Въ этомъ изданіи мы имѣемъ переводъ только первыхъ шести пѣсенъ «Иліады»; пѣсни VII, VIII и IX (безъ конца) были найдены послѣ смерти Кострова и сначала напечатаны въ «Вѣстн. Евр.» 1811 г., ч. 58, № 16, стр. 253 слл., весь же переводъ (т. е. пѣсни I—IX) помѣщенъ въ Смирдинскомъ изданіи соч. Кострова (Спб. 1849, стр. 267—591).

Фронтисписъ изд. 1787 г. изображаетъ бюстъ Гомера и гравированный заглавный листъ въ рамкѣ съ бордюромъ изъ лавровыхъ листьевъ.

Костровъ трудился надъ переводомъ Гомера, живя въ домѣ извѣстнаго государственнаго дѣятеля И. И. Шувалова (1727—97).

Переводъ сдѣланъ шестистопными александрійскими стихами и написанъ такимъ легкимъ и красивымъ языкомъ, что его можно съ удовольствіемъ читать и теперь. Гнѣдичъ даже имѣлъ въ виду сначала ограничиться лишь переводомъ только непереведенныхъ Костровымъ пѣсенъ «Иліады»: такъ высоко цѣнилъ послѣдующій переводчикъ трудъ своего предшественника:

Въ стихотворномъ посвященіи Екатеринѣ Великой, между прочимъ, читаемъ такія слова о Гомерѣ (стр. 3—4):

«Исполненъ духомъ Музъ, таинственнымъ предчувствомъ,
Онъ въ пѣсняхъ сладостныхъ витійственнымъ искусствомъ
Еще въ свой мрачною покрытый мглою вѣкъ
О славѣ дней Твоихъ, Владычица, предрекъ!»

Пѣснь первая (стр. 1—34; всего 804 ст. вм. 611), пѣснь вторая (стр. 35—79, всего 1054 ст. вм. 877), пѣснь третья (стр. 81—104; всего 570 ст. вм. 461), пѣснь четвертая (стр. 105—135; всего 724 ст. вм. 544), пѣснь пятая (стр. 137—183, всего 1112 ст. вм. 909), пѣснь шестая (стр. 185—210, всего 612 ст. вм. 529).

Стихи означены по десяткамъ (1, 10, 20 и т. д.) на лѣвой сторонѣ страницы на поляхъ. Всѣхъ примѣчаній къ 6-ти пѣснямъ семь,—почти всѣ они касаются миѳологическихъ объясненій. Въ концѣ книги сказано: «опечатки показаны будутъ при концѣ 12-й пѣсни».

Для образца приведемъ изъ перевода Кострова извѣстное мѣсто VI-ой пѣсни «Прощаніе Гектора съ Андромахой» (ст. 394—495 = 450 - 572 по Кострову).

Андромаха идетъ навстрѣчу отправляющемуся въ бой Гектору.

Ст. 451:

«Прекрасна и нѣжна, малъ Гетеона плодъ,
Что Киликійцамъ былъ источникомъ щедротъ,
Внутрь Гипоплакскихъ Ѳивъ со кротостью владѣя,
Спѣшитъ она, съ собой прислужницу имѣя,
Несущую дитя въ объятіяхъ своихъ,
Единый, милый плодъ любви супруговъ сихъ,
Прекрасный, какъ звѣзда, прелестный, драгоцѣнный,
И отъ родителя Скамандромъ нареченный,
Но былъ Астіанаксъ онъ граждамъ во устахъ:

Единъ бо Гекторъ имъ защитой былъ отъ врагъ;
Его родитель зря сердечнымъ чувствомъ таетъ,
И тиху на уста усмѣшку изливаетъ;
Дщерь Гетеонова со Гекторомъ стоя,
Объемлюще его, потоки слезъ лія
«О! паче мѣръ, рекла, великодушный воинъ,
«И лучшей участи и жребія достоинъ!
«Ты мужествомъ своимъ погибель самъ себѣ;
«О сынѣ и о мнѣ нѣтъ жалости въ тебѣ:
«Онъ скоро сиротой, а я вдовицей буду:
«Враги бо купно всѣ стѣснивъ тебя отвсюду,
«Сразятъ; я буду смерть себѣ въ отраду звать
«Тебѣ нисшедшу въ гробъ, чего несчастной ждать?
«Утѣхи, радости меня оставятъ вѣчно,
«Мнѣ участь будетъ скорбь, уныніе сердечно.

Затѣмъ Андромаха, упомянувъ о своихъ родныхъ, безвременно сошедшихъ въ могилу (ст. 475—492), въ отчаяніи говоритъ:

ст. 493:

«И такъ въ тебѣ я зрю отца и мать, и друга,
«И братію свою, и милаго супруга;
«Всѣ радости мои во имени твоемъ
«Ты пожалѣй о мнѣ, и о младенцѣ семъ;
«И стой при башнѣ здѣсь, страдалецъ бѣдъ толикихъ!
«Но рать на семъ холмѣ, гдѣ лѣсъ смоковницъ дикихъ,
«Стоять со мужествомъ противъ враговъ принудь...

ст. 507.

Рекла; Герой въ отвѣтъ: «возлюбленна моя,
«Печалію твоей, какъ ты, терзаюсь я:
«Но гражданъ укоризнъ и женъ ихъ я страшуся,

Ст. 510:

«Коль грозныя войны какъ робкій удалюся;
«Нѣтъ! мужеству внемлю; я бранямъ изученъ;
«Всегда являлся я средь первыхъ ополченъ,
«Чтобъ храбро защищать твердыни Иліона,
«И славу собственну, и славу отча трона.
«Я вѣмъ, пріидетъ часъ, когда падетъ Пергамъ,
«Падутъ и граждане, и съ чадами Пріамъ:
«Но гибель отчества, ни смерть меня родившихъ,
«Ни братій смерть моихъ всѣ горести испившихъ,
«Толикой скорбію мнѣ сердце не язвятъ,
«Какъ та ужасна мысль, что нѣкій супостатъ,
«Во слезну повлечетъ тебя, смѣясь, неволю
«И что во Аргосѣ терпя жестоку долю,
«У гордой госпожи ты будешь прясть и ткать...

Далѣе говорится о плачевной жизни Андромахи въ неволѣ (ст. 524—527).

Ст. 528.

«Тогда всѣ зрящи твой униженный видъ,
«И слезный токъ, рекутъ, смѣющись надъ тобою:

Ст. 530.

«Се Гектора жена, что защищая Трою,
«Страшнѣй всѣхъ былъ врагамъ....
Сія прискорбна рѣчь
«Для сердца твоего, какъ острый будетъ мечь,
«Возобновитъ печаль меня воспоминая,
«Меня, могущаго твоя скончати злая:
«Но прежде, какъ узрю тебя влекому въ плѣнъ,
«Да буду глыбами земными покровенъ».

Затѣмъ описывается, какъ Гекторъ хотѣлъ взять въ руки малютку Астіанакса, и какъ послѣдній испугался вооруженія отца (ст. 537—544):

То зря отецъ и мать смѣялися утѣшно

Тогда снявъ Гекторъ шлемъ съ главы своей поспѣшно,
На землю положилъ и сына восприялъ,
И на рукахъ его качая, лобызалъ,
И взоры возводя въ превыспренность умильны:

Ст. 550.

«О Зевсъ! онъ рекъ, и всѣ странъ горнихъ боги сильны,
«О даруйте, да сей мой сынъ, дитя утѣхъ,
«Явится знаменитъ, какъ я, средь гражданъ всѣхъ,
«Да будетъ нѣкогда Пергаму онъ владыкой,
«И силой облеченъ, и крѣпостью толикой,
«Чтобъ Троя зря его грядуща съ торжествомъ,
«Съ корыстью многою, съ побѣдой надъ врагомъ,
«Рекла: сей вождь отца геройствомъ превышаетъ:
«То слыша, радостью пусть мать его взыграетъ!»
Скончавъ, младенца онъ супругѣ отдаетъ,

Ст. 560:

Она, его пріявъ, къ горячимъ персямъ жметъ,
Ліа потоки слезъ усмѣшкой растворенны
Чувствительный супругъ симъ видомъ пораженный,
Со нѣжной жалостью ее объемля, рекъ:
«Чрезмѣрной скорбію не сокращай свой вѣкъ:
«Не сниду въ гробъ, колѣ нѣтъ на то судьбы велѣній;
«Избѣгнуть же ея всевластныхъ изреченій
«Не силенъ никогда рожденный на земли:
«Но ты гряди въ свой домъ, трудамъ своимъ внемли,
«Прислужницамъ вели быть къ должности прилѣжнымъ,

Ст. 570:

«Мнѣ все, что нужно есть къ сраженіямъ мятежнымъ,

«Мнѣ съ прочими вождми, и съ совмомъ ихъ полковъ,
«Остави учреждать противу всѣхъ враговъ».

Предложенный образецъ даетъ намъ прекрасное представленіе о достоинствахъ перевода Кострова.

XXXIV. Крамаренковъ Василій Ивановичъ.

Геннади, «Справ. словарь» т. II, стр. 174.
Нагуевскій, «Библіогр.» № 267, стр. 15.
Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. IV, № 10134, стр. 358.

Крамаренковъ Василій Ивановичъ, воспитанникъ Спб. академической гимназіи, переводчикъ второй половины XVIII в.; перевелъ съ лат. яз. сочиненіе Саллюстія (Спб. 1769) и съ французскаго яз. «О разумѣ законовъ» соч. Монтескье (Спб. 1775 г.). Въ журн. «Трудолюбивая Пчела» перевелъ съ лат. отрывокъ изъ «Превращеній» Овидія (см. мартъ, стр. 131).

46) «Каія Саллустія Криспа войны Каталинская и Югурѳинская, переведены съ латинскаго на россійскій языкъ правительствующаго сената протоколистомъ Васильемъ Крамаренковымъ. Печатаны въ Санктпетербургѣ 1769 года. 8° стр. 10 нен.+242». У Сопикова заглавіе этой книги приведено невѣрно, а у Нагуевскаго—неточно.

Книга посвящена кн. Александру Алексѣевичу Вяземскому (1727—1796), который, какъ видно изъ посвященія, всегда относился милостиво къ переводчику. За посвященіемъ (нен. стр. 3—5) идетъ «Предувѣдомленіе» (нен. стр. 7), въ которомъ переводчикъ пишетъ, что къ изданію этого перевода «не было побужденіемъ тщеславіе». Книга была переведена еще въ 1759 г. и

въ томъ же видѣ издана, спустя 10 лѣтъ. Прося у читателя снисхожденія за погрѣшности, какія могутъ найтись въ переводѣ, переводчикъ пишетъ: «Отъ каждаго безпристрастнаго читателя я ожидаю, что онъ измѣряя человѣческое состояніе, о погрѣшностяхъ моихъ по человѣчески судить будетъ; и тѣмъ самымъ показывая свое добродушіе, побудитъ меня къ подобнымъ обществу услугамъ». На стр. 8 нен. помѣщена составленная Вас. Рубаномъ (см. LXVI) «Епиграмма къ переведенному г. Крамаренковымъ Саллустію:

«Саллустій похвалу у Римлянъ заслужилъ,
Что Югурѳинскую войну имъ сочинилъ:
Дѣяній истинна не ложная въ ней зрится;
А слога чистотѣ его весь свѣтъ дивится:
Въ обѣихъ знаніяхъ сей Авторъ былъ великъ,
Кой на Россійскій днесь переведенъ языкъ.
Достоинъ похвалы ты Крамаренковъ равной,
Я съ подлинникомъ зрѣлъ твой переводъ исправной».

Переводчикъ *Василій Рубанъ*.

Сентября 13 дня
1767 года
Москва.

На стр. 1—81 помѣщенъ переводъ «войны Каталинской», на стр. 83—242—«войны Югурѳинской». Примѣчаній только три: два изъ нихъ касаются перевода римскихъ денегъ на русскія (стр. 34) и одно даетъ этимологическое толкованіе слова «нумидійцы» (стр. 109, Iug. c. 18).

Сдѣланная въ выше приведенной эпиграммѣ В. Г. Рубана (1742—1795) оцѣнка перевода Крамаренкова вполнѣ согласуется съ истиной.

XXXV. Крашенинниковъ Степанъ Петровичъ 1713 - 1755.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь» т. III, (1836).

Билярскій, «Матеріалы для біографіи Ломоносова» (1865).

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. XXXII, стр. 602.

Верещагинъ, «Русск. илл. изд.» № 423, стр. 121.

Геннади, «Справ. словарь» т. II, стр. 178.

Губерти, «Матеріалы» в. III, № 62, стр. 252—256.

Евгеній, «Словарь» т. I, стр. 314.

Карамзинъ, «Пантеонъ росс. авторовъ» (изд Смирдина 1848, т. I, стр. 586).

Нагуевскій, «Библіогр.» №№ 520—521, стр. 28.

Пекарскій, «Ист. Имп. Акад. Наукъ» т. I и II passim.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. III, № 4801—6, стр. 221.

Крашенинниковъ Степанъ Петровичъ, сынъ солдата, родился 18 окт. 1713 г. въ Москвѣ, учился въ Московской дух. академіи и въ 1732 г. былъ взятъ въ академію наукъ; въ 1733 г. былъ отправленъ съ Мюллеромъ (1705 - 1783) и Гмелинымъ (1709 - 1755) въ экспедицію въ Сибирь, а въ 1736 г. отдѣлился отъ нихъ для обозрѣнія Камчатки [32]) и Курильскихъ острововъ.

Въ 1743 г. Крашенинниковъ вернулся въ Спб., въ 1745 г. опредѣленъ при академіи по натуральной исторіи, съ 1750 г. былъ сдѣланъ завѣдующимъ академическимъ университетомъ и гимназіей, затѣмъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ и, наконецъ, профессоромъ естественной исторіи въ годъ кончины (12 февр. 1755 г.).

---

[32]) Ср. Описаніе земли Камчатки Спб. 1755 и 2-е изд. 1786 г.

Крашенинниковъ много писалъ по ботаникѣ. Въ 1750 г. онъ участвовалъ въ разсмотрѣніи труда Волчкова: «Житія славныхъ мужей Плутарха». Изъ переводовъ Крашенинникова особенно цѣнился по правильности и чистотѣ слога переводъ Курція; первое изданіе этого перевода вышло въ 1750—51 г. въ Спб. Въ вѣкъ Екатерины II это изданіе было перепечатано дважды. По Сопикову, Геннади и Губерти 2-ое изд. вышло въ 1767—68 г.г., 3-е изд. въ 1775, но эти указанія невѣрны: 3-е изд. появилось въ 1793—94 г.г.; 4-ое изд. въ 1800—1 г.г., 5-е изд. въ 1809 г. и 6-е въ 1812—13 г.г.

47) «Квинта Курція исторія о Александрѣ Великомъ царѣ Македонскомъ съ дополненіемъ Фрейнсгейма и съ примѣчаніями. Переведена съ латинскаго языка вторично, Степаномъ Крашенинниковымъ Академіи Наукъ Профессоромъ. Томъ I третьимъ тисненіемъ. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 1793 года. 8° стр. 22+496. Томъ II. Тамъ же 1794 года 8° стр. 8+441 (въ книгѣ ошибочно поставлено 451 вм. 441, ошибка въ счетѣ начинается послѣ 429 стр., за которой слѣдуетъ 440 вм. 430)».

1-е изданіе этой книги не было иллюстрировано, 2-е и 3-е изданія вышли съ иллюстраціей: въ I томѣ Фронтисписъ аллегорическаго содержанія; на стр. 3—8 помѣщено «Предисловіе» на стр. 9—13 «Родословіе Александра Великаго изъ Рейнекція» [33]), на стр. 14—22 «Краткая Курціева лѣтопись» кн. I—V въ этомъ томѣ помѣщенныхъ; во II т. на стр. 1—8 «Краткая Курціева лѣтопись» книгъ VI—X.

---

[33]) Reineccius Reiner (1744—1795) ученикъ Меланхтона, профессоръ исторіи во Франкфуртѣ на Одерѣ.

Въ «Предисловіи» кратко говорится о Курціи и его дополнителяхъ глав. обр. Іоаннѣ Фрейнсгеймѣ (Iohann Freinsheim 1608—1660 профессоръ въ Гейдельбергѣ) и Христофорѣ Целларіѣ (Christoph Cellarius 1638—1707 профессоръ въ Галле). На русскій яз. Курцій впервые былъ переведенъ въ 1709 г. съ дополненіями Христофора Бруноша [34]). «Россійской переводъ», пишетъ Крашенинниковъ: «столь недостаточенъ, что и въ слогѣ, и въ изъясненіи авторовыхъ мыслей подверженъ превеликимъ порокамъ». Далѣе перечисляются эти пороки: обиліе словъ чужестранныхъ безъ нужды, и «рѣдкій періодъ имѣетъ точное знаменованіе» (стр. 5 сл.).

«Однимъ словомъ, сей переводъ только къ тому полезенъ, что по немъ разсуждать можно, въ какомъ состояніи науки въ Россіи были около временъ своего начала» (стр. 6)... И хотя въ нынѣшнемъ переводѣ не изображена точно красота авторова слога, однакожъ лучше прежняго изъяснены авторовы мысли. По крайней мѣрѣ нынѣшнее изданіе можетъ служить къ большему любопытнымъ читателямъ удовольствію для того, что пріобщены къ автору пространныя историческія, географическія и критическія примѣчанія, способствующія къ лучшему разумѣнію его повѣствованія, приложены изъ древней географіи ландкарты, изъ которыхъ на одной Греція, на другой Малая Азія; на третьей Персія и Индія представлены, чтобъ читателю можно

---

[34]) Объ этой любопытнѣйшей книгѣ, напечатанной прекрасно и четко на плотной бумагѣ, см. у Бурцева, «Описаніе рѣдкихъ книгъ» т. III, № 865/86, стр. 218 сл. и № 866/126, стр. 224. Эта книга была переиздана дважды: въ 1711 г. и въ 1717 г. въ Москвѣ. При книгѣ даны обстоятельное оглавленіе и реестръ по алфавиту.

было видѣть точное положеніе мѣстъ упоминаемыхъ въ сей исторіи. Напереди припечатано родословіе Александра Великаго и краткое содержаніе пяти книгъ въ сей части напечатанныхъ съ годами 1) прежде Рождества Христова, 2) отъ начала Рима, 3) по олимпіадамъ счисляемыми и 4) отъ рожденія Александрова, почему явствуетъ, на которомъ году отъ рожденія учинилъ сей Государь какое дѣло, и за сколько лѣтъ до воплощенія сына Божія.

Изъ вышеписаннаго можно видѣть Благосклонному Читателю и притчину разности между нынѣшнимъ и Московскимъ изданіемъ Курція, и надобность вторичнаго сего перевода». (стр. 6 сл.).

Въ переводѣ огромное число примѣчаній: въ обоихъ томахъ свыше 1200; они касаются преимущественно историко-географическихъ поясненій и имѣютъ строго научный характеръ. Вообще говоря, трудъ Крашенинникова лучшій въ нашей литературѣ переводъ Курція: онъ считался совершеннымъ, классическимъ, онъ и теперь имѣетъ цѣну свою, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ другими переводами латинскихъ авторовъ (см. ук. соч. Карамзина).

XXXVI. Кургановъ Николай Гавриловичъ 1725—1796.

Берхъ В. П. «Жизнеописаніе Курганова». Спб. 1829.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь», т. XXXIII, стр. 67 ст. А Кирпичникова.

Веселаго Ѳ. Ѳ., «Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса». Спб. 1852.

Геннади, «Справ. словарь, т. II, стр. 202.

Евгеній, «Словарь, т. I, стр. 327 сл.

Кирпичниковъ, «Былыя знаменитости русской литературы: Н. Г. Кургановъ и его Письмовникъ «Ист. Вѣстн.» 1887. сентябрь.

Колбасинъ, «Литературные дѣятели прежняго времени». Спб. 1859 (Односторонняя біографія).

Пекарскій, «Ист. Имп. Акад. Наукъ», т. II.

Прозоровъ, «Систем. указатель», отд. II, № 698, стр. 42.

Соколовъ, «Записки гидрографическаго департамента», т. VII, стр. 411.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.», ч. III, № 3617, стр. 5.

Кургановъ Николай Гавриловичъ родился въ Москвѣ въ 1725 г., сынъ унтеръ-офицера, учился въ Московской школѣ навигаціонныхъ наукъ и въ морской академіи, гдѣ съ 1741 г. преподавалъ астрономію; позже былъ инспекторомъ морскаго корпуса со званіемъ профессора высшей математики и навигаціи. Умеръ въ чинѣ подполковника въ 1796 г. Кургановъ извѣстенъ, какъ математикъ-составитель руководствъ по ариѳметикѣ, геометріи, навигаціи, военно-инженерному дѣлу, какъ авторъ русской грамматики часто издававшейся подъ именемъ «Письмовникъ», и, наконецъ, какъ переводчикъ съ франц. яз. нѣкоторыхъ книгъ по своей спеціальности.

47) «Елементы Геометріи, то есть: первыя основанія науки о измѣреніи протяженія, состоящія изъ осьми Евклидовыхъ книгъ, изъясненныя новымъ способомъ, удобопонятнѣйшимъ юношеству — профессоромъ Кенигомъ. Перевелъ съ французскаго Николай Кургановъ; съ фигурами. Спб. 1769. 8°».

XXXVII. Лебедевъ Василій.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь», т. XXXIII, стр. 415.

Бурцевъ, «Описаніе рѣдк. книгъ», т. III, № 767. стр. 134.

Верещагинъ, «Рус. илл. издан.», № 585, стр. 156 сл.

Геннади, «Справ. словарь», т. II, стр. 219.

Губерти, «Матеріалы», в. I, № 64, стр. 111.

Натуевскій, «Библіогр», № 246, стр. 13 сл.

Пекарскій. «Ист. Имп. Акад. Наукъ», т. I и II.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.», ч. III, № 4091—2, стр. 107.

Лебедевъ Василій, писатель XVIII в., учился въ Московской духовной академіи, въ 1736 г. былъ опредѣленъ въ академію наукъ студентомъ, съ 1740 г. былъ переводчикомъ; сотрудничалъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», составилъ краткую латинскую грамматику, выдержавшую 11 изданій, перевелъ съ нѣмецкаго языка нѣсколько сочиненій по исторіи и географіи и съ латинскаго языка Корнелія Непота. Въ «Ежем. соч.» за 1757 г. (т. VI) Лебедевъ помѣстилъ статью «О воспитаніи дѣтей у лакедемонянъ».

49) Корнелія Непота житія славныхъ генераловъ въ пользу юношества съ Латинскаго языка переведены Васильемъ Лебедевымъ Академіи Наукъ Переводчикомъ. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1748 года 8° стр. 14 нен.+236; 2-ое изданіе Спб. 1785 г. 8° стр. 16 нен.+198».

У Бурцева и Губерти заглавіе этой рѣдкой и замѣчательной книги дано не точное, такъ какъ эти библіографы описывали книгу по каталогамъ.

При изданіи 1748 г. фронтиспись изображаетъ воинскія принадлежности на пьедесталѣ, украшенномъ двумя сфинксами, въ рамкѣ съ медальонами, на которыхъ представлены портреты славныхъ полководцевъ. Къ книгѣ приложены 4 карты: 1-я карта — «Исторіи греческой и латинской краткая географія», — гдѣ изображены часть древней Европы и Азіи; 2-я карта — «древняя Греція», 3-я карта — «Малая Азія и 4-я «Италія съ около лежащими островами»; на стр. 13 помѣщено «Извѣстіе на ландкартной алфавитъ», въ которомъ показанъ способъ пріискиванія желаемыхъ на картахъ мѣстъ, и предисловіе, состоящее изъ письма Корнелія къ Аттику.

Сличая 1-ое изданіе со 2-мъ, мы видимъ, что во 2-мъ изданіи печать болѣе убористая въ текстѣ и разгониста въ указателѣ, тогда какъ въ 1-мъ изданіи напечатанъ болѣе убористо только указатель. Ореографія во 2-мъ изд. мѣстами измѣнена (напр. въ 1-мъ изд. на стр. 207 читается произшедшей, а во 2-мъ изд. на стр. 174—произшедшій). Приводимъ образчикъ перевода. (Изъ 1-го изд. стр. 207=стр. 174-ой 2 го изд.): Житіе Помпонія Аттика. Глава І-я Помпоній Аттикъ произшедшій отъ древнѣйшаго Римскаго поколѣнія, всегда доволенъ былъ пріобрѣтеннымъ предками дворянскимъ достоинствомъ. Отецъ у его былъ прилѣжной, снисходительной, и по тогдашнему времени состоянію богатой, а наипаче великой охотникъ до ученія. Какъ отецъ самъ любилъ ученіе, такъ и сына научилъ тѣмъ наукамъ, которыя юношѣ знать надлежитъ».

XXXVIII. Львовъ Николай Александровичъ 1751—1803.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь», т. XXXV, стр. 136 сл.

Бурцевъ, «Описаніе», т. VI, № 2114, стр. 284—286.

Венгеровъ, «Русская поэзія», т. IV.

Геннади, «Справ. словарь», т. II, стр. 264.

Гротъ, «Рукописи Державина и Львова. Спб. 1859. (=«Спб. Вѣд.» № 268 и «Моск. Вѣд.» № 295).

Губерти, «Матеріалы», в. II, № 178, стр. 514—522.

Державинъ, «Сочиненія» (акад. изд. Грота).

Дмитріевъ, «Мелочи изъ записи моей памяти», стр. 37.

Евгеній, «Словарь», т. II, стр. 38.

Муравьевъ, въ «Сынѣ Отеч.», т. 77 (1822), № 17, стр. 108—121 (=«Москв.» 1855, № 6, стр. 179—185).

Прозоровъ, Отд. II, № 58, стр. 10.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.», ч. II, № 1939, стр. 24; ч. IV, № 9606, стр. 293.

Тамбовскій, «Анакреонъ», пер. Спб. 1896, стр. 3 и 6.

Львовъ Николай Александровичъ, писатель и общественный дѣятель XVIII вѣка (1751—1803),—изъ дворянъ Тверской губ., служилъ сначала въ Спб. лейбъгвардіи Измайловскаго полка и въ коллегіи иностр. дѣлъ, потомъ въ Москвѣ въ почтамтѣ. Другъ и родственникъ Державина, Львовъ исправлялъ его сочиненія, сочинялъ къ нимъ виньетки, велъ съ нимъ переписку. Съ многостороннимъ образованіемъ онъ былъ очень хорошій рисовальщикъ [35]), считался знатокомъ и

[35]) Перевелъ съ итальянскаго языка сочиненіе «О перспективѣ» (сл. Сопиковъ № 9606).

любителемъ искуствъ и особенно свѣдущимъ въ архитектурѣ; Львовъ былъ почетнымъ членомъ академіи художествъ и членомъ Россійской академіи съ ея основанія; игралъ видную роль въ литературныхъ кружкахъ своего времени. Печаталъ свои произведенія въ журналахъ: «Моск. журн.», «Другъ просвѣщенія», «Аониды», «Сѣв. Вѣстникъ». Отдѣльно, между прочими, вышли его переводы:

50) «Анакреонъ. Стихотвореніе Анакреона Тійскаго. Перевелъ *** ***. Въ Санктпетербургѣ, печатано въ Типографіи Корпуса Чужестранныхъ Единовѣрцовъ, 1794 года. 4° стр. XLIV+287 (вм. 285)». (Греческій титулъ на лѣвой сторонѣ).

У Сопикова годъ изданія книги показанъ не вѣрно: 1798 вм. 1794. Къ сожалѣнію, и Губерти въ своемъ описаніи допустилъ много ошибокъ. Такъ, онъ показалъ въ предисловіи этого перевода XCIV, стр. вм. XLIV, говоритъ, что въ текстѣ перевода должно быть не 287 стр., а 291 по причинѣ будто бы пропуска нумерацій стр. 166—171. По сличеніи описанія Губерти съ бывшимъ у насъ экземпляромъ оказывается, что Губерти имѣлъ подъ руками неполный экземпляръ съ рядомъ типографическихъ промаховъ въ обозначеніи страницъ. Въ дѣйствительности же дѣло представляется такъ: въ наиболѣе полномъ и правильномъ экземплярѣ книги послѣ стр. 181 ошибочно помѣщена стр. 182, и так. обр. счетъ далѣе вездѣ идетъ двумя страницами болѣе должнаго; правильный счетъ даетъ правильный итогъ текста въ 285 страницъ.

Въ началѣ предисловія помѣщена «Жизнь Анакреона Тійскаго», здѣсь на стр. XIX читаемъ: «мнѣ», говоритъ переводчикъ: «весьма желалось украсить онымъ (т. е. профилемъ Анакреона, съ древняго камня заим-

ствованнымъ) и мой переводъ; но таланту пріятелей моихъ не достало времени, а мнѣ терпѣнія потому что какъ переводить и печатать началъ я по милости новыхъ литеръ отъ Дидота [36]) привезенныхъ; такъ и кончить печатаніе принужденъ былъ по желанію типографовъ, погонявшихъ меня корректурными листами».

О томъ, какъ исполненъ этотъ трудъ, переводчикъ пишетъ (стр. XX сл.): «Анакреонъ переведенъ на Русской языкъ съ Греческаго, котораго я не знаю; но лѣтъ пять шесть назадъ не труднѣе бы мнѣ можетъ быть было выучиться языку, нежели перевесть вмѣсто одной книги, по крайней мѣрѣ десять; и сіе вотъ какимъ образомъ: Человѣкъ добровольной и Греческой языкъ хорошо знающій, взялъ на себя трудъ подписать мнѣ каждое слово въ подлинникѣ». Далѣе на стр. XXI—XXII дается образецъ I-ой оды I-ой книги, гдѣ подъ каждымъ греческимъ словомъ написаны русскія значенія. На стр. XXII сл. читаемъ: «Подъ руководствомъ снисходительнаго, въ знаніи Греческаго языка несравненнаго, просвѣщеннаго и почтеннаго мужа а) взялъ я на себя педантическія вериги не выпустить никакой рѣчи, и перевесть оныя въ стихахъ Греческой же мѣры, не теряя сколько возможно плавности и свободы, красоту Анакреоновыхъ мыслей возвышающихъ, и для сего долженъ былъ при всякомъ почти стихѣ справляться въ морѣ здѣсь приложенныхъ переводчиковъ»...

Въ предисловіи, носящемъ заглавіе «Жизнь Ана-

---

[36]) Didot François Ambroise (1730—1804)—королевскій типографъ въ Парижѣ.

а) котораго не скромная благодарность моя, заставила меня безъ спросу, въ нѣкоторыхъ примѣчаніяхъ напечатать имя.

креона Тійскаго» помѣщены по порядку слѣд. статьи: біографія Анакреона (стр. I—XIX), признаніе переводчика въ томъ, какъ онъ исполнялъ свой трудъ (стр. XIX—XXIII), объ Анакреоновыхъ переводчикахъ (стр. XXIV—XXXIII), оглавленіе древнимъ и новѣйшимъ авторамъ, на свидѣтельствѣ коихъ основана жизнь Анакреонова (стр. XXXV—XXXVI), оглавленіе одъ Анакреоновыхъ, во всѣхъ трехъ книгахъ находящихся (стр. XXXVII—XLIII), погрѣшности (стр. XLIV).

Почтенный мужъ, который руководилъ переводомъ Анакреона, былъ, какъ видно изъ прим. къ одѣ 2-ой, 1-ой кн. (на стр. 67), преосвященный Евгеній Булгарисъ (см. о немъ выше XXI), котораго, пишетъ переводчикъ, пространнымъ и глубокимъ свѣденіемъ Греческаго языка, руководствовался я въ переводѣ моемъ. Ср. также прим. къ одѣ VII-ой, 1-ой кн. на стр. 92, гдѣ сказано, что Евгеній неоднократно растолковывалъ переводчику значеніе греч. выраженій и словъ.

Текстъ перевода распредѣленъ слѣд. образомъ. Книга первая (стр. 1—61, оды I—XXII). Примѣчанія на первую книгу одъ Анакреоновыхъ (стр. 63—94), причемъ къ одамъ XI--XIV, XVI и XVIII не дано никакихъ примѣчаній. Книга вторая (стр. 95—165, оды XXIII—XLIV.

Примѣчанія на вторую книгу одъ Анакреоновыхъ (стр. 167—196=167—180; 183—196, стр. 181—182 по винѣ типографіи отсутствуютъ), причемъ нѣтъ примѣчаній къ одамъ XXIV, XXVI, XXXVI.

Книга третія (стр 197—251), оды XLV—LXI, нѣкоторыя отрывки Анакреоновыхъ одъ LXII—LXVIII и нѣсколько эпиграмъ Анакреоновыхъ (стр. 252—259); эпиграммы I—VII. Примѣчанія на третію книгъ одъ Анакреоновыхъ (стр. 261—287). По поводу этихъ до-

бавочныхъ стихотвореній въ концѣ предисловія читаемъ: «Во многихъ изданіяхъ Анакреона напечатано подъ именемъ сомнительныхъ число одъ Анакреоновыхъ болѣе переведены (?) мною, но какъ многіе спорятъ о подлинности оныхъ по нѣкоторымъ нарѣчіямъ Анакреону несвойственнымъ, и таланта его недостойнымъ, то я и не захотѣлъ на счетъ славы его сдѣлать брюхатую книгу».

Переводъ Анакреона изданъ очень изящно: четкая печать, плотная бумага и широкія поля въ этой книгѣ напоминаютъ лучшія заграничныя изданія.

Примѣчанія, составленныя добросовѣстно и строго, обнаруживаютъ въ составителѣ ихъ основательныя познанія въ литературѣ, исторіи и древностяхъ. Нѣкоторыя примѣчанія касаются эстетики и исторіи искусствъ, мѣстами приводятся сравненія съ переводами изъ Анакреона, сдѣланными Ломоносовымъ, этимъ «Сѣвернымъ Орфеемъ» (стр. 70 и 171). Изданный параллельно съ греч. текстомъ переводъ Львова по пріему, которымъ руководствовался переводчикъ при выполненіи своего труда, невольно напрашивается на сравненіе съ переводомъ «Одиссеи» Жуковскаго.

Рѣдкая книга Львова, къ сожалѣнію, осталась неизвѣстной для нѣкоторыхъ позднѣйшихъ нашихъ переводчиковъ Анакреона: такъ, Баженовъ («Пѣсни Анакреона» М. 1861, какъ видно изъ предисловія къ его переводу (стр. III и V), не знаетъ труда Львова.

Приводимъ для примѣра переводъ двухъ одъ LV и LVI (стр. 231 и 233), которыя имѣются также въ переводѣ Пушкина [37]).

[37]) См. изд. Поливанова т. I, стр. 377 сл. и брошюру *Черняева* «Пушкинъ какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ» (Казань 1899), стр. 46 сл.

LV. *О любовникахъ.*

На бедрѣ прижженномъ сталью
Знаютъ лошадь по тавру;
А парфянина по шапкѣ.
Ямъ влюбленнаго тотчасъ
По сердечной легкой мѣткѣ,
И на взглядъ могу узнать.

LVI. *На старость.*

И виски ужъ посѣдѣли,
Голова моя бѣла:
Протекла пріятна юность,
Старость по зубамъ видна.
Мало, мало сладкой жизни
Остается протекать!
Я стонаю безпрестанно,
Тартара боюсь, дрожу...
Сколь сія ужасна пропасть,
Страшной, мрачной глубины!
Зѣвъ ея открытъ входящимъ,
Но изъ ней исходу нѣтъ.

Приведемъ еще двѣ оды:

XIX. *(Стр. 53). Должно пить.*

Воду черна пьетъ земля,
А деревья землю пьютъ;
Океанъ всѣ рѣки пьетъ.
Солнце пьетъ и Океанъ;
А луна и солнце пьетъ,
То за чѣмъ же; о друзья!
Мнѣ мѣшать, какъ пить хочу?

LVII *(Стр. 235). На оргіи.*

Скорѣй подай мнѣ чару!
Дай, мальчикъ! мнѣ хлебнуть.
Разбавь хотя однажды
Кипящее вино
Воды четвертой долей.
Ну! дай же безъ хлопотъ,
Не станемъ въ шумѣ Скиѳамъ
При чарахъ подражать;
Но сладко попивая,
Веселье припѣвать.

Такимъ образомъ переводъ, какъ можно видѣть изъ предложенныхъ образцовъ, сдѣланъ размѣромъ подлинника и настолько гладкимъ и поэтическимъ языкомъ, что его и теперь можно читать съ большимъ удовольствіемъ.

51) «Четыре книги Палладіевой архитектуры, въ коихъ по краткомъ описаніи пяти орденовъ, говорится о томъ, что знать должно при строеніи частныхъ домовъ, дорогъ, мостовъ, площадей, ристалищъ и храмовъ. Quattro libri dell' architettura di Andrea Palladio. Спб. въ тип. I. К. Шнора 1798 года 8° стр. 6 нен.+ 479 стр. Гравированный фронтиспись и 33 чертежа».

Эта очень рѣдкая книга—съ итальянскимъ подлинникомъ описана у Сопикова ч. II, № 2073, стр. 38, Бурцева (т. VII, № 2333, стр. 100) и Геннади (Книжрѣдк. № 90). Нѣкоторые экземпляры снабжены портретомъ переводчика.

Какъ художникъ, Львовъ при изданіи этого сочиненія употреблялъ всѣ свои старанія, дабы книга вышла роскошной. Переводчикъ въ предисловіи говоритъ, что онъ работалъ надъ своимъ трудомъ 8 лѣтъ, ничего

не перемѣнилъ, ничего не прибавилъ и издаетъ Палладія въ той полности, каковую заслуживаетъ его совершенство.

Andrea Palladio (1518—1580), итальянскій архитекторъ, вдохновившійся Витрувіемъ и примѣнившій съ большимъ успѣхомъ результаты древней архитектуры къ современнымъ потребностямъ. Его сочиненіе: «Трактатъ объ архитектурѣ», впервые вышло въ Венеціи въ 1570 г. и позже издавалось нѣсколько разъ и во многихъ городахъ.

Къ сожалѣнію, Львовъ перевелъ только I-ю часть сочиненія Палладія, состоящаго изъ четырехъ частей. Мы признали необходимымъ упомянуть объ этомъ переводѣ Львова потому, что трудъ Палладія имѣетъ много общаго съ трудомъ Витрувія и появился почти одновременно съ русскимъ переводомъ этого римскаго писателя, исполненнымъ Баженовымъ и Каржавинымъ (см. о нихъ выше VIII, 12 и XXVIII, 39).

Къ этому же времени приблизительно относится трудъ архитектора Ивана Лема (Спб. 1792—94), знакомящій насъ также съ произведеніемъ Витрувія (см. Сопикова ч. IV, № 8899, стр. 207).

XXXIX. Майковъ Василій Ивановичъ 1725—1778.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь», т. XXXV, стр. 376—377.

Венгеровъ, «Русская поэзія», в. II, Спб. 1893.

Верещагинъ, «Русс. илл. изданія», № 599, стр. 163.

Галаховъ, «Ист. русс. слов.» т. I, стр. 486—488 и «Ист. христ. т. I, стр. 485.

Геннади, «Справ. словарь», т. II, стр. 275.

Гречъ, «Опытъ».

Дмитревскій, «Словарь»

Евгеній, «Словарь».

Карамзинъ, «Пантеонъ росс. авторовъ», (изд. Смирдина, 1848. т. I), стр. 597 сл.

Майковъ В. И. «Сочиненія», изд. 1867 г. подъ ред. П. А. Ефремова, (вступ. статья и библ. указ. въ концѣ книги).

Майковъ Л. Н. «Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII в.в. Спб. 1889, (біографія В. И. Майкова).

Нагуевскій, «Библіогр.», № 363, стр. 19 сл.

Новиковъ, «Словарь».

Пыпинъ, «Ист. русск. лит.», т. IV, Спб. 1903, стр. 119.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.», ч. IV, № 7004, стр. 9.

Майковъ Василій Ивановичъ (1725—1778), сынъ Ярославскаго помѣщика, служилъ въ Семеновскомъ полку, былъ затѣмъ товарищемъ московскаго губернатора, прокуроромъ военной коллегіи, главнымъ членомъ конторы мастерской и оружейной палаты. Майковъ получилъ весьма ограниченное домашнее образованіе и не зналъ ни одного иностраннаго языка, однако былъ даровитый поэтъ, вращавшійся въ лучшихъ литературныхъ кружкахъ своего времени. Майковъ много писалъ одъ, стихотвореній и сатирическихъ пьесъ въ простонародномъ духѣ.

Стихотворное переложеніе «Превращеній» Овидія Майковъ сдѣлалъ съ чужаго прозаическаго перевода.

52) Публія Овидія Назона. Превращенія, переложенныя съ Россійской прозы стихами Васильемъ Майковымъ; первыя четыре книги. Спб. 8° безъ заглавнаго

листа и означенія года (около 1775 г.). Стр. 2+7+250».

Сочиненіе посвящено Екатеринѣ II. Въ текстѣ много рисунковъ неискусной гравировки, это тѣ же рисунки, что помѣщены и въ сочиненіи «Овидіевы фигуры въ 226 изображеніяхъ. П. Пикард. 1721. 8°». Рисунки эти къ переводу Майкова припечатывались послѣ, такъ что попадаются экземпляры и безъ рисунковъ, съ бѣлыми для нихъ мѣстами, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ рисунки находятся не на своихъ мѣстахъ.

Означенное изданіе представляетъ собою передѣлку переложенія, которое сначала появилось подъ заглавіемъ «Превращенія Овидіевы, съ Россійской прозы преложенныя въ стихи» — почти вся I-я книга печаталась отрывками въ журн. «Свободныя Часы» 1763 г. за апрѣль—августъ и ноябрь съ подписью «Василій Майковъ» или «В. М.»; отрывки изъ II-ой кн. помѣщены въ журн. «Вечера» (1772—1773).

Въ отдѣльномъ изданіи на 2 нен. стр. помѣщено оглавленіе, и на 7 нен. стр. «Краткое описаніе жизни Публія Овидія Насона, выбранное изъ разныхъ писателей». Статья эта принадлежитъ Мих. Никит. Муравьеву (ср. «Переводныя стихотворенія» Михайла Муравьева Спб. 1773), чего однако при ней не обозначено. Наконецъ на стр. 1—250 помѣщенъ самый переводъ въ стихахъ.

Продолженіе перевода «Овидіевыхъ Превращеній» появилось уже по смерти Майкова въ 1779 г. въ «Модномъ изданіи» кн. V въ 3 ч. (іюль), кн. VI въ 3 ч. (авг.), кн. VII въ 3 ч. (сент.), кн. VIII въ 4 ч (окт. и нояб.). Неизвѣстно, прекратилось ли печатаніе перевода по случаю прекращенія «Моднаго изданія», или же онъ не былъ оконченъ переводчикомъ и напечатано все, что только осталось послѣ его смерти.

XL. Мельгуновъ Александръ.

Геннади, «Справ. словарь», т. II, стр. 306.

Нагуевскій, «Библіогр. № 583, стр. 32.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.», ч.IV, № 10204, стр. 367.

Мельгуновъ Александръ, сначала студентъ Московской духовной академіи, а потомъ и учитель въ ней 1784—87 гг.). Ему принадлежитъ переводъ съ лат. языка сочиненія:

53) «Сенеки христіянствующаго нравственныя лѣкарства, составленныя изъ краткихъ здравыхъ разсужденій, которыми каждый безъ помощи другаго можетъ уврачевать душу свою страждующую пороками, или нужнѣйшія наставленія способствующія къ исправленію нравовъ человѣческихъ и къ пріобрѣтенію истиннаго благополучія, выбраны изъ писемъ Л. А. Сенеки, мужа какъ ученостію, такъ наипаче добродѣтелями въ древности отмѣнно прославившагося. Перевелъ съ Латинскаго языка Московской Академіи Студентъ Александръ Мельгуновъ. Въ Москвѣ, въ привилегированной типографіи у Мейера, 1783 года. 16° стр. 16 нен+220+4».

Означенное сочиненіе посвящено архіепископу Московскому Платону «Московской Академіи полному директору и протектору».

Изъ посвященія видно, что переводчикъ—студентъ посвящаетъ свой первый трудъ, какъ знакъ благодарности за оказанныя ему милости. За посвященіемъ (стр. 3—8), слѣдуетъ предувѣдомленіе (стр. 9—10), изъ котораго узнаемъ, что книга переведена «по совѣту благоразумныхъ людей».

Въ основу оригинала означеннаго сочиненія, носящаго заглавіе Seneca Christianus, положены нраво-

учительныя письма философа Сенеки, которыя одинъ изъ ученыхъ мужей изложилъ въ формѣ короткихъ разсужденій, присоединивъ къ нимъ многія мѣста изъ другихъ разсужденій (о блаженной жизни, о спокойствіи духа и проч.) того же философа. Въ результатѣ всего этого получились «душеполезныя наставленія».

Польза, полученная изъ означеннаго сочиненія самимъ переводчикомъ и впечатлѣніе, оставленное въ его душѣ отъ назидательныхъ наставленій, способствовали тому, что переводчикъ настойчиво шелъ навстрѣчу трудностямъ встрѣчавшимся при переводѣ, и хотя съ большими усиліями, но все же преодолѣвалъ ихъ За предувѣдомленіемъ помѣщено «Краткое описаніе жизни Сенеки философа» (стр. 11—16), гдѣ, между прочимъ, сказано, что имя этому философу дано было «повидимому отъ Annus *годъ*, прозваніе же отъ Senex *старикъ*».

Упомянувъ о философскихъ занятіяхъ Сенеки, авторъ біографіи пишетъ. «Потомъ опредѣленъ былъ (Сенека) отъ философовъ къ правленію республики, при которой сперва былъ квесторомъ, и послѣ вскорѣ его здѣлалъ Агриппина Преторомъ надъ ссылкою: ибо на первомъ году владѣнія Клавдіева, когда Юлія обвинена была въ прелюбодѣяніи съ нѣмцами, сама принужденною себя нашла ѣхать въ ссылку, тогда и Сенека какъ бы въ числѣ тѣхъ прелюбодѣевъ отправленъ былъ въ Корсику въ чинѣ какъ думаетъ Липсій [38]), посланника, но только екстраординарнаго».

Жизнеописаніе заканчивается такими словами:

«При самой послѣдней минутѣ жизни его (Сенеки) съ помощью своего краснорѣчія призвавши писателей,

---

[38]) Lips Ioest (1547—1606), знаменитый голландскій ученый.

отмѣнно хорошо о премногомъ разсуждалъ съ ними, что и въ свѣтъ было издано. Вотъ смерть достойная философа, и, притомъ Стоическаго!

Въ самыхъ премудрости правилахъ прекративъ свой голосъ, испустилъ «послѣднее свое дыханіе».

Во всемъ сочиненіи 40 главъ (стр. 1—186), къ которымъ даны подробныя оглавленія. На стр. 187—220 помѣщено «Прибавленіе содержащее въ себѣ избранныя изъ здравыхъ разсужденій сего автора мнѣнія, которыми онъ кратко и остро доказывая совѣтуетъ: I) чтобъ человѣкъ презиралъ богатство, и не разлучался съ соперницею его бѣдностію (стр. 188 —199); II) чтобы онъ не страшился смерти, и не ослабѣвалъ въ несчастіяхъ приключающихся ему въ сей жизни (стр. 200—220).

Количество примѣчаній весьма ограничено—всего 7, и касаются они объясненія собственныхъ именъ, главнымъ образомъ героевъ, и техническихъ названій изъ римскихъ древностей. Любопытно съ филологической стороны примѣчаніе на стр. 15 «Мечебитецъ, у Римлянъ называется Athleta, Атлета, а у насъ нынѣ онъ же называется поединщикъ, или лапирщикъ, которой на поединкѣ бьется на шпагахъ».

Содержаніе этой небольшой книжки, напечатанной очень хорошо, поучительно для всякаго времени. Тутъ затронуты самые существенные вопросы жизни духа: о самопознаніи, дружбѣ, человѣколюбіи, стойкости, смиреніи, самоутѣшеніи; проповѣдуется, что мудрецъ—владыка міра, что человѣкъ въ великомъ горѣ научается познавать самого себя, что смерти нечего бояться и т. п. Словомъ, книжка представляетъ собою катихизисъ стоической морали, гдѣ преподаны самонужнѣйшіе совѣты для души и тѣла человѣка.

XLI. Михайловъ Иванъ Михайловичъ.

Березинъ-Ширяевъ, «Матеріалы», т. II, стр. 6.

Геннади, «Справ. указатель, т. II, стр. 328 и подъ фамиліей «Кандорскій», стр. 99 и 395.

Прозоровъ, «Систем. указатель», отд. II, № 95, стр. 12 и 85, («Юліанъ») и отд. VII, № 228, стр. 159 сл.

Сопиковъ, «Опытъ россійск. библ.», ч. II, № 3523, стр 390 и № 4840, стр. 226.

Филаретъ, «Обзоръ», т. II, стр. 157.

Михайловъ Иванъ Михайловичъ, сначала панкратьевскій діаконъ (1796 г.), потомъ никитскій, что за Яузою, священникъ (1798) церкви св. великомученицы Варвары пресвитеръ (1804) и протоіерей (1810), китайскаго сорока благочинный (1811) въ Москвѣ. Съ 1801—1802 г. именовался Іоанномъ Кандорскимъ.

Писалъ много оригинальныхъ сочиненій по нравственному богословію и философіи, а также переводилъ съ французскаго языка.

54) «Исторія о раззореніи Трои, столичнаго города Фригійскаго царства, вновь переложенная съ славянскаго, для удобнѣйшаго понятія, на чистый Россійскій языкъ Иваномъ Михайловымъ. 2 части. Москва 1791—1792 8°».

Славянскій оригиналъ названнаго сочиненія Петровскаго времени вышелъ въ Спб. въ 1709 г.; это изданіе было повторено въ XVIII в. всего шесть разъ, изъ нихъ дважды въ эпоху Екатерины II. Книга описана у Бурцева (т. II, № 574, стр. 622) и у Губерти (в. I, № 53, стр. 95—97. Однако и русскій переводъ Михайлова выдержалъ четыре изданія. Объ исторіи и изданіяхъ этого сочиненія вообще см. литературу, указан-

ную Прозоровымъ. (Отд. VIII, прим. къ № 228 на стр. 160).

55) «Духъ или избранныя мысли четырехъ монарховъ философовъ: Марка Аврелія, Юліана, Станислава и Фридерика. Перевелъ съ иностраннаго Панкратьевскій діаконъ Иванъ Михайловъ. Москва, въ Университетской Типографіи у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія. 1797. 8°, стр. V+III нен +239. Съ портретами.

У Сопикова значится, что сочиненіе это переведено съ французскаго языка. Титулъ книги у Сопикова невѣренъ. Верещагинъ этой книги не описалъ.

Передадимъ содержаніе книги въ предѣлахъ отношенія ея къ древнему міру.

На стр. III--IV дано заглавіе книги: I. Введеніе или сокращенное жизнеописаніе Марка Аврелія (стр. 1—24). Духъ, или избранныя мысли Марка Аврелія». О Богѣ и Промыслѣ (стр. 25—27), о должностяхъ человѣка въ разсужденіи Бога, общества и себя самого (стр. 27—38), о должностяхъ государей (стр. 39—41). о Благотворителяхъ (стр. 41—43), о поведеніи мудраго (стр. 43—51), о благополучіи (стр. 51—60), о благѣ и злѣ человѣческой жизни (стр 60—64), о страстяхъ (стр. 65—68), о суетахъ міра (стр. 68—71), о друзьяхъ (стр. 72—73), о смерти (стр. 73—76), о свойствахъ душевныхъ (стр. 77).

II. Введеніе или сокращенное жизнеописаніе Юліана (стр. 81—112). Духъ, или избранныя мысли Юліана: о законѣ (стр. 113), о священствѣ (стр. 114—116), о безсмертіи души (стр. 116), о философіи (стр. 116), о воспитаніи (стр. 119--121), о должностяхъ Государя (стр. 121—124), о великихъ людяхъ (стр. 125), о щастіи (стр. 125—127), о дружествѣ (стр. 127—128), о самолюбіи (стр. 129), о злословіи (стр. 129).

Содержаніе послѣдующихъ страницъ этого сочиненія касается государей Станислава и Фридерика.

Передъ переводомъ избранныхъ мыслей Марка Аврелія помѣщены слѣд. эпиграфы:

1) Voici l'esprit des Rois, dont l'immortelle gloire
Se grave en lettres d'or au temple de memoire.
Lisons! .. Ce seul parti, que le sage doit suivre.
Végeter—c'est mourir; beaucoup penser—c'est vivre.
Frideric.

2) Человѣки дарованіями украшенные обязаны обращать оныя къ пользѣ своихъ ближнихъ. *Кадм. и Гармон.* книг. IV.

Предъ переводомъ избранныхъ мыслей Юліана помѣщенъ эпиграфъ: S' occuper, c'est savoir vivre.

Въ этой части книги два примѣчанія.

XLII. Моисей (Михаилъ Гумилевскій) 1747—1792.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь», т. XXXVIII, стр. 610.

Геннади, «Справ. словарь», т. II, стр. 336—337.

Евгеній «Словарь», т. II, стр. 113.

Лонгиновъ, М. Н, «Новиковъ и московскіе мартинисты» М. 1867, стр. 260, прим. 32.

Прозоровъ, «Сист. указатель», отд. II, № 438, стр. 30.

Сергій, арх. «Описаніе Знаменскаго монастыря» М. 1866, стр. 97.

Смирновъ С., «Ист. Моск. дух. Акад.», М. 1855, стр. 363.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ. ч. IV, № 8652 - 3, стр 183.

Филаретъ, «Обзоръ», т. II, стр. 113.

Моисей (Михаилъ Гумилевскій) родился во Владимірѣ въ 1747 г., учился въ Московской духовной академіи, гдѣ впослѣдствіи былъ учителемъ; въ 1779 г. принялъ монашество, былъ игуменомъ Знаменскаго монастыря (1784—88), съ 1786 г.—префектъ Московской академіи; потомъ (1788 г.) по вызову Потемкина оберъ-іеромонахъ молдавской арміи, затѣмъ архимандритъ открытаго тогда Николаевскаго Екатеринославскаго монастыря; съ 1791 г., епископъ Θеодосійскій и Маріупольскій; убитъ въ Крыму своими слугами 5 октября 1792 г. Моисей былъ замѣчательный проповѣдникъ и эллинистъ; переводилъ съ греч. яз. много богословскихъ сочиненій.

56). «Одиссея героическое твореніе Омира. Часть первая. Переведена съ Еллиногреческаго языка. Печатана въ Московской Сенатской Типографіи иждивеніемъ А. Свѣтушкина 1788 года. На оборотѣ: «съ одобренія опредѣленныхъ Ценсоровъ»). 8° стр. 312. Часть вторая. Тамъ же 8° стр. 330+1 нен. (Погрѣшности)».

По Смирдину № 6732, стр. 522 этотъ первый переводъ «Одиссеи» на русскій языкъ сдѣлалъ П. Соколовъ, однако Лонгиновъ называетъ переводчикомъ Моисея (Михаила Гумилевскаго).

Въ обѣихъ частяхъ только одно примѣчаніе (ч. I, стр. 63). Сочиненіе не имѣетъ ни предувѣдомленія къ читателю, ни указателя. Языкъ перевода славянскій въ родѣ евангельскаго. Приводимъ образцы.

Начало I-ой пѣсни:

«Повѣждь, Богиня! мнѣ о многообращавшемся мужѣ, кой по раззореніи священныя Трои, зѣло много странствуя, многихъ народовъ видѣлъ грады, и нравы ихъ позналъ; въ сердцѣ же своемъ неизчетныя на морѣ претерпѣлъ болѣзни съ великимъ попеченіемъ, желая соблюсти животъ свой и возвращеніе сопутниковъ».

Конецъ 24-ой пѣсни:

«Тако глаголющей богинѣ, Одиссей повинулся радуяся сердцемъ. Премудрая же Паллада посредѣ обѣихъ странъ представъ во образѣ Ментора, мирные завѣты положила на вѣки».

Въ концѣ 20-ой пѣсни (стр. 225 во 2-ой части): «Тако рекши, (Ѳеоклименъ) подвигъ ихъ къ вящшему смѣху: и Евримахъ, сынъ Поливіевъ, отвѣщаетъ: Други мои! неистовствуетъ сей новопришедшій странникъ; скоро убо его вонъ изведите; зане свѣтлый день нощію нарицаетъ».

Пѣсни обозначены буквами греческаго алфавита, напр. II-я пѣснь—вита, VI-я—зита, VII-я—ита, VIII-я—ѳита, XI-я—ламвда, XIX-я—тавъ, и т. д.

П. Черняевъ.

Продолженіе будетъ.

Загробный голос о русском языкѣ и письмѣ.

Настоящая статья относится к разсужденью покойнаго Никиты Петровича Гилярова-Платонова (скончавшагося въ 1887 году редактора-издателя «Современныхъ Извѣстій»), озаглавленному «Экскурсіи в русскую грамматику». Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Москва 1904. Это—аккуратненькая книжка в 63 страницы малаго формата, перепечатка из журнала «Радуга» за 1884 год, и написана она остроумно и бойко.

Главная мысль разсматриваемой книжки весьма симпатичная: автор вооружается против коверканья русскаго языка, против иностранничанья в словах и в оборотах, скорбит—правда, нѣсколько преувеличивая зло,—о «затерѣ не только творчества, но даже чутья в языкѣ у образованнаго класса» (стр. 60, внизу). Мнѣ и самому приходилось выступать с подобными напоминаньями, в своей актовой рѣчи «Об употребленіи иностранных слов», сказанной 30 августа 1882 года [1]). Сходимся мы с Гиляровым-Платоновым и в одной частности: в осужденьи грамматической терминологіи с ея «существительным», «дѣепричастіем» и т. д. (стр. 55), каковыя слова я отчасти даже замѣняю в своих грамматических разсужденіях другими, болѣе осмысленными, болѣе краткими и складными: «предмѣтница», «папричасток» и т. п.

---

[1]) Напечатана в 1884 году, в VIII томѣ «Извѣстій Историко-Филологическаго Института князя Безбородко в Нѣжинѣ».

Оговорю однако [2]), что на этот счот надо быть весьма осторожным, чтобы не впасть в насильственную, схоластическую регламентацію. Вѣдь всѣ отступки новаго языка от стариннаго, узаконённыя теперь общим употребленіем, когда-то были ошибками: напр. наше выраженіе «бабы пришли» вм. «бабы пришлы» (еще древнѣе: «бабы суть пришьлы», чтò равно нѣмецкому die Weiber sind gekommen, французскому les femmes sont venues), представляя подстановку мужскаго рода на мѣсто женскаго, нѣкогда звучало столь же дико, как теперь звучит «баба пришол». Подобныя оговорки, насчот естественности воздѣйствія на русскую рѣчь западноевропской, а особенно, в болѣе раннюю пору, византійской, дѣлает и сам автор.

В частности замѣчу, что антипатичный автору глагол «вліять» и имя «вліяніе» можно считать полезным обогащеньем языка [3]), и что «неправильное» управленіе «вліять на кого» оправдывается тѣм, что книжныя «вліять, повліять» по смыслу обособились от просторѣчных «вливать, влить» и переняли управленье глагола «дѣйствовать». Даже в пользу другого глагола, «выглядѣть», который я тоже признаю топорным переводом с нѣмецкаго, и замѣняю выраженьями «смотрѣть, на вид, с виду, из себя, собою», можно привести коечто. «Выглядѣть», несмотря на совершенность почти равносильнаго глагола «высмотрѣть», может сходить за несовершенный вид по слѣдующим причинам: 1) нераз однородные, а порой и вполнѣ одинакіе глаголы принадлежат к разным видам, напр. «класть» и «пасть»,

[2]) Здѣсь буду оговаривать далеко не всё, чтò вызывает на возраженія, а приложу ниже «Дополнительныя замѣтки».

[3]) Срв. впрочем в моей актовой рѣчи примѣчаніе 12 е.

«содержать семью» и «сдержать лошадей», «сходить с горы» и «сходить на почту»; 2) в совершенном глаголѣ «выглядѣть» нѣт особенной надобности—не без труда я придумал такое выраженіе: «он всё глядѣл в окно, и выглядѣл себѣ жену», т.-е. какая-то женщина его в окнѣ замѣтила и женила на себѣ; 3) единичность несовершеннаго глагола с ударяемым предлогом «вы» можно оправдать единичностью какого-нибудь склоненія «дитя—дитяти, множное число дѣти», или велительнаго «ляг, лягте».

В нѣкоторых указаньях Гилярова-Платонова видна живая наблюдательность. Он подмѣтил встрѣчающееся в языкѣ пониженіе смысла, а именно, что слово, употреблявшееся нѣкогда всерьёз, становится низким и шуточным. Только напрасно он думает, будто язык в таких случаях почувствовал угрызенія «совѣсти», понял, что некстати заимствовал иностранное слово и смѣётся над этим словом и над самим собою—просто слово старѣет, или дѣлается исключительным достояніем низших сословій, и потому начинает казаться странным и смѣшным. Притом это не есть особенность одного русскаго языка (стр. 40 вверху), а встрѣчается и в других, напр. в нѣмецком: Patron человѣчек, чудак, Mamsell дѣвчонка, Pöbel чернь, sich blamiren оскандалиться.

Подмѣтил автор ещо явленіе, называемое обыкновенно (довольно нескладно и нехарактерно) «народным словопроизводством»—перевод нѣмецкаго Volksetymologie. Это явленіе я, со стороны внѣшней и внутренней и по разновидностям, зову «пріурочкой» и «переиначкой», или же «осмысленіем». Примѣры: греко-еврейское имя «Наум», понятое, как славянское предложное слово, что породило поговорку «Наум наставит на ум»; греко-

латинское названье «aprilis», передѣланное в «апрѣль», с чѣм находится в связи поговорка «в апрѣлѣ земля прѣет». У автора (стран. 52) примѣром служит «проминяж», сближаемый с глаголом «проминаться». Називал же он этот пріём (как сам признаётся, не особенно удачно) «творящею этимологіей»—вѣроятно, он хотѣл сказать «претворяющая». Странно, что он не напал на термин «подвёрстка», т. к. очень недурно опредѣлил суть дѣла, сказав, что «язык подвёрстывает новое, незнакомое слово к другим, родословіе которых извѣстно ему, усыновляет его». Оговорю впрочем, что подвёрсткѣ подвергаются иногда и туземныя словà, устарѣлыя или этимологически затемнившіяся, и что она подчас бывает чисто-внѣшней, неразумной. Так славянское слово «доблесть», производное от «доблій» (корень «доб»: срв. «добрый» в выраженьях «добрый конь», «добрый молодец»), для нас естественно расчленяется на предлог «до» и корень «блест, блеск»; так «близозоркій» (с церковной огласовкой «близозракій») превратилось в нелѣпое по составу «близорукій». Еще слѣдует оговорить (яснѣе, чѣм это сдѣлано на стран. 53), что подвёрстка отнюдь не представляет особенности русскаго языка, а извѣстна многим, вѣроятно даже всѣм, языкам [4]).

---

[4]) Об этом явленіи уже в 1852 году писал Фёрстеманн, а по-русски, в 1879 и 80 годах,—Крушевскій и Аппель: Ueber deutsche Volksetymologie. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, Band I. Об аналогіи и народной этимологіи. Р. Ф. В., т. II. К славянскому народному словопроизводству. Там же, т. III.—Моя собственная упоминка об «осмысленіи» (18-ое примѣчанье к рѣчи «Нѣсколько замѣчаній об употребленіи иностранных слов) напечатана одновременно с гиляровской статьёй, а м. б. и нѣсколько позднѣе.

Сочувствуя, как мы видѣли, подвёрсткѣ, Гиляров-Платонов лишь по непослѣдовательности осуждал однородныя явленья фонетики и морфологии (звукословья и словомѣна), которыя можно назвать звуковою и словомѣнною приладкой.

Нечего негодовать на невѣжественный (дѣйствительно в образованном кругу не принятый) выговор «колидор», «секлетарь»: он болѣе складный, болѣе русскій, а дорожить производством перваго слова от итальянскаго correre (лат. currere) бѣжать и связью второго с секретами—отнюдь не приходится. Относительно л сравним «фалбора» из французскаго falbalas. итальянское albero из латинскаго arbor и т. п. См. также в моей рѣчи, стр. 8.

«Найтить, прійтить» и т д., опять-таки нелитературныя (на кои я мог бы впрочем указать примѣры из писателей—Ломоносова, Фонвизина, Капниста, Лермонтова; у послѣдняго: «Им не сойтиться никогда», Мцыри, VI), сами по себѣ нисколько не хуже французскаго être, ранѣе estre, а ещо ранѣе essere (как донынѣ у итальянцев), из латинскаго esse, по образцу ama-re, audi-re и т. д.

Насчот «привиллегіи» с двумя л я с Гиляровым-Платоновым согласен; однако не вполнѣ. Кто первый так произнёс или написал, думая вѣроятно о словѣ villa, дѣйствительно отличился в том же родѣ, как пишущій «Геркулѣс» через ѣ, но теперь такая орфографія и сотвѣтственное произношеніе (мнѣ лично тоже противное) является-таки у иных весьма основательных людей.

Дорожив, как мы видѣли, свойствами живой русской рѣчи, негодовав к тому и в области орфографіи

на произвольное правило различенья родов во множном числѣ прикладков: добрыЕ и добрыЯ (стр. 30) [5]), Гиляров-Платонов, очевидно, лишь по недоразумѣнію стоял за наше ходячее, далеко не русское, *правописаніе*.

Толкуя о правописаніи, по поводу котораго и заговорил о связанном с ним болѣе общем вопросѣ, автор (хотя и «не думал давать правил правописанія», а с житейской точки зрѣнія был даже готов сказать «как писать удобнѣе, так и пиши», стр. 51) рѣшительно высказался за этимологію, против фонетики.

К такому взгляду его привело убѣжденье, что звуковое письмо для русскаго языка невозможно. Чѣм же он доказал эту невозможность, когда я, со своей стороны, привёл неопровержимыя—по крайней мѣрѣ никѣм не опровергнутыя—доказательства противнаго? О лженаучн., стр. 24—25; Мнѣнія, стр. 32—33 и 45.

Приводимые им примѣры дѣйствительно кое-что доказывают, а именно невозможность точной передачи, обыкновенным письмом, областных и личных оттѣнков произношенія, воспроизведенье которых впрочем вовсе не желательно, т. к. они не содѣйствуют, а скорѣй мѣшают взаимному пониманію. (Срв. О лженаучн., стр. 7). Таковы оттѣнки, всегда болѣе-менѣе мягких, слогов ча, чу и т. д., по московскому и по петербургскому выговору (Срв. Мнѣнія, стр. 5); таковы оттѣнки слога жо в каком-нибудь жолтый, который однако всегда болѣе-

[5]) Причом он только напрасно нападал на самое окончаніе Е. Срв. О лженаучн., стр. 41; Русь 1904 г., № 130, стр. 2, стлб. 5; Мнѣнія, стр. 28 и 54, № 3.

-менѣе твёрд и содержит гласный о, а никак не орфографическое е.

Если ж отказаться от нѣкоторых тонкостей, литературное произношенье, а по нём и звуковое правописаніе (иногда, при двоякости произношенья, двоякое—Мнѣнія, стр. 39) очень просто могло бы быть установлено путём наблюденія за выговором образованных россіян, тогда как этимологія завлекает нас в дебри исторіи, діалектологіи и учоных препирательств [6]). Вот тому нѣсколько примѣров. Повѣрили мы было Гроту, что ветчина сродни глаголу «вялить» (корень «вяд» — увядать) и стали писать «вЯДчина», а потом Соболевскій указал, что она сродни слову «ветхій», и я позволю себѣ рекомендовать г.г. этимологам писать в нём ТШ. Положась опять-таки на Грота, мы этимологически напишем итти с двумя Т; приняв толкованіе Ягича, мы должны писать ТЬТ, а держась Буслаева — ДТ. Срв. Мнѣнія, прим. 47 (стр. 51). Слово вѣер — несомнѣнно пришлое (нѣм. Fächer: русской производки -ер не существует), но пріурочено к туземному корню ВѢ (вѣять, вѣтер), хотя очевидно в такую пору, когда звука Ѣ уже не было—имѣет ли оно, значит, право на букву Ѣ, или нѣт? Копѣйка дѣйствительно

---

[6]) В добавок любители этимологіи, подобно нашему автору, иногда выставляют или повторяют всерьёз шуточныя толкованія, вродѣ «шеромыга» от cher ami и «лебезить» от ich liebe Sie. (Правда, у автора хватило осторожности не вводить написаній «шерАмИга» и «лИбезить»). Кстати отмѣчу здѣсь с благодарностью его очевидно правильное объясненіе слова «ахинея» от заглавія мудрёной книги «Россійская аѳинея». (Аѳинея=греч. Ἀθηναία=Ἀθήνη, Аѳина).

произведена от «копья», но совершенно случайным образом (Русь, 1904 г., № 130, стр. 2, стлб. 5), а по смыслу нисколько ему не сродни, так что я здѣсь вторично (при нынѣшнем письмѣ) готов заступиться за оффицьальную орфографію через Ѣ. Затхлый, по Гроту, содержит корен ДЪХ—дохнуть, дыханіе, дух,—а я склонен роднить его с «тухнуть, тухлый». Срв. О лженаучн., стр. 11 и 52. Семья встарь писалось через Ѣ; но, возстановив эту букву, мы поддержали бы ходячее, однако невѣрное, производство от слова «сѣмя», равнаго латинскому semen: сѣмья в связи с латышским saime челядь, род, семья, литовским szeimýna челядь, т. е. Ѣ в нём не из ē, а из дифтонга oi, и С не древній, а из нёбнаго К [7]). Срв. ещо Русь, там же; Мнѣнія, стр. 6 вверху

Кромѣ спорности длиннаго ряда отдѣльных этимологій, против этимологическаго письма говорит также неопредѣлённость его требованій. Раз мы отреклись от живых, родных звуков, то совершенно неясно, на сколько ступеней слѣдует углубиться в древность. Достаточно ли писать ножка не через Ш, а через Ж? Не должно ли, т. к. Г перед К не могло перейти в Ж, возстановить древній Ь? А не лучше ли пойти ещо далѣе, и для болѣе тѣсной связи с первичным именем «нога» писать ГЬ? Достаточно ли, что мы пишем «д у-б-ъ», а не «д-у-п»? Не надо ли возстановить здѣсь большой юс, а, пожалуй, и ещо болѣе древнее созвучіе о-м? Автор дѣйствительно и по-

---

7) «Семья» особенно яркій примѣр ненадёжности этимологических разсужденій: не знай мы латышскаго и литовскаго слова, мы бы всѣ были увѣрены в родствѣ с «сѣменем».

жалѣл о юсах, при коих мы де легко узнавали бы в подьсꙋом жоꙋдѣ русскій «ряд», а в притлом вензелѣ родной «узел» (стр. 30). Узнавали бы впрочем лишь тѣ немногія лица, которыя и теперь узнают; притом же для житейскаго обихода нѣт никакой надобности в таком узнаваньи. Положим, глубоко-архаичныя написанія вродѣ скондьный и посꙋенда, вмѣсто «скудный» и «пощада», или наꙋенло вм. «начало», рядом с коньць (конец), в самом дѣлѣ обнаружили бы нѣкоторыя древнія связи, однако давно порванныя и с современной точки зрѣнія странныя [8]).

И не только, что производственный принцип отличается таким образом крайнею шаткостью; но даже можно сказать, в противуположность гиляровскому парадоксу, будто «произношенія собственно нѣт» (стр. 14), что собственно нѣт и не может быть производственнаго письма, ибо этимологія есть таже фонетика, только болѣе ранняго періода. Срв. О лженаучн., положенія 5 и 6 [9]).

Правда, наше письмо, пожалуй, не столько этимологическое, сколько, по опредѣленью Томсона (которое в извѣстном смыслѣ, рядом с высказанным ему

---

[8]) Такія мудрёныя написанія я, конечно, выставляю лишь для сведенья противников к нелѣпости; хотя они нисколько не труднѣе обычных французских написаній, вродѣ cendre, monsieur.—Отмѣчу, что воспроизвожу здѣсь отчасти аргументацію хорватскаго учонаго Петра Будмани. Grammatica della lingua serbo-croata (illirica). Vienna 1867, стр. 243.

[9]) Рѣшительный фонетик в теоріи, я впрочем готов на уступки обычаю. О лженаучн., стран. 41; Отвѣт Бѣлкину, стран. 35; Русь № 130, стран. 2, стлб. 4; Мнѣнія, стран. 44. А мои союзники чуть ли не поголовно даже сочувствуют этимологіи.

мною порицаніем, Мнѣнія, стр. 22, заслуживает и похвалы). «морфологическое» [10]), или, лучше сказать, посоставное, т. е. передающее составныя части слов в их наиболѣе чистом, независимом видѣ, напр. отзывчивость, гдѣ знаки о, т, в и опять о, вмѣсто фонетических а, д, ф и ъ (в значеньи глухого гласника), пишутся в угоду словам отмель, отзываться, злость и т. п. Но такое выясненье и без того ясных вещей—ничто иное, как чудная схоластика. Срв. О лженаучн., стр. 9; Мнѣнія, стр. 35 и 45.

Конечно, эта схоластика, на коей нас воспитали, нам кажется естественной, и для нас—за исключеньем нѣкоторыхъ частностей не придумаешь удобнѣе нынѣшняго письма; если не дорожить интересами «гимназистов» (стр. 30, внизу), а тѣм менѣе, разумѣется, учеников начальных училищ и людей низших сословій, то нельзя не быть противником всякой, по крайней мѣрѣ всякой значительной, реформы [11]). Но вѣдь мы именно должны руководствоваться не своим личным удобством, а пользою народа и подростающих поколѣній; да вѣдь и сам автор в одном мѣстѣ (стр. 4, внизу) просит «пожалѣть ребят».

В заключенье отмѣчу еще, что всѣ наши глубокомысленныя соображенія «этимологическія» и «морфологическія» собственно вовсе

---

[10]) Это опредѣленіе уже раньше встрѣчается у Бахтина: «Основы русскаго правописанія». Параграфы 39, 41 и 472. Р. Ф. В., т. XXIII, стр. 120—121 и XXVIII, стр. 254.

[11]) В таком смыслѣ я высказывался уже нераз. Р. Ф. В., т. V, стр. 366; О лженаучн., положеніе 16; Русь, № 130, стр. 2, стлб. 4; Мнѣнія, стр. 12.

не положены в основаніе обычнаго письма, и только подыскиваются для оправданія наслѣдственной рутины.

А всё то́, что́ приводится апологетами теперешней правописи, не выдерживает критики: и остроумныя разсужденія покойнаго Гилярова-Платонова доказывают лишній раз, что в пользу ходячей орфографіи нельзя привести никаких вѣских доводов. Прекрасно сказал Ив. Серг. Аксаков в своей «Руси» [12]), что «учить принятой орфографіи слѣдует, но возводить её в принцип можно развѣ перед тѣм, кто ея не знает».

Дополнительныя замѣтки.

Стран. 4. «Выговор у каждаго свой». Это—громадное преувеличеніе. См. Мнѣнія, стран. 38—39.

Там же. Чувство пишется через у не по этимологіи, а по обычаю; притом не очень древнему: вѣдь в первые вѣка̀ славянской письменности послѣ ч охотно писали ю. А с историко-этимологической точки зрѣнія мудрено рѣшить, слѣдует ли писать послѣ шипящих у, а или же ю, я: можно сказать, что нужно у, а, т. к. нёбный элемент ушол на превращенье гортаннаго звука в шипящій; но можно предпочесть и ю, я, т. к. только присутствіе нёбнаго элемента оправдывает смягченіе.

Там же. Совершенно вѣрно, что писавши жолтый через о, «Голосу» слѣдовало бы писать также жжот через о; теперь это и предполагается. Впрочем

---

[12]) «Русь» 1880 г., № 5, стр. 19.

полной обязательности тут нѣт, и правило «писать под ударенiем жо, шо, чо, що вездѣ, кромѣ настоящаго времени», всё-таки куда опредѣлённѣе теперешняго допущенія о в иных случаях, как чорт, сам — шост, свѣжо, рядом с черти, шест, свѣжее.—«Жалѣют» по этому случаю «ребят» не покойник и его единомышленники, а реформаторы.

Стран. 5. Лажечниковская орфографія, в его «Басурманѣ», была довольно близка к тому, что теперь предлагается. Возраженье автора против нея, а именно против одной частности — -во вмѣсто -го — совершенно неосновательно. Разницы между звуком в этого окончанія и обыкновенным в, кромѣ Гилярова-Платонова, никто не замѣчал. Вѣроятно он впал в недоразумѣнье по любительской неточности своих наблюденій, сравнив напр. с выговором злого какое нибудь слава или зову, гдѣ сосѣдство других звуков, повидимому, дѣйствительно создаёт какіе-то оттѣнки, тогда как надо было сравнить слово или снова. (Сопоставим ещо слова голаго, олово и Ермолова). А, если б даже существовала нѣкоторая разница между звуком в у реченій злого и слово, то развѣ эта разница сколько нибудь приближала бы первое в к орфографическому г?! Насчот окончаній -ого и -аго см. ещо ниже, замѣтка к стран. 16, под конец, и срв Лекцію, стран. 41, Отвѣт Бѣлкину, стран. 24—25 и Мнѣнія, стран 6.

Стран. 6. Ясно отчеканенное при пѣніи «добр-ава» в самом дѣлѣ непріятно; но ещо страннѣе звучит явственное «добр а-г о»

Там же. Колебаніе гласных звуков въ окончаніях аго, -яго (добраго, синяго) представляет обычные оттѣнки неявственности наших безударных а, о, е да

и (срв. мои Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка, стран. 34—40), так что вовсе не является характерным и рѣшающим для этого частнаго вопроса орфографіи. Имѣющіяся здѣсь у автора неточности несущественны.

Стран. 7—8. Тут, хотя и не совсѣм забыто, но недостаточно принято во вниманье весьма важное различье между звуковым переходом и подстановкой другого окончанія: напр сахар-у вмѣсто сахар-а. В связи с этим находится утвержденіе, будто в формѣ табаку конечный звук «укрѣплен» удареніем—у в род. пад., напротив того, обыкновенно безударное. (Миклошич, Сравнительная морфологія славянских языков, стр. 406—407). В частности, я несогласен, чтобы совсѣм нельзя было сказать табак-а, хотя и говорится «трубка табаку, дайте мнѣ табаку» и т. п.; гдѣ нѣт раздѣлительнаго смысла, я считаю а допустимым и даже предпочтительным, так что настаиваю напр. на правильности своего стиха: «Для носа ли табак, иль нос для табака?». На дому этом, кажется, звучит нехорошо не столько оттого, что выраженье «на дому» успѣло онарѣчиться, сколько оттого, что нужен иной порядок слов: на этом дому, пожалуй, и не хуже, чѣм «на этом домѣ». Впрочем основательное рѣшенье таких вопросов возможно лишь путём выписок из писателей и записи живой рѣчи [13]).

Стран. 9. «Логическая гармонія нашего языка» относится больше к области поэзіи, чѣм науки

---

[13]) На форму «табака» могу привести два примѣра из реклам табачных магазинов: «снится Намъ сквозь дымку табака» (рифма: «бока») и «Папиросы Кальян приготовляются из .... турецкаго табака высшаго сорта».

Стран. 10. «Сказал бы, что удвоенная согласная точно также изгибает слово, как падежное окончаніе, но точнѣе выражусь: в большей части она наращивает слово, а с ним и представленіе, конечно». Ни тó, ни другое не сотвѣтствует фактам русскаго языка, в коем удвоенные согласные обыкновенно появились вслѣдствіе онѣмѣнія, между двумя одинакими согласными, глухого гласнаго, напр. ссадить, ранній из «съсадити», «раньнии», иногда же взяты готовыми в составѣ пришлых слов, как манна, вилла. Подробнѣе в моих Лекціях, стр. 135—138.

Стран. 11—13. Полемика против далевскаго упрощенья двойных согласных правильна, но излишня, потомучто Даль не нашол послѣдователей. Впрочем нѣкоторая нелюбовь к удвоенію всё-таки существует в русской рѣчи и ясно сказывается в обыкновенном выговорѣ, отчасти и в написаніи, многих иностранных слов: професор, Савва, вата, гитара и т. д.

Стран. 14. Удвоенное т в словѣ литтература что-то такое говорило Гилярову-Платонову, — вѣроятно, про свое происхожденье от слова littera буква и litterae письменность, наука; однако ж эта связь ясна и при одном т, как давно принято писать, как мы пишем также слово литера, и как иные пишут даже сотвѣтственныя латинскія словà. Притом же данная этимологія принадлежит к тѣм, которыя скорѣе забавны, чѣм назидательны, а для пониманія смысла скорѣе вредны, чѣм полезны.

Стран. 15. Буквы по крайней мѣрѣ столь же «случайны и преходящи», как и звуки. Онѣ приходят из чужа, мѣняют свою форму, своё значеніе, и живут лишь постольку, поскольку их читают, т.-е. превращают в звуки. Срв. также ниже, замѣтка к стр. 36.

Стран. 16. Вопрос о древности аканья, в нашей литературной рѣчи несомнѣнно обязательнаго, вопрос посторонній. Аканье по памятникам восходит к XIV столѣтію. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка, изд. 3, стран. 75 (во 2-м изд.—79). Царь Алексѣй Михайлович, котораго Гиляров-Платонов склонен был записать в окальщики, несомнѣнно акал. А. Соколов. О языкѣ и правописаніи в документах XVII вѣка. Р. Ф. В., т. XXVI, стран. 124. Окончаніе -во вм. -го встрѣчается в московских и сѣверно-русских памятниках с XV вѣка. Соб., Лекціи, стран. 125 (во 2-м изд.—113), Р. Ф. В., т. XXVI, стран. 125. **ф** вмѣсто **в**, кажется, дѣйствительно довольно новая ошибка; но правило изображать звук **ф** буквою **в** вѣдь очень уж просто. Срв. впрочем мой отвѣт Бѣлкину, стран. 31. Мнѣнія, прим. 50 (стр. 54)

Стран. 19—20. Француз и англичанин точно так же, как русскій, могут мыслить о своих языках, что̀ явствует уже из того, что у них имѣются грамматики; для научнаго же истолкованія вездѣ нужны справки со стариной и с родственными языками

Стран. 23. Родителей надо почитать, однако не подражать им безсмысленно. Срв. Мнѣнія, стр. 9.—Насчот того, что этимологическое письмо «есть соблюденіе родства в языкѣ признаніе за отдѣльными реченіями их принадлежности к своему семейству», не могу не повторить, что живыя связи, ясныя уже в устной рѣчи, не пропадут и при звуковом письмѣ. О лженаучн., стран. 9, 11, 21, 38 и 56; Мнѣнія, стран. 4, 34—35, 36 и 45.

Стран. 26—27. С изложенным на этих страницах в общем нельзя не согласиться. Без родственных связей между словами язык дѣйствительно представлял бы

слишком много разрозненных, чисто-условных наименованій. Однако ж этимологіи мало дают нам для выясненія смысла незнакомых слов. Если б мы напр. не знали, что́ такое значит слово обморок, нам не помогло бы разложеніе его на предлог «об» и корень «морок», полногласную разновидность корня «мрак»; также различныя значенья родственных слов конечно, наконец и окончательно и т. п. не могут быть выведены из их состава. Иногда этимологическая связь даже не полезна, а скорѣе вредна, т. к. противурѣчит далеко разошедшимся значеніям, напр. дурь, дура, дурной; судебный, судьба, участь, участіе, участок. Срв. Об употребленіи иностран. слов, прим. 15, и там же, стран. 4—5 об отвлечонной точности пришлых терминов.

Стран. 29. Утвержденье, будто с выпуском из слова безстрастность букв з и т «ясность представленія совсѣм будет для нас утрачена» совершенно произвольно: этого не будет, ибо как связь со словами «без» и «страсть», так и причины выпада звуков з и т вполнѣ очевидны. Срв замѣтку к стран. 23 — Не мѣшало бы также вспомнить Гилярову-Платонову по этому поводу, что люди малограмотные и вовсе неграмотные иногда говорят куда складнѣй грамотеев и книжников.

Стран. 30 Сербскій творный падеж женскаго рода на -ōм, напр. во̀до̄м, ру̏ко̄м, вовсе не сохранил слѣд древняго юса (этот юс посербски, как и порусски, давал у: мо̀гу, хо̀ћу), а получился из старинной формы на -ов (= -оу, = оју, = ож), под вліяніем окончанія мужескаго и средняго рода -ом: братом, сѐлом.

Стран. 31. Упрёк автора, что никто не заикнулся о произвольности различенья во множном числѣ прилагательных и причастій окончаній -я и -е, — несправедлив.

См. у Грота, Спорные вопросы русскаго правописанія, Спб. 1876 (II том Филологических разысканій), стран. 188, в 1-м изд. (1873 года)—стран. 481, и у Стоповича, Филологич. Записки, 1883 года, кн. IV, стран. 38. Срв. также выше, примѣч. 5.

Там же Высказывая мнѣніе, что человѣк, изгоняющій из своего правописанія букву ъ, есть «непремѣнно ум ограниченный, самонадѣянный, с мелочными претензіями и неспособный ни к творчеству, ни къ благородным порывам, а серьёзная мысль в нём и не зачиналась», покойник сам выказал нѣкоторую самонадѣянность и поверхностность, не справившись о том, не имѣется ли в числѣ противников ера людей достаточно солидных и почтенных: ему слѣдовало бы по крайней мѣрѣ вспомнить, что профессор Митрофан Алексѣевич Колосов, тоже уж покойный, издавал без конечнаго ера свой Русскій Филологическій Вѣстник, и прочесть его спокойное и основательное разсужденье об этой буквѣ (Р. Ф. В., т. I, стран. III—VI), гдѣ ясно доказывается ея излишество; хотя там же оговорено, что «уваженіе к преданію... дѣло хорошее», и что «безцѣльное отреченіе от форм, завѣщенных стариною, не желательно».—Сам я нѣсколько раз писал против русскаго ера: Р. Ф. В., т XIV (1885 г.), Новости, в маѣ 1886 г., Филол. Зап. 1901 г., вып. I—II (О лженаучн.), стран. 34—36, Ж. М. Н. Пр. 1902 г., № 8, стран. 44 (Отвѣт Бѣлкину). Теперь прибавлю еще один довод против внутренняго ера: такое употребленье чуждо нынѣшнему церьковному письму, гдѣ вмѣсто того является паерок (искривлённый апостроф), напр. о҆бе́млютъ Мѳ VII, 16, изъ҆ѧ́ти Мѳ. VII, 5, а послѣ предлога ѿ—ничего: ѿе́млетъ Л. XXI, 3; да и болгары

не знают раздѣлительнаго ъ и пишут без этого знака (неточно) слова «обятия», «изйденъ» (изъѣденъ).

Стран. 33. Переход к звуковому правописанію «был бы ниспаденіем в варварство, отреченіем от прогресса». Вѣрность старинѣ (поскольку послѣдняя не противурѣчит современным потребностям), конечно, весьма похвальна — но никак не приходится приводить её в связь с прогрессом. Притом развѣ мы не видим, что итальянцы, испанцы и сербы, да и малороссы-украйнофилы, от упрощенья грамоты вовсе не впали в варварство? Срв. Мнѣнія, стр. 9.

Стран. 34. Китайцы, не угодившіе Гилярову-Платонову ни письмом своим, ни языком, могли бы, напротив, как особенно усердные почитатели предков, быть ему симпатичны. К тому же в их письмѣ пренебреженіе презрѣнным в глазах автора выговором доведено до высших предѣлов, а способность их к культурѣ доказана их собственною высокою культурой. Мало, и лишь из вторых рук, зная китайскій язык (автор, впрочем, вѣроятно знал его еще менѣе), всё-таки не могу не оговорить, что он в широкой способности к сложенію своих простых, односложных слов обладает неисчерпаемым источником обогащенія.

Стран. 35. Чтобы кулишовка и караджичевское письмо представляли «умышленное нарочитое отреченіе от родства с современными соплеменниками и с умственною исторіей предков» совершенно невѣрно; они представляют приспособленье гражданскаго письма к потребностям даннаго языка, в духѣ Св. Кирилла, который дополнил греческую азбуку недостававшими буквами и стал писать, не считаясь ни с какою этимологіей: вѣдь у него, человѣка ученаго, конечно хватило бы сообразительности писать «распяти», рядом с «распь-

ни», через ьи вмѣсто малаго юса, «обрѣсти», рядом с «обрѣте»—через тт вмѣсто ст и т. п.; но он очевидно считал это неразумным. Чтобы у сербов до Караджича существовало тѣсное единеніе с инославянской культурой, смѣнившееся затѣм обособленностью—этого сказать нельзя; да и украинцев отделяют от русской литературы не столько особенности письма, как самаго языка: фраза «вонъ поєднался съ паномъ на рокъ» и в таком, этимологическо-славяно-россійском начертаніи столь же непонятна, как в кулишовском (вiн поєднáвся з пáном на рiк), т. к. содержит непонятныя словà [14]). «Отреченіе же от родства», поскольку оно имѣется, состоит у малороссов в уклоненьи от общерусскаго литературнаго языка и в созданіи отдѣльной діалектической литературы. Срв. Отвѣт Бѣлкину, стр. 49, Мнѣнія, стр. 7—9.

Стран. 36, внизу. «Слово .... с того момента, как заключалось в букву, перестает быть нашим и чьим-либо. Оно—самостоятельное существо». Слово отнюдь не существо, и даже не предмет, а дѣйствіе: оно живёт лишь постольку, поскольку произносится или читается (т.-е. опять-таки произносится, вслух или умственно)—на бумагѣ же или на камнѣ существуют только болѣе-менѣе условные и сами по себѣ нѣмые знаки.

Стран. 37, внизу. «Невниманіе к словопроизводству кургузит мысль и сушит сердце, как всякая одинокость и отчуждённость: оно тормаз просвѣщенію, незамѣтный по наружности, но существенный». С тѣм же, и с бóльшим правом можно усмотрѣть тормаз просвѣщенію в страсти к словопроизводству, отвлекающей людей от правильнаго и непосредственнаго выраженья мыслей и

[14]) Значит она: «он условился с барином на год».

чувствъ[15]). Всё это, конечно, относится главным образом (если не исключительно) к ученикам и учителям, которые при писаньѣ и просмотрѣ сочиненій вынуждены заботиться не столько о мысли, чувствѣ и складѣ рѣчи, сколько о буквах. Этим буквоѣдством несомнѣнно притупляется и тó живое чутьё, коим сам Гиляров-Платонов, по справедливости, так дорожил.

Стран 39. «Язык сам по себѣ, независимо от случайных лиц говорящих и пишущих, помимо сознанія вообще, обнаруживает совѣсть, то есть сознаніе нравственное». «Язык сам по себѣ» является плодом нашего вображенія: язык только и бытует, поскольку им говорят, и его особенности ничто иное, как сумма (болѣе-менѣе одинаковых) говорильных привычек и стремленій употребляющих его особей. Срв. замѣчанье к стран. 36.

Стран. 41, внизу. Похвала языкам за «богатство» и осужденіе за «бѣдность» их словарей и грамматик могла бы сдѣлаться предметом длиннѣйших оговорок; но т. к. я готовлю в настоящее время популярное разсужденье о «достоинствах» и «недостатках» русскаго языка (в связи с «достоинствами» и «недостатками» других языков), то ограничусь общим указаніем, что любой язык нетрудно и расхвалить, и расхаять, и что почти всякую особенность какого-нибудь языка с одной точки зрѣнія можно назвать преимуществом, съ другой — недостатком. Отмѣчу ещо, что склонность к возвеличенью своего языка насчот иностранных проистекает из того, что он для нас несомнѣнно лучше, потомучто мы лучше им владѣем.

Стран. 47. Производство глагола «транжирить» от

[15]) Срв. О лженаучн., стр. 42.

выраженія «à l'étranger» (не «dans», как пишет автор) не серьёзное, а шуточное. Трудно здѣсь сомнѣваться в связи с глаголом trancher рѣзать; хотя пути передачи и постепенное развитье значенія (которыя при всякой не безусловно очевидной этимологіи надо бы опредѣлить) не совсѣм ясны. Повидимому посредничали нѣмцы, подпустившіе, чтобы слово имѣло менѣе нѣмецкій и болѣе французскій вид, звук ж вмѣсто ш́.

Стран. 53. «Остроумная» по мнѣнію автора догадка, будто еврейскія имена Адам и Ева произошли из арійских мѣстоименій, равных славянским азъ и ты, выражаясь мягко, верьх ненаучности.

Стран. 54. Пріурочка «ахинеи» к «аханью» и «хихиканью» и утвержденіе, будто звуки а и о дают понятіе о громадности (вспомним хоть слова «малый», «короткій», «один»!), не выдерживают серьёзной критики. Звук х вмѣсто ф в словѣ «ахинея» (срв. выше, примѣчаніе 6), конечно, просто возник в такой русской области, гдѣ не знали звука ф. Срв. малорусское «Хома», а также «Хавронья» (малорус. «Хівря») из «Февронія».

Стран. 60. Насчот написанья «привиллегія» прибавлю к вышесказанному, что оно естественный плод того же самаго желанія блеснуть знаньем иностранных языков, которое сказывается в отстаиваемом автором написаніи слова «литтература» через два т. Притом послѣднее начертаніе, хотя вѣрное этимологически, несогласно с нашим общим правилом (из коего, правда, дѣлают исключенія) писать пришлыя слова по слуху; а это правило, коренящееся в своеобразьи нашей азбуки, не допускающем обычнаго при латинской азбукѣ механическаго списыванья иностранных букв, весьма разумно: вѣдь употребляющему иностранное слово писате-

лю должно быть извѣстно его произношеніе, и в нём можно предполагать умѣнье передать его туземным письмом, а читатель не обязан знать иностранные языки. О словѣ «литература» см. также выше, замѣтка к стран. 14.

Стран. 61. «Христіанство внесло уже цѣлый язык, цѣлую литтературу, обогатило и новыми формами и новыми реченіями язык, подогнуло его под новый синтаксис, или лучше сказать—прямо дало синтаксис, котораго почти не было». Тут совершенно невѣрно, чтобы из греческаго языка были заимствованы какія бы то ни было формы. Насчот же синтаксиса мы на каждом шагу недоумѣваем, имѣется ли заимствованіе какого-нибудь оборота, или же древняя общность. Каков был строй русской рѣчи до греко-славянскаго вліянія, мы, за отсутствіем сотвѣтственной письменности, совсѣм не знаем; рѣшительно утверждать можно лишь то́, что древнерусская рѣчь, как и всякое просторѣчіе, конечно, чуждалась перьйодичности, и что греко-славянское вліяніе на книжную рѣчь должно было быть весьма велико.

Стран. 63. «Приняв воздѣйствіе греко-римскаго міра через Церковь, продолжая испытывать воздѣйствіе новѣйшей Европы через Петровскій переворот и всю дальнѣйшую исторію, язык еще успѣет поднять соки со дна, из народа, захватить с боков из славянских нарѣчій, прежде чѣм сформироваться окончательно». Здѣсь нужно сдѣлать оговорку насчот «окончательности» развитія, которая была бы равносильна застою и могла бы считаться предвѣстником смерти; остальное прекрасно опредѣляет путь, по коему мы шли и должны идти.

Роман Брандт.

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

1) Новији српски писци. Критичке студије д-ра Љубоміра Недића. Прво коло. Београд 1901. 243 стр.

Покойный Л. Недичъ былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ сравнительно болѣе глубокихъ сербскихъ критиковъ, умѣющихъ нерѣдко подойти къ предмету со стороны дѣйствительно наиболѣе важной и существенной, хотя и не всегда достаточно проницательныхъ и безпристрастныхъ (см., напримѣръ, его книжку: «Из новије српске лирике». Београдъ 1893 г.). Въ настоящую книжку вошло пять статей: О књижевној Критици 1—38 стр., Л. П. Ненадовичъ 39—98 стр., М. Д. Миличевичъ 99—171 стр., М. П. Шапчанинъ 173—207, Змај 209—243 стр. Въ первой статьѣ авторъ разбираетъ общіе вопросы критики, при чемъ сообщаетъ въ сущности общеизвѣстныя вещи о томъ, каковы бываютъ виды критики, методы и направленія и какія изъ нихъ заслуживаютъ предпочтенія. Гораздо любопытнѣе тѣ взгляды и мнѣнія, какіе высказываетъ нашъ критикъ о разбираемыхъ имъ писателяхъ. На Л. П. Ненадовича авторъ смотритъ, какъ на продолжателя просвѣтительной дѣятельности приснопамятнаго Досиеея Обрадовича, дѣйствовавшаго, сообразно потребностямъ своего времени, иными средствами, но преслѣдовавшаго тѣ же гуманныя и патріотическія цѣли. Вотъ почему и стихотворство Ненадовича—не поэзія, а только средство для проведенія тѣхъ или другихъ мыслей, взглядовъ, чувствъ о мірѣ, жизни, людяхъ, для высказыванія разныхъ совѣтовъ и поученій. Такимъ образомъ въ Ненадовичѣ правильнѣе всего видѣть не поэта, а дидактическаго

стихотворца; вотъ почему онъ такъ охотно писалъ поучительныя басни, да и въ прочихъ своихъ стихотвореніяхъ нерѣдко выступалъ съ разными назидательными наставленіями; нѣсколько выше, чѣмъ дидактическаго стихотворца и автора путевыхъ записокъ, г. Недичъ цѣнилъ въ Ненадовичѣ юмориста, хотя и находитъ его юморъ недостаточно глубокимъ.

Съ такою оцѣнкою Ненадовича въ общемъ можно согласиться; но едвали не слишкомъ ужъ, такъ сказать, преуменьшена писательская дѣятельность М. Миличевича, котораго Недичъ оцѣниваетъ, кажется, черезчуръ ужъ низко, отказывая ему и въ дарѣ изобрѣтательности и вымысла, и, въ какой бы то ни было, оригинальности изображеній... По его мнѣнію, Миличевичъ повторяется слишкомъ часто въ своихъ книгахъ (повѣсти, путевыя описанія) и очень ужъ много говоритъ о себѣ и своей личности, и все его значеніе въ сербской литературѣ сводится едва ли не къ однимъ переводнымъ произведеніямъ да къ количеству написанныхъ имъ вещей, чѣмъ онъ, пожалуй, перещеголялъ едва ли не всѣхъ сербскихъ писателей, въ общемъ не очень-то плодовитыхъ. Повторяемъ, все это черезчуръ ужъ преувеличено и сгущено и, если бы дѣйствительно во всемъ соотвѣтствовало истинѣ, то врядъ ли Недичу нужно было на развѣнчаніе Миличевича употреблять цѣлыхъ 72 стр. различныхъ разсужденій и выписокъ: это можно было сдѣлать гораздо короче, такъ какъ сербскихъ читателей онъ едва ли убѣдитъ въ своемъ мнѣніи... М. Шабчанинъ—предметъ слѣдующей критической статьи Недича. Онъ тоже очень плодовитъ, но пишетъ много не изъ одного лишь книжнаго честолюбія, какъ Миличевичъ,—не для того только, чтобы побольше написать книгъ для пущаго увеличенія своей литературной сла-

вы, а по истинной духовной потребности къ писательству. Онъ—лирикъ по природѣ и романтикъ (см. особенно его сборникъ: «Жубори (журчанье) и вихори».) не только въ стихахъ, но и въ прозаическихъ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ и стихотворныхъ поэмахъ (Монах, Невеста Лютице Богдана). По мнѣнію нашего автора, онъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ поэтовъ, которые, обладая глубокимъ художественнымъ чутьемъ и настроеніемъ, слабы въ отношеніи выраженія своихъ поэтическихъ замысловъ, попросту, въ отношеніи внѣшней формы, въ противоположность тѣмъ, кто, подобно Змаю Іовановичу, не обладая истиннымъ поэтическимъ настроеніемъ и художественнымъ дарованіемъ, сильны однако же въ отношеніи выраженія, внѣшней формы. Змай и Шабчанинъ, если бы ихъ можно было соединить въ одно, составили бы, по мнѣнію Недича, дѣйствительно великаго поэта... Уже изъ этого послѣдняго замѣчанія видно, насколько критикъ этотъ преуменьшаетъ въ свою очередь значеніе замѣчательнѣйшаго изъ новѣйшихъ сербскихъ поэтовъ Іовановича Змая, что онъ впрочемъ дѣлалъ и раньше въ вышеназванной критической его книгѣ: «Из новије србске лирике».

Въ свое время я имѣлъ уже случай возражать между прочимъ въ своей книгѣ: «Очерки исторіи Сербохорватской литературы», противъ этого страннаго, по меньшей мѣрѣ, взгляда и теперь не считаю нужнымъ еще разъ возвращаться къ этому предмету... Недичъ и въ новѣйшей своей статьѣ о Змаѣ не сказалъ ничего такого, что не было бы высказано имъ прежде; поэтому и намъ не приходится снова повторять свои доводы... Допустимъ, что во второй новѣйшей книгѣ своихъ «певаній» Змай гораздо слабѣе, чѣмъ въ первой (а доказательство этого именно и составляетъ главнѣйшій пред-

четъ послѣдней статьи Недича о Змаѣ въ разсматриваемой нами книгѣ); но вѣдь такое ослабленіе поэтическаго дарованія въ человѣкѣ очень преклонныхъ лѣтъ и уже отпраздновавшемъ 50-лѣтіе писательской дѣятельности вовсе неудивительно и вполнѣ естественно! А главное: вся сила и значеніе Змая—въ ранѣе написанныхъ имъ вещахъ, которымъ не можетъ повредить позднѣйшее ослабленіе его таланта, ежели таковое и дѣйствительно наблюдается.

2) Лазарь Костичъ «О Іовану Іовановичу Змаjу» Самборъ 1902 г. 453 стр.

Эта книга вызвана пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ знаменитаго сербскаго поэта Змая Іовановича, торжественно отпразднованнымъ сербами въ 1899 г. Зерномъ книги послужила рѣчь, которую съ большимъ успѣхомъ произнесъ г. Лазарь Костичъ, самъ тоже являющійся крупною поэтическою силою у сербовъ, въ торжественномъ собраніи членовъ «Сербской матицы» въ Новомъ Садѣ. Задачею автора книги было представить по возможности всестороннюю характеристику маститаго поэта-юбиляра; выполнена эта задача такимъ страннымъ, чтобы не сказать болѣе, образомъ, что рѣшительно жаль усилій автора и положеннаго имъ на написаніе книги немалаго труда. Многословная болтовня, которою авторъ пересыпаетъ по пути тѣ немногочисленныя дѣльныя и умныя разсужденія, которыя прямо тонутъ во множествѣ всевозможныхъ отступленій въ сторону по разнымъ поводамъ,—чрезвычайно утомительна и надоѣдаетъ читателю до крайности. Выходитъ такъ, что авторъ больше говоритъ о себѣ и своихъ мысляхъ и литературныхъ отношеніяхъ, чѣмъ о томъ лицѣ, благодаря которому

явилась въ свѣтъ и самая книга. Среди этой безоглядной болтовни авторъ совершенно неожиданно сдѣлалъ странную выходку и противъ пишущаго эти строки (126—128 страницы и далѣе въ разныхъ мѣстахъ); совершенно непонятно, чѣмъ вызвана эта жалкая вылазка по поводу того мнѣнія о стихотвореніяхъ Змая Іована Іовановича «Песма о Максиму» и «Дижимо школе», которое высказано въ книгѣ: «Очерки исторіи сербохорватской литературы» — А. Степовича (Кіевъ, 1899 г.). Можно не соглашаться съ извѣстнымъ взглядомъ, но должно дѣлать это съ надлежащею серьезностію и уваженіемъ къ противнику... Вѣдь это элементы писательскихъ отношеній.

3) Священникъ Ѳ. Н. Титовъ: Русское духовенство въ Галиціи (Изъ наблюденій путешественника). Церковноисторическій очеркъ. Кіевъ 1905 г. 132 стр. Ц. 1 р. съ пересылкою.

4) Е. И. Де-Витте. Буковина и Галичина. Лѣто 1903 г. Изъ путевыхъ впечатлѣній. Сообщеніе, читанное въ общемъ Собраніи Кіевскаго Славянскаго Общества 22 октября 1903 г. Кіевъ 1903 г. 49 стр.

Обѣ эти книжки весьма любопытны и имѣютъ немало общихъ точекъ соприкосновенія, почему и возможно рассматривать ихъ одновременно. Мы (я говорю о широкихъ кругахъ нашего читающаго общества) мало въ сущности освѣдомлены относительно положенія вещей въ родственныхъ намъ Галичинѣ и Буковинѣ, а потому нельзя не привѣтствовать всякой работы, способной помочь расширенію и углубленію этихъ свѣдѣній... Съ этой по преимуществу стороны мы и реко-

мендуемъ объ названныя книжки нашему читающему обществу. Первая изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія по обстоятельности изученія предмета и цѣнности сообщаемыхъ свѣдѣній и данныхъ. Вторая книжка носитъ болѣе легкій характеръ, хотя касается болѣе разнообразныхъ предметовъ, согласно задачѣ составителя; но эта нѣкоторая поверхностность не уменьшаетъ значительности представляемаго ею интереса особенно въ смыслѣ полнаго подтвержденія многихъ положеній и указаній первой книжки. Дай Богъ, чтобы книжки эти помогли пробужденію въ русскомъ обществѣ интереса къ судьбѣ нашихъ зарубежныхъ братій, заслуживающихъ во всякомъ случаѣ лучшей доли, чѣмъ та, какая выпала имъ.

5) Т. Д. Флоринскій: Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію. X. Кіевъ 1903 г. 42 стр. XI. Кіевъ 1904 г. 47 стр.

Обзоры литературы славяновѣдѣнія, обстоятельно и своевременно составляемые проф. Флоринскимъ, составляютъ замѣтное явленіе въ нашей учено-критической литературѣ и являются полезнымъ подспорьемъ для славистовъ. Появляясь съ неуклонною настойчивостью изъ года въ годъ, они охватываютъ почти всѣ важнѣйшіе труды въ наукѣ славяновѣдѣнія и напримѣръ для молодыхъ славистовъ могутъ служить надежнымъ руководствомъ... Въ X выпускѣ «Обзоровъ» помѣщено 26 отзывовъ о книгахъ, въ XI—девять. Въ этомъ послѣднемъ выпускѣ обращаемъ вниманіе читателей на двѣ особенно обстоятельно составленныя статьи, посвященныя—одна извѣстному изданію г. Ягича: «Archiv für slavische Philologie», по поводу 25-лѣтія этого изда-

нія (1—18 стр.), и другая—«Русскому Филологическому Вѣстнику» (18—28 стр.), тоже дождавшемуся въ 1903 г. своего двадцатипятилѣтняго юбилея и почти всецѣло являющемуся плодомъ чрезвычайнаго усердія и любви къ дѣлу со стороны редактора—почтеннаго А. И. Смирнова, въ руки котораго изданіе перешло уже со втораго года своего существованія, вслѣдствіе болѣзни основателя журнала М. А. Колосова.

Въ обѣихъ статьяхъ изложена удачная характеристика названныхъ изданій и ихъ руководителей и сотрудниковъ и указано все важнѣйшее въ содержаніи юбилейныхъ выпусковъ.

6) Пл. А. Кулаковскій: Начало русской школы у сербовъ въ XVIII вѣкѣ. Очеркъ изъ исторіи русскаго вліянія на юго-славянскія литературы. Спб. 1903 г. 176 стр.

Книга эта составилась изъ статей, печатавшихся въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ» за 1903 г. Въ ней одиннадцать главъ, полныхъ глубокаго, чрезвычайнаго интереса и необыкновенно поучительныхъ...

Книгою должны заинтересоваться не одни славистцы, но и всѣ тѣ, кому дороги судьбы русскаго слова, стариннаго русскаго просвѣщенія и его роли у другихъ славянъ. Не останавливаясь долго на богатомъ содержаніи книги, кстати сказать, изложенной очень живо и занимательно, мы отъ всей души совѣтуемъ нашимъ читателямъ самолично ознакомиться съ нею и полагаемъ, что они немало выиграютъ отъ этого и получатъ значительное духовное удовлетвореніе.

7) А. И. Яцимирскій: Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Съ 14 снимками. Спб. 1904 г. Ц. 3 р. 500 стр.

Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ новый большой трудъ молодого слависта, касающійся такой дѣйствительно крупной исторической личности, какъ извѣстный междуславянскій (болгарскій, русскій и сербскій) писатель и дѣятель церкви Григорій Цамблакъ, жизнь и дѣятельность котораго давно уже заслуживала специальнаго изслѣдованія. Книга состоитъ изъ 6 главъ съ приложеніемъ именного и предметнаго указателей и, конечно, доставитъ много интереснаго и цѣннаго матеріала русскимъ читателямъ. Въ этихъ шести главахъ любознательный русскій историкъ найдетъ весьма обстоятельное и правдоподобное изложеніе всѣхъ біографическихъ данныхъ о Цамблакѣ; литературное же и библіографическое изученіе его произведеній авторъ обѣщаетъ предложить въ слѣдующемъ выпускѣ своего цѣннаго труда. Русскій періодъ жизни и дѣятельности Цамблака, особенно интересный для нашихъ историковъ, хотя и сравнительно болѣе извѣстный, изложенъ въ 3 главѣ (152—212 стр.). Не менѣе, пожалуй, любопытна и пятая глава: «Писецъ Гавріилъ Цамблакъ и его книжная дѣятельность» (306—430 стр.), гдѣ имѣется немало довольно цѣнныхъ указаній и извѣстій о состояніи письменности и книжнаго языка у румынъ въ 15 вѣкѣ, хотя этотъ вопросъ и могъ бы быть изложенъ полнѣе.

Богатому содержанію книги вполнѣ соотвѣтствуетъ и ея прекрасная внѣшность; снимки и портреты сдѣланы очень хорошо и немало увеличиваютъ значеніе

даннаго труда, которому можно и должно пожелать всяческаго успѣха въ нашемъ читающемъ обществѣ... Пусть онъ и не представляетъ собою еще настоящей критической біографіи замѣчательнаго историческаго дѣятеля, заключая въ себѣ не мало недоказанныхъ либо спорныхъ данныхъ, пусть является только подготовительною работою къ такой біографіи, все же трудолюбіе автора и предложенные имъ результаты его начитанности въ рукописяхъ заслуживаютъ благодарнаго признанія со стороны всѣхъ, кому дороги интересы науки славяновѣдѣнія.

8) Разсказы Вазова. Переводъ и вступительная статья Андрея Сиротинина. Спб. 1904 г. 214 стр. ц. 90 к.

Усерднѣйшимъ образомъ рекомендуемъ читателямъ эту дѣльную книжку, изъ которой они нагляднымъ и пріятнымъ путемъ могутъ получить много свѣдѣній о современной Болгаріи и ея жителяхъ, ихъ нравахъ, новомъ укладѣ общественной жизни и т. п. Переводчикъ съ большою любовію относится къ своему автору и въ тепло написанной, прочувствованной вступительной статьѣ сообщилъ о немъ всѣ важнѣйшія біографическія данныя съ присоединеніемъ посильной критической оцѣнки его поэтическаго дара. Кромѣ вступительной статьи переводчикъ далъ еще въ приложеніяхъ достаточную для обыкновеннаго читателя замѣтку о болгарскомъ языкѣ, словарчикъ болгарскихъ словъ, встрѣчающихся въ книжкѣ, и списокъ главнѣйшихъ трудовъ Вазова. Почти всѣ 15 разсказовъ, переведенныхъ въ книжкѣ, написаны живо, иногда съ значительнымъ юморомъ, и читаются вообще съ интересомъ. Намъ

сдается, что они должны бы завоевать себѣ успѣхъ въ русскомъ читающемъ обществѣ. Что касается перевода, то онъ вообще сдѣланъ гладко и языкомъ вполнѣ литературнымъ и читается легко. Во всякомъ случаѣ почтенный переводчикъ оказалъ своею работою значительную услугу русской литературѣ, гдѣ о Вазовѣ, сколько намъ извѣстно, писалось очень мало. Кромѣ критической статьи о «Сливницѣ» Вазова въ «Славянской Бесѣдѣ» (изд. Кіевскаго Славянскаго Общества 1888 г.) и замѣтки о сборникѣ его «Италія» съ переводомъ нѣскольких стихотвореній въ Кіевскомъ изданіи «Разсвѣтъ», сборникѣ статей по славяновѣдѣнію 1893 г. мы, по крайней мѣрѣ, ничего не знаемъ.

А. Степовичъ.

Кіевъ.

Методъ преподаванія этимологіи въ низшихъ классахъ средней школы.

Предварительно подлежитъ нашему разсмотрѣнію вопросъ о цѣляхъ изученія этимологіи въ низшихъ классахъ средней школы,—вопросъ, разрѣшаемый въ педагогической теоріи и практикѣ различно. Поставимъ пока на первый планъ требованіе выработки этимологически правильнаго письма въ предѣлахъ преимущественно флексій, префиксовъ и отчасти суффиксовъ и корней (объ этомъ ниже): это, во всякомъ случаѣ, тотъ пунктъ, на которомъ волею-неволею приходится сходиться всѣмъ учителямъ русскаго языка, а, слѣдовательно, и наиболѣе горячимъ представителямъ двухъ господствующихъ въ настоящее время враждебныхъ теченій въ области преподаванія языка—грамматистамъ и антиграмматистамъ. По крайней мѣрѣ и тѣ, и другіе должны добиться этимологически грамотнаго письма, т.-е. и у тѣхъ, и у другихъ учащіеся въ концѣ концовъ должны умѣть правильно воспроизводить начертанія словъ въ ихъ различныхъ синтактическихъ комбинаціяхъ.

Съ психологической точки зрѣнія, здѣсь должна имѣть мѣсто память воспроизведенія, опирающаяся на выработанный тѣмъ или другимъ путемъ навыкъ; въ памяти учащагося (въ области безсознательнаго) должны прочно залечь представленія начертаній словъ съ ихъ префиксами, корнями, суффиксами и флексіями. Правописаніе флексій требуетъ участія сознанія въ большей

степени, чѣмъ правописаніе другихъ частей слова. Это совершенно естественно въ виду зависимости флексій синтактической роли слова, требующей сопоставленій съ другими словами (долгіе дни, буря на морѣ). Выработка навыка въ правильномъ написаніи флексій и отчасти префиксовъ и суффиксовъ (о морѣ, *и*сточникъ, вид-*ѣ*-лъ) и есть главнѣйшій матеріалъ, подлежащій усвоенію на урокахъ этимологіи, при условіи подчиненія прохожденія ея цѣлямъ орѳографіи.

Представленіе начертанія слова, сохраняемое памятью, сложно-составного характера. Образъ этотъ, который слѣдуетъ назвать графическимъ, слагается изъ двухъ параллельныхъ и находящихся въ согласіи образовъ: моторнаго (рука) и оптическаго (глазъ). По закону ассоціаціи представленій, при воспроизведеніи слова, въ графической формѣ, возникаютъ въ умѣ еще слѣдующіе элементы: 1) двигательный образъ слова въ произношеніи и 2) его слуховой образъ. Элементы этой послѣдней группы находятся между собою, подобно первымъ, также въ полномъ согласіи *). При идеально-фонетическомъ письмѣ всѣ 4 элемента слова составляли бы согласную группу, при чемъ правописаніе не представляло бы никакихъ трудностей. Но такъ какъ русская орѳографія основана главнымъ образомъ на этимологическомъ принципѣ (вѣрнѣе, на историческомъ, представляющемъ помѣсь этимологіи съ невѣжественнымъ, капризнымъ обычаемъ), съ непослѣдовательными уступками фонетикѣ, то отсюда возникаетъ фактъ внутренняго антагонизма между упомянутыми двумя группами элементовъ вспоминаемаго слова. Историческое

*) О 4-хъ элементахъ, составляющихъ воспоминаніе слова, см. напр. кн. Жюля Пейо «Воспитаніе воли», стр. 26—27.

начало настолько сильно въ нашей ороографіи, что изъ ста словъ 75 пишутся несогласно съ произношеніемъ ихъ *) Такое положеніе вещей создаетъ изъ русской ороографіи въ школѣ цѣлый вопросъ.

Произведенный выше анализъ цѣльнаго образа вспоминаемаго слова есть первый этапъ по пути къ разрѣшенію интересующаго насъ вопроса. Идемъ далѣе. Изъ психологіи извѣстно, что степень легкости запоминанія (и воспроизведенія) представленія зависитъ, между прочимъ, отъ количества образовъ, связанныхъ съ запоминаемымъ образомъ: «чѣмъ больше другихъ фактовъ ассоціировано въ умѣ съ вспоминаемымъ фактомъ, тѣмъ лучше нашъ умъ сохраняетъ обладаніе имъ» («Научныя основы психологіи». В. Джемса 1902, стр. 232). Въ примѣненіи къ нашему частному случаю это значитъ, что, при запоминаніи начертанія слова, для прочности его, необходимо воспользоваться всѣми наличными элементами, т.-е. четырьмя образами его. При этомъ, если имѣть въ виду интересы ороографіи, то необходимо особенно налечь на ту группу, которая собственно и даетъ графическій образъ,—на образы оптическій (глазъ) и моторный (рука). Если мы не выдвинемъ на первый планъ этой группы или будемъ игнорировать какой-либо изъ двухъ элементовъ (игнорируется обычно, при прохожденіи флексій и суффиксовъ, моторный образъ),—то вторая группа (слуховой образъ и образъ органовъ рѣчи) можетъ вытѣснить

*) Таковы напр. результаты приблизительнаго подсчета, сдѣланнаго въ 1901—1902 учебномъ году воспитанницами педагогическаго класса Болградской женской гимназіи, гдѣ я тогда состоялъ преподавателемъ—руководителемъ,—О. М. Двужильной и С. А. Стремоуховой.

первую группу, и въ результатѣ получится орѳографическая ошибка или даже рядъ ошибокъ. Вполнѣ очевидно, что устранить совершенно вторую группу нѣтъ никакой возможности, ибо такое устраненіе равносильно устраненію самого слова, такъ какъ жизнь слова заключается именно въ звукѣ *). Поэтому мы не можемъ согласиться съ пріемомъ, предлагаемымъ въ «Вѣстникѣ Воспитанія» г. К. Тихомировымъ, который рекомендуетъ, при написаніи слова, органами рѣчи произносить его такъ, какъ оно пишется. Правда, такимъ образомъ въ нашей общей группѣ почти исчезнутъ образы слуховой и моторный органовъ рѣчи, и взамѣнъ ихъ появятся искусственный слуховой (искаженный) и искусственный моторный органовъ рѣчи (искаженный также въ интересахъ орѳографіи) образы, примыкающіе къ первой группѣ и находящіеся съ ней въ полномъ согласіи, что особенно интересно для цѣлей правописанія,—но est modus in rebus: у учителей русскаго языка, надѣемся, хватитъ любви къ родному языку настолько, чтобы не дать его на растерзаніе фанатикамъ — орѳографистамъ съ ихъ чернильными душами и бумажными сердцами (къ таковымъ, оговариваемся, причислять самого г. Тихомирова у насъ нѣтъ основаній). Тѣмъ не менѣе, при запоминаніи начертанія слова, выдвигать въ область свѣтлой точки въ сознаніи первую группу столь же возможно, сколь и необходимо: въ рукахъ учителя есть средство при обученіи орѳографіи добиться того, чтобы въ сознаніи учащихся запечатлѣлись и прочно залегли въ памяти оба графическіе элемента. Средство это—послѣдовательное, методическое

*) См. объ этомъ напр. въ переведенной года 3 тому назадъ на рус. яз. книгѣ ученаго нѣмецкаго лингвиста Гильдебранда: «О преподаваніи родного яз. въ школѣ....», стр. 63.

примѣненіе въ дидактикѣ письма того принципа, который лежитъ въ рудиментарномъ видѣ въ основаніи работы писцовъ. Работа писцовъ въ канцеляріяхъ и вообще всякаго рода переписчиковъ, какъ давно уже отмѣчено въ педагогической литературѣ (напр. пок. В. П. Шереметевскимъ), заключается въ той съ орѳографической точки зрѣнія цѣнной особенности, что они набиваютъ себѣ глазъ и руку, выражаясь обиходной рѣчью. По этой же причинѣ списыванье вообще считается въ настоящее время однимъ изъ надежнѣйшихъ пріемовъ выработки орѳографически правильнаго письма. На этомъ то принципѣ набиванія руки и глаза и долженъ основываться методъ преподаванія этимологіи въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Перехожу къ указанію особенностей этого метода въ томъ видѣ, въ какомъ я примѣнялъ его на практикѣ. Учитель или одинъ изъ надежныхъ учениковъ (у учителя является въ послѣднемъ случаѣ возможность слѣдить за работой отдѣльныхъ воспитанниковъ) пишетъ на классной доскѣ, а учащіеся записываютъ въ свои тетради склоненіе или спряженіе извѣстнаго морфологическаго типа словъ, при чемъ весь классъ произноситъ хоромъ каждую записываемую въ тетради форму, отнюдь, конечно, не въ искаженномъ въ интересахъ орѳографіи видѣ. Необходимыя правила (въ родѣ напр. употребленія «ѣ» въ склоненіи типа «вода» въ дат. и предл. пад.) выводятся учащимися тутъ же, при усвоеніи формы слова въ зрительномъ, слуховомъ и двухъ моторныхъ видахъ *). Такимъ образомъ достигается

*) На изучаемой части слова вниманіе фиксируется графически, подчеркиваніемъ ея, и словеснымъ указаніемъ на ея особенности въ орѳографическомъ и фонетическомъ отношеніяхъ.

лучше цѣль запоминанія извѣстнаго орѳографическаго (и вообще всякаго) правила, такъ какъ это правило, выражаясь образно, не виситъ въ воздухѣ, а прикрѣпляется ассоціативными нитями къ 4-мъ конкретнымъ представленіямъ. Если же принять во вниманіе, что при нашемъ методѣ выведеніе правила дѣлается строго аналитически (индуктивно), на основаніи наглядныхъ образцовъ, то для всякаго, знакомаго съ элементами психологіи и дидактики, станутъ ясными преимущества указываемаго здѣсь метода предъ сообщеніемъ правила въ одной словесной формѣ, какъ это принято въ учебникахъ, и даже предъ усвоеніемъ правила при помощи анализа связнаго печатнаго или писаннаго текста, такъ какъ признаки падежа, лица и проч. не ассоціируются въ послѣднемъ случаѣ съ такими конкретными представленіями, какъ напр. начертанія: «Предл.», «2-е л.» и т. п. Вслѣдъ за класснымъ разучиваніемъ на домъ задаются упражненія въ измѣненіи словъ изученнаго въ классѣ типа. При пользованіи этимъ методомъ, взамѣнъ отвлеченныхъ (словесныхъ) примѣчаній къ параграфамъ склоненій и спряженій, необходимо увеличить число изучаемыхъ наглядныхъ образцовъ. Возьмемъ для примѣра главу о I склоненіи им. сущ. изъ популярной въ средней школѣ этимологія покойнаго А. И. Кирпичникова. Количество предлагаемыхъ авторомъ образцовъ (столъ, слово, звѣрь, поле, случай, полкъ, мечъ) нужно увеличить слѣдующими типами: Василій, зданіе, училище, крестьянинъ, теленокъ, волченокъ, полотенце, лицо). При этомъ примѣчанія: § 15. I. 4. б, § 15. II. 2, § 15. II. 3, § 20. и. 1, § 21. Е. О,—могутъ быть опущены; или же вмѣстѣ съ остальными примѣчаніями, помѣщенными въ учебникѣ, они будутъ усвоены весьма легко, благодаря индук-

тивному методу, примѣненному къ нагляднымъ образцамъ *).

Свѣдѣнія, пріобрѣтенныя на урокахъ графики, должны быть закрѣпляемы при помощи объяснительныхъ диктовокъ. Кстати о диктовкахъ. Матеріаломъ для нихъ должны служить цѣльныя произведенія живого слова. Мы рекомендуемъ напр. въ этихъ видахъ выбирать пословицы и загадки. Такимъ образомъ, попутно съ правилами орѳографіи, учащимися будетъ усвоено значительное количество этихъ произведеній, которыя сами по себѣ представляютъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе **).

Прохожденіе этимологіи возможно при графическомъ методѣ безъ учебника въ виду того, что все наиболѣе существенное будетъ занесено въ ученическую тетрадь, которая явится такимъ образомъ учебникомъ, составленнымъ самимъ ученикомъ. Не мѣшаетъ, конечно, имѣть для справокъ учащихся и учебникъ этимологіи, который можетъ быть полезенъ послѣднимъ въ случаѣ напр. пропуска уроковъ, потери тетради, большой близорукости и пр. ***).

---

*) Мы рекомендуемъ увеличеніе количества образцовъ лишь при томъ условіи, если объемъ курса остается обычнымъ, болѣе или менѣе полнымъ. Само собою разумѣется, что графическій методъ можетъ быть примѣняемъ и при прохожденіи какого угодно количества грамматическаго матеріала.

**) Много пословицъ, кромѣ спеціальныхъ сборниковъ, находимъ напр. въ нынѣ забытомъ «Синтаксисѣ въ литературныхъ образцахъ и пословицахъ» Ѳ. Савенка (Изд. «Фил. Зап.»).

***) Года три тому назадъ я, въ сотрудничествѣ съ сестрой моей, преподавательницей женской гимназіи А. М.

О сущности предлагаемаго здѣсь метода преподаванія этимологіи я имѣлъ случай докладывать Педагогическому Отдѣлу Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ весною 1900 года. Тогда же я назвалъ его графическимъ методомъ. Новизна его заключается лишь въ полнотѣ и послѣдовательности примѣненія принципа, примѣняемаго въ настоящее время при преподаваніи грамматики только отчасти и крайне непослѣдовательно. При пользованіи этимъ методомъ, съ дидактической точки зрѣнія, большое значеніе, между прочимъ, имѣетъ и то обстоятельство, что онъ вызываетъ къ дѣятельности различные виды памяти (зрительную, слуховую, моторную...) одновременно, и такимъ образомъ даетъ возможность учащимся невольно приспособляться къ болѣе успѣшному запоминанію предлагаемаго матеріала, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ своей памяти.

Что касается результатовъ, достигаемыхъ при помощи графическаго метода, то я могъ бы сослаться прежде всего на свой опытъ въ примѣненіи его въ своемъ преподаваніи, если бы считалъ этотъ обычный пріемъ доказательства отвѣчающимъ требованіямъ научно-логической аргументаціи. Поэтому охотнѣе ссылаюсь на выше приведенный психологическій анализъ и на заключенія по данному вопросу психологіи наблюдательной и экспериментальной. Извѣстный американскій психологъ и педагогъ В. Джемсъ говоритъ то же объ усовершенствованномъ способѣ обученія чтенію,

---

Марта, приступилъ къ составленію учебника этимологіи, приспособленнаго къ рекомендуемому методу. Надѣюсь, что происшедшій по внѣ обстоятельствъ перерывъ въ занятіяхъ продолжится недолго.

что можно сказать объ обученіи письму по предлагаемому методу: «Современный способъ обученія дѣтей чтенію при помощи писанія на классной доскѣ, при чемъ каждое слово вводится въ память 4 мя путями,—глазами, ушами, горломъ и рукой,—представляетъ одинъ изъ образчиковъ улучшеннаго механическаго метода запоминанія» *). Раскрою еще «Современную экспериментальную психологію въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія» А. П. Нечаева на стр. 204 и процитирую слѣдующее мѣсто: «Опыты Лайя, Гаггенмюллера и Фукса..... наглядно показали, въ какой степени благопріятнымъ для вѣрности послѣдующаго воспроизведенія слова оказывается предварительное воспріятіе его не только въ зрительной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и моторной формѣ».

Въ наше время реакція противъ увлеченія грамматикой въ дѣлѣ обученія языкамъ вообще,—реакціи, дошедшей до полнаго игнорированія грамматическихъ свѣдѣній, даже какъ средства обученія орѳографіи (напр. въ этомъ смыслѣ высказывалось «Образованіе»),—необходимо разсмотрѣть интересующій насъ вопросъ и съ другой точки зрѣнія: нужно хорошенько взвѣсить сумму той пользы, которую можетъ принести предлагаемый методъ, если ее сопоставить съ количествомъ пользы, приносимой въ дѣлѣ обученія орѳографіи напр. уроками объяснительнаго чтенія (зрительные образы) или путемъ одного списыванія книжнаго связнаго текста,- вообще однимъ изъ способовъ, игнорирующимъ совершенно грамматику. Хотя я лично и не принадлежу къ числу гонителей грамматики (наукообразной, преподаваемой своевременно и при условіи подчиненія

---

*) «Научныя основы психологіи» 1902 г., стр. 235.

ея въ младшихъ классахъ преимущественно цѣлямъ орѳографіи) *), въ какомъ смыслѣ и имѣлъ случай уже высказываться въ своихъ статьяхъ **), тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, цѣлесообразность употребленія учениками младшихъ классовъ времени на усвоеніе того или другого грамматическаго матеріала должна быть всякій разъ серьезно обоснована. Итакъ, практично ли 2 недѣльныхъ урока въ I-мъ классѣ, а, можетъ-быть, нѣкоторое время и во II-мъ (смотря по распредѣленію грамматическаго матеріала) посвящать преподаванію этимологіи по графическому методу? Такое приблизительно количество времени требуется для усвоенія обычнаго, болѣе или менѣе полнаго курса учебной этимологіи.

Прежде всего повторимъ здѣсь, что̀ дастъ учащимся этотъ методъ. Кратко резюмируя изложенное нами выше, скажемъ, что онъ дастъ учащимся вообще болѣе прочное знаніе этимологіи, чѣмъ это можетъ быть достигнуто при другихъ методахъ, и дастъ возможность выработать въ первыхъ двухъ классахъ навыкъ въ этимологически грамотномъ письмѣ въ большей мѣрѣ, чѣмъ безъ примѣненія этого метода. Обращаемъ вниманіе г.г. грамматистовъ еще разъ на то обстоятельство, что тѣ или другія теоретическія положенія легче запоминаются при наличности сопутствующаго имъ конкретнаго

---

*) Грамматическій вопросъ уже пережилъ у насъ первыя двѣ Гегелевскія стадіи развитія: прошелъ чрезъ тезу и антитезу. Пора бы этимъ фазамъ примириться въ высшемъ синтезѣ.

**) См. напр. «Главнѣйшіе факторы выработки письменной и устной рѣчи»... («Филол. Зап.» 1901 г., вып. III, стр. 10).

образца. Конкретнѣе для слова образца, состоящаго изъ моторнаго 2-хъ видовъ, зрительнаго и слухового образовъ, съ написанными сверху нумеромъ склоненія или спряженія, а сбоку названіемъ падежа, лица и т. п., представить себѣ невозможно!

Перехожу къ разсмотрѣнію предполагаемыхъ нами возраженій со стороны лицъ различныхъ людей.

Можетъ-быть, заботы о выработкѣ умѣнья писать грамотно въ первыхъ двухъ классахъ средней школы являются излишними, если имѣть въ виду годы дальнѣйшаго обученія въ учебномъ заведеніи? На это мы отвѣтимъ данными изъ экспериментальной психологіи, которая прочно установила фактъ временнаго упадка умственныхъ силъ въ періодъ, предшествующій наступленію половой зрѣлости (преимущ. III, IV и отчасти V кл.), когда такой сухой и требующій напряженія вниманія матеріалъ, какъ орѳографія, не можетъ разсчитывать на болѣе или менѣе прочный успѣхъ. Не даромъ еще высокоталантливый Ушинскій, какъ бы предвосхитивши выводъ тогда еще неизвѣстной психологической школы, говорилъ о томъ, что если къ 12 (приблизительно) годамъ ученикъ не усвоитъ въ основныхъ чертахъ правописанія, то онъ можетъ быть обреченъ на вѣчную безграмотность, особенно, если имѣть въ виду, что у ученика, невѣжественнаго въ орѳографіи, легко могутъ образоваться въ этой области нежелательные навыки.

Теперь два слова объ изученіи этимологіи въ I и II кл. вообще. Знаніе этого отдѣла грамматики, между прочимъ, необходимо для успѣшнаго преподаванія новыхъ языковъ, которое не можетъ обойтись безъ пониманія учениками главнѣйшихъ явленій въ области родного языка. Твердое усвоеніе важнѣйшихъ явленій эти-

мологіи необходимо и для пониманія синтаксиса, разумѣется, не того Беккеровскаго, который царствуетъ до сихъ поръ въ средней школѣ, и о которомъ мы напр. говорили въ упомянутой выше статьѣ (7 стр.), а научнаго, именно принятой въ славянской и русской лингвистикѣ системы анализа рѣчи проф. Потебни и въ послѣднее время популяризуемой въ педагогическомъ мірѣ проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскимъ *).

Усвоеніе свѣдѣній изъ этимологіи по графическому методу въ I и отчасти во II кл. сбережетъ время въ приготовительномъ классѣ, гдѣ не будетъ надобности дѣтямъ заучивать напр. названій падежей, такъ какъ это легче и прочнѣе, можно сказать, незамѣтно для учащихся будетъ усвоено путемъ писанія значительнаго количества образцовъ склоненія въ I кл. Точно также же въ приготовительномъ классѣ не будетъ необходимости тратить время, отрывая его отъ занятія объяснительнымъ чтеніемъ и предметными бесѣдами, и на усвоеніе схемы спряженія. Понятіе о частяхъ рѣчи, съ ихъ мудреными для дѣтей названіями, можетъ въ этомъ классѣ совсѣмъ не даваться, а съ успѣхомъ можетъ быть замѣнено категоріями предмета (домъ, я, нѣкто..), признака (синій, первый, мой...), числа (семь) и дѣйствія (глагола) **).

---

*) См. напр. его «Синтаксисъ русскаго языка» Спб.

**) Мы категоріи предмета и признака, на основаніи данныхъ симасіологія частей рѣчи (См. напр. книгу проф. А. Добіаша), распространяемъ каждую на нѣсколько частей рѣчи, въ чемъ расходимся съ установившимся обычаемъ (См. напр. у Д. И. Тихомирова). Число, съ точки зрѣнія современнаго русскаго грамматическаго мышленія, причисляется то къ категоріи предмета, то къ категоріи признака: шесть (шестерка) лошадей и въ шести верстахъ. Поэтому число слѣдуетъ ставить особнякомъ.

Въ I и II кл. сбережется время, употребляемое на объяснительныя диктовки, количество которыхъ естественно уменьшится.

Благодаря графическому методу, могутъ быть усвоены такіе отдѣлы морфологіи, прочное усвоеніе которыхъ безъ этого метода представляетъ почти непреодолимыя трудности. Таково напр. различеніе окончаній спряженій при письмѣ. Мы здѣсь разумѣемъ, конечно, не обычное, основанное на грубомъ смѣшеніи фонетическаго и этимологическаго принциповъ и потому вносящее сумбуръ въ головы учащихся правило, что спряженіе распознается по окончаніямъ 2 л. ед. и 3 л. мн. наст. изъяв. (Ср. напр. совершенно правильныя фонетически и сбивающія съ толку учениковъ при письмѣ: ходютъ, дышутъ и пр.). Здѣсь разумѣется нами различеніе спряженій глаголовъ по типамъ напр. наклоненія, каковы напр. для 2-го спряженія типы: носить, смотрѣть, кричать (глаголы на жать, чать, шать и щать съ выпадающимъ въ изъявит. наст. а—изъ ѣ). Только графическій методъ, съ его постепенностью, всестороннею наглядностью и обиліемъ образцовъ, можетъ дать знаніе трудной для дѣтскаго сангвиническаго ума послѣдней категоріи *).

Отдѣлъ о правописаніи нарѣчій легче можетъ быть усвоенъ при условіи анализа графически создаваемой на глазахъ и при помощи ученическихъ рукъ формы.

---

*) Усвоеніе правописанія спряженій слѣдуетъ начинать со 2-го спряж., какъ имѣющаго всего три типа глаголовъ. Изучивши ихъ, учащіеся всѣ глаголы, не подходящіе подъ названные типы, будутъ относить къ 1-му спряженію. О глаголахъ (немногочисленныхъ) разноспрягаемыхъ также даются необходимыя свѣдѣнія.

Если въ данномъ случаѣ графическій методъ соединить съ корнесловнымъ, о которомъ давно уже, въ началѣ 60-хъ годовъ, твердилъ у насъ акад. Срезневскій *), то усвоеніе правописанія нарѣчій: «вмѣстѣ, слѣва, совсѣмъ» и пр., не представитъ затрудненій.

Въ началѣ нашей статьи мы выставили, какъ цѣль преподаванія этимологіи, тотъ minimum знаній и «умѣній», который обязательно долженъ стать рано или поздно достояніемъ учащихся, будетъ ли ихъ преподаватель принадлежать къ лагерю грамматистовъ или къ лагерю ихъ противниковъ. Анализъ предлагаемаго здѣсь метода постепенно привелъ насъ къ заключенію, что, попутно съ этою цѣлью, достигаются при пользованіи имъ и другія, въ интересахъ преподаванія далеко не лишнія. Достиженіе этихъ цѣлей является возможнымъ, благодаря неотъемлемому достоинству этого метода, которое заключается въ томъ, что мы назвали бы всесторонней наглядностью (необходимо имѣть въ виду неточность термина «наглядность»).

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ сказать, что, для усвоенія правописанія многочисленныхъ корней и суффиксовъ, съ которыми на урокахъ орѳографіи особенно возиться не слѣдуетъ, необходимо также примѣненіе графическаго метода: здѣсь въ крайнемъ случаѣ можно ограничиться обычнымъ пріемомъ списыванія, особенно рекомендуемымъ новѣйшими методиками, напр. методикой г. Воскресенскаго. Мы только, съ своей стороны, могли бы посовѣтовать для списыванія пользоваться главнымъ образомъ матеріаломъ изъ области изящной словесности, разучиваемымъ учащимися на-

---

*) См. его книгу: «Объ изученіи родного языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ».

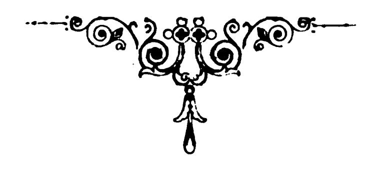

изустъ. Такое списываніе интересуетъ послѣднихъ, особенно, если учитель порекомендуетъ имъ пользоваться при этомъ популярной среди дѣтей и юношества формой альбомовъ (не такъ давно и взрослые интересовались альбомными стихами!). Но незамѣнимую услугу для цѣлей орѳографіи оказала бы система письменныхъ работъ по всѣмъ тѣмъ предметамъ, гдѣ слово учащихся является средствомъ обнаруженія знаній, о которой я въ свое время много писалъ въ «Филологическихъ Запискахъ». Эти упражненія въ живомъ письменномъ словѣ, основанныя на самыхъ широкихъ началахъ практики, удовлетворяя требованіямъ натуральнаго метода въ его примѣненіи къ письменному слову, дали бы возможность матеріалъ, сообщаемый на урокахъ грамматики, при какомъ угодно методѣ для учащихся не особенно интересной, свести къ minimum'у, который, думается намъ, удовлетворилъ бы многихъ даже изъ лагеря антиграмматистовъ.

Мы считали бы вопросъ, затронутый въ настоящей статьѣ, неисчерпаннымъ, если бы не сказали нѣсколько словъ по поводу вышедшаго въ 1900 году учебника этимологіи проф. Е. Ѳ. Будде. Книжка эта имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что вноситъ новое направленіе въ преподаваніе этимологіи, выдвигая на первый планъ языкъ произношенія, какъ предметъ теоретическаго изученія. Если бы мы приняли взглядъ автора этого руководства, то пришлось бы ввести въ кругъ теоретически изучаемаго въ низшихъ классахъ матеріала цѣлую новую дисциплину. Этотъ новый лингвистическій курсъ легъ бы, въ силу своихъ особенностей, въ дидактическомъ отношеніи тяжкимъ бременемъ на учащихся, сильно тормозилъ бы дѣло усвоенія

ороографіи (своими начертаніями: слаткій, лофкій, кроф и проч.)—и въ результатѣ..... «унеси ты мое горе, быстра рѣченька съ собой!» Вопросъ о научной сторонѣ этой книги требуетъ еще разсмотрѣнія (кое-что въ этомъ направленіи уже сдѣлано, но не безъ пристрастія); особенно нуждается въ этомъ отдѣлъ морфологіи. Тѣмъ не менѣе для публики, не посвященной въ тайны русскаго правописанія и толкующей о немъ вкривь и вкось, а также для педагоговъ, образовательный цензъ которыхъ ограничивается прохожденіемъ средней школы, знакомство съ книгой проф. Будде было бы не безполезно.

В. Гуссовъ.

Элементарные уроки по русской грамматикѣ*).

Краткая этимологія

ПРИБАВЛЕНІЕ.

А.

Слова, имѣющія въ корнѣ букву ѣ [1]).

1) Въ началѣ корня.

Ѣд-а; оттуда: **ѣ**-мъ (вм. **ѣд**-мъ), об-**ѣд**-ъ, об-**ѣд**-ня, медв-**ѣд**-ь, сн-**ѣд**-ь...
Ѣхать, **ѣ**здить, **ѣ**здокъ...

2) Послѣ б.

Бѣг-ъ, у-**бѣж**-ище..
Бѣд-а, **бѣд**-ный, по-**бѣд**-ить, у-**бѣд**-ить.
Бѣл-ъ, **бѣл**-ье, **бѣл**-ка, **бѣл**-уга.
Бѣс-ъ, **бѣш**-еный...

3) Послѣ в.

Вѣ-ять, **вѣ**теръ, **вѣ**твь, **вѣ**еръ...
Вѣд-ать, **вѣс**ть, по-**вѣс**-ть, не-**вѣж**-да...
Нев**ѣст**а...
Вѣ-жа (палатка).
Вѣк-ъ, **вѣч**-ный, у-**вѣч**-ить...
Вѣн-окъ, **вѣн**-ецъ, **вѣн**-икъ...
Вѣр-а, **вѣр**-оятно, суе-**вѣр**-іе...
Вѣс-ъ, **вѣш**-ать, по-**вѣс**-а.

---

*) См. съ IV в. 1900 г. и за 1901, 1902, и 1903 годы.
[1]) О способѣ усвоенія ихъ см. въ предисловіи.

Звѣзда...
Звѣр-ь...
От-вѣт-ъ, со-вѣт-ъ, при-вѣт-ъ, за-вѣ-тъ, вѣщ-ать, об-ѣщ-ать, об-ѣт-ъ...
Свѣжій...
Свѣт-ъ, свѣч-а, освѣщ-еніе [2])...
Цвѣт-ъ цвѣс-ти...

4) П о с л ѣ д.

Дѣ-ть, дѣ-вать; о-дѣ-ть, о-дѣ-вать, о-дѣ-яло (но о-де-жда), дѣ-ло, дѣ-лать, дѣ-йствовать; не-дѣ-ля; на-дѣ-яться (но на-дежда)...
Дѣл-ить, пре-дѣл-ъ...
Дѣв-а..
Дѣд-ъ...
Дѣти (ед. ч. дитя)...

5) П о с л ѣ з.

Зѣ-вать, зѣ-въ, рото-зѣ-й...
Зѣло (названіе (церк.-слав. буквы).
Зѣн-ица.

6) П о с л ѣ л.

Лѣв-ый, лѣв-ша...
Лѣз-ть, лѣс тница...
Лѣк-арь, лѣч-ить, лѣк-арство...
Лѣн-ь
Лѣп-ить, не-лѣп ый, велико-лѣп-ный...
Лѣс-ъ, лѣш ій...
Лѣт-о...
Блѣдный...
Желѣзо (но: железа, мн железы, железка)...
Калѣка...
Клѣт-ь, клѣт-ка...

---

[2]) Не нужно смѣшивать съ словомъ: о-свящ-еніе (отъ корня свят).

Лелѣять...
Млѣ-ть..
Плѣн-ъ, **плѣн**-никъ...
Плѣсень...
Плѣшь .
Слѣд-ъ, **слѣд**-ствіе...
Слѣп-ой...
Телѣ-га..
Хлѣб-ъ...
Хлѣв-ъ..

7) Послѣ м.

Мѣд-ь...
Мѣл-ъ...
Мѣн-а, изъ-**мѣн**-никъ не-пре-**мѣн**но...
Мѣр-а, на-**мѣр**-еніе, лице-**мѣр**-ъ ..
Мѣс-ить, **мѣш**-ать, по-**мѣх**-а...
Мѣст-о, **мѣщ**-анинъ, по-**мѣщ**-икъ...
Мѣс-яцъ...
Мѣт-ить, за-**мѣч**-ать, с-**мѣт**-ить, **смѣт**-а... [8])
Мѣх-ъ, **мѣш**-окъ..
Мѣшкать (т.-е. медлить)..
Змѣй, змѣя..
Смѣ-ть, **смѣ**-лый, **смѣ**-яться, **смѣ**-хъ...

8) Послѣ н.

Нѣг-а, **нѣж**-ный...
Нѣм-ой, **нѣм**-ецъ...
Гнѣв-ъ...
Гнѣд-ой..
Гнѣзд-о...
Снѣ-гъ..

---

[8]) Не должно смѣшивать со словами отъ корня мет: мет-ать, пред-метъ и проч.

9) Послѣ п.

Пѣ-ть, пѣ-сня, пѣ-тухъ.
Пѣг-ій..
Пѣн-а...
Пѣх-ота, пѣш-ій.
Спѣ-ть, спѣ-хъ, спѣ-шить, у-спѣ-хъ...

10) Послѣ р.

Рѣ-ять...
Рѣка..
Рѣч-ь, на-рѣч-іе (но: реку, из-реч-ь, из-реч-еніе)..
Рѣд-кій...
Рѣп-а (но: репейникъ)...
Рѣсн-ица...
Зрѣ-ть. со-зрѣ-ть, зрѣ-лый...
Об-рѣт-ать, об-рѣс-ти, С рѣт-еніе, вст-рѣч-ать...
Про-рѣх-а, рѣш-ето, рѣш-етка...
Рѣш-ать, рѣш-ить..
Грѣхъ, грѣш-итъ...
Крѣпкій...
Орѣхъ...
Прѣ-ть, прѣлый, прѣніе (т.-е. гніеніе; но преніе, т.-е. споръ, пишется черезъ е)...
Прѣсный.,.
Срѣла.....
Хѣнъ...

11) Послѣ с.

Сѣ-ять, сѣ-мя, (но: семья, семейство)...
Сѣверъ..
Сѣд-ло, сѣс-ть, бе-сѣд-а (но: село, седить, селеніе)...
Сѣд-ой, сѣд-ѣть...
Сѣк-у, сѣч-а, про-сѣкя, на-сѣкомое...
Сѣн-ь, о-сѣн-ить, сѣн-и...
Сѣно...
Сѣр-ый сѣр-а...

По-сѣт-ить, по-сѣщ-ать...
Сѣтовать...
Сѣть, сѣтка...

12) Послѣ т.

Тѣло...
Тѣнь, с-тѣн-а...
Тѣсто...
Тѣсный...
За-тѣ-ять, за-тѣ-я...
У-тѣх-а, тѣш-ить...

13) Послѣ ц.

Цѣд-ить...
Цѣл-ый, ис-цѣл-ить, цѣл-овать...
Цѣль...
Цѣн-а...
Цѣп-ь, цѣп-лять,
Цѣп-ъ, цѣп-енѣть...

Кромѣ того, ѣ *пишется еще въ слѣдующихъ именахъ:*

Глѣбъ, Алексѣй, Елисѣй, Еремѣй, Матвѣй, Сергѣй, Рогнѣда, Вѣна (городъ); рѣкъ: Днѣпръ, Днѣстръ, Нѣманъ; народовъ: печенѣги, индѣйцы; апрѣль (мѣсяцъ).

Примѣчаніе.—*Послѣ шипящихъ и гортанныхъ въ корняхъ*—ѣ *не пишется.*

Б.

Примѣры для грамматическаго разбора.

I. Разборъ предложенія.

1) Краткое или распространенное предложеніе?
2) Утвердительное или отрицательное?

3) Повѣствовательное, вопросительное или восклицательное?

4) Полное или неполное?

5) Гдѣ подлежащее?

6) Гдѣ сказуемое?

7) Какія объяснительныя слова?

8) Какъ называется каждое изъ нихъ?

9) Къ какимъ словамъ относятся объяснит. слова и на какіе вопросы отвѣчаютъ?

Тиха украинская ночь. Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ. Своей дремоты превозмочь не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ сребристыхъ тополей листы.

Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ. Огонь казачій пламенѣлъ. Пшеницу казаки варили.

Бродилъ я въ глубинѣ запущеннаго сада. Гасъ красный блескъ зари. Деревья безъ листовъ стояли черныя. Осенняя прохлада стояла въ воздухѣ.

(Вотъ) и лѣсъ. Тѣнь и тишина. Статныя осины высоко лепечутъ надъ водами.

(Вотъ) наступаетъ вечеръ. Заря запылала пожаромъ. Солнце садится. Воздухъ вблизи особенно прозраченъ.

Нынче не въ мѣру вода разлилась. Нева всю ночь рвалася къ морю. Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ. Мы сегодня пойдемъ гулять, маменька? (Вотъ) по зарѣ стучатъ проворные цѣпы. За четверть часа до захожденія солнца весной вы входите въ дубовую рощу.
Какъ, милый пѣтушокъ, поешь ты голосисто!— Котъ-Васька плутъ! Котъ-Васька воръ! Какъ воздухъ чистъ! Какъ ясенъ небосклонъ!—Весна! выставляется первая рама.

Что ты ржешь, мой конь ретивый? Что ты шею опустилъ? не потряхиваешь гривой, не грызешь своихъ удилъ? Али я тебя не холю? Али ѣшь овса не въ волю? Али сбруя не красна? Аль по-

водья не шелковы, не серебряны подковы, не злачены стремена?

Изъ шатра выходитъ Петръ. Его глаза сіяютъ. Ликъ его ужасенъ. Движенья быстры. Онъ прекрасенъ. Идетъ...

Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ осетинскихъ мельницъ. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы. Ущелье извивается вдоль его теченія. Каменныя подошвы горъ обточены его волнами.

Мы въѣхали въ городъ. Утро было прекрасное. Городъ поразилъ насъ многолюдствомъ. Улицы его широки. Зданія величественно поднимаются по сторонамъ. Архитектура ихъ замѣчательна.

Тамъ (на валу) уже толпились всѣ жители крѣпости. Гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ. Пушку туда перетащили наканунѣ. Комендантъ расхаживалъ передъ своимъ малочисленнымъ строемъ. Близость опасности одушевляла воина бодростью необыкновенною.

II. Разборъ частей рѣчи.

1. Имя существительное [4]).

Разобрать имена сущ. по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Какъ начало слова?
2) Какой предметъ обозначается именемъ?
3) Собственное или нарицательное имя?

[4]) Въ примѣрахъ подробно разбираются только имена существительныя; объ остальныхъ словахъ ученики говорятъ лишь, къ какой части рѣчи каждое изъ нихъ относится. Также поступать при разборѣ и другихъ частей рѣчи.

4) Какого рода?
5) Какого склоненія?
6) Какого числа?
7) Какого падежа?
8) Отъ какого слова зависитъ падежъ?
9) Твердое или мягкое окончаніе?

Примѣчаніе. Слѣдуетъ объяснить правописаніе существительнаго.

а) Ежъ полезенъ.—Колокольчикъ звонокъ.—Листочекъ распустился.—Безъ Бога ни до порога.—Въ храмѣ молятся Богу.—Дворъ огораживаютъ заборомъ.—Домъ былъ построенъ еще при покойныхъ братьяхъ Алексѣѣ и Василіи. Крестьяне почти всѣ земледѣльцы.—Осенью листья опадаютъ.—Городовъ много.—Дѣти почитаютъ родителей.—Карандашами пишутъ и рисуютъ.

б) Весело глянуло солнышко.—Идутъ косцы съ поля.—По морю плаваютъ корабли.—Покойника понесли на кладбище.—За селомъ, въ полѣ, виднѣются курганы.—Имя дается намъ при крещеніи.—Не всѣ наши желанія исполняются.—Сады разводятъ около жилищъ.—Деревьямъ вредятъ нѣкоторыя насѣкомыя.—Въ училища принимаютъ дѣтей съ семи или восьми лѣтъ.—Небеса покрылись облаками. Солнце сѣло въ облакахъ.—

в) Няня смотритъ за дѣтьми.—На лугахъ выросла травушка.—Смерть у всякаго за плечами.—Изъ пѣсни слова не выкинешь.—Дѣти пошли къ тетѣ съ нянею.—Людей зовутъ по имени, отчеству и фамиліи.—Хлѣбныя зерна разсѣваютъ въ землю.—Въ рѣкѣ купаются.—На линіи желѣзной дороги стоятъ будки сторожей.—Въ небесахъ сверкаютъ звѣзды.—Громады тучъ заслонили солнце.—Изъ вишенъ и дынь варятъ варенье. По деревнямъ весною кипитъ работа.—Въ саду порубили вѣтви.—Косари работаютъ на нивахъ съ пѣснями.

г) Смерть ко всѣмъ близка.—Отъ смерти никто не уйдетъ.—Къ смерти всякъ готовься.—На жизнь, на смерть—поруки нѣтъ.—Смерть миритъ со всякою долею.—Со смертію не поспоришь.—При жизни думай о смерти.—Со всякимъ случаются бѣды да печали.—Безъ печей домовъ не бываетъ.—Птицы разсѣлись по вѣтвямъ деревьевъ.—Кошки ловятъ мышей.—При почестяхъ бываютъ и съ горестями.—

Бѣдняку и грошъ дорогъ.—Цвѣточекъ и въ полѣ бываетъ красивъ.—Въ травѣ трещитъ кузнечикъ.—Въ Кіевѣ много святынь.—Мои братья учатся въ гимназіи.—Поселяне отправились въ поле.—Въ счастіи и несчастіи не забывай о Богѣ.—Въ гнѣздышкѣ птичкѣ тепло.—Озера бываютъ глубоки.—Нѣкоторыя деревья долго растутъ.—Топоры безъ топорищъ не употребляются —Рожь кормитъ всѣхъ людей.—Весело гулять по дубравушкѣ.—Мы путешествовали по Россіи на пароходѣ и по желѣзной дорогѣ.—Россія расположена рядомъ съ Австріею и Германіею.—Рощъ и лѣсовъ осталось мало въ нашей губерніи.—Ели и сосны красивы.—Безъ печали не проживешь.—Къ ночи всѣ собираются по домамъ.—Въ тѣни лѣтомъ прохладно.—Къ родителямъ относись съ любовію и преданностію.—Небеса повѣдаютъ славу Божію.—Взрослыя дочери помогаютъ матерямъ.—Полкъ идетъ со знаменемъ.—Все погибло въ пламени.—Дикія племена войнолюбивы.

2. Имя прилагательное

Разобрать имена прил. по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Начало слова?
2) Какое прилагательное?

3) Съ какимъ окончаніемъ: полнымъ или краткимъ?

4) Твердаго или мягкаго склоненія?

5) Къ какому существ. относится?

6) Какого числа?
7) Какого рода?
8) Какого падежа?
} Почему?

9) Какая степень сравненія (если прилагательное качественное)?

Тотъ хорошъ, кто на дѣло гожъ.—Весело раскатывается молодой весенній громъ.—Въ лѣтнее время утренняя заря начинается вскорѣ послѣ вечерней.—Божья премудрость Божіе творенье сохраняетъ.—Добрый человѣкъ надежнѣе каменнаго моста.—Кромѣ густого мха, мы ничего не найдемъ на землѣ въ дремучемъ еловомъ лѣсу.—Время осенняго птичьяго отлета самое пріятное для охотника.—Не далъ Богъ волку медвѣжьей силы, а медвѣдю волчьей смѣлости.—Больному и золотая кровать не поможетъ.—Весенней птичьей пѣснѣ, кажется, и конца нѣтъ.—Лисью нору не скоро найдешь.—Въ одну чудную теплую лѣтнюю ночь мы всѣ, кромѣ матери, отправились на тоню.—Больной заснулъ тихимъ, спокойнымъ сномъ.—Люблю дорожкою лѣсною, не знаю самъ куда, брести; двойной глубокой колеею бредешь, и нѣтъ конца пути..—И вечерней, и ранней порою много старцевъ и вдовъ, и сиротъ подъ окошками ходитъ съ сумою.—Въ баснѣ лисица восхищалась вороньею красотою и вороньимъ пѣніемъ.—Братъ очень красивъ въ охотничьемъ нарядѣ на своей охотничьей лошади.—Передніе стройные ряды войска уже прошли городскія стѣны и пустынныя улицы и выстроились на площади.—Лисьи глазки зорки, лисьи ушки чутки.—На Черномъ мо-

рѣ отъ сильныхъ осеннихъ вѣтровъ бываютъ страшныя бури. Деревенскіе ребятишки—первые разорители птичьихъ гнѣздъ.—Не вѣрь чужимъ рѣчамъ, а вѣрь своимъ очамъ.—По заячьимъ слѣдамъ доходятъ и до медвѣжьей берлоги.—Въ переднихъ медвѣжьихъ лапахъ заключается страшная сила.—Въ Россіи есть горы съ высочайшими вершинами.—На Нижегородской ярмаркѣ ведется огромнѣйшая торговля лисьими, бѣличьими, заячьими и всякими другими мѣхами.—Правая рука сильнѣе лѣвой.—Веселѣй нѣтъ поры обмолота: легкая дружно спорится работа; вторитъ ей эхо лѣсовъ и полей, словно кричитъ: поскорѣй, поскорѣй!—Красивѣе всего въ лѣсу береза.—Всѣ породы рѣчныхъ рыбъ могутъ жить въ одной и той же рѣкѣ, если ея теченія продолжительно, только однѣ выше, гдѣ вода холоднѣе и чище, а другія ниже, гдѣ вода теплѣе и мутнѣе.—Въ обширнѣйшихъ сибирскихъ лѣсахъ водится много пушныхъ звѣрей.—Псковъ—одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ.

3. Имя числительное.

Разобрать имена числительныя по слѣдующимъ вопросамъ [5]):

1) Какъ начало слова?
2) Какое числительное?
3) Какого числа?
4) Какого рода?
5) Какого падежа?

Въ нашемъ классѣ было пятьдесятъ учениковъ. Изъ нихъ тридцать семь переведены въ слѣдующій

---

[5]) Если на какой-либо вопросъ не можетъ быть данъ отвѣтъ, то вопросъ слѣдуетъ пропустить.

классъ, одиннадцати назначена переэкзаменовка, одинъ оставленъ на повторительный курсъ, а одного помѣстили въ другомъ заведеніи.—Двѣ сохи по одной бороздѣ не ѣздятъ.—Село дворовъ въ двѣсти раскинулось по обѣимъ сторонамъ дороги.—Декабрь—двѣнадцатый мѣсяцъ въ году.—Въ жизни бываютъ не однѣ только радости.—У однѣхъ рѣкъ теченіе быстрое, а другихъ медленное.—Праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы бываетъ восьмого сентября, Введенія во храмъ—двадцать перваго ноября, Благовѣщенія—двадцать пятаго марта, Успенія Божіей Матери—пятнадцатаго августа.—Русь приняла крещеніе въ девятьсотъ восемьдесятъ восьмомъ году. Петръ Великій родился въ тысяча шестьсотъ семьдесятъ второмъ году.—Полтавское сраженіе происходило двадцать седьмого іюня тысяча семьсотъ девятаго года, а Бородинское двадцать шестого августа тысяча восемьсотъ двѣнадцатаго года.—Въ нашей гимназіи четыреста учениковъ.

4. Мѣстоименіе.

Разобрать мѣстоименія по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Какъ начало слова?
2) Какое мѣстоименіе?
3) Какого числа, рода и падежа?

Меня и тебя одарили, и себя не забыли.—Мнѣ двѣнадцатый годъ.—Тебѣ нездоровится.—Сирота заботится самъ о себѣ.—Я люблю Москву и ея окрестности.—Народъ думаетъ, что карканье вороны предвѣщаетъ бѣду, и называетъ ее вѣщуньей.—Эти стихотворенія нужно выучить наизусть: они намъ заданы, а тѣ статьи только прочитать: онѣ очень интересны.—Моего не трогай, и я твоего не возьму.—У нашего Егорки на все отговорки.—Солнышко

ко того согрѣй, тѣмъ свѣту дай и всѣхъ при томъ благословляй.—Всѣ люди грѣшны.—Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.—Съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься.—Никто не знаетъ самаго вѣрнаго лѣкарства отъ смерти.—Въ своемъ несчастіи некого больше винить, кромѣ себя самого.—Жилъ нѣкто, бѣдный человѣкъ.—Между мною и тобою есть нѣчто общее.—Сегодня у насъ никого нѣтъ дома.—Не съ кого спрашивать, если самъ виноватъ.—Я здѣсь ни съ кѣмъ незнакомъ.—Бѣда прошла, не о чемъ теперь безпокоиться.—Лѣтомъ мы ни за что не останемся жить въ городѣ.—Ничьему счастью не завидуй.—Ничья работа такъ красиво не переписана, какъ твоя.—Ничьи грѣхи не считай меньше своихъ.—Кого-то нѣтъ между нами.—Братъ чѣмъ-то занятъ.—Свои книги я подарю кому-нибудь.—Порасскажи-ка намъ о чемъ-нибудь!—Кое-кто уже пришелъ.—Изъ потеряннаго кое-что найдено.—Кое къ кому нужно зайти.—Слѣдуетъ заняться кое-чѣмъ.

5. Глаголъ.

Разобрать глаголы по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Начало глагола?
2) Какого залога?
3) Какого вида?
4) Какого наклоненія?
5) Какого времени?
6) Лицо?
7) Число?
8) Родъ (если прош. вр.)?
9) Какого спряженія?

Потемнѣть заря уже готова.—Трудно самому учиться, а учить другихъ еще труднѣе.—Не всегда можно остеречься отъ ошибки.—Не нужно ссориться.—За шалости тебѣ быть сегодня наказаннымъ.—Когда я вижу море, я нѣмѣю отъ восторга.—Ты

мало трудишься и ничего не знаешь.—Дитя воспитывается родителями.—Братъ могъ бы хорошо учиться, но онъ все лѣнится и плохо учится.—Когда мы старимся, то сѣдѣемъ.—Зачѣмъ вы съ глупымъ свяываетесь?—Напрасно вы гордитесь и считаете себя выше другихъ.—Передъ нами разстилаются неоглядныя поля.—Картины рисуются художниками.—Окна и двери дѣлаютъ столяры.—Дома строятся каменщиками и плотниками —Вотъ пригрѣло солнышко: проснулись и запѣли птички. —Я хотѣлъ бы уѣхать съ утреннимъ поѣздомъ; но я поздно встаю и не надѣюсь поспѣть къ поѣзду во-время.—Пока я буду одѣваться, вы отправляйтесь; я васъ догоню.—Станешь лѣниться, будешь съ сумой волочиться.—Сонливаго не добудишься, лѣниваго не дошлешься.—Опустѣютъ скоро нивы, лѣсъ кудрявый посѣдѣетъ, сводъ небесный поблѣднѣетъ —Шило въ мѣшкѣ не утаится.—Если будетъ свѣтить мѣсяцъ, то мы и ночью поѣдемъ кататься по рѣкѣ.—Когда приготовите уроки, то пойдите погулять.—Когда будете гостить у тети, заѣзжайте къ намъ.—За что они ни возьмутся, а ужъ конца добьются —Придетъ весна, станутъ зеленѣть и пестрѣть луга цвѣтами.—Стань около меня!—Исправься, другъ!—Отвѣтьте мнѣ урокъ.—Приготовьтесь къ завтрашнему дню.—Ты пиши, а онъ пусть читаетъ.—Вы гуляйте, а они пусть занимаются.—Вдали вьется рѣка синѣющей лентой.—Гляжу: поднимается въ гору лошадка, везущая хворосту возъ.—Чуть-чуть слышится шепотъ едва шевелящихся листьевъ.—Съ трескомъ сталкиваются набѣгающія другъ на друга льдины и вздымаютъ пѣнящіяся волны.—Погасавшій костеръ еще дымился; его залили водой.—Снѣгъ, поднимаемый бушевавшимъ вѣтромъ, залѣплялъ наши глаза.—Льдины, уносимыя быстрымъ теченіемъ, ломали изгороди и деревья.—Потеряннаго времени не во-

ротишь.—Забытое въ молодости часто вспоминается въ старости.—Для всякаго дѣла требуются умѣлыя руки.—Всѣ деревья въ саду покрыты зрѣлыми плодами.—Мы молимъ Господа простить намъ грѣхи, содѣланные вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ.—О Провидѣніе, благословеніе намъ ниспошли! Къ благу стремленіе, въ счастьи смиреніе, въ скорби терпѣніе дай на землѣ!

B.

Упражненія въ повтореніи всего пройденнаго.

I.

Объяснить въ словахъ написаніе буквъ и слоговъ, напечатанныхъ крупнымъ шрифтомъ.

Лѣсъ и степь.

I. Знаете ли вы [6]), напримѣръ, какое наслажденіе выѣхать весной до зари? Вы выходите на крыльцо: на темносѣромъ небѣ кой-гдѣ мигаютъ звѣзды; влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной; слышится [7]) сдержанный, неясный шепотъ ночи, деревья слабо шумятъ, облитыя тѣнью. Вотъ кладутъ коверъ на телѣгу, ставятъ въ ноги ящикъ съ самоваромъ. Пристяжныя ежатся, фыркаютъ и щеголевато переступаютъ ногами; пара только что проснувшихся бѣлыхъ гусей, молча и медленно, перебирается черезъ дорогу. За плетнемъ, въ саду, мирно похрапываетъ сторожъ; каждый звукъ словно стоитъ въ застывшемъ воздухѣ,—стоитъ и не проходитъ. Вотъ вы сѣли, лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга. Вы ѣдете-ѣдете мимо церкви, съ горы направо, черезъ плотину; прудъ

едва начинаетъ дымиться. Вамъ холодно немножко: вы закрываете лицо воротникомъ шинели; вамъ дремлется. Лошади скучно шлепаютъ ногами по лужамъ, кучеръ посвистываетъ. Но вотъ вы отъѣхали версты четыре—край неба алѣетъ; въ березахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки; воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдъ.

II. Свѣтлѣетъ воздухъ, виднѣй дорога, яснѣетъ небо, бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тѣмъ заря разгарается; вотъ уже золотыя полосы потянулись по небу; въ оврагахъ клубятся пары; жаворонки звонко поютъ; передразсвѣтный вѣтеръ подулъ, и тихо всплываетъ багровое солнце. Свѣтъ такъ и хлынетъ потокомъ; сердце въ васъ встрепенется, какъ птица. Свѣжо, весело, любо! Далеко видно кругомъ. Вонъ за рощей деревня; вонъ подальше другая съ бѣлой церковью; вонъ березовый лѣсокъ на горѣ; за нимъ болото, куда вы ѣдете. Живѣе кони, живѣе! Крупной рысью впередъ! версты три осталось, не больше. Солнце быстро поднимается; небо чисто; погода будетъ славная. Стадо потянулось изъ деревни къ вамъ навстрѣчу. Вы взобрались на гору... какой видъ! рѣка вьется верстъ на десять, тускло синѣя сквозь туманъ; за ней водянисто-зеленые луга; за лугами пахучіе холмы; вдали чибисы съ крикомъ вьются надъ болотомъ; сквозь влажный блескъ, разлитый въ воздухѣ, ясно выступаетъ даль—не то, что лѣтомъ. Какъ дышитъ грудь, какъ бодро движутся члены, какъ крѣпнетъ весь человѣкъ, охваченный свѣжимъ дыханіемъ весны!

III. А лѣтнее іюльское утро! Кто, кромѣ охотника, испыталъ, какъ отрадно бродить на зарѣ по кустамъ? Зеленой чертой ложится слѣдъ вашихъ ногъ по росистой, побѣлѣвшей травѣ. Вы раздви-

нете мокрый кустъ,—васъ такъ и обдастъ накопившийся запахомъ ночи; воздухъ весь напоенъ свѣжей горечью полыни, медомъ гречихи и кашки; вдали стѣной стоитъ дубовый лѣсъ и блеститъ, и алѣетъ на солнцѣ; еще свѣжо, но уже чувствуется близость жара. Голова томно кружится отъ избытка благоуханій. Кустарнику нѣтъ конца... Кой-гдѣ развѣ вдали желтѣетъ поспѣвающая рожь, узкими полосками краснѣетъ гречиха. Вотъ заскрипѣла телѣга; шагомъ пробирается мужикъ, ставитъ заранѣе лошадь въ тѣнь. Вы поздоровались съ нимъ, отошли,—звучный лязгъ косы раздается за вами. Солнце все выше и выше. Быстро сохнетъ трава. Вотъ уже жарко стало. Проходитъ часъ, другой... Небо темнѣетъ по краямъ; колючимъ зноемъ пышетъ неподвижный воздухъ. „Гдѣ бы, братъ, тутъ напиться?“ спрашиваете вы у косаря.—„А вонъ въ оврагѣ колодезь“.—Сквозь густые кусты орѣшника, перепутанные цѣпкой травой, спускаетесь вы на дно оврага; точно: подъ самымъ обрывомъ таится источникъ; дубовый кустъ жадно раскинулъ надъ водою свои лапчатые листья; большіе серебристые пузыри, колыхаясь, поднимаются со дна, покрытаго мелкимъ бархатнымъ мохомъ. Вы бросаетесь на землю, вы напились, но вамъ лѣнь пошевельнуться. Вы въ тѣни, вы дышите пахучей сыростью; вамъ хорошо; а противъ васъ кусты раскаляются и словно желтѣютъ на солнцѣ. Но что это? Вѣтеръ внезапно налетѣлъ и промчался; воздухъ дрогнулъ кругомъ; ужъ не громъ ли? Вы выходите изъ оврага—что за свинцовая полоса на небосклонѣ? зной ли густѣетъ? туча ли надвигается? Но вотъ слабо сверкнула молнія: э, да это гроза! Кругомъ еще ярко свѣтитъ солнце; охотиться еще можно. Но туча растетъ: передній ея край вытягивается рукавомъ, наклоняется сводомъ. Трава, кусты, все вдругъ потем-

нѣло... Скорѣй! вонъ, кажется, сѣнной сарей... скорѣе! . Вы добѣжали, вошли... .Каковъ дождикъ? каковы молніи? Кой-гдѣ сквозь соломенную крышу закапала вода на душистое сѣно. Но вотъ солнце опять заиграло. Гроза прошла; вы выходите: Боже мой, какъ весело сверкаетъ все кругомъ; какъ воздухъ свѣжъ и жидокъ; какъ пахнетъ земляникой и грибами!

IV. Но вотъ наступаетъ вечеръ. Заря запылала пожаромъ и обхватила полнеба. Солнце садится. Воздухъ вблизи какъ то особенно прозрачевъ, словно стеклянный; вдали ложится мягкій паръ, теплый на видъ; вмѣстѣ съ росой падаетъ алый блескъ на поляны, еще недавно облитыя потоками жидкаго золота; отъ деревьевъ, отъ кустовъ, отъ высокихъ стоговъ сѣна побѣжали длинныя тѣни. Солнце сѣло; звѣзда зажглась и дрожитъ въ огнистомъ морѣ заката. Вотъ оно блѣднѣетъ; синѣетъ небо; отдѣльныя тѣни исчезаютъ; воздухъ наливается мглою Пора домой, въ деревню, въ избу, гдѣ вы ночуете. Закинувъ ружье за плечи, быстро идете вы, несмотря на усталость. А между тѣмъ наступаетъ ночь: за двадцать шаговъ уже не видно: собаки едва бѣлѣютъ во мракѣ. Вонъ надъ черными кустами край неба смутно яснѣетъ: что это? пожаръ? Нѣтъ, это выходитъ луна; а вонъ внизу, направо, уже мелькаютъ огоньки деревни. Вотъ, наконецъ, и ваша изба. Сквозь окошко видите вы столъ, накрытый бѣлой скатертью; горящую свѣчу, ужинъ.

V. А то велишь заложить бѣговыя дрожки и поѣдешь въ лѣсъ на рябчиковъ. Весело пробираться по узкой дорожкѣ, между двумя стѣнами высокой ржи. Колосья тихо бьютъ васъ по лицу, васильки цѣпляются за ноги; перепела кричатъ кругомъ; лошадь бѣжитъ лѣнивою рысью. Вотъ и лѣсъ. Тѣнь и тишина. Статныя осины высоко лепечутъ надъ

вами; длинныя висячія вѣтви березъ едва шевелятся; могучій дубъ стоитъ, какъ боецъ, подлѣ красивой липы. Вы ѣдете по зеленой, испещренной тѣнями дорожкѣ; большія желтыя мухи неподвижно висятъ въ золотистомъ воздухѣ и вдругъ отлетаютъ; мошки вьются столбомъ, свѣтлѣя въ тѣни, темнѣя на солнцѣ; птицы мирно поютъ. Золотой голосокъ малиновки звучитъ невинной, болтливою радостію: онъ идетъ къ запаху ландышей. Далѣе, далѣе, глубже въ лѣсъ .. Лѣсъ глохнетъ... неизъяснимая тишина западаетъ въ душу; да и кругомъ тамъ дремотно и тихо. Но вѣтеръ набѣжалъ, и зашумѣли верхушки, словно падающія волны. Сквозь прошлогоднюю бурую листву кой-гдѣ растутъ высокія травы; грибы стоятъ отдѣльно подъ своими шапками. Бѣлякъ вдругъ выскочитъ: собака съ звонкимъ лаемъ помчится вслѣдъ.

VI И какъ этотъ же самый лѣсъ хорошъ поздней осенью, когда прилетаютъ вальдшнепы! Они не держатся въ самой гущѣ: ихъ надобно искать вдоль опушки. Вѣтра нѣтъ, и нѣтъ ни солнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движенія, ни малѣйшаго шума; въ мягкомъ воздухѣ разлитъ осенній запахъ, подобный запаху вина; тонкій туманъ стоитъ вдали надъ желтыми полями. Сквозь обнаженные бурые сучья деревьевъ мирно бѣлѣетъ неподвижное небо; кой-гдѣ на липахъ висятъ послѣдніе золотые листья. Сырая земля упруга подъ ногами; высокія сухія былинки не шевелятся; длинныя нити блестятъ на поблѣднѣвшей травѣ.

VII. А осенній ясный немножко холодный утромъ, морозный день, когда береза, словно сказачное дерево, вся золотая, красиво рисуется на блѣдно-голубомъ небѣ; когда низкое солнце уже не грѣетъ, но блеститъ ярче лѣтняго; небольшая осиновая роща вся сверкаетъ насквозь, словно ей ве-

село и легко стоять голой; изморозь еще бѣлѣетъ на днѣ долинъ, а свѣжій вѣтеръ тихонько шевелитъ и гонитъ упавшіе, покоробленные листья? когда по рѣкѣ радостно мчатся синія волны, тихо вздымая разсѣянныхъ гусей и утокъ; вдали мельница стучитъ, полузакрытая вербами, и, пестрѣя въ свѣтломъ воздухѣ, голуби быстро кружатся надъ ней?

VIII. Хороши также лѣтніе туманные дни, хотя охотники ихъ и не любятъ. Въ такіе дни нельзя стрѣлять: птица, выпорхнувъ у васъ изъ-подъ ногъ, тотчасъ же исчезнетъ въ бѣловатой мглѣ неподвижнаго тумана. Но какъ тихо, какъ невыразимо тихо все кругомъ! Все проснулось и все молчитъ. Вы проходите мимо дерева: оно не шелохнется, оно нѣжится. Сквозь тонкій паръ, ровно разлитый въ воздухѣ, чернѣется передъ вами длинная полоса. Вы принимаете ее за близкій лѣсъ; вы подходите: лѣсъ превращается въ высокую гряду полыни на межѣ Надъ вами, кругомъ васъ—всюду туманъ... Но вотъ вѣтеръ слегка шевельнется—клочокъ блѣдно-голубого неба смутно выступитъ сквозь рѣдѣющій, словно задымившійся паръ; золотисто-желтый лучъ ворвется вдругъ, заструится длиннымъ потокомъ, ударитъ по полямъ, упрется въ рощу... и вотъ опять все заволоклось. Долго продолжается эта борьба; но какъ несказанно великолѣпенъ и ясенъ становится день, когда свѣтъ, наконецъ, восторжествуетъ, и послѣднія волны согрѣтаго тумана то скатываются и разстилаются скатертями, то взвиваются и исчезаютъ въ голубой, нѣжно сіяющей, вышинѣ!

И. Тургеневъ.

II.

Поставить пропущенныя буквы [8]).

Лѣтній полдень.

Солнц . гор..ло высок.. и знойн... Въ пол.., въ рощ.., въ воздух.. царствовало без.. молві..; н..что не шелыхалось, не отзывалось жизн..ю: кузнеч..къ пріутихъ и не трещалъ въ л...сной трав...; даже гибкі.. длинны . стебли дик. . чеснока съ ихъ тучн..ю верхушк..ю стояли неподвижн.. на закраин.. дорог.. Густой паръ подымался отъ земл.. и растен...й, и душн.. было въ переливающихся струяхъ воздуха.

Григоровичъ.

Красоты Божьяго міра.

Какъ пр..крас..нъ м..ръ Божій! Выйд..ш.. на открытое м..сто и вид..ш.. высокі.. горы, долины, темны.. л..са, р..ки, луга съ пестр. ющими цв..тами, пашни, сады. Вс.. тихо; но вотъ поднялся жаворонокъ и вьет..ся въ воздух.., и щебеч..тъ свою весел..ю п..сню; кое-гд.. въ кустахъ порхают.. малиновка и другі.. пѣвчі.. птички; тамъ прожужжит.. возл.. уха пролет..вшая пчела; зд. сь п . стебелькамъ травы ползают.. нас..комы..; въ св..тл .мъ пруд.. плава..тъ множество рыбъ. А на син..мъ неб.. сія..тъ великол .пн..ш..е солнце; ночью в .м..сто него св..тит.. м..сяцъ, и зв..зд. сверкают.. въ вышин.. Каж..тся, не надышат..ся эт..мъ воздух..мъ, не нагляд..т..ся на природу и е.. красоту!

(*Изъ Диктовокъ Семека*).

---

[8]) Каждую статью ученики должны предварительно всю прочитать; всѣ непонятныя слова и выраженія слѣдуетъ имъ объяснять.

Лѣсное озеро.

Деревь.. становились гущ... Къ осинамъ и оль хамъ начали присоединят..ся березы, и скор.. обра зовалась л..сная гущина. Свѣтъ солнц.. скрылся; затемн..ли сосн.. и ели. Непробудный мракъ бе..конечн... лѣса пр..вратился въ ноч... И в.другъ промеж.. деревь.въ появился свѣтъ, точн.. живое серебро или зеркало. Лѣсъ началъ осв..щат..ся, деревья р..д..ть; послышались крики, и в..другъ передъ нами озеро. Водная равнина версты въ четыр.. въ поперечник..; во..кругъ деревья; по..зади избы. Челов..къ два..цать, по поясъ въ вод.., тянули къ противополож..му берегу с..ти.

Гоголь.

Дорогая могила.

Есть н..большое сельское кладбищ.. въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Россі.. Какъ почти вс.. наши кладбищ , оно явля..тъ видъ печальный: окружавші.. е..го канавы давно заросли; сѣры. деревянны.. кресты поникли и гніют.. подъ своими когда-то крашеными крышами; каменны.. плиты вс.. с..двинуты, словно кто ихъ под..талкива..тъ с..ниву.

Но между ними ест.. одна, до которой не каса..т..ся человѣкъ, котор..ю не топч..т.. животное. Къ н..й изъ н..далекой деревушк.. част.. пр..ходят.. два уж.. дряхлые старичка: муж.. съ женою.

Под.держивая другъ друга, идут.. он.. отяжел..вш.й походкой; пр..близят..ся къ оград.., пр..падут.. и станут.. на кол..ни, и долг.. и горьк.. плачут.., и долго и внимательн.. смотрят.. на н..мой камень, подъ которымъ лежит.. ихъ сынъ.

Тургеневъ.

Домикъ Петра Великаго въ Сардамѣ.

Деревянный домикъ, подъ черпичн..ю кровл..ю, въ два окна, ра..дѣленный на дв.. небольші.. комнаты, съ изразчат..ю печ..ю для приготовлені.. пищи, съ глухою каморк..ю для кроват.. и съ пр.стороенн..мъ при вход.. чуланч..комъ въ наибол... уединенной части Сардама,—вотъ чертогъ, гд.. поселился Петръ, тщательн.. скрывая свой санъ и добровольн.. обрекая себ.. тяжк..му труду, чтобы в..тайн.. из..учит.. искусство, которое должно было во.величить Россію.

Н. Устряловъ.

Храбрый ежъ.

I.

У опушк.. лѣса, по косогору, между кустами, густо растет.. земляника. Какъ обрадовались д..ти, когда от..скали эт.. мѣстечк..! Он.. набрали полны. горсти ягодъ „Мы завтра вз..беремся повыш.. и оберемъ вс.. ягоды!“ весел.. толковали они. Но тамъ в..верху живет.. ядовитая зм..я—гадюка. Хотя е. и легко узнать по е . м..днокрасн..му цв..ту и по темной полоск.., которая проходит.. уголками в..дол.. всей спин..; но дѣти могут.. не зам..тит.. зм..и и подойти къ н .й с..лишкомъ близк.., а отъ укуш..ні.. е.. можно умер..тъ. Кто защитит.. дѣт..й?

II.

Подъ кустомъ поб..говъ дуба, въ древесн .мъ пн.. есть дупло. Оно ус..лано мохомъ и сухой травой. Это постель ежа. Онъ свернулся въ клубоч..къ и спит.. в..сь день. Вечеромъ, когда дѣти идут.. домой, чтобы леч.. спать, онъ просыпа..т..ся, потягива..т..ся и поз..ѣва .тъ. Вотъ онъ вышелъ. Е..о

мал..н..кая головка съ хоботообразнымъ рыльц..мъ любопытн.. и добродушн.. выглядываетъ ср..ди тыс.чи острыхъ иглъ, которы.. торчат.. во вс.. стороны на е..о кругл..мъ тѣл.. Въ т..комъ вид.. онъ похож. на живой пучокъ сухой травы.

III.

М..сяцъ св.тит.. сквоз.. темн..ю листву деревъ; птицы спят.. Мрачно въ лѣсу, но еж.. не трусит.. Мимо е.о проход..тъ куница, пролета..тъ сова; но он.. не трогают.. ежа: он.. видят.. его остры.. игл.. Около лѣса находит..ся садъ; еж.. пробира..т..ся туда и ищ..тъ, не упала ли съ дерева сп.лая груша или яблоко. Онъ не нашелъ н..ч..о и съ голодн..мъ желудк..мъ возвраща..т. ся назадъ. В.другъ онъ останавлива..т..ся: особый зап.хъ обратилъ на себ.. его вниманi.. На густомъ куст.. сидят.. шпанскi.. мухи. Если челов..къ раздави..т.. тако..о жука рукой, то на н..й въ скоромъ врем..ни в..дуют..ся мучительны.. пузыри. Если бы человѣкъ или другое животное на..лись шпанскихъ мухъ, то он.. во всемъ тѣл.. почувствовали бы в..скор.. жгуч..ю боль и умерли бы въ ужасн..щихъ мукахъ. А ежъ ѣст. шпанскихъ мухъ безъ всяк.. вреда для себ...

IV.

Начина..тъ св..тат. Ежъ б..жит.. назадъ въ лѣсъ. Онъ еще голод.нъ; ему не посчас..ливилось поймать даж.. мышенка. Вотъ онъ стоит.. на косогор..; гд.. растет. земляника. Онъ чу..тъ ядовит..ю змѣю, которая запряталась отъ ночн.. холода въ мохъ. Крутой скатъ отд.ля.тъ ежа отъ змѣи. См..лый ежъ свертыва..т..ся въ клубоч..къ и скатыва..т..ся в..низъ. Тверды.. и упругi.. иглы предохраняют.. ежа отъ ушибовъ. Вотъ онъ уж.. в..низу,

развернулся и подходит.. къ гадюк... Она зам..тила его приближені.., повернулась къ н..му передн..ю частью сво.. тѣла и жив. пошевелива..тъ языкомъ. Е.. мал. н .кі.. гдазки пылают.. отъ злости... Ежъ под..ход..тъ и быстро броса..т..ся на гадюку. Змѣя извива..т..ся то сюда, то туда и вонза..тъ свои ядовиты.. зубы ежу и въ губы, и въ ноги. Всякое другое животное умерло бы отъ эт..хъ ядовитыхъ укуш..н..й, но для ежа он.. б..звредны. Онъ схватыва..тъ гадюку своими острыми зубами и загрыза..тъ е.. до смерт..

V.

Высоко поднялось на син..мъ неб.. солнц..; роса съ травы уже и..чезла. Пришли, на..конецъ, съ пустыми корзиночками дѣти, чтобы обобрать остальны.. ягоды. Он.. и не подозр..вают.., отъ к..кой смертельной опасност.. и..бавилъ ихъ ежъ.

Пробковый и обыкновенный дубъ.

Пробковый дубъ не растет.. у насъ въ Россі... но въ южной Европ..; онъ образу..тъ огромны.. лѣса и доставляетъ богатый промыс..лъ для народа. На пробки идет.. не древесина, а только кора. Пробков..ю кору снимают.. каждые вос..м.. или дес..ть лѣтъ; но снимать е.. начинают.. только тогда, когда пробковый дубъ им..етъ отъ роду лѣтъ оди..а..цать; раньш.. кора его не годит..ся въ дѣло. Кора обыкновеннаго дуба идетъ на дубл .ніе кож.. Дубъ высоко цѣн..т..ся, какъ строевой и под..лочный лѣсъ. Рубка его соверша..т..ся въ разны.. возрасты: для корабельн... лѣса его рубят . отъ ст.. ш..стид..сяти до трехсот.. лѣтъ его жизни, для обыкновенныхъ городскихъ постро..къ отъ ст.. до ст.. ш..стид..с..ти

лѣтъ, а на дрова отъ два..цати до с..р..ка и мен. Дубъ очень долго живетъ, отъ тыс..ч.. до двухъ тыс. ч.. лѣтъ и отъ мороза терпит.. повреждн..нi..

Изъ „науки грамотъ“ Перевлѣсскаго.

Случай на охотѣ.

I.

Мы пошли было съ Ермола..мъ в..доль пруда, но, во-первыхъ, у сам..го берега утка, птица осторожная, не держ..т..ся; во-вторыхъ, если даж.. какой-н..будь отсталый и н..опытный чирокъ и подвергался нашимъ выстр..ламъ, и лишался жизн.., то достат.. его изъ сплошн..о майера наши собаки не были въ состоянi..: он.. не могли ни плавать, ни ступать по дну, а только даромъ р..зали свои драгоц..нны.. носы объ остры. края тростниковъ.

— „Нѣтъ“, промолвилъ, на..конецъ, Ермолай: „д..ло не ладн..: надо достать лодку.. Пойдем..т.. на..задъ въ Льговъ“.

Мы пошли. Не усп..ли мы ступит.. н..сколько шаговъ, какъ намъ навстрѣ..чу изъ-за густой ракит.. выб..жала довольно дрянная легавая собака, и в..слѣдъ за н..й появился человѣкъ средн... роста, въ син..мъ, сильн.. потерт..мъ сертук.., желтоват..мъ жилет.., съ красн..мъ платкомъ на ше.. и одноствольн..мъ ружьемъ за плечами. Н..знаком..цъ подошелъ къ намъ и чрезвычайн.. в..жлив.. поклонился. Ему на видъ было лѣтъ два..цат.. пять.

— „Позвол.. себ.. рекомендоватъ“, началъ онъ мягк..мъ голосомъ: „я зд..шн..й охотн..къ Владимиръ... Услышавъ о ваш..мъ прибытi.. и узнавъ, что вы изволили отправит..ся на берега наш..о пруда, р..шился, если вамъ не буд..тъ противно, предложить вамъ свои услуги“.

Я согласился на его предложенi.. Мы дошли до Льгова. И Владимиръ, и Ермолай,—оба р..шили, что безъ лодк.. охотит..ся было невозможно.

— „У Сучка есть дощаникъ", зам..тилъ Владимиръ: „да я не знаю, куда онъ его спряталъ. Надобно с..бѣгать къ нему".

— „Къ кому?" спросилъ я.

— „А зд..сь человѣкъ живетъ,—прозвищ.. ему Сучокъ".

Владимиръ отправился къ Сучку съ Ермолаемъ. Я сказалъ имъ, что буду ждат.. ихъ у церкв..

II.

Приходъ Ермолая, Владимира и человѣка съ странн...мъ прозвищ...мъ Сучокъ—пр...рвалъ мои размышл..нi..

Босоногiй, оборванный и вз..ерошенный Сучокъ казался съ виду отставнымъ дворовымъ лѣтъ ш..стид..с..ти.

«Есть у теб.. лодка?" спросилъ я.

— „Лодка есть, да больн.. плоха".—

„А что?"

— „Раскл..илась, да изъ дырь. въ клепки повывалились".—

„Велика б..да!" под..хватилъ Ермолай: „пакл..й заткнут.. можно".

— „Изв..с.но, можно", под..твердилъ Сучокъ.

„Ну", сказалъ я Ермолаю: „поди, достан.. пакли, исправ.. намъ лодку; да поскор..й".

Ермолай ушелъ.

— „А вѣдь этакъ мы, пожалуй, и ко дну пойдемъ?" сказалъ я Владимиру.

— „Богъ милостивъ", отв..чалъ онъ.—Во всяк..мъ случа.. должно пр..дполагат.., что прудъ не глубокъ.

— „Да, онъ не глубокъ", зам..тилъ Сучокъ: „да

на дн.. тина и трава, и в..сь онъ травой заросъ. В..прочемъ, есть тоже и колдобоины".

— „Однакоже, если трава такъ сильна", зам..-тилъ Владиміръ: „такъ и грести нельзя будетъ".

— „Да кто жъ на дощаникахъ гребетъ? Надо пихат..ся. Я съ вами по..ду: у мен.. тамъ есть шестикъ".

Я прис..лъ въ ожидані.. Ермолая. Владиміръ отошелъ н..сколько въ сторону и тоже сѣлъ. Сучокъ продолжалъ стоят.. на мѣст.., пов..ся голову и держа руки за спиной.

III.

Черезъ четверть часа мы уже сид..ли на дощаник.. Сучка. Намъ не очень было ловко: но охотн..ки—народъ нераз..борчивый. У туп.. зад.. конца стоялъ Сучокъ и „пихался"; мы съ Владимир..мъ сидѣли на перекладин.. лод..; Ермолай пом..стился с..переди, у сам... носа. Несмотря на паклю, вода скор.. появилась у насъ подъ ногами. Къ счастью, погода была тихая, и прудъ словно заснулъ.

Мы плыли довольно медленн... Старикъ съ трудомъ вытягивалъ изъ вязкой тин.. свой длинный шестъ; сплошны.. круглы.. листь.. болотныхъ лил..й м..шали ходу наш..й лодк... Наконецъ, мы добрались до трос..никовъ, и пошла пот..ха! Утки шумно поднимались, испуганны.. наш..мъ неожиданн.мъ появленіемъ въ ихъ влад..ніяхъ; выстр.лы дружн.. раздавались в..сл.дъ за ними, и весело было вид..т.., какъ эти кургузы.. птицы кувыркались въ воздух.., тяжк.. шлепались объ воду. Вс..хъ подстр..ленныхъ утокъ мы, конечно, не достали: легко пораненны.. ныряли; ины.., убиты.. на..п..валъ, падали въ такой густой майеръ, что даже рыс... глазки Ермолая не могли открыть ихъ; но вс..-таки къ об..ду наша лодка черезъ край наполнилась дичью.

Погода стояла пр..красная: б..лы.. круглы.. облака высоко и тихо неслись надъ нами, ясн.. отражаясь въ вод..; трос..никъ шушукалъ кругомъ; прудъ м..стами, какъ сталь, сверкалъ на солнц...

IV.

Мы собирались вернут..ся въ село, какъ в..другъ съ нами случил .сь довольно н..пріятное происшестві..

Мы уже давно могли зам..тит.., что вода по не..многу все набирал..сь въ дощаникъ. Владиміру было поруч. но выбрасыват.. е.. посредствомъ ковша. Дѣло шло, какъ сл..довало, пока Владиміръ не забывалъ своей обязанност... Но къ концу охот.., словно на прощань.., утки стали подымат..ся такими стадами, что мы едва усп.вали заряжать руж... Въ пылу перестр..лк.. мы не обращали внимані.. на состояні.. наш... дощаника,—какъ вдругъ отъ сильнаго движені.. Ермолая (онъ старался достат. убит..ю птицу и вс..мъ т..ломъ налегъ на край) наш.. в..тхое судно наклонил..сь, зачерпнул..о и торжественно пошло ко дну. Мы вскрикнули, но уже было поздно: черезъ мгновен.. мы стояли въ вод.. по горло, окруженные в..плывшими тѣлами утокъ. Теперь я безъ хохота в..помнить не могу и..пуганныхъ и бл..дныхъ лицъ моихъ товарищ..й (в..роятно, и мое лицо не отличал..сь тогда румянц..мъ); но въ ту минуту, признаюсь, мн.. и въ голову не приходило см .ят..ся. Каждый изъ насъ держалъ ружье надъ головой, и Сучокъ, должно быт.. по привычк.., подражат.. господамъ, поднялъ шестъ свой к.. верху. Пер..вый нарушилъ молчані.. Ермолай.

— „Тьфу ты пропасть!“ пробормоталъ онъ, плюнувъ въ воду: какая оказія! А все ты!“ пр..бавилъ онъ съ сердц..мъ, обращаясь къ Сучку: „что это у теб.. за лодка?“

„Виноватъ“, пролепеталъ старикъ.

Да и ты хорош.., продолжалъ мой охотникъ, повернувъ голову въ направлені.. Владимира: ч..о смотр..лъ? ч..о не черпалъ?“

Но Владимиру было не до возражен..й: онъ дрожалъ, какъ листъ; зубъ на зубъ не попадалъ, и совершенн.. бе..мысленн.. улыбался.

Дощаникъ слаб.. колыхался подъ нашими ногами. В..мигъ кораблекрушені.. вода намъ показалась чрезвычайн.. холодн..ю; но мы скор.. об..терп..лись. Когда п..рвый страхъ прошелъ, я оглянулся. Кругомъ, въ д..с..ти шагахъ отъ насъ, росли трос..н..ки; в..дал.., надъ ихъ верхушками, видн..лся берегъ. „Плохо!“ подумалъ я.

„Какъ намъ быт..?“ спросилъ я Ермолая.

„А вотъ посмотр..мъ: не ночеват..же зд..сь“, отв..тилъ онъ. „На, ты держи ружье!“ сказалъ онъ Владимиру.

Владимиръ бе..прекословно повиновался.

— „Пойду, с..щу бродъ“, продолжалъ Ермолай съ ув..р..нност..ю, какъ будто во всяк..мъ пруд.. непрем..нно долж..нъ существоват.. бродъ,—взялъ у Сучка шестъ и отправился въ направл..ні.. берега, осторожн.. выщупывая дно.

Ермолай не во..вращался бол..е часу. Этотъ часъ намъ показался вѣчност..ю.. С..п..рва мы пер..кликивались съ нимъ очень усердн..; по..томъ онъ сталъ рѣж.. отв..чат.. на наши вопросы; на..кон..цъ умолкъ совершенн... Въ сел.. зазвонили къ вечерн.... Меж.. собой мы не разговаривали, даж.. старались не гляд..т.. другъ на друга. Утки носились надъ наш..ми головами; ины.. собирались с..сть подл.. насъ, но в..другъ поднимались к..верху, какъ говорит..ся, „кол..мъ“, и съ крик..мъ улетали. Мы начинали костен..ть.

Наконецъ, къ н..описанн..й наш..й радост.., Ермолай вернулся.

„Ну, что?“

— „Былъ на берегу; бродъ нашелъ... Пойдем..т..“

Мы хот..ли было .тот.. часъ же отправит..ся; но онъ с..перва досталъ подъ водой изъ кармана веревку, привязалъ убитыхъ ут..къ за лапки, взялъ оба конца въ зубы и побр..лъ в..пер..дъ; Владимиръ за нимъ, я за Владимир..мъ. Сучокъ замыкалъ шестві.. Ермолай шелъ см..ло и б..з..остановочно, лиш.. из..р..дк.. покрикивая: „Лѣв..й! тутъ на.. прав.. колдобоина“, или: „Прав..й! тутъ на..л..в.. завязн..ш..“. Иногда вода доходила намъ до горла, и раза два б..дный Сучокъ, будучи ниж.. вс..хъ насъ ростомъ, захлебывался и пускалъ пузыри. Измученны.., грязны.., мокры.., мы достигли наконецъ берега.

Часа два спустя, мы уже вс..сид..ли, по мѣр.. возможност.. обсушенны..., въ большомъ с..нномъ сара.. и собирались ужинать.

„Льговъ“ — Тургенева.

Что стоитъ гнѣздо воробья и другихъ маленькихъ птичекъ.

Многі.. изъ моихъ читател..й проводят.. лѣто въ деревн.., гуляют . по полямъ, лугамъ и л..самъ, гд.. находят.. гнѣзд.. различныхъ птицъ, а потому для нихъ не безъ интереса и не безъ пользы остан..т..ся свѣдѣніе о воззвані.., сдѣланн..мъ Тюрингенскимъ обществомъ покровительства животныхъ:

„Любезный крестьянинъ! твои д..ти разоряют.. отъ скук.. гн..зда малиновокъ, горихвостокъ и другихъ птицъ; гн..зд.. эти разоряют..ся съ яйцами или птенцами. Каждый изъ эт..хъ птенцовъ с..даетъ среднимъ числомъ въ день пят..десят.. гусеницъ,

другихъ гадинъ или мокрицъ, к..торыхъ приносит.. птенцамъ родители, что составит.. ежедневно для п..ти птенцовъ дв..ст. п..т..десят.. штукъ. Кормл..ніе птенцовъ продолжа..т..ся пять или че..тыр.. н..д..ли, т.-е. дней три. цат... Значит.., для кажд... гнѣзда потребно до семи тыс..ч : п..тисот.. штукъ. Каждая гусеница пожир..тъ количество листь..въ и цв..товъ, равняющ...ся вѣсу е.. тѣла, ежедневно, до т..хъ поръ, пока наѣст..ся; питаніе е.. продолж..т..ся тоже три..цат.. дней, а потомъ она ѣст.. по одн..му цвѣтку, к..торый бы далъ плодъ; итакъ, она с..даетъ въ тридцать дней тридцать плодовъ, а сем.. тысяч.. пят..сотъ гусеницъ е..дят.. дв..ст.. два..цат.. пять тысяч.. цв..тковъ. Если бы твои дѣти оставили гнѣзда въ поко.., то у теб.. или у тво.. сос..дя сохранилось бы дв..ст.. два..цать пять тыс..ч.. штукъ яблокъ, груш.., сливъ вишен.. и т. д. Когда же гусеница изъ алчност.., что она часто дѣла..тъ, пожира..тъ въ день дес..т.., двадцать и тридцать цвѣтковъ, тогда твоя потеря и потеря твоихъ сосѣд..й увеличива..т..ся. Теперь ты в..рно зна..ш.. ц..ну вороб..ин... гнѣзда и ту пользу, котор..ю приносит.. воробей для тво... сада".

М. Львовъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СЛОВАРЯ

Пушкинскаго прозаическаго языка *).

Безлюдный, ая, ое.

Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. *Пис. Дельв. 25 г.*

Безлюдье, я, ср.

Онъ воображалъ грустный образъ жизни, ожидающій его въ деревнѣ: глушь, безлюдье, бѣдность и хлопоты по дѣламъ. *Дубр., III.*

Безмолвіе, ія, ср.

Правда, эти нападенія уже гораздо слабѣе прежнихъ, но я не умолкну, доколѣ не принужу къ совершенному безмолвію ожесточенныхъ гонителей моего друга и непочтительнаго „Сына Отечества", издѣвающагося надъ нашею древнею Москвою. *Письм. сл. о Булг.* По лѣсу раздалось нѣсколько голосовъ, и стали приближаться. Разбойники ожидали въ безмолвіи. Вдругъ три или четыре солдата показались изъ лѣсу и тотчасъ подались назадъ, выстрѣлами давъ знать товарищамъ. *Дубр, XIX.* Въ безмолвіи келій иноки вели свои безпрерывныя лѣтописи; архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ князьями и боярами въ тяжкія времена искушеній и безнадежности. *О русск. лит; V.* См. еще *Пис Вяз. 16 г.* Ночное безмолвіе. *Пут. въ Арзр. II.* Совершенное безмолвіе. *Пов. Бѣлк., Арапъ П В., IV.*

Безмолвный, ая, ое.

У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе Карамзина, зато никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12-лѣтъ жизни

*) Продолженіе. См. в.в. IV—V и VI 1901 г., II—III, IV, V и VI 1902 г., I, IV—V 1903 г., I, II и III 1904 г.

безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. *Отр. изъ автобіогр.* Не ограничиваясь **безмолвными** сомнѣніями, онъ напечаталъ въ 20 книжкѣ „Московскаго Телеграфа" прошедшаго года статью, въ которой сильно напалъ на почтеннаго редактора „Вѣстника Европы". *Отр. изъ литер. лѣт.* **Безмолвное** раскаяніе. *Кап. д., I.* **Безмолвное** согласіе. *Дубр., XVI,* **Безмолвное** участіе. *Дуб., XV.*

Безмо́лвно, нарѣч.

Въ первое представленіе Донъ-Жуана, въ то время, когда весь театръ **безмолвно** упивался гармоніей Моцарта, раздался свистъ, всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ. *Мелк. зам., Моц. и С.* Петръ I-й не страшился народной свободы, неминуемаго слѣдствія просвѣщенія, ибо довѣрялъ своему могуществу и презиралъ человѣчество, можетъ быть, болѣе, чѣмъ Наполеонъ. Все дрожало, все **безмолвно** повиновалось. *Историч. зам.*

Безмяте́жно, нарѣч.

Княжнинъ **безмятежно** пользуется своею славою. *Пис. Бестуж. 25 г.*

Безнака́занность, и, ж.

Членъ тайнаго общества, въ случаѣ неудачи, или готовится извѣтомъ заслужить себѣ помилованіе, или, смотря на многочисленность своихъ соумышленниковъ, полагается на **безнаказанность**. Но Радищевъ одинъ. У него нѣтъ ни товарищей, ни соумышленниковъ. *Радищ.*

Безнача́ліе, ія, ср.

(Екат. II) считала (мартинистовъ) проповѣдниками **безначалія** и адептами энциклопедистовъ. *Радищ.* 1814. —Государыня въ Царскомъ Селѣ. Графъ Кучубей. Смерть Малиновскаго. **Безначаліе**. Пріѣздъ Карамзина. 15 лѣтъ. *Изъ лицейск. зап.*

Безно́гій, ая, ое.

Поручилъ ихъ другу брату **безногому** воину (фамилія не разобрана), который болѣе печется обо мнѣ, нежели о себѣ, взглянулъ на закрытіе Нижегор. ярмарки, прежде на Казань, на развалины Болгаръ. *Пис. Булгак. нег. 34 г.*

Безно́сый, ая, ое.

Гасанъ (такъ назывался **безносый** татаринъ)... *Пут. въ Арзр., V;*

Безправіе, ія. ср.

Г. Лобановъ, не входя въ объясненіе того, что разумѣетъ онъ подъ словами безправіе и нелѣпость, продолжаетъ. *Мн. Лоб. о духѣ русск. слов.*

Безнравственность, и, ж.

Я тоже заглянула въ журналы.. Смѣшно видѣть, какъ тамъ важно упрекаютъ въ безнравственности и неблагопристойности сочиненія, которыя прочли мы всѣ, петербургскіе недотроги. *Отр. изъ ром. въ пис., V.* Какой несчастный педантъ осмѣлится укорить „Душеньку" въ безнравственности и неблагопристойности? *Крит. зам.* Мы гордимся... чиномъ какого-нибудь дяди-дурака или баломъ двоюродной сестры. Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости и безнравственности .. *Отр. Ег. н., II.* Не странно ли въ ученыхъ изданіяхъ встрѣчать важныя разсужденія объ отвратительной безнравственности такого то выраженія и ссылки на парижскихъ дамъ? *Крит. зам.* См. еще *Крит. зам. (О Русл. и Л.); От и зам. изъ „Лит. газ." (О зап. Видока); Крит. зам. (Нулинъ).* Невавидуемъ людямъ, которые, основавъ свои разсчеты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторенію сказаній, вѣроятно, безграмотнаго Сансона. *О зап. Сансона.* Узнавъ его покороче, вы будете презирать его тяжелую безнравственность, какъ военные люди презираютъ его пошлыя разсужденія. *Отр. Ег. н., II.*

Безнравственный, ая, ое.

Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлью или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастіе или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль горячить воображеніе любострастными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ, а музу—въ отратительную колдунью. *Крит. зам.* Безнравственныя книги: *Мн. Лоб. о духѣ русск. слов.* Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести *О нар. воспит.* Князь Потемкинъ, во вре-

мя очаковскаго похода, влюбленъ былъ въ графиню***. Добившись свиданія и находясь съ нею наединѣ въ своей ставкѣ, онъ вдругъ дернулъ за звонокъ, и пушки кругомъ всего лагеря загремѣли. Мужъ графини***, человѣкъ острый и безнравственный, узнавъ о причинѣ пальбы, сказалъ пожимая плечами: экое кири куку! *Ист. анекд.*, *36*. Вы просите за Гринева? сказала дама съ холоднымъ видомъ: императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй. *Кап. д.*, *XIV*. См. еще *Крит. зам. (Нулинъ)*; *Съ франц.*, *13 мая*.

Безнрàвствіе, ія, ср.

Покойный императоръ, удостовѣрясь въ ничтожествѣ ему предшествовавшаго поколѣнія, желалъ открыть дорогу просвѣщенному юношеству и задержать какъ-нибудь стариковъ, закоренѣлыхъ въ безнравствіи и невѣжествѣ. *Записка о нар. восп.*

Бéзо, предл. См. **Безъ**.

Безобразіе, ія, ср.

Разбойникъ Хлопуша, изъ-подъ кнута, клейменный рукою палача, съ ноздрями, вырванными до хрящей, былъ однимъ изъ любимцевъ Пугачева. Стыдясь своего безобразія, онъ носилъ на лицѣ сѣтку или закрывался рукавомъ, какъ будто защищаясь отъ мороза. Вотъ какіе люди колебали государствомъ! *Ист. пуг. б.*, *III*. Этимъ я не могъ удовольствоваться: любовь есть самая своенравная страсть. Не говоря уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ, я вспомнилъ преданія миѳологическія, Превращенія Овидіевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Олимпію, Пигмаліона—и принужденъ былъ признаться, что всѣ эти вымыслы не чужды поэзіи, или, справедливѣе, ей принадлежатъ. *Крит. зам.* Здѣсь хотятъ лѣпить мой бюстъ. Но я не хочу. Тутъ арапское мое безобразіе предано будетъ безсмертію во всей своей мертвой неподвижности. *Пис. женѣ мая 36 г.* Но писатели французскіе поняли одну только половину истины неоспоримой и положили что и нравственное безобразіе можетъ быть цѣлью поэзіи, т. е. идеаломъ! *Мн. Доб. о духѣ русск. слов.*

Безо́бразный, ая, ое.

Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. *Пут. въ Арзр.*, *I*.

Безобра́зный, ая, ое.

Что ему (Жуковскому) понравилось въ этомъ Мурѣ, чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся Лалла Рукъ не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди. *Пис. Вяз. 22 г.* Графиня стала раздѣваться передъ зеркаломъ: Германнъ былъ свидѣтелемъ отвратительныхъ таинствъ ея туалета; наконецъ графиня осталась въ спальной кофтѣ и ночномъ чепцѣ: въ этомъ нарядѣ, болѣе свойственномъ ея старости, она казалась менѣе ужасна и безобразна. *Пик. д.*, *III*. Вся эта пестрота (въ печатной книгѣ) безобразна и напоминаетъ Азію. *Пис. брату 25 г.*

Безопа́сность, и, ж.

(Кунакъ) отвѣчаетъ за вашу безопасность. *Прим. къ Кавк. пл.* Грабительства, одно другого замѣчательнѣе, слѣдовали одно за другимъ. Не было безопасности ни по дорогамъ, ни по деревнямъ. *Дубр.*, *VII*. Гарнизонъ былъ умноженъ отрядомъ Билова, искавшаго въ ней (крѣпости) своей безопасности. *Ист. пуг. б.*, *II*; Зачѣмъ у васъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ? — Для безопасности Петербурга? Но онъ защищенъ Кронштадтомъ. Игрушка! — *Изъ дневн. 30 ноября.* Прощай. Жду отъ тебя письма объ Ярополецѣ. Но будь осторожна... вѣроятно, и твои письма распечатываютъ: этого требуетъ государственная безопасность. *Пис. женѣ, іюнь 34 г.* См. еще *Ист. пуг. б.*, *II*, *III*, *VI*; *Кап. д.*, *VI*, *X*; *Пут. въ Арз.*, *V*.

Безопа́сный, ая, ое.

Безопасенъ, сна, сно.

1. Не подверженный опасности.

Дорога въ Симбирскъ мною очищена и безопасна. *Кап. д.*, *XIII*. *См. Пут. въ Арзр*, *II*. Пріѣздъ его въ Арзрумъ меня очень обрадовалъ: онъ былъ уже мнѣ порукой въ безопасномъ переѣздѣ черезъ горы и Кабарду. *Пут. въ Арзр.*, *V*. Между ними находился казацкій сотникъ и де-

путатъ Падуровъ. Онъ увѣрилъ Чернышева въ своемъ усердіи, представя въ доказательство свою депутатскую медаль, и совѣтовалъ немедленно идти къ Оренбургу, вызываясь провести его безопасными мѣстами. *Ист. пуг. б., III;* Б: Такъ успокойся же. Образъ мнѣній почтенныхъ издателей «Сѣверной Пчелы» слишкомъ хорошо извѣстенъ, и «Литературная Газета» повредить имъ не можетъ, а Полевой въ ихъ компаніи, подъ ихъ покровительствомъ. можетъ быть безопасенъ. *Ст и зам. изъ «Лит. газ.»*, *Разговоръ*. Здѣсь объѣдаюсь я вареньемъ и проигралъ три рубля въ двадцать четыре роббера въ вистъ. Ты видишь, что во всѣхъ отношеніяхъ я здѣсь безопасенъ. *Пис. женѣ авг. 33 г.* (Кавказъ) скоро сблизитъ насъ съ персіянами безопасною торговлею. *Пис. брату 20 г.* Вы согласитесь, что, имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ, а моя почти безопасна: я могъ бы приписать умѣренность мою одному великодушію, но не хочу лгать. Если бъ я могъ наказать Р***, не подвергая опасности мою жизнь, то я бъ ни за что не простилъ его. *Выстр*, *I*. См. еще: *Ист пуг б., I, IV, VI; Дубр., VIII; Кап. д, X; Пис. брату 20 г.; Вольтеръ; Зап. Моро де Бр.* Безопасный отъ чего. Нѣсколько старыхъ солдатъ и тамошнихъ казаковъ, подъ защитой двухъ или трехъ пушекъ, были въ нихъ безапасны отъ стрѣлъ и копій дикихъ племенъ, разсѣянныхъ по степямъ Оренбургской губерніи и около ея границъ. *Ист. пуг. б., II.* Тоже *Дубр., VIII.*

Безопа́сно, нарѣч. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь чеченца. *Пис. брату 20 г.* Вы разбогатѣли подъ моимъ начальствомъ, каждый изъ васъ имѣетъ видъ, съ которымъ безопасно можетъ пробраться въ какую нибудь отдаленную губернію и тамъ провести остальную жизнь въ честныхъ трудахъ и въ изобиліи. *Дубр. XIX.* Теперь надѣюсь, что и остальные (зубки) прорѣжутся безопасно. *Пис. женѣ мая 34 г.* См. еще *Ист. пуг. б, VIII.*

2. Не подвергающій самъ опасности другого.

Дѣло въ томъ, что осетинскіе разбойники, безопасные въ этомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путе-

шественниковъ. *Пут въ Арзр.*, *I*.

Безору́жный ая, ое.

«Жалѣю, сказалъ онъ: что пистолетъ заряженъ не черешневыми косточками.. пуля тяжела. Мнѣ все кажется, что у насъ не дуэль, а убійство: я не привыкъ цѣлить въ безоружнаго. *Выстр.*, *II*. Эта сволочь, большей частью безоружная,... проворно перебѣгала изъ буерака въ буеракъ... *Ист. пуг. б.*, *VII*

Безотвѣ́тный, ая, ое.

Тяжело, нечего сказать! И съ одною ценсурою напляшешься; каково же зависѣть отъ цѣлыхъ четырехъ? Не знаю, чѣмъ провинились русскіе писатели, которые не только смирны и безотвѣтны, но даже сами отъ себя слѣдуютъ духу правительства, но знаю, что никогда не бывали они притѣснены, какъ нынче. *Пис. Давыдову 36 г.* Лизавета Ивановна встала, вынула изъ комода ключъ, вручила его Германну и дала ему подробное наставленіе. Германнъ пожалъ ея холодную, безотвѣтную руку, поцѣловалъ ея наклоненную голову и вышелъ. *Пик. д.*, *IV*. Тоже см. *Отр. неок. пов.* (Съ французск.)

Безотгово́рочно, нарѣч.

Онъ (Бибиковъ) безотговорочно принялъ на себя многотрудную должность ... *Ист. пуг. б.*, *Ш;*

Безотлага́тельный, ая, ое.

Здоровье мое было сильно разстроено въ первой молодости; до сихъ поръ у меня не было средствъ лечиться. Аневризмъ, которымъ я страдаю лѣтъ десять, требовалъ бы также безотлагательной операціи. Легко убѣдиться въ истинѣ моего заявленія. *Пис. Жук 25 (прош. на выс. имя)*

Безотѐчтный, ая, ое

Истинный вкусъ состоитъ не въ безотчетномъ отверженіи такого-то слова, такого-то оборота, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности. *Мелочи.*

Безоши́бочный, ая, ое.

Троекуровъ тотчасъ велѣлъ его догнать и воротить непремѣнно. Отъ роду не выѣзжалъ онъ на охоту безъ Дубровскаго, опытнаго и тонкаго цѣнителя псовыхъ достоинствъ и безошибочнаго рѣшителя всѣхъ возможныхъ охотничьихъ споровъ. *Дубр.*, *I*. Безоши́бочно, нарѣч.

Любовницѣ Конрада, которая, въ любовной разсѣянности, вышила розу зеленымъ шелкомъ. Подъ ея иглой канва повторяла безошибочно узоры подлинника; не смотря на то, ея мысли не слѣдовали за работой—онѣ были далеко. *Дубр.*, *XV*. Слуги стали разносить тарелки по чинамъ, въ случаѣ недоразумѣнія руководствуясь Лафатеровскими догадками, и почти всегда безошибочно. Звонъ тарелокъ и ложекъ слился съ шумнымъ говоромъ гостей. *Дубр.*, *IX*.

Безпáмятство, а, ср.

1. Забывчивость.

Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала его провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню.. *Кап. д.*, *XIV*.

2. Безсознательное состояніе.

— Что Наташа? спросилъ онъ.

— Худо, отвѣчалъ огорченный отецъ: хуже, нежели я думалъ: она въ безпамятствѣ бредитъ Валерьяномъ. *Арапъ П В.*, V. Онъ все не двигался.. Наконецъ глаза его потемнѣли, голова закружилась; онъ едва могъ выйти изъ комнаты. Пріѣхавъ домой, онъ почти въ безпамятствѣ написалъ слѣдующее письмо... *Арапъ П. В.*, *II*.

Безпéчность и, ж.

Изъ дому получалъ я деньги въ равные неположенные сроки. Это пріучило меня къ долгамъ и къ безпечности. Прошло три года, и я получилъ отъ отца изъ Петербурга приказаніе оставить университетъ и ѣхать въ Россію служить. *Русск. Пеламъ*. Иванъ Кузьмичъ, вышедшій въ офицеры изъ солдатскихъ дѣтей, былъ человѣкъ необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его имъ управляла, что согласовалось съ его безпечностью. *Кап. д.*, *IV*. Въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностію неаполитанскаго lazzaroni. *Пис. Дельв. 24 г.* Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифлиса, и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ не зналъ ни слова ни по-русски, ни по-татарски. *Пут. въ Арзр.*, *II*.

Безпéчный, ая, ое. Безпеченъ, безпечна, о.

1. Беззаботный.

Сдѣлавшись помѣщикомъ 2000 душъ, онъ нашелъ своихъ крестьянъ, какъ говорится, избалованными слабымъ и безпечнымъ своимъ предшественникомъ. Первымъ стараніемъ его было общее и совершенное разореніе. Онъ немедленно приступилъ къ совершенію своего предположенія и въ три года привелъ крестьянъ въ жестокое положеніе. *Мысли на д.*, *IX.* Мѣстечко Турне (Tournoy), принадлежавшее президенту де-Броссъ, обратило на себя его вниманіе. Онъ зналъ президента за человѣка безпечнаго, расточительнаго, вѣчно имѣющаго нужду въ деньгахъ, и вступилъ съ нимъ въ переговоры слѣдующимъ письмомъ. *Вольтеръ.* Андрей Петровичъ (Есауловъ) въ ужасномъ положеніи. Онъ умиралъ съ голоду и сходилъ съ ума. Соболевскій и я—мы помогали ему деньгами—скупо, увѣщаніями щедро. Теперь думаю отправить его въ полкъ капельмейстеромъ. Онъ художникъ въ душѣ и въ привычкахъ, т.-е. безпеченъ, нерѣшителенъ, лѣнивъ, гордъ и легкомысленъ, предпочитаетъ всему независимость. *Пис. Нащ. 33 г.* См. еще *Мысли на д.*, *II; III.*

2. Не сопряженный съ заботами.

Я женюсь, т.-е. жертвую независимостью, моей безпечной, прихотливой независимостью, моими роскошными привычками, странствіями безъ цѣли, уединеніемъ, непостоянствомъ. *Отр. изъ неок. пов.*, *IV.* Всѣ его дочери—прелесть; старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства... *Пис. брату 20 г.* Храбрость самая безпечная... *Выстр.*, *I.*

Безпéчно, нарѣч.

Безпечно и радостно полагаюсь на тебя въ отношеніи моего „Онѣгина“. Созови мой ареопагъ: ты, Жуковскій, Вяземскій, Гнѣдичъ и Дельвигъ; отъ васъ ожидаю суда и съ покорностію приму его рѣшеніе. Жалѣю, что нѣтъ Баратынскаго; говорятъ онъ... *Пис. Плетн. сент. 24 г.* Она любитъ, какъ дитя; радуется его подаркамъ, рѣзвится съ нимъ, безпечно привыкаетъ къ его ласкамъ.. Но время идетъ: Эда уже не ребенокъ... Какая роскошная черта,

какъ весь отрывокъ исполненъ нѣги! *Баратынск* Вѣсть о взятіи Казани встревожила начальниковъ войскъ, безпечно дремавшихъ... *Кап. д, XIII.*

Безпечно-насмѣшливый. Бурминъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, очень милый молодой человѣкъ. Онъ имѣлъ именно тотъ умъ, который нравится женщинамъ: умъ приличія и наблюденія, безо всякихъ притязаній и безпечно насмѣшливый. Поведеніе его съ Марьей Гавриловной было просто и свободно; но, что бъ она ни сказала или ни сдѣлала, душа и взоры его такъ за нею и слѣдовали. *Метель.* См. еще: *Баратынск.; От. и зап. изъ Лит. газ, VII; Радищ.*

Безплóдный, ая, ое.

1. Это будетъ очень натурально. Въ ноябрѣ я бы радъ явиться къ вамъ, тѣмъ болѣе, что такой безплодной осени отроду мнѣ не выдавалось. Пишу — черезъ пень колоду валю. Для вдохновенья нужно сердечное спокойствіе, а я совсѣмъ не спокоенъ. *Пис. Плетн. окт. 35 г.* Вотъ все (37315 человѣкъ солдатъ), что вышло изъ Молдавіи. Прочіе остались на удобреніе сей безплодной земли, отчасти истребленные огнемъ непріятельскимъ, но еще болѣе поносомъ и голодомъ. *Зап. Моро-де Бр.* См еще *Отр. изъ Лит. лѣт.*

Безплóдно, нарѣч.

Молодость моя прошла шумно и безплодно. *Пис. Кривц. 23 г*

2. Безполезный.

Такъ оставилъ онъ службу изъ любви къ познаніямъ и вмѣстѣ съ молодыми студентами отправился въ Лейпцигъ. Сходство умовъ и занятій сблизили съ нимъ Радищева. Имъ попался въ руки Гельвецій. Они жадно изучили начала его пошлой и безплодной метафизики. *Радищ.* Онъ раздѣлитъ съ Екатериною часть воинской ея славы, ибо ему обязаны мы Чернымъ моремъ и блестящими, хоть и безплодными, побѣдами въ сѣверной Турціи. *Историч. замѣч.* Безплодными, ибо Дунай долженъ быть настоящей границей между Турціей и Россіей. *Тамъ же, примѣч. къ с. безплодн.*

Безподóбенъ, бна, бно.

Женщины, русскія женщины были тогда (послѣ наполеоновск. войнъ) безподобны. Обыкновенная холодность

ихъ исчезла. Восторгъ ихъ былъ истинно упоителенъ, когда, встрѣчая побѣдителей, кричали онѣ: ура! *Метель.*

Безпокóить.

„Такъ, видно, она замужемъ?" сказалъ я. Старикъ притворился, будто бы не слыхалъ моего вопроса, и продолжалъ пошептомъ читать мою подорожную. Я прекратилъ свои вопросы и велѣлъ поставить чайникъ. Любопытство начинало меня безпокоить, и я надѣялся, что пуншъ разрѣшитъ языкъ моего стараго знакомца. *Станц. см.* Фрицъ также довольно здоровъ, но съ нѣкоторыхъ поръ деревянная нога начинаетъ его безпокоить; онъ мало ходитъ, а въ настоящее время кряхтитъ да охаетъ. Впрочемъ, онъ по прежнему веселъ, по прежнему любитъ выпить стаканъ вина и все еще не досказалъ мнѣ исторію о своихъ походахъ. *М. Шон.* Отступленіе русскихъ войскъ... столько же безпокоило Наполеона, какъ ожесточало русскихъ. *Росл.* (Рана) очень меня безпокоила. *Зап. Моро-де-Бр.* Буджацкіе татары вздумали было насъ безпокоить. *Зап. Моро-де-Бр.* См. еще *Дус. Тен; Письма: Погод. февр. 28; Жук. авг. 25; Бенк. 32; Гречу 21 г.; Дельв. 30 г.; Жандру 36 г.; Женѣ: дек. 31, сент. 33, окт. 33, ноябрь 33, сент. 35. Пис. Нащ. 33; Бар.-Кр.* Обстоятельств. слова при этомъ. Что такое vertige? обмороки или тошнота? видѣлась ли ты съ бабкой? пустили ли тебѣ кровь? Все это ужасъ меня безпокоитъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что я глупо сдѣлалъ, что уѣхалъ отъ тебя. Безъ меня ты что нибудь съ собой да напроказишь. Того и гляди, выкинешь. *Пис. женѣ 31 г.* Это меня безпокоило бы страхъ. *Кап. д., IV.* Чрезвычайно, поневолѣ до крайности безпокоитъ: *Пик. д., III; Пис. женѣ іюня 34 и сент. 35; Пис. Гнѣд. 22 г.*

Безпокóиться.

При всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, сказалъ онъ ей (Швабр.) хладнокровно: не могу не замѣтить, что напрасно вы изволите безпокоиться, подвергая насъ вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузьмичу: это—его дѣло. *Кап. д. IV.* Помилуй! Не изволь и безпокоиться. Я могу и подождать; а покамѣстъ поѣдемъ къ Аринушкѣ. *Кап. д. I.* Мильтонъ будетъ декламировать, а гости слѣдовать за нимъ. Да за-

чѣмъ же ему безпокоиться, если уже стихи переведены? *О Мильтонѣ.* Мой милый, я очень безпокоюсь о тебѣ. Говорятъ, въ П. Б. грипъ: боюсь за твою дочку. На всякій случай жду отъ тебя письма. *Пис. Плетн. 31 г.* Онъ сказалъ намъ, что лошади его безпокоятся, чуя близость индійцевъ. *Дж. Тен.* См. еще: *Кап. д., IV; Дубр., XII; Письма: Плетн. янв. 31, Гнѣд. 22 г.; Дельв: 21 г, іюль 25, 26 г. 28 г., Женѣ: окт. 32 г., сент. 33 г, май 34 г., Ист анекд., IX. Русск. Пеламъ; Арапъ П. В., VI* Я же все безпокоюсь, на кого покинулъ я тебя! на Петра, сонняго пьяницу, который спитъ не проспится, ибо онъ и пьяница, и дуракъ; на Ирину Кузминичну, которая съ тобою воюетъ. *Пис. женѣ. сент. 32 г.* Обстоятельств. слова при этомъ. Соединенный такъ нечаянно съ милой дѣвушкой, о которой еще утромъ я такъ мучительно безпокоился, я не вѣрилъ самому себѣ и воображалъ, что все со мною случившееся было пустое сновидѣніе. *Кап. д., XIII.* По пустому, сильно, все безпокоиться *Пис. женѣ. май 34 г., Метель, Пис. женѣ сент. 35 г.* Безпокоиться о комъ-либо или о чемъ-либо. Сегодня видѣлъ я мѣсяцъ съ лѣвой стороны и очень о тебѣ сталъ безпокоиться. *Пис. женѣ 35 г.* Иванъ Петровичъ менѣе безпокоился объ успѣхѣ своихъ намѣреній. *Бар.-Кр.* См. еще *Отр. неок. пов. (Съ франц. 13 мая); Изъ зап. кн. (О холерѣ); Письма: Нащ. 33 г, Мойеру 25 г., Женѣ: авг. 33 г, окт. 33 г.* Безпокоиться, что... Тетку вижу часто, она безпокоится, что давно нѣтъ объ тебѣ извѣстія. *Пис. женѣ, май, 34 г.*

Безпокóйный, ая, ое.

Безпокоенъ, койна, о.

1. Не имѣющій покоя.

Человѣкъ мыслящій безпокоенъ и волнуемъ будущимъ. *Пис. Плетн. 30 г.* Возведенная на престолъ заговоромъ нѣсколькихъ мятежниковъ, она обогатила ихъ на счетъ народа и унизила безпокойное наше дворянство. *Истор. замѣч.* Одинъ только человѣкъ не участвовалъ въ общей радости. Антонъ Пафнутьичъ сидѣлъ пасмуренъ и молчаливъ на своемъ мѣстѣ, ѣлъ разсѣянно и казался чрезвычайно безпокоенъ. *Дубр., X.* Великая княгиня была очень больна, вчера бы-

ло ей легче, но Дворъ еще безпокоенъ, и государь не принялъ ни одного праздника. *Пис. женѣ, сент. 32 г.* См. еще *Дж. Тен.* Безпокойная чувствительность, дѣятельность. *Вольтеръ; Мысли на д., II.* Малороссія, всегда безпокойная... *Пред. къ Полт.*

Безпокойно, нарѣч.

Я спокойно (или безпокойно) наслаждался моею славою... *Выстр., I.*

2. Лишающій другихъ покоя, неугомонный.

Къ югу рѣка Сивка отдѣляетъ ее (страну Горохину) отъ владѣній Карачевскихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ—сосѣдей безпокойныхъ, извѣстныхъ буйной жестокостью нравовъ. *Ист. с. Гор., Врем. ист.* Безпокойное любопытство была отличительная черта ума его (Радищ.) *Радищ.* Почтенный старецъ... отпускаетъ безпокойнаго юношу, который принимаетъ поспѣшно его благословеніе. *Отр. неок. пов. (4 мая 18)...* Тоже *ср. Станц. см.*

3. Неудобный, непокойный.

Зимняя кибитка не безпокойна, а зимняя дорога не камениста. *Метель.* Несносная жара... безпокойные ночлеги... *Пут. въ Арзр., I.*

Безпокойство, а, ср.

1. Нарушеніе внѣшняго покоя.

Вольтеръ, изгнанный изъ Парижа, принужденный бѣжать изъ Берлина, искалъ убѣжища на берегу Женевскаго озера. Слава не спасала его отъ безпокойствъ. Личная свобода его была не безопасна; онъ дрожалъ за свои капиталы, розданные имъ въ равныя руки. *Вольтеръ.* Возвратясь къ коменданту, я, по обыкновенію своему, подсѣлъ къ Марьѣ Ивановнѣ. Ивана Кузьмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйствомъ. Мы разговаривали вполголоса. Марья Ивановна съ нѣжностью выговаривала мнѣ за безпокойство, причиненное всѣмъ моею ссорою съ Швабринымъ *Кап. д., IV.*

2. Внутреннее, душевное волненіе.

И такъ, для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого безпокойства, которое предшествуетъ вдохновенію? Удивительно, удивительно!... *Ег. н., II.* Онъ прицѣлился и прострѣлилъ мнѣ фуражку. Очередь была за мною.

Жизнь его наконецъ была въ моихъ рукахъ; я глядѣлъ на него жадно, стараясь уловить хоть одну тѣнь безпокойства. *Выстр*, *I*. Подали обѣдать. Она встала, начала убирать свои пяльцы и, взглянувъ нечаянно на улицу, опять увидѣла офицера. Это показалось ей довольно страннымъ. Послѣ обѣда она подошла къ окошку съ чувствомъ нѣкотораго безпокойства, но уже офицера не было—и она про него забыла. *Пик. д.*, *II*. Первою мыслью моею было опасеніе, чтобъ батюшка не прогнѣвался на меня за невольное возвращеніе подъ кровлю родительскую и не почелъ-бы его умышленнымъ ослушаніемъ. Съ безпокойствомъ я выпрыгнулъ изъ кибитки и вижу: матушка встрѣчаетъ меня на крыльцѣ съ видомъ глубокаго огорченія. *Кап. д.*, *II* См. еще: *Ег. н.*, *Ш*; *Отр. Ег. н.*, *I*, *II*; *Дубр.*, *III*, *VI*, *XVII*; *Отр. изъ ром. въ пис.*, *VI*; *Радищ.*; *Станц. см.*; *Пик. д.*, *Ш*; *Кап. д.*, *II VI*, *X*, *XIII*; *Бар.-кр.*; *Арапъ П. В.*, *V*, *VI*; *Ист. пуг. б.*, *Ш*, *IV*, *V*; *М. Шон.*; *Метель*; *Отр. изъ лит. лѣт.*; *Пут. въ Арзр.*, *II*; *Пис. женѣ дек. 31 г.*; *Дж. Тен.*; *Зап. Моро-де Бр.*; *Вольтеръ*. Поминутное безпокойство. *Родосл. Пушк.*

3. Волненіе въ народѣ.

Въ Перми начинались безпокойства. *Ист. пуг. б.*, *IV*. 26 іюля (1831 г.). Вчера государь императоръ отправился въ Военныя Поселенія (въ Новгородской губерніи) для усмиренія возникшихъ тамъ безпокойствъ. *Изъ зап. кн.* Еще при жизни Бибикова государственная коллегія, видя важность возмущенія, вызывала Суворова, который въ то время находился подъ стѣнами Силистріи; но графъ Румянцевъ не пустилъ его, чтобы не подать Европѣ слишкомъ великаго понятія о внутреннихъ безпокойствахъ государства. Такова была слава Суворова! *Ист. пуг. б.*, *VIII*. Тоже см. *Ист. пуг. б.*, *I (оглавл.)*.

Безполе́зность, и, ж.

Убѣдилъ (родителей) въ безполезности моей на этотъ разъ далѣе оставаться съ ними. *Пис. Булгак. авг. 24 г.*

Безполе́зный, ая, ое.

Безполезная пальба продолжалась съ полудня до вечера. *Ист. пуг. б.*, *II* Старый Берестовъ внутренно жалѣлъ

о потерянномъ трудѣ и времени на столь безполезныя прихоти, но молчалъ изъ вѣжливости. *Бар.-кр.* Успокоясь на счетъ ужаснаго смысла вышеупомянутаго примѣчанія, мы сожалѣли о безполезномъ дѣйствіи почтеннаго редактора. Всѣ предвидѣли послѣдствія онаго. *Отр. изъ лит лѣт* Крымскій походъ былъ безполезенъ для Россіи. *Мат. для ист. П. В I.* См. еще *Мат для ист. П В., I; Кап д., VIII.*

Безпóмощный, ая, ое.

Убѣдившись единогласнымъ мнѣніемъ критиковъ въ односторонности и скудости „Вѣстника Европы“, сверхъ того движимый глубокимъ чувствомъ состраданія при видѣ безпомощнаго состоянія литературы, онъ обѣщалъ употребить наконецъ свои старанія, чтобы сдѣлать журналъ этотъ обширнѣе и разнообразнѣе. *Отр. изъ лит. лѣт.*

Безпорóчность, и, ж.

Не говорю уже о безпорочности поведенія, которое относится не къ тому, а къ чему то уже важнѣйшему. *Пис. женѣ окт. 33 г.*

Безпорóчный, ая, ое.

Требовать отъ всѣхъ произведеній словесности изящества или нравственной цѣли было бы то же, что требовать отъ всякаго гражданина безпорочнаго житья и образованности. *Мн. Лоб. о духѣ русск. слов.* Петербургъ есть обѣтованная земля красоты, любезности и безпорочности. *Отр. Ег. н., II.* Отставка дается только за безпорочную службу. *Мысли на д., V.*

Безпорядокъ, дка, м.

1. Отсутствіе порядка.

Въ кабинетѣ его, убранномъ какъ дамская спальня, ничто не напоминало писателя: книги не валялись по столамъ и подъ столами; диванъ не былъ обрызганъ чернилами; не было того безпорядка, который обличаетъ присутствіе музы и отсутствіе метлы и щетки. *Ег. н., I.* Найдя ее (библіотеку) въ большомъ безпорядкѣ, онъ (Петръ) прогнѣвался на патріарха... *Мат. для Ист. П. В., См. Альман. П.* Отсутствіе какого-либо благоустройства, правильности въ чемъ-либо. Все войско бѣжало въ безпорядкѣ. *Ист. пуг. б., IV.* См. еще здѣсь же. Никто не зналъ, что уже наканунѣ Ми-

хельсонъ, въ семи верстахъ отъ города, имѣлъ жаркое дѣло съ Пугачевымъ, и что мятежники отступили въ безпорядкѣ. *Ист. пуг. б, VII*. Конечно уничтоженіе чиновъ (по крайней мѣрѣ гражданскихъ) представляетъ великія выгоды; но сія мѣра влечетъ за собою и безпорядки безчисленные, какъ вообще всякое измѣненіе постановленій, освященныхъ временемъ и привычкою. *Зап. о нар. восп*. См. еще *Изъ зап. кн. (О холерѣ)*. Вообще неустройство. Пріѣхавъ сюда, нашелъ я большіе безпорядки въ домѣ, принужденъ былъ выгонять людей, перемѣнять поваровъ, наконецъ нанимать новую квартиру и слѣдственно употреблять суммы, которыя въ другомъ случаѣ оставались бы неприкосновенными. *Пис. Нащ., 32 г*. Изъ деревни имѣю я вѣсти неутѣшительныя. Посланный мною новый управитель нашелъ все въ такомъ безпорядкѣ, что отказался отъ управленія и уѣхалъ. Думаю послѣдовать его примѣру. Онъ умный человѣкъ, а Болдино можно еще коверкать лѣтъ пять. *Пис. женѣ іюль 34 г*. Переносно. Но Германъ не унялся. Лизавета Ивановна каждый день получала отъ него письма, то тѣмъ, то другимъ образомъ. Они уже не были переведены съ нѣмецкаго. Германъ ихъ писалъ, вдохновенный страстью, и говорилъ языкомъ, ему свойственнымъ: въ нихъ выражались и непреклонность его желаній, и безпорядокъ необузданнаго воображенія. *Пик. д., III*.

2) **Безпорядки**, овъ. мн.

Волненія, смуты въ народѣ. (Мятежники) выжидали удобнаго случая для возобновленія безпорядковъ. *Кап., д., VI*. Къ нему присоединили генералъ-маіора Фреймана... хорошо знавшаго театръ новыхъ безпорядковъ. *Ист. пуг. б., III*. См. еще *тамъ же*.

В. Водарскій.

Продолженіе будетъ.

I.

Знаки прелинанія *).

В.

Употребленіе двоеточія (:).

1.

Разберемъ, дѣти, слѣдующіе примѣры. Пишите ихъ.

а) «Съ сѣверной стороны Восточно-Азіатскаго нагорія текутъ слѣдуюнція большія рѣки: *Обь*, *Енисей* съ притокомъ Ангарою, протекающею чрезъ озеро Байкалъ, и *Лена* | р ѣ к и | : | Обь | Енисей | Лена. |.

б) «Днѣпръ отъ истока его до впаденія въ Черное море по направленію теченія дѣлятъ на три части: верхнее теченіе, среднее и нижнее». | | : | | | |

в) «Насъ было двое: братъ да я». | | : | | |

г) «Здоровье наше зависитъ отъ многихъ причинъ, наприм.: отъ доброкачественности пищи, гигіенической одежды, жилища и др.

Дѣти, о всѣхъ ли большихъ рѣкахъ земного шара говорится въ первомъ примѣрѣ? Н., скажите вы.

— Нѣтъ, только о нѣкоторыхъ рѣкахъ Азіи.—

Какія же это рѣки?

— «*Обь*, *Енисей* и *Лена*».—

Значитъ, слово «рѣки» съ пояснительными сло-

---

*) См. нач. III—IV в.

вами: «слѣд. большія», есть общее названіе, подъ которымъ разумѣются—«*Обь, Енисей, Лена*»?

— Да, подъ нимъ разумѣются—«Обь, Енисей, Лена».—

Обратите, дѣти, вниманіе на квадратики. Первый большой квадратикъ равенъ маленькимъ тремъ? значитъ, три квадратика это три части большого квадратика? М., скажите вы.

— Да, три части его.

А большой квадратикъ въ отношеніи къ тремъ маленькимъ чѣмъ будетъ?

— Онъ есть цѣлое.—

Можно ли сказать, что названія: «*Обь, Енисей* и *Лена*»—части общаго названія «рѣки», или частныя названія сравнительно съ словомъ «рѣки»?

— Да.—

Для чего названы «Обь, Енисей и Лена»?

— Для того, чтобы пояснить, какія рѣки.—

Какой же знакъ препинанія поставленъ между общимъ названіемъ (цѣлымъ: «слѣд. большія рѣки») и частными названіями (частями цѣлаго: «Обь, Енисей и Лена»)?

— Двѣ точки.—

Можно ли оставить этотъ знакъ, если пропустить слова: «с л ѣ д. б о л ь ш і я р ѣ к и» ( )?

— Нѣтъ, тогда—«*Обь, Енисей* и *Лена*» будутъ подлежащими при сказуемомъ «т е к у т ъ», а подлежащее отъ сказуемаго знакомъ препинанія не отдѣляется.—

Да, хорошо.

Смотрите, дѣти, на второй примѣръ. З., почему поставлено двоеточіе въ этомъ примѣрѣ?

— Между общимъ названіемъ: «три части», и частными названіями: «в е р х н е е т е ч е н і е, с р е д н е е и н и ж н е е».—

Да, между общимъ названіемъ, цѣлымъ, и перечисляемыми частями его.

Д., повторите вы.

Н., а въ третьемъ примѣрѣ почему поставлено двоеточіе?

— Между цѣлымъ: «насъ двое», и частями его: «братъ да я».—

П., какое слово стоитъ предъ перечисляемыми частями въ четвертомъ примѣрѣ?

— «Напримѣръ»—

Слѣдовательно, предъ перечисляемыми частями, когда названо цѣлое, можетъ быть употреблено слово: «напримѣръ», а также—какъ-то, а именно и др. Повторите, П., какія слова могутъ быть предъ перечисляемыми словами.

— «Напримѣръ, какъ-то, а именно и др.»—

Т., не можете ли теперь сказать, когда же употребляется двоеточіе, какъ знакъ поясненія, или разъясненія?

— **Двоеточіе, или знакъ поясненія, ставится а) между общимъ названіемъ (цѣлымъ) и частными названіями, б) передъ перечисляемыми частями цѣлаго, которымъ могутъ предшествовать слова: напримѣръ, какъ-то, а именно, но въ томъ случаѣ, если общее названіе (цѣлое) находится налицо; если же общее названіе (цѣлое) пропускается, то двоеточіе не ставится.—**

Дѣти повторяютъ правило, приводятъ на него примѣры и разбираютъ ихъ.

2.

Пишите, дѣти, еще примѣры. 1) «Нашъ комаръ не шутитъ: то съ тылу, то въ глаза, то въ уши Льву онъ трубитъ!»—2) «Увертливъ нашъ комаръ, да онъ и не труситъ: Льву сѣлъ на самый лобъ и львину кровь сосетъ».—3) «Борисъ Годуновъ отмѣнилъ древній обычай: перестаіъ выходить къ на-

роду». —4) «Пустынникъ отправился въ лѣсъ и видитъ: ему навстрѣчу идетъ большой медвѣдь».— 5) «Знаніе—лучшее богатство: его у насъ никто не можетъ отнять; оно въ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ случаяхъ жизни оказываетъ намъ помощь, доставляетъ отраду, утѣшеніе».—6) «Зналъ онъ (пахарь), для чего и пахалъ, и сѣялъ, да не по силамъ работу затѣялъ: руки, что вывели борозды эти, высохли въ щепку, повисли, какъ плети».— 7) «Путешественники нѣкоторое время были какъ бы въ оцѣпенѣніи: за горою грохотали пушки, съ трескомъ разрывались бомбы; раненые стонали».— Д., прочтите первый примѣръ до двоеточія.

— «Нашъ комаръ не шутитъ».—

Изъ чего же видно, что онъ «не шутитъ»?

— Изъ слѣдующаго предложенія: «то съ тылу, то въ глаза, то въ уши Льву онъ трубитъ».— На что же указываетъ двоеточіе, поставленное между этими предложеніями?

— Оно указываетъ на то, что одно предложеніе поясняетъ другое на вопросъ: изъ чего это видно?—

А послѣ сказуемаго («не трусить») во второмъ примѣрѣ можно поставить тотъ же вопросъ?

— Можно.—

Значитъ, почему же послѣ этого сказуемаго поставлены двѣ точки?

— Для того, чтобы показать, что слѣдующее предложеніе: «Льву сѣлъ на самый лобъ и львину кровь сосетъ», служитъ поясненіемъ перваго.—

Н., не можете ли сказать, какой вопросъ можно поставить въ третьемъ примѣрѣ послѣ словъ: «отмѣнилъ обычай»?

— Какой «отмѣнилъ обычай»?—

Да. Слѣдовательно, для чего послѣ двоеточія прибавлено: «пересталъ выходить къ народу»?

— Чтобы пояснить, какой онъ «отмѣнилъ обычай»?—

На что указываетъ двоеточіе?

— Двоеточіе указываетъ на то, что предложеніе: «пересталъ выходить къ народу», служитъ поясненіемъ на вопросъ: какой «отмѣнилъ обычай»?—

З., какой вопросъ можно поставить послѣ предложенія въ четвертомъ примѣрѣ: «Пустынникъ.... видитъ»?

— Что онъ «видитъ»?—

На что же указываетъ двоеточіе, поставленное послѣ сказуемаго «видитъ»?

— На то, что слѣдующее предложеніе: «ему навстрѣчу идетъ большой медвѣдь», поясняетъ первое по вопросу: что «видитъ?»—

Р., на основаніи чего мы говоримъ, что «знаніе— лучшее богатство»?

— На основаніи того, что «его у насъ никто не можетъ отнять»; что, «оно въ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ случаяхъ жизни оказываетъ намъ помощь, доставляетъ отраду, утѣшеніе».—

С., какое основаніе мы имѣемъ сказать, что пахарь «не по силамъ работу затѣялъ»?

— У него «руки высохли въ щепку, повисли, какъ плети» отъ того, что онъ «не по силамъ работу затѣялъ».—

Для чего же въ пятомъ и шестомъ примѣрахъ поставлено двоеточіе?

— Чтобы показать, что предложенія послѣ двоеточія служатъ поясненіемъ предложеній, находящихся предъ двоеточіемъ.—

Ф., не скажете ли вы, что разъясняютъ предложенія: «грохотали тамъ пушки, съ трескомъ разрывались бомбы; раненые стонали»?

— Этими предложеніями объясняется, почему «путешественники были какъ бы въ оцѣпенѣніи». —

Итакъ, дѣти, вы видите, что части предложенія и цѣлыя предложенія могутъ пояснять другъ друга по вопросамъ: изъ чего это видно или слѣдуетъ, что думаемъ, чувствуемъ, видимъ, слышимъ, говоримъ, разсказываемъ (v. sentiendi et declarandi)? какое основаніе имѣемъ сказать? и т. п. Для того, чтобы показать, что части предложенія и цѣлыя предложенія поясняютъ другъ друга, между ними ставятъ знакъ препинанія— двоеточіе.

З., скажите, когда же еще употребляется двоеточіе.

— **Двоеточіе ставится между частями предложенія и цѣлыми предложеніями, когда однѣ изъ нихъ, поясняя другія, отвѣчаютъ на вопросы: изъ чего это видно или слѣдуетъ? что думаемъ, чувствуемъ, видимъ, слышимъ, говоримъ, разсказываемъ (v. sentiendi et declarandi)? какое основаніе имѣемъ сказать?** и т. п.

Дѣти повторяютъ правило и уясняютъ его примѣрами, которые они сами приводятъ и разбираютъ.

3.

Будемъ, дѣти, дальше разучивать правила употребленія двоеточія. Пишите примѣры.

1) «У ней (змѣи) другого чувства нѣтъ, какъ злиться: создана ужъ такъ она природой». — 2) «Римляне узнали славянъ, ибо они пришли и побѣдили ихъ легіоны». — 3) Не старость (Бульбы) была виною: сила (поляковъ) одолѣла силу». — 4) «Плѣнникъ не понималъ русской рѣчи: съ нимъ стали говорить на его языкѣ». — 5) «Деревья—растенія: кленъ—растеніе». —

Г., почему змѣя проявляетъ только чувство злобы?

— Потому что «создана ужъ такъ она природой,» —

Какой союзъ пропущенъ между этими предложеніями?

— Союзъ причинный потому что.—

На что указываетъ второе предложеніе?

— Оно указываетъ на причину чувства злобы у змѣи.—

Значитъ, второе предложеніе поясняетъ первое?

— Да, оно поясняетъ первое, потому что имъ указывается на причину злобы змѣи.—

Для чего же между этими предложеніями поставлено двоеточіе?

— Для того, чтобы показать, что одно изъ этихъ предложеній поясняетъ другое.—

Во второмъ примѣрѣ какимъ союзомъ можно замѣнить «ибо»?

— Союзомъ потому что.—

А можно ли «ибо» пропустить? измѣнится ли мыслъ отъ этого пропуска?

— Можно пропустить, и смыслъ отъ пропуска союза «ибо» не измѣнится.—

А., когда пропустимъ союзъ «ибо», знакъ препинанія останется тотъ же?

— Нѣтъ, тогда нужно поставить двѣ точки, потому что второе предложеніе говоритъ о причинѣ, которая заставила римлянъ узнать славянъ.—

Значитъ, когда пропускаются союзы причинные «ибо», потому что, придаточное обстоятельственное причины грамматически дѣлается главнымъ, поясняющимъ первое главное?

— Да, если нѣтъ союза, подчиняющаго придаточное предложеніе главному, то и придаточнаго предложенія нѣтъ.—

Запомнимъ же это, дѣти, а также и то, что, когда пропущены союзы ибо, потому что, вмѣсто запятой ставится двоеточіе.

Какой союзъ пропущенъ въ третьемъ примѣрѣ? «Не старость была виною»?... Т., скажите вы.

— А союзъ.—

А въ какомъ отношеніи находятся другъ къ другу эти предложенія?

— Они поясняютъ другъ друга.—

Значитъ, какой же знакъ препинанія нужно ставить между предложеніями, когда пропущенъ между ними союзъ «а», и когда они поясняютъ другъ друга?

— Знакъ поясненія, или двоеточіе. —

Запомнимъ и это, дѣти.

Обратите вниманіе, дѣти, на четвертый и пятый примѣры: въ нихъ тоже пропущены союзы тамъ, гдѣ стоитъ двоеточіе. З., не можете ли вы сказать, какіе же союзы пропущены?

— Въ четвертомъ примѣрѣ — союзъ поэтому, въ пятомъ—слѣдовательно.—

Какіе это союзы?

— Заключительные.—

А союзы а, потому что, ибо?

— Первый противительный, а послѣдніе два—причинные.—

Значитъ, двоеточіе ставится между предложеніями, когда между ними пропущены союзы потому что, ибо, а, поэтому, слѣдовательно, и когда эти предложенія поясняютъ другъ друга?

— Да.

Прибавимъ, дѣти, къ этому еще слѣдующее: пропущены могутъ быть и другіе союзы. Теперь попробуемъ построить третье правило употребленія двоеточія Р., попробуйте вы.

— **Двоеточіе ставится между предложеніями, когда между ними пропущенъ какой-нибудь союзъ, и когда эти предложенія поясняютъ другъ друга, т.-е. указываютъ на причину, противоположность и т. д.**

Хорошо. Повторите сказанное. Повторяетъ. Теперь всѣмъ классомъ повторимъ.

После этого ученицы говорятъ свои примѣры на разученное правило.

4.

Итакъ, дѣти, теперь мы знаемъ три правила употребленія двоеточія. Будемъ разучивать четвертое. Запишемъ примѣры и разберемъ ихъ. 1) Гоголь мѣтко охарактеризовалъ Крылова слѣдующими словами: «Поэтъ и мудрецъ слились въ немъ воедино».—2) «Стой, братцы, стой!» кричитъ Мартышка; «погодите! Какъ музыкѣ итти? Вѣдь вы не такъ сидите!»—3) «Необыкновенная сила, глубина чувства и мысли вылились въ стихотвореніи Лермонтова: «Дума».—4) «Въ своей одѣ: «Пророкъ», Пушкинъ указалъ на служеніе поэта обществу словами: «обходя моря и земли, глаголомъ жги сердца людей».—Какими словами, дѣти, сказалъ Гоголь о Крыловѣ? Т., скажите вы.

— Словами: «Поэтъ и мудрецъ слились въ немъ воедино».—

Какъ же называются слова и предложенія, взятыя нами изъ какой-нибудь напечатанной книги или рукописи или услышанныя нами и переданныя безъ всякаго измѣненія письменно или при помощи печати?

— Чужими словами или чужою рѣчью, вносными словами или вносною рѣчью.—

Для чего же внесены въ первомъ примѣрѣ, или приведены слова Гоголя о Крыловѣ?

— Для того, чтобы яснѣе для насъ было, какими же словами сказалъ Гоголь о Крыловѣ.—

Хорошо. Почему же мы ставимъ передъ чужою рѣчью двоеточіе?

— Мы ставимъ двоеточіе предъ чужою рѣчью потому, что она поясняетъ предложеніе, при помощи котораго мы приводимъ чужія слова.—

А какъ мы обозначаемъ на письмѣ и въ печати чужую рѣчь?

— Кавычками предъ чужою рѣчью и послѣ нея.—

А почему же названныя слова и предложенія называются чужою рѣчью?

— Да вѣдь это не наша рѣчь, не наши слова; слѣдовательно, для насъ она чужая рѣчь или чужія слова.—

Хорошо. Прочтите мнѣ чужую рѣчь во второмъ примѣрѣ.

— «Стой, братцы, стой! погодите!»...

Какое мѣсто по отношенію къ чужой рѣчи занимаетъ предложеніе, при помощи котораго приводится эта рѣчь?

— Оно стоитъ между частями этой рѣчи.

Какой же знакъ препинанія поставленъ послѣ названнаго предложенія и почему?

— Поставленъ знакъ препинанія двоеточіе послѣ предложенія, при помощи котораго приводится чужая рѣчь, потому, что чужая рѣчь говоритъ намъ о томъ, что «кричитъ мартышка».—

Дѣти, значитъ, стоитъ ли предложеніе, при помощи котораго приводится чужая рѣчь, предъ нею или между частями ея, послѣ названнаго предложенія ставится двоеточіе? М., отвѣтьте на этотъ вопросъ вы и скажите, почему ставится двоеточіе.

— Двоеточіе ставится послѣ предложенія, при помощи котораго приводятъ чужую рѣчь, и тогда, когда оно стоитъ предъ чужою рѣчью, и тогда, когда оно стоитъ между частями ея, и ставится этотъ знакъ препинанія потому, что чужая рѣчь поясняетъ названное предложеніе.—

Такъ, хорошо! Можно ли назвать чужими слова въ третьемъ и четвертомъ примѣрахъ: «Дума», «Пророкъ»?

— Да, это слова, которыми Лермонтовъ и Пушкинъ назвали свои сочиненія.—

А какую часть предложенія составляютъ эти слова?—Дѣти не отвѣчаютъ. Пишите, дѣти, примѣръ. Левъ, хищный дикій звѣрь, обладаетъ большою силою. С., какая часть предложенія слово «звѣрь»?

— Приложеніе.—

По какому правилу оно отдѣлено запятой отъ другихъ частей предложенія?

— По правилу: приложеніе съ поясенительными словами, какъ часть предложенія, стоящая послѣ своего опредѣляемаго, отъ другихъ частей его отдѣляется запятой.—

Можно ли слова: «Дума», «Пророкъ», разобрать опредѣленіемъ—приложеніемъ?

— Да, можно, потому что слово «Дума» опредѣляетъ слово «стихотвореніе» по вопросу: въ какомъ стихотвореніи? а слово «Пророкъ»—опредѣляетъ слово «ода» по вопросу: въ какой одѣ?—

Почему же послѣ словъ: «Дума» и «Пророкъ», поставлена запятая?

— По правилу: приложеніе...

А почему же предъ словами: «Дума» и «Пророкъ», поставлено двоеточіе, а не запятая?

— Слова эти, во-первыхъ, приложенія, а, во-вторыхъ, они же и чужія слова; поэтому предъ ними поставлено двоеточіе, а не запятая.—

А, если бы такъ сказать: «Въ своемъ «Пророкѣ» Пушкинъ»..., то поставили бы вы двоеточіе предъ названіемъ сочиненія?

— Нѣтъ, потому что слово «Пророкъ» въ формѣ предложнаго падежа отвѣтило бы на вопросъ: въ чемъ? т.-е. было бы дополненіемъ въ предложеніи, а не приложеніемъ, а дополненіе отъ своего дополняемаго никакимъ знакомъ препинанія не отдѣляется.—

Хорошо. Теперь, дѣти, скажемъ вообще, когда же предъ чужою рѣчью, предъ чужими словами ставится двоеточіе. Кто изъ васъ можетъ, припоминая все сказанное, сказать это правило? З., вы хотите сказать? Ну, попробуйте.

— Двоеточіе ставится, во-первыхъ, послѣ предложенія, при помощи котораго мы приводимъ чужую рѣчь, стоитъ ли это предложеніе предъ чужою рѣчью, или между частями чужой рѣчи; во-вторыхъ, предъ чужими словами, когда они составляютъ названіе сочиненія и въ то же время бываютъ приложеніемъ въ предложеніи, при помощи котораго мы приводимъ эти чужія слова.—

Да, хорошо. Теперь попробуйте сказать примѣры на это правило.

— «Кума-лиса говоритъ: «Ну, что жъ? на взглядъ-то онъ хорошъ, да зеленъ: ягодки нѣтъ зрѣлой: тотчасъ оскомину набьешь» — Въ Баснѣ Крылова: «Любопытный», говорится о томъ, что часто люди обращаютъ вниманіе на мелочи, а самаго важнаго не замѣчаютъ».

Хорошо. Всѣ ли поняли? М., повторите вы правило. Д., скажите примѣръ на первую часть правила... Н., а вы—на вторую часть... А кто скажетъ примѣръ на тотъ случай, когда предъ названіемъ сочиненія нельзя ставить двоеточіе? Т., вы хотите сказать? Ну, говорите.

— «Гоголь въ своемъ «Тарасѣ Бульбѣ» изобразилъ борьбу казаковъ съ поляками за свободу и православную вѣру».

Такъ. Хорошо.

5.

Еще, дѣти, разумнимъ пятое, послѣднее правило употребленія двоеточія. Напишемъ сначала примѣры.

1) «Жаръ свалилъ».—2) «Надъ Москвой ведикой златоглавою заря алая подымается».—3) «Съ тѣхъ поръ, *какъ вѣчный Судія мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка*, въ очахъ людей читаю я страницы злобы и порока».—4) «Голодная кума-лиса залѣзла въ садъ: въ немъ винограду кисти рдѣлись».—5) «*Когда рѣки, озера, болота, освободятся отъ льда, которымъ онѣ бываютъ покрыты всю зиму; когда земля покроется ярко-зеленой травкой, а деревья молодыми нѣжными листочками; когда насыщенный ароматомъ цвѣтущихъ растеній воздухъ оглашается пѣніемъ птицъ и птичекъ, которыя прилетѣли къ намъ изъ далекихъ краевъ*: тогда, можно сказать, наступила настоящая весна,—та весна, которую Пушкинъ назвалъ «красой природы».—6) «Отцы пустынники и жены непорочны, *чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны, чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ*, сложили множество божественныхъ молитвъ: но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ, *какъ та, которую священникъ повторяетъ во дни печальные Великаго поста*».—

Дѣти, будемъ разсматривать предложенія по ихъ составу. Но прежде скажите мнѣ, что такое предложеніе?

— Предложеніе есть понятная рѣчь.—

В., какое мы написали первое предложеніе?

— Простое нераспространенное.—

А второе?

— Простое распространенное.—

Г., а какъ вы назовете третье предложеніе?

— Это предложеніе сложное, построенное по способу подчиненія, состоящее изъ главнаго и придаточ-

наго предложеній.—

А четвертое?

— Четвертое также сложное, но построенное по способу сочиненія: оно состоитъ изъ двухъ главныхъ предложеній.—

Д., скажите, какія предложенія бываютъ по составу.

— Простыя нераспространенныя и распространенныя и сложныя, построенныя или по способу сочиненія, или по способу подчиненія.—

Изъ какой учебной книги вы узнали о дѣленіи предложеній на простыя и сложныя?

— Изъ грамматики.—

Какъ же вы назовете предложенія, какъ формы выраженія нашихъ мыслей и чувствъ при помощи словъ?

— Грамматическими формами.—

Что же такое простое предложеніе?

— Простое предложеніе есть грамматическая форма выраженія нашей рѣчи, состоящая или изъ главныхъ членовъ предложенія, или изъ главныхъ и второстепенныхъ, отвѣчающихъ на разные вопросы.—

А что такое сложное предложеніе?

— Сложное предложеніе есть грамматическая форма выраженія нашей рѣчи, состоящая или изъ простыхъ предложеній, построенныхъ по способу сочиненія; или изъ предложеній, построенныхъ по способу подчиненія.—

Прочтемъ теперь примѣры пятый и шестой. З., скажите, сколько въ немъ сложныхъ предложеній, начинающихся союзомъ когда?

— Три предложенія.—

А еще какое осталось предложеніе?

— Сложное, состоящее изъ двухъ главныхъ простыхъ и одного придаточнаго.—

Теперь скажите, сколько сложныхъ предложеній въ шестомъ примѣрѣ?

— Два сложныхъ предложенія, состоящихъ изъ

главныхъ предложеній съ относящимися къ нимъ придаточными.—

Какъ же называется грамматическая форма выраженія, состоящая изъ двухъ и болѣе сложныхъ предложеній, построенныхъ или по способу сочиненія, или по способу подчиненія?

— Не знаю.—

Дѣти, скажите же, какое названіе носятъ эти предложенія (ставится этотъ вопросъ съ тою цѣлью, чтобы сосредоточить все вниманіе дѣтей на новомъ грамматическимъ терминѣ). Никто изъ васъ не знаетъ? Эта грамматическая форма называется періодомъ.

З., какъ она называется?

— Періодомъ.—

Изъ какихъ же предложеній состоитъ періодъ?

— Изъ сложныхъ.—

Построенныхъ по какому способу сочетанія предложеній?

— Или по способу сочиненія, или по способу подчиненія.—

Теперь попробуйте опредѣлить періодъ.

— Періодомъ называется третья грамматическая форма выраженія нашей рѣчи, состоящая изъ двухъ и болѣе сложныхъ предложеній, построенныхъ или по способу сочиненія, или по способу подчиненія.—

Дѣти, обратите вниманіе на то, какъ я прочту періодъ. Слушайте же. **Когда** . . . **тогда** . . . Какъ же прочитанъ мною періодъ?

— Одну часть вы прочитали, постепенно повышая голосъ, а другую—постепенно понижая голосъ.

Да. Какъ же назовемъ мы первую часть періода? Д., скажите вы.

— Повышеніемъ.—

А вторую?

— Пониженіемъ.—

Какая грамматическая связь находится между повышеніемъ и пониженіемъ?

— Союзы когда... тогда...

А во второмъ періодѣ съ какого слова начинается пониженіе?

— Съ союза но.—

Значитъ, что же бываетъ грамматическою связью въ періодахъ?

— Союзы.—

Да, союзы, но могутъ быть и относительныя мѣстоименія.

Н., что же служитъ грамматическою связью въ періодахъ?

— Союзы и относительныя мѣстоименія.—

Какой же знакъ препинанія поставленъ въ періодахъ предъ второю половиною ихъ, т.-е., передъ пониженіемъ?

— Двоеточіе.—

А связь грамматическая налицо въ этихъ періодахъ?

— Да, налицо —

Можно ли въ первомъ періодѣ между повышеніемъ и пониженіемъ поставить точку съ запятой?

— Нѣтъ, нельзя.—

Почему же?

— Точку съ запятой нельзя поставить потому, что придаточное предложеніе отъ главнаго, съ которымъ у него близкая связь (придаточное есть развитая какая-ниб. часть главн. предл.), точкою съ запятой не отдѣляется.—

А паузу мы такую же дѣлаемъ при чтеніи періода, какъ и между главнымъ и придаточнымъ предложеніями?

— Нѣтъ, эта пауза гораздо больше.—

Значитъ, и знакъ препинанія долженъ быть не запятая, а другой какой-ниб. Точку съ запятой, вы сказали (и—совершенно основательно), нельзя поставить. Что же слѣдуетъ поставить? Л., скажите вы

— Двоеточіе. —

Какое же основаніе есть для того, чтобы поставить двѣ точки?

— Части періода (повышеніе и пониженіе) поясняютъ другъ друга; слѣдовательно, лучше всего между повышеніемъ и пониженіемъ и поставить знакъ поясненія, или двоеточіе. —

Правильно вы разсуждаете. Запомнимъ же, дѣти, послѣднее правило употребленія двоеточія.

Въ періодахъ, построенныхъ по способу сочиненія, а также и по способу подчиненія, если грамматическая связь налицо, между повышеніемъ и пониженіемъ ставится двоеточіе, какъ знакъ, показывающій, что повышеніе и пониженіе въ періодѣ поясняютъ другъ друга. — С., повторите правило. Т., скажите, почему между повышеніемъ и пониженіемъ нельзя поставить точку съ запятой или запятую. Что называется повышеніемъ? А пониженіемъ? Что такое періодъ?

Задачи для сознательнаго усвоенія правилъ употребленія двоеточія, а также запятой и точки съ запятой.

а) Списать примѣры подъ №№ отъ 1-го до 7-го и устно дать отчетъ, по какимъ правиламъ въ нихъ поставленъ тотъ или другой знакъ препинанія.

б) Списать съ тою же цѣлью примѣры подъ №№ отъ 7-го до 14-го.

в) Объяснить устно, по какимъ правиламъ поставлены знаки препинанія въ примѣрахъ подъ №№ 14, 15 и 16-мъ.

г) Подыскать въ хрестоматіи или составить само-

стоятельно періоды по образцамъ, напечатаннымъ подъ №№ 17—20-мъ.

1) «Сколько птицъ появилось, и какъ онѣ всѣ ожили и поютъ: токуютъ тетерева, свищетъ по временамъ соловей, кукуетъ однообразно кукушка, чирикаютъ воробьи».—2) «Въ великолѣпнѣйшей квартирѣ паукъ владѣніе себѣ отмежевалъ: по шкафамъ пышнымъ, расцвѣченымъ и по картинамъ золоченымъ онъ паутину разостлалъ».—3) «Ночь для зайца совершенно замѣняетъ день: въ продолженіе ея онъ бѣгаетъ, ѣстъ, рѣзвится».—4) «Вотще странникъ стучался по окнамъ: нигдѣ не отворили ему: вездѣ было пусто».—5) «Иногда дно рѣки обрывается отвѣснымъ уступомъ: тогда вода низвергается съ этого уступа съ ужаснѣйшимъ шумомъ, разсыпается неисчислимымъ множествомъ сверкающихъ брызгъ и въ паденіи своемъ представляетъ удивительную картину».—6) «Никакая рѣка мнѣ не нравится болѣе нашей: дно ея вездѣ песчаное, берега живописны; на ней есть прекраснѣйшія мѣста для охоты и рыбной ловли».—7) «Крикъ болотнаго кулика весьма разнообразенъ: онъ очень коротокъ и живъ, когда куликъ гонитъ какую-нибудь хищную или недобрую птицу прочь отъ своего гнѣзда; онъ протяженъ и чистъ, когда болотный куликъ летитъ спокойно и высоко, и превращается въ хриплый стонъ, когда охотникъ или собака приближаются къ его гнѣзду или дѣтямъ».—8) «Черный лѣсъ и древле разломанныя горы силятся закрыть Днѣпръ хотя длинною тѣнью своею,—напрасно: нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ».—9) «Ворота тесовы растворилися: на коняхъ, на саняхъ гости въѣхали».—10) «Не радуйся чужому безвременью: самъ подъ Богомъ ходишь».—11) «Давай жить дружно: то я къ тебѣ, то ты зови меня къ себѣ».—12) «Наружный фасадъ гостиницы отвѣчалъ ея внутренности: она была очень длинна, въ два этажа: низъ не былъ выштукатуренъ и оставался въ темно-красныхъ кирпи-

чикахъ, еще болѣе потемнѣвшихъ отъ лихихъ погодныхъ перемѣнъ и грязноватыхъ уже самихъ по себѣ; верхній былъ выкрашенъ вѣчною желтою краскою; внизу были лавочки съ хомутами, веревками и баранками».—13) «Поутру рано отправился онъ (Акакій Акакіевичъ) къ частному; но сказали, что спитъ: онъ пришелъ въ десять,—сказали опять: «спитъ»; онъ пришелъ въ одиннадцать часовъ,—сказали: «да нѣтъ частнаго дома»; онъ въ обѣденное время; но писаря въ прихожей никакъ не хотѣли пустить его и хотѣли непремѣнно узнать, за какимъ дѣломъ—и какая надобность привела, и что такое случилось, такъ что, наконецъ, Ак. Ак. разъ въ жизни захотѣлъ показать характеръ и сказалъ наотрѣзъ, что ему нужно лично видѣть самого частнаго; что они не смѣютъ его не допустить; что онъ пришелъ изъ департамента за казеннымъ дѣломъ, а что вотъ какъ онъ пожалуется, такъ вотъ тогда они увидятъ».—14) «Весна была ранняя, дружная: снѣгъ давно сбѣжалъ съ полей; повсюду зеленѣли óзими, освѣщенныя косвенными золотыми лучами; тонкія полоски межей были еще темны; надъ ними вмѣсто тучныхъ кустовъ кашки, донника, ежевики и шиповника лоснились покуда пунцовые прутья, и подымались ноздреватые, пересохнувшіе стебли прошлаго года; гдѣ-гдѣ развѣ развертывался и сквозилъ мягкій, какъ бархатъ, листь земляники».—15) «Чернѣя издали, стоятъ высокіе тѣнистые старые темные лѣса; но подъ словомъ «старый» не должно разумѣть «состарѣвшійся», дряхлый, лишенный листьевъ: видъ такихъ деревьевъ во множествѣ былъ бы очень печаленъ. Въ природѣ все идетъ постепенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ деревьевъ разныхъ возрастовъ: отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія во множествѣ другихъ, зеленыхъ и цвѣтущихъ, не замѣтны; кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы сначала высохшихъ, потомъ подгнившихъ у корня и, наконецъ, сломленныхъ бурею

дубовъ, липъ, березъ и осинъ. При своемъ паденіи они согнули и поломали молодыя сосѣднія деревья, которыя, несмотря на свое уродство, продолжаютъ расти и зеленѣть, живописно искривляясь на бокъ, протянувшись по землѣ или скорчась въ дугу».—16) «Трупы лѣсныхъ великановъ, тлѣя внутри, долго сохраняютъ наружный видъ; кора ихъ обрастаетъ мохомъ и даже травою. Мнѣ нерѣдко случалось второпяхъ вскочить на такой древесный трупъ и провалиться ногами до земли сквозь его внутренность: облако гнилой пыли, похожей на пыль сухого дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ: но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленаго могучаго лѣсного царства, свободно растущаго въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ».—17) «Отраденъ видъ густого лѣса въ знойный полдень; освѣжителенъ его чистый воздухъ; успокоительна его внутренняя тишина, и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо: деревья скрипятъ и стонутъ; сучья трещатъ и ломаются: невольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто».—18) «*Какъ плавающій въ небѣ ястребъ*, *давши много круговъ сильными крыльями*, *вдругъ останавливается*, *распластанный среди воздуха, на одномъ мѣстѣ*, *и бьетъ оттуда стрѣлой на раскричавшагося среди дороги самца-перепела*: такъ Тарасовъ сынъ, *Остапъ*, налетѣлъ вдругъ на хорунжаго и сразу накинулъ ему на шею веревку».—19) «**Когда** *волнуется желтѣющая нива, и свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка, и прячется въ саду малиновая слива подъ тѣнью сладостной зеленаго листка*; **когда**, *росой обрызганный душистой румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой*, *изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый привѣтливо киваетъ головой;* **когда** *студеный ключъ играетъ по оврагу и*, *погружая мысль въ какой-то смутной сонъ*,

лепечетъ мнѣ таинственную сагу про мирный край, *откуда мчится онъ*: тогда смирятся души моей тревога; расходятся морщины на челѣ, и въ небесахъ я вижу Бога, и счастье я могу постигнуть на землѣ».—20) **Кто** приходитъ въ пустынно жительство, или отшельническое братство, какъ переселенецъ, желающій перенести сюда выгоды и удобства прежняго жительства или замѣнить ихъ другими, а не—какъ бѣглецъ. бросившій все, чтобы только избавиться отъ того, что было причиною бѣгства: **тотъ** невполнѣ отшельникъ, не въ совершенствѣ пустынно-житель».—21) «**Согласимся, что** дѣянія, описанныя Геродотомъ, Өукидитомъ, Ливіемъ, для всякаго нерусскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей, ибо Греція и Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи: **однакожъ** смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ».

Слѣдующіе примѣры предлагаются для списыванія дѣтьми отъ трехъ до пяти №№ на одинъ урокъ.

Дѣти списываютъ данные учителемъ №№, самостоятельно ставятъ пропущенные знаки препинанія и устно даютъ ему отчетъ, почему они поставили тотъ или другой знакъ препинанія.

1) «Сосѣдъ сосѣда звалъ обѣдать но умыселъ другой тутъ былъ хозяинъ музыку любилъ и заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать. Запѣли молодцы кто въ лѣсъ кто по дрова и у кого что силы стало».—2) «Когда Смоленскій князь противу дерзости искус-

ствомъ вооружась вандаламъ новымъ сѣть поставилъ и на погибель имъ Москву оставилъ тогда всѣ жители и малый и большой часа не тратя собралися и вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялися какъ изъ улья пчелиный рой».—3) «Невѣста-дѣвушка смышляла жениха тутъ нѣтъ еще грѣха да вотъ что грѣхъ она была спесива. Сыщи ей жениха что бъ былъ хорошъ уменъ и въ лентахъ и чести и молодъ былъ бы онъ (красавица была немножко прихотлива) ну чтобы все имѣлъ».—4) «Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ и по мірянамъ ихъ дѣлить помѣстья стали кому то и Парнасъ тогда отмежевали хозяинъ новый сталъ пасти на немъ ословъ. Ослы не знаю какъ-то знали что прежде музы тутъ живали и говорятъ «Не даромъ насъ пригнали на Парнасъ знать музы свѣту надоѣли и хочетъ онъ чтобъ мы здѣсь пѣли».—5) «Смотрите же кричитъ одинъ (оселъ) не унывай! я затяну а вы не отставай! друзья робѣть не надо! прославимъ наше стадо и громче девяти сестеръ подымемъ музыку и свой составимъ хоръ! а чтобы нашего не сбили съ толку братства то заведемъ такой порядокъ мы у насъ коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинаго пріятства не принимать тѣхъ на Парнасъ».—6) «Зефиру между тѣмъ онъ (василекъ) жалобно шепталъ «Ахъ, если бы скорѣе день насталъ и солнце красное поля здѣсь освѣтило быть-можетъ и меня оно бы оживило!».—7) «Вотъ дѣло слажено ужъ въ рощѣ огонекъ становится огнемъ огонь не дремлетъ бѣжитъ по вѣтвямъ по сучкамъ клубами черный дымъ несется къ облакамъ и пламя лютое всю рощу вдругъ объемлетъ».—8) «Тучегонитель оплошалъ а вылился оселъ почти какъ бѣлка малъ осла никто не примѣчалъ хоть въ спеси никому оселъ не уступалъ».—9) «Мартышка къ старости слаба глазами стала а у людей она слыхала что это зло еще не такъ большой руки лишь стóитъ завести очки. Очковъ съ полдюжины она себѣ достала вертитъ очками такъ и сякъ то къ

темю ихъ прижметъ то ихъ на хвостъ нанижетъ то ихъ понюхаетъ то ихъ полижетъ очки не дѣйствуютъ никакъ».—10 «Тьфу пропасть!» говоритъ она «и тотъ дуракъ кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ все про очки лишь мнѣ налгали а проку на волосъ нѣтъ въ нихъ». Мартышка тутъ съ досады и съ печали о камень такъ хватила ихъ, что только брызги засверкали».—10) «Къ несчастью тожъ бываетъ у людей какъ ни полезна вещь цѣны не зная ей невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ а ежели невѣжда познатнѣй такъ онъ ее еще и гонитъ».—11) «Помощникъ столоначальника жилъ на большую ногу на лѣстницѣ свѣтилъ фонарь квартира была во второмъ этажѣ».—12) «А вѣдь шинель-то моя!» сказалъ одинъ изъ нихъ (грабителей) громовымъ голосомъ схвативши его за воротникъ. Акакій Акакіевичъ хотѣлъ было уже закричать короулъ какъ другой приставилъ ему къ самому рту кулакъ величиною въ чиновничью голову промолвивъ А вотъ только крикни! Ак. Ак. чувствовалъ только какъ сняли съ него шинель дали ему пинка колѣномъ и онъ упалъ навзничь въ снѣгъ и ничего ужъ больше не чувствовалъ».—13) «Гораздо легче изображать характеръ большого размѣра тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно черные палящіе глаза нависшія брови перерѣзанный морщиною лобъ перекинутый черезъ плечо черный или алый какъ огонь плащъ и портретъ готовъ».—14) «Надобно замѣтить что учитель былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ ему казалось что они непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться».—15) «Казалось невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ и самъ летишь и все летитъ летятъ версты летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ летитъ вся дорога не

вѣсть куда въ пропадающую даль и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи гдѣ не успѣваетъ означаться пропадающій предметъ только небо надъ головою да легкія тучи да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны». —16) «На балконъ печаленъ смутенъ вышелъ онъ (имп. Александръ I й) и молвилъ съ Божіей стихіей царямъ не совладать онъ сѣлъ и въ думѣ скорбными очами на злое бѣдствіе глядѣлъ стояли стогны озерами и въ нихъ широкими рѣками вливались улицы дворецъ казался островомъ печальнымъ».— 17) «**Григорій** (Отрепьевъ). Ты все писалъ и сномъ не позабылся а мой покой бѣсовское мечтанье тревожило и врагъ меня мутилъ мнѣ снилося что лѣстница крутая меня вела на башню съ высоты мнѣ видѣлась Москва что муравейникъ внизу народъ на площади кипѣлъ и на меня указывалъ со смѣхомъ и страшно становилось и падая стремглавъ я пробуждался .. И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ. Не чудно ли? **Пименъ**. Младая кровь играетъ смиряй себя молитвой и постомъ и сны твои видѣній легкихъ будутъ исполнены. Донынѣ если я невольною дремотой обезсиленъ не сотворю молитвы долгой къ ночи мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ мнѣ чудятся то шумные пиры то ратный станъ то схватки боевыя безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!»—18) «Онъ (Іоаннъ IV) говорилъ игумну и всей братьѣ Отцы мои желанный день придетъ предстану я алкающій спасенья ты Никодимъ ты Сергій ты Кириллъ вы всѣ обѣтъ примите мой духовный пріиду къ вамъ преступникъ окаянный и схиму здѣсь честную восприму къ стопамъ твоимъ святый отецъ припадши»....—19) «Свершилося неслыханное чудо къ его (царя Өеодора) одру царю едину зримый явился мужъ необычайно свѣтелъ и началъ съ нимъ бесѣдовать Өеодоръ и называть великимъ патріархомъ... и всѣ кругомъ объяты были страхомъ уразумѣвъ небесное видѣнье зане святый владыка предъ царемъ во

храминѣ тогда не находился».—20) «Братъ Григорій ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ тебѣ свой трудъ передаю».—21) «Достигъ я (Борисъ Годуновъ) высшей власти шестой ужъ годъ я царствую спокойно но счастья нѣтъ душѣ моей».—22) «Я думалъ свой народъ въ довольствіи во славѣ успокоить щедротами любовь его снискать но отложилъ пустое попеченье живая власть для черни ненавистна они любить умѣютъ только мертвыхъ».—23) «...если въ ней (совѣсти) единое пятно единое случайно завелося тогда бѣда какъ язвой моровой душа сгоритъ нальется сердце ядомъ какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ и все тошнитъ и голова кружится и мальчики кровавые въ глазахъ»...—24) «Патріархъ. Вотъ мой совѣтъ во Кремль святыя мощи перенести поставить ихъ въ соборѣ Архангельскомъ народъ увидитъ ясно тогда обманъ безбожнаго злодѣя и мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ».—25) «Царь. Храни храни святую чистоту невинности и гордую стыдливость кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ въ младые дни привыкнулъ утопать тотъ возмужавъ угрюмъ и кровожаденъ и умъ его безвременно темнѣетъ. Въ семьѣ своей будь завсегда главой мать почитай но властвуй самъ собою ты мужъ и царь люби свою сестру ты ей одинъ хранитель остаешься. Ѳеодоръ Нѣтъ нѣтъ живи и царствуй долговѣчно народъ и мы погибли безъ тебя!»—26) «Пушкинъ. Московскіе граждане! міръ вѣдаетъ сколь много вы терпѣли подъ властію жестокаго пришельца опалу казнь безчестіе налоги и трудъ и гладъ все испытали».—27) Басня Крылова Тѣнь и Человѣкъ. «Шалунъ какой-то тѣнь свою хотѣлъ поймать онъ къ ней она впередъ онъ шагу прибавлять она туда жъ онъ наконецъ бѣжать но чѣмъ онъ прытче тѣмъ и тѣнь скорѣй бѣжала все не даваясь будто кладъ. Вотъ мой чудакъ пустился вдругъ назадъ оглянется а тѣнь за нимъ ужъ гнаться стала.—Красавицы! слыхалъ я много разъ....

Вы думаете что? Нѣтъ право не про васъ а что бываетъ то жъ съ Фортуною у насъ иной лишь трудъ и время губитъ стараяся настичь ее изъ силы всей другой какъ кажется бѣжитъ совсѣмъ отъ ней такъ нѣтъ за тѣмъ она сама гоняться любитъ».—28) «Борей послушался летитъ дохнулъ и вскорѣ насупилось и почернѣло море покрылись тучею тяжелой небеса валы вздымаются и рушатся какъ горы громъ оглушаетъ слухъ слѣпитъ блескъ молній взоры борей реветъ и рветъ въ лоскутья паруса».—29) «Счастливъ писатель *который* мимо характеровъ скучныхъ противныхъ поражающихъ своею дѣйствительностью приближается къ характерамъ являющимъ высокое достоинство человѣка *который* изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія *который* не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ ничтожнымъ своимъ собратьямъ и не касаясь земли весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы». 28) «*Если* ты (служитель алтаря) право правишь слово истины и спасенія *если* для тебя нѣтъ большей радости какъ видѣть или слышать что духовныя чада твои ходятъ по истинѣ Христовой *если* въ случаѣ нужды ты по примѣру великаго Пастыреначальника готовъ душу свою положить за други своя то благо тебѣ ты іерей по чину Іисусову приступай къ сему гробу съ дерзновеніемъ лобызай сіи язвы и вдыхай изъ нихъ новый духъ мужества и любви на новые подвиги».—30) «Кто любитъ родной языкъ и литературу тотъ никогда не забудетъ того что сдѣлалъ для русскаго народа величайшій изъ нашихъ поэтовъ А. С. Пушкинъ **во-первыхъ** онъ первый изъ русскихъ поэтовъ сталъ изображать въ своихъ произведеніяхъ русскую дѣйствительность, т.-е. нравы, обычаи, вообще жизнь русскаго народа **во-вторыхъ** онъ далъ намъ художественные образцы разныхъ видовъ лите-

ратурныхъ произведеній напр. баллады оды романа и др. **въ третьихъ** онъ далъ намъ художественный стихотворный и прозаическій языкъ, почему вмѣстѣ съ Ломоносовымъ и Карамзинымъ получилъ право на имя преобразователя литературнаго языка въ четвертыхъ ему *же* мы обязаны выясненіемъ высокаго назначенія поэта и того вліянія, какое должна оказывать истинная поэзія на сердца человѣческія». 30) «*Когда* по смерти Ярослава Мудраго Русь раздроблена была на отдѣльныя княжества, во главѣ которыхъ стали удѣльные князья, не зависимые отъ великаго князя кіевскаго *когда* эти князья руководясь эгоистическими соображеніями стали говорить другъ другу—«се мое а то мое же» и чрезъ это воевать братъ съ братомъ дядя съ племянникомъ **тогда** наше отечество ослабляемое и разоряемое не въ состояніи было справляться съ врагами внѣшними и внутренними почему не выдержавъ натиска монгольскихъ страшныхъ полчищъ почти на два съ половиною вѣка подпало подъ власть этого свирѣпаго народа.

Г.

Употребленіе 1) черты, или тире (—), и 2) тире съ запятой.

Черта, или тире (—),—знакъ пропуска отдѣльныхъ словъ и предложеній.

Примѣры для разучиванія употребленія этихъ знаковъ препинанія.

1) а) «Наша сила—наука и знаніе». б) «Здорово, кумъ Ѳаддей».—«Здорово, кумъ Егоръ».—«Ну, каково, пріятель, поживаешь?»—«Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!»—в) «За гибель—гибель, брань—за брань, и казнь тебѣ, губитель!»—«Мы села—въ пепелъ, грады въ прахъ, въ мечи—серпы и плуги».—

г) Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ воспѣваются—Донъ и Дунай=въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ воспѣваются рѣки: Донъ и Дунай. д) «Боже, Царя храни»!»—было исполнено, по требованію публики, нѣсколько разъ.—«Изъ нѣта не выкроешь естя»—русская пословица, къ которой имѣетъ близкое отношеніе другая: «На нѣтъ суда нѣтъ».

2) а) Крыловъ оставилъ намъ басни, въ которыхъ мѣтко подчеркнулъ темныя стороны жизни современнаго ему общества,—басни, которыя сдѣлали его имя безсмертнымъ. б) «Горы, моря, рѣки. долины, лѣса,—все въ природѣ имѣетъ свои прелести».—в) «Если вы хотите провести нѣсколько минутъ истинно блаженныхъ; если вы хотите испытать этотъ неизъяснимо сладостный покой души, который выше всѣхъ земныхъ удовольствій,—ступайте въ лунную лѣтнюю майскую ночь полюбоваться нашимъ Кремлемъ: сядьте на одну изъ скамеекъ тротуара, который идетъ по самой окраинѣ холма; забудьте на нѣсколько времени и шумный свѣтъ съ его безуміемъ, и всѣ ваши житейскія заботы и дѣла и дайте хоть разъ вздохнуть свободно бѣдной душѣ вашей, измученной и усталой отъ всѣхъ земныхъ тревогъ».—г) Съ тѣхъ поръ, какъ Дмитрій Донской соединенными силами удѣльныхъ княжествъ въ тысяча триста восьмидесятомъ году впервые разбилъ татаръ на Куликовомъ полѣ, а Іоаннъ Третій уничтожилъ всякую зависимость отъ этихъ лютыхъ враговъ нашего отечества,—одно за другимъ начинаютъ терять свою независимость Казань, Астрахань и Крымъ.—д) Въ то время, когда поляки, захвативъ въ свои руки Кремль, святыню нашей первопрестольной столицы-Москвы, надменно относились къ гражданамъ ея, а патріарх Гермогена, какъ истинный столпъ церкви, стоятеля за святую Русь, лишили даже свободы,—въ Нижнемъ Новгородѣ召 Мининъ призывалъ русскій народъ постоять за вѣру и отечество, не щадя ни матеріальныхъ благъ,

ни своей жизни, и голосъ его былъ услышанъ: князь Пожарскій, еще не оправившійся отъ ранъ, повелъ ополченіе къ Москвѣ и спасъ родное отечество отъ ненавистныхъ враговъ.—

Правила.

1) Тире, какъ знакъ пропуска словъ и предложеній, употребляется:

а) когда при разговорѣ или при чтеніи чувствуется остановка голоса тамъ, гдѣ пропущенъ вспомогательлый глаголъ въ настоящемъ времени (есть, суть);

б) когда передается разговоръ двухъ и болѣе лицъ, для того, чтобы показать, что пропущено имя или фамилія лица, разговаривающаго;

в) когда необходимо обозначить быстроту проявленія дѣйствія или состоянія;

г) когда между сказуемымъ, употребленнымъ во множественномъ числѣ, и слѣдующими за нимъ (сказуемымъ) подлежащими—въ единственномъ числѣ пропущено названіе общаго, цѣлаго, части котораго составляютъ частныя названія, т.-е. подлежащія, поставленныя въ единственномъ числѣ.

д) Предъ сказуемымъ, подлежащее при которомъ выражено бываетъ однимъ или нѣсколькими предложеніями, также ставится тире.

2) Тире, поставленное надъ запятой (,—), употребляется

а) для того, чтобы показать, что при повторенной части предложенія подразумѣваются пропущенныя другія части предложенія: повторяется же часть предложенія или для того, чтобы пояснить её придаточнымъ предложеніемъ или какимъ нибудь пояснительнымъ словомъ, или же для того, чтобы обратить особое вниманіе читателя на повторенную часть;

б) — послѣ перечисленныхъ однородныхъ частей

предложенія передъ мѣстоименіемъ **весь** (вся, все, всего...), предъ которымъ пропущено слово **это** или названное, перечисленное и др.; а запятая подъ тире ставится потому, что само мѣстоименіе (подъ которымъ разумѣются всѣ перечисленные выше предметы) является такимъ же однороднымъ членомъ предложенія, какъ и названные выше (въ данномъ примѣрѣ пять подлежащихъ: «горы, моря, рѣки, долины, лѣса», и шестое подлежащее само мѣстоименіе «**все**»);

в) — въ періодахъ (между повышеніемъ и пониженіемъ), построенныхъ по способу подчиненія, когда пропущена предъ пониженіемъ грамматическая связь (въ данномъ примѣрѣ **то**);

г) — въ сложныхъ распространенныхъ предложеніяхъ, особенно со знаками препинанія внутри, а также и въ періодахъ, построенныхъ по способу подчиненія, когда сложное предложеніе и періодъ начинаются грамматическою связью, относящеюся къ главному предложенію, а за нею идетъ придаточное предложеніе или рядъ придаточныхъ предложеній; ставится это тире для того, чтобы указать на далеко находящуюся грамматическую связь главнаго предложенія и сдѣлать паузу, равную времени для произнесенія названной грамматической связи, а запятая—для указанія на то, что начинается дальше главное предложеніе, которое отъ предыдущаго придаточнаго должно быть отдѣлено знакомъ препинанія.

Д.

Употребленіе остальныхъ знаковъ препинанія.

1.

ЗНАКЪ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ.

Примѣры для выясненія правилъ употребленія восклицательнаго знака.

а) «Друзья!» смиренно имъ (юношамъ) отвѣтствуетъ старикъ: «издѣтства я къ трудамъ привыкъ»...

«О други! по множеству грѣховъ подпали мы (звѣри) подъ сильный гнѣвъ боговъ».

«О царь нашъ, добрый царь! отъ лишней доброты», лисица говоритъ: «въ грѣхъ это ставишь ты».

«Эхъ, братецъ! отвѣчалъ Эакъ: «не знаешь дѣла ты никакъ».

«Спаситель! Спаситель!» чиста моя вѣра.

«Кому, о Господи! доступны Твои Сіонски высоты?»

«Поди-ка, братъ Андрей! Куда ты тамъ запалъ? Поди сюда скорѣй, да подивуйся дядѣ!»

«Ужъ какъ ты простъ, мой другъ!»

б) «Псари кричатъ: «Ахти, ребята, воръ!»

«Ты (Василекъ) ни пышенъ, ни пахучъ: такъ солнца ты своей докукою не мучь!»

«Если зеленѣть желаешь ты (Роща) зимою, какъ лѣтомъ и весною, дай у себя мнѣ (Огню) уголокъ!»

«За дерзость такову я (волкъ) голову съ тебя (ягненка) сорву!»

Правила.

Знакъ восклицанія ставится, во-первыхъ, послѣ слова обращенія, когда оно стоитъ въ началѣ предложенія, для того, чтобы показать, что слово обращенія надо произнесть голосомъ волнующагося человѣка, который въ данный моментъ переживаетъ то или другое чувство, наприм.: гнѣва, радости, горя, досады и т. д.; на то, что обращеніе такъ нужно произнесть, указываютъ междометія, стоящія передъ нимъ, какъ напр.: о, эхъ, ой, увы и др. или повтореніе слова обращенія («Тятя! тятя! наши сѣти притащили мертвеца»);

—во-вторыхъ, послѣ слова обращенія внутри предложенія, когда предъ обращеніемъ стоитъ междометіе;

—въ третьихъ, послѣ предложеній, которыя мы произносимъ волнующимся голосомъ подъ вліяніемъ названныхъ выше чувствъ (горя, радости и т. п.).

2.

ЗНАКЪ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ.

Примѣры для выясненія правилъ употребленія знака вопросительнаго.

а) «Полезно ль просвѣщенье? Полезно, слова нѣтъ о томъ».

б) «А далеко ль сосѣду (волку) путь? и гдѣ такой народъ благочестивый, съ которымъ думаешь ты жить въ ладу?»

— «О, я прямехонько иду въ лѣса Аркадіи счастливой. Сосѣдка (кукушка), то-то сторона! Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война; какъ агнцы, кротки человѣки, и молокомъ текутъ тамъ рѣки; ну, словомъ, царствуютъ златыя времена!»

в) «Наши предки, по сказанію лѣтописца, не знали: что за народъ были монголы? откуда они пришли? какъ велики ихъ полчища?

Правила.

Знакомъ вопросительнымъ обозначается а) вопросъ, который ставятъ для того, чтобы читающій обратилъ особое вниманіе на отвѣтъ, который даетъ поставившій вопросъ;

б)—вопросъ, который ставится для обозначенія невѣдѣнія, незнанія нами чего-нибудь и обозначенія желанія узнать что-нибудь отъ другихъ;

в)—рядъ вопросовъ косвенныхъ (2-й видъ дополнительныхъ придаточныхъ предложеній), которые пояс-

няютъ, дополняютъ другъ друга, когда между косвенными вопросами и главнымъ предложеніемъ поставлено двоеточіе.

3.

СКОБКИ, МНОГОТОЧІЕ И КАВЫЧКИ.

Примѣры для выясненія правилъ употребленія этихъ знаковъ.

а) «Въ оракула всѣ вѣрятъ слѣпо; какъ вдругъ **(о чудо, о позоръ!)** заговорилъ оракулъ вздоръ: сталъ отвѣчать не складно и нелѣпо».—

«Изъ дальнихъ странствій возвратясь, какой-то дворянинъ **(а, можетъ-быть, и князь)**, съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ, расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ, и къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ».—

«Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами, ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ **(а дуги гнутъ съ терпѣньемъ и невдругъ)**, Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами».—

б) «Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія: хватилъ въ сердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей (Коробочкѣ) чорта.—«Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ!» вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ: «еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился, окаянный: вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ!»

— «Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ... вижу: бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду .. да пропади, околѣй со всей вашей деревней!»...—

«Злой тоской удручена, къ Муравью ползетъ она (Стрекоза):

— «Не оставь меня, кумъ милый! дай ты мнѣ собраться съ силой и до вешнихъ только дней прокорми и обогрѣй!» —

— «Кумушка, мнѣ странно это: да работала ль ты лѣто?» говоритъ ей Муравей.

— «До того ль, голубчикъ, было! въ мягкихъ муравахъ у насъ пѣсни, рѣзвость всякій часъ, такъ что голову вскружило».—

— «А, такъ ты»...—

— «Я безъ души лѣто цѣлое все пѣла».—

— «Ты все пѣла? Это дѣло: такъ поди же попляши!» —

б) «И говоритъ (Медвѣдь): «Сосѣдъ, что за причина эта? деревья - таки я ломать могу, а не согнулъ ни одного въ дугу. Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье».

«Жизнь есть училище терпѣнія»; поэтому нужно имѣть большую силу воли, быть бодрымъ духомъ, чтобы легче жилось въ этомъ мірѣ печали и слезъ».

Правила.

а) Въ скобкахъ ставятся вводныя слова и предложенія, составляющія поясненіе, замѣчаніе мимоходомъ. Эти слова и предложенія не вяжутся грамматически съ тою рѣчью (предложеніемъ), въ которую они введены, и произносятся другимъ тономъ рѣчи, чтобы оттѣнить, обратить вниманіе на поясненіе, замѣчаніе, выраженное вводными словами или предложеніями.

б) Многоточіе ставится, во-первыхъ, для того, чтобы показать читающему, что говорящій подъ вліяніемъ сильнаго чувства (горя, радости, гнѣва и др.) прерываетъ свою рѣчь (какъ Чичиковъ подъ вліяніемъ доса-

ды, гнѣва), не договариваетъ ея; во-вторыхъ, прерываетъ рѣчь или потому, что его перебиваютъ (какъ Стрекоза Муравья—словами: «Я безъ души»....), или потому, что самъ не желаетъ окончить своей рѣчи.

в) Кавычками обозначаются чужія слова и предложенія.

Примѣры для упражненія въ постановкѣ знаковъ препинанія.

Смотря по обстоятельствамъ, учащимся дается то или другое число примѣровъ для устнаго разбора или для списыванія, но съ тѣмъ, чтобы въ списанномъ учащійся далъ отчетъ устно.

Примѣры для устнаго разбора

1) Басня Крылова: «Водолазы».

а) Какой-то древній царь впалъ въ страшное сомнѣнье: не болѣе ль вреда, чѣмъ пользы, отъ наукъ? не разслабляетъ ли сердецъ и рукъ ученье? и не разумнѣе ль поступитъ онъ, когда ученыхъ всѣхъ изъ царства вышлетъ вонъ? Но, такъ какъ этотъ царь, свой украшая тронъ, душою всей радѣлъ своихъ народовъ счастью и для того не дѣлалъ ничего по прихоти иль по пристрастью,—то приказалъ собрать совѣтъ, въ которомъ всякій бы, хоть словомъ не кудрявымъ, но съ толкомъ лишь согласно здравымъ свое представилъ да иль нѣтъ, то-есть ученымъ вонъ изъ царства убираться или попрежнему въ томъ царствѣ оставаться?

б) Однакожъ, какъ совѣтъ ни толковалъ: кто самъ свой голосъ подавалъ, кто голосъ подавалъ работы секретарскій,—всякъ только дѣло затемнялъ и въ нерѣшимости запутывалъ умъ царскій: кто говорилъ, что

неученье—тьма; что не далъ бы намъ Богъ ума, ни дара достигать вещей небесныхъ, когда бы Онъ хотѣлъ, чтобъ человѣкъ не болѣ разумѣлъ животныхъ безсловесныхъ, и что согласно съ цѣлью сей ученье къ счастію ведетъ людей; другіе утверждали, что люди отъ наукъ лишь только хуже стали; что все ученье—бредъ, что отъ него лишь нравамъ вредъ, и что за просвѣщеньемъ вслѣдъ сильнѣйшія на свѣтѣ царства пали. Короче: съ обѣихъ сторонъ, и дѣло выводя, и вздоры, бумаги исписали горы, а о наукахъ споръ остался не рѣшенъ.

в) Царь сдѣлалъ болѣе: созвавъ отвсюду, онъ, разумниковъ, изъ нихъ установилъ собранье и о наукахъ споръ имъ предложилъ на судъ: но способъ былъ и этотъ худъ,—затѣмъ, что царь имъ далъ большое содержанье: такъ въ голосахъ между собой разладъ для нихъ былъ настоящій кладъ, и, если бы имъ волю дали, они бъ донынѣ толковали да жалованье брали; но, такъ какъ царь казною не шутилъ, то онъ, примѣтя то, ихъ скоро распустилъ.

г) Межъ тѣмъ часъ отъ часу впадалъ въ сомнѣнье болѣ. Вотъ какъ то вышелъ онъ, сей мыслью занятъ, въ поле и видитъ предъ собой пустынника съ сѣдою бородою и съ книгою въ рукахъ большой. Пустынникъ важный взоръ имѣлъ, но неугрюмый: привѣтливость и доброта улыбкою его украсили уста, а на челѣ слѣды глубокой видны думы. Монархъ съ пустынникомъ вступаетъ въ разговоръ, и, видя въ немъ познанія несчетны, онъ проситъ мудреца рѣшить тотъ важный споръ: науки ль болѣе полезны, или вредны?

д) «Царь!» старецъ отвѣчалъ: «позволь, чтобъ предъ тобой открылъ я притчею простой, что размышленья мнѣ внушили многолѣтны», и, съ мыслями собравшись, началъ такъ: «На берегу, близъ моря, жилъ въ Индіи рыбакъ; проведши долгій вѣкъ и бѣдности, и горя, онъ умеръ и троихъ оставилъ сыновей: но дѣ-

ти, видя, что съ нуждою они кормились отъ сѣтей и, ремесло отцовское ненавидя, брать дань богатѣе задумали съ морей не рыбой,—жемчугами, и, зная плавать и нырять, ту подать доправлять пустились сами.

е) Однакожъ былъ успѣхъ различенъ всѣхъ троихъ: одинъ, лѣнивѣе другихъ, всегда по берегу скитался (онъ даже не хотѣлъ ни ногъ мочить своихъ) и жемчугу того лишь дожидался, что выброситъ къ нему волной; а съ лѣностью такой едва-едва питался; другой, трудовъ нимало не жалѣя и выбирать умѣя себѣ по силѣ глубину, богатыхъ жемчуговъ нырялъ искать по дну и жилъ, всечасно богатѣя; но третій, алчностью къ сокровищамъ томимъ, такъ разсуждалъ съ собой самимъ: «хоть жемчугъ находить близъ берега и можно, но, кажется, какихъ сокровищъ ждать не должно, когда бы удалося мнѣ достать морское дно на самой глубинѣ?

ж) Тамъ горы, можетъ-быть, богатствъ несчетныхъ: коралловъ, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ, которые стоитъ лишь достать и взять». Сей мыслію плѣнясь, безумецъ вскорѣ въ открытое пустился море и, выбравъ, гдѣ была чернѣе глубина, въ пучину кинулся: но, поглощенный ею, за дерзость, не доставши дна, онъ жизнью заплатилъ своею. «О царь!» промолвилъ тутъ мудрецъ: «хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину, но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину и свой погибельный конецъ,—лишь съ разницею тою, что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою».

2) Изъ «Мертвыхъ Душъ» —*Гоголя.*

а) Деревня показалась ему (Чичикову) довольно велика; два лѣса: березовый и сосновый, какъ два крыла: одно темнѣе, другое свѣтлѣе, были у ней справа и слѣва; посреди виднѣлся деревянный домъ съ мезониномъ, красною крышей и темно-сѣрыми, или луч-

ше,--дикими стѣнами,—домъ—въ родѣ тѣхъ, какъ у насъ строятъ для военныхъ поселеній и нѣмецкихъ колонистовъ. Было замѣтно, что при постройкѣ его зодчій безпрестанно боролся со вкусомъ хозяина: зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ—удобства и, какъ видно, вслѣдствіе того заколотилъ на одной сторонѣ всѣ отвѣчающія окна. Фронтонъ тоже никакъ не пришелся посреди дома, какъ ни бился архитекторъ, потому что хозяинъ приказалъ одну колонну сбоку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, какъ было назначено, а только три. Дворъ окруженъ былъ крѣпкою и непомѣрно толстою деревянною рѣшоткою. Помѣщикъ, казалось, хлопоталъ много о прочности: на конюшни, сараи и кухни были употреблены полновѣсныя толстыя бревна, опредѣленныя на вѣковое стояніе».

б) «Деревенскія избы мужиковъ тоже срублены были на диво: не было кирченыхъ стѣнъ, рѣзныхъ узоровъ и прочихъ затѣй, но все было пригнано плотно и—какъ слѣдуетъ; даже колодецъ былъ обдѣланъ въ такой крѣпкій дубъ, какой идетъ только на мельницы да на корабли: словомъ, все, на что ни глядѣлъ онъ, было упористо, безъ пошатки, въ какомъ-то крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ».

в) «Подъѣзжая къ крыльцу, замѣтилъ онъ (Чичиковъ) выглянувшія изъ окна почти въ одно время два лица: женское въ чепцѣ, узкое, длинное, какъ огурецъ, и мужское, круглое, широкое, какъ молдаванскія тыквы, называемыя горлянками, изъ которыхъ дѣлаютъ на Руси балалайки,—двухструнныя, легкія балалайки, красу и потѣху ухватливаго двадцатилѣтняго парня, мигача и щеголя.... Выглянувши, оба лица въ ту же минуту спрятались. На крыльцо вышелъ лакей въ сѣрой куртке, съ голубымъ стоячимъ воротникомъ и ввелъ Чичикова въ сѣни, куда вышелъ уже самъ хозяинъ. Увидѣвъ гостя, онъ (Собакевичъ) сказалъ отрывисто: «Прошу!» и повелъ его во внутреннія жилья».

г) «Когда Чичиковъ искоса взглянулъ на Собакевича, онъ ему на этотъ разъ показался весьма похожимъ на средней величины медвѣдя. Для довершенія сходства фракъ на немъ былъ медвѣжьяго цвѣта, рукава длинны, панталоны длинны; ступнями ступалъ онъ и вкривь, и вкось и наступалъ безпрестанно на чужія ноги. Цвѣтъ лица имѣлъ каленый, горячій, какой бываетъ на мѣдномъ пятакѣ... самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича: держалъ онъ его болѣе внизъ, чѣмъ вверхъ; шеей не ворочалъ вовсе и въ силу такого неповорота рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ; но всегда—или на уголъ печки, или на дверь. Чичиковъ еще разъ взглянулъ на него искоса, когда проходили они столовую—«медвѣдь! совершенный медвѣдь!» Нужно же такое странное сближеніе: его даже звали Михайломъ Семеновичемъ. Зная привычку его наступать на ноги, онъ очень осторожно переступалъ своими и давалъ ему дорогу впередъ. Хозяинъ, казалось, самъ чувствовалъ за собою этотъ грѣхъ и тотъ же часъ спросилъ: «Не побезпокоилъ ли я васъ?» но Чичиковъ поблагодарилъ, сказавъ, что еще не произошло никакого безпокойства»...

д) «Почти въ теченіе цѣлыхъ пяти минутъ всѣ (Собакевичъ, его жена, Ѳеодулія Ивановна, и Чичиковъ) хранили молчаніе; раздавался только стукъ, производимый носомъ дрозда о дерево деревянной клѣтки, на днѣ которой удилъ онъ хлѣбныя зернышки. Чичиковъ еще разъ окинулъ комнату, и все, что въ ней ни было,—все было прочно, неуклюже въ высочайшей степени и имѣло какое-то странное сходство съ самимъ хозяиномъ дома: въ углу гостиной стояло пузатое орѣховое бюро на пренелѣпыхъ четырехъ ногахъ,—совершенный медвѣдь; столъ, кресла, стулья,—все было самаго тяжелаго и безпокойнаго свойства: словомъ, каждый предметъ, каждый стулъ, казалось, говорилъ: «И я тоже Собакевичъ!» или: «И я тоже похожъ на Собакевича!»

Примѣры для списыванія и постановки пропущенныхъ знаковъ препинанія учащимися самостоятельно.

1) Изъ повѣсти Старосвѣтскіе помѣщики. Смерть Пульхеріи Ивановны.

а) П. И. ничего не говорила наконецъ послѣ долгаго молчанія какъ будто хотѣла она что-то сказать пошевелила губами и дыханіе ея улетѣло Аѳанасій Ивановичъ былъ совершенно пораженъ это такъ казалось ему дико что онъ даже не заплакалъ мутными глазами глядѣлъ онъ на нее какъ бы не понимая значенія трупа покойницу положили на столъ одѣли въ то самое платье которое она сама назначила сложили ей руки крестомъ дали въ руки восковую свѣчу онъ на все это глядѣлъ безчувственно множество народа всякаго званія наполнило дворъ множество гостей пріѣхало на похороны длинные столы были разставлены по двору кутья наливки пироги покрывали ихъ кучами гости говорили плакали глядѣли на покойницу разсуждали о ея качествахъ смотрѣли на него но онъ самъ на все глядѣлъ странно.

б) Покойницу понесли наконецъ народъ повалилъ слѣдомъ и онъ пошелъ за нею священники были въ полномъ облаченіи солнце свѣтило грудные младенцы плакали на рукахъ матерей жаворонки пѣли дѣти въ рубашонкахъ бѣгали и рѣзвились по дорогѣ наконецъ гробъ поставили надъ ямой ему велѣли подойти и поцѣловать въ послѣдній разъ покойницу онъ подошелъ поцѣловалъ на глазахъ его показались слезы но какія-то безчувственныя слезы гробъ опустили священникъ взялъ заступъ и первый бросилъ горсть земли густой протяжный хоръ дьячка и двухъ понамарей пропѣлъ вѣчную память подъ чистымъ безоблачнымъ не-

бомъ работники принялись за заступы и земля уже покрыла и сравняла яму въ это время онъ пробрался впередъ всѣ разступились дали ему мѣсто желая знать его намѣреніе онъ поднялъ глаза свои посмотрѣлъ смутно и сказалъ такъ вотъ это вы уже и погребли ее зачѣмъ онъ остановился и не докончилъ своей рѣчи но когда возвратился онъ домой когда увидѣлъ что пусто въ его комнатѣ что даже стулъ на которомъ сидѣла П. И. былъ вынесенъ онъ рыдалъ рыдалъ сильно рыдалъ неутѣшно и слезы какъ рѣка лились изъ его тусклыхъ глазъ».

2) Изъ повѣсти Тарасъ Бульба. Битва казаковъ съ поляками.

а) «Стали наступать они (поляки) на казацкіе таборы грозя нацѣливаясь пищалями сверкая очами и блеща мѣдными доспѣхами какъ только увидѣли казаки что подошли они на ружейный выстрѣлъ всѣ разомъ грянули въ семипядныя пищали и не прерывая все палили изъ пищалей далеко понеслось громкое хлопанье по всѣмъ окрестнымъ полямъ и нивамъ сливаясь въ безпрерывный гулъ дымомъ затянуло все поле а запорожцы все палили не переводя духа задніе только заряжали да передавали переднимъ наводя изумленіе на непріятеля не могшаго понять какъ стрѣляли казаки не заряжая ружей уже не видно было за великимъ дымомъ обнявшимъ то и другое воинство не видно было какъ то одного то другого недоставало въ рядахъ но чувствовали ляхи что густо летѣли пули и жарко становилось дѣло и когда попятились назадъ чтобы посторониться отъ дыма и оглядѣться то многихъ не досчитались въ рядахъ своихъ а у казаковъ можетъ-быть другой третій былъ убитъ на всю сотню и все продолжали палить казаки изъ пищалей ни на минуту не давая промежутка».

б) «Самъ иноземный инженеръ подивился такой никогда имъ не виданной тактикѣ сказавши тутъ же при всѣхъ вотъ бравые молодцы запорожцы вотъ какъ надо биться и другимъ въ другихъ земляхъ и далъ совѣтъ поворотить тутъ же на таборъ пушки тяжело ревнули широкими горлами чугунныя пушки дрогнула далеко загудѣвши земля и вдвое больше затянуло дымомъ все поле почуяли запахъ пороха среди площадей и улицъ въ дальнихъ и ближнихъ городахъ но цѣлившіе взяли слишкомъ высоко раскаленныя ядра выгнули слишкомъ высокую дугу страшно завизжавъ по воздуху перелетѣли они черезъ головы всего табора и углубились далеко въ землю взорвавъ и взметнувъ высоко на воздухъ черную землю ухватилъ себя за волосы французскій инженеръ при видѣ такого неискусства и самъ принялся наводить пушки не глядя на то что жарили и сыпали пулями безпрерывно казаки».

3) Изъ «Исторіи Государства Россійскаго»—Карамзина.

а) Борисъ не обольстилъ россіянъ своими благодѣяніями ибо мысль для него страшная господствовала въ душахъ мысль что Небо за беззаконія царя казнитъ царство. Изливая на бѣдныхъ щедроты говорятъ лѣтописцы онъ въ золотой чашѣ подавалъ имъ кровь невинныхъ да піютъ во здравіе питалъ ихъ милостынею богопротивною расхитивъ имѣніе вельможъ честныхъ и древнія сокровища царскія осквернивъ добычею грабежа.

б) Настало время явной жизни для того кто не вѣрилъ правосудію божественному въ земномъ мірѣ надѣясь можетъ быть смиреннымъ покаяніемъ спасти свою душу отъ ада какъ надѣялся Іоаннъ и дѣлами достохвальными загладить для людей память своихъ безза-

коній. Не тамъ гдѣ Борисъ стерегся опасности внезапная опасность явилась не потомки Рюриковы не князья и вельможи имъ гонимые не дѣти и друзья ихъ вооруженные местію умыслили свергнуть его съ царства сіе дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга именемъ младенца давно лежавшаго въ могилѣ .. Какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ тѣнь Димитріева вышла изъ гроба чтобы ужасомъ поразить обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію…

в) Бѣдный сынъ боярскій галичанинъ Юрій Отрепьевъ въ юности лишась отца именемъ Богдана Якова стрѣлецкаго сотника зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ литвиномъ служилъ въ домѣ у Романовыхъ и князя Бориса Черкасскаго зналъ грамотѣ оказывалъ много ума но мало благоразумія скучалъ низкимъ состояніемъ и рѣшился искать удовольствія безпечной праздности въ санѣ инока слѣдуя примѣру дѣда Замятни Отрепьева который уже давно монашествовалъ въ обители Чудовской. Постриженный вятскимъ игуменомъ Трифономъ и названный Григоріемъ сей юный чернецъ скитался изъ мѣста въ мѣсто жилъ нѣсколько времени въ Суздалѣ въ обители св. Евфимія въ галицкой І. Предтечи и въ другихъ наконецъ въ Чудовѣ монастырѣ въ келіи у дѣда подъ началомъ. Тамъ патріархъ Іовъ узналъ его посвятилъ въ діаконы и взялъ къ себѣ для книжнаго дѣла ибо Григорій умѣлъ не только хорошо списывать но даже и сочинять каноны святымъ лучше многихъ старыхъ книжниковъ того времени

г) Пользуясь милостію Іова онъ часто ѣздилъ съ нимъ и во дворецъ видѣлъ пышность царскую и плѣнился ею изъявлялъ необыкновенное любопытство съ жадностью слушалъ людей разумныхъ особенно когда въ искреннихъ тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Димитрія царевича вездѣ гдѣ могъ вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной и записывалъ на хартіи. Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ

мечтателя внушенная ему какъ увѣряютъ однимъ ма лымъ инокомъ мысль что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ россіянъ умиляемыхъ па мятію Димитрія и въ честь небеснаго правосудія казнить святоубійцу. Сѣмя пало на землю плодоносную юный діаконъ съ прилежаніемъ читалъ россійскія лѣтописи и нескромно хотя и въ шутку говаривалъ иногда чудовскимъ монахамъ знаете ли что я буду царемъ на Москвѣ. Одни смѣялись другіе плевали ему въ глаза какъ вралю дерзкому.

д) Сіи или подобныя рѣчи дошли до ростовскаго митрополита Іоны который объявилъ патріарху и самому царю что «недостойный инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ діавольскимъ» добродушный патріархъ не уважилъ митрополитова извѣта но царь велѣлъ дьяку своему Смирному-Васильеву отправить безумца Григорія въ Соловки или въ Бѣлозерскія пустыни будто бы за ересь на вѣчное покаяніе. Смирной сказалъ о томъ другому дьяку Евфимьеву Евфимьевъ же будучи свойственникомъ (родственникомъ) Отрепьевыхъ умолилъ его не спѣшить въ исполненіи царскаго указа и далъ способъ опальному діакону спастися бѣгствомъ въ февралѣ 1602 года вмѣстѣ съ двумя иноками чудовскими священникомъ Варлаамомъ и крылошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ...

е) Бродяги иноки были тогда явленіемъ обыкновеннымъ всякая обитель служила для нихъ гостинницею во всякой находили они покой и довольствіе а на путь запасъ и благословеніе Григорій и товарищи его свободно достигли Новгорода Сѣверскаго гдѣ архимандритъ Спаской обители принялъ ихъ весьма дружелюбно и далъ имъ слугу съ лошадьми чтобы ѣхать въ Путивль но бѣглецы отославъ провожатаго спѣшили въ Кіевъ и Спасскій архимандритъ нашелъ въ кельѣ гдѣ жилъ Григорій слѣдующую записку Я царевичъ Димитрій сынъ Іоанновъ и не забуду твоей ласки когда сяду на пре-

столъ отца моего Архимандритъ ужаснулся не зналъ что дѣлать рѣшился молчать».

4. Изъ «Мертвыхъ Душъ»—*Гоголя*.

а) «Русь Русь вижу тебя изъ моего чуднаго прекраснаго далека тебя вижу бѣдна природа въ тебѣ не развеселятъ не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива вѣнчанныя дерзкими дивами искусства города съ многооконными высокими дворцами вросшими въ утесы картинныя дерева и плющи вросшіе въ домы въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ не опрокинется назадъ голова посмотрѣтъ на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки опутанныя виноградными сучьями плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ несущихся въ серебряныя ясныя небеса открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ какъ точки какъ значки непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города ничто не обольститъ и не очаруетъ взора.

б) Но какая же непостижимая тайная сила влечетъ къ тебѣ почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей отъ моря до моря пѣсня что въ ней въ этой пѣснѣ. Что зоветъ и рыдаетъ и хватаетъ за сердце какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу вьются около моего сердца Русь что же ты хочешь отъ меня какая непостижимая связь таится между нами что глядишь ты такъ и зачѣмъ все что ни есть въ тебѣ обратило на меня полныя ожиданія очи и еще полный недоумѣнія неподвижно стою а уже главу осѣнило грозное обла ко тяжелое грядущими дождями и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ что пророчитъ сей необъятный

просторъ здѣсь ли въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли когда ты сама безъ конца здѣсь ли не быть богатырю когда есть мѣсто гдѣ развернуться и пройтись ему и грозно объемлетъ меня могучее пространство страшною силою отразясь во глубинѣ моей неестественною властью освѣтились мои очи у какая сверкающая чудная незнакомая землѣ даль Русь»...

5) Отзывъ Русскихъ Вѣдомостей о знаменитомъ нашемъ историкѣ С. М. Соловьевѣ.

С. М. Соловьевъ работалъ въ университетѣ не только какъ профессоръ онъ не отказывался служить родному университету на выборныхъ должностяхъ Соловьевъ явился убѣжденнымъ и твердымъ защитникомъ автономіи университета онъ дѣлалъ все что могъ въ защиту университета и въ концѣ концовъ не остановился передъ отставкой.

Соловьевъ не зарывался въ лѣтописи и въ хартіи отъ окружающей дѣйствительности онъ вспоминаетъ его ученикъ Бестужевъ-Рюминъ живя въ мірѣ прошлаго умѣлъ скорбѣть о невзгодахъ настоящаго и радоваться его радостями никогда не забуду той глубокой скорби съ которою онъ говорилъ о нашихъ неудачахъ въ Крымскую войну.

Въ своихъ лекціяхъ и въ своихъ сочиненіяхъ Соловьевъ всегда опредѣленно проводилъ идеи прогресса которыя составляли его задушевныя убѣжденія подобно своему наставнику и затѣмъ сотоварищу Грановскому Соловьевъ видѣлъ въ исторіи науку по преимуществу воспитывающую гражданина въ его сочиненіяхъ въ его Исторіи много мѣстъ это доказывающихъ.

II.

Употребленіе буквы ѣ въ корняхъ, представкахъ, неизмѣняемыхъ окончаніяхъ и измѣняемыхъ.

Вступительныя строки.

Умѣнье на мѣстѣ писать букву ѣ требуетъ вдумчивости, вниманія, проявленія дѣятельности памяти и мышленія, безъ чего, конечно, не мыслимо пріобрѣсть вообще знанія, а, слѣдовательно, и знать, когда нужно написать въ томъ или другомъ словѣ ѣ или е, какъ въ другихъ случаяхъ о или а, е или и и т. п.

Чтобы не было затрудненія въ написаніи ѣ въ корняхъ, необходимо взять два-три слова изъ той или другой семьи словъ, но словъ такихъ, которыя даютъ дѣтямъ легко понять смыслъ коренныхъ звуковъ. Для примѣра опредѣлимъ смыслъ коренныхъ звуковъ, хоть такихъ: **бѣд-**, **свѣт-**. Слова: **бѣднякъ**, **побѣда**, **убѣдить**, говорятъ о томъ, что для одного человѣка **бѣда** заключается въ томъ, что у него недостаетъ средствъ для насущнаго; другой терпитъ **бѣду**, горе потому, что онъ **побѣжденъ**: лишенъ свободы, крова, одежды; третій видитъ **бѣду**, непріятность, досаду въ томъ, что его **убѣдили**, т.-е. заставили при помощи слова отказаться отъ своего взгляда, мнѣнія, убѣжденія,—принять вмѣсто этого мысль, истинность которой ему доказали. Отсюда: всѣ слова, въ которыхъ встрѣчаются коренные звуки **бѣд**, **бѣжд**, говорятъ или о **бѣдѣ** матеріальной, или о **бѣдѣ** душевной. Слова съ коренными звуками **свѣт-**, **свѣщ-**, **свѣч-** говорятъ о дѣйствіяхъ, состояніяхъ, качествахъ, свойствахъ предметовъ, являющихся причиною, источникомъ, поводомъ для проявленія названныхъ дѣйствій, состояній,

напр.: свѣтить, посвѣтить. освѣщеніе, просвѣщеніе, свѣча, подсвѣчникъ и т. д.

Немногочисленны случаи употребленія ѣ въ представкахъ, производственныхъ звукахъ и измѣняемыхъ окончаніяхъ, и усвоить ихъ не трудно, если при усвоеніи дѣтьми этимологическихъ свѣдѣній обращать вниманіе дѣтей на эти случаи: напр., вѣдь всякій ребенокъ пойметъ насъ, если мы ему скажемъ слѣд.: слышимое въ концѣ основы **производнаго глагола е** на письмѣ обозначается буквою ѣ, напр.: видѣ, терпѣ, глядѣ и др. Дѣтямъ, которыя ознакомлены съ составомъ словъ, не трудно уразумѣть, что въ этихъ глаголахъ и имъ подобныхъ второй слышимый звукъ е не принадлежитъ корню и, какъ словообразовательный звукъ (примѣта глагола), на письмѣ передается чрезъ ѣ; не затруднятся они тогда правильно написать такія формы, какъ —видѣнный, терпѣніе, видѣніе, вѣдѣніе, свѣдѣніе, невѣдѣніе и др. Другіе случаи употребленія ѣ въ производственныхъ звукахъ и представкахъ не затруднительны, да они и не многочисленны. Нѣсколько большаго вниманія и напряженія памяти требуютъ случаи употребленія ѣ въ окончаніяхъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ; но для этого въ классѣ и педагогъ присутствуетъ, чтобы во время, при разучиваніи склоненій и спряженій, оттѣнить, подчеркнуть эти случаи, обратить на нихъ особое вниманіе учащихся.

Для облегченія усвоенія случаевъ употребленія ѣ въ названныхъ выше случаяхъ и дается слѣдующій матеріалъ.

Примѣчанія при словахъ съ буквою ѣ внесены съ цѣлью дать матеріалъ, наводящій на размышленія, имѣющія отношеніе и къ усвоенію правописанія словъ съ буквою ѣ, и къ выясненію смысла какъ коренныхъ звуковъ съ названною буквою, такъ и словъ одной и той же семьи.

Приводятся дальше слова отъ корней съ буквою

ѣ не всѣ: только типичныя, помогающія 1) усвоить корень а) безъ измѣненія звука въ немъ и б) съ измѣненными звуками и 2) понять смыслъ, значеніе корня.

Правила употребленія ѣ въ представкахъ, корняхъ и окончаніяхъ, а также ученіе о переносѣ частей словъ изъ одной строки въ другую неизбѣжно побудили сказать о составѣ словъ.

Наконецъ, для тѣхъ, кому составитъ трудъ подыскивать производныя слова отъ корней съ буквою ѣ, мы приходимъ на помощь въ концѣ нашей работы: какъ дополненіе ко II-й главѣ, въ концѣ книги печатаемъ болѣе подробный перечень словъ съ буквою ѣ.

О составѣ словъ.

Слова дѣлятся на простыя (**совѣсть, свѣтъ**) и сложныя (**язык*о*вѣдѣніе, пар*о*возъ, мор*е*плаватель, Цар*ь*градъ**). Простыя слова имѣютъ или двѣ части (**сад*ъ***): корень и измѣняемое окончаніе, или три (*по*-**сад*ъ***): представку, корень и измѣняемое окончаніе, или четыре (***по*сад*никъ***): представку, корень, неизмѣняемое окончаніе и измѣняемое.

Въ таблицѣ для наглядности части слова отдѣлены другъ отъ друга линіями и точками. Жирнымъ шрифтомъ напечатаны коренные звуки. Звуки корня при образованіи основъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ измѣняются; для уясненія этого подобраны слова съ такими коренными звуками, какъ напр.: **вид, виж, вис, вѣд, вѣжд, вѣж, вѣс, вад**. Внимательное разсмотрѣніе таблицы даетъ наглядное представленіе о коренныхъ звукахъ слова и другихъ частяхъ его, послѣ чего легко усвоится дѣтьми и ниже слѣдующее опредѣленіе частей слова.

1. Представка (префиксъ).	2. Корень.	3. О к о н ч а (приставка, настав неизмѣняемое, словообраз тельные или производст ные звуки (вставка, суффи
	и	д
При	шес	(с) тв і
При	ше(д)	л
При	ш(ед)	л
	ход	—
При	ход	—
За	ход	и
Рас	хаж	ива
По	лез	н
По	льз	—
Не	льз	—
	льг	от
	вид	—
	виж	—
Не на	вид	ѣ
За	вид	ова
Не на	вис	т
	вѣд	ѣ н і
С	вѣд	ѣ н і
Не	вѣд	ѣ н і
	вѣд	ь м
Под	вѣд	омствен н
Не	вѣжд	—
Не	вѣж	е ств
	вѣс	т
Из	вѣ(с)	щ а
	вад	и м

1) **Предстаккою** называется часть слова, стоящая предъ корнемъ; ею видоизмѣняется смыслъ корня, что видно, напр., изъ слѣдующихъ словъ: шествіе и пришествіе, видъ, зависть и ненависть, льгота и нельзя и др.

2) **Корнемъ** называется самая важная часть слова: отъ корня зависитъ смыслъ семьи словъ, произведенныхъ отъ него: видъ, ненависть, извѣщать, Вадимъ.

Корень въ русскомъ языкѣ можетъ состоять а) изъ одного гласнаго или согласнаго звука (иду, шли), б) изъ гласнаго съ однимъ, двумя, тремя и четырьмя согласными (даръ, видъ, страданіе; в) въ полногласныхъ словахъ—изъ двухъ одинаковыхъ гласныхъ съ согласными (короткій, золото, пелена, дерево), предъ и послѣ плавныхъ л и р.

Какъ гласные, такъ и согласные звуки корня при образованіи отъ нихъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ словъ могутъ измѣняться: видъ, вижу, зависть, вѣдѣніе, вѣсть, извѣщать, Вадимъ; ходъ, хожу, расхаживаться.

3) **Неизмѣняемымъ окончаніемъ** слова называется часть его (слова), которая находится (вставлена, отсюда—вставка) между корнемъ и измѣняемымъ окончаніемъ. Эта часть слова даетъ возможность *образовывать отъ корня* склоняемыя и спрягаемыя *слова*: очевид*ецъ*, вид*ѣ*ть, привид*ѣні*е: поэтому эту часть слова иначе называютъ словообразовательными или производственными звуками.

4) **Измѣняемымъ окончаніемъ** (флексіей) называется послѣдняя часть слова, которая при склоненіи и спряженіи словъ измѣняется, напр.: вѣдѣніе, вѣдѣнія, вѣдѣніемъ; завидую, завидуешь, завидуютъ; Вадимъ, Вадиму...

Слова, состоящія изъ корня и измѣн
чанія, а также изъ представки, корня и
окончанія, называются **коренными;** а
которыхъ измѣняемое окончаніе присоединяе
ню при помощи производственныхъ звуко
няемаго окончанія), называются **произво**

A.

Слова, въ корняхъ которыхъ звукъ мѣ передается буквою ѣ.

Буква ѣ употребляется A.) въ корнях
измѣняемомъ окончаніи, B.) измѣняемомъ
Г.) въ одной только представкѣ **нѣ: нѣкт**

*Печатаемыя съ буквою ѣ слова пр
для списыванія. Напечатанныя слова
дѣтямъ опредѣлить смыслъ корня,
другія слова отъ того же корня, нап
подъ списанными уже и подчеркнуть в
ренные звуки.*

1) **Бе-сѣд-** [1]
Бесѣд-*а*—разговоръ
Бесѣдк-*а*
Бесѣду-*ю*

Бесѣд ова-
Бесѣд овал
Собесѣд ован
Собесѣдникъ
. . . . .

Пособіями при составленіи примѣчаній
вари **Миклошича, Горяева, Изюмова,** *ниже назва*
В. М. Добровскаго *и другія сочиненія.*

[1]) Корни бе+сѣ-, **бе** изъ **ка+сѣ—са**
Добровскаго: «О взаимод. плавн. фонемъ и д
«Филол. Зап.» 1899, VI), млр. бесида, с
слов. besêda, чеш. beseda; бе—ба=fa въ fari

2) Блѣд- [2])
Блѣдн*ый*
Блѣдноват*ый*
Блѣднот*а*
. . . .

3) Бѣг-, бѣж- [3])
Бѣгъ
Бѣгл*ый*
Бѣчь (ч=г+т)
Бѣж*ать*
Убѣжищ*е*
Перебѣжчикъ
. . . .

4) Бѣд-, бѣжд [4])
Бѣд-*а*
Побѣд*а*
Побѣдитель
Убѣдит*ь*
Бѣдствi*е*
Убѣжд*ать*
. . . .

5) Бѣл- [5])
Бѣл*ый*
Бѣл*ить*
Забѣл*ить*
Бѣлк*а*
Бѣлянк*а*
Бѣлес*ый*
Бѣловат*ый*
Бѣльм*о*
Бѣлуг*а*
. . . .

6) Бѣс-, бѣш- [6])
Бѣсъ
Бѣсноват*ый*
Бѣс*ить*ся
Сбѣс*ить*ся
Побѣс*ить*ся
Перебѣс*ить*ся
Бѣшен*ый*
Бѣшенств*о*
. . . .

---

[2]) Млр. блидный, пол. blady, серб. блиjед, чеш. bledy.

[3]) Срб. бежати и бjежати, чеш. bêhnouti, bêzeti, bihati, пол. bieć, biegać, млр бигты, бигаты, лит. bégu, bégti, греч. φεύγειν; по Миклош. кор. bêg вм. bvêg.

[4]) Усил. кор. отъ бид (обидѣть): бид—бѣд, млр. бида, серб. беда, биjеда, чеш bêda, biada, пол. bieda, biada, санскрит. badha=мученiе, греч. πένθος=печаль.

[5]) Серб. биjел, чеш. bily, пол. biały, санскр. bhala=блескъ; по Микл. кор. бѣ=санскр. bhâ=splendere=блестѣть.

[6]) Млр. бисъ, серб. биjес, чеш bês, лит. biesas, baisus=страшный, пол. bies.

7) Вѣд-, вѣс-, вѣж-, вѣжд- [7])

Вѣдѣніе
Невѣдѣніе
Всевѣдѣніе
Правовѣдѣніе
Невѣжество
Невѣжливый
Невѣжда
Невѣста
Вѣсть
Извѣщать (щ изъ ст)
Увѣщевать
. . . .

8) Вѣж-
Вѣжа [8])=перевозимое жилье кочевниковъ, а затѣмъ постоянное.

9) Вѣк-о [9]) — часть органа зрѣнія.

10) Вѣк- [10]), вѣч-
Вѣкъ — «нѣчто, постоянно движущееся впередъ и въ то же время возвращающееся назадъ съ новымъ днемъ, съ новымъ годомъ и, наконецъ, новымъ поколѣніемъ.
Вѣковать
Вѣчный
Увѣчить
Увѣчный
. . . . . .

[7]) Млр. видаты, чеш. vědě=знаю, věděti; пол. viem, wiedzeć, греч. οἶδα=знаю, нѣм. weiss=знаю, литов. veizdmi=вижу, санскр. wêdmi=знаю.

[8]) Отъ кор. вез, лат. veh, млр. вежа, блр. вѣжа, литов. vėža=башня, польск. wieża, чеш. věž, лат. vehiculum.

[9]) Санскр. кор. vja (покрывать, закрывать), млр. вико, народн. великорус. вѣко, вико (крышка), др.-слав. вѣко, чеш. viečce (вѣко), víko (крышка), пол. powieka, wieko (крышка и cartallus), литов. vokas (вѣко), лат. voca (крышка, покровъ), лит. voka и латыш. vāks (крышка, покровъ).

[10]) Отъ корня връ, что въ глаголѣ врѣти, означающаго кипѣніе, когда вода кружится и бурлитъ, или морское волненіе, когда во время шторма волны, вздымаясь, пѣнясь и тѣсня другъ друга, какъ бы стараясь обогнать одна другую. См. у В. М. Добровскаго: «О взаимодѣйствіи» ...

11) **Вѣс-** [11])
Вѣно=плата за невѣсту ея родителямъ.

12) **Вѣс-** [12]), **вѣш-**
Вѣсъ
Пере**вѣсъ**
Вѣсы
Вз**вѣшивать**
. . . . . .

13) **Вѣ-** [13])
Вѣтръ=нѣчто, крутящее, вертящее, сильно дующее.
Вѣтрило
Вѣтрище
Про**вѣтривать**

14) **Вѣ-** [14])
Вѣнецъ — свитое, сплетеное
Вѣникъ
Вѣтвь [15])
вѣять
вѣха [16])
Про**вѣвать**
Вѣялка
. . . . . .

15) **Вѣр-** [17])
Вѣра=истина.
Вѣрую
Вѣровать
Вѣровалъ

---

[11]) Млр. вино. вено, чеш. vêno, пол. wiano, греч. ὦν-ος=ϝόσπ-ος (цѣна, покупка, латин. venum dare=продавать, санскр. vas-na (кор. vēs)=цѣна; вѣно вм. вѣсно.

[12]) Кор. вѣс отъ вис (висѣть), срб. вjесити, вjешати. чеш. vésiti, пол. wiesеć, wieszać, млр. вишаты, санскр. кор. vēs.

[13]) Отъ корн. врът—вѣт: вѣтръ, лат. ventus при vertere, въ нѣмецкомъ Wind при winden съ замѣною небной и плавной фонемы носовою; млр, витеръ, чеш. vítr, пол. wiatr, литов. vëtra=буря, санскр. vatra=вѣтеръ. См. у В. М. Добровскаго.

[14]) Отъ корня ви (вить) съ усиленіемъ *и* въ *ѣ*— вѣ, какъ вид—вѣд, бид—бѣд—1) чеш. venec=голови. повязка, пол. wieniec; 2) млр виныкъ=листья, вѣтви, прутья, метла; чеш. vênik=пучокъ. лит. vainikas=вѣнокъ.

[15]) Др.-сл. вѣя, санскр. vajā; вѣтвь отъ ви.

[16]) Чеш. vécha=вѣнокъ изъ соломы, пол. wiechеć= метелка.

[17]) Млр. вира, чеш víra, пол. wiara, лит. vëra, лат. veritas, санскр. vára, зенд. verenvaite (вѣритъ).

Изувѣръ
Староверъ
Невѣріе
Невѣрный
. . . .

16) Вѣт-, вѣщ-, вѣч-
Совѣт-ъ
Совѣтовать
Совѣтую
Совѣтовалъ
Совѣщаніе
Вѣче
. . . .

17) Нѣ—
Гнѣвъ [18])
Гнѣвливый
Гнѣтити [19]) и нѣтити
Загнѣтка
Гнѣдой [20])
Гнѣдко

18) Глѣбъ
Глѣбовъ
Глѣбовичъ
Глѣбовка

19) Нѣ-
Гнѣздо
Гнѣздиться
Гнѣзно [21])

20) Рѣ-
Грѣхъ ⎱ [22])=промахъ,
Огрѣхъ ⎰ ошибка.
Огрѣшекъ
Грѣшникъ
Прегрѣшеніе
Грѣшить
Погрѣшность
Согрѣшить
Согрѣшеніе
. . . .

21) Днѣпръ (изъ Donapris)
Днѣпровскіе пороги.

22) Днѣстръ (изъ Danastris)

---

[18]) Отъ корня гнѣ (изъ гни), млр гнивъ, срб. гњев, чеш. hněv, пол. gniew.

[19]) Словин. nêtiti, кроат. unititi, болгар. за гнѣть (очагъ), чеш. nítiti, пол. niecić, лат. nitere (блестѣть)

[20]) Млр. гнидый, чеш. hnědy (=коричневый), пол. gniady.

[21]) Млр. гниздо и гнизно, чеш. hnízdo, пол. hniazdo, нѣм. Nest, лит. lizdas, лат. nidus, санскр. nîda изъ nizda; zd изъ sed (сидѣть).

[22]) Грѣшить=промахнуться, огрѣхъ=нераспах. мѣсто между двумя бороздами, чеш. hřich, hřešiti, пол. grzech, литов. grekas (грѣхъ), лат. reus=виноватый.

23) а) **Дѣ-**
Дѣт*и* (дитя) [23])
Дѣтств*о*
. . . . . .
б) **Дѣ**в*а* [24])
. . . . . .
в) **Дѣ**дъ [25])
Пра**дѣ**дъ
Дѣдушк*а*
. . . . . .

Дѣл*о*
Дѣльн*ый*
Не**дѣ**л*я*
Дѣйствіе
Дѣл*ить* [27])
Раз**дѣ**л*ить*
На**дѣ**л*ить*
У**дѣ**л*ъ*
. . . .

24) **Дѣ-** [26])
Дѣ*ть*
За**дѣ***ть*
На**дѣ***ть*
Дѣла*ть*

25) **Звѣзда** [28])
Звѣздочк*а*
Звѣздн*ый*
Звѣздочетъ
. . . .

---

[23]) Млр. дытя, бѣлорус. дзѣтва, болгр. дѣте, чеш. díte, пол. dziecię, отъ корня dhē=доить, сосать, лат. femina, filius вм felius (сынъ), filia (дочь), felo сосу, лот. dels (сынъ), déjudēt (сосать), гр. θηλη, санскр. dhatri (мамка), др.-сл дѣта.

[24]) Чеш. déva, пол. dzievica, млр. дивка, кор. dhē-, зенд. dê=греч. θῆσθαι.

[25]) Млр. дидъ, бѣлорус. дзѣдъ, пол. dzind, чеш. déd. лит. dėdas=дядя, старикъ, гр. θεῖος=дядя, τηθη= бабушка, тетка.

[26]) Др.-сл. дѣ-ти дѣнѫ, рус. одѣть, надѣяться. серб. дјети, чеш. díti, пол. dzinć (испытывать), dzieje (исторія), лит dēti=дѣть, положить, поставить.—дѣ= dhē, θη; дѣти, дѣнѫ, деждѫ, санскр. dha, dadhati=положить, дѣлать, творить.

[27]) Чеш. dĕliti пол. dzielić, санскр. dā: datu=часть, dana=часть въ обѣдѣ, греч. δάνος=ссуда, заёмъ, лит. daliti=дѣлить.

[28]) Др.-сл. ѕвѣѕда, дѕвѣѕда, малорус. звизда, серб. звијезда, чеш. hvĕzda, пол. gwiazda, литов. żwaigzdė, лотыш. zwaigzne, рус. област. огвѣздить=ударить такъ, что въ глазахъ засверкаетъ; звизнуть, звизданутъ

26) **Звѣрь** [29])
Звѣрство
Звѣрствовать
. . . .

27) **Зрѣ-** [30])
Зрѣ-ть
Созрѣть
Незрѣлый
. . . .

28) **Зѣ-** [31])
Зѣвъ
Зѣвать
Ротозѣй
Зѣвака
. . . . .

29) **Зѣн-** [32])
Зѣница—часть органа зрѣнія, при помощи котораго мы получаемъ знанія.
Зѣнки=глаза.

30) **Клѣ-** [33])
Клѣть
Клѣтка
Клѣтчатка
Клѣтчатый
Клѣтушка
Клѣточка
Клѣточникъ
Клѣтчонка
. . . .

31) **Крѣп-** [34])
Крѣп-к-ій
Укрѣпить
Закрѣпить
Крѣпостной
Крѣпостникъ
Крѣпостничество
. . . . . .

---

[29]) Болгр. звѣр, дzвѣр, серб. звиjер, пол. zwierz, чеш. zvér. zvíře, лат. fera, греч. θήρ=дичь, лит. żwéris, лотышк. zvērs.

[30]) Др.-сл. ꙁрѣти, серб. зрѣти, чеш. zřáti, пол. zrzeć, греч. γηράσκειν=созрѣвать, старѣть.

[31]) Усил. кор. отъ ꙁи- зіяніе, раз-зинуть, млр. зиваты, чеш. zati. zivati, пол. ziać, ziewać, лат. hiare.

[32]) Усил. кор отъ ꙁьн(ꙁьнати), млр. зиныця, зинка (вѣко), обл. рус. зѣнки=глаза, зрачки; пазѣть, зѣять, зѣкать=глядѣть, слов. zenica, серб. зjеница, чеш. zenice=зрачокъ, зѣница.

[33]) Серб клиjет, чеш. klece и kletka, пол. klatka, литов. klêtis, kletka.

[34]) Пол. krzepić, чеш. křepky=проворный, греч. κραιπνός.

32) Лелѣять [35])
Лелѣянный
Взлелѣянный
. . . . . .
33) Лѣв [36])
Лѣвый
Налѣво
Лѣвша
. . . . . .
34) Лѣз- [37])
Лѣс-ть
Лѣстница
Лѣсенка
. . . . . .
35) Лѣк=цѣл- [38])
Лѣк-о и цѣл-ый
Лѣкарь цѣлитель
Вылѣчить исцѣлить
. . . . . .
36) Лѣн- [39])
Лѣн-ь
Лѣниться
Лѣнивый
. . . . . .
37) Лѣп- [40])
Лѣпить
Нелѣпый
Велелѣпіе
Лѣпная работа
Слѣпокъ
. . . . . .

---

[35]) 1) качать волнами, 2)—на рукахъ, нѣжить, ласкать; 3) блестѣть, свѣтить; по Миклошичу лѣла=сестра матери, новогреч. λαλὰ=avia; санскр. lēlajati=качается, lálati=шутить, играетъ; lālajati=ласкаетъ.

[36]) Млр. ливый, серб. лијеви, чеш. levý, пол lewy, словац. l'ava ruka, греч. λαιο-ος лат. laevus.

[37]) Болгар. лѣза, влѣзувам, чеш. lezu—lézti, пол. leźć

[38]) Лѣк=цѣл (изъ кѣл=лѣк), серб. лијек, чеш. lék, пол. lek, лит. (по Ягичу заимств. изъ рус.) lieko; цѣл-ъ, цѣловать, блг. цалувам, пол. całować, серб. цео, чеш. celý, пол. cały, болгар. цѣрја=невредимъ, здоровъ; санскр. caljas., греч. καλλός=пріятный, здоровый, лит. cêlas.

[39]) Пол. leń, leniwy, чеш. lény, leniwý, лат. lentus=уступчивый, медлительный, лѣнивый; лит. lé(n)tas=медленный, лѣнивый, трусливый.

[40]) Серб. лијеп, чеш. lepý, пол. lepszy=лучшій, lepiej; лит. lēpšas, λέπνος, lepidus=гонкій, изящный, прекрасный, lepus=гордый.

38) Лѣс-, лѣш- [41])
Лѣсъ
Лѣсникъ
Лѣсовикъ
Лѣсовика
Лѣшій
. . . . .

39) Лѣ- [42])
Лѣто
Лѣтечко
Лѣтній
Лѣтовать
Лѣтопись
Лѣтописецъ
. . . . .

40) Лѣх- [43])
Лѣха=борозда.
Лѣшить
Пролѣшить
. . . . .

41) Мѣд- [44])
Мѣдь
Мѣдный
Мѣдникъ
Мѣдянка
. . . . .

42) Мѣл- [45])
Мѣлъ
Мѣловъ
Мѣловой
Мѣлить
. . . . .

43) Мѣ- [46])
Мѣна
Мѣнять
Замѣнить
Перемѣна
Измѣнникъ
. . . . .

---

[41]) Мар. лисъ, пол. las, чеш. les, серб. лиjес, болг. лѣскъ, греч. ὕλη, лат. sylva.

[42]) Лѣ усил кор. отъ ли (лить)=дождливое вр. года, годъ,—серб. љето, пол. lato. чеш. lito, láto, лит. lětus. litùs=дождь, liti=дождить

[43])=борозда, гряда, рядъ; серб. лиjеха, пол. lecha, чеш. lícha. лит lise, liste, лат. lira, delirare=переходить за борозду, впадать въ безумie.

[44]) Мар. мидь, чеш. med', пол. miedź, серб. mjed.

[45]) Лит. mēlas=гипсъ. Мѣл- изъ мил- мел-мьл: мелю, молоть: милый=мягкій, нѣжный.

[46]) Серб. миjена, мjена, чеш. měna, пол. miana, болг. промѣна=бѣлье, слов. mêna, кроат. mina, литов. mainas, mainiti, санскр. mājate=мѣнять, лат. mutare.

44) **мѣ-** [47]
мѣр*а*
Смѣрок*ъ*
Обмѣри*ть*
Примѣрк*а*
. . . . . .

45) **мѣс-** [48]
мѣст*о*
Помѣсть*е*
Помѣщик*ъ* (**щ** изъ **ст**)
. . . . . .

46) **мѣ-** малое свѣтило, т.-е. **Мѣсяцъ** [49]
мѣсяцеслов*ъ*
Ежемѣсячник*ъ*

47) **мѣт-**
мѣта [50]
Примѣт*а*
Отмѣтк*а*
Замѣтк*а*
Отмѣча*ть*
Намѣти*ть*
. . . .

48) **мѣх-, мѣс, мѣш-** [51]
мѣс-*ить*
Смѣшива*ть*
мѣхъ
мѣшокъ [52]
мѣшковатый
. . . .

---

[47]) Млр. мира, серб. мјера, чеш. míra, пол. miara, словин. mêra, санскр. mātra, греч. μέτρον, лат. metiri=мѣрять, лит. mëra.

[48]) Мѣс=мѣт, млр. мисто, серб. мијесто, чеш. místo, mësto=городъ, пол. miejsce, miasto, словин. mêsto, зенд. maeth-a=жилище, лит mëstas=городъ, misti=жить.

[49]) Мѣ изъ ма—мл ъ («О взаим. плав. фон. и дифтонговъ»): мѣсяцъ меньшее свѣтило по величинѣ и значенію для земли: mensis и minor. Mond и minder, μήνη и μείων μικρός. Въ санскр. minati и minoti=minuere=уменьшать мѣзннъ=minor, мѣзнньць=filius natu minimus; въ рус. мѣзинецъ=pollex minimus. Мѣсяцъ въ млр. мисяцъ, бѣлорус. мѣсикъ, серб. мјесец, чеш. měsíc, пол. miesiąc, лит. mënesis, санскр. çandra-mās.

[50]) Лат. meta=столбъ, граница, межа; лит. methas=колъ, санскр. methi=столбы, мѣта.

[51]) Мѣшать, мѣсить, помѣха, млр. миситы, серб. мијесити, чеш. misiti, пол. miesić=тѣсто. лат. miscere (=mic-sc-e-re), лит. maišiti, санскр. mimikšati, греч. μίσγειν (изъ μιγσχειν).

[52]) Млр. михъ, чеш. měch, пол. miech, санскр. mēša=руно, шерсть, мѣхъ; лит. maišas=мѣхъ и мѣшокъ.

49) **Мѣш** [53])
Мѣшкать
Замѣшкаться
Помѣшкать
. . . . .

50) **Нѣг-, нѣж-**
Нѣга [54])
Онѣгинъ
Нѣженка
Нѣжный
Нѣжность
. . . . .

51) Нѣдро=ядро [55])
. . . . .

52) Нѣманъ
. . . . .

53) **Нѣм-**
Нѣм-ъ [56])
Онѣмѣть
Нѣмецъ
Онѣмечить

54) **Нѣтъ=не+юс-ть=нѣсть**
Отнѣкиваться
. . . . . .

55) **Орѣхъ** [57])
Орѣшникъ
Орѣшнякъ
Орѣшина
Орѣховъ
Орѣховецъ
Орѣховый
. . . . .

56) **Плѣн-** [58])
Плѣнъ
Плѣнникъ
Плѣнница
Плѣненіе
Плѣнительно
. . . . .

---

[53]) Пол. mieszkać=жить гдѣ-либо, обитать.

[54]) Млр. нега, виговаты, кроат. niga, санскр. snēhati=чувствовать влеченіе къ кому, snēha=привязанность, snēhana=любящій.

[55]) Слов. jadro, кроат. jidro, млр. нидро. надро, серб. њедра, чеш. ňádra, пол. nadro, греч. οἰδάω=пухну, οἶδος=опухоль.

[56]) Серб. нијемъ, чеш. němy, пол. niemy=не говорящій на яз. славянъ.

[57]) Млр. о р и х ъ, серб. о р а х, чеш. ořech, пол. orzech, слов. orech.

[58]) Рус., млр., бѣлорус. полонъ, чеш. plen, пол. plon, слов. plên, лит. pèlnas=заработокъ, вознагражденіе, лотыш. pèlnit=пріобрѣсти.

57) **Плѣс-**
Плѣсень [59])
Заплѣсневѣ*ть*
Плѣшь [60])
Плѣшивый
. . . . .

58) **Прѣс-**
Прѣсн*ый*
Опрѣснок*ъ*
. . . . .

59) **Прѣ**—корень **пръ-прѣ-** значитъ—потѣть, вариться, бродить, гнить, портиться, разгорячаться, краснѣть [61]).
Прѣ*ть*
Сопрѣ*ть*
Прѣні*е*
Прѣл*ый*
Обопрѣл*ый*

60) **Пѣг-** [62])
Пѣг-ій
Пѣгашк*а*
. . . . .

61) **Пѣн-** [63])
Пѣн*а*
Пѣниться
Пѣнник*ъ*
. . . . .

62) **Пѣс-**
Пѣстун*ъ* [64])
Пѣстова*ть*
. . . . .

63) **Пѣ-**
Пѣть*е*
Пѣ*ть* [65])
Пѣні*е*
Пѣвец*ъ*
Пѣтух*ъ*

---

[59]) Слов. plêsen, чеш. plíseň, пол. pleśń; плѣ изъ pel-ē: пелесый, полосатый; плѣшь, слов. plêš, пол. plesz, чеш. pleš, лит. plešti=рвать, рвать волосы. Потебня сравн. съ оплъѕнѫти

[60]) Серб. приjесан, пол. przasny, чеш. přesny. přisny, лит. prēsk-as.

[61]) Пол. przeć, лит. per-iù, per-ėti=сидѣть на яицахъ, греч. πίμ-πρημι, πρήθω, лат. pario, pe-per-i. Отъ этого же корня—п а р-ъ, какъ плъ-- пал: п а л-и-ть.

[62]) Пол. piegi=веснушки, слов. pêg, санскр. piṅǵ, piṅkté, лат. pingo,—ere, греч. πίγγος..

[63]) Серб. пена, чеш. pěna. пол. piana, млр. пина, санскр. phēna.

[64]) Пол. piastun, piescić, piastować, бѣлорус. пѣстовацъ, чеш. pěstoun, лит. pėstiti; кор. пѣт—усиленіе отъ пит: пища.

[65]) Млр. питы, блрус. пѣць, серб. пojати, чеш. pěti, пол. piać, pieję.

64) Пѣд- [66])
Пѣ(д)хота
Пѣ(д)щій
Пѣ(д)шкомъ
Пѣхотинецъ
Пѣхотный
Пѣшеходъ
. . . . .

65) Рогнѣда-имя княгини.
. . . . .

66) Печенѣгъ-имя народа.
. . . . .

67) Рѣд- [67])
Рѣд-кій
Рѣдѣть
Рѣдька
. . . . .

68) Рѣз-
Рѣзать [68])
Отрѣзокъ
Рѣзецъ

69) Рѣпа [69])
Рѣпное (село).
. . . . .

70) Рѣсница [70]) — часть органа зрѣнія.
Рѣсничный
. . . . .

71) Рѣ-, рѣт-, рѣс-, рѣч- [71]) рѣ изъ ри: ри-ну-ть-ся. Кор. рѣ=выйти навстрѣчу къ предмету, взять его=пріобрѣсть,-въ переносномъ значеніи взять что-ниб. силами души, преодолѣть преграду, препятствіе=открыть, изобрѣсть что нибудь.
Срѣтеніе
Пріобрѣтать
Встрѣча
Изобрѣсть
Пріобрѣсть
. . . . . .

---

[66]) Блрус. пѣши, млр. пихота, серб. пјешак, чеш. pěchy, слов. peš, блг. пѣш, пол. pieszy, лат. pedē(t)s. лит. peda=стопа, санскр. pada=pes.

[67]) Млр. ридкый, пол. rzadki, чеш. řídký, серб. риједак, лат. rārus.

[68]) Блг. рѣзам, чеш. řezati, пол. rzezać, млр. ризаты, лит. rĕšti и raišti, слов. rêzati.

[69]) Срб. репа, пол. rzepa, чеш. řepa, слов. rêpa, блг. рѣпъ.

[70]) Др.-сл. раса, расьница, др.-рус. рясы=серьги, серб. реса, пол. rzęsa, чеш. řása, млр. ряска.

[71]) Др.-сл. обрѣсти, обрящѫ, лит. rasti, randu. Кор. рѣ изъ ри: ринуться, рѣка.

72) **Рѣх-, рѣш-** [72]):
Прорѣх-*а*
Рѣшет*о*
Рѣши*ть*
. . . . . .

73) **Рѣк-** [73])
Рѣчь (=**рѣк**+**ть**)
Нарѣчі*е*
. . . . . .

74) **Рѣ-** [74])
Рѣ*ять*
Рѣк*а*
Рѣнь=**мель**
. . . . . .

75) **Свирѣп-** [75])
Свирѣп*ый*
Свирѣпость
Свирѣпѣ*ть*
Разсвирѣпѣ*ть*
Разсвирѣпѣл*ый*
Свирѣпствова*ть*

76) **Свѣж-** [76]):
Свѣж*ій*
Свѣжесть
Освѣжа*ть*
Свѣжин*а*
Освѣжительный
. . . .

77) **Свѣт-, свѣч-, свѣщ-**
Свѣт*ъ* [77])
Свѣч*а*
Освѣщені*е*
Свѣтил*о*
. . . . . .

78) **Слѣд-, слѣж-** [78])
Слѣд*ъ*
Слѣдова*ть*
Слѣду*ю*
Слѣдстві*е*
Послѣдстві*е*
Слѣди*ть*
Слѣж*у*
Прослѣжива*ть*

---

[72]) Санскр. riš=раздѣлять, лит. rišti, raišiti=вязать, слов. rešiti, санскр. rikhati=дырявить; ср. прорѣха.

[73]) Серб. риjеч, лит. rèkti, rékiù=кричать. **Рѣк**—рик, рьк.

[74]) Блг. рѣка, серб. риjека, чеш. řeka, пол. rzeka, млр. рика; ср. рой, роиться; санскр. ri, rijatai, riųltai=течь, гальск. rēnos (Рейнъ), лат. rivus; греч. ῥέω=теку.

[75]) Др.-сл. сверѣпъ изъ **сврѣпъ**, блг. сапр=строгій, слов. srp (изъ svrp), санскр. svarati=мучить, удручать.

[76]) Млр. свижый, чеш. svěžy, пол. świeży, лит. švěžias.

[77]) **Слѣдъ**=греч. ἴχνος, лат. vestigium, -новослов. slêd чеш. sled, болгар. слѣдъ, пол ślad=дорога, млр. слидъ.

[78]) Млр. свитъ, серб. свет, чеш. svět, пол. świat, санскр. çvēta=блестящій, свѣтлый, бѣлый.

79) **Слѣп-, слѣпл-** [79])
Слѣпой
Слѣпецъ
Ослѣпнуть
Слѣпота
Ослѣпить
Ослѣпленіе
. . . . . .

80) **Смѣ—**[80]) означаетъ храбрость, мужество, отвагу: «Смѣлымъ Богъ владѣетъ».
Смѣлъ
Смѣлость
Осмѣлиться
Насмѣлиться
. . . . .

81) **Смѣ-** [81])
Смѣхъ
Смѣшной
Смѣяться
Насмѣхаться
Насмѣшка
. . . . . .

82) **Снѣг-, снѣж-** [82])
Снѣгъ
Снѣговой
Снѣжокъ
Снѣжинка
Снѣжный
Снѣгурочка
Снѣгирь
. . . . .

[79]) Слѣпнуть=κλέπτειν, clepere; литов. slêpti=скрывать; **слѣпъ**=чеш. slepy, пол. ślepy, литов. slapus=сокрытый, тайный; серб слијеп. Вѣроятно, слѣп- кор. стоитъ въ связи съ лип-, лѣп-: липнуть, лѣпить, слѣпить что-ниб.: слѣпъ тотъ, у котораго слѣпились вѣки; для котораго чрезъ отсутствіе дѣятельности зрѣнія скрытъ, не доступенъ міръ, его окружающій.

[80]) **Смѣ**=греч. μαίομαι=стремлюсь, ищу, желаю; μαιμάω=сильно желаю, бушую; μῆνις=гнѣвъ; санскр. ma-ja-s=желаніе, ma-n-jú=гнѣвъ.

[81]) **Смѣ-х-ъ**, млр. смихъ, серб. смијех, пол. śmiech, чеш. smích, санскр. smi—smájatē=улыбаться; smaja=удивленіе; лотыш. sméiju=смѣюсь, греч. μειδᾶν=улыбаться, лат. mirari=удивляться.

[82]) **Снѣг-ъ**, серб. снијег, чеш. sníh, пол. śnieg, млр. снигъ, лат. nix (=nigs)—ni(g)vis, прусск. snaigis, литов. snēgas, лотыш. snēgs.

83) **Спѣ-**
Спѣ*ть*[83])
Успѣ*ть*
Успѣх*ъ*
Успѣшн*ый*
Поспѣши*ть*
Спѣс*ь*
Спѣсив*ый*
Спѣсивѣ*ть*
. . . . .

84) **Стрѣ-** [84])
Стрѣл*а*
Стрѣля*ть*
Стрѣлок*ъ*
Пострѣл*ъ*
Самострѣл*ъ*
Стрѣха [85])
Застрѣх*а*
Застрѣшин*а*

85) **Стѣнь, тѣнь, сѣнь** [86])
Тѣнистый
Осѣня*ть*
Сѣнная дѣвушка.
. . . . .

86) **Стѣна** [87])
Застѣнок*ъ*
Простѣнок*ъ*
. . . . .

87) **Сѣ-** [88])
Сѣверъ
Сѣверный
Сѣверянинъ
. . . . . .

88) **Сѣд-** [89]) **сѣс-**
Сѣсть
Сѣдл*о*
Осѣдла*ть*
Насѣсти

[83]) **Спѣти**, серб. доспjети, чеш. spěti, млр. поспиты, лит. spěti=имѣть просторъ, досугъ; санскр. spnâ jate=пухнуть, расти, расширяться, преуспѣвать, греч. σπεύδειν=спѣшить.

[84]) Лит. strèlas, блг. стрѣла, пол. strzał=выстрѣлъ, strzała=стрѣла, санскр. strala=стрѣла.

[85]) Млр. стриха, срб. стреха, чеш. střecha, пол. strzecha (солом. крыша), отъ стрѣ=**стлa**, лит. straja=настилка, солома.

[86]) Млр. затинь, чеш. stéń, stíń, tín, пол. sień, sionka=сѣни, cień; стѣнь вм. скѣнь, греч. σκιά (изъ σκαιή)=тѣнь.

[87]) Млр. стина, серб. стиjена, чеш. stěna, пол. ściana, нѣм. stein=камень, греч. στία=камень, голышъ, στεινός=стѣсненный.

[88]) Серб. сjевер, слов. sêver, чеш. sever, пол. siewer, лит. šiauris, сѣ изъ ci=сiять.

[89]) Млр. сидло, лотыш. sedli, пол. siodło; сѣсть, сяду=лат. sedeo, sedere.

89) Сѣд- [90])
Сѣдой
Сѣдѣть
Просѣдь
Сѣдовласый
Сѣдобородый
. . . . . .

90) Сѣк-, сѣч- [91])
Сѣку
Сѣкира
Дровосѣкъ
Пасѣка
Насѣкать
Насѣчь ((ч=к+т)
Насѣкомое
Усѣкновеніе
Сѣчка
Насѣчка
Отсѣченіе
. . . . .

91) Сѣн- [92])
Сѣно
Сѣнной
Сѣновалъ
. . . . .

92) Сѣ- сѣр- [93])
Сѣра
Сѣрый
Сѣрко
. . . . .

93) Сѣт—сѣщ- [94])
Посѣтить
Посѣтитель
Посѣщеніе
Посѣщать
. . . . .

94) Сѣт- [95])
Сѣтовать
Посѣтовать
Сѣтованье
. . . . .

---

[90]) Чеш. sedy, слов. šed=siv, пол. szedziwy,—стоитъ въ связи съ кор. си-, сѣ-: сивъ, сѣръ, сѣверъ.

[91]) Рус. сѣченіе, сѣкира, др.-слав. сѣкыра и сокыра, пол. sokiera, лат. secūris=топоръ, млр. сичы, блрус. сѣку, сѣци, серб. сиjчем, сjеħи, чеш. seku, séci, пол. siec, лат. secare.

[92]) Млр. сино, серб. сиjено, слов. sêno, чеш. seno, пол. siano, лит. šėnos=сѣно, санскр. çjānas=сухой.

[93]) Др.-сл. сѣръ и шаръ, чеш. šery, пол. szary, млр. сирый, санскр. çara=пѣгій; сѣра, млр. сира, чеш. síra, пол. siarka, лит. sēra, лат. cēra, гр. κηρός.

[94]) Лит. saitu, saisti.

[95]) Др.-сл. сѣтиса=вспоминать, болгар. сѣтjа=чувствовать, лат. sentire.

95) Сѣт- [96])
Сѣть
Сѣтка (ср. ситка)
Сѣтчатый
Сѣтчатка
. . . . .

96) Сѣ- [97])
Сѣвалка
Сѣять
Сѣмя
Сѣменной
Сѣятельница
Сѣяніе
Сѣвооборотъ
. . . . .

97) Тѣл- [98])
Тѣло
Тѣльце
Тѣлесный
. . . . .

98) Тѣс(к)- (изъ тиск тиски, тискать, затискать, тиснуть [99]).
Тѣсный
Тѣснина
Стѣснить
Стѣсняться
. . . . . .

99) Тѣс- [100])
Тѣсто
. . . . .

100) Тѣ- [101])
Тѣшить
Утѣха
Затѣя
Затѣйникъ
Потѣха
Потѣшить
Потѣшный
Потѣшаться
. . . . .

---

[96]) Пол. siatka, sieć, лит. sētus, санскр. кор. si-; sē, sai=ligare.

[97]) Млр. сияты чеш. síti, пол. siać, лит. sėti, лат. serere.

[98]) Млр. тило, серб. тиjело, чеш. tėlo, пол. ciało. Кор. тлъ-, тоу-, ты, тѣ: тылъ, туловище, тѣло.

[99]) Тѣс(к)ный (тиски), др.-сл. тѣсьнъ, тѣскъ, серб. тиjесан, чеш. tėsny, пол. ciasny.

[100]) Др.-сл. и болг. тѣсто, слов. têsto, чеш. tėsto. пол. ciasto, др. иран. tais, taes=тѣсто, греч. σταῖς—σταιτος=пшеничное тѣсто.

[101]) Кор. тѣ—taj, зенд. taja=тайно

101) Хлѣ- [102])

Хлѣбъ
Хлѣбникъ
Хлѣвъ [103])
Хлѣвокъ
Хлѣвное
Хрѣнъ
. . . . .

102) Хѣръ [104])—1) названіе буквы; 2) хѣрить = ставить ╳ (крестъ), зачеркивать, уничтожать.

Хѣрикъ
Хѣрить
Похѣрить
Похѣриться
Схѣриться
Схѣриваться

103) Цвѣт-, цвѣс-, цвѣч [105])

Цвѣтъ
Расцвѣтъ
Цвѣсть
Расцвѣтить
Расцвѣченый
. . . . . .

104) Цѣв- [106])

Цѣвь
Цѣвка
Цѣвница
. . . . .

105) Цѣд- цѣж- [107])

Цѣдить
Цѣдилка
Цѣженье
. . . . .

---

[102]) Серб хлеб, љеб. чеш chleb, пол. chleb, лит. klёpas, греч. χρίβανος—κλίβανος=печен. хлѣбъ, лат. libum. Кор. хлъ, хръ, хлѣ=хранимое, запасы въ зернѣ=хлѣбъ.

[103]) Хлѣ—хрѣ изъ хлъ, хръ; хлѣвъ, млр. хливъ, чеш. chlev, пол. chlew, лог. klēvs, klāva; хрѣнъ, млр. хринъ, серб. хрен. пол. chrzan, чеш. křen, лит. krênas.

[104]) Хѣр-ъ, хер-ъ, хyр-ъ = греч. χέρ-ης = худой, дурной.

[105]) Цвѣтъ, вел. и бѣлорус. твѣтъ. квѣтъ, чеш. kvét. пол. kwiat, лит. kvètka. Сравни свѣтъ.

[106]) Цѣвь, цѣвка изъ kavi, kaivi=свирѣль, тонкій стволъ, стержень, древко и т. п., пол. cewka=трубка. на которую при тканьѣ полотна навиваютъ нити въ челнокѣ.

[107]) Цѣдити (изъ сцѣд-), млр. цидыты. серб. цедити, чеш. cediti, пол. cedzić, cadzić, лит. skēdu, skēsti=разжижать, греч. σχιζειν, лат. scindere.

106) **Цѣль** [108])
Прицѣлъ
Цѣлиться
Прицѣлиться
Прицѣливаться
Нацѣлиться
Цѣлесообразный
Бесцѣльный
. . . . . .

107) **Цѣл-** (см. кор. **лѣк-, лѣч-**). **Цѣловать**=привѣтствовать, поцѣлуемъ высказывать свое расположеніе, желать здоровья и всякаго блага [109]).
Цѣловать
Цѣловальникъ
Поцѣлуй
. . . . . .

108) **Цѣн-** [110])
Цѣна
Цѣнить
Оцѣнка
Бесцѣнный
Неоцѣненный
Прицѣниться
Переоцѣнка
Цѣновщикъ
. . . . . .

109) **Цѣп-** [111])
Цѣпъ (для выбиванія зерна).
Цѣпенѣть
. . . . .

110) **Цѣп- цѣпл-** [112])
Цѣпь
Цѣпочка
Цѣплять
. . . . .

---

[108]) Цѣль, прицѣлъ, млр. циль, пол. cel, cyl, чеш. cíl, серб. циљ, лит. cẽlius, нѣм. ziel, греч. τέλος, τέλειν.

[109]) Млр. цилуваты, болг. цалувам, пол. całować.

[110]) **Цѣна** (изъ сцѣна). млр. цина, пол. и чеш. cena, серб. цијена, сцијена, цена, слов. ocêniti se=подешевѣть; греч. τείω и τίω=цѣню, чту; τίνω=плачу пеню, лит. kaina, зенд. caēna=гр. ποινή=лат. poena=пеня.

[111]) Цѣп-ъ, цѣпенѣть, пол. и чеш. сер, серб. ципати се, чеш. scepenati, scipati, греч. σκήπτειν=ударять чѣмъ, зенд. саера=ударъ. Ср. щепа.

[112]) Др.-сл. чепь, област. рус. чепь, чеплять, цапнуть, пол. zaczepiać, нѣм. Haft=крючокъ, лат. capio, cēpi=хватаю, беру.

111) Ѣ- [113])
Ѣха*ть*
Ѣд*у*
Съѣзжа*ть*ся
Наѣздникъ
Наѣзжа*ть*
Ѣзжал*ый*
Переѣздъ
Проѣздъ
Объѣздъ
Отъѣздъ
Поѣздъ
. . . . . .

112) Ѣд-, Ѣс- [114])
Ѣд*а*
Ѣдокъ
Ѣс*ть*
Съѣстно*е*
Съѣда*ть*
Снѣда*ть*
Съѣдобн*ый*
Отъѣда*ть*ся
Объѣдк*и*
Выѣда*ть*
Заѣди.
. . . . . .

[113]) Кор. и означаетъ состояніе движенія. При образованіи основъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ и усиливается: и, ѣ, а (съ призвукомъ йотъ—ю я): итти, ѣхать, явиться, являться. ѣ усил. и: ѣ-д-у, и-д-у, мλр. йихаты, серб. jати, jихати, чеш. jedu, jechati, пол. jechać, jachać, санскр. и зенд. jāmi, jāti, лат. eo, íre, лит. joditi.

[114]) Ѣда, яство, мλр. йисты, бѣлорус. йесть, серб. jем, иjем, jести; чеш. jísti, пол. jeść, санскр. ēdmi, ēdmi, греч. ἔδω=ѣмъ, лат. edo, лит. ēdmi, eska=ѣда.

Б.

Буква Ѣ употребляется, какъ производственный звукъ безъ согласныхъ звуковъ и вмѣстѣ съ согласными при образованіи основъ словъ, склоняемыхъ и спрягаемыхъ.

1.

При образованіи основъ именъ существительныхъ.

ѣз, ѣж:	**ѣг, ѣж:**
желѣзо [1])	**Телѣга** [3])
желѣзный	**Телѣжка**
желѣжистый	**Телѣжечка**
.	. . . .
	ѣк, ѣч
ѣй:	**Калѣка** [4])
Змѣя	**Калѣчить**
Змѣй	**Искалѣчить**
Змѣёнышъ	. . . . . .
Змѣйка	**Человѣкъ** [5])
.	**Человѣческій**

---

[1]) Млр. желизо, серб. жељезо, чеш. železo, пол. żelazo, лит. geležis, санскр. hricus-hlikus, греч. χαλκός вм. χαλχός=руда, металлъ, мѣдь, санскр. galgha.

[2]) Др.-сл. ȥмѣи, млр. змый, пол. zmieja, серб. змай, змија, чеш. zmek, р. пад. zemka, zmak; кор. gem=плъзати, др.-сл. гѫга, кор. гѫ, гѧ=ȥѧ=ȥьм=gem.

[3]) Др.-сл. телѣга, болг. талѣг, слов. tolega, серб. таљига, пол. telega. лит. talenga.

[4]) Млр. калика, пол. kaleka. рус. калика=бѣднякъ, странникъ, увѣчный (безъ руки или ноги и т. д. «Калики перехожіе»).

[5]) Млр. чоловикъ, чеш. človek, пол. człowiek, człek, болгар. челѣк, лотыш. cilveks. Кор. члъ (чръ)—члоу--члов+ѣк-ъ,—въ санкр. и зенд. ēka=одинъ («О взаим. фонемъ»...).

Человѣчество	Колѣни
Человѣчекъ.	Колѣна
.	Поколѣнье
ѣн:	. . . . . .
Колѣно [6])	Полѣно [7])
Колѣнчатый	Полѣнце

2.

Какъ производственный звукъ ѣ употребляется при образованіи степеней сравненія прилагательныхъ именъ и нарѣчій.

ѣй, ѣе ѣйш:

бѣлый — бѣлѣй, бѣлѣе, бѣлѣйшій;

ѣе, ѣй = ѣ:

болѣе = болѣ;
менѣе = менѣ;
долѣе = долѣ;
далѣе = далѣ;
заранѣе = заранѣ;

Правила.

1) Присутствіе качества въ одномъ предметѣ въ большей степени, чѣмъ въ другомъ или—чѣмъ во всѣхъ остальныхъ предметахъ, заключающихъ въ себѣ это качество, обозначается въ нашей устной рѣчи при помощи слышимыхъ звуковъ ей, ее, ейш (свойство именъ прилагательныхъ качественныхъ), а письменно—буквами ѣй, ѣе, ѣйш;

2) когда слышимые звуки (для обозначенія сказаннаго) ей, ее сливаются въ звукъ е, то этотъ звукъ обозначается на письмѣ буквою ѣ.

[6]) Мн. ч. колѣни, млр. колино, серб. кољено, чеш. koleno, пол. kolano, санскр. ćalano—лит. pes—нога. Кор. клъ—кол, члъ—чел: челядь.

[7]) Млр. полино, пол. polano, чеш. poleno, словин. polêno. Кор. плъ—пол—пла—: полымя, пламя.

3.

Ѣ, ***какъ примѣта*** **производныхъ глаголовъ** ***при образованіи глагольныхъ основъ, оканчиваетъ собою А.) основу неопредѣленнаго, Б.)—настоящаго (у глаголовъ совершеннаго вида—будущаго) времени, отъ которыхъ образуются 1) глагольныя формы, а также 2) имена существительныя, прилагательныя и глаголы.***

1) а) Чтобы найти основу неопредѣленнаго наклоненія, надо отбросить окончаніе ти или ть, наприм.: нес(ть), зна(ть), вѣрова(ть).

б) Нѣкоторые коренные глаголы имѣютъ измѣненный согласный звукъ предъ ти, ть, напр.: брес(ть), плес(ть); у другихъ, имѣющихъ послѣдній коренной согласный звукъ г или к, эти звуки съ слѣдующимъ т (въ окончаніи ти, ть) образуютъ ч, напр.: печь, стеречь; отъ этихъ глаголовъ необходимо назвать 1 лицо настоящаго (или будущаго простого) времени и отбросить окончаніе этого лица у: бред(у), плет(у), пек(у), стерег(у).

2) Чтобы получить основу настоящаго времени глаголовъ а) второго спряженія, необходимо назвать второе лицо настоящаго (или будущаго простого) и отбросить окончаніе этого лица (шь), напр.: види(шь), держи(шь); б) а у глаголовъ перваго спряженія, кромѣ окончанія шь, еще соединительный гласный е, напр.: владѣ(е-шь), нес(е-шь).

3) Отъ основы А неопредѣленнаго наклоненія образуются слѣдующія глагольныя формы: I. форма неопредѣленнаго наклоненія, II.—прошедшаго времени, III—дѣепричастія прошедшаго времени (съ неизмѣняемыми окончаніями а) на ъ и б) и), IV. форма причастія прошедшаго времени дѣйствительнаго залога (съ примѣтою ш и родовыми окончаніями і-й, а-я, е-е), V—причастія прошедшаго времени страдательнаго залога съ примѣтою т или н и родовыми окончаніями а)—ъ,—а,—о и б)—ы-й,—а-я, о-е); а отъ основы Б настоящаго (будущаго простого) времени—I формы настоящаго (будущаго простого) времени, II—по-

велительнаго наклоненія, III—дѣеприч. настоящаго времени дѣйствительнаго залога (съ окончаніями а)—я (а), б)—и), IV—причастія настоящаго времени дѣйствительнаго залога (съ примѣтою щ и окончаніями—і-й,—а-я,—е-е) и V двѣ формы причастія страдательнаго залога (съ примѣтою и и окончаніями а)—ъ,—а,—е, б)—ы-й, а-я, о-е).

1.

		Основы А.		
		Влад-ѣ:	видѣ:	тлѣ [1]):
I.		владѣть	видѣть	тлѣть
II.		владѣлъ	видѣлъ	тлѣлъ
III.	а)	владѣвъ	видѣвъ	тлѣвъ
	б)	владѣвши	видѣвши	тлѣвши
IV.		владѣвшій	видѣвшій	тлѣвшій
V.	а)	(владѣнъ)	(видѣнъ)	(тлѣнъ)
	б)	(владѣнный)	видѣнный	тлѣнный
		Основы Б.		
		Владѣ:	уразумѣ:	тл-ѣ [1]):
I.		владѣ*ю*	уразумѣю	тлѣю
		владѣе*шь*	уразумѣе*шь*	тлѣешь
		владѣю*тъ*	уразумѣю*тъ*	тлѣютъ
II.		владѣй	уразумѣй	тлѣй
		владѣй*те*	уразумѣй*те*	тлѣйте
III.	а)	владѣя	—	тлѣя
	б)	владѣючи	—	тлѣючи
IV.		владѣющ*ій*	—	тлѣющій
V.	а)	(владѣем*ъ*)	—	(тлѣемъ)
	б)	(владѣемый)	—	(тлѣемый)

[1]) Кор. тьл: тьлѣ.

2.

зрѣ: [1])	*млѣ*: [2])	*мнѣ* [3])	*сопѣ*:
зрѣть зрѣні*е*	млѣть млѣл*ъ* млѣл*ый*	мнѣні*е* сомнѣні*е* (сомнѣнн*ый*)	сопѣл*ь* *свирѣ*: свирѣл*ь*
.			. . . . . .
презрѣ:	*оцѣпенѣ*:	*повелѣ*:	*одолѣ*:
презрѣні*е* презрѣнн*ый*	оцѣпенѣніе оцѣпенѣл*ый*	повелѣні*е* повелѣва*ть*	одолѣні*е* одолѣва*ть*

Правила.

1) Если основа глаголовъ А.) неопредѣленнаго наклоненія и Б.) настоящаго (будущаго простого) времени оканчивается слышимымъ е, не принадлежащимъ корню (въ производныхъ глаголахъ), то этотъ звукъ письменно обозначается буквою ѣ. Эта буква пишется во всѣхъ глагольныхъ формахъ, произведенныхъ отъ названныхъ основъ, напр.: *запечатлѣ*: запечатлѣть, запечатлѣлъ, запечатлѣвъ, запечатлѣвши, запечатлѣнъ, запечатлѣю, запечатлѣй, запечатлѣйте; *бѣлѣ*: бѣлѣть, бѣлѣлъ, бѣлѣвшій, бѣлѣю, бѣлѣй, бѣлѣйте, бѣлѣя, бѣлѣючи, бѣлѣющій;

2) удерживается это ѣ въ существительныхъ, прилагательныхъ и глаголахъ, произведенныхъ отъ названныхъ основъ, напр.: подозрѣніе, свѣдѣніе, терпѣніе, окаменѣлый, очерствѣлый, сомнѣваться, овладѣвать, повелѣвать, одолѣвать, обогрѣвать, отпечатлѣваться, запечатлѣваюсь, огрубѣть, огрубѣлый, огрубѣвать.

---

[2]) Кор. ꙁр, ꙁер=ꙁьр.

[3]) Кор. мъдл-.

[4]) Кор. мьн- изъ ма: мьн-ѣ-н-н ѥ, па-ма-т-ь.

В.

Ѣ въ измѣняемыхъ окончаніяхъ.

1.

Примѣры для выясненія правилъ употребленія Ѣ въ окончаніяхъ именъ существительныхъ.

	Склоненія	Единственнаго числа падежи: именительный:	дательный:	предложный.
1.	IV	Пут — ь	пут — и	о пут — и
	»	Ноч — ь	ноч — и	» ноч — и
	»	Доч — ь	дочер — и	» дочер — и
	»	Сѣмя — -	сѣмен — и	» сѣмен — и
	»	Дитя — -	дитят — и	» дитят — и
2.	I	Ген — і — й	— —	» ген — і — и
	»	Жит — і — е	— —	» жит — і — и
	II	Лин — і — я	лин — і — и	» лин — і — и
3.	I	Терпѣн ь — е́	— —	» терпѣнь — и / ѣ
4.	I	Жит — ь — ѐ	— —	» жит ь — ѣ
5.	I	Сад — ъ	— —	» сад — ѣ
	»	Пен — ь	— —	» пн — ѣ
	»	Нож — ъ	— —	» нож — ѣ
	»	Случа — й	— —	» случа — ѣ
	»	Слов — о	— —	» слов — ѣ
	»	Пол — е	— —	» пол — ѣ
	II	Сох — а	сох — ѣ	» сох — ѣ
	»	Дол — я	дол — ѣ	» дол — ѣ
	I	Григор — і — й	— —	» Григор — ь — ѣ
	II	Дар — ь — я	Дар — ь — ѣ	» Дар — ь — ѣ
	»	Васильевн — а	Васильевн — ѣ	» Васильевн — ѣ
	I	Петрович — ъ	— —	» Петрович — ѣ

Правила:

1) имена сущ. 3-го и 4-го склон. въ дател. и предложномъ падежахъ единствен. числа имѣютъ окончаніе **и**;
2) сущ, 1-го и 2-го склон. муж., женск. и средн. рода, имѣющія предъ окончаніемъ производственный звукъ **і** въ предложномъ падежѣ единственнаго числа, а имена жен. рода и въ дательномъ—оканчиваются на **и**;
3) имена существительныя средняго рода, въ нѣкоторыхъ производственный звукъ **і** обращается въ **ь**, и у которыхъ удареніе не падаетъ на послѣдній слогъ, въ предложномъ падежѣ единственнаго числа имѣютъ два окончанія—**и** и **ѣ**;
4) тѣ же имена существительныя средняго рода, имѣющія удареніе на послѣднемъ слогѣ, въ предложномъ падежѣ единствен. числа, имѣютъ окончаніе только **ѣ**;
5) всѣ остальныя существительныя мужескаго, женскаго и средняго родовъ, склоняющіяся по 1-му и 2-му склоненіямъ, а также слова для обозначенія отчества въ предложномъ, а имена женскаго рода и въ дательномъ падежахъ единственнаго числа имѣютъ окончаніе **ѣ**.

2.

Примѣры для выясненія на нихъ правилъ употребленія буквы ѣ въ измѣняемыхъ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ.

Единственнаго числа падежи,

именительный	предложный
1) Пушкин——ъ	о Пушкин——ѣ
2) Аношкин——о (село)	объ Аношкин——ѣ
Кіев——ъ	о Кіев——ѣ
Ярославл——ь	объ Ярославл——ѣ

Правила.

1) Прилагательныя притяжательныя въ формахъ мужескаго и средняго рода, употребляющіяся при именахъ лицъ, какъ фамилія, прозваніе, въ предложномъ падежѣ единственнаго числа имѣютъ измѣняемое окончаніе ѣ: о Лермонтовѣ, о Паскевичѣ, о Гофманѣ.
2) Прилагательныя притяжательныя на—ъ, ь и о, какъ названія городовъ и селъ, въ предложномъ падежѣ также оканчиваются буквою ѣ.

3.

Примѣры для выясненія на нихъ правилъ употребленія ѣ въ измѣняемыхъ окончаніяхъ именъ числительныхъ.

1) Склоненіе **однѣ, обѣ** во множественномъ числѣ:

формы падежей

имен.,	родит.,	дател.,	винител.,	творит.,	предл.
однѣ	однѣхъ	однѣмъ	при предметахъ неодушевлен.,	однѣми	однѣхъ
обѣ	обѣихъ	обѣимъ	какъ именит.,	обѣими	обѣихъ
двѣ	двухъ	двумъ	при одушевл., как родит.	двумя	двухъ

2) Двѣнадцать, двѣсти

Правила.

1) Буква ѣ пишется во всѣхъ падежныхъ формахъ множественнаго числа женскаго рода числительныхъ **однѣ, обѣ** и только въ именительномъ и винительномъ падежахъ множественнаго числа числительнаго **двѣ**.
2) Числительныя сложныя, удерживающія форму **двѣ**, также пишутся чрезъ ѣ.

4.

Буква Ѣ въ измѣняемыхъ окончаніяхъ мѣстоименій

	Единствен. числа формы падежей						
	имен	дател	предл		именит.	творит	
1)	я	мнѣ	мнѣ	2)	кто	кѣмъ
	ты	тебѣ	тебѣ		что	чѣмъ
	—	себѣ	себѣ		тотъ	тѣмъ
	—	—	—		весь	всѣмъ

3) Формы падежей множественнаго числа отъ мѣстоименій **тотъ, весь**:

им.,	род.,	дат.,	винит.,	твор.,	предл.:
тѣ,	тѣхъ,	тѣмъ,	тѣ или тѣхъ,	тѣми,	тѣхъ;
всѣ,	всѣхъ,	всѣмъ,	всѣ или всѣхъ,	всѣми,	всѣхъ.

Правила:

1) мѣстоименія **я, ты, себя** въ окончаніяхъ дательнаго и предложнаго падежей единственнаго числа имѣютъ Ѣ;
2) эта же буква пишется въ окончаніи творительнаго падежа единственнаго числа мѣстоименій **кто, что, тотъ, весь** (и въ нарѣчіяхъ зачѣмъ, затѣмъ, совсѣмъ);
3) а также во всѣхъ окончаніяхъ падежей множественнаго числа мѣстоименій **тотъ** и **весь**.

5

Буква Ѣ въ окончаніяхъ нарѣчій, произведенныхъ отъ мѣстоименныхъ корней:

1)	доселѣ	дотолѣ	доколѣ
	отселѣ	оттолѣ	отколѣ
	послѣ	(изъ поселѣ),	

2) въ окончаніяхъ нарѣчій, имѣющихъ форму дательнаго падежа:
кромѣ (дател. падежа отъ старин. существ. крома), поневолѣ, поодиночкѣ,

3) и—предложнаго падежа:

внѣ,	(но въ мѣстѣ	вправѣ,	наровнѣ,
извнѣ,	покойномъ);	влѣвѣ,	втунѣ,
вначалѣ	въявѣ,	вдалекѣ,	вчужѣ,
(но въ нача-	наканунѣ	вновѣ,	навеселѣ
лѣ главы);	(но на канунѣ	вкратцѣ,	соборнѣ,
втайнѣ;	горятъ свѣчи);	вчернѣ,	развѣ [3]).
(но въ тай-	возлѣ [1])	наединѣ,	нынѣ,
нѣ друга),	подлѣ [2])	вдвойнѣ,	налегкѣ.
вмѣстѣ	вскорѣ,	втройнѣ,	

Правила:

1) ѣ пишется въ нарѣчіяхъ, произведенныхъ отъ мѣстоименныхъ корней (с, т, к) при помощи неизмѣняемаго окончанія лѣ [4]),

2)—въ нарѣчіяхъ, имѣющихъ форму дательнаго падежа единственнаго числа отъ существительныхъ женскаго рода съ окончаніемъ въ именительномъ падежѣ на а, я;

3)—въ нарѣчіяхъ, имѣющихъ форму предложнаго падежа единственнаго числа именъ существительныхъ, прилагательныхъ и числительныхъ.

---

[1]) =възъ-дъл-ѣ.

[2]) =по дъл ѣ: дъл=дол: долина, подлинно.

[3]) Кор. раз=orz: ор-и-ти, орать=пахать

[4]) Нарѣчія где, везде, здесь, инде, нигде, негде имѣютъ нарѣчное окончаніе де. Такое было окончаніе встарину кѫдє, и сравнит. грамматика говоритъ только о де: сравн. греч. θε, санскр. dhă.

III.

Правила переноса частей словъ изъ одной строки въ другую.

Дѣти, изъ какихъ же частей можетъ состоять слово? Д., скажите вы.

-- Слово можетъ состоять 1) изъ корня и измѣняемаго окончанія, наприм.: **садъ**, **бѣда**; 2) изъ представки, корня и измѣняемаго окончанія, напр.: **посадъ**, **побѣда**, и 3) изъ представки, корня, словообразовательныхъ звуковъ и измѣняемаго окончанія, наприм.: **посадить**, **убѣдительно**.—

Какія слова называются коренными?

— Тѣ слова, у которыхъ измѣняемыя окончанія присоединяются къ корню безъ посредства словообразовательныхъ звуковъ,—непосредственно къ корню, называются коренными.

А какія слова называются производными?

— Тѣ слова, у которыхъ измѣняемыя окончанія присоединяются къ корню при посредствѣ словообразовательныхъ (производственныхъ) звуковъ, называются производными

В., скажите, что называется слогомъ.

— Слогомъ называется часть слова, произносимая въ одинъ пріемъ голоса, напр.: **дѣ-ло**.

Изъ сколькихъ звуковъ можетъ состоять слогъ?

— Слогъ можетъ состоять или изъ одного гласнаго звука, или изъ гласнаго и одного или нѣсколькихъ согласныхъ, напр.: *со***стра***да***ні***е*, **алчный**, **Москва**, **кре***стья***нинъ**.—

Да, и согласный или согласные звуки могутъ быть и предъ гласнымъ (со), и послѣ гласнаго (алч). А безъ гласнаго звука можетъ быть слогъ?

— Нѣтъ, въ слогѣ долженъ быть обязательно гласный звукъ.—

Да. Теперь, дѣти, обратите вниманіе на слѣдующее: на дѣленіи словъ на слоги и составѣ словъ построены правила переноса частей словъ изъ одной строки въ другую. Переносъ части слова въ слѣдующую строку принято обозначать черточкою, или единительнымъ знакомъ (-). Черточка нѣсколько короче черты, или тире (—).

1.

Раздѣлимъ, дѣти, на слоги слѣдующія слова: золото, Алтай, страданіе. З., прочтите ихъ по слогамъ.

— **Зо-ло-то, Ал-тай, стра-да-ні-е.**—

Д., имѣютъ ли эти слова представки?

— Нѣтъ, не имѣютъ.—

Запомните же, дѣти, правило: части словъ коренныхъ и производныхъ, не имѣющихъ представокъ, если слоги этихъ словъ состоятъ изъ гласнаго звука и согласнаго или согласнаго и гласнаго, могутъ быть переносимы изъ одной строки въ другую по слогамъ, напр.: дерево, стрѣла, алчный. Н., повторите правило. А вы, М., скажите, какъ перенести изъ одной строки въ другую части слѣдующихъ словъ: ворота, садовый, цѣнитель, ротозѣй, страхователь.

— Ворота, садовый, цѣнитель, ротозѣй, страхователь.—

2.

Теперь прочтемъ по слогамъ слѣдующія слова: Россія, Вязьма. П., прочтите вы.

— **Россія, Вязьма.** —

Да. Значитъ, если въ словѣ два одинаковыхъ согласныхъ или разныхъ согласныхъ разъединены мягкимъ знакомъ, то какъ же переносить части этихъ словъ изъ одной строки въ другую?

С., скажите вы.

— Изъ одинаковыхъ согласныхъ звуковъ одинъ нужно причислить къ предыдущему слогу и оставлять на одной строкѣ, а другой согласный причислять къ слѣдующему гласному звуку и переносить въ другую строку; а если два согласныхъ раздѣлены еремъ (ь), то послѣдній заканчиваетъ слогъ и строку, а другой согласный начинаетъ слѣдующую строку.—

Да. П., повторите правило и приведите на него примѣръ.

3.

Запишемъ, дѣти, слѣдующія слова: **свѣтлый, добрый, долгій, тонкій, чашка, ложка**. Прочтемъ эти слова по слогамъ. Д., прочтите вы.

— **Свѣтлый, добрый, долгій, тонкій, чашка, ложка.** —

Какіе согласные звуки находятся между гласными въ первыхъ двухъ словахъ?

— Неодинаковые согласные: первые согласные зубной (т) и губной (б), а вторые—плавные.—

А какіе первые согласные, находящіеся между гласными, въ остальныхъ словахъ?

— Плавный (л), носовой (н), шипящіе (ш, ж).—

Да. Отсюда, дѣти, вытекаютъ правила для переноса частей словъ изъ одной строки въ другую слѣдующія:

1) если одинъ слогъ слова оканчивается какимъ-нибудь согласнымъ, а слѣдующій плавнымъ, то согласный съ предшествующимъ гласнымъ звукомъ и согласными оставляютъ на одной строкѣ, а плавный, начинающій другой слогъ, переносятъ въ слѣдующую строку;

2) если первый слогъ въ словѣ заканчивается плавнымъ, носовымъ или шипящимъ звукомъ, то эти согласные оставляются на одной строкѣ, а всякій другой согласный. начинающій второй слогъ, переносится въ слѣдующую строку.

4.

Назовите мнѣ, дѣти, слоги въ словахъ **русскій, искусство, кости, Литва**. Д., попробуйте сдѣлать это вы.

— **Русскій, искусство, кости, Литва.** —

Такъ. Дѣти, обратите вниманіе на правило: если въ словахъ встрѣчаются звуки **ск, ст, ств, тва**, то эти звуки причисляются къ слѣдующему слогу и, если приходится дѣлить слова при переносѣ частей ихъ изъ одной строки въ другую, то переносятся въ слѣдующую строку. т.-е. слѣдуетъ перенести части названныхъ нами словъ слѣдующія: **скій, ство, сти, тва**. Какъ слѣдуетъ раздѣлить на части при переносѣ слѣдующія слова: отцовскій, празднество, гости, молитва, четвертый?

З., скажите вы.

— Отцовскій, празднество, гости, молитва, четвертый.

5.

Скажите, дѣти, какіе звуки, какъ и почему измѣняются въ слѣдующихъ словахъ:

грабить	ловить	земной	купить	графить
граблю	ловля	земля	купля	графлю?

Н., скажите вы.

— Губные б, в, м, п, ф смягчились при помощи л, потому что за ними слѣдуютъ йотованные гласные. —

Да. А какой согласный измѣненъ по той же причинѣ въ слѣдующихъ словахъ: водить—навожденіе, утвердить—утвержденіе?

— Д смягчилось предъ йотованнымъ гласнымъ, т.-е. д+j перешли въ жд. —

Хорошо. Вотъ вы, дѣти, и помните: если въ словахъ, которыя приходится дѣлить на части при переносѣ изъ одной строки въ другую, встрѣчаются слоги, состоящіе изъ согласныхъ смягченныхъ бл, вл, мл, пл, фл, жд съ слѣдующимъ гласнымъ, то эти слоги при переносѣ не раздѣляются, т.-е. перенесть въ слѣдующую строку надо слоги блю (граблю), вля (ловля), мля (земля), пля (купля), флю (графлю), жденіе (навожденіе, утвержденіе).

6.

Какъ раздѣлить на слоги слѣдующія слова: крестьяне, друзья, листья? П., скажите вы.

— Кре-стья-не, дру-зья, ли-стья.—

Да, согласный или группа согласныхъ+ь+одна изъ гласныхъ я, е, ю, ѣ, и составляютъ слогъ и поэтому при переносѣ частей словъ не раздѣляются, т.-е. надо пе-

ренести слоги такъ: стьяне (крестьяне) ли- (листья)...

Запомните еще, дѣти, слѣд.: звуки кс, кз, пс въ иностранныхъ словахъ при переносѣ частей словъ въ слѣдующую строку не принято раздѣлять, потому что въ иностранныхъ словахъ имъ соотвѣтствуетъ одна буква: кс, кз=X, пс=Ψ. Какъ же раздѣлить по слогамъ слова Максимъ, Алексѣй, Александръ, экзаменъ, Калипсо?

— Але-ксѣй, Ма-ксимъ, Але-ксандръ, экзаменъ, Кали-псо.—

Не принято раздѣлять въ заимствованныхъ иностранныхъ словахъ двугласные уа, ау: туалетъ (уа=oi), Торнау. Принято дѣлить слово Москва при переносѣ части слова въ слѣд. строку такъ: Мо-сква (Moskau).

А какъ, дѣти, раздѣлить по слогамъ слова радостный, извѣстный? Б., скажите вы.

— Ра-дост-ный, из-вѣст-ный.—

Да, с отъ т не отдѣляется, поэтому т съ с причисляется къ предыдущему гласному звуку.

7.

Дѣти, мы разсмотрѣли слова, состоящія изъ корня и окончаній. Но вѣдь въ словѣ можетъ быть и представка. Какъ же мы раздѣлимъ на части для переноса въ слѣдующую строку слѣдующія слова: расходъ, подходъ, исходъ, выходъ, нельзя, сомнѣніе, пристрастіе, обравъ, изображеніе, осмѣлиться, увлеченіе, входъ, восходъ, беспечный, чрезмѣрный? З., назовите представки въ этихъ словахъ.

— Представки въ этихъ словахъ слѣдующія: рас, под, ис, вы, не, со, при, об, из-об, о, у, в, вос, бес, чрез.

Всѣ ли представки составляютъ слогъ?

— Нѣтъ, послѣдняя (в) не составляетъ слога.—

А всѣ представки при гласномъ звукѣ имѣютъ согласный?—

— Нѣтъ, не всѣ: представки о и у не имѣютъ при себѣ гласныхъ.—

А какіе слоги можно переносить изъ предыдущей строки въ слѣдующую?

— Только слоги, состоящіе не менѣе, чѣмъ изъ одного гласнаго звука и согласнаго.—

Какъ раздѣлить на части слова съ представками: **расходъ, подходъ, исходъ, выходъ, нельзя, сомнѣніе, пристрастіе, образъ, изображеніе, восходъ, беспечный, чрезмѣрный**, для переноса въ слѣдующую строку? М., скажите вы.

Рас-	**под-**	**ис-**	**вы-**	**не-**	**со-**
ходъ	ходъ	ходъ	ходъ	льзя	мнѣніе

при-	**об-**	**из-**	**изоб-**	**вос-**	**бес-**	**чрез-**
страстіе	разъ	ображеніе	раженіе	ходъ	печный	мѣрный.

А слова входъ, увлеченіе, осмѣлиться?

— Представки в, у, о нельзя отдѣлить и оставить на предыдущей строкѣ, потому что первая (в) не составляетъ слога, а остальныя двѣ (у, о) не имѣютъ согласныхъ.

А какъ раздѣлить на части для переноса въ другую строку слѣдующія слова: **взыскать, предыдущій, возьму?**

— Дѣти не говорятъ.

Въ первыхъ двухъ словахъ представки слились съ начальною гласною и: ъ представки+гласный и образуютъ ы; слѣдовательно, представки отъ корня отдѣлить нельзя; поэтому въ такихъ словахъ, не

обращая вниманія на представку, дѣлятъ слова на слоги, какъ слова въ первомъ случаѣ (зо-ло-то), т.-е. слова, начиная съ представки, дѣлятъ на слоги: взы-скать, пре-дыдущій, преды-дущій: слово возьму по второму правилу переноса частей словъ, т.-е. ь оставляется при представкѣ: возьму.

Повторяются послѣ этого всѣ разученныя правила.

Задачи.

1.

Назвать правила, по которымъ слова раздѣлены на слоги для переноса.

Басня Крылова: „Листы и Корни".

«Въ прекрасный лѣтній день, бросая по долинѣ тѣнь, Листы на деревѣ съ зефирами шептали, хвалились густотой, зеленостью своей и вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали: «Не правда ли, что мы—краса долины всей? что нами дерево такъ пышно и кудряво, раскидисто и величаво? что бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право, хвалить себя мы можемъ безъ грѣха! Не мы ль отъ зноя пастуха и странника въ тѣни прохладной укрываемъ? не мы ль красивостью своей плясать сюда пастушекъ привлекаемъ? у насъ же раннею и позднею зарей насвистываетъ соловей. Да вы, зефиры сами почти не разстаетесь съ нами».

2.

Слѣдующую часть басни переписать и подчеркнуть слоги словъ для переноса, какъ сдѣлано въ 1-й задачѣ.

— «Промолвить можно бы спасибо тутъ и намъ», имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно. «Кто

смѣетъ говорить столь нагло и надменно? Вы кто такіе тамъ, что дерзко такъ считаться съ нами стали?» Листы, по дереву шумя, залепетали.

— «Мы тѣ, которые, здѣсь роясь въ темнотѣ, питаемъ васъ. Ужель не узнаете? Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете. Красуйтесь въ добрый часъ! да только помните ту разницу межъ насъ: что съ новою весной листъ новый народится; а, если корень изсушится,—не станетъ дерева, ни васъ».—

3.

Слѣдующую басню списать и сдѣлать то же, что и во второй задачѣ.

Басня Крылова: „**Кукушка и Орелъ**".

Орелъ пожаловалъ Кукушку въ соловьи. Кукушка въ новомъ чинѣ, усѣвшись важно на осинѣ, таланты въ музыкѣ свои выказывать пустилась,—глядитъ: всѣ прочь летятъ: однѣ смѣются ей, а тѣ ее бранятъ: Кукушка огорчилась и съ жалобой на птицъ къ Орлу спѣшитъ она. «Помилуй!» говоритъ: «по твоему велѣнью я соловьемъ въ лѣсу здѣсь названа; а моему смѣяться смѣютъ пѣнью!»—«Мой другъ!» Орелъ въ отвѣтъ: «я—царь, но я не Богъ: нельзя мнѣ отъ бѣды твоей тебя избавить: Кукушку соловьемъ честить я могъ заставить, но сдѣлать соловьемъ Кукушку я не могъ».—

Дополненіе къ страницамъ 114—144.

Списокъ словъ, въ которыхъ пишется ѣ, для тѣхъ дѣтей, которыя не въ состояніи сами припомнить, подыскать по даннымъ словамъ (на стр ...) другія съ тою же буквою.

При списываніи они должны въ данныхъ словахъ корни или словообразовательные звуки и измѣняемыя окончанія съ буквою ѣ подчеркнуть прямою чертою (— —), а остальныя части словъ другими знаками, напр.: волнистою чертою (~~~), черточками (— —) или точками (. . .).

Дополненіе къ № 1

Бесѣдованіе.
Бесѣдочка.
Забесѣдоваться.
Набесѣдуюсь.
Набесѣдоваться.
Набесѣдовался.
Побесѣдовать.
Собесѣдница.
Собесѣдовать.
Собесѣдовательница
. . . .

Къ № 2.

Блѣдненькій.
Блѣднехонекъ.
Блѣдноалый.
Блѣдноватость.
Блѣдноголубой.
Блѣдность.
Блѣднѣть.
Блѣднѣю.
Блѣднѣлъ.
Поблѣднѣлый.
Поблѣднѣть.
Поблѣднѣю.
Поблѣднѣніе.

Къ № 3.

Бѣгать.
Бѣганіе.
Бѣлецъ.
Бѣглянка.
Бѣговой.
Бѣготня.
Вбѣгать.
Взбѣжать.
Взбѣгать.
Добѣгать.
Добѣжать.
Обѣгать.
Разбѣгъ.
Разбѣгаться.
Разбѣжаться.
Забѣгать.
Избѣгать,
Избѣжать.
Набѣгъ.
Обѣгать.
Перебѣгать.
Перебѣжать.
Перебѣгъ.
Перебѣжка.
Подбѣгать.
Подбѣжать.
Побѣжать.
Побѣгать.

Сбѣгать.
Сбѣжаться.
Убѣжище.
Убѣгаться.
Убѣжать.
Побѣжка.
Побѣгуля.
Бѣгунъ.
Бѣгунки.
. . . .

Къ № 4.

Бѣдушка.
Бѣдненькій.
Бѣдность.
Бѣднѣть.
Бѣдняга.
Бѣдняжка.
Бѣдняжечка.
Бѣдовый.
Бѣдственный.
Бѣдствую.
Бѣдствовать.
Бѣдствовалъ.
Обѣднѣю.
Обѣднѣть.
Обѣднѣлый.
Обѣднѣніе.
Побѣдительница.
Побѣдный.
Побѣдоносецъ.
Побѣждать.
Побѣдствовать.
Пробѣдствовать.
. . . .

Къ № 5.

Бѣлокъ.
Бѣлена.
Бѣленькій.
Бѣлизна.
Бѣличій (мѣхъ).
Бѣлило.
Бѣлильщикъ.
Забѣлить.
Забѣлѣться.
Набѣлъ.
Набѣло.
Набѣленный.
Перебѣлить.
Перебѣлка.
Разбѣленный.
Бѣлевъ.
Бѣлозерскъ.
Бѣлостокъ.
Бѣлгородъ.
Бѣлая (рѣка).
Бѣльскъ.
Старобѣльскъ.
. . . .

Къ № 6.

Бѣсенокъ.
Бѣсить.
Бѣсноваться.
Бѣсовскій.
Бѣсовщина.
Взбѣситься.
Забѣсноваться.
Побѣсноваться.

Къ № 7.

Вѣдь.
Вѣди.
Вѣдать.
Провѣдать.
Отвѣдать.
Завѣдовать.
Завѣдую.
Завѣдующій.
Завѣдовалъ.
Заповѣдь.
Исповѣдь.
Отповѣдь.
Проповѣдовать.
Проповѣдующій.
Отвѣдывать.
Отвѣдываю.
Вѣстникъ.
Извѣстіе.
Вѣсточка.
Извѣстный.
Извѣстить.
Оповѣстить.
Оповѣщать.
Возвѣщать.
Вѣщатель.
Вѣщунъ.
Вѣщунья.
. . . .

Къ № 10.

Вѣковѣчный.
Вѣковой.
Долговѣчный.

Изувѣчить,
Изувѣчивать.
Увѣчье.
Увѣчникъ.
. . . . . .

Къ № 12.

Вѣски.
Вѣскій.
Вѣсовщикъ.
Вѣшалка.
Вѣшать.
Довѣсить.
Недовѣсокъ.
Довѣшивать.
Завѣса.
Завѣшивать.
Взвѣсить.
Обвѣсить.
Обвѣшивать.
Отвѣсокъ.
Отвѣсить.
Отвѣсный.
Отвѣшивать.
Подвѣсокъ.
Подвѣшивать.
Провѣсъ.
Провѣситься.
Провѣшиваться.
Свѣсить.
Свѣшиваться
Увѣсить.
Увѣсистый.
. . . .

Къ № 14.

Вѣнокъ.
Вѣнчикъ.
Вѣнчать.
Обвѣнчать.
Повѣнчать.
Перевѣнчать.
Вѣтка
Вѣтвистый.
Вѣковой.
Вѣшить.
Обвѣшить (дорогу).
Довѣяться.
Завѣяться.
Обвѣять.
Обвѣвать.
Невѣйка.
Отвѣять.
Повѣти, повѣть.
Подвѣвать.
Навѣять.
Навѣвать.
Перевѣять.
Провѣять.
Провѣивать.
Увѣять.
. . . . .

Къ № 15.

Вѣрный.
Невѣрный.
Невѣръ.
Вѣроломный.
Вѣроятный.
Вѣроисповѣданіе.
Вѣроотступникъ.
Вѣрющее (письмо)
Довѣріе.
Довѣрчивость.
Довѣриться.
Завѣрить.
Извѣриться.
Легковѣріе.
Маловѣріе.
Невѣроятный.
Повѣрить.
Повѣрье.
Повѣрка.
Провѣрка.
Провѣрить.
Разувѣрить.
Свѣрить.
Увѣрить.
Увѣриться.
. . . . . .

Къ № 16.

Совѣтникъ
Извѣтъ.
Навѣтъ.
Привѣтъ.
Повѣтъ.
Привѣтствіе.
Привѣтствовать.
Совѣщаться.
Провѣщать.
Вѣщій.
Вѣщунъ.
Вѣщунья.

Вѣче.
Вѣчевой.
Завѣщать.
Завѣщаніе.
Извѣтникъ.
Навѣтникъ.
Отвѣтственный.
Отвѣчать.
Отвѣтчикъ.
Предвѣщать.
Предвѣщатель.
Провѣщать.
Привѣчать.
Привѣтливый.
. . . .

Къ № 23.

Дѣвица.
Дѣвушка.
Дѣвичій.
Дѣвичникъ.
Дѣвка.
Дѣвочка.
Дѣвическій.
Дѣвицынъ.
Дѣвство.
Дѣвствовать.
Дѣвчонка.
Дѣвчина.
Дѣтина.
Дѣтище.
Дѣтка.
Дѣтолюбіе.
Дѣтскій.
Дѣтство.

Дѣтенышъ.
Дѣдовскій.
Дѣдушкинъ.
. . . .

Къ № 24.

Дѣться.
Дѣяніе.
Дѣятель.
Издѣваться.
Одѣваться.
Дѣйствительный
Дѣйствовать.
Дѣдовой.
Дѣланіе.
Подѣлать.
Передѣлать.
Отдѣлка.
Выдѣлка.
Дѣлитель.
Дѣленіе.
Надѣлить.
Отдѣлить.
Удѣльный.
Удѣлять.
Предѣлъ.
Придѣлъ.
Продѣлка.
. . . .

Къ № 30.

Клѣточка.
Клѣточникъ.
Клѣточный.

Клѣтчатый.
Клѣтчатка.
Клѣтушка.
Клѣтчонка.
. . . .

Къ № 31.

Крѣпа.
Закрѣпа.
Крѣпить.
Крѣпость.
Укрѣплять.
Крѣпостникъ.
Крѣпостничество.
Прикрѣпить.
Закрѣпленіе.
Укрѣпленіе.
Накрѣпко.
Крѣпко-накрѣпко.
Позакрѣпить.
Закрѣпостить.
Закрѣпощеніе.
Подкрѣпить.
Подкрѣпленіе.
. . . .

Къ № 34.

Лѣзу.
Взлѣсть.
Перелѣсть.
Залѣсть.
Подлѣсть.
. . . .

Къ № 35.

Лѣкарство.
Вылѣчить.
Лѣчебница.
Лѣчебный
. . . .
Цѣловать.
Цѣлительный.
Исцѣленіе.
. . . .

Къ № 37.

Лѣпной.
Лѣпкій.
Слѣпить.
Прилѣпить.
Залѣпить.
Великолѣпіе.
. . . .

Къ № 38.

Лѣсничій.
Лѣсокъ.
Полѣсье.
Облѣсить.
Полѣсокъ.
. . . .

Къ № 45.

Помѣстить.
Помѣщать.
Замѣститель.
Помѣщица.
Мѣстный.
Помѣстный
Замѣщать.
. . . .

Къ № 56.

Плѣнница.
Плѣнить.
Плѣнительный.
Плѣненіе.
. . . .

Къ № 59.

Прѣть.
Выпрѣть.
Выпрѣвать.
Выпрѣваніе.
Допрѣть.
Допрѣвать.
Допрѣлый.
Обопрѣть.
Обопрѣвать.
Перепрѣть.
Перепрѣвать.
Перепрѣлый.
Перепрѣваніе.
Подопрѣть.
Подопрѣвать.
Попрѣть.
Попрѣвать.
Пропрѣть.
Пропрѣвать.
Разопрѣвать.
Сопрѣвать.
Упрѣть.
Упрѣваніе.
. . . .

Къ № 63.

Пѣтый.
Отпѣтый.
Спѣвка.
Пѣвчій.
Пѣвческій.
Спѣваться.
Запѣвать.
Припѣвъ.
Пѣсня.
Пѣсенникъ.
. . . .

Къ № 67.

Порѣдѣть.
Порѣдѣлый.
Рѣдкостный.
Разрѣдить.
. . . .

Къ № 68.

Рѣзка.
Рѣзчикъ.
Нарѣзать.
Разрѣзать.
Прирѣзать.
Перерѣзать.
Обрѣзаніе.

Къ № 69.

Рѣпица.
Рѣпка.
Рѣпочка.
Рѣпное (село).
Рѣпный.
Рѣпчатый.
. . . . . .

Къ № 71.

Срѣтенскій.
Встрѣча.
Встрѣтить.
Встрѣчать.
Повстрѣчать.
Встрѣчный.
Изобрѣсть.
Изобрѣтеніе.
Изобрѣтатель.
Изобрѣтательница
Обрѣсть.
Обрѣтеніе.
Пріобрѣсть.
Пріобрѣтать.
Пріобрѣтеніе.
. . . . . .

Къ № 72.

Прорѣшка.
Порѣшить.
Перерѣшить.
Разрѣшить.
Разрѣшеніе.
Разрѣшительный.
Рѣшить.
Рѣшетить.
Рѣшетчатый.
. . . . . .

Къ № 74.

Рѣяніе.
Рѣйка.
Рѣчка.
Рѣченька.
Рѣчонка.
Рѣчной.
Порѣчье.
Замоскворѣчье.
. . . .

Къ № 76.

Освѣжить.
Освѣженіе.
Освѣжиться.
Просвѣжать.
Просвѣжиться.
Просвѣжительно.
Свѣжевать.
Свѣженькій.
Свѣжѣть.
. . . . . .

Къ № 77.

Свѣтить.
Свѣтильникъ.
Свѣтять.
Свѣтелка.
Свѣтлица.
Свѣтильня.
Свѣтлость.
Свѣтскій.
Свѣчка.
Подсвѣчникъ.
Свѣтопись.
Свѣточъ.
Свѣтлякъ.
Просвѣщеніе.
Просвѣщенный.
Пересвѣтъ.
Просвѣтъ.
Просвѣтить.
Просвѣтлѣть.
Просвѣтлѣніе.
. . . . . .

Къ № 78.

Безслѣдно.
Вслѣдъ.
Вслѣдствіе.
Впослѣдствіи.
Изслѣдовать.
Изслѣдованіе.
Напослѣдокъ.
Наслѣдіе.
Наслѣдникъ.
Наслѣдственный.
Послѣдки.
Послѣдній.
Послѣдовать.
Послѣдователь.
Послѣдышъ.

Прослѣдить.
Прослѣдовать.
Слѣдовательно.
Слѣдственно.
Слѣдователь.
Слѣдопытъ.
. . . . . .

Къ № 79.

Слѣпень.
Слѣпенькій.
Слѣпить.
Слѣпленный.
Слѣпливать.
Ослѣпительный.
Ослѣпиться.
Ослѣплять.
Переслѣпнуть.
Подслѣповатый.
Позаслѣпить.
. . . . . .

Къ № 80.

Осмѣливаться
Посмѣлѣе.
Посмѣть.
Смѣлый.
Смѣленькій.
Смѣлехонькій.
Смѣлешенько.
Смѣльчакъ.
Смѣла.
Смѣльскій.
Несмѣлый.
Несмѣлость.

Къ № 81.

Высмѣять.
Высмѣянный.
Высмѣивать.
Досмѣяться.
Засмѣять.
Засмѣяться.
Насмѣхательство.
Насмѣшить.
Насмѣшливый.
Насмѣшникъ.
Насмѣшничать.
Насмѣшничество.
Насмѣяться.
Осмѣивать.
Осмѣяніе.
Осмѣять.
Отсмѣяться.
Посмѣиваться.
Посмѣшить.
Посмѣшище.
Просмѣять.
Разсмѣшить.
Смѣхословіе.
Смѣхотворъ.
Усмѣхнуться.
Усмѣшка.
. . . . . .

Къ № 82.

Снѣжочекъ.
Снѣговодный.
Снѣгоподобный.
Бѣлоснѣжный
Снѣголомъ.
Снѣжина.
Снѣжистый.
Снѣжиться.
Снѣжникъ.
. . . . . .

Къ № 84.

Стрѣлять.
Стрѣлка.
Стрѣловержецъ.
Стрѣловидный.
Стрѣльба.
Стрѣльнуть.
Застрѣлить.
Прострѣлить.
Стрѣляться.
Стрѣльчатый.
. . . . . .

Къ № 85.

Осѣнить.
Осѣненіе.
Осѣняться.
Сѣнцы.
Сѣнечки.
Затѣнить.
Оттѣнокъ.
Оттѣнять.
. . . . . .

Къ № 86.

Стѣнка.
Стѣночка.
Стѣнопись.
Стѣнобитный.
. . . . . .

Къ № 88.

Сѣделка.
Сѣделочка.
Сѣдельце.
Сѣделочникъ.
Сѣдокъ.
Осѣсть
Насѣсть
Пересѣсть.
Усѣсться.
Разсѣсться.
Насѣдка.
Насѣдочка.
Осѣдлый.
Разсѣлина.
. . . . . .

Къ № 90.

Осѣчка.
Насѣчка.
Отсѣкать.
Усѣкновеніе.
Сѣкира.
Усѣчь.
Ссѣкъ.
Сусѣкъ.
Ссѣчь.
Просѣка.
Просѣкать.
Разсѣкать.
Сѣчь.
Сѣча.
Пересѣченіе.
. . . . . .

Къ № 92.

Сѣрнистый.
Сѣроватый.
Сѣропѣгій.
Сѣроголовый.
Сѣроглазый.
. . . . . .

Къ № 96.

Сѣменной.
Сѣменистый.
Осѣменить.
Сѣмечко.
Сѣялка.
Сѣятель.
Сѣянцы.
Посѣять.
Насѣять.
Разсѣять.
Усѣять.
Засѣять.
Засѣвать.
Усѣвать.
Пересѣвать.
Насѣвать.
Посѣвъ.
Подсѣвъ.
Поразсѣять.
Высѣять.
Высѣвки.
Пересѣивать.
Досѣивать.
. . . . . .

Къ № 97.

Тѣлесность.
Безтѣлесный.
Тѣлодвиженіе.
Тѣлохранитель.
Тѣлосложеніе.
Тѣлогрѣйка.
. . . . . .

Къ № 98.

Тѣснота.
Тѣсноватый
Тѣсниться.
Тѣсненькій.
Стѣсненіе.
Стѣснительный.
Притѣснять.
Притѣсненіе.
Притѣснитель
Потѣсниться.
. . . . . .

Къ № 99.

Тѣстечко.
Тѣстце.
Тѣстяный.

Къ № 103.

Цвѣтокъ.
Цвѣточекъ.
Цвѣтикъ.
Цвѣточникъ.
Цвѣтникъ.
Цвѣтоводство.
Цвѣтовъ (фамил.).
Цвѣтистый.
Цвѣтистость.
Зацвѣсть.
Зацвѣтать.
Отцвѣсть.
Отцвѣтать.
Выцвѣсть.
Выцвѣтать.
Процвѣтать.
Разноцвѣтный.
Расцвѣтъ.
Расцвѣтать.
Расцвѣчивать.
. . . . . .

Къ № 105.

Цѣдиться.
Вцѣживать.
Выцѣдить.
Выцѣдка.
Доцѣдить.
Доцѣживать.
Нацѣдить.
Нацѣживать.
Нацѣженный.
Понацѣдить.
Процѣдить.
Процѣженный.
Уцѣдить.
Уцѣживать.
Цѣженный.
. . . .

Къ № 106.

Цѣльба.
Цѣлить.
Цѣлкій.
Прицѣлъ.
Прицѣлиться.
Прицѣляться.
Нацѣлиться.
Прицѣливаться.
Прицѣливанье.
. . . .

Къ № 107.

(См. № 35, стр. 121)

Цѣльный.
Цѣликомъ.
Цѣловать.
Поцѣловать.
Расцѣловать.
Поцѣлуй
Цѣломудренный.
Цѣломудріе.
Цѣлостно.
Цѣлость.
. . . . . .

Къ

Цѣп
Цѣп
Цѣп
Цѣп
Цѣп
Цѣп
Оцѣ
Оцѣ
Оцѣ
Оцѣ
Оцѣ
Оцѣ
. .

Къ

Цѣп
Цѣп
Поц
Зац
Зац
При
При
Отц
Нац
При
Отц
Вцѣ
Зац
Нац
Оцѣ
Оцѣ
Оцѣ
Под

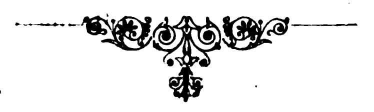
Подцѣпить.
Прицѣпокъ.
Сцѣпиться.
Уцѣпиться.
Зацѣпиться.
. . . . . .

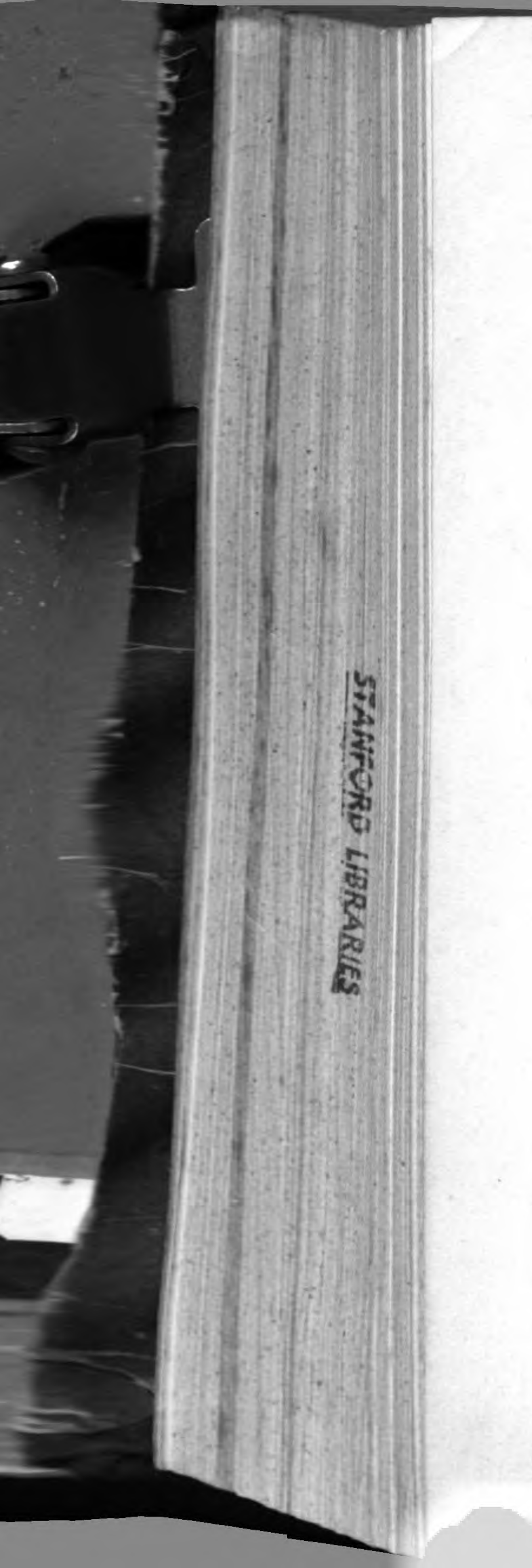
Къ № 111.

Ѣзда.
Ѣздокъ.
Въѣздъ.
Выѣздъ.
Заѣздка.
Поѣздка.
Объѣздъ.
Отъѣздъ.
Пріѣздъ.
Поѣздъ.
Съѣздъ.
Разъѣздъ.
Наѣздница.
Ѣзженіе.
Ѣзжалый.
Ѣзженный.
Наѣздникъ.
Наѣздничиха.
Наѣздничій.
Въѣхать.
Выѣхать.
Доѣхать.
Заѣхать.
Наѣхать.
Пріѣхать.
Подъѣхать.
Переѣхать.
Съѣхать.
Уѣхать.
Выѣзжать
Въѣзжать.
Доѣзжать.
Заѣзжать.
Наѣзжать.
Объѣзжать.
Отъѣзжать.
Пріѣзжать.
Переѣзжать.
Съѣзжать.
Выѣзживать.
Наѣзживать.
Объѣзживать.
Доѣзжачій.
Уѣзжать.
Уѣздиться.
Наѣздиться.
. . . . . .

Къ № 112.

Ѣденіе.
Въѣсться
Выѣсть.
Заѣсть.
Изъѣсть.
Наѣсться.
Объѣсть.
Отъѣсться.
Переѣсть.
Подъѣсть.
Пріѣсться.
Съѣсть.
Выѣдать.
Въѣдаться.
Заѣдать.
Изъѣдать.
Наѣдаться.
Объѣдаться.
Отъѣдаться.
Переѣдать.
Подъѣдать.
Пріѣдаться.
Съѣдать.
Съѣдаю.
Съѣдающій
Съѣданіе.

Дополненіе къ стр. 135—1

Списать слова и подчеркнуть въ них

	Елисѣй.	Желѣзод
Апрѣль.	Елисѣевъ.	Желѣзопл
Апрѣльскій.	Елисѣевна.	Желѣзнов
. . . .	Елисѣевичъ.	. . . .
Вѣна.	Елисѣевскій.	Змѣевикъ
Вѣнскій.	Елисѣевка.	Змѣечекъ
. . . .		Змѣиный.
Алексѣй.	Еремѣй.	. . . .
Алексѣевъ.	Еремѣевъ.	Телѣжный
Алексѣевна.	Еремѣевна.	Телѣжник
Алексѣевичъ.	Еремѣевичъ.	Телѣжонк
Алексѣевскій.		. . . .
Алексѣевка.	Матвѣй.	Искалѣче
. . . .	Матвѣевъ.	Искалѣче
Сергѣй	Матвѣевна.	Калѣчный
Сергѣевъ.	Матвѣевичъ.	. . . .
Сергѣевичъ.	Матвѣевскій.	Вочеловѣч
Сергѣевна.	Матвѣевка.	Вочеловѣч
Сергѣевскій	Индѣецъ	Человѣчес
Сергѣевка.	Индѣйскій.	По-человѣ
.	Индѣйка.	Человѣчій
Авдѣй.	Индѣянка.	Человѣкол
Авдѣевъ.		Человѣкон
Авдѣевичъ.	Желѣзина.	. . . .
Авдѣевна.	Желѣзинка.	Колѣнки.
Авдѣевскій.	Желѣзко.	Колѣночки
Авдѣевка.	Желѣзнякъ.	Колѣнный

Колѣнце.
Колѣнопреклоненіе.
Колѣнопреклонный
Полѣнище.
Полѣнница.
Полѣнный.
. . . . . .
Кишѣть.
Хорошѣть.
Дюжѣть.
Свѣжѣть.
Владѣть.
Овладѣвать
Ревѣть.
Робѣть.
Радѣть.
Велѣть.
Повелѣвать.
Глазѣть.
Осовѣть.
Алѣть.
Гудѣть.
Рдѣть.
Зардѣться.
Худѣть.
Погордѣть.
Оглядѣться.
Отвердѣть.
Отвердѣвать.
Обидѣть.
Обидѣться.
Холодѣть.
Охладѣвать.
Индивѣть (покрыться
Заиндивѣть инеемъ)
Ржавѣть.

Заржавѣть.
Заподозрѣть.
Заплѣснѣть.
Обрусѣть.
Говѣть.
Новѣть.
Желтѣть.
Чернѣть.
Хилѣть.
Осиротѣть.
Кривѣть.
Блестѣть.
Хотѣть.
Омертвѣть.
Оплѣшивѣть.
. . . . . .
Пожелтѣлый.
Почернѣлый.
Потускнѣлый.
Омертвѣлый.
Похудѣлый.
Осиротѣлый.
Оздоровѣлый.
Побѣлѣлый.
Посинѣлый.
Подозрѣніе.
Заподозрѣнный.
Невѣдѣніе.
Свѣдѣніе.
Омертвѣніе.
Очерствѣніе.
Очерствѣлый.
Окривѣніе.
Окривѣлый.
Потускнѣніе.
Озвѣрѣлый.

Озвѣрѣніе.
Заговѣніе.
Хотѣніе.
Терпѣніе.
Претерпѣнный.
Посвѣжѣлый.
Закоптѣлый.
Просвѣтлѣніе.
Повелѣніе.
Бдѣніе (к. бъд-)
Гудѣніе.
Сидѣніе.
Глядѣніе.
Заглядѣнье.
Исхудѣніе.
Исхудѣлый.
Затвердѣніе.
Затвердѣлый.
Оскудѣніе.
Оскудѣлый.
Обѣдѣніе.
Обѣднѣлый.
Охладѣніе.
Охладѣлый.
Рдѣніе (к. ръд-)
Рдѣлый.
Засидѣлый.
Порыжѣлый.
Сожалѣніе.
Замлѣлый.
Тлѣніе.
Сотлѣлый.
Охмелѣніе.
Охмелѣлый.
Отяжелѣніе.
Отяжелѣлый.

Разумѣніе.	Недоумѣніе.	Оду
Имѣніе.	Недоумѣнный.	Оду
Охромѣлый.	Провидѣніе.	Оду
Охромѣніе.	Провидѣнный.	Оду
Оледенѣніе.	Заподозрѣнъ	Пот
Оледенѣлый.	Заподозрѣнный.	Пот
Коснѣніе.	Презрѣнъ.	Зап
Закоснѣлый.	Презрѣнный.	Зап
.		. .
Зеленѣю.	Повелѣваю.	Под
Зеленѣешь.	Повелѣваешь.	Под
Зеленѣютъ.	Повелѣваютъ.	Под
Зеленѣй.	Повелѣвай.	Под
Зеленѣйте.	Повелѣвайте.	Под
Зеленѣя.	Повелѣвая.	Под
Зеленѣючи.	Повелѣваючи.	Под
Зеленѣющій.	Повелѣвающій.	Под
Зеленѣть.	Повелѣвать.	Под
Зеленѣлъ.	Повелѣвалъ.	Под
Зеленѣвъ.	Повелѣвавъ.	Под
Зеленѣвши.	Повелѣвавши.	Под
Зеленѣвшій.	Повелѣвавшій.	Под

„Послѣсловіе" автора этой книги.

Работа по составленію этой книжечки исполнялась между дѣломъ, почему кое-что важное въ ней не выполнено такъ, какъ хотѣлось бы: 1) примѣры для разъясненія на нихъ правилъ не рѣдко составлены авторомъ, а не взяты изъ литературныхъ произведеній; есть и измѣненные—литературные; 2) есть въ I главѣ важные пропуски, напр., не сказано ничего о знакахъ препинанія для отдѣленія членовъ періода другъ отъ друга, да и не опредѣлено понятіе: членъ періода; 3) упущены изъ вниманія авторомъ правила употребленія черточки, или единительнаго знака (-), для соединенія словъ, напр., такихъ: опять-таки, темно-голубой, мало-помалу, трынъ-трава и др.; 4) во II-й главѣ авторъ считаетъ промахомъ и то, что смыслъ корней съ буквою ѣ въ большинствѣ случаевъ не выясненъ, т.-е. часто непосильная работа назначена для «малыхъ сихъ», если имъ самостоятельно придется пользоваться этою книгою; 5) не обращено вниманія на такіе случаи, какъ употребленіе ѣ въ прилагательныхъ притяжательныхъ: Пантелѣевъ, Патрикѣевъ и др.

Безъ сомнѣнія, если суждено будетъ этой книгѣ появиться 2-мъ изданіемъ, пропуски будутъ пополнены, недосмотры исправлены. Дано будетъ больше матеріала для самостоятельныхъ работъ учащихся; а также при-

мѣры, наскоро составленные, будутъ из
замѣнены взятыми изъ памятниковъ литер
личено будетъ и число примѣровъ для
исчерпать ими всѣ виды періодовъ.

При этомъ считаю своимъ долгомъ
крыто, что, не появись прекрасная работа
ноградова: «Объ эвритмич., логич., грам.,
изученіи періодовъ отъ Аристотеля донынѣ
Зап.» за 1903 г.), — можетъ-быть, авторъ
полѣ не воинъ») не внесъ бы въ эту в
ученія о періодѣ.

«*Dixi et animam*

Воронежъ.
12/XII 1904 г.

Отвѣты на вопросы, помѣщенные въ I вып. „Фил. Зап.“ 1904 г.

1) Наши писатели пишутъ и объ ея, объ ихъ... и о ея, о ихъ... Писать можно и такъ, и этакъ въ виду того, что въ указанныхъ формахъ мѣстоименія при произношеніи слышится въ началѣ й (j), т. е. звукъ согласный,—другими словами, написанія о йей, о йихъ... (фонетич. орѳографія) не даютъ зіянія, нетерпимаго русскимъ языкомъ. Послѣднія начертанія нельзя поэтому приравнивать къ недопустимому о листѣ и т. п., гдѣ фактъ зіянія налицо.

2) Нужно писать деревенскіе ребятишки. Ребятишки отъ ребята, а ребята—множ. ч. отъ ребенокъ (ср. львенокъ, львята).

3) Стѣны здѣсь разумѣются въ прямомъ смыслѣ (извѣстная Китайская стѣна) Китай названъ «недвижнымъ» вслѣдствіе косности китайцевъ, ихъ вражды къ прогрессивному движенію и культурному совершенствованію.

4) Подъ старымъ богатыремъ, по моему мнѣнію, Пушкинъ разумѣлъ вообще русское воинство (собирательно).

Лучшіе комментаріи къ одѣ Пушкина даютъ покойный Левъ Поливановъ въ своемъ собраніи сочиненій Пушкина «для семьи и школы» и пок. В. Мартыновскій въ II ч. хрестоматіи: «Русскіе писатели».

5) Благодаря—дѣепричастная форма. Ее можно, пожалуй, называть предлогомъ въ томъ же смыслѣ, какъ и реченія: несмотря, невзирая, исключая (кстати сказать, послѣдняя форма, отчасти по аналогіи

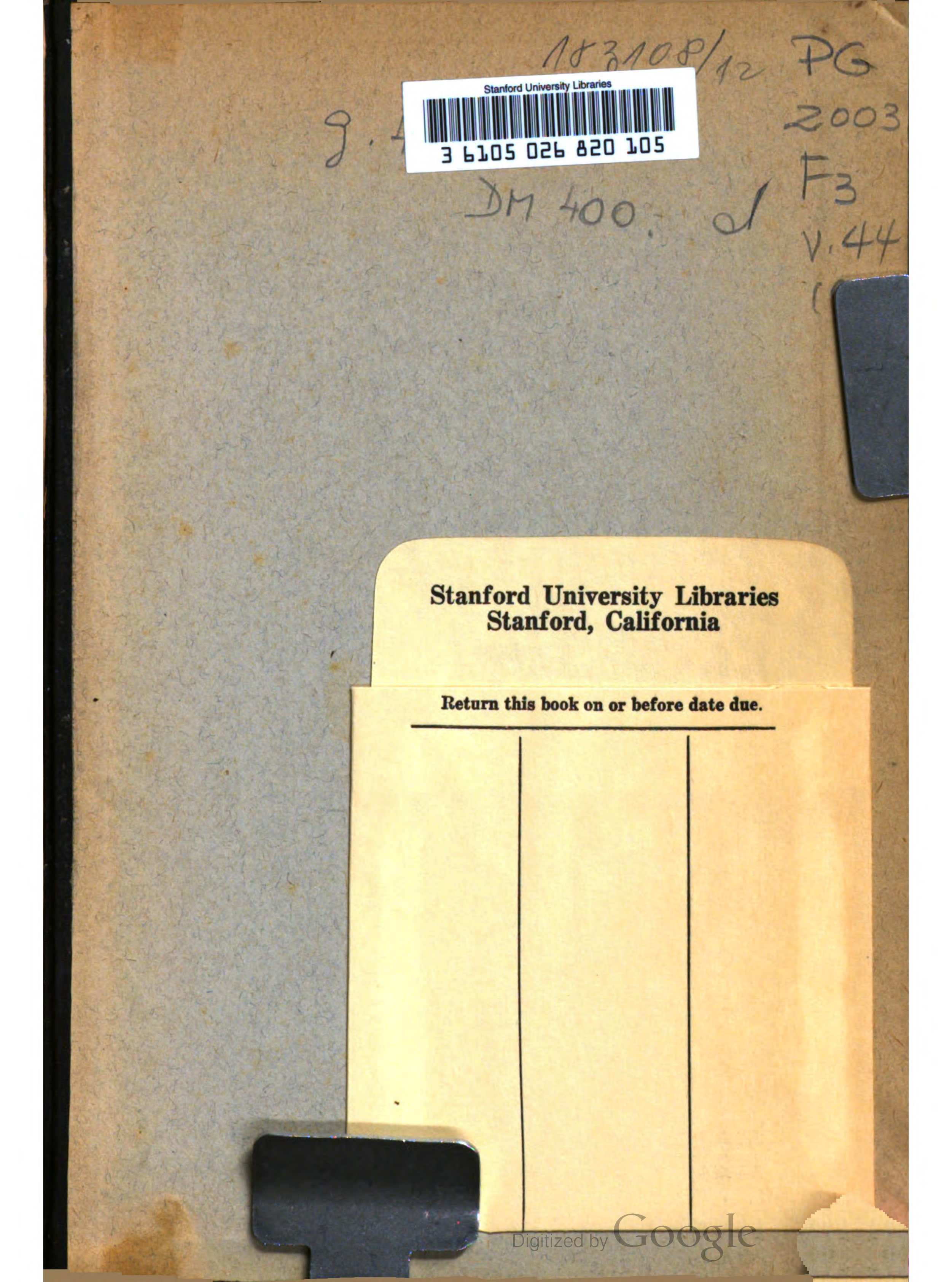
съ предлогомъ кромѣ, имѣетъ склонност
родит. падежомъ).

6) Можно сказать двояко: два уче
веденія и два учебныя заведен
этомъ напр. въ учебномъ синтаксисѣ г.
скаго.

Запятая необходима въ виду того общ
что русскія грамматики требуютъ выдѣлев
стія съ относящимися къ нему словами за

Благодаря управляетъ дат. падежо
віемъ тѣхъ французскаго и нѣмецкаго вы
торыя оно передаетъ по-русски: grâce à
courage) и Dank (напр. seinem grossen
того, dativus commodi, при глаголахъ
нія въ индоевропейскихъ языкахъ, подска
хомъ этихъ языковъ (gratias agere alicu
τινί, Jemandem danken, чешск. děkovat
т. д.). Интересно отмѣтить, что и спас
Богъ), повидимому, на этомъ послѣднемъ
буетъ дат. падежа, вопреки своему прямом
ческому смыслу.

В

183108/12
PG
2003
F3
V.44
DM 400.
Stanford University Libraries
3 6105 026 820 105
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
Digitized by Google

